СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Российское научно-образовательное издание
Издается с 1973 года

№ 5
2024

DOI 10.34823/SGZ.2024.05.00000

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Кравченко А.И. Urban Anthropology: от незападных глубинок к западным городам 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Вашкевич Н.Н. Управленческая культура и ее роль в создании позитивного взаимодействия в образовательных учреждениях 11

Елисеева Е.В. Феномен дигитальной семьи как социального института постиндустриальной эпохи 16

Кандалов В.И., Шалина Д.Е. Специфика рекламных коммуникаций в новых реалиях за рубежом и в России 23

Ли Вэньхао, Ильмира Ильяс. Влияние изучения языка в Центральной Азии на ее национальную идентичность 27

Стебляк В.В., Пищагина Ю.А., Лоткин И.В. Реализация потенциала социокультурной городской среды: на примере формирования креативного кластера Омска 32

Пономарев С.Б. Тюремная субкультура как объект изучения социальной антропологии 35

Чжан Линлин. Исследование русского перевода китайской классической поэзии с точки зрения культурной лакуны (на примере поэзии Ли Бая) 38

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Алексеева Е.А. Работники промышленности в современных условиях: специфика планирования личного будущего 43

Егорычева Т.В. Социально-политические отношения в деятельности органах местного самоуправления: на примере Новосибирска 49

Завьялов А.Е. Влияние государственных программ развития здравоохранения в сфере профилактики на распространение заболеваний среди населения 54

Карамышева Е.Ю., Щанина Е.В. Проблемы формирования социально-профессиональной идентичности преподавателей высшей школы 58

Ковалев А.Н., Потемкина Ю.Г. Влияние демографических процессов на динамику макроэкономических показателей России 63

Лебедев Г.И. Направления развития цифровых компетенций государственных гражданских служащих 68

Леньков Р.В., Лоскутова И.М., Карпова Н.В., Кокорева М.Е., Панич Н.А. Влияние методов онлайн-обучения на социальную адаптацию иностранных студентов: опыт эмпирического исследования 71

Учредитель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.
ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2
E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Сайт: **http://socgum-journal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:
Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:
Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)**; Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва)**; Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)**; Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)**; Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)**; Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)**; Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. *Подписано в печать:* 30.05.2024 *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Ли Чжожу, Исаков В.П. Эволюция группы элиты СССР в центре КПСС: опыт, характеристики и извлеченные уроки 77
Ли Янь. Анализ организационной структуры китайских предприятий с социально-экономической точки зрения 86
Львова Е.Н., Львова П.П. Влияние детско-родительских отношений на профессиональное самоопределение старшеклассников при выборе обучения естественно-научным специальностям 91
Масленникова Е.Г., Лялина Д.А. Косметологический (бьюти) туризм как популярное туристское направление 94
Миронова Е.Н. Социально-философский анализ феномена самозанятости в контекстном поле постулатов символического интеракционизма Дж. Мида 97
Поликарпов И.О. Технологии искусственного интеллекта в сфере управления городом 103
Тринадцатко А.А. Адаптивные цифровые технологии в трудовой деятельности лиц с инвалидностью по зрению 106

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Пушкарева М.А. Социокультурное измерение времени в организационном пространстве: философский и социологический анализ 111
Конькова В.С. Рецепция социокультурного конструкта «Восток» в дневниках миссионеров Русской Православной Церкви в Японии святителя Николая (Касаткина) и митрополита Сергия (Тихомирова) 114
Наумова Т.В. Проблема интеллигенции как русского социокультурного явления в творчестве Н.А. Бердяева и современная Россия 118
Пичугин В.Г., Коробанова Ж.В. Социально-философский анализ феномена исторического сознания: аспекты локализации и дефрагментации 124
Тазов П.Ю. Цифровая коммуникация: сущность, особенности, риски для субъекта 128
Чернышева М.М. Непредикативность вины в феноменологии М. Хайдеггера 133
Яковко Т.В. Выявление ценностей управленческой культуры государственных служащих: обобщение результатов социологического исследования 137

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Зацепина Д.Ю. Соотношение философских и религиозных понятий «соборности» и «церковности» 141

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Аторин Р.Ю. Обоснование объективно–идеалитической природы морали в западноевропейской философской теологии классического периода 146

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Ковригин Д.Э. Взаимодействие власти и бизнеса Российской Федерации в поле подготовки кадров для ИТ-отрасли в целях достижения суверенитета российского сегмента киберпространства 149
Мищук А.Ю. Методы манипуляций общественным сознанием в условиях проведения СВО 154
Матяшова Д.О. Есть ли у блока INDIA единая идеология? Анализируя эмоциональный контекст политических коммуникаций 158
Михайлюк М.И., Едич Г.С., Разумовский А.И., Караев А.А., Терешина А.Н. Использование социальных медиа в политической коммуникации среди молодежи: анализ опросов и тенденций 164
Мищук А.Ю. Социальные сети как площадка для манипуляции общественным сознанием в политическом процессе современной России 167
Чэнь Янань. Особенности создания медиаконтента в конвергентной редакции (на примере китайской телекомпании CCTV) 172

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Донцев С.П. Политические проекции межрелигиозного диалога на постсоветском пространстве 177
Манукян А.Р., Симоненков В.С. Использование стратегии «мягкой силы» в образовательном пространстве стран СНГ 181
Чжан Шуюй. Система международных отношений в контексте инициативы «Пояс и путь» 187

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Международные отношения в Европе: современные проблемы и перспективы («круглый стол») 190
Бао Чжаовэй. Экономические механизмы энергетического сотрудничества между Китаем и Россией в рамках «Один пояс, один путь» 197
Коновалова Е.В. Влияние специальной военной операции на развитие стратегической автономии Евросоюза 200
Назирмадов А.Б. Эволюция двусторонних отношений между США и Саудовской Аравией 2020–2024 гг. 206
Островский С.С. Содержание категории «суверенитет» в контексте международного политического процесса 210

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абдулхаиров А.З., Аблязов Э.К., Бекиров Н.В., Умерова С.Д., Шакуров Ф.Н. Исторические, социально-этические и политико-правовые предпосылки возникновения проекта Крымской демократической республики 214
Кубаева О.В. Употребление неологизмов в современных СМИ 220
Серегина Т.Н. Пространство города как социокультурный феномен 222
Фомичева М.С. Кочевники XXI века – цифровые 228
Фрунзеева Ж.Н., Майрамбек А., Брусиловский Д.А., Апсаматова Э.Д. Особенности государственного управления в условиях информационного общества 232
Чэнь Цзыши, Сергеева М.Г. Основные исторические этапы и закономерности нравственно-эстетического воспитания в Китае 238

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Kravchenko A.I. Urban Anthropology: from non-Western hinterlands to Western cities 5

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Vashkevich N.N. Managerial culture and its role in creating positive interaction in educational institutions 11

Eliseeva E.V. The phenomenon of the digital family as a social institution of the post-industrial era 16

Kandalov V.I., Shalina D.E. The specifics of advertising communications in the new realities 23

Li Wenhao, Yilimire Yiliyasi. The impact of language learning in Central Asia on its national identity 27

Steblyak V.V., Pishchagina Yu.A., Lotkin I.V. Realizing the potential of the sociocultural urban environment: the example of the formation of a creative cluster in Omsk ... 32

Ponomarev S.B. Prison subculture as an object of study of social anthropology 35

Zhang Lingling. Study of the Russian translation of Chinese classical poetry from the point of view of the cultural gap (using the example of Li Bai's poetry) 38

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Alekseeva E.A. Industrial workers in modern conditions: specifics of personal future planning 43

Egorycheva T.V. Socio-political relations in the activities of local governments: the example of Novosibirsk 49

Zavyalov A.E. The impact of state health development programs in the field of prevention on the spread of diseases among the population 54

Karamysheva E.Y., Shchanina E.V. Problems of formation of social and professional identity of higher school teachers 58

Kovalev A.N., Potemkina Ju.G. The influence of demographic processes on the dynamics of macroeconomic indicators in Russia 63

Lebedev G.I. Directions for the development of digital competencies of state civil servants 68

Lenkov R.V., Loskutova I.M., Karpova N.V., Kokoreva M.E., Panich N.A. Impact of online learning practices on social adaptation of foreign students: experience of empirical research 71

Li Zhuoru, Isakov V.P. Evolution of the elite group of the SSSR elite in the centre of the CPSU: experience, characteristics and lessons learned 77

Li Yan. Analysis of the organizational structure of Chinese enterprises from a socio-economic perspective 86

Founder: **LLC Publishing House «KnoRus»**

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Website: **http://socgum-journal.ru**

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:
Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mihailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **VolkovYuriy Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); Pulyaev Vyacheslav Tihonovich – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPA, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); Socio-Political Journal" (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18 Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.05.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Lvova E.N., Lvova P.P. The influence of parent-child relationships on the professional self-determination of high school students when choosing to study natural sciences 91

Maslennikova E.G., Lyalina D.A. Cosmetology (beauty) tourism as a popular tourist destination 94

Mironova E.N. Socio-philosophical analysis of the phenomenon of self-employment in the contextual field of the postulates of symbolic interactionism by J. Mead 97

Polikarpov I.O. Artificial intelligence technologies in the field of city management 103

Trinadtsatko A.A. Adaptive digital technologies in the work activities of people with visual disabilities 106

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Bikmetov E.Yu., Lukyanov A.V., Pushkareva M.A. The sociocultural dimension of time in organisational space: a philosophical and sociological analysis 111

Konkova V.S. Reception of the sociocultural construct "East" in the diaries of missionaries of the Russian Orthodox Church in Japan St. Nicholas (Kasatkin) and Metropolitan Sergius (Tikhomirov) 114

Naumova T.V. The problem of the Intelligentsia as a Russian Socio-cultural phenomenon in the works of N.A. Berdyaev and Modern Russia 118

Pichugin V.G., Korobanova Zh.V. Socio-philosophical analysis of the phenomenon of historical consciousness aspects of localization and defragmentation 124

Tazov P.Yu. Digital communication: the essence, features, risks for the subject 128

Chernysheva M.M. The non-predicativity of guilt in M. Heidegger's phenomenology 133

Yakovko T.V. Identification of the values of the management culture of civil servants: generalization of the results of a sociological study 137

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Zatsepina D.Yu. The relationship between the philosophical and religious concepts of "conciliarity" and "churchiness" 141

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Atorin R.Yu. Substantiation of the objective–idealistic nature of morality in the Western European Philosophical theology of the Classical period 146

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Kovrigin D.E. Interaction between the government and business of the Russian Federation in the field of personnel training for the IT industry in order to achieve the sovereignty of the Russian segment of cyberspace 149

Mishchuk A.Yu. Methods of manipulation of public consciousness in the conditions of free 154

Matiashova D.O. Does the INDIA block have a united ideology? Analysing the emotional context of political communications 158

Mikhailyuk M.I., Edich G.S., Razumovsky A.I., Karaev A.A., Tereshina A.N. The use of social media in political communication among young people: analysis of surveys and trends 164

Mishchuk A.Yu. Social networks as a platform for manipulative influence on masses within the political process of modern Russia 167

Chen Yanan. Peculiarities of media content creation in a convergent editorial office (on the example of chinese tv company CCTV) 172

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Dontsev S.P. Political projections of interreligious dialogue in the post-Soviet space 177

Manukyan A.R., Simonenkov V.S. Using a "Soft power" strategy in the educational space of the CIS countries 181

Zhang Shuyu. The system of international relations in the context of the Belt and Road Initiative 187

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

International relations in Europe: modern problems and prospects ("round table") 190

Bao Zhaowei. Economic mechanisms of energy co-operation between China and Russia within the framework of the "One belt, one road" programme 197

Konovalova E.V. The impact of a special military operation on the development of the strategic autonomy of the European Union 200

Nazirmadov A.B. The evolution of bilateral relations between the united states and saudi arabia 2020–2024 206

Ostrovsky S.S. The content of the category "sovereignty" in the context of the international political process 210

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Abdulkhairov A.Z., Ablyazov E.K., Bekirov N.V., Umerova S.D., Shakurov F.N. Historical, socio-ethical and political-legal background emergence of the project of the Crimean Democratic Republic 214

Kubaeva O.V. The usage of neologisms in modern media ... 220

Seregina T.N. City space as a sociocultural phenomenon ... 222

Fomicheva T.L. 21st century nomads are digital 228

Frunzeeva Zh.N., Mairambek A., Brusilovskii D.A., Apsamatova E.D. Peculiarities of public administration in the information society 232

Chen Zishi, Sergeeva M.G. Main historical stages and patterns of moral and aesthetic education in China 238

Urban Anthropology: от незападных глубинок к западным городам

Кравченко Альберт Иванович,
доктор социологических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Антропология города включает в себя ряд парадигм из других дисциплин. Речь идет о политической экономии, архитектурно-планировочной теории, культурологии, городской социологии и культурной географии. Доминирующими направлениями в городской антропологии в настоящее время являются постструктурные исследования расы, класса и пола в городском контексте, политико-экономические исследования транснациональной культуры и миграции, изучение символического и социального производства городского пространства и планирования. Антропологи вносят свой вклад в теорию и исследования городской бедности, расизма, глобализации, архитектуры и планирования.

Ключевые слова: антропология города, внутридисциплинарная матрица, социология города, научные методы.

Какое у нас место в природе? Как мы связаны с другими организмами? Что делает нас уникальными? Каковы наши корни? Что повлияло на нашу эволюцию? Как и когда мы переехали / мигрировали по всему миру? Чем люди во всем мире сегодня отличаются и похожи друг на друга? Что влияет на эти модели вариации? Каковы закономерности нашей недавней эволюции и как мы продолжаем развиваться? На эти вопросы в том числе призвана ответить антропология города.

Антропология как дисциплина включает четыре субдисциплины: биологическая антропология (рис. 1), культурная антропология, археологическая антропология и лингвистическая антропология. В биологической антропологии существует как минимум шесть подразделов (субполей): приматология, палеоантропология, молекулярная антропология, биоархеология, судебная антропология и биология человека. Каждое подполе фокусируется на разных аспектах того, что значит быть человеком с биологической точки зрения. Проводя разнообразные исследования в этих областях, биологические антропологи пытаются ответить на следующие ключевые вопросы.

Если социологию уподобить городу, то ее отрасли, скажем, социология молодежи, социальная стратификация или политическая социология, будут именоваться районами, а более мелкие отрасли внутри каждой из них – кварталами. Такую расчлененную на сегменты структуру отражает *внутридисциплинарная матрица социологии*. Вокруг социологического города на огромной карте науки можно встретить множество других городов, включая такие мегаполисы, как физика или биология. Те города, что ближе всего к социологии, будут называться *родственными дисциплинами*, например, антропология или экономика. С ними чаще взаимодействия и прочнее отношения. Некоторые люди (в нашем случае понятия и термины) могут жить в одном городе, а работать в соседнем, если ехать недалеко. Связи между родственниками формируют другую карту – *междисциплинарную матрицу социологии*.

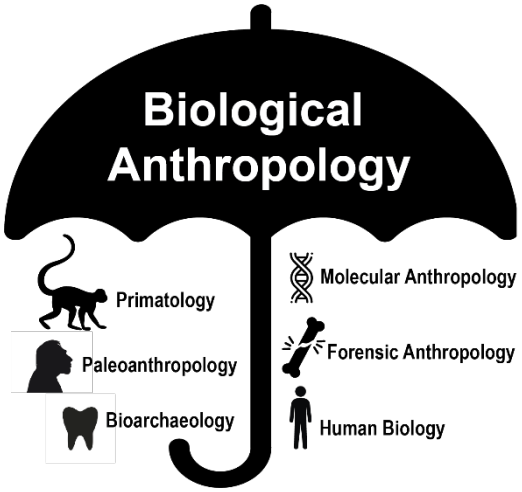

Рис. 1. Биологическая антропология имеет как минимум шесть разделов (субполей)

Антропология города – новое междисциплинарное направление, интегрирующая методы нескольких дисци-

плин, не только антропологических. Антропологов интересует все человечество, в том числе та его часть, которая проживает к крупных городских поселениях. Антропологическая критика планировочных и дизайнерских проектов обеспечивает методологию и теоретическую основу современной урбанизации [1].

Городская антропология анализирует городскую жизнь, социальное неравенство, конфликты, сегрегацию, мобильность, дискриминацию, бедность, изоляцию, джентрификацию, уличную торговлю, жилье, культуру меньшинств и диаспор, преступность и насилие. Городские этнографы и антропологи интересуются тем, как бедняки, мигранты и беженцы превращаются в городе в изгоев, воспитывая детей, проходя безжалостный процесс аккультурации и ассимиляции в чужих сообществах в условиях дискриминации и социальной эксклюзии.

В книге «Живые и мертвые» [2] собраны работы Уильяма Ллойда Уорнера (1898–1970) по антропологии городской повседневности – анализ ритуалов, описание социальной архитектуры кладбища, археология конфликта «старых» и «новых» горожан, политическая кампания по выборам городского мэра и торжественные мероприятия по случаю общенародных праздников, изучение повседневного бытования религиозных символов и мифов. Под «символами» Уорнер понимал «вещи, обозначающие и выражающие что-то другое». Символами могут быть слова и языковые значения, изображения, звуки, жесты, верования, представления. Символична большая часть того, что передается людьми друг другу через слова и жесты в обыденной жизни. При этом респонденты У.Уорнера постоянно пользовались характеристиками типа: «ребята с деньгами», «бедные, но честные» и «никчемные» [3]. И.Гоффман назвал эту книгу «лучшим описанием повседневных ритуалов в современных сообществах».

Антропология, вернувшись из дальних путешествий к незападным народам, в полной мере нашла свое место в урбанистике только в первые десятилетия XX века, озаботившись растущей социальной и культурной неоднородностью городов, расширением сегрегации в контексте неравенства, снижением качества городской жизни и экологическими катастрофами, сопровождавшими развитие западных городов.

Городские антропологи изучают города и пространства. Они анализируют городскую жизнь, культуру, сообщества, создание мест и их трансформацию, исследуют городское неравенство, которое является результатом неравенства классов, рас, этнической или гендерной динамики, иммиграции/миграции, трудовых конфликтов или политического угнетения. Антропологи изучают городскую сегрегацию, мобильность и перемещения, лишение избирательных прав, дискриминацию, бедность, изоляцию, джентрификацию, экологическую справедливость, неолиберальную экономику, трудовые отношения, рынки, уличную торговлю, жилье, гражданскую организацию и участие, культуру меньшинств и диаспор, преступность и насилие. Городские этнографы и антропологи интересуются тем, как бедняки, мигранты и беженцы превращаются в городе в изгоев, воспитывая детей, проходя безжалостный процесс аккультурации и ассимиляции в чужих сообществах в условиях дискриминации и социальной эксклюзии.

Антропология города часто становится очень приземленной дисциплиной, почти местечковой и раскрывает место обитания – мегаполис, средний город или городок – в человеческом измерении, через антопоморфизацию городских достопримечательностей (или даже совсем непримечательностей) в культурных символах и метках. Так, Марк Бернес антропологизировал конкретные московские адреса: «Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой». Москва Гиляровского – это бытописание повседневной жизни знаковых мест – Хитровки, Хамовников, Сухаревки или Охотного ряда, которые составляют антропологичекий профиль столицы рубежа Х1Х–ХХ веков. А одна-единственная, грибоедовская, фраза «В деревню, к тетке в глушь, в Саратов…», вошедшая в народный фольклор, стала антропологическим топонимом провинциального города с 1830 г. И сегодня о городе думают именно так. Более того, власти мало заботятся о благоустройстве территории, жизнь протекает медленно, будто у сонных мух. А зачем стараться – все равно здесь глушь. Но в 1956 г., как бы в контрфорс ей, Саратов вновь прославился в песне «Огней, так много золотых, на улице Саратова…». А еще имя города звучит в произведениях К.А. Федина, в пьесах А.Н. Островского, в воспоминаниях Н.Г. Чернышевского, Л.Н. Толстого, М.Булгакова, К.Симонова. Уже к 1870 г. Саратов считался «столицей Поволжья».

Или, скажем, «речевой оборот «родом из Урюпинска» означает, что речь идет о человеке, происхождение которого связано с небольшим провинциальным российским городом, где нет ни высоких доходов, ни широкого выбора услуг, ни высокого качества образования» [4]. У каждого города есть культурно-антропологический код, который влияет на поведение жителей, их менталитет, ценностные установки и отношения.

Используя главный свой метод, включенное наблюдение (в сочетании с другими методами), городские антропологи получают возможность для подробного анализа мельчайших деталей повседневной жизни, работы и жилищных ситуаций различных национальностей и культур. Для проведения своих исследований городские антропологи часто живут в сообществах, которые изучают, чтобы познакомиться с повседневной борьбой и несправедливостью. Некоторые антропологи устраиваются работать в той же должности, что и участники исследования. Полем для них выступают городские и этнические общины. В любое время дня и ночи, в любые дни недели и в любое время года, антропологи составляют подробные описания и проводят анализ повседневной жизни, работы и борьбы городских жителей. В сравнении с социологами антропологи редко пользуются статистикой и количественной методологией, массовыми опросами. В 1940–50-е годы, когда в США активно формировалась городская антропология, четкого разграничения методического инструментария между двумя науками почти не существовали. Так, социологи Говард Беккер, Герберт Ганс, Эрвинг Гоффман, Джейн Горовиц, Джеральд Саттлс и Уильям Фут Уайт сохранили внимание к этнографии и оказали значительное влияние на идеи урбанизма. Количественные измерения характерны были для Говарда Одума и Уильяма Огбурна, в то время как Герберт Блумер продвигал символический интеракционизм и проводил масштабные исследования [5]. Город как объект изучения находился в пограничной зоне между социологами, привыкшими к масштабным исследованиям социальных классов и рас, и антропологами, специализирующимися на малых мирах деревни, соседства и племени [6].

Лидеры знаменитой Чикагской школы социологии – Дж.Мид, Р.Парк, Э.Хьюз Э. Берджес, Г.Беккер, Э.Гоффман, У.Уайт, А. Страусс – в бытность аспирантами участвовали в многочисленных эмпирических исследованиях, основным методом сбора данных в которых выступало включенное интервью. После себя они оставили прекрасные образцы описания символического взаимодействия в социальных ролях, в которых они побывали: водителем такси, медсестрой-стажером (точнее сказать,

медбратом), парикмахером, работником телевидения, музыкантом в стиле джаз и даже начинающим наркоманом. К ним относятся, в частности, социологические очерки Р.Парка и знаменитая книга У.Уайта «Общество на углу улицы» [7] А молодой Ансельм Страус вскоре станет ведущим специалистом в области качественной методологии и напишет великолепный учебник, переведенный недавно на русский язык [8]. Будучи журналистом, Р.Парк описывал особенности поведения обитателей трущоб. Он изучал социальные типы там, где обитают их живые воплощения: преступников – в подвалах, китайских крестьян – в деревенских лачугах, соплеменников отважного Робин Гуда – в непроходимых лесах, ковбоев – на Диком Западе, последователей Аль Капоне и Анастази – на улицах больших городов. Техника включенного наблюдения Чикагской школы подразумевала три принципа: изучать людей в естественном окружении или ситуации; изучать людей посредством прямого взаимодействия с ними: достигать понимания социального мира и делать теоретические заключения о перспективах членов группы [9].

Феномен попрошайничества методом участвующего наблюдения в 2000-е годы изучала М.Кудрявцева[1], которая в течение нескольких месяцев вживалась в роль нищенки и просила подаяние. Прибегнуть к количественным методам ее вынудили проблемы доступа к полю, т.е. необходимость налаживания доверительных отношений между исследователем и информантами в течение длительного времени. В подобных условиях традиционное анкетирование и статистический анализ данных не подходят. Помимо участвующего наблюдения М.Кудрявцева применяла также скрытое наблюдение, когда информанты не знали о присутствии наблюдающего за ними социолога. Документально работа фиксировалась в дневнике наблюдений на основании полевых заметок. Вначале исследования она пробовала брать интервью и записывать их на пленку, но очень скоро отказалась, поскольку диктофон отпугивал информантов. В результате проведенного исследования удалось выявить и описать несколько социальных типов нищих и моделей попрошайничества: «пенсионер(ка)», «церковные нищие», «мать-одиночка», «очень больная старая женщина или юродивая». М.Кудрявцева пришла к выводу о том, что современные нищие, разыгрывающие уличные спектакли, умеют прекрасно манипулировать производимым впечатлением, что выступает несомненным признаком актерского профессионализма. Манипуляцией является сам выход нищего на улицу, «на сцену». Его презентация направлена на то, чтобы соответствовать представлениям о нужде, обездоленности, несчастье. Если собственных ресурсов недостаточно, то нищий прибегает к дополнительным манипулятивным техникам (наклеивание бороды, использование грязной одежды, заворачивание в одеяло полена вместо ребенка и т.п.).

А.В. Стрельникова практикует метод «биографическая прогулка» как способа погружения в воспоминание через городские маршруты, позволяющий провести реконструкцию жизненного пути через событийный ряд прогулок по значимым для респондента местам [10]. В ходе 19 прогулок участвовали жители центральных районов Москвы и окраин, коренные и приезжие в возрасте от 50 лет с опытом проживания в столице не менее 25 лет. Постепенное разворачивание биографии индивида с помощью прогулки включало два этапа: предварительное (первичное) и ознакомительное интервью дома[2] и основное (второе) интервью[3] во время прогулки по городу [11, с. 665–672]. Оказалось, что личная биография служит для респондента лишь поводом (биографическим импульсом) иначе увидеть знакомый город, сравнив его прошлое и настоящее (часто в пользу первого), бытописать, каким он был раньше, раскрыть свои взгляды на жизнь и ценностные ориентации. И совершенно права социолог, заключая: «Пребывая большую часть времени в бессознательном виде, воспоминания вновь становятся сознательными лишь при поступлении биографического импульса. В ходе прогулки телесные практики становятся таким импульсом, подталкивают к активизации памяти, служат для неё опорой. Пространственные схемы дополняют биографический подход через *материальное* погружение в прошлое. Городское пространство дает уникальную возможность воспроизвести события через телесный опыт – через шаги, впечатления от увиденных объектов» [11, С. 671].

Если в США городская антропология и этнография возникли в связи с ростом большого мегаполиса, то в Великобритании они явились следствием колониализма. Важную роль здесь сыграли журналисты и социальные реформаторы, описавшие Лондон и его промышленную трансформацию во второй половине XIX века. Среди них на первый план выходит Генри Мэйхью, один из первых летописцев индустриального города. Генри Мэйхью (1812–1887) – британский публицист и социолог, редактор знаменитого журнала «Панч», драматург, исследователь жизни бедных классов общества. Наиболее известная его книга – четырехтомник «Рабочие и бедные Лондона» (англ. London Labour and the London Poor), 1851–1862, оказавшая влияние на Чарльза Диккенса и других писателей. Один из 17 детей Мэйхью получил образование в Вестминстерской школе, потом устроился мичманом на корабль Ост-Индской компании, много путешествовал по многим странам и городам. Вернувшись в 1829 г. в Лондон, выучился на юриста, а позже стал журналистом-фрилансером, активно трудился на издательском поприще, непрестанно интересовался жизнью городских низов. Основываясь на интервью и наблюдениях из первых рук, он описал социальные группы, населявшие бедные и маргинальные районы столицы Британской империи. Его работы признаны фундаментальной частью описания Викторианской эпохи, а его методологические инновации, основанные на полевых работах, стали «лицом и голосом» тех городских слоев, которые ютились на задворках индустриального и имперского развития Британии [12].

В середине XX века в Англии сформировалась Манчестерская школа антропологии во главе с Максо Глюкманом. На ее представителей повлияли методологические установки Эрвинга Гоффмана о театральном представлении общественной жизни, а также идеи символического интеракционизма о социальной ситуации как синтезе структуры ролей, иерархий и смыслов, которые выполняются публично. Другим теоретическим источни-

[1] Кудрявцева М. Драматургия попрошайничества // http://www.indepsocres.spb.ru/sbrnik9/9_kudr.htm

[2] «…где задаются вопросы о городе проживания, об ориентирах и границах, о восприятии различных частей городского пространства, о поведенческих стереотипах в прошлом и настоящем. Определяются привычные городские маршруты, по которым респондент перемещался в молодости, фиксируется и общее отношение к городу на тот момент, обсуждаются практики появления любимых и нелюбимых мест в городе» (с. 666).

[3] «В ходе прогулки фиксируется, как респондент описывает изменения городского пространства, свои ощущения от любимого ранее места в городе, событийный ряд, который ассоциируется у респондента с местом прогулки, другие впечатления о городе, также уточняются и дополняются все основные сюжеты из первичного интервью» (с. 666).

ком для британцев послужил структурный функционализм, доминировавший на протяжении всего XX столетия. Этнографическая работа «Танец Калела» [13] Клайда Митчелла (1956), посвящённая социальным отношениям в городах Северной Родезии, и «Анализ ситуации в современном Зулуленде» [14] Макса Глюкмана (1958), где описаны отношения между белыми и чернокожими в резервациях северных зулусов, где он проработал 16 месяцев с 1936 по 1938 г., построены в рамках структурного функционализма и являются, пожалуй, наиболее выдающимися работами в этом плане. Эссе южноафриканского антрополога Макса Глюкмана[1] (1911–1975), впервые опубликованное в 1940 г., в послевоенный период было признано крупным методологическим прорывом в британской социальной антропологии. Оно также признано одним из наиболее значительных антропологических критических анализов сегрегационной политики в Южной Африке в первой половине XX века. Его главным нововведением явилось подробное описание событий одного дня – «социальной ситуации» (или «метод расширенного случая»), из которой он затем логически вывел социологические паттерны общества в целом.

Среди достижений Манчестерской школы выделяются также исследования эго-сетей и городских семей, проведенных социальным антропологом и психоаналитиком Элизабет Ботт. В 1957 г. Ботт выяснила, что в семьях с жестким разделением труда между супругами свободное время не делится между мужем и женой. Напротив, там, где мужья и жены проводили вместе значительное количество времени на отдыхе, наблюдалось менее жесткое разделение домашнего труда [15]. В целенаправленной выборке Ботт оказались 20 протестантских семей с детьми из Лондона. В ходе исследования использовался ряд «полевых методов», взятых из социологии, социальной антропологии и психоанализа. Они включали: последовательные «домашние интервью» (13 на каждую семью); относительно ограниченные (по антропологическим стандартам) данные наблюдений, записанные в ходе полевых работ; дискуссии с респондентами, экспертами работниками социальных центров, родителями и учителями «в попытке поместить интервьюируемых в более широкий контекст сообщества, в котором они жили»; и клиническое исследование с 15 парами из исследуемой выборки. Собранные данные включали рассмотрение не только обычных демографических характеристик членов семей, участвующих в исследовании, но также данных, взятых из самих интервью (и дополнительных наблюдений) о социальных связях мужей и жен в каждой семье. Такие опросы впоследствии стали называть обследованиями при помощи генераторов имен [16], или сетевыми обследованиями [17]. И сегодня они остаются преобладающим методом сбора сетевых данных [18]. На первый план выдвинулась не статистика, а содержание интервью и данные наблюдений. Концептуальной основой данного подхода послужила теория поля К.Левина.

Работы Э. Ботт о городских семьях «предвосхищает многие современные методы исследования, особенно граунд-теорию» [19], реляционной этнографии [20] и реляционной социологии [21]. Сетевые данные включали не только имена людей, которых каждая пара считала друзьями, но также информацию о поле, возрасте, роде занятий, способе встречи этих друзей, характере отношений, частоте контактов и о том, какие отношения поддерживались тем или другим партнером. Кроме того, ближе к концу серии домашних интервью исследователи «начали задавать вопросы о том, какие отношения друзья, соседи и родственники установили между собой, а не только с респондентами. Так выяснялась степень сетевой связанности. По ее словам, «антропологический метод в основном состоит в том, чтобы возиться с множеством переменных и битами информации в ситуации острой неопределенности с надеждой, что в конечном итоге человек обнаружит отношения, о которых раньше не думал» [22]. Деятельность Ботт вполне в духе современной методологии объединения качественных и смешанных подходов к сбору сетевых данных, данных анкетирования и самоотчетов с дополнением количественных результатов (рис. 2).

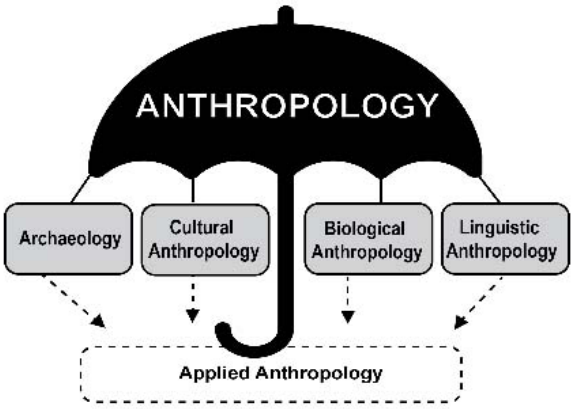

Рис. 2. Внутридисциплинарная матрица антропологии

Первую волну значительных текстов в городской антропологии в США составили такие исследования, как «Душевная сторона» У. Ханнерца (1969), «Сети и маргинальность» Л.Ломниц (1977), «Разбитый фонтан» Т. Бельмонте (1979) и «Молодые города Лимы» П.Ллойда (1980), вторую – «В поисках уважения» Ф.Бургуа (1995), «Ожидания современности» Дж.Фергюсона (1999) и «Захватывающий город» Д.Гольдштейна (2004), третью – «Принудительный порядок» Д.Фассена (2013), «Меланхолия свободы» Т.Хансена (2012), «Спекулятивные рынки» К.Петерсона (2014) и «Вымирающий город» О.Зейдермана (2016). Все они отличаются проницательным изображением динамики современного города, дают аффективное измерение городской жизни. Их эпистемологические истоки кроются в работах знаменитой Чикагской школы социологии (CSS), а не в антропологии как таковой [23].

Не следует упускать из внимания тот факт, что Чикагский департамент социологии до 1929 г. назывался департаментом антропологии и социологии[2]. Объектом для той и другой дисциплины выступал город. Границы между ними не всегда были явными. Многие считающиеся ныне «социологами», сами называли себя «антро-

[1] Сын русских евреев, иммигрировавших в Йоханнесбург, Глюкман изучал право, а затем антропологию в университете Витсуотерсранда. После полевых исследований в Зулуленде с 1936 по 1938 г. он продолжил свои исследования в Северной Родезии в Институте Родса Ливингстона, которым он руководил с 1942 по 1947 г. В 1949 г. он стал профессором социальной антропологии в университете Манчестера. Он является главной фигурой «Манчестерской школы», которая разработала оригинальные исследования трансформаций африканских обществ, особенно под воздействием урбанизации и индустриализации (Cairn.info 21.10.2008)

[2] После 1929 г. в университете продолжала действовать совместная кафедра антропологии и социологии, которую в период с 1935 по 1959 годы возглавлял У. Ллойд Уорнер, автор знаменитого исследования «Янки-Сити», крупного сравнительного исследования по городской социологии, теоретически и методологически вдохновленного тесным сотрудничеством Уорнера с А.Р. Рэдклифф-Брауном, преподававшим в Чикаго в 1931–37 годах.

пологами», включая У.Томаса, в то время как исследователи, ныне признанные «антропологами», такие как Рэдклифф-Браун, считались «социологами» (в том числе Р.Парк). Тем не менее, городская ориентация была характерна не для всех американских антропологов того периода, так как традиционный объект их исследований – примитивные сообщества. Их скорее можно назвать «деревенщиками», в то время как социологи искони являлись «городошниками». Об этом упоминает Р.Парк: «Антропология, наука о человеке, до настоящего времени в основном занималась изучением примитивных народов. Но цивилизованный человек столь же интересен как объект исследования, и в то же время его жизнь более открыта для наблюдения и изучения. Городская жизнь и культура являются более разнообразными, тонкими и сложными … [и] те же кропотливые методы наблюдения, которые антропологи, такие как Боас … применили к изучению жизни и нравов североамериканских индейцев, могут более плодотворно использованы при исследовании обычаев, верований и общих представлений о жизни, преобладающих в Маленькой Италии в нижней части Норт-Сайда в Чикаго, или запись более сложных народных обычаев жителей Гринвич-Виллидж и окрестностей Вашингтон-сквер в Нью-Йорке» [24]. Следствием его методологической установки явилась серия известных этнографических исследований, которые составляют основу как городской социологии, так и городской антропологии. К ним относятся «Бродяга» Н.Андерсона (1923), «Банда» Ф.Трэшера (1927), «Танцевальный зал Такси» П.Кресси (1928), «Гетто» Л.Вирта (1928), «Золотой берег и трущобы» Х.Зорбо (1929), «Джек-роллер» К.Шоу (1930), «Паломники русского города» П.Янг (1932) и др. С начала 1920-х годов в области Urban Anthropology создано более 40 крупных этнографических книг, сочетающих устную историю и включенное наблюдение, во многом обязанных принципам Малиновского и позитивизму Дюркгейма [25].

В свое время Р.Редфилд [26], сделал важное методологическое утверждение: главный вопрос антропологии – выяснить не то, как возникает цивилизация, а в том, как сохранить выжившие цивилизации в пекле урбанизации? Сегодняшняя дисциплина должна выбирать между «превращением в урбанизацию» и «превращением в историю» [27]. Самое поразительное, что самые отсталые регионы мира Африки, Азии и Латинской Америки, которые раньше сохраняли для антропологов наибольшее количество оазисов традиционных цивилизаций, сегодня дают наибольшее число новых мегаполисов и показывают невиданные темпы урбанизации. В «городскую эпоху» большинство социальных наук, не в последнюю очередь социология и география, уделяют возрастающее внимание городским исследованиям. Можно ожидать, что антропологи станут все более урбанизированными. Все факты доказывают, что будущее самой дисциплины может зависеть от «городской антропологии» [28].

Антропологический подход ставит под сомнение «технологический универсализм» – одинаковое использование технологий. Взамен он предлагает «антропологию с акцентом» (как называет это Тереза Калдейра) – чувствительность к локальностям, многообразию практик обращения с новыми медиа. В связи с этим формируется новый подход – ***антропология цифрового города*** [29, 30].

В XXI веке им приходится изучать разрушительное воздействие неолиберальной политики и экономики, которые вызывают приток миллионов перемещенных крестьян, экологических и военных беженцев в города глобального Юга и Севера, где пришлые, конкурируя с бедными горожанами, пытаются выжить, найти жилье на окраинах и заработать на жизнь. Это не жизнь, а борьба за существование бесправных людей, групп и целых общин, которые, пытаясь добыть жилье и работу, прибегают к практикам серой и теневой экономики, незаконным действиям, нетрадиционным религиям и примитивным культурным активностям. В последние годы дискуссии ведутся по вопросам структурного неравенства городов, инфраструктурной недоступности и проявлений экологической несправедливости. Ученые берутся за такие темы, как обеспечение водой, качество общественного транспорта, наличие токсичных производств и отходов, городские и пригородные свалки и их влияние на бедные слои городских жителей.

Литература

1. Low S.M. Urban Anthropology // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2001, p. 15999–16004.
2. Уорнер У. Живые и мёртвые. СПб.: Университетская книга, 2000.
3. Левченко И.Е. Социологическое творчество У.Л. Уорнера // Дискуссия, no. 9, 2012, pp. 102–105.
4. Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Ин-т ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013, с. 6.
5. Jones Gareth A., Rodgers D. Standing on the shoulders of giants? // Anthropology and the city. Etnofoor, (2016) 28 (2). pp. 13–32.
6. Gans Herbert J. The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italians-Americans. New York: Free Press, 1963.
7. Whyte W.F. Street corner society: The social structure of an Italian slum. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
8. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.
9. Ньюман Л. Полевое исследование // Социс., 1999, № 4.с.111.
10. Стрельникова А.В. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тровант, 2012; Стрельникова А.В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2014. № 8. С. 30–36.
11. Стрельникова А.В. Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении // Современная социология – современной России: Сборник статей VI международной научно-практической конференции памяти А.О. Крыштановского. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 665–672.
12. Humpherys A. Travels into the Poor Man's Country: The Work of Henry Mayhew. London: Caliban, 1977.
13. Mitchell C. The Kalela dance: aspects of social relationships among urban Africans in Northern Rhodesia. Manchester University Press, 1956.
14. Gluckman M. Analysis of a Situation in Modern Zululand. Routledge, 1958.
15. Bott E. Urban families: Conjugal roles and social networks // Human Relations, (1955). 8, 345–384; Bott E. [1957]. Family and social network (2nd ed.). London: Tavistock Publications, 1971.
16. Campbell K., Lee B. Name generators in surveys of personal networks // Social Networks, 1991, 13, 203–221.
17. Marsden P. Survey methods for network data // John Scott & Peter J. Carrington (Eds.), The Sage handbook

of social network analysis London: Sage, 2011, pp.370–388.
18. Crossley N., et al. Social network analysis for ego-nets. London: Sage, 2015, p.56–57.
19. Gilgun J. Methodological pluralism and qualitative family research // Marvin B. Sussman, Suzanne K. Steinmetz & Gary W. Peterson (Eds.), Handbook of marriage and the family New York: Springer, 1999, p.234.
20. Desmond M. Relational ethnography // Theory and Society, (2014). 43(5), 547–579.
21. Jones A. Revisiting Bott to Connect the Dots: An Exploration of the Methodological Origins of Social Network Analysis // FQS, Volume 19, No. 2, Art. 5 – May 2018
22. Bott E. [1957]. Family and social network (2nd ed.). London: Tavistock Publications, 1971, p.309.
23. Hannerz U. Exploring the City: Inquiries toward an Urban Anthropology. New York: Columbia University Press, 1980.
24. Park Robert E. Human Communities: The City and Human Ecology. New York: The Free Press, 1952, p.15.
25. Hart C. (ed.), The Legacy of the Chicago School: A Collection of Essays in Honour of the Chicago School of Sociology During the First Half of the 20th Century. Poynton: Midrash, 2010.
26. Redfield R. The Primitive World and its Transformations. Ithaca: Cornell University Press, 1953, p.28, 27.
27. Evans-Pritchard E.E. Social Anthropology: Past and Present – The Marett Lecture, 1950 // Man 50: 118–124.
28. Jones Gareth A., Rodgers D. Standing on the shoulders of giants? // Anthropology and the city. Etnofoor, (2016) 28 (2). pp. 13–32.
29. Возьянов А., Запорожец О. Круглый стол «Человек мобильный и управление городской повседневностью: цифровая антропология городского транспорта» (Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС /Лаборатория историко-культурных исследований ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ, 5 декабря 2014 г.) // НЛО » № 135, 2015.
30. Соколовский С.В. Методология и принципы цифровой антропологии // Сибирские исторические исследования, no. 1, 2021, pp. 200–214.

URBAN ANTHROPOLOGY: FROM NON-WESTERN HINTERLANDS TO WESTERN CITIES

Kravchenko A.I.

Anthropology of the city includes a number of paradigms from other disciplines. These include political economy, architectural and planning theory, cultural studies, urban sociology and cultural geography. Dominant strands in urban anthropology are currently post-structuralist studies of race, class and gender in urban contexts, political economy studies of transnational culture and migration, and studies of the symbolic and social production of urban space and planning. Anthropologists contribute to theory and research on urban poverty, racism, globalisation, architecture and planning.

Keywords: urban anthropology, intradisciplinary matrix, urban sociology, scientific methods.

References

1. Low S.M. Urban Anthropology // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2001, p. 15999–16004.
2. Warner W. The Living and the Dead. St. Petersburg: University Book, 2000.
3. Levchenko I.E. Sociological creativity of W.L. Warner // Discussion, no. 9, 2012, pp. 102–105.
4. Anthropology of the city. Vol. 1: Cultural symbols and images in urban space. Ethnicity and urban identity. Syktyvkar: YALI Institute Komi Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013, p.6.
5. Jones Gareth A., Rodgers D. Standing on the shoulders of giants? // Anthropology and the city. Etnofoor, (2016) 28 (2). pp. 13–32.
6. Gans Herbert J. The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italians-Americans. New York: Free Press, 1963.
7. Whyte W.F. Street corner society: The social structure of an Italian slum. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
8. Strauss A., Corbin J. Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques. M., 2001.
9. Newman L. Field research // Socis., 1999, No. 4.p.111.
10. Strelnikova A.V. Sociology of the city: spatial practices and life trajectories. M.: Trovant, 2012; Strelnikova A.V. Movements in spatial coordinates: more than geographic mobility // INTERACTION. Interview. Interpretation. 2014. No. 8. P. 30–36.
11. Strelnikova A.V. Method of biographical walk: interview in the spatial dimension // Modern sociology – modern Russia: Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference in memory of A.O. Kryshtanovsky. M.: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics, 2012. P. 665–672.
12. Humpherys A. Travels into the Poor Man's Country: The Work of Henry Mayhew. London: Caliban, 1977.
13. Mitchell C. The Kalela dance: aspects of social relationships among urban Africans in Northern Rhodesia. Manchester University Press, 1956.
14. Gluckman M. Analysis of a Situation in Modern Zululand. Routledge, 1958.
15. Bott E. Urban families: Conjugal roles and social networks // Human Relations, (1955). 8, 345–384; Bott E. [1957]. Family and social network (2nd ed.). London: Tavistock Publications, 1971.
16. Campbell K., Lee B. Name generators in surveys of personal networks // Social Networks, 1991, 13, 203–221.
17. Marsden P. Survey methods for network data // John Scott & Peter J. Carrington (Eds.), The Sage handbook of social network analysis London: Sage, 2011, pp.370–388.
18. Crossley N., et al. Social network analysis for ego-nets. London: Sage, 2015, pp. 56–57.
19. Gilgun J. Methodological pluralism and qualitative family research // Marvin B. Sussman, Suzanne K. Steinmetz & Gary W. Peterson (Eds.), Handbook of marriage and the family New York: Springer, 1999, p.234.
20. Desmond M. Relational ethnography // Theory and Society, (2014). 43(5), 547–579.
21. Jones A. Revisiting Bott to Connect the Dots: An Exploration of the Methodological Origins of Social Network Analysis // FQS, Volume 19, No. 2, Art. 5 – May 2018
22. Bott E. [1957]. Family and social network (2nd ed.). London: Tavistock Publications, 1971, p.309.
23. Hannerz U. Exploring the City: Inquiries toward an Urban Anthropology. New York: Columbia University Press, 1980.
24. Park Robert E. Human Communities: The City and Human Ecology. New York: The Free Press, 1952, p. 15.
25. Hart C. (ed.), The Legacy of the Chicago School: A Collection of Essays in Honor of the Chicago School of Sociology During the First Half of the 20th Century. Poynton: Midrash, 2010.
26. Redfield R. The Primitive World and its Transformations. Ithaca: Cornell University Press, 1953, pp. 28, 27.
27. Evans-Pritchard E.E. Social Anthropology: Past and Present – The Marett Lecture, 1950 // Man 50: 118–124.
28. Jones Gareth A., Rodgers D. Standing on the shoulders of giants? // Anthropology and the city. Etnofoor, (2016) 28 (2). pp. 13–32.
29. Vozyanov A., Zaporozhets O. Round table "Mobile man and managing urban everyday life: digital anthropology of urban transport" (School of Current Humanities Research RANEPA / Laboratory of Historical and Cultural Research IGITI named after A.V. Poletaev NRU HSE, December 5, 2014 g.) // UFO » No. 135, 2015.
30. Sokolovsky S.V. Methodology and principles of digital anthropology // Siberian Historical Studies, no. 1, 2021, pp. 200–214.

Управленческая культура и ее роль в создании позитивного взаимодействия в образовательных учреждениях

Вашкевич Наталья Николаевна,
Аспирант кафедры философии и социологии, ОУП ВО «АТиСО»,
E-mail: vladimir-evrostroy@mail.ru

В статье управленческая культура представлена как интегративное понятие, которая содержит ценности, нормы, правила и методы управленческой деятельности. Описаны компоненты управленческой культуры руководителя: мировоззренческий, аксиологический, практический, творческий и рефлексивно-проектировочный.
Автор уделяет внимание роли управленческой культуры на уровне организации и ее историческому развитию, рассматриваются современные методологические подходы к исследованию управленческой культуры, такие как системный, деятельностный, феноменологический и синергетический.
Статья анализирует влияние управленческой культуры на организационное поведение и взаимодействие, приводя примеры из различных стран.
В заключении обозначены основные принципы, механизмы и инструменты создания позитивного взаимодействия в образовательных учреждениях, и проблемы, с которыми сталкиваются образовательные учреждения в процессе развития управленческой культуры.

Ключевые слова: управленческая культура, образовательные учреждения, позитивное взаимодействие, методы управления, организационные ценности, профессиональные компетенции, системный подход, мотивация сотрудников, корпоративная культура.

Управленческая культура – интегративное понятие, которое содержит ценности, нормы, правила и методы управленческой деятельности как на уровне личности руководителя, так и на уровне организации в целом.

Согласно исследованию В.В. Кузнецова, управленческая культура руководителя состоит из нескольких компонентов: мировоззренческого, аксиологического, практического, творческого и рефлексивно-проектировочного. Мировоззренческий компонент касается убеждения и предпочтения руководителя, аксиологический – ценности управленческого труда, практический – методы и формы коммуникации с подчиненными, а творческий – умение к нестандартным решениям. Рефлексивно-проектировочный компонент связан с умением руководителя анализировать и проектировать свою деятельность [5]. Также по мнению исследователя высокий уровень управленческой культуры является показателем профессионализма и требует природных задатков. А сам процесс овладения управленческой культурой состоит из развития разнородных качеств и характеристик, которые сформировались в процессе исторического и социокультурного развития управленческой деятельности.

Исследование Е.Л. Кумунджиевой выделяет, что управленческая культура является социальным феноменом и специфическим проявлением общей культуры, она представляется как профессиональное явление и мера творческой самореализации руководителя [6].

На уровне организации управленческая культура рассматривается как система ценностей и методов управления, которые определяют функции и способы реализации управленческой деятельности, например, М.А. Васьков определяет ее как «систему, состоящую из ценностей и методов, выражающихся в конкретных управленческих функциях» [1].

Первоначально, управленческая культура зародилась в древних цивилизациях, таких как Шумер, Египет и Вавилон. Первые управленческие революции, произошедшие 4–5 тысяч лет назад, были связаны с религиозно-коммерческой деятельностью жрецов, которые осуществляли культовые функции и вели торговые операции, создавая таким образом прототипы современных управленческих структур, а введение письменности стало побочным результатом их деятельности, которое систематизировало и стандартизировало управленческие процессы.

Во времена Древнего Рима и Греции, управленческая культура приобрела новые черты, фокус сместился на создание правовых и административных структур – Римская империя, например, создала систему управления, основанную на законах и организованных административных единицах, которая позволила управлять огромными территориями и населением.

С началом промышленной революции и появлением фабрик в XIX веке, появилась нужда в координации большого числа рабочих, в связи с этим стали появляться первые научные подходы к управлению: Ф. Тейлор и его последователи разработали принципы научного менеджмента, которые состояли из стандартизации ра-

бочих процессов и систематического контроля за их выполнением (ознаменовало начало периода систематизации в управлении, когда методы управления начали основываться на научных данных и эмпирических исследованиях).

С 1960-х годов начинается информационный период, характеризующийся использованием математических методов и компьютерных технологий в управление. Сами концепции управления стали сложнее, включали количественный анализ, моделирование и прогнозирование.

Современные же подходы к исследованию управленческой культуры базируются на следующих основных методологических и теоретических основах [7]:

1) Системный – рассматривает управленческую культуру как систему, состоящую из множества взаимосвязанных элементов; фокусируется на целостности объекта исследования, выявлении многообразных типов связей и их интеграции в общую теоретическую картину. Применение системного подхода позволяет исследовать управленческую культуру как динамическую систему, включающую ценности, нормы, методы и процессы управления, которые развиваются под воздействием внешних и внутренних факторов.
2) Деятельностный – делает упор на конкретные управленческие действия и методы, используемые в организации, рассматривает управленческую культуру как совокупность профессиональных умений и навыков, учебного и жизненного опыта для выполнения управленческих функций. В рамках этого подхода уделяется внимание развитию коммуникативных способностей, мотивационных и рефлексивных качеств руководителей.
3) Феноменологический – подразумевает исследование субъективных принципов управленческой культуры, таких как восприятие и интерпретация управленческих практик участниками организации, здесь подход помогает понять, как сотрудники воспринимают и интерпретируют символические значения, ассоциированные с управленческой культурой, и как это влияет на их поведение в организационной среде.
4) Синергетический – основан на идеях синергетики и ориентирован на изучение самоорганизующихся систем; выявляет закономерности и принципы самоорганизации управленческих систем, исследует процессы приспособления и эволюции управленческой культуры в условиях меняющейся внешней среды.
5) Современные исследования также затрагивают сравнительный анализ методик оценки управленческой культуры, который позволяет определить наиболее действенные инструменты и подходы для анализа и оценки культурных сторон управления в различных ситуациях и типах организаций [8].

Уровни управленческой культуры можно разделить на следующие категории [9]:

1. Индивидуальный уровень – личные качества, навыки и знания руководителя, его профессиональные компетенции и морально-этические убеждения.
2. Групповой уровень – коммуникация внутри управленческих команд, совместное принятие решений и коллективные методы управления.
3. Организационный уровень – общие для всей организации ценности, нормы, правила и традиции, которые формируют корпоративную культуру и влияют на поведение сотрудников на всех уровнях.

Управленческая культура и организационная культура связаны и взаимно влияют друг на друга, так управленческая культура является частью более широкой организационной культуры, а организационная культура затрагивает систему ценностей, норм, обычаев и ритуалов, которые определяют поведение сотрудников и помогают им идентифицировать себя с организацией. Данные элементы создают основу для развития управленческой культуры, которая, в свою очередь, влияет на эффективность управленческих практик и качество взаимодействий внутри коллектива.

Например, ценности, нормы и ритуалы организационной культуры формируют базу для управленческих практик; уважение, трудолюбие и творческое удовлетворение, задают тон взаимодействия между сотрудниками и руководством, а нормы и ритуалы, такие как регулярные собрания и корпоративные мероприятия, поддерживают преемственность и укрепляют корпоративный дух [2]. Исследования показывают, что успешные организации часто имеют сильную и последовательную управленческую культуру, которая поддерживает и усиливает общие ценности и цели компании, позволяющие достигать высокой степени согласованности действий [3].

Основными принципами влияния управленческой культуры являются:

1) Профессионализм и компетентность руководителей. Руководители, обладающие высокой управленческой культурой, способны координировать работу команды [10]
2) Организационные ценности и нормы, формируемые в рамках управленческой культуры, влияют на поведение сотрудников и определяют стандарты взаимодействия внутри организации, например, соблюдение этических норм и правил делового этикета.
3) Коммуникация и взаимодействие. В частности, в образовательных учреждениях коммуникация между руководством и сотрудниками помогает быстрому решению возникающих проблем, улучшению взаимопонимания и повышению мотивации работников. Регулярные собрания, конференции и совещания, проводимые в соответствии с установленными нормами, помогают поддерживать высокий уровень сотрудничества внутри коллектива.
4) Мотивация сотрудников, которая достигается через признание заслуг, предоставление возможностей для профессионального роста и создание условий для самореализации (высокая мотивация сотрудников напрямую связана с улучшением качества образовательных услуг) [9].

Рассмотрим примеры применения управленческой культуры в образовательных учреждениях, которые демонстрируют влияние на улучшение качества образования и общее функционирование организаций, первый пример – финские школы, которые известны своими высокими стандартами образования и инновационным подходом к управлению. В данных учреждениях упор делается на децентрализацию управления, автономию школ и участие учителей в принятии управленческих решений, то есть высокая степень доверия к учителям и их профессиональная автономия создают благоприятную рабочую среду.

Другой яркий пример – японские образовательные учреждения, которые известны своей коллаборативной культурой, где коллективная работа и совместное принятие решений являются главными элементами. Так, в японских школах руководители включают учителей и сотрудников в процесс управления для создания атмосферы сотрудничества и взаимопомощи.

В США некоторые школы внедрили модель «Школы будущего», ориентированную на интеграцию информационных технологий в образовательный процесс, руко-

водители этих школ поддерживают постоянное профессиональное развитие учителей, организуют тренинги и семинары по использованию современных технологий.

В России также существуют примеры применения управленческой культуры в образовательных учреждениях, например, в некоторых школах внедрены системы менеджмента качества, ориентированные на постоянное улучшение образовательных услуг, здесь используются методы стратегического планирования, анализа и оценки успешности управленческих решений [4].

Управленческая культура также содействует образованию позитивного взаимодействия в организации, например, организационные ценности, такие как уважение коллег, трудолюбие, отзывчивость и справедливость, создают основу для позитивного взаимодействия, они объединяют идеи руководителей с потребностями сотрудников для гармонизации внутри коллектива.

Цели организации также структурируют взаимодействие: различают цели-задания, цели-ориентации и цели-системы. Цели-задания направлены на выполнение программ и планов, тогда как цели-ориентации учитывают удовлетворение потребностей сотрудников, а цели-системы обеспечивают целостность и стабильность организации, подобная структура целей помогает сотрудникам понимать свои задачи и роль в компании.

Нормы и ритуалы в организации служат средствами регуляции поведения, а нормативные требования и обычаи, ставшие привычками, освобождают сотрудников от необходимости принятия самостоятельных решений в типовых ситуациях, что снижает напряженность и улучшает взаимодействие. Ритуалы, такие как символические акты, укрепляют корпоративный дух и обеспечивают преемственность между поколениями сотрудников, передавая организационные традиции и опыт.

Педагогическая управленческая культура, как пример, демонстрирует значимость гностических, конструктивных и организационных умений, данные умения не только помогают модернизации образовательного процесса, но и повышают уровень коммуникации между педагогами и учащимися. В то же время коммуникативные способности педагогов, их умение организовывать и структурировать процесс обучения, напрямую влияют на общение [11], ведь формирование управленческой культуры требует участия лидеров мнений, которые влияют на восприятие организационных ценностей и норм, создавая среду, в которой сотрудники ощущают поддержку и готовность к взаимодействию.

Механизмами и инструментами создания позитивного взаимодействия на основе управленческой культуры считаются элементы, которые направлены на:

1. Корпоративные ценности и миссия. Основой позитивного взаимодействия является чётко сформулированная миссия и набор корпоративных ценностей, которые служат ориентиром для поведения и принятия решений сотрудниками, данные ценности помогают создать общую платформу для взаимодействия, снижая возможные конфликты и недоразумения.
2. Коммуникационные платформы, такие как корпоративные порталы, чаты и форумы, благоприятствуют открытому и прозрачному обмену информацией, позволяют сотрудникам свободно делиться идеями, обсуждать проекты и решать возникающие вопросы в реальном времени.
3. Обратная связь и оценка, включающие оценку выполнения задач и предложений по улучшению для развития сотрудников и укрепления их вовлеченности, ведь открытая и конструктивная критика помогает сотрудникам понимать свои сильные и слабые стороны.
4. Обучение и развитие управленческих навыков сотрудников через тренинги, семинары и курсы повышают их компетентность и уверенность в себе. Уделение внимания развитию как технических навыков, так и «мягких» компетенций, таких как лидерство и эмоциональный интеллект.
5. Организация совместных мероприятий, таких как тимбилдинги, корпоративные выезды и праздничные мероприятия с целью укрепления командного духа и улучшения межличностных отношений среди сотрудников, таким образом создаются доверительные отношения и коллеги лучше узнают друг друга коллег в неформальной обстановке.
6. Введение программ психологической поддержки (например, консультации психологов и тренинги по управлению стрессом), помогает поддерживать здоровую рабочую атмосферу, они предотвращают профессиональное выгорание.
7. Создание инклюзивной рабочей среды, где уважаются и ценятся разнообразие мнений, культур и опыта сотрудников, сюда относят не только равные возможности для всех сотрудников, но и поощрение разнообразия в команде.

С другой стороны, развитие управленческой культуры в образовательных учреждениях сталкивается проблемами, которые влияют на образовательный процесс и на всех участников данного процесса, во-первых, образовательные учреждения часто сталкиваются с ограничениями в финансовых ресурсах, которое сказывается на качестве инфраструктуры, доступе к современным технологиям и возможностях для профессионального развития педагогов, тем самым, создаются дополнительные трудности в поддержании и улучшении управленческой культуры, так как ограниченные ресурсы не позволяют внедрять инновационные методы и подходы в управлении и обучении.

Во-вторых, дефицит квалифицированных педагогов и управленческого персонала, ведь недостаточная подготовка и профессиональное развитие сотрудников образовательных учреждений ограничивают их умения успешно управлять и использовать современные педагогические и управленческие практики, приводя к снижению качества образовательного процесса.

В-третьих, в России, в частности, в различных регионах и социальных группах доступ к качественному образованию существенно различается, это усугубляет неравенство, а подобные различия в финансировании, доступе к технологиям и квалификации педагогов ведут к разрыву в уровне образования.

Далее, в современном мире появляется проблема в виде постоянного обновления методик преподавания, использования новых технологий и подходов, не все учреждения способны оперативно подстраиваться под эти изменения.

С психологической точки зрения, работа педагогов сопряжена с высокими уровнями стресса и эмоциональной нагрузки, которая нередко приводит к профессиональному выгоранию. Недостаток поддержки и механизмов для управления стрессом усугубляет эту проблему. Отсутствие эффективных программ психологической поддержки и обучения управлению стрессом негативно сказывается на управленческой культуре и взаимодействии внутри образовательного учреждения.

И, наконец, переход на новые управленческие и образовательные практики может столкнуться с сопротив-

лением со стороны персонала, привыкшего к устоявшимся и традиционным методам работы.

Литература

1. Васьков М.А. Теоретико-методологические подходы к анализу управленческой культуры // Россия реформирующаяся: ежегодник. – 2010 / Рос. акад. наук, Ин-т социологии; ред. кол.: М.К. Горшков (отв. ред.) и др. – Москва: Новый хронограф, 2010. – С. 61–75.
2. Гостев А.П. Организационная культура и ее роль в управлении // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – URL: https://scienceforum.ru/2020/article/2018021579 (дата обращения: 20.05.2024).
3. Коргова М. А., Таранец А.В. Связь организационной культуры с системой менеджмента современной организации // Гуманизация образования. – 2015. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-organizatsionnoy-kultury-s-sistemoy-menedzhmenta-sovremennoy-organizatsii (дата обращения: 18.05.2024).
4. Коровина О.Ю. Влияние организационной культуры на эффективность управления общеобразовательным учреждением // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-organizatsionnoy-kultury-na-effektivnost-upravleniya-obscheobrazovatelnym-uchrezhdeniem (дата обращения: 21.05.2024).
5. Кузнецов В. В., Орловская О.В. Управленческая культура руководителя: [управление в постиндустриальном обществе]: учебное пособие. – Москва: Эгвес, 2013. – 177 с.
6. Кумунджиева Е.Л. Теоретический анализ педагогического тезауруса культуры управления // Вестник Екатерининского института. – 2014. – № 3 (27). – С. 30–34.
7. Павлова Е.В. Управленческая культура: понятие, сущность, основные черты / Е.В. Павлова // Молодой ученый. – 2015. – № 10 (90). – С. 1059–1061. – URL: https://moluch.ru/archive/90/18649/ (дата обращения: 22.05.2024).
8. Слинкова О. К., Харитонова П.В. Сравнительный анализ методик оценки предпринимательской, управленческой и организационной культуры // Мир экономики и управления. – 2012. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-metodik-otsenki-predprinimatelskoy-upravlencheskoy-i-organizatsionnoy-kultury (дата обращения: 20.05.2024).
9. Фалей М.В. Управленческая культура современного руководителя образовательного учреждения // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskaya-kultura-sovremennogo-rukovoditelya-obrazovatelnogo-uchrezhdeniya (дата обращения: 19.05.2024).
10. Шутемова О.Н. Влияние личностных особенностей руководителя на эффективность управления коллективом образовательной организации // Экономика и социум. – 2020. – № 4 (71). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-lichnostnyh-osobennostey-rukovoditelya-na-effektivnost-upravleniya-kollektivom-obrazovatelnoy-organizatsii (дата обращения: 17.05.2024).
11. Юденкова И. В., Дёрова Е.Н. Формирование управленческой культуры педагога образовательной организации / И.В. Юденкова, Е.Н. Дёрова // Молодой ученый. – 2017. – № 48 (182). – С. 216–219. – URL: https://moluch.ru/archive/182/46724/ (дата обращения: 20.05.2024).

MANAGERIAL CULTURE AND ITS ROLE IN CREATING POSITIVE INTERACTION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Vashkevich N.N.
EUP VO "ATiSO"

In the article, management culture is presented as an integrative concept, which contains values, norms, rules and methods of management activities. The components of the manager's managerial culture are described: worldview, axiological, practical, creative and reflexive-design.
The author pays attention to the role of management culture at the organizational level and its historical development; modern methodological approaches to the study of management culture, such as systemic, activity-based, phenomenological and synergetic, are considered.
The article analyzes the influence of management culture on organizational behavior and interaction, citing examples from various countries.
In conclusion, the basic principles, mechanisms and tools for creating positive interaction in educational institutions, and the problems that educational institutions face in the process of developing a management culture are outlined.

Keywords: management culture, educational institutions, positive interaction, management methods, organizational values, professional competencies, systematic approach, employee motivation, corporate culture.

References

1. Vaskov M.A. Theoretical and methodological approaches to the analysis of managerial culture // Reforming Russia: Yearbook. – 2010 / Russia acad. Sciences, Institute of Sociology; ed. Col.: M.K. Gorshkov (ed.) and others – Moscow: New Chronograph, 2010. – P. 61–75.
2. Gostev A.P. Organizational culture and its role in management // Materials of the XII International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum". – URL: https://scienceforum.ru/2020/article/2018021579 (access date: 05/20/2024).
3. Korgova M. A., Taranets A.V. The connection between organizational culture and the management system of a modern organization // Humanization of Education. – 2015. – No. 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-organizatsionnoy-kultury-s-sistemoy-menedzhmenta-sovremennoy-organizatsii (date of access: 05/18/2024).
4. Korovina O. Yu. The influence of organizational culture on the effectiveness of management of a general education institution // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2010. – No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-organizatsionnoy-kultury-na-effektivnost-upravleniya-obscheobrazovatelnym-uchrezhdeniem (date of access: 05/21/2024).
5. Kuznetsov V.V., Orlovskaya O.V. Managerial culture of a leader: [management in a post-industrial society]: textbook. – Moscow: Egves, 2013. – 177 p.
6. Kumundzhieva E.L. Theoretical analysis of the pedagogical thesaurus of management culture // Bulletin of the Catherine Institute. – 2014. – No. 3 (27). – P. 30–34.
7. Pavlova E.V. Management culture: concept, essence, main features / E.V. Pavlova // Young scientist. – 2015. – No. 10 (90). – pp. 1059–1061. – URL: https://moluch.ru/archive/90/18649/ (access date: 05/22/2024).
8. Slinkova O.K., Kharitonova P.V. Comparative analysis of methods for assessing entrepreneurial, managerial and organizational culture // World of Economics and Management. – 2012. – No. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-metodik-otsenki-predprinimatelskoy-upravlencheskoy-i-organizatsionnoy-kultury (access date: 05/20/2024).
9. Faley M.V. Management culture of the modern head of an educational institution // Modern pedagogical education. – 2020. – No. 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskaya-kultura-sovremennogo-rukovoditelya-obrazovatelnogo-uchrezhdeniya (date of access: 05/19/2024).

10. Shutemova O.N. The influence of the personal characteristics of the leader on the effectiveness of management of the collective of an educational organization // Economics and Society. – 2020. – No. 4 (71). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-lichnostnyh-osobennostey-rukovoditelya-na-effektivnost-upravleniya-kollektivom-obrazovatelnoy-organizatsii (date of access: 05/17/2024).

11. Yudenkova I.V., Dyorova E.N. Formation of management culture of a teacher in an educational organization / I.V. Yudenkova, E.N. Dyorova // Young scientist. – 2017. – No. 48 (182). – pp. 216–219. – URL: https://moluch.ru/archive/182/46724/ (date of access: 05/20/2024).

Феномен дигитальной семьи как социального института постиндустриальной эпохи

Елисеева Елена Владимировна,
аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

Статья посвящена изучению феномена дигитальной семьи как социального института постиндустриальной эпохи. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Проводится краткий терминологический обзор категории «постиндустриальное общество», делегирующей значение и эволюционно-смысловой контракт феномену дигитализации в отношении социального развития и, тем самым позволяющей выделить оригинальные и симулякральные локусы трансформации как его самого, так и его базисных институтов. В результате исследования онтологии дигитального общества и его социальной единицы – *homo digital*, автором формулируется характерологический портрет дигитальной семьи, как как исторического социально-подинституционального образования, то есть как подвида постиндустриальной семьи, отличающегося от других ее подвидов (предшественников или последователей) тем, что все функции семьи выполняются с преобладающим использованием цифровых (дигитальных) технологий. Данное положение иллюстрируется на примере хозяйственно-бытовой и экономической функции. Заключается о том, что в условиях очевидной полисемии потенциальных (перспективных) фамилистических «картин мира» (реальность – симукляральность) *homo digital* возникает множество новых научных запросов, своевременные ответы на которые позволят предупредить онтологический дисбаланс, а следовательно кризис семьи.

Ключевые слова: семья, социальный институт, постиндустриальная эпоха, дигитальная семья, цифровые технологии, симулякр, центиниал.

Термин **«постиндустриальное общество»** был впервые использован в работах А.Д. Пенти и А.К. Кумарасвами, однако их мировоззренческие позиции основывались скорее не на проблеме «преодоления индустриальной системы на путях технологического прогресса», а на «отказе от индустриализации в пользу более примитивных хозяйственных систем» [33]. Свое научное обоснование как сама категория, так и феномен постиндустриализма получили распространение несколько десятилетий спустя в работах Д. Белла, Д. Рисмена, У. Ростоу; авторы рассматривали постиндустриальное начало как институциональную и социокультурную характеристику новой технотронной цивилизации. Распространению же в академической и далее публицистической среде поспособствовали идеи Э. Тоффлера, получившие свое выражение в концепции «третьей волны». В **общем поле теории общественной эволюции (прогресса)** данная концепция согласуется (соответствует) с концепциями посмодернизма (С. Лэш, С. Крук), постмодерназиации (Р. Инглегарт) и посткапитализма (П. Дракер), имеющими различный институциональный (экономика, политика, культура, социология и проч.) ракурс ее исследования.

Нужно сказать, что в настоящее время отсутствует какая-либо единая позиция относительно транскрипции постиндустриализма, причем не только во пространственно-временном, но и в характеристической контексте. Дихотомия преимущественно происходит из попытки отождествить или, наоборот, отделить контекст постиндустриального и информационного. Так, например, одна группа авторов полагает, что информационное общество выражает (отражает) стадию постиндустриального развития общества, и характеризуется массовой информатизацией социальных структур («электронное общество», «электронный человек») (например, Й. Масуда). Вторая группа авторов считает, что информационное общество – это фаза социального развития, следующая за постиндустриальной, и характеризующаяся ростом производства информации, высокой информированности населения и электрификации социальных институтов (в первую очередь, патерналистских – образования, религии и проч.) (например, М. Кастельс). Третья группа авторов склонна рассматривать постиндустриальное общество, как начальную стадию развития общества информационного, поскольку классические средства массовой информации и коммуникации если не исчезают, то значительно уступают тем, которые создает и которыми пользуется общество эпохи Интернета (например, М. Мак-Люэн).

Не оспаривая данные позиции, мы склонны согласиться с позицией Д. Белла о том, что термин «постиндустриальное общество» более точно отражает состояние социальной эпохи, чем «общество знания», «информационное общество», «общество профессионалов» и проч., поскольку отражает ту «быструю эрозию», подвергались «старые общественные отношения (основанные на собственности), властные структуры (сконцентрированные на узких элитах) и буржуазная культура (базирующаяся на принципах экономии и отложенного удовлетворения) [5]. Вместе с тем, мы поддержи-

ваем точку зрения, согласно которой информационное общество – это стадия постиндустриального развития общества, одна из стадий, ставшая результатом (следствием) реакции на плоды **Третьей промышленной революции**, ознаменовавшей переход от механических и аналоговых технологий к электронным, и началом **Четвертой промышленной революции** – эпохи многополярной «оцифровки» не только общественного бытия, но и общественного сознания и мировоззрения. Более того, в эпоху «Индустрии 4.0» информационное общество не просто трансформируется в цифровое, а создает почву для перехода в **когнитивную эпоху** («Индустрии 5.0»), где генерация социального знания будет происходить в результате симбиоза человека и машины или интеллектуальном самообучающимся автономом.

В социально-философском контексте, эффекты технократических революций невозможно воспринимать однозначно, тем более в условиях столь сильной социальной турбулентности. С одной стороны, плоды цифровой/когнитивной революций в потенциале способны сбалансировать экономическое развитие с решением социальных и около-социальных проблем (как локальные, так и глобальные), поскольку ориентированы на онтологию знания о *homo digital* [13]; с другой стороны, они способны создать прецедент усугубления **стандартизации «незрелого» сознания поколения Альфа** (англ. Generation Alpha, сокр. Gen Alpha), а следовательно допущения абсолютизации возможностей искусственного интеллекта в качестве полноценной замены интеллекта естественного – человеческого. В таком случае, на наш взгляд, если в терминологии П. Сорокина, то общество ждет **абсолютный крах**, поскольку человек, как индивид, являющий собой «точку отсчета» и регулятор социального бытия (сверхбытия), существует лишь до тех пор, пока способен ясно мыслить («Cogito ergo sum», Рене Декарт).

В рамках настоящей статьи мы в большей степени обращаемся к **дигитальному обществу** и, соответственно **дигитальному человеку**, и далее **дигитальной семье**, поскольку развитие их «предшественников» во многом обусловлено результатами социального (социокультурного) творчества на средне- и поздне-индустриальном этапе. Пограничность состояния, в котором находится конкретное общество, конкретный социальный институт и конкретный человек (индивид) не позволяет четко обозначить феноменологическую суть его развития, а следовательно выделить **оригинальные и симулякральные локусы** их трансформации в цифровую эпоху. Действительно, *homo digital,* в отличие от *homo informationicus* – человека, существующего, смотрящего и воспринимающего новый для него мир через призму прошлого, не приспособленного к гиперинформатизации и неспособного к разумному информационному потребительству, – активный участник цифрового общества, в полной мере осознающий свою роль и ответственность в цифровом мире; он «обладает цифровой грамотностью, сформированными этическими принципами, умеет эффективно управлять данными, критически воспринимать информацию, взаимодействовать в online-среде, осознавать влияние цифровых технологий на общество и окружающую среду, заботится о собственной цифровой безопасности <…>; способен адекватно оценивать влияние цифровых технологий на экономику, политику, культура» [13, с. 127]. Данные знания и навыки обуславливают умение *homo digital* осознанно принимать этические, правовые, экономические, социальные, культурные и иные аспекты цифровой революции, а также способность критически анализировать технологические инновации, просчитывать их потенциальные последствия и влияние на различные аспекты его жизни, жизни общества. Таким образом, *homo digital* успешно пройдя «цифровую социализацию», познал «новую нормальность», как переосмысленную обществом картину мира прошлого.

Homo digital – представитель внутренне **дифференцированного (мульти-) поколения**, включающего единовременно три поколения: миллениумов (род. в 1981–1996 гг.) (частично), зуммеров (род. в 1997–2012 гг.) и постмиллениалов (род. в нач. 2000-х гг.). Исходя из границы среднего возраста вступления в первый брак в европейских и российских социокультурных традициях – 28–32 года, – мы определяем **дигитальное мульти-поколение** как поколение, рожденное в 1991/2/3–1995/6/7 гг., характерологическими чертами которого являются: (1) осознанное стремление к максимизации использования информационных и цифровых технологий в решении повседневных задач во благо собственного физического и психологического комфорта и согласно требованиям «новой нормальности» развития общества [21]; (2) размытость границы между реальным и идеальным, реальным и виртуальным, отсутствие потребности в четкости этой границы вследствие нарушения восприятия времени, пространства и материи [9]; (3) быстрая обучаемость, многозадачность, высокий интеллект, высокий уровень адаптивности к изменениям среды любого уровня социального порядка, практичность, установка на «клиповое» восприятие окружающего, отказ от долгосрочного планирования [27]; (4) неумение (нежелание) подчиняться, следовать правилам, существовать в условиях ограничений, меньше ограничений – больше мыслей [35]; (5) «постматериалистические» ценности индивидуализма, свободы, самореализации [1, с. 11]. Данное социально-философское понимание дигитального мульти-поколения позволяет обнаружить зависимость формирования специфических признаков поколения эпохи «цифры», позволяющих отграничить его от предыдущих/последующих, от вектора направленности преобразования структуры и содержания информационно-цифровой реальности.

Становление и развитие общества, «архитектором» которого является *homo digital,* сопряжено как с новыми возможностями и, так и с новыми рисками для локального (автохтонного) общества, управление которыми возможно исключительно при сбалансированном и гармоничном обращении с традициями и инновациями, их разумного синтезирования. Каждое новое поколение, сталкиваясь с такой антитезой, осуществляет поиск решения стоящего перед ним социального вызова, самостоятельно оценивания воспроизводимое в социальной реальности и создавая с опорой на полученное знание индивидуальную модель пути жизни [15]. Таким образом и появляются новые адаптивные общества, социальные институты и их подсистемы. Однако, как отмечает Р. Инглегарт, у молодого поколения уже в самом начале его жизненного старта за счет родителей оказываются удовлетворенными базовые потребности, что делает его **устойчивым к депривации**, то есть ощущению лишенности; «если человек в раннем детстве был окружен любовью, вниманием и заботой близких людей, если его потребности в безопасности, в принадлежности в любви были удовлетворены, то, став взрослым, он будет более независим от этих потребностей, чем среднестатистический человек» [17, с. 256]. Молодые люди, освобожденные старшим поколением от необходимости удовлетворять основные социальные и психофизиологические потребности, с большей готовностью способны осуществить отказ от принятых ранее социальных практик, нежели те, кто с обеспокоенностью восприни-

мает задачу обеспечения экзистенциальных потребностей. По этой причине, отмечает Е.М. Орлова, бо̲льшая готовность к принятию социальных и социокультурных реорганизаций, в первую очередь, формирования **новой культуры семьи и брака**, основанной на нематериальных ценностях, наблюдается именно у представителей молодежной когорты [23, с. 76].

Вместе с тем, ее фундаментальные смысложизненные установки не меняются, оставаясь в пределах того социального порядка, который был установлен предыдущим поколением – поколением позднего индустриализма, базис которого составляет идея **свободы как автономии**, заложенной в его «генетическую память» (или по Юнгу – в «коллективное бессознательное») в результате пережитых промышленных, технологических, сексуальных и социальных революций XX в. [2]. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, социальный порядок – это человеческий продукт и в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, постольку, поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности), основу которого составляет типизация повторяющихся успешных человеческих действий [7, с. 89–91]. Основная мысль здесь заключается в том, что фактически любой институционализации как формированию социальных институтов и усвоенного людьми своих социальных ролей предшествует хабитуализация – «опривычивание» человеческой деятельности. Жизнеспособность и сила привычки обусловлена тем, что часто повторяемое действие воспроизводится с экономией усилий и освобождает человека от бремени принятия решений в ситуации неопределенности, принося ему тем самым психологическое облегчение и освобождая энергию для инноваций [26, с. 53]. Именно поэтому в сознании дигитального поколения она превращается в **свободу выбора**, которая распространяется одновременно с этим и на выбор самой системы нравственности, которой в данной ситуации придерживается личность. Индивидуализм автономной личности замещается таким образом, **индивидуализмом потребления и ведения определенного образа жизни** [6, с. 63].

В этой связи, институциональные установки семейной жизни «неизбежно вступают в конфликт со свободой индивидуального самовыражения» [17, с. 255], что, с нашей точки зрения, создает устойчивый прецедент для формирования **дуального мировоззрения**, основанного на том, что в равной степени будут нормой такие базисные противоположности, как, например, семейная и бессемейная жизнь, брачный и внебрачный союз, детоцентристский и бездетный брак, «постоянный» брак и брак «на время», первый и повторный брак, гомосексуальный и гетеросексуальный и проч. По осознании своей социальной роли (статуса, положения), **человек окончательный выбор делает сам**. Данная ситуация, с одной стороны, объясняет еще бо̲льшую дифференциацию форм семьи и брака – «пробный брак», «брак пожилых», «гостевой брак», однополый брак и так далее, заставляя все социальные сообщества – от публичного до научного – говорить если не о крахе идеи семьи, то о его аномальном, пандемическом состоянии. С другой стороны, в постиндустриальном обществе по-прежнему существует институт традиционной семьи (парной или нуклеарной) эгалитарного типа. В действительности, отмечает Е.Ю. Терешина, «мы имеем дело не с отмиранием или распадом семьи, а с распадом и трансформацией того стиля общения, который был в ней принят <…> Человечество вступило в эпоху формирования нового типа отношений в семье. Изменение старого типа отношений в семье, половозрастного разделения труда, функций – это лишь разрушение старых социальных условий, а не слов общественных устоев как таковых» [28, с. 85].

В действительности же, в условиях такой «новой нормальности» постиндустриальное общество порождает качественно новый тип универсальной семьи с уникальным набором ценностей, норм, взглядов и стереотипов поведения, мотивов потребностей и желаний, сформированным вследствие онтогенетического приспособления (адаптации [24, с. 270]) к новой социальной реальности. Тесная корреляция данного института с цифровыми технологиями позволяет назвать ее дигитальной семьей. С опорой на считающееся классическим в современном междисциплинарном научном знании определения понятия «семья» А.Г. Харчева [29], под **постиндустриальной семьей** предлагаем понимать конкретно-историческое социально-институциональное образование, представляющее собой полиформное объединение мужчины и женщины, основанное на принципах духовной связи и взаимной моральной ответственности, созданный добровольно для достижения общей цели или целей, доминирующими среди которых супружество и (или) родительство, удовлетворения потребностей различного порядка (социальных, экономических, духовных, физиологических и проч. или их совокупности), в результате объединения ресурсов и приложения совместных усилий, позволяющих выполнять базовые функции семьи. Собственно, **дигитальная семья** представляет подвид постиндустриальной семьи, отличающейся от других ее подвидов (предшественников или последователей) тем, что все функции семьи выполняются с преобладающим использованием дигитальных технологий.

Так, например, в доиндустриальную эпоху *домашняя работа* полностью или практически полностью вменялась в обязанность женщины и занимала значительную часть ее суточного бюджета времени. С наступлением индустриальной эпохи стали появляться различные сферы вспомогательных услуг и сервиса (например, ателье, прачечные), начала развиваться промышленность – пищевая (полуфабрикатов и готовой к употреблению пищи), бытовых приборов и машин (стиральных машин, холодильников, микроволновых и электропечей и проч.) и проч., которые позволили женщине высвободить значительные временные ресурсы, в последующем направленные на решение макроэкономических задач. В постиндустриальную эпоху digital-технологическое развитие позволило автоматизировать практически все хозяйственно-бытовые решения действия, включая доставку еды и других средств жизнеобеспечения; изначально этому активно способствовала локально программируемая техника (например, электропечь, мультиварка, стиральная и посудомоечная машина и проч.), затем появились системы типа «Умный дом», основанные на Интернете вещей. По мнению цифровых философов Е.А. Чеботаревой и М.С. Неаполитанского, управление домашней жизнью средствами smart-технологий создает угрозу мироустройства человека в интерсоциальном контексте, что обусловлено «утерей субъекта желаний, хозяина, чья власть оказывается симметрична власти окружающей его утвари с интернет-аккаунтами <…> Человек прошел длинный путь конструирования своего домашнего пространства, который, с одной стороны, был ориентирован на облегчение домашнего труда, а с другой – все более зависел от внешних обстоятельств и ограничений, а на данном этапе, похоже, две стороны этого процесса слились в единое поле контроля и управления приватными человеческими потребностями и удовольствиями» [32, с. 239].

Автор, таким образом, исходит из того, что человек как «хозяин» («хозяйка») перестает быть таковым вследствие переложения *хозяйственно-бытовой функции* на «умную» машину. В целом, несмотря на радикальность, с данной позицией можно согласиться, однако частично, так как в данной ситуации всегда будет две стороны: с одной – человек (*homo digital*) как хозяин (хозяйка) сознательно выводит управление домашней жизнью на периферию, сохраняя соответствующие знания, умения и навыки, в том числе для будущих поколения, для перераспределения собственных сил и обеспечения функциональный баланс в семье, тогда как с другой – нарушает его, отдавая предпочтение удовлетворению собственных желаний, потребностей, стимулируя процессы потребительства, теряя умения и навыки управления домашней жизнью, а следовательно прерывая передачу соответствующего знания будущим поколениям, исключая тем самым хозяйственно-бытовую функцию как таковую из функционального базиса семьи в оптике эволюции. Таким образом, технологии в данном случае могут выступать единовременно и как оригинальный, и как симулякральный локус трансформации семьи как социального института, оптимизируя хозяйственно-бытовую функцию, сохраняя ее изначальный смысл и социальную ценность в первом случае, и деформируя, буквально превращая ее суть в симуляцию – в другом.

Характер реформирования хозяйственно-бытовой функции самым непосредственным образом влияет на выполнение другой – *экономической функции*. Как отмечают И.С. Клецина и Е.В. Иоффе, «супруги, разделяющие эгалитарные гендерные установки, в своей семейной жизни не придерживаются принципа дифференциации дел в зависимости от пола, а используют гибкий вариант распределения семейных обязанностей и принятия решений. Гендерные установки задают партнерскую модель семейных отношений» [20, с. 151]. В подобных условиях мужское доминирование снижается и менее заметной является финансовая независимость женщины, распределение обязанностей и ответственности решается путем консенсуса. Действительно, в настоящее время, по крайне мере с рассматриваемого ракурса, ролевая позиция женщины и мужчины практически уравнена. Так, согласно экспертным данным (2023) в настоящее время женщины составляют 47,7% мировой рабочей силы [36], 15% из которых осуществляют свою профессиональную деятельность в различных сферах IT-индустрии [14]. Данная статистика едва ли учитывает такие направления занятости, как фриланс, частичную занятость, равно как и не подразделяет по гендерному признаку рынок труда в зависимости от формы занятости (традиционная и удаленная). Однако, обоснованным будет предположение о том, что цифровые технологии дают равную возможность мужчине и женщине совмещать оплачиваемый и неоплачиваемый (домашний, родительский) труд вследствие получения возможности гибких условий занятости. И данная ситуация также бинарна.

В данном случае вопрос заключается лишь в том, насколько человек (*homo digital*) как экономически активная социальная единица способен или неспособен сохранять баланс сил и времени, отводимых на выполнение своей экономической функции во благо семьи, и на другие функции, разумно нивелируя вынужденные лаги (условно, если индивид был вынужден посвятить работе времени и сил большем, чем обычно, он обязательно возместит его в последующем отдыхом). Напомним, что речь идет о семье, где оба ее члена трудоустроены и как минимум один осуществляет свои профессиональные или около-профессиональные функции с использованием цифровых технологий. К сожалению, современные тренды транслируют скорее негативную тенденцию. Еще в начале 2000-х профессор А.Р. Хохшилд писала о том, что «пронизанное» идеологией рынка рациональное современное общество вытесняет семью и дом на периферию, вследствие чего они становятся маргинальными образования [34]. Действительно, поскольку основой человеческой жизни в постиндустриальном обществе является работа, требующая максимальных временных затрат и постоянных физических и интеллектуальных усилий, люди все меньше способны отдать семье. В гендерном разрезе **конфликт «работа – семья»** это проявляется в нарастающем беспокойстве, раздражении, чувстве вины и так далее у женщин, что приводит к нарушению эмоционально-психологического климата в семье, как следствие к нарушению духовной связи, что, вследствие чего в большинстве случаев принимается решение о разводе (инициаторами, при этом, как правило, являются сами женщины). В таком случае под угрозой оказывается *коммуникационный, реактивный*, *репродуктивный* (решение о родительстве может даже не подниматься) и *функциональный аспект социализации* детей (в случае наличия таковых).

В маскулинном варианте механизм «реакции» на указанный конфликт формально идентичен фемининному, вероятно в более сокращенном вариант в плане эмотивной составляющей. Однако, теряя духовную связь, мужчина скорее примет решение о поиске таковой, пусть и в субситуционном инварианте, не желая изменять устоявшуюся модель индивидуальной и семейной жизни. В данном случае деформации подвергается помимо указанных также функция сексуального регулирования. Другим вариантом игнорирования от семейных проблем является алкоголь, наркотики и иные перформы, вызывающие зависимость, во многом являющиеся, как отмечает А.Ю. Березовская, одним из следствий разрушения ценностей фамилизма и невыполнения семьей своих социальных функций [8, с. 19]. В таком случае речь идет уже не только о деформирующем начале семьи как подсистемы общества, но и самого общества.

Таким образом, мы может заключить о том, что цифровые технологии в решении экономических задач семьи выступают в большей степени как симулякральный локус трансформации, нежели оригинальный, поскольку дигитализация труда создает лишь иллюзию возможностей высвобождения ресурсов семьи на выполнение других ее функций. Однако, данный тезис отнюдь не носит категоричный характер, так как индивид по природе своей уникален и решение о том, как распоряжаться возможностями, представленными ему занятостью с гибкими условиями – его личный выбор. В настоящее время существует достаточно эмпирических доказательств тому, что такие вновь возникающие фриланс-ассоциирование социальные феномены как, например, «мамлансерство» [30], жизнеспособны. Под фрилансом (англ. freelancer, также свободный художник) в данном случае понимается тип занятости (официальной или неофициальной), не имеющий строгой регламентации по ресурсозатратами.

Более того, в силу тенденций дигитализации рынка труда и реформации модели стандартных трудовых отношений на нестандартные, появляется качественно новый тип занятого человека – «опытный фрилансер» или «труфрилансер». Как отмечает В.С. Харченко, они являются с некоторой оговоркой настоящими, «чистыми» фрилансерами, знающими и умеющими управлять преимуществами, недостатками, ограничениями такой формы занятости, а также способные эффективно выстраивать свою жизнь, постольку поскольку о способности

к самоорганизации и ответственности зависит их экономических статус. Вместе с тем, их мировоззренческая позиция практически исключает запрос на карьеру как кодификатор состоятельности; первичным для них является свобода и творческое самовыражение [31], по крайней мере до тех пор, пока экзистенциальная модель бытия, как писал Ж.П. Сарт, себя не исчерпает.

В контексте изучения экономической функции необходимо осветить проблему **социального паразитизма (иждивенчества)**, феномена, все более распространяющегося в молодежной среде (под категорию «молодежь» согласно общемировым традициям подпадают индивиды до 37–44 лет по разным оценкам [11]), являющегося одним следствий устойчивости к депривации, описанной нами выше, стимулируемой дигитализацией социальной среды. Категория социального паразитизма (иждивенчества) рассматривается нами преимущественно в контексте теории маргинальности, которая характеризует иждивенца как индивида (личность), для которого свойственная совокупность основных признаков «структурной маргинальности – периферийности» и «социального иждивенчества» как стратегии поведения, находящуюся на стадии стагнации, в которой отсутствуют позитивные аспекты социального развития [18]. С точки зрения социальной философии, специфика социального паразитизма в дигитальном обществе обусловлена «спекулятивной природой фиктивного глобального финансового капитала, блокирующего разворачивание творческого потенциала преобладающей массы индивидов» [22, с. 15]. И в данном случае цифровые технологии дают лишь небольшому их количеству в условиях свободы как автономии решать социально значимые экономические задачи в результате монетизации труда как творческого самовыражения. Согласно мнению Е.В. Орловой, это всего 20% населения мира, мотивированного на достаток, комфорт, и разумное потребительство, тогда как остальные 80%, поддавшись социальному паразитизму создают плодородную почву для саморазрушения социума [22, с. 15].

Факторами-детерминантами социального паразитизма являются: четкое осознание своего социального положения, несоответствие представлений своего будущего реальной действительности, полная экономическая пассивность, обусловленная отсутствием мотива и потребности в заработке и полный расчет на государство, социальные институты, других людей, установка на активное потребительство, инфантильность как способ манипуляции окружающими и проч. [4, с. 131–132]. В социально-эволюционном контексте формирование характеризуемого данными факторами мировоззрения обусловлено изменениями системы ценностных ориентаций общества в поздне-индустриальный период. В 90-х гг., отмечают И.С. Кирпикова и соавт., в социальном сознании сформировалась установка о возможностях «прекрасной жизни» без профессиональных достижений, о жизни женщин за счет мужчин и мужчин за счет женщин. Вследствие этого «сформировалось легкомысленное отношение молодежи к жизни, к семье как социальному институту и к своему будущему в целом, пассивная позиция при возникновении жизненных трудностей» [19, с. 128]. В результате, макро-социум приобрел еще один сегмент – «общество чрезмерного потребления», породив тем самым новый тип семьи – **«паразитический»** («паразитический брак», «иждивенческий брак»). Данный тип брачно-семейных отношений мы относим к категории альтернативных. Продолжателями этой традиций сегодня становится особый поколенческий сегмент, названный Дж.М. Твенге **центиниалами**; это первое цифровое поколение постиндустриального (дигитального) общества, отличающиеся социальной и эмоциональной пассивностью, длительностью пребывания в психотическом пубертате (стараются продлить свое детство), восприятием жизни через призму перманентного экзистенциального кризиса [10].

В социально-функциональном контексте, социальный паразитизм как феноменологическая характеристика дигитальной семьи проистекает из **системной виртуализации сознания** отдельного индивида (мужчин, женщин, детей) и коллективного сознания, как следствие стирания границы между идеальным и реальным, реальным и виртуальным, что, как указывает С.С. Зубарева, наглядным образом иллюстрирует деструктивные последствия проникновения в социальные институты и общественные отношения по вопросам материального и духовного производства, социального воспроизводства элементов, в том числе цифровых технологий, виртуальной реальности. Последствия данных процессов, продолжает автор, обуславливает трансформацию субъективности, смысловой и ценностной сферы [16, с. 49], что собственно и создает потенциал для ошибочного восприятия дигитальным поколением (ее частью) ценности труда, финансово-экономических ресурсов, как средств, не только дающих возможность самообеспечения и достижения определенного социального статуса, но и позволяющих создать семью. В качестве причин виртуализации сознания в дигитальном обществе междисциплинарная наука видит: (1) взаимодействие с цифровыми технологиями в повседневной жизни на протяжении всей жизни и, как следствие, возникновение изменения сознания и потребностно-мотивационной сферы индивида [25]; (2) воспроизведение социальности (например, «калибровка» социальной дистанции) на основе повседневного знания, распределенного на online-платформах (социальных сетях) [3, 12]; (3) *системное погружение в нереальные процессы, имеющие реальный социальный подтекст* [1]. В целом, становится очевидным тот факт, что цифровые технологии в рамках выполнения как макро-, так и микроэкономической функции семьи могут приобретать характер «чистого» симулякрального локуса.

Состояние развития семьи на этапе перехода общества из индустриального в постиндустриальное квалифицируется представителями междисциплинарной науки как кризисное, требующее реконструкции ее аксиологической основы. Вместе с тем, приведенные нами в рамках исследования аргументы, позволяют говорить о существовании инвариантов трансформации семьи как социального института в новое институциональное образование, адаптирующееся к условиям новой дигитал-ассоциированной реальности. Безусловно, многое зависит от характера интраспективы экзистенциального генезиса человека как отдельной (самостоятельной) социальной единицы, являющегося продуцентом экстраспективы развития семьи как институциональной экосистемы, ради создания которой человек объединяется с другим человеком, а следовательно и всего общества, даже оказывающего под влиянием среды. Однако, очевидная полисемия потенциальных (перспективных) фамилистических «картин мира» *homo digital* создает множество новых научных запросов, своевременные ответы на которые позволят предупредить онтологический дисбаланс, а следовательно кризис семьи.

Литература

1. Антипов М.А. Социальность и социализация в условиях цифровизации общества // Философская мысль. 2022. № 11. С. 61–72.

2. Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.
3. Афанасьев С. В., Грязнова Е.В. Индивидуализация человека в информационной социализации // Философская мысль. 2017. № 1. С. 19–29
4. Басин М. А., Хаидов С.К. Иждивенческая позиция личности маргинальной женщины, находящейся в трудной жизненной ситуации, как негативный фактор социализации ребенка // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения: сб. науч. ст. / ред. В.Н. Ослон, Е.В. Селенина. – М., 2013. – С. 125–134.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 200 С. 76–144.
6. Беляева Е.В. Нравственные ценности эпохи постмодерна // Философия и социальные науки. 2010. № 1. С. 60–64.
7. Бергер П.Л. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания: [пер.] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.
8. Березовая А.Ю. Фамилизм как система ценностей российской семьи: региональный аспект: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.06. – Волгоград, 2017. – 26 с.
9. Богданова В.О. Экзистенциальный подход к исследованию бытия цифрового поколения // Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 17–24.
10. Бреслер М.Г. Перспективы поколения Z – первого поколения цифрового общества: социально-философский анализ: [презентация]. – М.: УГНТУ, 2023. – 31 с.
11. ВОЗ признала молодежью людей до 44 лет. – 17.05.2023 // Грозный. Информ. – ULR: https://www.grozny-inform.ru/news/society/150871/ (дата обращения: 20.04.2024)
12. Глухов А.П., Бычкова М.Н., Гужова И.В., Окушова Г.А., Стаховская Ю.М. Социально-сетевая цифровая коммуникативная культура молодежи: коллективная монография / науч. ред. А.П. Глухов. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2020. – 142 с.
13. Гурьянова А. В., Тимофеев А.В. Homo digital – субъект цифровой революции // Современные философские исследования. 2023. № 2. С. 120–129.
14. Женщины в программировании: что говорят факты и цифры. – 24.12.2022 // VC.RU. – ULR: https://vc.ru/hr/564042-zhenshchiny-v-programmirovanii-chto-govoryat-fakty-i-cifry (дата обращения: 20.04.2024)
15. Зотов В.Б. Образ будущего преподавателя дисциплин государственного и муниципального управления // Муниципальная академия. 2024. № 1. С. 249–253.
16. Зубарева С.С. Информационная реальность цифрового поколения: социально-философский анализ: дисс. … канд. философ. наук: 5.7.7. – Ростов-на-Дону, 2023. – 179 с.
17. Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // В кн.: Новая постиндустриальная волна на западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 631 с.
18. Карпикова И.С. Особенности теоретической интерпретации феномена социального иждивенчества в условиях российского социума // Baikal Research Journal. 2017. № 4. С. 9.
19. Карпикова И.С., Зимина Е.В., Соломеин А.А. Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: экспертная оценка причин и факторов существования // Известия БГУ. 2018. № 1. С. 123–120.
20. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Психология тендерных отношений. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 244 с.
21. Красноруцкий К.П. Специфика сетевого поколения в России: социокультурный образ и ценностные ориентации: дисс. … канд. философ. наук: 09.00.11. – Майкоп, 2017. – 178 с.
22. Орлова Е.В. Феномен социального паразитизма в современном обществе: социально-философские аспекты: автореф. дис. … кандидата философ. наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону, 2008. – 27 с.
23. Орлова Е.М. Формирование культуры брачно-семейных отношений в условиях общества постмодерна: философский анализ: дисс. … канд. философ. наук: 09.00.13. – Курск, 2021. – 176 с.
24. Парсонс Т. Система современных обществ; пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; науч. ред. пер. М.С. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 269 с.
25. Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'а до Homo Cyberus'а: монография. – М.: ЛитРес, 2018. – 220 с.
26. Рубанов А.В. Социальный порядок: традиции и современные подходы к изучению // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология = Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2019. № 1. С. 45–56.
27. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие: монография. – М.: Акрополь, 2022. – 356 с.
28. Трошина Е.Ю. Гендерные аспекты формирования брака и семьи // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2010. № 3 (16). С. 83–87.
29. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.
30. Харченко В.С. Особенности стиля жизни фрилансеров: перспективы социологического анализа. – 03.04.2013 // Высшая школа экономики. – ULR: https://www.hse.ru/data/2013/04/03/1233206853/4-Харченко.pdf (дата обращения: 20.04.2024)
31. Харченко В.С. Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе: автореф. дисс. … канд. социол. наук: 22.00.06. – Екатеринбург, 2013. – 22 с.
32. Чеботарева Е.Э., Неаполитанский М.С. Технологическое развитие умного дома в философской оптике // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 4. С. 115–133.
33. Coomaraswamy A.K., Penty A.J. Essays in postindustrialism: a symposium of prophecy concerning the future of society. – London; New York, 1914–283 p.
34. Hochschild A.R. The commercialization of intimate life: Notes from home a. work. – Berkeley [etc.]: Univ. of California press, Cop. 2003. – 313 c.
35. McCrindle M. From renowned social research experts Mark McCrindle and Ashley Fell come the insights and answers we need to help our switched-on, 21st-century kids thrive. – Hachette UK, 2021. – 352 p.
36. Sharma S. Women in the workplace: Bridging the gender gap. – 15.03.2023 // The Economic Times. – ULR: https://hrsea.economictimes.indiatimes.com/news/industry/women-in-the-workplace-bridging-the-gender-gap/98633914 (дата обращения: 20.04.2024)

THE PHENOMENON OF THE DIGITAL FAMILY AS A SOCIAL INSTITUTION OF THE POST-INDUSTRIAL ERA

Eliseeva E.V.
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article is devoted to the study of the phenomenon of the digital family as a social institution of the post-industrial era. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief terminological review of the category "post-industrial society" is carried out, delegating the meaning and evolutionary-semantic contract to the phenomenon of digitalization in relation to social development and, thereby, allowing us to highlight the original and simulacral loci of transformation of both itself and its basic institutes. institutes. As a result of the study of the ontology of digital society and its social unit – homo digital, the author formulates a characterological portrait of the digital family as a historical socio-subinstitutional formation, that is, as a subtype of the post-industrial family, different from its other subtypes (predecessors or successors) the fact that all family functions are performed with the predominant use of digital technologies. This provision is illustrated by the example of household and economic functions. The conclusion is that in the conditions of the obvious polysemy of potential (prospective) familistic "pictures of the world" (reality – simularity) of homo digital, many new scientific queries arise, timely answers to which will prevent ontological imbalance, and therefore a crisis of the family.

Keywords: family, social institution, post-industrial era, digital family, digital technologies, simulacrum, centennial.

References

1. Antipov M.A. Sociality and socialization in the conditions of digitalization of society // Philosophical thought. 2022. No. 11. P. 61–72.
2. Asmolov, G. A., Asmolov, A.G. The Internet as a generative space: a historical and evolutionary perspective // Questions of psychology. 2019. No. 4. P. 3–28.
3. Afanasyev S.V., Gryaznova E.V. Individualization of a person in information socialization // Philosophical thought. 2017. No. 1. P. 19–29
4. Basin M.A., Khaidov S.K. Dependent position of the personality of a marginal woman in a difficult life situation as a negative factor in the socialization of a child // Mental deprivation of children in a difficult life situation: educational technologies for prevention, rehabilitation, support: collection. scientific Art. / ed. V.N. Oslon, E.V. Selenina. – M., 2013. – P. 125–134.
5. Bell D. The Coming Post-Industrial Society: Experience of Social Forecasting; lane from English edited by V.L. Inozemtseva. – M.: Academia, 200 S. 76–144.
6. Belyaeva E.V. Moral values of the postmodern era // Philosophy and social sciences. 2010. No. 1. P. 60–64.
7. Berger P.L. Social construction of reality: Treatise on sociology. knowledge: [trans.] / P. Berger, T. Lukman. – M.: Moscow. Philosopher fund, 1995. – 322 p.
8. Berezovaya A. Yu. Familism as a value system of the Russian family: regional aspect: abstract. dis. …cand. sociol. Sciences: 22.00.06. – Volgograd, 2017. – 26 p.
9. Bogdanova V.O. An existential approach to the study of the existence of the digital generation // Society and power. 2022. No. 3 (93). pp. 17–24.
10. Bresler M.G. Prospects of generation Z – the first generation of digital society: socio-philosophical analysis: [presentation]. – M.: USNTU, 2023. – 31 p.
11. WHO recognized people under 44 years of age as youth. – 05/17/2023 // Grozny. Inform. – ULR: https://www.grozny-inform.ru/news/society/150871/ (access date: 04/20/2024)
12. Glukhov A.P., Bychkova M.N., Guzhova I.V., Okushova G.A., Stakhovskaya Yu.M. Social network digital communicative culture of youth: collective monograph / scientific. ed. A.P. Glukhov. – Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2020. – 142 p.
13. Guryanova A.V., Timofeev A.V. Homo digital – subject of the digital revolution // Modern philosophical studies. 2023. No. 2. pp. 120–129.
14. Women in programming: what the facts and figures say. – 12/24/2022 // VC.RU. – ULR: https://vc.ru/hr/564042-zhenshchiny-v-programmirovanii-chto-govoryat-fakty-i-cifry (date of access: 04/20/2024)
15. Zotov V.B. The image of a future teacher of disciplines of state and municipal management // Municipal Academy. 2024. No. 1. P. 249–253.
16. Zubareva S.S. Information reality of the digital generation: socio-philosophical analysis: diss. …cand. philosopher. Sciences: 5.7.7. – Rostov-on-Don, 2023. – 179 p.
17. Inglegart R. Cultural shift in a mature industrial society // In the book: New post-industrial wave in the West: an anthology / ed. V.L. Inozemtseva. – M.: Academia, 1999. – 631 p.
18. Karpikova I.S. Features of the theoretical interpretation of the phenomenon of social dependency in the conditions of Russian society // Baikal Research Journal. 2017. No. 4. P. 9.
19. Karpikova I.S., Zimina E.V., Solomein A.A. Social dependency and social parasitism in modern Russia: expert assessment of the causes and factors of existence // Izvestia of the BSU. 2018. No. 1. pp. 123–120.
20. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Psychology of gender relations. – St. Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen, 2018. – 244 p.
21. Krasnorutsky K.P. Specifics of the network generation in Russia: sociocultural image and value orientations: diss. …cand. philosopher. Sciences: 09.00.11. – Maykop, 2017. – 178 p.
22. Orlova E.V. The phenomenon of social parasitism in modern society: socio-philosophical aspects: abstract. dis. … candidate of philosophy. Sciences: 09.00.11. – Rostov-on-Don, 2008. – 27 p.
23. Orlova E.M. Formation of a culture of marriage and family relations in a postmodern society: philosophical analysis: diss. … cand. philosopher. Sciences: 09.00.13. – Kursk, 2021. – 176 p.
24. Parsons T. System of modern societies; lane from English L.A. Sedova and A.D. Kovaleva; scientific ed. lane M.S. Kovaleva. – M.: Aspect Press, 1998. – 269 p.
25. Pleshakov V.A. Human cybersocialization: from Homo Sapiens to Homo Cyberus: monograph. – M.: liters, 2018. – 220 p.
26. Rubanov A.V. Social order: traditions and modern approaches to study // Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology = Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2019. No. 1. P. 45–56.
27. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Vishneva A.E., Teslavskaya O.I., Chigarkova S.V. Born digital: family context and cognitive development: monograph. – M.: Acropolis, 2022. – 356 p.
28. Troshina E. Yu. Gender aspects of the formation of marriage and family // Current problems of psychological knowledge. Theoretical and practical problems of psychology. 2010. No. 3 (16). pp. 83–87.
29. Kharchev A.G. Marriage and family in the USSR. – 2nd ed., revised. and additional – M.: Mysl, 1979. – 367 p.
30. Kharchenko V. S. Features of the lifestyle of freelancers: prospects for sociological analysis.– 04/03/2013 // Higher School of Economics.– ULR: https://www.hse.ru/data/2013/04/03/1233206853/4-Kharchenko.pdf (access date: 04/20/2024)
31. Kharchenko V. S. Freelancing as a lifestyle in modern Russian society: abstract. diss. ...cand. sociol. Sciences: 22.00.06.- Ekaterinburg, 2013. - 22 p.
32. Chebotareva E. E., Neapolitansky M. S. Technological development of the smart home in philosophical optics // The Digital Scholar: Philosopher's Lab. 2020. Vol. 3. No. 4. pp. 115–133.
33. Coomaraswamy A.K., Penty A. J. Essays in postindustrialism: a symposium of prophecy concerning the future of society.– London; New York, 1914–283 p.
34. Hochschild A. R. The commercialization of intimate life: Notes from home a. work.– Berkeley [etc.]: Univ. of California press, Cop. 2003. - 313 p.
35. McCrindle M. From renowned social research experts Mark McCrindle and Ashley Fell come the insights and answers we need to help our switched-on, 21st-century kids thrive.– Hachette UK, 2021. - 352 p.
36. Sharma S. Women in the workplace: Bridging the gender gap.– 03/15/2023 // The Economic Times.– ULR: https://hrsea.economictimes.indiatimes.com/news/industry/women-in-the-workplace-bridging-the-gender-gap/98633914 (date accessed: 04/20/2024)

Специфика рекламных коммуникаций в новых реалиях за рубежом и в России

Кандалов Вадим Иванович,
к.э.н., доцент, доцент Кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; заведующий базовой кафедрой «Цифровые технологии рекламы» Московского технического университета связи и информатики
E-mail: kandalovvi@yandex.ru

Шалина Дарья Евгеньевна,
студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

В новых реалиях изменяющегося мира высокая скорость адаптации маркетинговых коммуникаций является необходимым условием выживания на нестабильных рынках с быстро меняющимися трендами. В настоящем исследовании рассматриваются основные особенности рекламного взаимодействия российских компаний и западных брендов в контексте основных транслируемых ценностей и с учетом важнейших мировых событий и направлений развития общества: специальной военной операции, пандемии Covid-19, цифровизации общества. Авторами статьи подчеркивается динамичный и непрерывный характер адаптации рекламных коммуникаций как под культурные особенности, так и современные политические, социальные и экономические процессы. Исследование, посвященное данной проблеме, позволяет целостно подходить к проблеме учета национальных особенностей при планировании и проведении рекламных кампаний.

Ключевые слова: рекламные коммуникации, кризисные условия, цифровизация, культурные ценности, социальная ответственность, специальная военная операция, Covid-19.

Современный мир политической, экономической и социальной турбулентностей требует от создателей рекламного контента быстрой адаптации под изменяющиеся реалии для возможности сохранения конкурентоспособности как в отечественной экономике, так и на мировой арене. Несмотря на устойчивость базовых культурных ценностей, которые оказывают влияние на национальную рекламу, крупные события и развитие новых технологий также играют значительную роль в формировании ожиданий покупателей. Актуальность данного исследования основывается на необходимости изучения влияния современных событий на содержание и инструменты рекламной коммуникации.

Начало 2020-х годов – эпоха кардинальных изменений общественной жизни, оказывающих существенное влияние на потребительские ценности, предпочтения и способы восприятия информации, которые являются важными факторами определения стратегии рекламной коммуникации. Неопределенности, вызванные затяжной глобальной пандемией, политической нестабильностью на международной арене, экологическими катастрофами, деглобализационными трендами и наращивающей темпы цифровой трансформацией, как никогда раньше требуют от рекламных и PR-специалистов особой адаптивности и чувствительности к настроениям целевой аудитории. В связи с углубившимися кризисами перед создателями рекламного контента стоит задача не только сохранить конкурентоспособность компании и ее товаров на меняющихся рынках, но и преобразовать особенности новых реалий в передовые технологии эффективного взаимодействия с покупателями.

Одним из самых значительных мировых событий последних лет стала специальная военная операция Российской Федерации в Украине, которая повлекла за собой уход крупнейших мировых компаний с российского рынка, обширные экономические санкции по отношению к российским производителям и приостановление деятельности многих онлайн-платформ на территории страны. Сворачивание функционирования иностранных компаний в России и ограниченные возможности продвижения национальных фирм на европейском и североамериканском рынках свидетельствуют о необходимости и доступных возможностях переориентации на локальных потребителей и захвата освободившейся ниши [2]. Новые отечественные бренды не только удовлетворяют потребности россиян, которые раньше обеспечивались зарубежным конкурентом, но лояльность к ним также позволяет выразить свой патриотичный настрой и верность общему делу.

При захвате освободившегося рынка российским компаниям необходимо соблюдать баланс между новым отечественным образом и культурными кодами, которые ассоциируются с ушедшими компаниями: у нового бренда должен быть свой уникальный и узнаваемый стиль, но в то же время реклама должна создавать образ той надежности, экспертности и опытности, которая была присуща «старым» зарубежным фирмам [2]. При этом, многие национальные компании сталкиваются с повышенными затратами на проведение рекламных кампаний из-за необходимости смены или разработки

новых каналов по причине приостановления обслуживания российских клиентов рядом крупных международных площадок. Данный переход требует дополнительных маркетинговых исследований, поскольку некоторые отечественные аналоги (например, Rutube) не охватывают в полной мере аудиторию, которая использует зарубежные платформы, поэтому возникает необходимость применения нескольких каналов для сохранения объема таргетированной целевой аудитории.

Необходимо также отметить рост социально направленной рекламы и рекламы, отражающей формирующиеся традиционные ценности общества (защита Отечества, коллективная поддержка, семейность), которые после продолжительной деидеологизации общества постепенно формируются в массовом сознании [3]. Указ Президента РФ «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (№ 809 от 09 ноября 2022 г.) также задает дальнейшее направление для формирования образов российских брендов и внедрение традиционных ценностей в рекламные кампании.

Отметим также, что выявленные особенности вписываются в парадигму российской культуры, основанную на разработанной Г. Хофстеде модели культурных измерений [14] и подтвержденную отечественными исследователями (табл. 1) [1, 4].

Таблица 1. Выражение специфики современных рекламных коммуникаций на примере некоторых культурных измерений Г. Хофстеде

Культурная категория России	Ценности	Отражение в рекламе
Маскулинность	Эффективность. Удобство. Продуктивность. Материальный успех	• Истории успеха отечественных компаний. • Быстрый и агрессивный захват ниши рынка, образовавшейся после ухода зарубежных компаний. • Переориентация на отечественные каналы взаимодействия
Высокое избегание неопределенности	Безопасность. Прочность. Традиционность. Технологичность	• Акцент на то же самое высокое качество, которое предоставляли иностранные фирмы. • Соотнесение рекламной стратегии с традиционными ценностями общества
Коллективизм	Общность. Чувство принадлежности. Взаимопомощь	• Социальность рекламы. • Поддержка национальных брендов и виртуальных платформ

За счет специфики ценностей западноевропейского пространства, реклама в странах Европы и Северной Америки обладает своими особыми тенденциями. Одной из самых ярко выраженных тенденций является фокусирование рекламы на формировании образа инклюзивности и предоставления равных возможностей для покупателей различных социальных групп и слоев. Зарубежные исследования подтверждают тренды повышенного использования представителей ЛГБТ-сообщества (включая как изображение радужной символики, так и привлечение его представителей для промо-ивентов) и plus-size моделей для создания образа бренда, доступного для всех, что коррелирует с преобладающими в современном западном обществе ценностями [9, 13].

Еще одним проявлением инклюзивности является culturally sensitive marketing, вид маркетинга, который учитывает местные культурные нюансы и разрабатывает соответствующие стратегии для привлечения целевой аудитории. Основной целью такого маркетинга является избежание культурной апроприации, которую можно определить, как заимствование элементов другой культуры для ее эксплуатации или некорректное или неуважительное использование ее атрибутов. Необходимость избегания культурной апроприации обусловлена повышенной социальной напряженностью в США (как последствие протестов движения Black Lives Matter против дискриминации чернокожего населения) и Европейском союзе в связи с большим притоком иммигрантов и беженцев из стран Ближнего Востока, Южной Азии и Северной Америки, чья культура имеет значительные отличия от европейской.

Поскольку западные покупатели ожидают от компаний соответствия общественным ценностям, в ситуации, когда бренды выражают непопулярную целевой аудитории позицию, покупатели публично выражают неодобрение действиями данных брендов в попытке оказать на них экономическое и социальное взаимодействие. В западном дискурсе приобрело популярность понятие культуры отмены (cancel culture), которое можно определить, как привлечение физического или юридического лица за неполиткорректные действия или высказывания путем осуждения в Интернет-пространстве. Примером использования культуры отмены может послужить бойкот бренда одежды «Zara» после выпуска рекламной кампании с обернутыми в белое полотно манекенами, которые внешне напоминали жертвы израильско-палестинского конфликта [10]. После осуждения кампании в социальных сетях Zara удалила рекламу на своих площадках и выпустила публичное извинение. С похожей негативной реакцией также столкнулись такие крупные бренды, как Starbucks, KFC и McDonald's, что свидетельствует о необходимости тщательного изучения позиций целевой аудитории для избежания потенциальных конфликтов ценностей компании и ее покупателей.

Несмотря на значительные культурные различия и соответствующую специфику рекламных коммуникаций на национальном и международном рынках, мы можем выделить аспекты, присущие рекламе как в России, так и за рубежом. Глобальная пандемия Covid-19 оказала значительное влияние на способы коммуникации потребителей. Ввиду значительного ограничения круга непосредственного общения и перехода большей части учреждений на дистанционный формат взаимодействия исследования зарубежных ученых выявили тенденцию к повышенным уровням тревожности, стресса и чувства изоляции, в особенности у представителей поколений Y и Z, занимающих значительную долю рынка потребления [7, 8, 12]. Так, параллельно с увеличением активности потенциальных покупателей в виртуальном пространстве они демонстрировали снижение мотивации к коммуникации в очном формате. Таким образом, в связи с повышенным потреблением контента с помощью различных дистанционных технологий при проведении рекламных кампаний фирмы должны уделять особое внимание своему цифровому присутствию и активно использовать каналы удаленной связи для установления и поддержания отношений с целевой аудиторией.

Кроме того, у потребителей рекламы снизился уровень доверия к СМИ из-за возрастания интернет-мошенниче-

ства и ложных новостей (fake news), что свидетельствует о необходимости выстраивания долгосрочных надежных отношений с клиентурой. В связи с тем, что у целевых аудиторий меняются ожидания относительно бизнеса и их роли в обществе, фирмы перестают восприниматься исключительно как экономические субъекты, которые преследуют собственную выгоду; покупатели отдают предпочтение тем компаниям, которые также положительно влияют на общество и окружающую среду, особенно в период кризисов и нестабильности [6, 11]. В эпоху превалирования технологий и быстрого распространения информации потребитель укрепляет свое влияние за счет того, что может моментально и без барьеров поделиться своим мнением о продукте с неограниченным количеством человек, поэтому компаниям необходимо обращать особое внимание на соответствие ценностям целевой аудитории и выражать поддержку важных ей ситуаций.

Еще одной важной тенденцией рекламных коммуникаций по всему миру является активное внедрение современных и инновационных технологий в рекламные кампании и их аналитику [6]. Одновременное продвижение продукта в нескольких социальных сетях и использование технологий дополненной реальности (AR и VR) позволяет повышать узнаваемость и запоминаемость бренда за счет воздействия на несколько органов чувств. В условиях информационной перенасыщенности современным потребителям свойственно клиповое мышление, при котором лучше всего усваивается яркая, визуально эстетическая информация, представленная в коротких сообщениях через несколько каналов восприятия [5]. Одним из решающих факторов также становится персонализированность предложений, что может быть повышено благодаря использованию интеллектуальных компьютерных программ при проведении маркетинговых исследований и анализе целевой аудитории и ее потребительских предпочтений. Следовательно, цифровые технологии трансформируют как содержание самого рекламного контента, так и инструменты и площадки его продвижения. В то же время необходимо учитывать следующие факторы, которые оказывают влияние на планирование рекламных коммуникаций с помощью цифровых технологий:

– высокая стоимость разработки и обслуживания некоторых инновационных технологических инструментов;
– быстротечность трендов в социальных сетях и необходимость постоянного мониторинга и быстрой адаптации;
– необходимость создания креативного контента одновременно на нескольких площадках;
– затрудненные маркетинговые исследования за счет настроек приватности;
– учащающиеся случаи кибератак на сервисы компании и вероятность утечек данных клиентов.

По результатам проведенного анализа мы можем выделить следующие черты рекламных коммуникаций в России и за рубежом (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительная характеристика специфических особенностей западной и российской рекламы

Россия	Общие черты	Западные страны
локализация под национальный рынок; заполнение освободившихся ниш	поддержание отношений с клиентом в виртуальном пространстве	национальная чувствительность рекламы (избежание культурной апроприации)
разработка и переход на отечественные рекламные и цифровые площадки	установление долгосрочных доверительных отношений	культура отмены
рост социального аспекта рекламы для сохранения и поддержания национального духа	социальная ответственность бизнеса	инклюзивность и толерантность
традиционные ценности		позитивное экологическое влияние
узнаваемость новых брендов, ассоциации со «старым» комфортом		

Таким образом, в первую очередь, специфика рекламных коммуникаций на конкретном национальном рынке определяется культурными особенностями и ценностями общества. Кроме того, влияние оказывают изменения во внутренней структуре рынка (например, уход иностранных конкурентов) и социальном устройстве общества, а также такие глобальные события, как внешнеполитические конфликты и пандемии. Помимо этого, одним из самых влиятельных факторов становится трансформация взаимодействия с покупателем и постепенный рост коммуникации в виртуальном пространстве. Несмотря на присутствующую в современном социуме социальную, политическую и экономическую напряженность, на рынке существуют возможности для быстрой адаптации и удержания конкурентных позиций. При планировании рекламных кампаний необходимо обращать внимание на основополагающие ценности целевой аудитории и также ее коммуникативные тенденции.

Литература

1. Булычева М.А. Национально-культурные особенности российской рекламы // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2008. № 1. С. 82–85.
2. Горелов О.И., Максимовских А.А. Тенденции в сфере рекламы в условиях СВО. Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: Сборник научных трудов международных научно-практических конференций. Том 10. Отв. ред.: В.П. Вершинин, А.Л. Третьяков. – М.: Московский психолого-социальный университет, 2023. С. 991–995.
3. Данилевская Н.В. Идеологические смыслы социальной рекламы нового времени (на материале текстов, посвященных СВО) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 15 (4). 2023. https://doi.org/10.17072/2073–6681–2023–4–25–36.
4. Дудин А.С. Реклама как отражение этнокультурной, национальной и государственной идентичности (теоретико-методологическое обоснование проблемы) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия, социология, культурология. Научный журнал. 2014. № 10. С. 47–51.
5. Купчинская М.А., Юдалевич Н.В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. № 3. 2019. С. 66–71.

6. Лицкевич А.А., Соловьев А.И. Реклама «во время чумы»: тренды коммуникации в условиях эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19. Журналистика – Медиалогия – Наставничество: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95летию проф. Б.В. Стрельцова и 100летию Белорусского государственного университета, Минск, 01 марта 2021 г. / Белорус. гос. унт; под общ. ред. Н.А. Федотовой; редкол.: О.М. Самусевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 335–338. https://elib.bsu.by/handle/123456789/257479.
7. Anglim G., Howrood Sh. Effect of the COVID-19 Pandemic and Big Five Personality on Subjective and Psychological Well-Being. Social Psychological and Personality Science, 2021. 12 (2). http://dx.doi.org/10.1177/1948550620983047.
8. Biondi S., Casale S., Burrai J. Personality and Lockdown: A Study on Italian Undergraduates During the COVID-19 Pandemic. Front. Psychiatry, 2021. 12. http://dx.doi.org/10.3389/fpsyt.2021.622366.
9. Bo Ra Joo, Juanjuan Wu. The impact of inclusive fashion advertising with plus-size models on female consumers: The mediating role of brand warmth. Journal of Global Fashion Marketing, 2021. 12 (3), pp.260–273. http://dx.doi.org/10.1080/20932685.2021.1905021.
10. Buheji Mohamed, Dunya Ahmed Abdullah Ahmed. Keeping the Boycott Momentum – from “War on Gaza” till “Free-Palestine”. International Journal of Management, 2023. 14 (7), pp. 205–229.
11. Dubbelink, S.I., Herrando, C., Constantinides, E. Social Media Marketing as a Branding Strategy in Extraordinary Times: Lessons from the COVID-19 Pandemic. Sustainability 2021. 13 (18). http://dx.doi.org/10.3390/su131810310.
12. Krautter K., Friese M., Hart A. No party no joy? – Changes in university students’ extraversion, neuroticism, and subjective well-being during two COVID-19 lockdowns. Applied Psychology Health and Well-Being, 2022. 14 (6). http://dx.doi.org/10.1111/aphw.12336.
13. Melton E. Nicole. Examining sport marketing through a rainbow lens. Sport Management Review, 2021. https://doi.org/10.1080/14413523.2021.1880742.
14. Hofstede G. Culture’s consequences: international differences in work related values, Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1984. – 327 p.

THE SPECIFICS OF ADVERTISING COMMUNICATIONS IN THE NEW REALITIES

Kandalov V.I., Shalina D.E.
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow Technical University of Communications and Informatics

In the new realities of a changing world, the high speed of adaptation of marketing communications is a necessary condition for survival in unstable markets with rapidly changing trends. This study examines the main features of the advertising interaction between Russian companies and Western brands in the context of the main broadcast values and taking into account the most important world events and directions of development of society: a special military operation, the Covid-19 pandemic, and the digitalization of society. The authors of the article emphasize the dynamic and continuous nature of the adaptation of advertising communications to both cultural characteristics and modern political, social and economic processes. The research devoted to this problem allows a holistic approach to the problem of taking into account national characteristics when planning and conducting advertising campaigns.

Keywords: advertising communications, crisis conditions, digitalization, cultural values, social responsibility, special military operation, Covid-19.

References

1. Bulycheva M.A. National and cultural features of Russian advertising // Modern higher school: innovative aspect, 2008. № 1. pp. 82–85.
2. Gorelov O.I., Maksimovskikh A.A. Trends in the field of advertising in the conditions of ITS. Actual problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law: Collection of scientific papers of international scientific and practical conferences. Volume 10. Ed.: V.P. Vershinin, A.L. Tretyakov. – M.: Moscow Psychological and Social University, 2023. – pp. 991–995.
3. Danilevskaya N.V. Ideological meanings of social advertising of the new age (based on the material of texts devoted to SVO) // Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology, 15 (4). 2023. https://doi.org/10.17072/2073–6681–2023–4–25–36
4. Dudin A.S. Advertising as a reflection of ethnocultural, national and state identity (theoretical and methodological substantiation of the problem) // Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities. Philosophy, sociology, cultural studies. Scientific journal. 2014. № 10. pp. 47–51.
5. Kupchinskaya M.A., Yudalevich N.V. Clip thinking as a phenomenon of modern society // Business education in the knowledge economy. № 3. 2019. pp. 66–71.
6. Likhevich A.A., Solovyov A.I. Advertising “During the plague”: communication trends in the fight against coronavirus infection COVID-19. Journalism – Media Studies – Mentoring: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 95th anniversary of Prof. B.V. Streltsov and the 100th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, March 01, 2021 / Belarusian State University; under the general editorship of N.A. Fedotova; editorial board: O.M. Samusevich (Chief editor) [and others]. – Minsk: BSU, 2021. – pp. 335–338. https://elib.bsu.by/handle/123456789/257479.
7. Anglim G., Hovrud S. The impact of the COVID-19 pandemic and the personalities of the “Big Five” on subjective and psychological well-being. Social Psychology and the Science of Personality, 2021. 12 (2). http://dx.doi.org/10.1177/1948550620983047
8. Biondi S., Casale S., Burrai J. Personality and isolation: a study of Italian students during the COVID-19 pandemic. Before. Psychiatry, 2021. 12. http://dx.doi.org/10.3389/fpsyt.2021.622366.
9. Bo Ra Zhu, Huangjuang Wu. The impact of fashion advertising featuring plus-size models on female consumers: The mediating role of brand warmth. The Journal of Global Fashion Marketing, 2021. № 12 (3), pp.260–273. http://dx.doi.org/10.1080/20932685.2021.1905021
10. Buheji Mohamed, Dunya Ahmed Abdullah Ahmed. Maintaining the momentum of the boycott – from the “War in Gaza” to the “Free Palestine”. International Journal of Management, 2023. 14 (7), pp. 205–229.
11. Dubbelink S.I., Herrando K., Konstantinidis E. Social media marketing as a branding strategy in extraordinary times: lessons from the COVID-19 pandemic. Sustainable development 2021. 13 (18). http://dx.doi.org/10.3390/su131810310
12. Krautter K., Friz M., Hart A. Is there no joy without a party? – Changes in extraversion, neuroticism and subjective well-being of university students during two quarantines due to COVID-19. Applied Psychology of Health and Well-being, 2022. 14 (6). http://dx.doi.org/10.1111/aphw.12336.
13. Melton E. Nicole. Analysis of sports marketing through the prism of bright prospects. Sports Management Review, 2021. https://doi.org/10.1080/14413523.2021.1880742
14. Hofstede G. Cultural consequences: International differences in work-related values, Beverly Hills, California: Sage Publications, 1984. – 327 p.

Влияние изучения языка в Центральной Азии на ее национальную идентичность

Ли Вэньхао,
магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: sdhmlwh@163.com

Ильмира Ильяс,
магистр, Синьцзянский педагогический университет

Язык – это культурная основа всего народа. Религия, культурные стили, образ мышления, обычаи, способы производства, образ жизни и так далее – все это неотделимо от языка. Язык – важный и незаменимый инструмент для «формирования» национальной идентичности и передачи национальной культуры. Национальный язык – это дух нации, а дух нации – это ее язык. В данной статье рассматривается влияние изучения языка на национальную идентичность в Центральной Азии, а также поэтапно анализируется развитие языка и культуры в странах Центральной Азии в разное время и на разных этапах истории. Исследование показывает настойчивость стран Центральной Азии в развитии национальных языков и национальной независимости, а также конкретные пути и влияние реформ языка и письменности, которые открывают различные перспективы для изучения изменений в развитии национальных языков в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, язык, письменность, этническая принадлежность, культура, иммиграция, кириллица, латиница, русский язык, Казахстан, Туркменистан.

Введение

Центральная Азия, географически определяется как обширный регион, простирающийся от Каспийского моря на западе до Синьцзяна (Китай) на востоке, до Афганистана на юге и до России на севере. Согласно официальному советскому определению, Центральная Азия относится только к пяти республикам: Казахской, Кыргызской, Таджикской, Туркменской и Узбекской.Русская культура оказала глубокое влияние на Центральную Азию. Русский язык долгое время был официальным языком Центральной Азии, а национальные языки народов многих стран Центральной Азии пишутся на русском алфавите[1].

После распада Советского Союза страны Центральной Азии стали независимыми от советской власти. Эти пять стран Центральной Азии долгое время находились под влиянием России в своем культурном[2], политическом и экономическом развитии. Начиная с 1863 года как территории царской России, а затем как государства, входившие в состав Советского Союза в 1923–1991 годах, создание собственной национальной идентичности и урегулирование отношений между различными этническими группами стало очень важным, что может быть отражено в языковых отношениях и глубоком влиянии изучения языка на национальную идентичность.

Природа изучения языка – это продолжение борьбы за выгоду между народами, говорящими на разных языках. Существует тесная связь между языком и этнической принадлежностью, а степень изученности языка также влияет на стабильность государственной власти. Внедрение и распространение единого языка способно содействовать социально-экономическому развитию. Язык может стать связующим звеном между национальными культурами и ценностями, создавая единую национальную общность, национальные чувства и национальную идентичность в стране.

Под нацией понимается весь народ страны. Сталин дал следующее определение: «Нация – это устойчивая общность людей, сложившаяся на протяжении истории, имеющая общий язык, общую территорию, общую экономическую жизнь и общие психологические качества, выраженные в общей культуре».По словам Уокера Коннелла, «чрезвычайно трудно определить, что такое нация, или дать определение нации, потому что сущность нации неопределенна». Он также утверждает, что нация, как в своем формировании, так и в определении, является скорее процессом адаптации, чем его определением.

Язык – это символ нации, язык – это узы, которые формируют национальное сообщество, а общий язык – это внешнее проявление национальной интеграции и необходимости национального развития. Взаимодействие людей в многоязычных смешанных районах заключается в том, что они чаще учатся, вступают в браки и изучают языки друг друга. Ежедневные обмены способствуют обмену языками, что, в свою очередь, приво-

[1] Akiner, S. (2020). Conceptual geographies of Central Asia. In Sustainable development in Central Asia (pp. 3–62). Routledge.

[2] Хайджу, Ю. (2020). Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии. Постсоветские исследования, 3(3), 250–270.

дит к расширению обмена между различными этническими группами и усилению тенденции к единению, в результате чего они объединяются в совершенно новую этническую группу. Аналогичным образом, если этническая группа отказывается от своего языка и использует язык другой этнической группы, она постепенно теряет свою самобытность и ассимилируется с другой этнической группой.

Пять основных народов Центральной Азии – узбеки, казахи, таджики, туркмены и кыргызы. В языковом отношении все эти группы говорят на языках, принадлежащих к тюркской семье и похожих на турецкий, за исключением таджиков, чей язык больше похож на современный персидский[1]. Можно определить нацию по ее языку и сделать создание государства политическим стремлением нации: после обретения независимости использование языка для укрепления единства и солидарности государства, для борьбы с языками меньшинств и даже для лишения других наций права использовать свой собственный язык стало обычным средством большинства национальных государств. Выбор того или иного языка или диалекта в качестве национального, установление норм устной и письменной речи, их популяризация и распространение среди населения, использование национального языка в письменной и издательской речи также являются проявлениями языкового национализма.

Создание центральноазиатских национальных государств стало результатом интеллектуальной зрелости обществ, а страны Центральной Азии, несмотря на доминирующее положение, сохранили собственные языковые традиции и обладали основными условиями для создания национального государства. Это предопределило наличие у центральноазиатских государств собственного уникального национального самосознания, и создание центральноазиатских государств было естественным процессом.

Первые изменения в этнической структуре среднеазиатских обществ произошли после завоевания Центральной Азии царской Россией. До завоевания Центральная Азия находилась под властью феодального строя, в котором местами даже сохранялись сильные черты рабства, а различные кочевые племена находились в состоянии постоянной вражды. Под властью России Центральная Азия стала частью мирового развития и превратилась в капиталистический строй. В культурном плане Россия создала русские школы, установила русский язык в качестве общего языка и продолжала разбавлять население местными этническими группами за счет эмиграции, чтобы достичь цели интеграции правления[2].

С 1906 по 1914 год в России проводилась масштабная столыпинская земельная реформа. Русских поощряли переселяться в Центральную Азию[3]. С социально-политическими изменениями, которые принесла Российская революция в Российскую империю, русский экспансионизм в Центральной Азии усилился. Во время революции около 250 000 крестьян были отправлены в соседние коммунистические страны в рамках политики «коллективизации». По мере того как русские продолжали эмигрировать и захватывать земли, обострились межэтнические противоречия.

В 1917 году Февральская революция привела к установлению в России буржуазного режима, а в ноябре Октябрьская революция свергла буржуазный режим и установила советскую власть. В первые годы советской власти общественно-политическая ситуация в стране была нестабильной, ЦК СССР усилил внутреннее управление Россией и ослабил управление Средней Азией, которой тогда было дано временное пространство для развития и создано несколько республик. С быстрым развитием Советского Союза он восстановил контроль над Центральной Азией и разделил ее на пять республик по этническому признаку[4].

В первые годы существования Советского Союза этническим группам разрешалось использовать арабский и латинский алфавиты для написания своих собственных письмен. По мере продвижения СССР к великорусскости контроль над языком и национальной культурой становился все более жестким. Во всех выступлениях Сталина по национальному вопросу на съездах партии великорусский шовинизм объявлялся главной опасностью для советского государства. Однако со временем требования вновь созданной сверхцентрализованной государственной структуры были удовлетворены, и русский язык стал единственным государственным языком[5].

Советский Союз ввел кириллицу в союзных республиках. Благодаря могуществу Советского Союза в то время изучение русского языка не представляло особой сложности для народов Центральной Азии, и к концу 1930-х – началу 1940-х годов языки пяти среднеазиатских республик были «кириллизированы».

В советский период на территории СССР существовало более ста языков, относящихся к семи языковым семьям: индоевропейской, алтайской, урартской, сино-тибетской, семитской и т.д. До Октябрьской революции 1917 года письменность имели только 30 народов: казахи, русские, грузины, армяне, узбеки, азербайджанцы, татары, туркмены, уйгуры, курды, таджики, чуваши и др. Кроме того, некоторые другие национальности использовали старую письменность на основе арабского алфавита, которая не была доработана, например, киргизы, башкиры, аварцы, лакцы. Национальные письменности Советского Союза времен Октябрьской революции, такие как русская, украинская, грузинская и т.д., имели систему письма, соответствующую их языкам; казахская, татарская, узбекская и таджикская письменности были основаны на арабском алфавите. Эта письменность, основанная на арабском алфавите, до сих пор используется казахами в Китае, Пакистане, Афганистане, Иране и ряде других стран Ближнего Востока[6].

В начале XX века реформа алфавита в Туркменистане была направлена на сохранение арабской письменности и одновременно на повышение разговорной выразительности туркменского языка и подчеркивание уникальной самобытности туркменского народа в таких вопросах, как долгие гласные. Впоследствии, под личным руководством Сталина, туркменский язык пережил еще один переход от латиницы к кириллице. В период бурного развития Советского Союза письменность Тур-

[1] Меметов, И. А. (2009). Сравнительная типология тюркских языков (на примере турецкого и крымскотатарского языков). Ученые записки Крымского федерального университета имени ВИ Вернадского. Филологические науки, 22(3), 55–59.

[2] Allworth, E. (Ed.). (1994). Central Asia, 130 years of Russian dominance: A historical overview. Duke University Press.

[3] Акимова, В. С., & Яковлев, А. Н. (2019). Аграрная реформа ПА Столыпина как исторический опыт для реализации программы «дальневосточный гектар». Московский экономический журнал, (2), 194–207.

[4] Haugen, A. (2003). The establishment of national republics in Soviet Central Asia (pp. 180–184). Basingstoke: Palgrave Macmillan.

[5] Миллер, А. И. (2004). Советское наследие» империи положительного действия». Политическая наука, (3), 57–69.

[6] Dietrich, A. P. (2005). Language policy and the status of Russian in the Soviet Union and the successor states outside the Russian Federation. Australian Slavonic and East European Studies, 19(1–2), 1–27.

кменистана некоторое время оставалась стабильной. О положительном влиянии языка на национальную идентичность можно судить по росту статуса русского языка в этот период. После распада Советского Союза все пять новых независимых государств Центральной Азии столкнулись с проблемой реформирования языка и письменности. Это включало в себя как проблему преобразования письменности собственных языков, так и проблему того, как регулировать отношения между русским языком, который приобрел статус де-факто лингва франка (хотя СССР не сделал его государственным), языками доминирующих народов и языками меньшинств в национальных государствах. После распада СССР в Туркменистане были проведены быстрые реформы по смене письменности с кириллицы на латиницу, что закрепило статус туркменского языка в стране, а в 1993 году в Туркменистане была проведена реформа письменности, в результате которой был создан новый туркменский алфавит. Туркменистан продемонстрировал высокую степень прагматизма: если в советский период изучение русского языка ускоряло национальный прогресс, то в современном обществе изучение английского языка является основным национальным выбором[1].

Коренные народы пяти стран Центральной Азии на протяжении многих лет смешивались друг с другом, в ряде мест существует проблема неопределенности их этнической принадлежности, и они часто вступают в различные конфликты друг с другом. Русские в Центральной Азии имеют относительно высокий статус, русские в этих пяти республиках являются основой образования, научных исследований, промышленной экономики, качество населения в целом выше, чем у основных национальностей стран, а в государственном управлении, управлении бизнесом, науке и технике, культуре и образовании, здравоохранении и других занимают важные позиции.

Стратегия Хрущева «Девственная земельная кампания» – план советского лидера Никиты Хрущева по решению сельскохозяйственных проблем Советского Союза и смягчению нехватки продовольствия, от которой страдала страна. Он заключался в привлечении комсомольцев-добровольцев в качестве рабочих для освоения земель в долине Волги, на Северном Кавказе и в Казахстане. С тех пор большое количество русских эмигрировало в Казахстан и другие страны[2] (рис. 1).

Population of Kazakhstan according to ethnic group 1897–1999

Ethnic group	census 1897[1]		census 1926[2]		census 1939[3]		census 1959[4]		census 1970[5]		census 1979[6]		census 1989[7]		census 1999[8]	
	Number	%	Number	%	Number	%	Number	%	Number	%	Number	%	Number	%	Number	%
Kazakhs	3,392,751	82.9	3,627,612	58.5	2,327,625	37.8	2,794,966	30.0	4,161,164	32.4	5,289,349	36.0	6,534,616	39.7	8,011,452	53.5
Russians	454,402	11.1	1,275,055	20.6	2,458,687	40.0	3,974,229	42.7	5,499,826	42.8	5,991,205	40.8	6,227,549	37.8	4,480,675	29.9
Uzbeks	29,564	1.3	129,407	2.1	120,655	2.0	136,570	1.5	207,514	1.6	263,295	1.8	332,017	2.0	370,765	2.5
Ukrainians			860,201	13.9	658,319	10.7	762,131	8.2	930,158	7.2	897,964	6.1	896,240	5.4	547,065	3,7
Uygurs			11,631	0.2	35,409	0.6	59,840	0.6	120,784	0.9	147,943	1.0	185,301	1.1	210,377	1.4
Tatars	55,984	1.1	79,758	1.3	108,127	1.8	191,802	2.1	281,849	2.2	312,626	2.1	327,982	2.0	249,052	1,7
Germans			51,094	0.8	92,571	1.5	659,800	7.1	839,649	6.5	900,207	6.1	957,518	5.8	353,462	2,4
Koreans			42	0.0	96,453	1.6	74,019	0.8	78,078	0.6	91,984	0.6	103,315	0.6	99,944	0.7
Turks			46	0.0	523	0.0	9,916	0.1	18,397	0.1	25,820	0.2	49,567	0.3	75,950	0.5

Рис. 1

Из приведенных данных видно, что этнические русские менялись от увеличения к уменьшению, а с 1930-х по 1979 год этническое русское население Казахстана быстро росло, и в 1979 году этническое русское население Казахстана увеличилось до 5,99 миллиона человек, или 40 процентов населения. Казахи, 5,4 миллиона человек, составляли 39 процентов населения. Этнические русские стали доминирующей этнической группой в Казахстане.

Указом президента Казахстана Назарбаева от 2017 года «О переводе казахского алфавита с кириллицы на латиницу» правительству поручено образовать государственную комиссию по переводу казахского алфавита на латиницу и обеспечить поэтапный переход казахского алфавита на латиницу к 2025 году, а также принять иные меры, в том числе организационные и законодательные, по реализации указа. Указа Президента. В интервью СМИ министр образования и науки Казахстана Ерлан Сахадиев сказал: «Согласно плану, соответствующая работа будет проводиться с 2020 года, начиная с дошкольного этапа. Сначала мы проведем обсуждения со специалистами, учителями и руководителями школ по подготовке методических материалов, после чего определим график работы по внедрению норм латинского алфавита на казахском языке в образовательные программы».

В настоящее время русский язык по-прежнему используется в качестве языка общения в пяти странах Центральной Азии. Но из-за снижения международного статуса России новой модой на изучение иностранных языков стал английский, а разнообразие языков обогатило культуру стран Центральной Азии и создало некоторые проблемы. Во-первых, это проблема передачи культуры. Советский Союз был распущен в 1991 году, что не так давно, но языки стран Центральной Азии изменились, и культурный обмен был затруднен. Это может привести к тому, что молодежь не сможет читать старые книги прошлого и возникнут трудности с распространением исторических и культурных произведений.

Существуют препятствия для общения одних и тех же народов, а народы Центральной Азии широко разделены и проживают в разных странах. Поскольку страны разные, в них проводятся разные реформы, например, обязательным является использование латинского алфавита, а также кириллицы. Русский язык до сих пор преподается в некоторых школах, а английский – исключительно для высших слоев общества. Различия в политике и неравномерное экономическое развитие разделили один и тот же народ, начавшись с языкового и культурного разделения.

Языковая реформа также оказывает давление на экономическое и социальное развитие; реформа письменности в странах Центральной Азии является долгосрочным мероприятием, большинству реформ более 20 лет, что оказывает давление на базовое языковое образование. В то же время слишком длительный

[1] Clement, V. (2018). Learning to become Turkmen: Literacy, language, and power, 1914–2014. University of Pittsburgh Press.

[2] McCauley, M. (2016). Khrushchev and the Development of Soviet Agriculture: Virgin Land Program, 1953–64. Springer.

период реформ чреват социальными противоречиями. Например, латиница используется в образовании, но кириллица по-прежнему используется на телевидении и в газетных новостях. Язык и культура содержат когнитивные, эмоциональные и другие виды субъективных факторов и не являются простыми. Развитие культуры требует постоянного накопления языков и письменности. Что касается развития языка, то замена языков занимает много времени[1].

Заключение

Формирование национального языка является основополагающим признаком формирования национальной общности, а создание современного, многонационального, единого государства и формирование совершенно нового национального сознания требует, прежде всего, создания общего национального языка[2]. Таким образом, люди смогут выработать единое национальное сознание и чувства, что заложит основу для политического единства и культурных обменов. После обретения независимости от российского владычества страны Центральной Азии надеются избавиться от влияния России, устранить культурную тень России, развивать собственные языки, а размывание русского языка является важной мерой для достижения культурной независимости Центральной Азии. После достижения политической независимости страны Центральной Азии хотели добиться независимости культурной. Поэтому замена роли русского языка в обществе на родной национальный язык стала их требованием, реализацией национального самосознания и развитием национального языка.

Литература

1. Akiner, S. (2020). Conceptual geographies of Central Asia. In Sustainable development in Central Asia (pp. 3–62). Routledge.
2. Allworth, E. (Ed.). (1994). Central Asia, 130 years of Russian dominance: A historical overview. Duke University Press.
3. Clement, V. (2018). Learning to become Turkmen: Literacy, language, and power, 1914–2014. University of Pittsburgh Press.
4. Dietrich, A. P. (2005). Language policy and the status of Russian in the Soviet Union and the successor states outside the Russian Federation. Australian Slavonic and East European Studies, 19(1–2), 1–27.
5. Guxman, M. M. (1968). Some general regularities in the formation and development of national languages. Readings in the Sociology of Language, 768.
6. Haugen, A. (2003). The establishment of national republics in Soviet Central Asia (pp. 180–184). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
7. McCauley, M. (2016). Khrushchev and the Development of Soviet Agriculture: Virgin Land Program, 1953–64. Springer.
8. Olcott, M. B. (1985). The politics of language reform in Kazakhstan. Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present, and Future. ed. Isabelle Kreindler, 345, 61.
9. Акимова, В. С., & Яковлев, А. Н. (2019). Аграрная реформа ПА Столыпина как исторический опыт для реализации программы «дальневосточный гектар». Московский экономический журнал, (2), 194–207.
10. Меметов, И. А. (2009). Сравнительная типология тюркских языков (на примере турецкого и крымскотатарского языков). Ученые записки Крымского федерального университета имени ВИ Вернадского. Филологические науки, 22(3), 55–59.
11. Миллер, А. И. (2004). Советское наследие» империи положительного действия». Политическая наука, (3), 57–69.
12. Смирнова, Т. Б. (2019). Этнические миграции и этнический состав населения государств постсоветской Центральной Азии. Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», (2), 209–213.
13. Хайджу, Ю. (2020). Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии. Постсоветские исследования, 3(3), 250–270.

[1] Olcott, M. B. (1985). The politics of language reform in Kazakhstan. Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present, and Future. ed. Isabelle Kreindler, 345, 61.

[2] Guxman, M. M. (1968). Some general regularities in the formation and development of national languages. Readings in the Sociology of Language, 768.

THE IMPACT OF LANGUAGE LEARNING IN CENTRAL ASIA ON ITS NATIONAL IDENTITY

Li Wenhao, Yilimire Yiliyasi
Xinjiang Normal University

Language is the cultural foundation of a people's wholeness. Religion, cultural styles, ways of thinking, customs, modes of production, ways of life and so on are all inseparable from language. Language is an important and indispensable tool for the "shaping" of national character and the transmission of national culture. A national language is the spirit of the nation, and the spirit of the nation is its language. This paper discusses the impact of language learning on national identity in Central Asia, and analyzes the development of language and culture in Central Asian countries at different times and in different stages of history. The content of the study reveals the insistence of the Central Asian countries on the development of national languages and national independence, as well as the specific ways and impact of language and script reforms, which provide different perspectives for exploring the development and change of national languages in Central Asia.

Keywords: Central Asia, language, script, ethnicity, culture, immigration, Cyrillic, Latin alphabet, Russian, Kazakhstan, Turkmenistan.

References

1. Akiner, S. (2020). Conceptual geographies of Central Asia. In Sustainable development in Central Asia (pp. 3–62). Routledge.
2. Allworth, E. (Ed.). (1994). Central Asia, 130 years of Russian dominance: A historical overview. Duke University Press.
3. Clement, V. (2018). Learning to become Turkmen: Literacy, language, and power, 1914–2014. University of Pittsburgh Press.
4. Dietrich, A. P. (2005). Language policy and the status of Russian in the Soviet Union and the successor states outside the Russian Federation. Australian Slavonic and East European Studies, 19(1–2), 1–27.
5. Guxman, M. M. (1968). Some general regularities in the formation and development of national languages. Readings in the Sociology of Language, 768.
6. Haugen, A. (2003). The establishment of national republics in Soviet Central Asia (pp. 180–184). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
7. McCauley, M. (2016). Khrushchev and the Development of Soviet Agriculture: Virgin Land Program, 1953–64. Springer.
8. Olcott, M. B. (1985). The politics of language reform in Kazakhstan. Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present, and Future. ed. Isabelle Kreindler, 345, 61.
9. Akimova, V. S., & Yakovlev, A. N. (2019). Agrarian reform of PA Stolypin as a historical experience for the implementation of the "Far Eastern hectare" program. Moscow Economic Journal, (2), 194–207.
10. Memetov, I. A. (2009). Comparative typology of Turkic languages (using the example of Turkish and Crimean Tatar languages). Scientific notes of the Crimean Federal University named after VI Vernadsky. Philological Sciences, 22(3), 55–59.

11. Miller, A. I. (2004). The Soviet legacy of the “affirmative action empire”. Political Science, (3), 57–69.
12. Smirnova, T. B. (2019). Ethnic migrations and ethnic composition of the population of the states of post-Soviet Central Asia. Bulletin of Omsk University. Historical Science Series, (2), 209–213.
13. Haiju, Y. (2020). The current situation of the Russian language in the states of Central Asia. Post-Soviet Studies, 3(3), 250–270.

Реализация потенциала социокультурной городской среды: на примере формирования креативного кластера Омска

Стебляк Виктор Вадимович,
кандидат искусствоведения, доцент, кафедры Театрального искусства и социокультурных процессов, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: steblyakvv@list.ru

Пищагина Юлия Александровна,
бакалавр, кафедры Театрального искусства и социокультурных процессов, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: julia_2001@inbox.ru

Лоткин Илья Викторович,
доктор исторических наук, профессор, ОМГУПС Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный университет путей сообщения»
E-mail: lotkin1917@rambler.ru/

Омск – креативный город, в котором работают множество творческих и талантливых деятелей и предпринимателей в творческой и креативной сферах. В городе существуют большое количество музыкальных и танцевальных коллективов, молодежных театров, галерей современного городского искусства, магазинов дизайнерской одежды и товаров ручной работы, мастерских и иных арт-пространств.
Основная проблема организации творческой деятельности и досуга молодёжи в Омске состоит в том, что в городской среде нет места, которое смогло бы объединить под одной крышей творческие и креативные объединения, культурные и культурно-образовательные пространства, а также мест креативного предпринимательства. Современный молодой житель Омска и творческий человек средних лет не имеет возможности прийти в одно место и получить спектр различных культурных и образовательных услуг для удовлетворения творческих потребностей, в отличие от жителей таких российских городов, как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург.
Формирование креативного кластера предполагает применение социокультурного подхода, сочетающего рассмотрение общественной и культурной проблематики в контексте анализа динамично протекающих городских процессов и преобразования эндогенной среды [2,3,4,5,6,7,8,9,10]

Ключевые слова: креативный кластер, городское пространство, социокультурная среда, социокультурный подход.

Согласно Распоряжению Правительства РФ об утверждении «Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года»: «Инфраструктура для развития творческого (креативного) предпринимательства и формирования устойчивых творческих (креативных) индустрий в регионах недостаточно развита. Креативные кластеры, несмотря на высокие риски этого вида предпринимательства, ставятся в один ряд с бизнес- и торговыми центрами». Одной из задач развития креативных индустрий является: «создание доступной и территориально равномерной инфраструктуры для творческих (креативных) индустрий, включающую креативные кластеры, творческие (креативные) инкубаторы, центры коллективного пользования специальным оборудованием» [1]

В статье 1 «Концепции развития творческих (креативных) индустрий» утверждён и зафиксирован термин «креативный кластер». Это – «взаимосвязанные организации и предприятия, размещенные на территории компактно расположенных объектов недвижимости. Креативные кластеры развиваются управляющей компанией под единым брендом и объединяют резидентов (арендаторов) из секторов творческих (креативных) индустрий, субъектов творческого (креативного) предпринимательства в целом, имеют необходимую инфраструктуру для творческой и (или) предпринимательской деятельности, являются центром для создателей и потребителей творческого продукта и позитивно воздействуют на территорию своего присутствия;» [1., с. 2]

Креативные кластеры реализуют ряд общественно-полезных функций, которые влияют на городское пространство и его жителей:

– креативные пространства во все времена были местом притяжения творческой богемы, а следовательно – становились центром культурной жизни города;– находясь в постоянном взаимодействии на одной территории, творческие объединения не просто работают рядом, а генерируют и реализуют уникальные творческие идеи в процессе общения;– креативные кластеры способствуют организации досуга жителей города; в идеале – творчески активного досуга;– они помогают преобразовывать заброшенные здания, портящие общий вид города;– способствуют развитию привлекательности и имиджа города как для его жителей, так и для туристов.

Первые креативные кластеры появились еще в конце XIX века в Париже. Район Монмартр стал местом, где творческая интеллигенция открывала галереи и кафе, постоянно проводя там свободное время. В XX веке подобного рода творческие пространства стали открываться и в других городах Европы.

В Америке творческие кластеры обрели популярность во времена Великой депрессии, когда множество промышленных предприятий были вынуждены закрыться по причине нерентабельности. Падение цен на аренду зданий стало привлекать внимание творческих личностей, которые начали снимать там помещения не только для своей деятельности, но и для проживания.

Развитие креативных кластеров в России началось относительно недавно. В 2004 году в Москве открылось творческое пространство «Artplay», которое располагалось в бывшей ткацкой фабрике. В пространстве разместилось множество архитектурных и дизайнерских бюро, а также небольших кафе.

В Москве также функционирует арт-кластер на базе бывшей кондитерской фабрики «Красный октябрь»; Дом культуры «ГЭС-2», расположенный в здании бывшей ГЭС; и множество других креативных кластеров.

В Санкт-Петербурге один из самых известных пространств является «Новая Голландия» – остров, построенный по указу Петра 1 для нужд судостроителей. На данный момент на территории находятся парк, рестораны и кафе, творческие пространства и мастерские, студии, магазины, радиостанция, музеи и галерее.

Еще один творческий кластер «Лофт проект Этажи» открылся в 2007 году в здании бывшего хлебозавода. Помимо многочисленных магазинов и кафе, в культурном центре «ЛП Этажи» проходят выставки, фестивали и другие крупные мероприятия.

Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, креативные кластеры существуют и в других городах России. Их количество в других городах уступает столичным, однако активное развитие креативных кластеров в различных регионах нашей страны говорит о заинтересованности государства в креативной сфере.

Наиболее известными являются Центр современного искусства «Заря» во Владивостоке; «Ельцин-центр» в Екатеринбурге; городской центр «АртКВАДРАТ» в Уфе. Креативные кластеры и творческие пространства находятся во многих городах России: Калиниграде, Туле, Нижнем Новгороде, Казани, Калуге, Томске, Новосибирске, Иркутске, Ростове-на-Дону, Сысерти и др.

В Омске до сих пор отсутствуют креативные кластеры крупного масштаба, на территории которых функционировало бы множество творческих и креативных объединений. Однако в городе существуют творческие пространства, в которых проводятся мероприятия различного формата.

Молодежная библиотека «Квартал 5/1» – пространство для культурно-образовательных программ и отдыха. Помещение делится на несколько залов: зал интеллектуального досуга, учебный зал, галерея, зал деловой и художественной литературы, открытая мастерская, конференц-зал.

Арт-пространство «М45» – небольшая площадка, где проходят разнообразные мероприятия; к примеру, класс йоги или кружок по изучению «Капитала» К. Маркса.

Дом культуры Мега создан в 2017 году и изначально размещался внутри торгового центра. В советское время развитием культуры занималось государство. В современном мире коммерческие компании тоже берут на себя эту ответственность, организуя подобные пространства на своей территории. Однако они трансформируют понятие «дом культуры» и превращают его в современное городское пространство. Пространство отличается от привычных просторных зданий Домов культуры с собственными залами и кабинетами для занятий. На данном этапе ДК Мега – это небольшое пространство со сценой, зрительными местами, зоной кофе-брейка, читальным уголком и магазином омских сувениров.

Помимо перечисленных в Омске существуют такие креативные пространства, как «Теплоузел», молодежное пространство «820», мастерская «Барак» и др.

Нами было сделано предположение, что жители Омска испытывают потребность в сосредоточении культурно-общественных мест и учреждений в одном месте – в создании городского креативного кластера. Для подтверждения этой потребности нами было проведено анкетирование среди молодых людей в возрасте от 14 до 36 лет. Данные показали, что основная часть молодых людей посещает культурные учреждения не часто – от 1 раза в месяц до нескольких раз в год. Лишь небольшая часть делает это один или несколько раз в неделю. Самыми популярными культурными местами оказались кинотеатры (87%), театры (51%) и музыкальные концерты (49%). Несмотря на то, что большая половина респондентов не испытывает проблемы выбора мест для проведения досуга (57%), они считают, что культурные пространства разбросаны по городу и мало разрекламированы (64%). 87% опрошенных хотят, чтобы в городе существовало подобное креативное пространство.

Исходя из проведенного опроса можно сделать выводы, что жители заинтересованы в создании пространства, которое смогло бы сконцентрировать в одном месте культурно-просветительные учреждения разнообразных сфер деятельности. Учитывая интересы опрошенных, упор можно сделать на показ фильмов, театральные постановки и музыкальные концерты.

В завершении хотелось бы отметить, что Омск обладает огромным потенциалом для развития креативных индустрий. Это доказывает большое количество арт-пространств, галерей городского искусства, современных театров и музыкальных коллективов. Объединение лучших из представителей креативных индустрий в одном месте будет способствовать творческому сотрудничеству резидентов, организации досуга жителей города и утверждению Омска, как одной из творческих столиц России.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 N 2613-р (ред. от 26.01.2024) «Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» [Открытый интернет-источник]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/
2. Леонова Д. О., Рябкова Е.Б. Трансформация городского пространства: креативные кластеры как новый инструмент развития Хабаровска //Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Тихоокеанский государственный университет, 2020. Т. 2. С. 183–189.
3. Дизайн-завод «Флакон» – винтажное место и территория творчества в промышленной зоне бывшего Хрустального завода имени Калинина // Яндекс Дзен [Электронный ресурс] URL: https://dzen.ru/a/Y3R8tz-fpB5RcXrJ (дата обращения: 12.04.2023).
4. Квартал ARTPLAY // Яндекс Картинки [Электронный ресурс] URL: https://avatars.mds.yandex.net/getaltay/1908863/2a00000169cda8dea-97b94e33d81547013b8/XXXL (дата обращения: 12.04.2023).
5. Место силы: Центр творческих индустрий «Фабрика» // Агентство социальной информации [Электронный ресурс] URL: https://www.asi.org.ru/2018/04/20/mesto-sily-fabrika/ (дата обращения: 13.04.2023). 5. Промпоезд. Арма-Артплей-Винзавод // Усадебный экспресс [Электронный ресурс] URL: https://www.usadboved.ru/arma_artplay_vinzavod (дата обращения: 13.04.2023). 6. «Винзаводу» // Москва и партнеры. Достопримечательности всей России и Мо-

сквы [Электронный ресурс] URL: https://msbpartner.ru/moscow/foto-centra-sovremennogoiskusstva-vinzavod-80-foto.html (дата обращения: 13.04.2023).
6. БЦ Арт-кластер Завод Кристалл (офисы) // Лофты и Апартаменты в Москве [Электронный ресурс] URL: https://www.loft-apart.ru/apartments/gorod_kristall.html (дата обращения: 13.04.2023).
7. Бекова А.В. Повышение эффективности использования городских территорий за счет редевелопмента промышленных зон //Международный академический вестник. 2019. № . 12. С. 2–4. 70 9. Дианова-Клокова И.В., Метаньев Д.А., Хрусталев Д.А. К вопросу об инновационном преобразовании пространства памятников индустриальной архитектуры //Системные технологии. 2021. № . 1 (38). С. 167–179.
8. Стебляк В.В. Специфика социокультурного проектирования в современной России //Культура и цивилизация. 2018. – № 6 с. 77–86
9. Стебляк В.В. Проектирование современной социокультурной среды//Культурное пространство русского мира Журнал. Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,2019№ 2, с. 26–32
10. Центр креативных индустрий [Открытый интернет-источник]: https://kino-nso.ru

REALIZING THE POTENTIAL OF THE SOCIOCULTURAL URBAN ENVIRONMENT: THE EXAMPLE OF THE FORMATION OF A CREATIVE CLUSTER IN OMSK

Steblyak V.V., Pishchagina Yu.A., Lotkin I.V.
Omsk State University named after. F.M. Dostoevsky, Omsk State Transport University

Omsk is a creative city, where many creative and talented people and entrepreneurs work in the creative and creative fields. The city has a large number of music and dance groups, youth theaters, galleries of contemporary urban art, stores of designer clothing and handmade goods, workshops and other art spaces.
The main problem of organizing creative activities and leisure time for young people in Omsk is that in the urban environment there is no place that could unite artistic and creative associations, cultural and cultural-educational spaces, as well as places of creative entrepreneurship under one roof. A modern young resident of Omsk and a middle-aged creative person does not have the opportunity to come to one place and receive a range of different cultural and educational services to satisfy creative needs, unlike residents of such Russian cities as Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, Yekaterinburg.
The formation of a creative cluster involves the use of a sociocultural approach that combines consideration of social and cultural issues in the context of the analysis of dynamic urban processes and the transformation of the endogenous environment [2,3,4,5,6,7,8,9,10]

Keywords: creative cluster, urban space, sociocultural environment, sociocultural approach

References

1. Order of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2021 N 2613-r (as amended on January 26, 2024) “On approval of the Concept for the development of creative industries and mechanisms for the implementation of their state support until 2030” [Open Internet source]: https:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/
2. Leonova D. O., Ryabkova E.B. Transformation of urban space: creative clusters as a new tool for the development of Khabarovsk // New ideas of the new century: materials of the international scientific conference FAD TOGU. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pacific State University, 2020. Vol. 2. pp. 183–189.
3. Design Factory «Flacon» – a vintage place and territory of creativity in the industrial zone of the former Kalinin Crystal Factory // Yandex Zen [Electronic resource] URL: https://dzen.ru/a/Y3R8tz-fpB5RcXrJ (access date: 04/12/2023).
4. ARTPLAY Quarter // Yandex Pictures [Electronic resource] URL: https://avatars.mds.yandex.net/getaltay/1908863/2a00000169cda8dea-97b94e33d81547013b8/XXXL (access date: 04/12/2023).
5. Place of power: Center for Creative Industries “Fabrika” // Social Information Agency [Electronic resource] URL: https://www.asi.org.ru/2018/04/20/mesto-sily-fabrika/ (access date: 13.04. 2023). 5. Industrial train. Arma-Artplay-Winzavod // Manor Express [Electronic resource] URL: https://www.usadboved.ru/arma_artplay_vinzavod (access date: 04/13/2023). 6. “Winzavod” // Moscow and partners. Sights of all Russia and Moscow [Electronic resource] URL: https://msbpartner.ru/moscow/foto-centra-sovremennogoiskusstva-vinzavod-80-foto.html (access date: 04/13/2023).
6. BC Art Cluster Plant Crystal (offices) // Lofts and Apartments in Moscow [Electronic resource] URL: https://www.loft-apart.ru/apartments/gorod_kristall.html (access date: 04/13/2023).
7. Bekova A.V. Increasing the efficiency of use of urban areas through the redevelopment of industrial zones // International Academic Bulletin. 2019. no. 12. P. 2–4. 70 9. Dianova-Klokova I.V., Metanyev D.A., Khrustalev D.A. On the issue of innovative transformation of the space of monuments of industrial architecture //System technologies. 2021. no. 1 (38). pp. 167–179.
8. Steblyak V.V. Specifics of sociocultural design in modern Russia // Culture and Civilization. 2018. – No. 6 p. 77–86
9. Steblyak V.V. Designing a modern socio-cultural environment//Cultural space of the Russian world Magazine. Omsk, Omsk State University named after. F.M. Dostoevsky, 2019 No. 2, p. 26–32
10. Center for Creative Industries [Open Internet source]: https://kino-nso.ru

Тюремная субкультура как объект изучения социальной антропологии

Пономарев Сергей Борисович,
доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнений наказаний
E-mail: docmedsb@mail.ru

Статья посвящена проблеме тюремной субкультуры. Показано, что сообщество лиц, отбывающих наказание, обладает признаками объекта социальной антропологии. Рассмотрены его отличительные черты, причины возникновения и развития. Показано сходство моделей кастообразования в коллективах осужденных и в индийском средневековом обществе. Сделан вывод о причинах существования тюремной субкультуры как антропологического феномена.

Ключевые слова: тюремная субкультура, социальная антропология, коллективы осужденных, исполнение наказания.

Особенности социальной организации сообществ людей традиционно рассматриваются с позиций социальной антропологии. При этом основной упор в научных исследованиях, относящихся к проблемам этой науки, делается, чаще всего, на изучение архаических или т.н. «примитивных» племен [1]. Социальной антропологией накоплен большой объем знаний об особенностях культурной жизни народов, как населявших ранее, так и ныне населяющих Землю. Обширный эмпирический материал свидетельствует о единой структуре культурных проявлений в различных, подчас отделенных друг от друга тысячами километров социумах. Указанное явление, получившее название культурной гомоплазии [2], трактуется по-разному, но наиболее обоснованным нам представляется объяснение, указывающее на подчинение материальной практики индивида единым законам психической деятельности, независимо от различных условий пребывания человека во времени и пространстве. Причиной феномена социальной гомоплазии, в соответствии с этим объяснением, является наличие у человека универсальных мыслительных алгоритмов «чистого созерцания», неких априорных схем, заполняемых в процессе взаимодействия личности с окружающим миром конкретным апостериорным содержанием, являющимся результатом практического опыта. Указанное можно проиллюстрировать на примере такого явления как табу [3]. Анализ показывает, что причиной существования табу во многих, не связанных друг с другом, первобытных обществах являются по крайней мере три причины. Во-первых, это постоянное пребывание в страхе перед необъяснимыми грозными силами окружающего мира, несущими смерть и несчастья как племени, так и отдельному человеку [4]. Во-вторых, это стремление найти объяснение указанным силам, обнаружить причинно-следственные связи между отдельными, разрозненными на первый взгляд, явлениями окружающей действительности с целью предугадать наступление некого неблагоприятного события. И, в-третьих, стремление выявить скрытые рычаги управления как силами природы, так и своей судьбой посредством неких магических действий, основанных на созданных логических конструкциях [5, 6]. В формировании многих культурных явлений, таких, например, как выбор имени, поклонение тотему, похоронные обряды, инициация, наложение табу и т.п. задействованы два основных логических приема – дедукция (логическое движение от общего к частному) и индукция (логическое движение от частного к общему). Третий логический механизм – это рассуждение по аналогии, которое заключается в том, что из сходства объектов в одних признаках предполагается их сходство в других признаках [7].

Необходимо отметить, что подавляющее большинство исследований в области социальной антропологии касаются примеров антропогенеза в прошлые века или даже тысячелетия (относящиеся к временам палеолита и неолита). В то же время крайне редки (практически отсутствуют) примеры описания антропогенеза, который происходит в настоящее время. А, между тем, существует одно уникальное «племя», в развитии культурной жизни которого можно динамически проследить формирование многих специфических обычаев и ритуалов. Речь идет о российской пенитенциарной системе,

в которой содержатся люди, вовлеченные в тюремную субкультуру.

Причины появления такого сложного явления, как тюремная субкультура можно оценить с различных сторон. Не секрет, что для появления сложных культурных явлений (обычаев, мифологии, языка, материального творчества и т.п.) необходимо наличие достаточно высокой численности членов сообщества, формирующего данную культуру. Следует отметить, что в отдельные периоды истории нашей страны численность лиц, содержащихся в местах лишения свободы, достигала 2,7 миллиона человек [8]. При этом отмечалось содержание в учреждениях уголовно-исполнительной системы в двадцатые-сороковые годы XX века большого числа носителей традиционных для России культурных традиций – представителей интеллигенции, духовенства, аристократии, что повлияло (как ни странно это покажется) на формирование культурных воровских традиций [9]. Не последнюю роль в появлении уникальной тюремной субкультуры в нашей стране сыграла и ориентировка руководства советской уголовно-исполнительной системы на представителей криминального мира, как на социально-близкий элемент (это следовало из ложной интерпретации положений марксистско-ленинской идеологии). Значительное влияние на формирование российской тюремной субкультуры сыграла также обстановка 90-х годов XX века, когда в нашей стране отмечался небывалый взлет преступности и активное вовлечение уголовных элементов в бизнес [10]. Таким образом, как отмечают исследователи, в нашей стране на протяжении длительного времени активно развивалась уникальная тюремная субкультура [11]. Исследователи единодушны с том, что она не имеет аналогов в других (даже высоко криминализованных) странах мира. При этом среди ученых-криминологов существует точка зрения, согласно которой тюремная субкультура – это собственно не субкультура, а целостная, законченная в своем формировании культура, распространившаяся на всё современное российское общество [10, 13].

Несмотря на то, что российская тюремная субкультура достаточно хорошо изучена с позиций криминологии, работ, касающихся ее исследования позиций социальной антропологии немного. Вместе с тем, всеми исследователями отмечается наличие признаков, указывающих на наличие в тюремной субкультуре стройной системы воровских обычаев, мифологии, специфического тюремного языка (более 20 тысяч слов) [14]. Интересны исследования, касающиеся проявления в тюремной субкультуре Юнговских архетипов [15], наличия системы тюремных табу [3]. Особый раздел криминологических исследований касается примитивного тотемизма – самоидентификации осужденных с тотемным животным, реализуемой, в частности, с помощью нанесения татуированного изображения хищника на тело арестанта [3].

Уникальным явление тюремной субкультуры является наличия в ней жесткого деления на тюремные касты, каждой из которых присущи специфические признаки и черты. Внешне кастовая иерархизация в тюремном социуме сходна с кастовой структурой древнего индийского общества. Необходимо отметить, что в той или иной форме кастовая система, построенная по единым принципам, была присуща многим культурам. Помимо Индии, в прошлом кастовые системы были отмечены в Японии, Непале, Корее, Иране, Афганистане, Бирме, Бали, в ряде стран Африки. Наличие каст имелось также у живущих в Индии и в Пакистане мусульман, а также у индийских христиан. В средневековой Европе кастовые системы существовали в Дании, Германии, Норвегии, Финляндии, Франции, Англии, Португалии и в других государствах [16].

Важным проявлением феномена культурной гомоплазии является то, что социальные кастовые системы различных стран (сюда же относится и социальная иерархия, существующая в российских местах лишения свободы) построены по единой схеме. Так, например, при проведении сравнительного анализа традиционного кастового строения индийского древнего общества и системы тюремных каст в России выявлены поразительные параллели: каждой тюремной «масти» соответствует свой коррелят в системе индийских каст [3]. Тюремная социальная пирамида «авторитеты»-«воры»-«-мужики»-«опущенные» полностью копирует индийскую схему построения общества «брахманы»-«кшатрии»-«-шудры»-«хариджане» [3].

Стоит также задаться вопросом о причинах и механизмах формирования всех указанных признаков и проявлений тюремной субкультуры. Очевидно, что корень проблемы необходимо искать в условиях, при которых общество людей начинает выстраивать свои внутренние структуры по сходным лекалам. Что общего между условиями существования человека в первобытном состоянии и условиями его пребывания в учреждении пенитенциарной системы? Общим является страх. Страх перед враждебной окружающей средой, неуверенность в завтрашнем дне, неверие в изменчивую судьбу, бессилие перед проявлениями внешнего мира, отчаяние. В условиях тюремной изоляции человек деморализован и подавлен, испытывает мощный психологический стресс, в пенологии носящий название пенитенциарного стресса [17,18]. Стремление избавиться от внутреннего дискомфорта и дезориентации требует от людей построения новой системы социальных взаимоотношений внутри коллектива осужденных, создания новых паттернов поведения, стремление к новой универсальной культурной матрице, включающей тюремные «понятия», специфические ритуалы и обычаи. Еще один вопрос, который требует своего разрешения. Почему на сегодня, согласно мнению ученых-криминологов [10,13], российская тюремная субкультура является наиболее агрессивной среди всех контркультур? Ответ на этот вопрос очевиден. Известно, что система исполнения наказаний, как социальный институт является отражением общества. Процессы, происходящие в базовом обществе, неизбежно влияют на состояние тюремного социума. Десятилетия богоборчества, массовые репрессии, ложные идеологические установки, реализация которых на практике привела к беспрецедентному росту числа лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, проведение жульнической приватизации, рост преступности в постперестроечной России, появление новой элиты, воспитанной на криминальных установках – все это привело к появлению в России нового антропологического феномена – тюремной субкультуры.

Литература

1. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь/М.: Изд-во политической литературы, 1984. – 702 с.
2. Пономарев С.Б. Проявления феномена культурной гомоплазии в тюремной субкультуре //Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2023. – № 3. – С. 169–173.
3. Пономарев С.Б. Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре/ Ижевск: изд-во ИжГТУ им. М.Т. Калашникова, 2021. – 160 с.

4. Плескач В.Н. Табу – первоначальная форма нормативной регуляции поведения человека в первобытном обществе//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 4. – С. 281–284.
5. Авакян Л. А., Голубева С.Л. Табу в культуре: культурные и социально-антропологические аспекты// Научное мнение. –2021. – № 7. – С. 16–20.
6. Токарев С.А. Ранние формы религии/ М.: Политиздат, 1990. – 545 с.
7. Томпсон М. Философия науки/ М.: Издательский дом «Гранд», 2003. – 298 с.
8. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.
9. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура)/ Тверь: ИПП «Приз», 1994. – 135 с.
10. Ханипов Р.А. Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современно российского общества// Мир России. – 2008. – № 3. – С. 132–148.
11. Тищенко Н.В. Тюремная субкультура: понятие, характеристика, особенности// Вестник СГТУ. – 2013. – № 2 (70). – С. 229–233.
12. Шемякина В.В. Криминальная субкультура в современной России / дисс..канд. юр. наук. – Челябинск, 2010. – 156 с.
13. Иванова А.А. Криминальная культура как детерминант преступности// Всероссийский криминологический журнал. – 2017. -№ 4. – С 671–681.
14. Пархоменко Е.В. Язык как способ бытия субъекта (на материале локальной языковой системы – воровского арго)/ автореф дисс. канд. филос. наук. – Краснодар, 2019. – 25 с.
15. Антонян Ю.М. Архетип и преступность/М.: Вече, 2009. – 448 с.
16. McCloy Shelby T. The Cagots: A Despised People in France // South Atlantic Quarterly. – 1955. – 54 (1). – PP 44–55.
17. Чирков А.М. Пенитенциарный стресс// Вестник института: преступление, наказание, исправление. –2009. – № 8. – С. 47–55.
18. Ермасов Е.В. Психологический стресс в условиях изоляции // Развитие личности. – 2009. – № 2. – С. 85–99.

PRISON SUBCULTURE AS AN OBJECT OF STUDY OF SOCIAL ANTHROPOLOGY

Ponomarev S.B.
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article is devoted to the problem of prison subculture. It is shown that the community of persons serving sentences has the characteristics of an object of social anthropology. Its distinctive features, reasons for its occurrence and development are considered. The similarity of caste formation models in groups of convicts and in Indian medieval society is shown. A conclusion is drawn about the reasons for the existence of the prison subculture as an anthropological phenomenon.

Keywords: prison subculture, social anthropology, groups of convicts, punishment execution.

References

1. Frazer D.D. The Golden Bough / M.: Publishing House of Political Literature, 1984. – 702 p.
2. Ponomarev S.B. Manifestations of the phenomenon of cultural homoplasia in the prison subculture //Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2023. – No. 3. – P. 169–173.
3. Ponomarev S.B. Analysis of the triad “archetype-totem-taboo” in the penitentiary subculture / Izhevsk: Izhevsk State Technical University. M.T. Kalashnikova, 2021. – 160 p.
4. Pleskach V.N. Taboo is the original form of normative regulation of human behavior in primitive society // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – No. 4. – P. 281–284.
5. Avakyan L. A., Golubeva S.L. Taboo in culture: cultural and socio-anthropological aspects // Scientific opinion. –2021. – No. 7. – P. 16–20.
6. Tokarev S.A. Early forms of religion / M.: Politizdat, 1990. – 545 p.
7. Thompson M. Philosophy of Science / M.: Grand Publishing House, 2003. – 298 p.
8. Luneev V.V. Crime of the 20th century: global, regional and Russian trends / M.: Wolters Kluwer, 2005. – 912 p.
9. Pirozhkov V.F. Laws of the criminal world of youth (criminal subculture) / Tver: IPP “Priz”, 1994. – 135 p.
10. Khanipov R.A. The rootedness of prison and criminal practices in the culture of modern Russian society // World of Russia. – 2008. – No. 3. – P. 132–148.
11. Tishchenko N.V. Prison subculture: concept, characteristics, features // Bulletin of SSTU. – 2013. – No. 2 (70). – P. 229–233.
12. Shemyakina V.V. Criminal subculture in modern Russia / diss. legal nauk. – Chelyabinsk, 2010. – 156 p.
13. Ivanova A.A. Criminal culture as a determinant of crime // All-Russian Journal of Criminology. – 2017. -No. 4. – From 671–681.
14. Parkhomenko E.V. Language as a way of being of a subject (based on the material of the local language system – thieves’ argot) / abstract of dissertation. Ph.D. Philosopher Sciences. – Krasnodar, 2019. – 25 p.
15. Antonyan Yu.M. Archetype and crime / M.: Veche, 2009. – 448 p.
16. McCloy Shelby T. The Cagots: A Despised People in France // South Atlantic Quarterly. – 1955. – 54 (1). – RR 44–55.
17. Chirkov A.M. Penitentiary stress // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. –2009. – No. 8. – P. 47–55.
18. Ermasov E.V. Psychological stress in conditions of isolation // Personality Development. – 2009. – No. 2. – S. 85–99.

Исследование русского перевода китайской классической поэзии с точки зрения культурной лакуны (на примере поэзии Ли Бая)

Чжан Линлин,
магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 161926337@qq.com

Перевод китайской литературы – один из способов распространения китайской культуры, однако в процессе перевода часто возникает феномен культурных лакун, который доставляет переводчикам большие неудобства. Русский и китайский языки имеют свои отличительные особенности, которые особенно ярко проявляются в культуре поэзии, и наличие культурных лакун ещё больше увеличивает трудности перевода. В данной статье предполагается проанализировать причины возникновения культурных лакун и их классификацию с точки зрения культурных лакун, анализировать и изучить русские переводы стихотворений Ли Бая, поэта китайской династии Тан, и обобщить методы русских переводов классических стихотворений с точки зрения культурных лакун.

Ключевые слова: Культурная лакуна, Ли Бай, классическая поэзия, русский переводоведение.

Определение и классификация культурной лакуны

Слово «лакуна» происходит от французского слова «lacune», которое первоначально означало «пустой, дефектный». С появлением этого понятия теория культурных лакун стала широко использоваться в исследовании переводческой деятельности. В конце 1980-х годов российские лингвисты Сорокин и Марковна обнаружили феномен лакуны в процессе понимания и анализа межкультурных текстов, и они считали, что незнакомые и непонятные места, возникающие при чтении и понимании читателями различных культурных текстов, и есть феномен лакуны, поскольку эти места воплощают уникальные национальные особенности текста. Исходя из этого, далее разделяются три типа лакуны, а именно: лингвистические лакуны, культурологические лакуны и текстовые лакуны.

Среди них, как важная ветвь понятия «лакуна», культурная лакуна обозначает тот факт, что в межкультурной коммуникации языковые и культурные явления одной национальности не существуют в другой. Это явление обычно отражается в лексике, обычаях, традициях, ценностях и так далее, что приводит к трудностям и недопониманию в процессе общения между людьми разной культурной принадлежности. Культурная лакуна может быть вызвана различиями в языке, истории, географии, религии и других факторах между народами. В переводе и межкультурной коммуникации культурная лакуна является важной областью исследования, поскольку она влияет на точную передачу и понимание информации. Феномен культурной лакуны часто встречается в китайских литературных произведениях, и наиболее заметным литературным вкладом этих произведений являются поэмы эпохи Тан и Сун, которые также востребованы китайскими и зарубежными учёными-переводчиками.

Классификация культурной лакуны

Сорокин и Марковина делят культурные лакуны на: субъектные или национально-психологические лакуны, которые отражают этнокультурные особенности коммуникаторов, принадлежащих к разным языковым и культурным общностям, в том числе личностные лакуны, эмоциональные лакуны, мыслительные лакуны; деятельностно-коммуникативные лакуны, в ней отражены национально-культурные особенности различных коммуникативных видов деятельности, в том числе разрыв в способе мышления и поведении, а также лакуны культурного пространства, отражающие различные оценки культурного пространства и сцен деятельности различными языковыми и культурными сообществами, включая лакуны осведомленности и восприятия, лакуны культурного резерва и лакуны фольклора.

С углублением теоретического понимания культурной лакуны, культурная лакуна может быть подразделена на следующие виды:

1. Лексические лакуны: Лексические лакуны означают, что некоторые слова имеют конкретные значения и функции в одной культуре, но не имеют аналогов или слов с похожим значением в другой. Например, слово

«ли», единица измерения длины, уникальная для Китая, не имеет точного эквивалента в русском языке.

2. Концептуальные лакуны: концепции, идеи или ценности, уникальные для одной культуры, которые не существуют или непонятны в другой культуре. Например, «инь и янь» и «пять элементов» в нашей традиционной культуре трудно понять в других странах.

3. Лакуны в сфере культурных явлений: некоторые культурные явления, имеющие особое символическое значение в одной культуре, не существуют в другой. Например, китайский Праздник весны и Праздник середины осени могут не иметь культурных аналогов в других странах.

4. Лакуны в обычаях: В межкультурной коммуникации представители разных культур различаются по некоторым обычаям, что может привести к путанице и непониманию в общении. Например, в некоторых западных странах принято обниматься и целоваться при встрече, в то время как в некоторых азиатских культурах такое поведение может считаться слишком интимным или невежливым.

5. Лакуны исторического контекста: исторические события, люди, а также слова, обычаи и т.д. в некоторых культурах, которые были созданы в определенном историческом контексте, могут быть неизвестны или непонятны в другой культуре. Например, война сопротивления против японской агрессии в Китае, Отечественная война в России и т.д. могут не иметь такого же исторического фона в других странах и регионах.

6. Географические лакуны: географические особенности, природные явления и связанные с географией привычки жизни в одних культурах могут не существовать или быть труднопонятными в другой культуре. Например, гонки на драконьих лодках в рамках Фестиваля драконьих лодок на юге и развешивание куплетов в рамках Праздника весны на севере – это культурные явления, связанные с географической средой. В межкультурной коммуникации понимание и решение проблемы культурных пробелов может помочь снизить коммуникативные барьеры и лучше понять и адаптироваться к поведению и ценностям разных культур.

Причины культурной лакуны

Возникновение и существование феномена культурных лакун – очень сложный вопрос, который является неизбежным продуктом восприятия мира людьми по отношению к другим народам. То, что две культуры Китая и России находятся в разных географических условиях и социальных слоях, что их уникальные ценности, образ мышления и исторические корни сильно отличаются, является основной причиной возникновения культурных лакун.

Различия в географии: различия в географической среде, природном ландшафте и климатических условиях на разных территориях привели к различиям в адаптации к окружающей среде, эксплуатации ресурсов и способах выживания у разных народов, что сформировало их отличительные культурные особенности.

Различия в историческом развитии: различия в путях исторического развития, исторических событиях и традиционных представлениях разных этнических групп привели к большим различиям в ценностях, моральных представлениях, религиозных верованиях и других аспектах каждой этнической группы.

Языковые различия: язык является носителем культуры, и различия в грамматической структуре, словарной системе и выражении разных языков затрудняют различным этническим группам выражение и понимание определенных понятий, что приводит к культурным лакунам.

Различия в социальных системах: Различия в социальных системах, политических системах, законах и правилах различных этнических групп влияют на обмены и сотрудничество между этническими группами, а также могут привести к возникновению культурных лакун.

Различия в национальной культуре: Национальная культура является духовной опорой нации, включая народные сказки, обычаи, праздники, искусство и другие формы. Различия в культурных особенностях и традиционных обычаях разных этносов часто приводят к культурным лакунам.

Образовательные диспропорции: образование является важным средством передачи культуры, и различия в концепциях образования, образовательных методах и учебных программах различных этнических групп создают барьеры для передачи и принятия знаний и навыков между различными этническими группами.

Различия в научно-техническом развитии: уровень научно-технического развития влияет на коммуникацию и сотрудничество между народами, а также на создание и распространение культурных продуктов. Различия в уровне научно-технического развития могут привести к возникновению феномена культурных лакун.

Процесс глобализации: по мере развития глобализации культурные обмены между этническими группами расширяются, но в процессе глобализации также наблюдается тенденция к культурной гомогенизации, которая может привести к забвению или исчезновению некоторых этнических культурных особенностей, создавая тем самым культурные лакуны.

В заключение следует отметить, что феномен культурных лакун является результатом совместного действия многих причин. В процессе межкультурной коммуникации понимание и уважение культурных особенностей различных национальностей, повышение уровня межкультурной осведомленности и применение соответствующих переводческих стратегий могут помочь уменьшить явление культурной лакуны и способствовать успешному развитию межкультурной коммуникации.

Исследование русского перевода китайской классической поэзии с точки зрения культурной лакуны

На примере поэзии Ли Бая

Ли Бай является типичным представителем периода расцвета династии Тан, его произведения полны стремления к идеальной жизни, отражают фон социально – политического, экономического и культурного процветания династии Тан, в своей поэзии он выражает стремление к свободе, идеалу и прекрасной жизни, а также выражает недовольство и критику реального мира. Его поэзия содержит богатую историческую информацию, которая дает будущим поколениям ценную информацию для изучения истории династии Тан. Поэзия Ли Бая имеет высокий исторический статус и стала величайшим романтическим поэтом в истории древней поэзии. Его поэзия обогатила сокровищницу китайской культуры и оказала глубокое влияние на последующие поколения. Русские китаисты Л.Эйдлин、А.Гитович、А.Ахматова、С.Торопцев, и так далее участвуют в переводе.

Дословный перевод

Дословный перевод культурных явлений в стихотворении, чтобы можно было точно воспроизвести культурные явле-

ния исходного языка, и максимально сохранить колорит иноязычной культуры.

Пример:

《春夜洛城闻笛》

“谁家玉笛暗飞声，散入春风满洛城” Ю.К. Щуцкий перевёл

Из чьего, я слышу, дома звуки яшмовой свирели,
В темноте летя, пропели?
Проникают эти звуки в вешний ветер, устремляясь
В город Ло и рассыпаясь.

В этом предложении использован метод дословного перевода, что соответствует стилю оригинала. «Яшмовая свирель» часто используется в древней китайской поэзии для выражения тоски поэта по дому, а звук свирели часто вызывает грусть путешественника, и мысль о том, что он слышит свирель, стала обычным эмоциональным откликом. Однако в русской культуре подобная символика отсутствует, поэтому возникает культурная лакуна, и переводчик использует дословный перевод – «свирель из яшмы», что облегчает аудитории понимание общего смысла стихотворения, но не отражает его глубинных эмоций.

《玉阶怨》

“玉阶生白露，夜久侵罗袜” В.М. Алексеев перевёл

Яшмовый помост рождает белые росы…
Ночь длинна : овладели чулочком из флёра.

«Яшмовый помост» в оригинальном тексте имеют особое репрезентативное значение в древнекитайской поэзии. Буквальное значение «яшмового помоста»–»помост, сделанный или украшенный яшмой», но в древнем Китае «яшмовый помост» также представляет «двор», и символизирует «высших чиновников» или «власть». В данном случае это означает, что поэт не сдаётся и хочет что-то сделать с судом. В русской культуре «яшмовый помост» не имеют таких коннотаций. Столкнувшись с культурной лакуной, переводчик использовал дословный перевод, переведя «яшмовый помост» как «помост из яшмы», что в определённой степени максимально сохраняет смысл оригинального текста, и это может быть легко воспринят русским читателем. Однако в этом стихотворении Ли Бай хочет выразить своё желание реализовать свои политические амбиции, используя термин «яшмовый помост». Считаю, что термин «яшмовый помост» должен быть аннотирован, чтобы более конкретно объяснить читателям культурный смысл «яшмового помоста». Это не только помогает читателям понять китайскую культуру, но и демонстрирует иностранным учёным глубину китайской классической поэзии.

Вольный перевод

Перефразирование или транслитерация культурных явлений с языка **подлинника** на выходной язык, замена их соответствующими словами на иностранном языке.

Пример:

《赠汪伦》

“桃花潭水深千尺，不及汪伦送我情” Л.З. Эйдлин перевёл

И озёра Персиковых Цветов
Бездонной пучины глубь
Не мере для чувства, с каким Ван Лунь
Меня провожает в путь

Переводчик не стал напрямую переводить глубину озёр Персиковых Цветов как «глубину в тысячу футов», потому что «чи» – это китайская единица измерения, не существующая в русской культуре. Однако если перевести «чи» в единицу измерения в русской культуре, то не получится выразить любовь поэта к своему другу Ван Луню. Перед лицом этой культурной лакуны, который невозможно заполнить, переводчик перевёл фразу «глубина в тысячу футов» следующим образом «Фраза «Бездонной пучины глубь» используется для характеристики озёр Персиковых Цветов, а также для выражения глубокой дружбы между двумя людьми и чувства прощания Ван Луна с поэтом.

《客中作》

“兰陵美酒郁金香，玉碗盛来琥珀光” А.И. Гитович перевёл

Прекрасен крепкий аромат
Ланьлинского вина.
Им чаша яшмовая вновь,
Как янтарем, полна.

«Тюльпан» в древности в Китае означал траву, которую древние часто использовали для вымачивания в вине, и после вымачивания в вине она приобретала золотистый цвет. Но в России «тюльпан» – это вид цветка, а культурное значение «трава» отсутствует, поэтому в процессе перевода стихотворения возникла культурная лакуна. Вместо того чтобы перевести слово «тюльпан» напрямую, переводчик перевёл его как «крепкий аромат», который используется для обозначения сильного аромата вина Ланлинг. Таким образом, русский перевод стихотворения передает текстуру и запах ланлинского вина и прекрасно выражает творческий замысел поэта: восхваляет свежесть вина, косвенно выражая гостеприимство хозяина, сметает разочарование поэта от пребывания иностранца в чужой стране, полностью выражает смелую и раскованную личность Ли Бая и отражает атмосферу расцвета династии Тан с одной стороны. Для российских учёных, имеющих определённое представление о китайской культуре, такой перевод также представляет в их глазах образ свободного поэта, ведь в это время Ли Бай покинул родной город и странствовал, но Ли Бай не ностальгировал по своим странствиям, а наоборот, излучал восходящий дух оптимизма.

Объяснительный перевод

Если в иностранном языке можно найти слово, соответствующее слову в языке подлинника, но иностранный язык не обладает культурной значимостью языка подлинника, оно аннотируется.

Пример:

《月下独酌》

“永结无情义，相期邈云汉” А.И. Гитович перевёл

Мне предстоит брести
До встречи – той, что между звёзд
У Млечного Пути

Млечный Путь – В китайской традиционной культуре, Млечный Путь связан с праздником “Ци си” и легендой “Чан э прилетел на луну”.

В этом стихотворении «Юньхань» означает «Млечный путь», который в традиционной китайской культуре ассоциируется с легендой о «Циси» часто является символом любви, но в русском языке нет соответствующего культурного явления, поэтому необходимо объяснить этот культурная лакуна. Таким образом, он не только помогает иностранным читателям понять мысли и чувства поэмы, но и распространяет китайскую традиционную культуру среди иностранных читателей.

《听蜀僧濬弹琴》

“蜀僧抱绿绮，西下峨眉峰” Э.В. Балашов 译

Монах из Шу берет
Зелёную с узором…
На западе под ним
утес Бровей Крутых.

Зелёную с узором – так называл когда-до свою лютню(цинь), видимо, обтянутую зелёным шёлком, великий поэт китайской древности Сыма Сянжу. Известно, что Ли Бо очень любил музыку, песни, танец, сам прекрас-

но играл на цине и пел. “ Конфуциеву лютню” подарил ему его друг Цуй Цзунчжи, и часто в минуты особенной душевной раскрепощенности, которую приносило вино или любование природой, Ли Бо брался за струны, стараясь довести найденную с окружающим миром гармонию до совершенства.

«Люйци» – уникальный продукт древнего Китая, и в русской культуре нет соответствующей образности, поэтому переводчик объясняет этот уникальный феномен китайской культуры русскому читателю с помощью примечаний. «Люйци» изначально был цинем Сыма Сянру из династии Хань, и благодаря его выдающемуся мастерству игры на цине «Люйци» стал синонимом древнего циня. Этот также рассказывает русским читателям о том, что Ли Бай был не только поэтом, но и многогранным художником.

Опущения и Вольный перевод

Культурные образности оригинального стихотворения не переводятся, но значение культурных образов языка оригинала сохраняется.

Пример:

《关山月》

“高楼当此夜，叹息未应闲” А.А. Ахматова перевела

А в женских покоях как раз в эту ночь

Бессонница, вздохи и грусть

В этом предложении слово «высотка» относится к жене гарнизона, которая живёт в глубоком доме, не выходя из дома. Слово «высотка» существует в русской культуре, но оно имеет совершенно другое культурное значение. В русском переводе «высотка» – это «высокое здание», что совершенно не соответствует тому, что выражено в оригинальном стихотворении. Чтобы преодолеть эту культурную лакуну, переводчик опускает перевод слова «высотка» и в то же время, в соответствии с переводом стихотворения, перефразирует слово «высотка» как «женские покои « (внутренняя комната женщин в старину), что сохраняет культурный смысл исходной фразы и хорошо передает подтекст оригинального стихотворения, так что читатель с первого взгляда видит бессонный и печальный образ жены, которая скучает по мужу на границе по ночам.

《秋浦歌》（其二）

“何年是归日，雨泪下孤舟” С.А. Торопцев перевел

Когда ж настаёт возвращенья веха?

Слезинки бьют по утлому чёлну.

Здесь «Гучжоу» – это собственное одинокое и уединенное воплощение портрета блуждающего мира поэта, соответствующее «Гучжоу» на русский язык можно перевести как «одинокий член». Но культурные коннотации этих двух слов совершенно разные. «Одинокая лодка» – это лишь перевод поверхностного смысла, который не соответствует оригиналу «Гучжоу». Чтобы лучше справиться с этой культурной лакуной, переводчик опустил слово «Гу» из «Гучжоу» и использовал слово «утлый», чтобы описать неуверенность и шаткость лодки в свете контекста. и выражает мрачную меланхолию последних лет скитаний поэта. Хотя итальянский вольный перевод выражает неосуществимую мечту и одиночество поэта в его поздние годы, но для того, чтобы более точно передать одиночество поэта в то время и культурное изящество «Гучжоу» в оригинальном стихотворении, следует добавить слово «одинокий».

Добавление

Пример:

《将敬酒》

“君不见黄河之水天上来” А.А. Ахматова перевела

Неужто вы не видите, друзья,

Как воды знаменитой Хуанхэ,

С небесной низвергаясь высоты.

Река Хуанхэ – главный источник китайской цивилизации, и китайцы называют ее «Материнской рекой», что является уникальным для китайской культуры. В русской культуре Река Хуанхэ эквивалентна Волге в России, поэтому переводчик перевёл «Река Хуанхэ» не только как «Река Хуанхэ», но и как «воды знаменитой Хуанхэ», и добавил в него пояснительное слово «знаменитой», которое не только вызвано необходимостью сочинить стихотворение, но и указывает русским читателям, что для китайского народа это не обычная река, и выражает благоговение перед Река Хуанхэ. Это может помочь иностранным читателям осознать важность Река Хуанхэ в историческом развитии Китая, что способствует признанию китайской культуры отечественными и зарубежными читателями. Однако считаю, что переводчик должен объяснить особенности культуры страны-источника, чтобы русскому читателю было легче понять китайскую культуру.

《早发白帝城》

“两岸猿声啼不住，轻舟已过万重山” С.А. Торопцев перевёл

Макаки с берегов галдят на всём пути,

Но тяжесть тысяч гор осталась позади.

Ли Бай был сослан в Елань из-за дела короля Юн Ли Линя, и когда он отправился в замок Байди, то неожиданно получил известие о своем помиловании и был приятно удивлен, когда сел в лодку и спустился в Цзянлин, что и привело к созданию этого стихотворения. «Но тяжесть тысяч гор осталась позади» – эта строка выражает душевное состояние Ли Бая и его стремление к свободе. «Тяжесть тысяч гор» символизирует трудности и препятствия в жизни, и эта символика – культурный феномен, уникальный для нашей древней поэтической культуры, которого нет в русской культуре.

Переводчик не вникает в глубинный смысл стихотворения, когда речь идёт о культурной лакуне, а лишь передаст русскому читателю сюжет стихотворения, добавляя слова. Переводчик добавил «тяжесть» перед «тысяч гор», чтобы создать сильный контраст между тяжестью гор и легкостью лодки, с одной стороны, изображая триумфальное настроение поэта, когда он оставил позади бесчисленные горы в своей лодке, с другой стороны, оно также выражает свободное и радостное настроение поэта.

Подводя итог, можно сказать, что в перспективе культурных лакун русский перевод классической китайской поэзии должен фокусироваться на культурных различиях, сохранять оригинальное поэтическое настроение, обращать внимание на поэтические приёмы, передавать душевное состояние поэта и заимствовать традиционные русские поэтические формы. Используя эти стратегии, переводчики смогут лучше передать очарование классической китайской поэзии и способствовать культурному обмену между Китаем и Россией.

Заключение

Классическая китайская поэзия – это не только сокровище традиционной китайской культуры, но и яркая жемчужина в истории мировой литературы. Когда российские синологи исследовали китайскую поэзию, Ли Бай был одним из первых поэтов, которых они перевели и изучили, а русский перевод стихов Ли Бая позволил расширить и продлить поэтическую мысль и поэтическую жизненную силу поэта в русском культурном контексте. В то же время из-за различий национальных культур и особенностей переводческого периода в русских переводах стихотворе-

ний Ли Бая часто возникают культурные лакуны. Анализ русских переводов стихов Ли Бая с этой точки зрения не только усиливает нашу самобытность в прекрасной традиционной китайской культуре, но и позволяет нам узнать, как правильно использовать теорию культурной лакун при переводе классических китайских стихов, чтобы сделать прекрасную китайскую классику лучше.

Литература

1. Цао Цзин. Передача культурной образности в процессе русского перевода древнекитайских стихотворений[D].Сычуань: Сычуаньский университет иностранных языков, 2013.
2. Гао Фэнся. Исследование феномена культурной лакун в межкультурной коммуникации[J].Общественные науки цзунхэн, 2010,5 (03) :112–115.
3. Хэ Лан. Культурная лакуна в русском переводе «Речные заводи» и её переводческое исследование с точки зрения культурной вакансии[D]. Хунань: Хунаньский педагогический университет,2021.
4. Ху Гумин. Шэнь Мань. Переводческие стратегии культурно вакантной лексики в китайско-русском переводе[J].Преподавание русского языка в Китае,2011,30 (01) :17–21.
5. Ли Чуньжун. Се·Торопцев. Фея поэзии, путешествующая далеко: перевод и исследование поэзии Ли Бая в России [J].Русская литература и искусство,2016 (01) :4–10.
6. Ли Хуа, Ню Жуй. Культурная лакуна и русский перевод китайской классической поэзии[J]. Журнал Даляньского университета,2014 (5) : 60–64.
7. Ли Лин. Исследование проблем формального и божественного сходства в китайском и русском поэтическом переводе [D].Пекин: Пекинский педагогический университет,2011.
8. Лю Юйтин. Исследование явления лакуны в русском языке Дао Дэ Цзина[D].Харбин: Харбинский педагогический университет,2022.
9. Ван Синьтун. Культурная лакуна и стратегия компенсации перевода [D]. Ляонин: Ляонинский университет,2021.
10. Сюй Лихун, Линь Чуньцзэ. Культурные смыслы и способы их передачи в русском переводе древнекитайских стихотворений[J].Преподавание русского языка в Китае,2021,40 (03):60–67.
11. Чжан Шуцзюань. Историческое исследование русского перевода классической китайской поэзии[D]. Тяньцзинь: Нанкайский университет,2013.
12. Чжан Вэньцзюань. Исследование русского перевода культурно нагруженных слов в поэзии Ли Бая[D]. Цзилинь: Цзилиньский университе,2015.
13. Чжан Сюйвэнь. Феномен лакуны в русско-китайском переводе и стратегия его устранения[D].Пекин: Пекинский университет иностранных языков,2017.
14. Арестова А.А. Количество лакун в переводном тексте как один из критериев адекватности перевода.// VII Федоровские чтения. Тезисы. Тамбов, 2003.С.44.
15. Гитович А. Ли Бо. Избранная лирика[M]. Москва: Наука, 1956.
16. Марковина Н. Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Ведение в лакунологию [M]. Москва: ГЭОТАР-Медина, 2010:91.
17. Торопцев С. Ли Бо. Пейзаж души[M]. Москва: Наука, 2005.

STUDY OF THE RUSSIAN TRANSLATION OF CHINESE CLASSICAL POETRY FROM THE POINT OF VIEW OF THE CULTURAL GAP (USING THE EXAMPLE OF LI BAI'S POETRY)

Zhang Lingling
Xinjiang Normal University

Translating Chinese literature is one of the ways to disseminate Chinese culture, but the phenomenon of cultural lacunae often arises in the translation process, which causes great inconvenience to translators. Russian and Chinese have their own distinctive features, which are especially evident in the culture of poetry, and the presence of cultural lacunae further increases the difficulties of translation. This paper intends to analyze the causes of cultural lacunae and their classification in terms of cultural lacunae, analyze and study the Russian translations of poems by Li Bai, a poet of Chinese Tang Dynasty, and summarize the methods of Russian translations of classical poems in terms of cultural lacunae.

Keywords: Cultural lacuna, Li Bai, classical poetry, Russian translation studies.

References

1. Cao Jing. Transmission of cultural imagery in the process of Russian translation of ancient Chinese poems[D]. Sichuan: Sichuan Foreign Studies University, 2013.
2. Gao Fengxia. Research on the phenomenon of cultural gaps in intercultural communication[J]. Zongheng Social Sciences, 2010,5 (03) :112–115.
3. He Lan. Cultural gap in the Russian translation of "River Backwaters" and its translation research from the point of view of cultural vacancy [D]. Hunan: Hunan Normal University, 2021.
4. Hu Guming. Shen Man. Translation strategies of culturally vacant vocabulary in Chinese-Russian translation [J]. Teaching the Russian language in China, 2011, 30 (01) : 17–21.
5. Li Chunrong. Xie Toroptsev. Fairy of poetry traveling far: translation and study of Li Bai's poetry in Russia [J]. Russian literature and art, 2016 (01) : 4–10.
6. Li Hua, Niu Rui. Cultural gap and Russian translation of Chinese classical poetry [J]. Journal of Dalian University, 2014 (5) : 60–64.
7. Li Lin. Research on the problems of formal and divine similarity in Chinese and Russian poetic translation [D]. Beijing: Beijing Normal University, 2011.
8. Liu Yuting. Study of the phenomenon of lacuna in the Russian language of Tao Te Jing [D]. Harbin: Harbin Normal University, 2022.
9. Wang Xintong. Cultural gap and translation compensation strategy [D]. Liaoning: Liaoning University, 2021.
10. Xu Lihong, Lin Chunze. Cultural meanings and methods of their transmission in the Russian translation of ancient Chinese poems [J]. Teaching the Russian language in China, 2021, 40 (03) : 60–67.
11. Zhang Shujuan. Historical study of the Russian translation of classical Chinese poetry[D]. Tianjin: Nankai University, 2013.
12. Zhang Wenjuan. A Study of Russian Translation of Culturally Loaded Words in Li Bai's Poetry[D]. Jilin: Jilin University, 2015.
13. Zhang Xiuwen. The phenomenon of lacuna in Russian-Chinese translation and the strategy for its elimination [D]. Beijing: Beijing Foreign Studies University, 2017.
14. Arestova A.A. The number of gaps in the translated text as one of the criteria for the adequacy of translation.//VII Fedorov Readings. Abstracts. Tambov, 2003.P.44.
15. Gitovich A. Li Bo. Selected Lyrics[M]. Moscow: Nauka, 1956.
16. Markovina N. Yu., Sorokin Yu.A. Culture and text. Introduction to Lacunology[M]. Moscow: GEOTAR-Medina, 2010:91.
17. Toroptsev S. Li Bo. Landscape of the soul[M]. Moscow: Nauka, 2005.

Работники промышленности в современных условиях: специфика планирования личного будущего

Алексеева Екатерина Александровна,
соискатель, кафедра общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: e.alekseeva1808@gmail.com

В статье рассматривается подход к планированию личного будущего работников промышленного сектора экономики, как один из аспектов трудовой стратегии личности. С учётом сильнейшей нехватки персонала на рынке труда, в особенности, в сфере промышленности, вызванного оттоком персонала из традиционных трудовых отношений в сторону свободной занятости, важно рассмотреть трудовую стратегию наёмного работника через призму планирования трудовой деятельности, которое определяется как под влиянием изменчивой и неопределенной внешней составляющей и степенью ее прогнозирования, так и с учётом субъективно-личностных аспектов, в том числе таких ресурсов, как некогнитивные навыки личности. На основании авторского анкетного опроса (n = 452) и глубинных интервью (n = 17) проведённых среди работников промышленных предприятий Республики Татарстан и дополненных результатами Мониторинга «Левада-Центр» (выполняет функции иноагента) можно наблюдать изменение временного диапазона планирования личного будущего. Лишь 7% опрошенных отметили, что планируют трудовое будущее в долгосрочной перспективе, тогда как более 40% признались, что не планируют свое трудовое будущее и живут «одним днём». Взаимосвязь между горизонтом планирования и социальными характеристиками работников, такими как, образование и должность наблюдается в большей степени, а с демографическими: полом и возрастом – в меньшей. Также можно отметить взаимосвязь уровня потребительского статуса индивида и подхода к планированию (как в настоящем времени, так и в начале трудовой деятельности), а также с учётом динамики данного подхода.

Ключевые слова: Трудовая стратегия, планирование личного будущего, планирование трудовой деятельности, горизонт планирования, наёмные работники, работники промышленности.

Введение

В настоящее время на предприятиях и в организациях практически во всех отраслях продолжает увеличиваться потребность в сотрудниках, особая нехватка персонала, настоящий кадровый голод, наблюдается на промышленных предприятиях. По данным Института экономической политики Гайдара кадровая проблема с особенной остротой стоит перед 42% руководителей промышленных предприятий[1], что является максимальным показателем с 1996 года. В Республике Татарстан не хватает более 7 тысяч сотрудников промышленных предприятий[2], что также можно назвать «антирекордом», а промышленность – лидером среди всех отраслей по нехватке кадров. Объективные причины, приведшие к данной ситуации, не исчезнут в ближайшее время, как и существующий тренд на отток персонала из промышленности [1]. Как следствие особо остро стоит вопрос удержания имеющегося персонала, об этом говорят, как представители власти и бизнес-сообщества, так и научная общественность.

В связи с этим особый интерес представляет изучение профессионально-трудового поведения наёмных работников, через трудовой путь человека, выраженный в трудовой стратегии. Наибольшую ценность представляет осмысление выбора трудового пути тех, кто продолжает работать в промышленном секторе экономике, несмотря на сложные, изменчивые и непредсказуемые внешние обстоятельства.

Социальная действительность – экономическая, технологическая и культурная жизнь, а точнее – скорость её изменения и степень неопределенности имеют если не решающее, то весомое значение для формирования жизненной и трудовой стратегии. Непостоянная, неопределенная, сложная и неоднозначная действительность, которая является сегодняшней реальностью, наложила свой отпечаток на жизненный путь человека, где такие этапы, как образование, рождение детей, работа могут меняться привычными местами или вовсе отсутствовать. Полученное образование и имеющийся жизненный и профессиональный опыт, каким бы успешным он не был, не гарантирует ровном счётом ничего. В трудовой деятельности могут изменяться не только профессии, но и формы занятости. Жизненные и трудовые стратегии становятся не линейными, они характеризуются высокой степенью индивидуализации, все события в жизни человека – профессиональное становление, потеря работы и поиск новой, возможно, в нетрадиционной занятости – каждый шаг становится личной судьбой отдельного человека, не похожей на судьбу других людей, но схожей в общей неопределенности [2–5].

Гибкость планирования и самого подхода к трудовой деятельности является основным требованием к карьерным устремлениям в период неопределенности. С учё-

[1] Уровень кадрового голода в России установил новый рекорд. – URL: https://www.rbc.ru/economics/03/08/2023/64ca54369a7947ee430b0975?ysclid=lnu98vxuwi80411263 (дата доступа: 17.10.2023).

[2] В Татарстане названы отрасли, испытывающие кадровый голод. – URL: https://trt-tv.ru/news/v-tatarstane-nazvany-otrasli-ispytyvayushhie-kadrovyj-golod/ (дата доступа: 17.10.2023).

том высокой степени нестабильности работодатель не берёт на себя обязанность по профессиональному и карьерному развитию конкретного человека, в современных реалиях планирование собственной жизни и личного трудового пути – персональная задача и ответственность индивида [6]. Не случайно, А. Инкелес, назвал способность к долгосрочному планированию, а также ориентацию на настоящее и будущее одной из основных черт современной личности [7, с. 103].

Таким образом, планирование является непременной составляющей жизненной и трудовой стратегией каждого отдельного индивида. Даже в случае, когда можно отметить жизнь «одним днём», присутствует планирование и целеполагание через своего рода «предвидение» и «мечтание», что предполагает наличие надежд и желаний, то есть – идеальной картины светлого будущего.

В основе жизненной и трудовой стратегии индивида лежит именно факт принятия решения. Любая социальная деятельность индивида подразумевает какую-либо причину, движима определённой целью, которая видится в долгосрочной перспективе, то есть цель планирования – удовлетворение социальных потребностей в будущем. Умение соотносить поступки и их последствия с планируемой целью является сложным процессом и индивидуальным выбором индивида, что в конечном счёте определяет личность «человека разумного» [5; 8; 9].

Тема трудовых стратегий традиционно рассматривается через призму исследования проблем молодёжи, которая, не только является самым активным слоем общества, но и, как правило, выступает неким маркером социального самочувствия. К тому же планирование именно в молодом возрасте имеет определяющее значение для всей трудовой деятельности в дальнейшим [10].

Планирование строится на комплексе рациональных и иррациональных ожиданий, вытекающих, с одной стороны, из понимания экономических, политических и технологических процессов, то есть социальной действительности, а с другой стороны – из субъективной оценки собственных ресурсов – социальных и личных [11; 12]. В числе личных ресурсов целый спектр некогнитивных навыков, которые, в свою очередь, наряду с интеллектуальными способностями и академическими достижениями оказывают значительное влияние на достижения на рынке труда, в том числе продвижение по карьерной лестнице и принятие решений по другим, значимым вопросам. [13; 14] Осмысленный подход к профессиональной занятости, значительно упрощает смену места работы или вида занятости, если этого требуют обстоятельства [15].

Методы и данные

Целью данной статьи является выявление специфики планирования трудового будущего работниками промышленных предприятий, а также установление взаимосвязи между подходом к планированию и социально-демографическими характеристиками, такими как пол, возраст, должность, уровень образования и уровень жизни.

Можно предположить, что долгосрочные жизненные планы подразумевают амбициозные цели, свойственны преимущественно высокоресурсным категориям и могут выступать неким показателем и гарантом субъективного благополучия и объективно-достойного уровня жизни. В то время, как краткосрочные планы характерны для слаборесурсных слоёв общества.

Эмпирическую основу статьи составили данные анкетного опроса (n = 452) и глубинного интервью (n = 17) работников промышленных предприятий Республики Татарстан, проведённые в мае-сентябре 2023 года, а также Мониторинга общественного мнения «Представление о будущем: горизонт планирования и настроения»[1], проведённым Левада-центр (выполняет функции иноагента) и опубликованным в январе 2023 года.

Выборочную совокупность авторского анкетного опроса можно считать репрезентативной не только для всей Республики Татарстан, но и для работников промышленных предприятий других, схожих по уровню экономического и демографического развития регионов. Половозрастной состав выборочной совокупности в определённой степени соответствует генеральной совокупности работающих по найму. В выборочной совокупности присутствуют четыре возрастные категории: до 29 лет – 14,2%; от 30 до 39 лет – 40,7%; от 40 до 49 лет – 31,3% и старше 50 лет – 13,8%. По гендерному признаку респонденты разделились следующим образом – мужчины – 52%, женщины – 48%. По уровню образования – 56,4% имеют высшее образование; 36,9% – средне-специальное образование; 4,2% – только получают первое образование, совмещая это с работой, 2,5% – затруднились ответить на данный вопрос. Полученные данные обработаны при помощи пакета SPSS. Для выявления взаимосвязей использован статистический критерий хи квадрат Пирсона ($\chi^{2)}$.

Результаты исследования

Согласно данным Мониторинга Левада-Центр (выполняет функции иноагента), 51% опрошенных не планируют свою жизнь и не знают, что с ними будет в ближайшие несколько месяцев. По данным авторского опроса, среди работников промышленных предприятий, доля тех, кто полностью отказался от планирования своего будущего, составляет 42,3%, еще 28,1% строят планы на несколько месяцев, но не более, чем на полгода (рис. 1). На ближайший год-два планируют 29% участвующих в Мониторинге и 16,1% работников промышленности РТ. Долгосрочные планы на ближайшие 5–6 лет строят 11% опрошенных Мониторингом и 10,4% – авторского опроса. Еще более дальновидно проявили себя 7% опрошенных Мониторингом, которые планируют свою жизнь на много лет вперед, среди работников промышленности РТ таких оказалось 4,2%. Несмотря на некоторые различия в инструментарии, можно проследить, что данные двух опросов оказались вполне сопоставимы. Долгосрочные стратегии являются на сегодняшний день скорее исключением, свойственным незначительному числу респондентов.

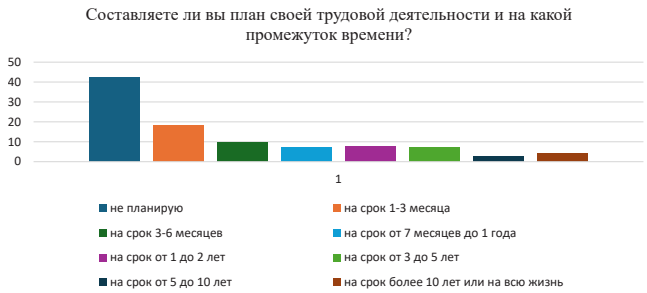

Рис. 1. Распределение вариантов ответов о планировании трудовой деятельности

Источник: расчёт автора на основании данных исследования.

[1] Левада-Центр: Представления о будущем: горизонт планирования и настроения (levada.ru). – URL: https://www.levada.ru/2023/01/11/predstavleniya-o-budushhem-gorizont-planirovaniya-i-nastroeniya/?ysclid=lnittae9hs875555615 – Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-Центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Левада-Центр» (дата обращения: 05.10.2023).

По возрастной дифференциации можно наблюдать, что наибольшую тенденцию к долгосрочным стратегиям демонстрируют молодые люди в возрасте до 30 лет, 12,5% опрошенных данного возраста планируют свою трудовую деятельность на срок 3–5 лет, и 21,9% не планируют свою трудовую деятельность (что является наименьшим показателем среди всех возрастов), однако для молодежи не свойственно планирование «на всю жизнь». Чем старше респонденты, тем более короткие их трудовые планы: в возрасте старше 50 лет 58,1% опрошенных не планируют свое будущее (рис. 2). Аналогичную закономерность можно проследить в опросе Мониторинга: среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет планируют свое будущее на «много лет вперёд» и на «ближайшие пять-шесть лет» 9 и 19% соответственно. По данным Мониторинга в возрастной категории старше 55 лет полностью отказалась от планирования такая же доля респондентов (58%).

Женщины, в отличие от мужчин, более склонны «жить одним днём» и строить краткосрочные планы. Так, отказались от планирования 44,2% женщин и 40,5% мужчин, планируют свою трудовую деятельность на небольшой срок до трёх месяцев – 21% женщин и 15,2% мужчин. В среднесрочных и долгосрочных временных промежутках значимого различия не наблюдается.

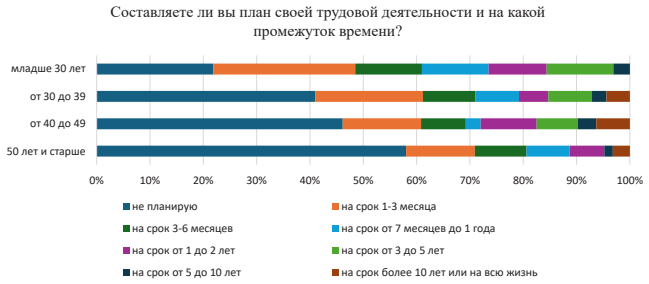

Рис. 2. Взаимосвязь ответов о планировании трудовой деятельности и возраста респондентов. Результат значимый *($\chi 2 = 38{,}076$, при $p = 0{,}013$)*

Источник: расчёт автора на основании данных исследования.

Достаточно ожидаемая взаимосвязь между уровнем должности и горизонтом планирования. Среди респондентов, занимающих руководящие должности доля тех, кто не планирует трудовую деятельность, составляет 23,3%, а среди специалистов и рабочих доля тех, кто живёт «одним днём» составляет 36 и 69,9% соответственно. Долгосрочные планы от 5 до 10 лет строят 11% опрошенных руководителей, тогда как среди не руководящих сотрудников доля таких составляет чуть более 1%. Что касается планирования «на всю жизнь», то доля таких ответов практически не меняется и составляет 4,1% у руководителей, 4,8% – у специалистов и 3,3% у рабочих.

Также была установлена взаимосвязь образования и горизонта планирования. Респонденты с высшим образованием более склонны к среднесрочным и долгосрочным планам. Среди них доля тех, кто не планирует свою жизнь, составляет 31,9%, в отличие от тех, кто не получил высшее образование (или учится) или имеет среднее, в том числе средне-специальное образование (38,1% и 57,9% соответственно).

В ходе нашего исследования была также предпринята попытка проследить динамику подхода к планированию профессионально-трудового будущего в начале трудового пути и в настоящее время. Для этого отношение к планированию в начале трудового пути мы приняли за независимую переменную, а подход к планированию в настоящее время выступил в качестве зависимой, т.е. испытывающей (или не испытывающей) на себе влияние прошлого. В данном случае нужно отметить, что пограничные, кардинальные подходы к планированию остаются неизменными: 87,4% из тех, кто не планировал трудовую деятельность ранее, не делают это и в настоящее время и почти 90% тех, кто планировал свою деятельность на срок более 10 лет остаются верными своему подходу (однако, в данном случае, стоит вспомнить об относительно небольших абсолютных значениях данной категории). Среди тех, чьё мнение, относительно планирования собственной жизни изменилось, можно отметить как увеличение временного диапазона, так и его сокращение, причем последнего наблюдается несколько больше. Среди причин увеличения горизонта планирования респонденты называли появившийся как профессиональный опыт, знания и квалификацию, так и жизненный опыт, появление семьи и рождение детей, а также указывали на желание саморазвития и профессиональные цели. Среди причин уменьшения времени планирования было названо профессиональное выгорание, неудачи в планировании, а также нестабильность в мире и слишком быстрые изменения окружающей действительности.

Кроме того, в нашем исследовании было установлено влияние горизонта планирования на материальное положение респондентов (рис. 3).

Среди респондентов, которые «могут себе позволить практически всё» наблюдается среднесрочный горизонт планирования, в данной категории нет тех, кто «живёт одним днём», как и тех респондентов, кто стратегически планирует на 5 или 10 лет. Далее прослеживается четкая взаимосвязь между уменьшением благосостояния и увеличением доли отказавшихся от планирования. Среди группы респондентов, кому «денег едва хватает на продукты и недорогие вещи», доля ответов «не планирую» превысила 61%, примечательно, что в данной, наиболее нуждающейся, категории, 7,7% респондентов планируют свою трудовую деятельность на срок более 10 лет. В данном контексте уместно предположить поведенческую ригидность, когда привычная модель поведения не приносит желаемых результатов, либо приносит отрицательный результат, но индивид продолжает ей следовать.

Рис. 3. Взаимосвязь ответов о планировании трудовой деятельности в настоящее время и потребительского статуса. Результат значимый *($\chi 2 = 56{,}083$, при $p = 0{,}013$)*

Источник: расчёт автора на основании данных исследования.

Мониторинг общественного мнения, указанный ранее, анализируя взаимосвязь горизонта планирования и потребительского статуса, приводит данные, что среди тех, кому «едва хватает на еду» 65% «не знают, что с ними будет в ближайшие несколько месяцев», тогда как среди самой состоятельной категории, которая «может себе позволить ТДП», доля тех, кто не планирует составляет порядка 40%. Доля долгосрочных стратегий

«на много лет вперед» практически не отличаются и составляют у данных категорий респондентов 6 и 9% соответственно.

Однако наибольший интерес для целей нашего исследования представляет установление взаимосвязи между планированием профессионального будущего в начале трудового пути и материальным положением в настоящее время (рис. 4). Среди самой обеспеченной категории, которые «могут себе позволить практически всё» снова нет долгосрочных стратегий на срок свыше 5 лет. Тогда как среди категорий респондентов, которым «денег едва хватает на продукты и самые необходимые недорогие вещи» больше половины тех, кто начале своего трудового пути планировал свою деятельность на 5 лет и более.

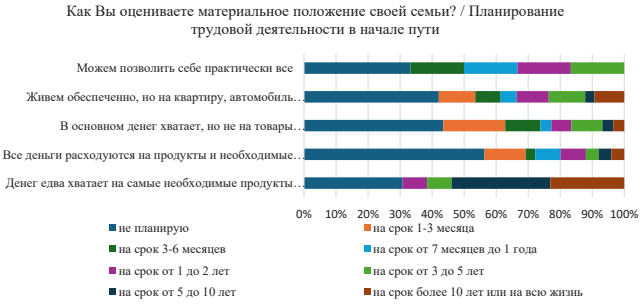

Рис. 4. Взаимосвязь ответов о планировании трудовой деятельности в начале трудового пути и потребительского статуса**.** Результат значимый *($\chi2 = 75{,}949$, при $p < 0{,}001$)*

Источник: расчёт автора на основании данных исследования.

Следующим этапом была установлена взаимосвязь между материальным положением индивида и изменением горизонта планирования в большую или меньшую сторону (рис. 5). Самая состоятельная категория респондентов оказалась и самой гибкой в подходе к планированию личного будущего, среди них меньше всего тех, кто остался верен своему подходу, таких всего 33,3%, 16,7% признались, что сократили горизонт планирования, а ровно половина – увеличила временной горизонт планирования личного будущего.

Внутри самой нуждающейся категории респондентов также не большая доля тех, кто остался верен принятой в начале трудового пути стратегии планирования (38,5%), однако, почти половина (46,2%) опрошенных в данной категории признались, что уменьшили горизонт планирования личного будущего.

Рис. 5. Взаимосвязь ответов об изменении подхода к планированию и потребительского статуса**.** Результат значимый *($\chi2 = 21{,}378$, при $p = 0{,}019$)*

Источник: расчёт автора на основании данных исследования.

Добавив к анкетному опросу результаты глубинного интервью можно отметить, что для наёмного работника промышленного предприятия планирование трудового будущего: определение горизонта планирования и его смена далеко не всегда является результатом осознанного выбора: «*я не могу сказать, что это такие чёткие планы. Я только придерживаюсь принципа, что человек должен всегда в чём-то развиваться, не 10 лет делать одно и то же*» (Жен., 33 года, заместитель гл. бухгалтера) «*В основном как-то по течению идет. То есть, если есть возможность, я пытаюсь куда-то там перейти или ещё что-то… Если возможности нет, то нет*» (Жен., 25 лет. Контролер ОТК). «*Сколько проработаю, я не могу сказать, пока всё устраивает, пока буду работать*» (Жен., 38 лет, комплектовщик).

Признавая непредсказуемость внешней среды, человек, чаще всего, подстраивается под сложившуюся ситуацию: «*бесполезно ставить цель на какой-то большой период вперёд, потому что жизнь вносит свои коррективы и всё рушится*» (Жен, 27 лет, специалист по снабжению) «*Если в начале, в молодости, какие-то планы строила, то на данный момент, в сегодняшней ситуации в мире и вообще, что-то планировать ну как-то оно, наверное, не целесообразно что ли… на года не планирую… Ну там на неделю, на следующий день…*» (Жен., 47 лет, начальник отдела кадров).

Или, наоборот, считает себя сильнее ситуации: «*В 20 лет я ни о чем не думал, а сейчас время такое, что надо всё продумывать на два-три шага вперед, у меня семья, дети, о них думаю в первую очередь, что будет там через год, два, пять…*» (Муж., 46 лет., начальник производства). «*Всегда стараюсь смотреть, просчитывать, по крайней мере, так что мне даст компания через какое-то время, а если так, а если вот так…*» (Жен., 34 года, заместитель директора).

Выводы

Таким образом, краткосрочные трудовые планы либо полное отсутствие планирования – наиболее характерное на сегодняшний день явление относительно трудовых стратегий наёмных работников. Учитывая схожие данные Мониторинга, можно говорит, что это характерно не только для наёмных работников промышленности, но и для населения в целом. Помимо того, что отсутствие планирования ограждает людей от несбывшихся надежд и ожиданий, не распространена сама практика планирования трудового будущего, возможно, виду того, что исторически в отечественной культуре управления данная роль отводилась работодателю.

Долгосрочные трудовые планы присутствуют среди как работников промышленности, так и населения в целом скорее как исключения, причём данное исключение является довольно противоречивым и не имеет как однозначно положительного, так и однозначно отрицательного аспекта. В целом, как мы и предполагали, долгосрочная стратегия планирования более свойственная индивидам с высшим образованием, занимающим руководящие позиции. Однако, примечательно, что среди наиболее состоятельной категории респондентов нет тех, кто строил долгосрочные планы как в начале трудовой деятельности, так и в настоящее время. В то же время среди тех, кто сейчас является наиболее финансово нуждающимися, больше половины строили долгосрочные планы в начале трудовой деятельности, а каждый седьмой и сейчас планирует свою трудовую деятельность «на всю жизнь».

В данном случае нам видится уместным предположить, что у данной части респондентов не произошло содержательного изменения планов. К сожалению, наше исследование не дает исчерпывающего ответа на этот вопрос, однако изменения окружающей действительности и наличие высокого уровня внешней неопределенности, вкупе с отсутствием изменений в содержательной части жизненных и трудовых планов, а также в способах

их реализации вполне может привести к отсутствию каких-либо, в том числе финансовых, результатов.

Среднесрочные трудовые планы, согласно нашим исследованиям, оказались наиболее нейтральными – на небольшой промежуток времени предпочитают составлять план трудовой деятельности как руководители, так и специалисты с высшим образованием. На срок от полугода до пяти лет чаще всего строят планы молодые люди и достаточно активно – люди среднего возраста. Примечательно, что среднесрочные трудовые планы строят те респонденты, которые в финансовом плане «могут позволить себе практически всё», а среди самых нуждающиеся, наоборот, таких меньшинство.

Очевидно, что среднесрочное планирование является наиболее гибким подходом в вопросе целеполагания трудовой деятельности, что отвечает требованиям нестабильного и изменчивого общества, когда необходимо быстро и адекватно воспринимать происходящие изменения, усваивать важную информацию и перестраивать своё поведение.

В свою очередь, необходимо отметить, что хорошее финансовое положение респондентов тесно связано с дальновидностью и тенденцией в сторону увеличения временного горизонта планирования.

Таким образом, присутствующая в обществе неопределенность, вне зависимости от её позитивного или негативного окраса, оказывает знаковое влияние на трудовые стратегии, в виде сокращения горизонта планирования и отказа от долгосрочного планирования в пользу среднесрочного и краткосрочного. Само планирование трудовой деятельности является важной частью трудовой стратегии и имеет определённую взаимосвязь с социальным положением и материальным благополучием индивида. Безусловно, проведенное автором исследование является далеко не полным по данной тематике и не даёт исчерпывающие ответы на все возникающие вопросы, однако вполне может как задать вектор для дальнейших исследований, так и послужить основанием для определённых выводов.

Литература

1. Попов А.В, Соловьева Т.С. Трансформация занятости в России в ракурсе межстрановых сравнений // Народонаселение. 2023. Том 26. № 1. С. 110–122. DOI: https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.9 EDN: PFZXCA
2. Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 5–22. EDN: TZJOQB
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну // пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. EDN: RAYTKJ
4. Glavin P. Powerless and Alone in the Gig Economy // Work and Occupations! The Author(s) 2021 DOI:10.1177/07308884211024711
5. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред В.Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва, журн. «Свободная мысль». – Москва: Логос, 2002. – С. 180.
6. Chlebikova D. Planning of Personal Development and Succession / Chlebikova D, Mišanková M, Kramárová Katarína // Procedia Economics and Finance December 2015 26:249–253 DOI:10.1016/S2212-5671(15)00828-X
7. Ядова М.А. Концепция «современной личности» и ее трактовки // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2020. – № 4. – С. 101–105. – DOI 10.31249/rsoc/2020.04.07. – EDN DTQYCN.
8. Чекушкина Е.Н. Социальная рефлексия и творчество: механизмы самосовершенствования / Е.Н. Чекушкина, Е.Н. Родина // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 12. – С. 16–19. – EDN SNWPPB.
9. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности: Опыт комплексного анализа – Москва: Институт человека РАН, 2002. – 260 с. – EDN RLNTND.
10. Vos A.D., Clippeleer I.D., Dewilde T. Proactive career behaviours and career success during the early career // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2009. No. 82. P. 761–777. DOI:10.1348/096317909X471013
11. Реутов Е.***В***. Планирование личного будущего в нестабильной социальной среде и его взаимосвязь со статусом и социальной активностью // Научный результат. Социология и управление. Т. 5. № 3. 2019. С. 49–62. – EDN VULGJX.
12. Вебер А.Б. О роли целеполагания в человеческой деятельности и в социальном развитии / А.Б. Вебер // Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – Т. 9. № 4(36). – С. 7–22. – DOI 10.19181/snsp.2021.9.4.8602. – EDN CLIXQA.
13. Зудина А.А. Человеческий капитал неформальных работников в России: о чем говорят некогнитивные навыки // Мир России. Социология. Этнология. – 2023. – Т. 32. № 1. – С. 37–60. – DOI 10.17323/1811–038X-2023–32–1–37–60. – EDN FTVRNE.
14. Barrick M.R., Mount M.K., Li N. The Theory of Purposeful Work Behavior // The Role of Personality, Higher-Order Goals, and Job Characteristics. Academy of Management Review. 2013. No. 38(1), P. 132–153. DOI:10.5465/amr.2010.0479
15. Zikic J., Klehe U.C. Job loss as a blessing in disguise: The role of career exploration and career planning in predicting reemployment quality // Journal of Vocational Behavior, 2006 No. 69(3), P. 391–409. DOI:10.1016/j.jvb.2006.05.007

INDUSTRIAL WORKERS IN MODERN CONDITIONS: SPECIFICS OF PERSONAL FUTURE PLANNING

Alekseeva E.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article considers the planning of the labor future as one of the aspects of the labor strategy of the individual. Changes in the approach to personal future planning, in terms of the time range can be currently observed – such conclusions were made on the basis of the author's questionnaire survey conducted among employees of industrial enterprises of the Republic of Tatarstan and supplemented by the results of Monitoring conducted by Levada Center (performs the functions of a foreign agent). Only 7% of respondents mentioned that they plan their future in the long term, while more than 40% admitted that they do not plan their future in the workplace and live a day-to-day existence. There is an interrelation between the planning horizon and socio-demographic characteristics – gender, age, education and position. It is possible to indicate the interrelation between the level of the individual's financial situation and the approach to planning (both in the present time and at the beginning of work), as well as taking into account the dynamics of this approach.

Keywords: Labor strategy, personal future planning, labor activity planning, planning horizon, employees.

References

1. Popov A.V., Solovyova T.S. Transformation of employment in Russia from the perspective of cross-country comparisons //

Population. 2023. Volume 26. No. 1. pp. 110–122. DOI: https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.9 EDN: PFZXCA
2. Naumova N.F. Human life strategy in a transitional society // Sociological Journal. – 1995. – No. 2. – P. 5–22. EDN: TZJOQB
3. Beck U. Risk Society. On the way to another modernity // trans. with him. – M.: Progress-Tradition, 2000. – 384 p. EDN: RAYTKJ
4. Glavin P. Powerless and Alone in the Gig Economy // Work and Occupations! The Author(s) 2021 DOI:10.1177/07308884211024711
5. Bauman Z. Individualized society / Transl. from English edited by V.L. Inozemtsev; Research Center post-industrial o-va, journal. "Free Thought" – Moscow: Logos, 2002. – P. 180.
6. Chlebikova D. Planning of Personal Development and Succession / Chlebikova D, Mišanková M, Kramárová Katarína // Procedia Economics and Finance December 2015 26:249–253 DOI:10.1016/S2212-5671(15)00828-X
7. Yadova M.A. The concept of "modern personality" and its interpretation // Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Episode 11: Sociology. – 2020. – No. 4. – P. 101–105. – DOI 10.31249/rsoc/2020.04.07. – EDN DTQYCN.
8. Chekushkina E.N. Social reflection and creativity: mechanisms of self-improvement / E.N. Chekushkina, E.N. Motherland // Theory and practice of social development. – 2014. – No. 12. – P. 16–19. – EDN SNWPPB.
9. Reznik Yu.M., Smirnov E.A. Life strategies of the individual: Experience of complex analysis – Moscow: Institute of Man of the Russian Academy of Sciences, 2002. – 260 p. – EDN RLNTND.
10. Vos A.D., Clippeleer I.D., Dewilde T. Proactive career behaviors and career success during the early career // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2009. No. 82. R. 761–777. DOI:10.1348/096317909X471013
11. Reutov E.V. Planning a personal future in an unstable social environment and its relationship with status and social activity // Scientific result. Sociology and management. T. 5. No. 3. 2019. pp. 49–62. – EDN VULGJX.
12. Weber A.B. On the role of goal setting in human activity and social development / A.B. Weber // Sociological science and social practice. – 2021. – T. 9. No. 4(36). – P. 7–22. – DOI 10.19181/snsp.2021.9.4.8602. – EDN CLIXQA.
13. Zudina A.A. Human capital of informal workers in Russia: what non-cognitive skills say about // World of Russia. Sociology. Ethnology. – 2023. – T. 32. No. 1. – P. 37–60. – DOI 10.17323/1811–038X-2023–32–1–37–60. – EDN FTVRNE.
14. Barrick M.R., Mount M.K., Li N. The Theory of Purposeful Work Behavior // The Role of Personality, Higher-Order Goals, and Job Characteristics. Academy of Management Review. 2013. No. 38(1), pp. 132–153. DOI:10.5465/amr.2010.0479
15. Zikic J., Klehe U.C. Job loss as a blessing in disguise: The role of career exploration and career planning in predicting reemployment quality // Journal of Vocational Behavior, 2006 No. 69(3), pp. 391–409. DOI:10.1016/j.jvb.2006.05.007

Социально-политические отношения в деятельности органах местного самоуправления: на примере Новосибирска

Егорычева Татьяна Валерьевна,
студент, магистрант, государственное и муниципальное управление, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: tatyanaserg80@mail.ru

В статье исследуются основы развития социально-политических отношений и возникающие проблемы в работе органов местного самоуправления на примере города Новосибирск.
Актуальность и новизна. В мире, где динамика социально-политических процессов оказывает решающее влияние на благоприятное существование городов и регионов, особое внимание заслуживает анализ функционирования местных органов самоуправления.
Цель исследования. Изучение основных проблем существования органов местного самоуправления в городе Новосибирск на базе анализа экспертного опроса горожан.
В результате исследования представлены теоретические и практические сведения о проблемах и перспективах работы органов местного самоуправления на примере функционирования мэрии города Новосибирск. В рамках исследования было выяснено, что в г. Новосибирск имеются проблемы с обеспечением эффективности работы органов местного самоуправления и их связи с представителями территориального общественного самоуправления. Большинство респондентов оценили деятельность местной мэрии лишь удовлетворительно, поскольку требуется усиление помощи и решение местных вопросов в более эффективном формате.

Ключевые слова: местное самоуправление, сообщество, граждане, опрос, проблема, Новосибирск, экспертный опрос, проблемы, перспективы, орган

Введение

Развитие социально-политических отношений (далее СПО) в работе органов местного самоуправления (далее ОМСУ) подвержено влиянию различных факторов. Экономические условия, такие как уровень доходов населения и промышленный потенциал, играют ключевую роль в процессе установления взаимосвязи между гражданами и представителями власти, поскольку социальная стабильность и доверие также существенно влияют на управленческие процессы.

Актуальность

В настоящее время работа ОМСУ в контексте повсеместной демократизации приобретает особое значение, поскольку данные органы позволяют устанавливать прямой контакт между населением и властью. Несмотря на то, что существует обширный спектр мероприятий по построению системы функционирования ОМСУ, в России до сих пор сохраняется множество проблем, которые препятствуют дальнейшей трансформации данной отрасли в регионах. Следовательно, это напрямую влияет на модернизацию демократического общества, эффективность вовлечения населения в решение вопросов на всех уровнях управления [3].

Целью исследования является изучение основных проблем существования органов местного самоуправления в городе Новосибирск на базе анализа экспертного опроса горожан.

Материалы и методы исследования

Анализ научно-практической литературы, синтез мнений, графическая интерпретация результатов. Эмпирическая методика исследования базировалась на экспертном опросе, изучающем особенности формирования СПО между ОМСУ и ПТОС г. Новосибирск. Опрос был проведен в январе 2024 года. Методика исследования – формализованное интервью по месту жительства респондентов. Выборку составляло ранжирование опрошенных по полу и возрасту, району проживания. Предельная ошибка выборки – 1,7%.

Обзор литературы

Создание демократичной среды и формирование СПО в муниципальных образованиях играет особую роль при определении участия общества и власти в местном самоуправлении. Подобный процесс имеет зависимость от политических, территориальных, правовых, социальных, культурных и экономических факторов. Большинство экспертов и аналитиков отмечают, что Новосибирская область (далее НО) обладает политической системой с высоким демократическим статусом, имея в своем арсенале широкий идеологический спектр общественно-политических движений. Также она описывается в качестве субъекта страны с обширным развитием некоммерческого сектора, который поддерживается органами муниципалитета и ОМСУ. Основная активность граждан и ОМСУ сконцентрирована в городе Новосибирск, кото-

рый является крупным административным центром с численностью населения более 1,5 млн человек. Тогда как в других муниципальных образованиях НО существуют городские и сельские поселения, которые также содержат в себе концентрацию представителей ОМСУ, они не остаются в стороне от имеющихся проблем на региональном уровне [1].

В Российской Федерации сегодня существует немало трудностей, которые негативно сказываются на работе ОМСУ. Выделим основные из них:

1. Большое число несоответствий в полномочиях ОМСУ и финансовых возможностей, которые требуются для решения всех проблем местного характера.
2. Недостаточное развитие возможностей ОМСУ в сфере решения земельных вопросов.
3. Проблемы, возникающие у граждан при получении коммунальных услуг. ОМСУ не могут в полной мере обеспечить бесперебойное функционирование коммуникаций в городах.
4. Проблемы, которые связаны с влиянием окружающей среды.

Большинство авторов свидетельствуют о том, что самой главной проблемой является именно несоответствие представленных полномочий ОМСУ и распределения бюджета, поскольку перед муниципальными образованиями стоит обширное число задач, на которые требуется значительное выделение финансов. Для решения возникающих сложностей необходимо обеспечить рост базы доходов местного бюджета и развивать межбюджетные отношения между субъектами страны [4].

В настоящее время в НО также существуют представители территориального общественного самоуправления (далее ПТОС), которые занимаются самостоятельным осуществлением собственных инициатив совместно с властью по вопросам местного характера. Создание подобных объединений в большей степени зависит от желания граждан и представителей власти формировать «лояльное социально-политическое взаимодействие». Процесс контакта нельзя оценить однозначно, поскольку для любых действий со стороны граждан всегда требуется организационно-техническая поддержка от муниципалитета. Но, с другой стороны, гражданская активность в первую очередь зависит от степени приверженности населения решению вопросов на местном уровне. Факторы, влияющие на проблематику работы ОМСУ в г. Новосибирск, могут быть разнообразными и многогранными. Основными из них являются: влияние жизнедеятельности населения, формирование бюрократического аппарата и законодательной базы. Роль каждого жителя г. Новосибирск оказывает воздействие на проблемы существования ОМСУ, поскольку установление социально-политического взаимодействия невозможно без проявлений высокого интереса со стороны каждого члена общества.

Бюрократический аппарат является еще одной проблемой, влияющей на существование ОМСУ в Новосибирске. Часто его работа характеризуется неэффективностью, что затрудняет процесс принятия решений. Долгие сроки рассмотрения документов, отсутствие прозрачности и ответственности в работе мэрии – все это приводит к обострению проблем внутри региона.

Также значительным фактором, воздействующим на существование ОМСУ в городе, является несовершенство и сложность принятых законодательных норм. Недостаточно четкие и противоречивые законодательные акты, отсутствие должной компетенции в принятии правильных решений, неясность необходимости построения долгосрочной стратегии – все это создает трудности в работе ОМСУ и затрудняет решение проблем города [2].

Представители ОМСУ постоянно отслеживают мнение жителей города и области по вопросам функционирования некоммерческих негосударственных организаций и ОМСУ. Такая оценка необходима для решения текущих трудностей и повышения уровня информированности мэрии о динамике изменений СПО [5].

Проследить перспективы и результаты работы мэрии в г. Новосибирск возможно при ознакомлении с «Отчетом о результатах деятельности…». Данные о доходных источниках бюджета представлены на рисунке 1 (рисунок 1).

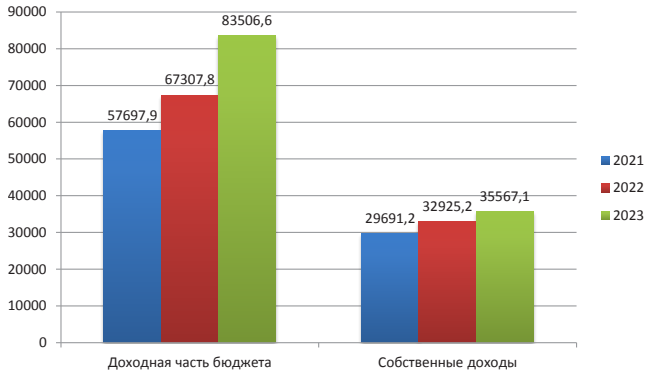

Рис. 1. Отчет о доходах бюджета г. Новосибирска [6, с. 4]

Сегодня в мэрии г. Новосибирска, как и в любых структурах местного самоуправления, социально-политические процессы осложнены разнообразными факторами. Ключевые проблемы включают бюрократические барьеры, коррупцию, недостаток финансирования и отсутствие эффективных механизмов обратной связи с населением. Эти факторы затрудняют оперативное решение городских проблем и снижают доверие граждан к власти. В отсутствие широкого участия общественности, политические решения могут не отображать реальных потребностей горожан, что выявляет необходимость реформ в сфере взаимодействия власти и населения [2].

Результаты исследования

Для проведения опроса была составлена авторская анкета, состоящая из 6 вопросов, касающихся определения результативности работы ОМСУ и их взаимодействия с ПТОС. Основной тенденцией в работе мэрии Новосибирска является модернизация управления через внедрение информационных технологий и повышение прозрачности деятельности органов власти. Это должно способствовать укреплению доверия со стороны граждан и повышению эффективности существования ОМСУ. Уже сейчас принимаются меры для организации открытых публичных слушаний, обеспечения приемлемости и доступности услуг для всех слоев населения. Активизация общественного участия в местном самоуправлении через развитие институтов гражданского общества также остается в фокусе внимания мэрии, что сулит улучшение демократических процессов и вовлеченности граждан в решение вопросов местного назначения.

Анализ экспертного опроса населения позволяет получить объективную информацию о том, каким образом ОМСУ справляются с поставленными перед ними задачами, и соответствует ли проведенная работа ожиданиям жителей. Город Новосибирск, как крупный административный, культурный и экономический центр Сибири, сталкивается с рядом особых проблем в сфере регулирования деятельности муниципальных образований. Например, с учетом быстрого роста населения и увеличения строительства жилой и коммерческой недвижи-

мости, ОМСУ должны справляться с регулированием и контролем застройки, соблюдением норм экологической безопасности и обеспечением комфортных условий для проживания и работы населения.

Вопрос 1. Считаете ли вы, что объем финансирования работы ОМСУ и ПТОС в г. Новосибирске соответствует существующим расходам в настоящее время? Целью являлось раскрытие отношения респондентов к оценке ресурсного обеспечения работы ОМСУ. Большинство опрошенных (89%) считают, что выделяемых средств недостаточно для покрытия всех расходов. Результаты представлены на рисунке 2 (рисунок 2).

Вопрос 2. Выделите наиболее действенный механизм помощи и финансовой поддержки, который соответствует задачам для ОМСУ и ПТОС на территории г. Новосибирск. В результате было выделено, что большее число респондентов (64%) отмечают инструменты сметного распределения бюджета и исполнение наказов избирателей. При этом фактического участия членов ПТОС в делах ОМСУ не требуется (рисунок 3).

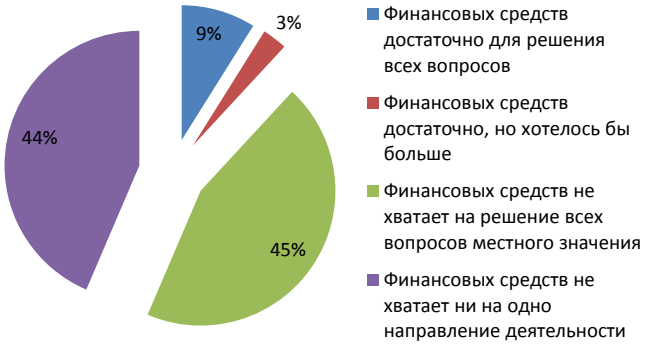

Рис. 2. Считаете ли вы, что объем финансирования работы ОМСУ и ПТОС в г. Новосибирске соответствует существующим расходам в настоящее время?

Рис. 3. Выделите наиболее действенный механизм помощи и финансовой поддержки, который соответствует задачам для ОМСУ и ПТОС на территории г. Новосибирск

Вопрос 3. Считаете ли вы грантовые инструменты поддержки для работы ОМСУ понятным механизмов с точки зрения эффективности? Респонденты выражали собственное отношение к проведению конкурсов социального значения и к предоставлению отчетности ОМСУ г. Новосибирск. Результат показал, что 5% опрошенных не понимают смысла данного механизма, 84% интересуются данным инструментом и проявляют участие в изучении отчетности, 11% предпочитают другие способы решения проблем муниципального характера (рисунок 4).

Рис. 4. Считаете ли вы грантовые инструменты поддержки для работы ОМСУ понятным механизмов с точки зрения эффективности?

Вопрос 4. Удовлетворяет ли вас прозрачность предоставляемой муниципальными образованиями отчетности по распределению грантовых средств? Данный вопрос нацелен на понимание справедливости вложения ресурсов и объективности оценки нужд населения региона. По результатам стоит отметить, что 39% считают несправедливыми и необъективными результаты подобных конкурсов, и подвергают сомнению прозрачность распределения грантовых средств. 24% указывают на то, что зачастую критерии отбора не обладают должной четкостью, 37% отметили, что не считают распределение полученных средств ОМСУ полностью прозрачным и достоверным. Таким образом, следует сделать вывод о том, что большинство опрошенных с недоверием относятся к подобным грантовым конкурсам и не понимают каким образом определяется победитель. Также они не всегда уверены в справедливости распределения полученных средств непосредственно ОМСУ (рисунок 5).

Рис. 5. Удовлетворяет ли вас прозрачность предоставляемой муниципальными образованиями отчетности по распределению грантовых средств?

Вопрос 5. Считаете ли вы, что ОМСУ и ПТОС должны повысить объем собственной деятельности в соответствии с увеличением финансовой поддержки при помощи различных инструментов? Подобный вопрос направлен на изучение мнения респондентов об усилении потенциальной активности ОМСУ и ПТОС (рисунок 6).

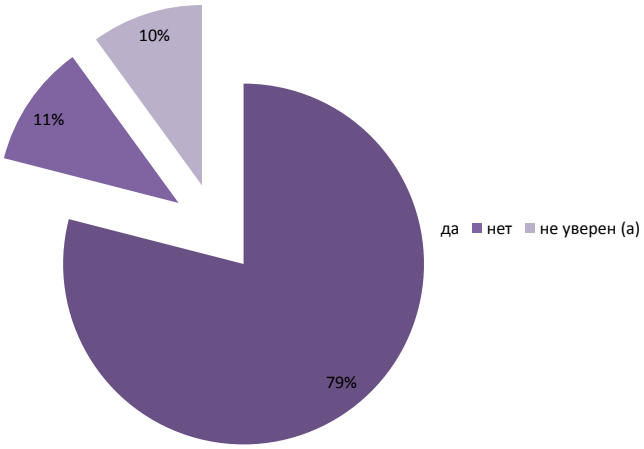

Рис. 6. Считаете ли вы, что ОМСУ и ПТОС должны повысить объем собственной деятельности в соответствии с увеличением финансовой поддержки при помощи различных инструментов?

Вопрос 6. Насколько вы оцениваете деятельность мэрии г. Новосибирска в рамках обеспечения муниципальных нужд населения? Опрос показал, что большинство респондентов (64%) оценивают деятельность ОМСУ удовлетворительно, поскольку требуется усиление помощи и решение местных вопросов в более эффективном формате. При этом 22% оценивают работу в ка-

честве полностью результативной в современных условиях, 14% практически не удовлетворены работой ОМСУ (рисунок 7).

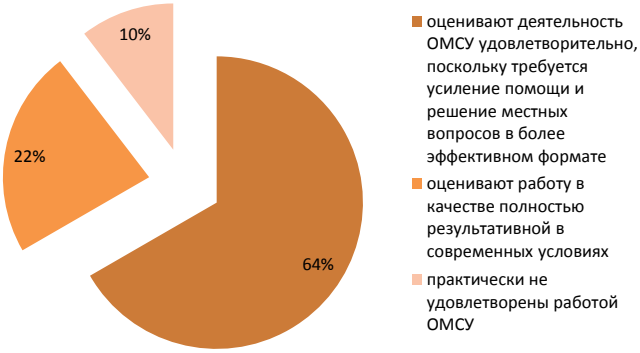

Рис. 7. Насколько вы оцениваете деятельность мэрии г. Новосибирска в рамках обеспечения муниципальных нужд населения?

Обсуждение и выводы. Таким образом, в рамках исследования было выяснено, что в г. Новосибирск имеются проблемы с обеспечением эффективности работы ОМСУ и их связи с ПТОС. Большинство респондентов оценивают деятельность ОМСУ лишь удовлетворительно, поскольку требуется усиление помощи и решение местных вопросов в более эффективном формате.

Выделим рекомендации, основанные на результатах экспертного опроса горожан, которые помогут модернизировать работу ОМСУ в городе Новосибирск.

1. Увеличение прозрачности и доступности информации: ОМСУ должны разработать механизмы для предоставления гражданам доступной и понятной информации о своей деятельности. Это может включать создание информационного портала или приложения, где появится возможность поиска сведений о проектах, бюджете, принимаемых решениях и возможности высказывания собственного мнения.

2. Участие ТОС в процессе принятия решений: Важно организовывать публичные слушания и обсуждения по вопросам, которые непосредственно затрагивают жизнь общества в целом. При этом необходимо привлекать как можно больше граждан к участию, разработать механизмы для сбора и учета мнений, а также прозрачно демонстрировать результаты участия каждого социального представителя в принятии решений.

3. Развитие образовательных программ: ОМСУ могут организовывать специальные программы и курсы для обучения всех желающих навыкам, необходимым для участия в жизни города и взаимодействия с муниципальной властью. Это позволит повысить уровень информированности и активности, а также обеспечит решение многих вопросов социально-политического характера.

4. Содействие в развитии местной инфраструктуры: ОМСУ должны активно работать над улучшением инфраструктуры в городе Новосибирске. Это означает развитие городского транспорта, создание комфортных парков и скверов, поддержка и развитие местных предприятий и малого бизнеса.

5. Учет мнения молодежи: Молодое поколение является активной и перспективной частью общества. ОМСУ должны учитывать и принимать во внимание их мнения и предложений в процессе принятия решений. Для этого можно организовывать конкурсы, проекты и общественные слушания, специально ориентированные на молодежную аудиторию.

Поэтому, оценка опыта работы ОМСУ в НО и выделение особенностей влияния множества факторов на их функционирование показывает, что основными текущими проблемами являются: недоверие граждан, недостаточная прозрачность распределения бюджета мэрией, недостаточная вовлеченность жителей в решение вопросов местного характера. Поэтому наиболее актуальными способами их решения будут являться:

- Активная поддержка объединения граждан в рамках создания территориальных сообществ.
- Повышение уровня контакта между представителями гражданского общества и муниципальной власти.
- Повышение прозрачности распределения финансов, предоставление отчетов в свободном доступе.

Литература

1. Зеленцов В. В., Шибаева С.С. Современные механизмы развития гражданского участия в местном самоуправлении: опыт Новосибирской области // Самоуправление. 2016. № 5. С. 34–37.
2. Зеленцов В.В. Проблемы участия жителей в местном самоуправлении: практика муниципальных образований Новосибирской области / В.В. Зеленцов // Развитие территорий. – 2017. – № 3(9). – С. 54–59. – EDN YLWYQI.
3. Лушова В.В. Анализ процесса становления и развития местного самоуправления в Новосибирской области / В.В. Лушова // Аллея науки. – 2021. – Т. 1, № 3(54). – С. 11–18. – EDN KVAAPN.
4. Мордасов В.В. Проблемы развития местного самоуправления в России // Экономика и социум: современные модели развития. – 2021. – Том 11. – № 1. – С. 103–116. – doi: 10.18334/ecsoc.11.1.111743
5. Сергеева З.Н. Перспективы развития территориального общественного самоуправления в городах / З.Н. Сергеева // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 2–2(82). – С. 275–278. – DOI 10.14258/izvasu(2014)2.2–53. – EDN TEJYKN.
6. Отчет о результатах деятельности мэра города Новосибирска и мэрии города Новосибирска в 2023 ГОДУ // URL: https://clck.ru/3AAo3c (дата обращения: 17.04.2024).

SOCIO-POLITICAL RELATIONS IN THE ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENTS: THE EXAMPLE OF NOVOSIBIRSK

Egorycheva T.V.
Siberian Institute Management – Branch RANEPA

The article examines the basics of the development of socio-political relations and emerging problems in the work of local governments on the example of the city of Novosibirsk.
Relevance and novelty. In a world where the dynamics of socio-political processes have a decisive impact on the favorable existence of cities and regions, special attention should be paid to the analysis of the functioning of local governments.
The purpose of the study. The study of the main problems of the existence of local governments in the city of Novosibirsk based on the analysis of an expert survey of citizens.
As a result of the research, theoretical and practical information about the problems and prospects of the work of local governments is presented on the example of the functioning of the Novosibirsk City Hall. As part of the study, it was found out that in Novosibirsk there are problems with ensuring the effectiveness of the work of local governments and their communication with representatives of territorial public self-government. The majority of respondents assessed the activities of the local mayor's office only satisfactorily, since it requires increased assistance and solving local issues in a more effective format.

Keywords: local government, community, citizens, survey, problem, Novosibirsk, expert survey, problems, prospects, authority.

Referents

1. Zelentsov V. V., Shibaeva S.S. Modern mechanisms for the development of civic participation in local government: the experience of the Novosibirsk region // Self government. 2016. No. 5. pp. 34–37.
2. Zelentsov V.V. Problems of participation of residents in local government: the practice of municipalities of the Novosibirsk region / V.V. Zelentsov // Development of territories. – 2017. – № 3(9). – Pp. 54–59. – EDN YLWYQI.
3. Lushova V.V. Analysis of the process of formation and development of local self-government in the Novosibirsk region / V.V. Lushova // Alley of Science. – 2021. – Vol. 1, No. 3(54). – pp. 11–18. – EDN KVAAPN.
4. Mordasov V.V. Problems of development of local self-government in Russia // Economics and society: modern models of development. – 2021. – Volume 11. – No. 1. – pp. 103–116. – doi: 10.18334/ecsoc.11.1.111743
5. Sergeeva Z.N. Prospects for the development of territorial public self-government in cities / Z.N. Sergeeva // Proceedings of the Altai State University. – 2014. – № 2–2(82). – Pp. 275–278. – DOI 10.14258/izvasu(2014)2.2–53. – EDN TEJYKN.
6. Report on the results of the activities of the mayor of Novosibirsk and the mayor's office of Novosibirsk in 2023 // URL: https://clck.ru/3AAo3c (date of application: 04/17/2024).

Влияние государственных программ развития здравоохранения в сфере профилактики на распространение заболеваний среди населения

Завьялов Андрей Евгеньевич,
кандидат социологических наук, доцент департамента философии и социальных наук ГАОУ ВО МГПУ
E-mail: zavyalov88@inbox.ru,

В статье рассматриваются вопросы национального здоровья россиян через влияние на них государственных программ и федеральных проектов. Проводится анализ существующих государственных программ и проектов в области здравоохранения, рассматриваются существующие проблемы связанные с заболеваемостью населения отдельными классами болезней, степень охвата профилактическими осмотрами. Также проводится вторичный анализ социологических данных связанных с уровнем посещаемости респондентами медицинских учреждений, так как это является важной проблемой с точки зрения развития здравоохранения. Профилактика и выявление заболеваний на ранней стадии возможны не только при развитии оборудования и качества обслуживания, но и степени доверия ко всему институту здравоохранения в целом, а также понимая ценности собственного здоровья со стороны граждан, которое проявляется в том числе в готовности человека к профилактическим осмотрам в случае возникновения недомоганий.

Ключевые слова: здоровье, ценность здоровья, социальные ценности.

Введение

Здоровье является важным компонентом развития человека. Оно оказывает влияние не только на работоспособность индивида, его физическое самочувствие, психологическое состояние, но и на социальный комфорт. В современном развивающемся мире здоровье представляет собой ресурс человека, позволяющий осуществлять его социальные функции. Для поддержания и развития национального здоровья в Российской Федерации вводятся и действуют программы в рамках Федеральных проектов. Одним из таких проектов был национальный проект «Здоровье» [1]. Проект получил много критики и, если посмотреть на цифры заболеваемостей, то в большей степени он смог затормозить дальнейшей ухудшение ситуации со здоровьем граждан.

Также в 2019–2024 года прошел национальный проект «Здравоохранение», в рамках которого проходили мероприятия по снижению показателей смертности, в том числе с помощью модернизации медицинской инфраструктуры [5]. Решение данной проблемы осуществлялось с помощь решения проблем кадрового дефицита, в том числе в области оказания первичной медицинской помощи, повышение доступности медицинских услуг. Важной частью проекта было повышение уровня диспансеризации граждан. Программа была направлена в первую очередь на выявление заболеваний на ранних стадиях, а также снижение смертности от заболеваний, связанных с онкологией, а также снижение детской смертности, что также является важным показателем системы здравоохранения.

Результаты

Для того, чтобы оценить общий результат национального проекта «Здравоохранение», можно взглянуть на показатели заболеваемости населения по некоторым классам болезней (см. Таблица 1). [10]

Анализ данных по развитию заболеваний в Российской Федерации показывает, что, не смотря на трудности, связанные с распространением COVID-19, общее распространение заболеваний имеет и положительные стороны, связанные со снижением числа заболевших по ряду классов болезней [12]. В то же время по некоторым заболеваниям наблюдается устойчивый рост числа больных, как например по категории болезней органов дыхания. В среднем в промежутке между 2021 и 2022 годом число заболевших по этой категории увеличилось приблизительно на 4%. Однако, динамика прироста заболевших показывает положительный рост, что говорит о системных проблемах. На такой рост уровня болезней органов дыхания сказываются различные факторы, начиная от обострения легочных заболеваний в период COVID-19, заканчивая общей неблагоприятной экологической обстановкой в городской среде [7]. Так же наблюдается устойчивый рост числа заболеваний системы кровообращения, что так же является достаточно тревожным показателем с точки зрения сохранения здоровья нации. Так, если с 2020 по 2021 года прирост числа заболевших составил приблизительно 3%, то уже с 2021 по 2022 года прирост

составил уже около 10%. Данный тип заболеваний является одним из самых распространенных среди населения и негативно сказывается, как на состоянии здоровья, так и на трудоспособности. Рост числа заболевших наблюдается и категории болезней нервной системы. В данной категории наблюдается небольшое снижение числа заболевших. Так, если в 2020–2021 гг. прирост составил около 7%, то в 2021–2022 годах – уже 4%. В категории болезней с новообразованиями также наблюдался сначала рост числа заболевших, а следом в 2022 году небольшое снижение приблизительно на 7% в сравнении с 2021 годом. Однако, численность заболевших злокачественными образованиями имеет тенденцию к неуклонному росту [6]. Если в период 2020–2021 годов наблюдался рост на 4%, то в 2021–2022 годах, уже около 7% заболевших. Такая динамика может быть связана с тем, что новообразования могут диагностироваться достаточно поздно, когда уже болезнь начинает оказывать серьезное влияние на человека. Не менее серьезной проблемой является распространение ВИЧ-инфекций на территории Российской Федерации. Важно отметить, что число заболевших из года в год растет. Если в 2020 году было 842333 человек с таким зарегистрированным диагнозом, то к 2022 году их численность увеличилась до 885417 человек. Однако, существует и положительная динамика. Начиная с 2020 года наблюдается постепенное снижение числа людей, заболевших ВИЧ-инфекцией с диагнозом, установленным впервые в жизни, в то время, как до 2020 года наблюдалась постоянная динамика роста числа заболевших впервые в жизни. В период 2020–2021 гг. снижение роста числа заболевших было около 2%, а в период 2021–2022 гг. снижение составило около 4%.

Таблица 1. Заболеваемость населения по некоторым классам болезней (тыс. человек)

Классы болезней	2000	2010	2020	2021	2022
Инфекционные и паразитарные	6448,0	4690,0	3114,6	3324,4	3114,6
Новообразования	1226,0	1540,0	1484,1	1593,8	1484,1
Болезни крови и кровеносных органов	551,0	705,0	513,9	539,6	513,9
Болезни системы кровообращения	2483,0	3734,0	4302,5	4455,7	4928,7
Болезни нервной системы	2227,0	2345,0	1836,5	1974,8	2057,0
Болезни органов дыхания	46170,0	46281,0	54273,3	59381,9	61918,8
Болезни органов пищеварения	4698,0	4778,0	3855,0	3920,8	3985,7
Врожденные аномалии	214,0	295,0	242,9	252,6	252,2
ВИЧ-инфекция (всего)	78571,0	372893,0	842333,0	851754,0	885417,0
ВИЧ-инфекция (впервые в жизни)	55449,0	57214,0	60123,0	58788,0	56003,0
Злокачественные новообразования (впервые в жизни)	448,0	517,0	556,0	580,4	624,8

В 2023 году, по сообщению представителя Минздрава, численность заболевавших ВИЧ-инфекцией снизилась еще на 1,6%, что связывают с внедрением дополнительных профилактических мер АРТ среди лиц, относящихся к группам риска. Внедрение подобных методик также говорит о постепенно выходе отечественной медицины на новый уровень. [3]

При этом можно сказать, что по ряду показателей действительно был достигнут прогресс [8]. При этом, помимо развития национального проекта «Здравоохранение», начиная с 2024 года над проблемой диспансеризации и первичного осмотра начала работать федеральная программа «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация». [4]

В рамках показателей диспансеризации можно посмотреть на данные по осмотрам населения, подлежащего осмотру (см. Таблица 2). [10]

Таблица 2. Периодические осмотры населения, подлежащего осмотру (тыс. чел.)

Категории осмотренных	2000	2010	2020	2021	2022
Взрослые	19787,3	16930,2	20555,4	25719,7	42289,3
Подростки (без учета школьников)	3285,1	1804,7	2898,0	3723,6	3905,8
Подростки (с учетом школьников)	3857,7	2901,8			
Дети 0–14	20593,0	18375,9	15201,3	21153,4	21757,0

Как видно из показателей, в рамках осмотра взрослого населения прошел существенный прогресс. Так если в период 2020–2021 гг. прирост количества осмотренных составил около 25%, то в 2021–2022 гг. такой прирост составил уже 64%, что является существенным показателем. Также существенно вырос показатель осмотра детей в возрасте 0–14 лет.

Направление в сторону расширения возможностей профилактики заболеваний через диспансеризации и иные методы – постепенно может решить важную проблему, существующую в рамках отношения к здоровью. Как показывают некоторые исследования, в большинстве своем люди обращаются за медицинской помощью при наличии острых болей или иного дискомфорта. Так

по данным исследований, проведенных СК «Росгосстрах Жизнь» и ВТБ в 2024 году, лишь только 13% опрошенных регулярно обращается за медицинской помощью, в том числе для профилактики, 23% опрошенных россиян обращаются за медицинской помощью, когда появляются первые признаки недомогания. При этом 31% из числа опрошенных посещают, когда симптомы долго не проходят, многие обращаются лишь только при острой боли, когда привычные средства уже не помогают, так ответило 19% опрошенных, в то время, как стараются избегать осмотров любыми способами 14% опрошенных.

Так же в 2023 году центром «Платформа» было проведено исследование удовлетворенности россиян медицинский организаций и системы здравоохранения. Мнения респондентов по данным исследования разделились: 54% опрошенных указывают, что скорее недовольны качеством предоставляемых медицинских услуг, в то время, как 44% скорее довольны. Важным является отметить, что опрос показал разницу отношений среди поколений к оказанию медицинских услуг. Молодое поколение в возрасте 18–24 лет оценивает качество услуг медицинский организации более оптимистично – 64% опрошенных довольны качеством. Старшее поколение в возрасте от 55 лет наоборот довольно качеством оказываемых по ОМС услуг лишь на 36%. Подобная разница может быть связана с тем, что более старшее поколение чаще обращается за медицинскими услугами, имея при этом большую потребность в поддержании здоровья, нежели молодое поколение. [11]

Заключение

Анализируя общее состояние заболеваемости россиян по отдельным классам болезней, применяемые меры для повышения уровня профилактики заболеваний, а также оценки системы здравоохранения, можно сказать, что существующие трансформации медицинский организаций и предоставление медицинских услуг оказывают определенное влияние на улучшение ситуации в области национального здоровья [2]. При этом, существенной проблемой является отношение россиян к системе здравоохранения. Помимо фактического повышения качества услуг, необходимы меры по завлечению людей к профилактическим осмотрам и повышение их заинтересованности в этом [13]. Поддержку здесь может оказывать не только информированность о важности профилактических осмотров, но и внедрение социальных мероприятий в медицинских организациях: внедрение систем накопления баллов при прохождении профилактических осмотров [9], популяризация в социальных сетях с целью привлечения молодого поколения, и подобное, что может быть внедрено на муниципальном или государственном уровне.

Литература

1. Аверин А.Н. Национальные проекты – инструменты достижения национальных целей развития. – М.: Дашков и К., 2020. 200с.
2. Алленов А.М. Готовность участников здоровьесбережения к мотивации населения к ведению здорового образа жизни // Общественное здоровье – 2022 – Т. 2 – № 4 – С. 4–14.
3. Более половины россиян обращаются к врачам только при серьезных проблемах // Известия: [сайт] – 2024 г. URL: https://iz.ru/1693854/2024–05–13/bolee-poloviny-rossiian-obrashchaiutsia-k-vracham-tolko-pri-sereznykh-problemakh (дата обращения: 04.05.2024 г.)
4. Заболеваемость ВИЧ в 2023 году снизилась до 40 человек на 100 000 населения // Ведомости: [сайт] – 2023 – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/02/1034974-zabolevaemost-vich-v-rossii-snizilas. (дата обращения 20.04.2024)
5. Записная Т.В. Понятие государственной политики в области охраны здоровья населения // Медицинское право. 2019. № 5. С. 14–18.
6. Каприн А.Д., Хайлова Ж.В., Шахзадова А.О., Петров В.А. Федеральный проект «Борьба с онкологическими заболеваниями»: запланированные мероприятия // Управление качеством в здравоохранении. 2019. № 1. С. 34–41.
7. Локосов В.В., Ярашева А.В., Александрова О.А. Факторы формирования основ самосохранительного поведения населения // Народонаселение – 2024 – Т. 27 – № 1 – С. 192–205.
8. Назарова И.Б. Показатели характеризующие здоровье жителей России к 2021 году // Народонаселение – 2022 – № 2 – С. 28–38.
9. Пономарев И.Е., Журавлев И.А. Использование инновационных технологий в физкультурно-оздоровительной деятельности и спорте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки – 2024 – № 2 – С. 38–42.
10. Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. // Росстат. – Р76 М., 2023–701 с
11. Россияне здоровье не купят // Коммерсантъ: [сайт] – 2023 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6410284 (дата обращения: 09.05.2024 г.)
12. Суворов В.В. Политика в отношении рождаемости и здорового образа жизни в России: особенности стимулирования граждан // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология – 2024 – Т. 24 – № 1 – С. 69–73.
13. Ярашева А.В. Современные здоровьесберегающие практики россиян // Народонаселение – 2023 – Т. 2 – № 2 – С. 127–138.

THE IMPACT OF STATE HEALTH DEVELOPMENT PROGRAMS IN THE FIELD OF PREVENTION ON THE SPREAD OF DISEASES AMONG THE POPULATION

Zavyalov A.E.
Moscow State Pedagogical University

The article deals with the issues of national health of Russians through the influence of state programs and federal projects on them. The analysis of existing state programs and projects in the field of health care is carried out, the existing problems related to the morbidity of the population in certain classes of diseases, the degree of coverage of preventive examinations are considered. Secondary analysis of sociological data related to the level of attendance of respondents to medical institutions is also carried out, as this is an important problem from the point of view of health care development. Prevention and detection of diseases at an early stage is possible not only with the development of equipment and quality of service, but also the degree of trust in the entire health care institution as a whole, as well as understanding the value of their own health on the part of citizens, which is manifested in the readiness of people to preventive examinations in case of ailments.

Keywords: health, health value, social values.

References

1. Averin A.N. National projects – tools for achieving national development goals. – M.: Dashkov and K., 2020. 200c.
2. Allenov A.M. Readiness of participants of health saving to motivate the population to lead a healthy lifestyle // Public Health – 2022 – Vol. 2 – No. 4 – P. 4–14.
3. More than half of Russians turn to doctors only in case of serious problems // Izvestia: [website] – 2024 URL:

https://iz.ru/1693854/2024–05–13/bolee-poloviny-rossiian-obrashchaiutsia-k-vracham-tolko-pri-sereznykh-problemakh (date of reference: 04.05.2024).
4. HIV incidence drops to 40 per 100,000 population in 2023 // Vedomosti: [website] – 2023 – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/02/1034974-zabolevaemost-vich-v-rossii-snizilas. . (accessed 04/20/2024)
5. Zapisnaya T.V. The concept of state policy in the field of public health protection // Medical Law. 2019. № 5. C. 14–18.
6. Kaprin A.D., Khailova J.V., Shakhzadova A.O., Petrov V.A. Federal project 'Fighting oncological diseases': planned activities // Quality management in healthcare. 2019. № 1. C. 34–41.
7. Lokosov V.V., Yarasheva A.V., Aleksandrova O.A. Factors of forming the basis of self-preservation behaviour of the population // Narodonaselenie – 2024 – Vol. 27 – No. 1 – P. 192–205.
8. Nazarova I.B. Indicators characterising the health of Russian residents by 2021 // Population – 2022 – № 2 – P. 28–38.
9. Ponomarev I.E., Zhuravlev I.A. The use of innovative technologies in physical culture and recreational activities and sports // Humanities, socio-economic and social sciences – 2024 – № 2 – P. 38–42.
10. Russian statistical yearbook. 2023: Stat.sb. // Rosstat. – R76 M., 2023–701 p.
11. Russians will not buy health // Kommersant: [website] – 2023 URL: https://www.kommersant.ru/doc/6410284 (date of reference: 09.05.2024)
12. Suvorov V.V. Policy in relation to fertility and healthy lifestyle in Russia: features of stimulating citizens // Izvestiya Saratovskogo universitet. New series. Series Sociology. Political Science – 2024 – T. 24 – № 1 – C. 69–73.
13. Yarasheva A.V. Modern health-saving practices of Russians // Narodonaselenie – 2023 – T. 2 – No. 2 – P. 127–138.

Проблемы формирования социально-профессиональной идентичности преподавателей высшей школы

Карамышева Елена Юрьевна,
аспирант кафедры «Менеджмент и государственное управление» Пензенского государственного университета
E-mail: karamyshevaelena@inbox.ru

Щанина Екатерина Владимировна,
д.с.н., профессор кафедры «Менеджмент и государственное управление» Пензенского государственного университета
E-mail: shchanina@mail.ru

Изменения в системе высшего образования, обусловленные постоянной актуализацией образовательных стандартов, внедрением цифровой образовательной среды, коммерциализацией, оказывают существенное влияние на мировоззрение, профессиональные установки и идентичность преподавателей высшей школы. Современные технологии образования меняют как содержание обучения и организацию учебного процесса, так и структуру ролей и статусов преподавателей вузов, поэтому исследование проблем формирования социально-профессиональной идентичности преподавателей вузов является актуальным в нынешних условиях трансформации российской системы высшего образования и общества в целом. В статье подчеркивается значимость социально-профессиональной группы преподавателей вузов как ключевых агентов изменений в системе высшего образования, от которых зависит успех этих изменений и способность института образования отвечать на запросы экономики, рынка труда, социума, гражданского общества. Цель данной работы выявить сущностное содержание социально-профессиональной идентичности преподавателей высшей школы в современных условиях. Реализация поставленной цели достигнута через обобщение основных социологических концепций формирования социально-профессиональной идентичности, операционализацию понятия «социально-профессиональная идентичность преподавателей вузов». В статье проводится анализ профессиональных ценностей преподавателей вуза, детерминирующих направленность их профессиональной деятельности; представлен образ современного преподавателя в глазах студентов; обозначено влияние цифровой трансформации системы высшего образования на изменение статусов и ролей вузовских преподавателей. Эмпирическая база состоит из интервью, проведенных авторами со студентами Пензенского государственного университета (n = 15; 2024 год; Пенза; Преподаватель вуза глазами студентов), результатов анализа исследований по аналогичной тематике Е.А. Балезиной (Пермь; 2020 год), И.И. Шамсутдиновой (Казань; 2022 год), Е.О. Нидергаус (Екатеринбург; 2022 год).
В статье сделан вывод о снижении приоритетности «просветительской» функции в деятельности преподавателя вуза, смещение вектора в сторону роли преподавателя – практика и преподавателя – организатора, частичной утрате преподавателем прежнего статуса и престижа. Данные последствия приводят к обновлению ценностно-смыслового статуса преподавательской деятельности в аспекте нового ролевого функционала в системе высшего образования и изменению социально-профессиональной идентичности преподавателя вуза как необходимого условия успешной интеграции в современный социум.

Ключевые слова: идентичность, преподаватель высшей школы, социально-профессиональная идентичность, система высшего образования.

Социально-профессиональная идентичность преподавателей вузов представляет собой непрерывный процесс осмысления и конструирования своего места в профессии и обществе, балансирования различных ролей и ценностных ориентиров. Преподаватели высшей школы выполняя образовательные функции оказывают влияние на формирование социальной структуры общества, развитие научных знаний и социализацию молодежи. Их роль является ключевой для поддержания качества образования, инновационного развития и социальной стабильности общества, воспроизводства человеческого потенциала страны.

Формирование социально-профессиональной идентичности исследуемой группы происходит под влиянием как традиционных факторов, так и новых общественных условий. Традиционные факторы, такие как ценности, социальные нормы и роли, которые принимаются и разделяются членами профессиональной группы, определяют ожидания, стандарты поведения и профессиональные установки преподавателей вузов. Однако новые общественные условия – глобализация, цифровизация и коммерциализация образования, а также изменения в социальном статусе и престиже профессии преподавателя создают новые вызовы и возможности для формирования социально– профессиональной идентичности. Преподаватели вуза сталкиваются с необходимостью адаптации к изменяющимся требованиям системы высшего образования и переосмысления своей роли в обществе, что вызывает трансформацию социально – профессиональной идентичности.

К настоящему времени, сформировался ряд научных подходов к исследованию проблем социально-профессиональной идентичности.

Согласно структурно-функционального подхода основоположниками которого являются Э. Дюркгейм и Т. Парсонс социальная идентичность рассматривается как характеристика индивида, формирующаяся в процессе конституирования социальных норм, ценностей и ролей, характерных для данного общества. Эти элементы идентичности передаются следующим поколениям в процессе социализации. Что особенно важно, данный аспект имеет принципиальное значение в исследовании проблем социальной идентичности преподавателей вузов.

Э. Дюркгейм выделял адаптивную функцию идентичности, которая проявляется на уровне профессиональных сообществ. Идентичность играет важную роль в обеспечении социальной интеграции и стабильности общества. Профессиональные сообщества, как часть социальной структуры, представляют собой группы людей, объединенных общими целями, нормами и ценностями, что способствует формированию и поддержанию их идентичности. Адаптивная функция идентичности в профессиональных сообществах проявляется через укрепление социальной солидарности, обмен знаниями и опытом, поддержку в профессиональном развитии, а также через формирование коллективной ответственности за качество работы и результаты профессиональной деятельности.

Следовательно, исследование социально-профессиональной идентичности преподавателей вузов предпо-

лагает изучение того, как преподаватели воспринимают себя в рамках своей профессиональной деятельности, какие факторы и условия оказывают влияние на изменения основных элементов социально-профессиональной идентичности, ее функций и роли в успешной социальной адаптации преподавателя к современному информационно-цифровому обществу.

Символический интеракционизм рассматривает социальную идентичность через призму взаимодействия индивидов, интерпретацию символов и социальные роли. Представители данного направления Ч.Х. Кули и Дж. Мид выделяют ключевую роль символов, знаков и языка в формировании социальной идентичности. Согласно теории Ч.Х. Кули, индивидуальная идентичность формируется через восприятие реакций других людей на наше поведение. Процесс самовосприятия через отражение взглядов и ожиданий окружающих играет ключевую роль в формировании представлений о себе и своем месте в обществе [5].

Понятие «обобщенный Другой», предложенное Дж. Мидом, указывает на то, что человек строит свое представление о себе, опираясь на общие социальные нормы и ожидания. Этот процесс помогает индивидууму интегрироваться в социум и определить свою роль в нем.

Согласно концепции И. Гоффмана существует три вида идентичности, определяющих как социальную составляющую, так и индивидуальные характеристики личности. «Социальное Я» детерминирует социальную идентичность как восприятие личности другими людьми на основе групповой принадлежности. «Физическое Я» – отражает уникальные индивидуальные черты и признаки каждого человека, как объекта, определяющие личностную идентичность. «Рефлексивное Я» – субъективное самовосприятие индивида, его внутреннее чувство собственной уникальности и жизненной ситуации [6]. Идеи Э. Гоффмана о виртуальной и актуальной идентичностях, интерпретируя актуальную идентичность преподавателя вуза как осознание своего поведения в меняющемся мире привычных вещей, виртуальную идентичность – как типизацию поведения в новых условиях труда.

В соответствии с символическим интеракционализмом осознание своей социальной позиции индивидом происходит через восприятие этой позиции другими людьми и через противопоставление своей позиции позициям других групп и общностей. Это противопоставление помогает людям упрощать и схематизировать правила социального взаимодействия и определять свое место в обществе. Таким образом, социальные взаимодействия играют ключевую роль в формировании и развитии социально-профессиональной идентичности преподавателей вузов.

Принципиальное значение в исследовании проблем формирования и развития социально-профессиональной идентичности преподавателей являет феноменологическая социология. Основоположниками которой являются П. Бергер и Т. Лукман. Согласно концепции конструирования социальной реальности, идентичность представляет собой целостную иерархическую систему, которая формируется и поддерживается социальным процессом. Она трансформируется в результате социальных отношений и изменений в обществе. Самоидентификация происходит не только с конкретными людьми, а с ролью и стереотипами поведения, которые являются схемой деятельности в определенных условиях.

Понятие «социальная идентичность» в интегративной концепции представлено как многомерное самосознание, включающее социальные, культурные и личностные аспекты, находящиеся во взаимосвязи. Э. Гидденс рассматривает идентичность и социальную идентичность как культурные феномены современного общества, формирующиеся и поддерживаемые в повседневной жизни индивида. Он выделяет двухполюсный континуум в структуре идентичности: абсолютное приспособление (конформизм) и замкнутость на себе. Э. Гидденс характеризует общую идентичность, как часто неосознаваемую уверенность индивида в своей принадлежности к определенному коллективу, общие чувства и представления, отражаемые в его сознании.

Таким образом, обобщенные социологические концепции позволяют выделить следующие методологические основания исследования категории «социально-профессиональная идентичность» – изучение социальной– профессиональной идентичности преподавателей вузов через мотивы выбора профессии, внутренние стимулы трудовой деятельности, осознание индивидом принадлежности к социально-профессиональной группе преподавателей, удовлетворённость трудом, личностные и профессиональные качества, степень самореализации в профессиональной сфере., изменение социального статуса и роли преподавателя.

Анализ результатов социологических исследований, проведенных в разных регионах страны, свидетельствуют о противоречивом характере социально-профессиональной идентичности преподавателей вузов (Е.А. Балезина (Пермь, 2020 год), И.И. Шамсутдиновой (Казань, 2022 год), Е.О. Нидергаус (Екатеринбург, 2022 год).

Результаты исследования под руководством Е.А. Балезиной (Пермь 2020, метод интервью и анкетный опрос) свидетельствуют, что при оценке удовлетворенности преподавательской деятельностью, с точки зрения предсказуемости и спокойствия в профессии, большинство преподавателей считает работу отчасти спокойной (41% среди респондентов в возрасте до 34 лет и 36% среди более опытных преподавателей), только лишь для 7% преподавателей в возрасте до 34 лет работа является спокойной (среди респондентов более опытных – 10%) [7]. Основными причинами неудовлетворенности и неспокойствия по мнению преподавателей вузов () является – постоянное изменение стандартов образовательного процесса, повышение требований к профессиональным компетенциям, внедрение цифровой образовательной среды, оптимизация численности профессорско-преподавательского состава, переход на эффективный контракт.

Трансформация статуса и роли преподавателя определяется новыми требованиями концепции цифрового образования. Так, по результатам исследования преподавателей вуза на тему трансформации их статуса и роли в условиях цифровизации, под руководством И.И. Шамсутдиновой (Казань, 2022, метод анкетный опрос) 39% респондентов отметили безоговорочное изменение характера отношений между преподавателями и студентами, связанное с внедрением информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс. Основные изменения наблюдаются в частоте взаимодействий преподавателя и студента по вопросам учебной и исследовательской деятельности, ввиду появления и развития социальных сетей и мессенджеров. Недовольство стиранием границ преподаватель/студент, нарушением формального стиля общения, отсутствием должного уважения и культуры речи выказывают 38% респондентов. Преподаватели вузов уверены, что наблюдаемые тенденции в нарушении личных и рабочих границ характеризуют снижение статуса преподавателя в профессиональной среде. На вопрос *«Какие роли преподавателя наиболее актуальны в современной системе образования?»* 54% респондентов отметили роль пре-

подавателя – наставника, 51% преподавателя – практика, 40% преподавателя – ученого, 38% преподавателя – лектора, 37% преподавателя – координатора [8]. Возросшая роль преподавателя – практика свидетельствует о снижении актуальности теоретической передачи знаний в классическом понимании функций преподавателя; практически тождественные значения лектора и координатора говорят об изменениях в образовательном процессе, смещении вектора на способность управлять им, направлять и ориентировать студентов в информационной среде. Таким образом, изменение в престижности профессии преподавателя во многом обусловлен цифровизацией системы образования.

Об изменении престижа профессии преподавателя вуза и его статуса свидетельствуют результаты исследования Е.О. Нидергаус (Екатеринбург, 2022, метод анкетный опрос). На вопрос *«Укажите наиболее подходящие причины для смены работы»* большинство респондентов (37%) подтвердило, что работа в вузе растратила прежний статус и престиж. Однако, 65% преподавателей никогда не испытывали желания сменить работу, что свидетельствует о приверженности профессии, не взирая на материальную составляющую (34% респондентов не устраивает уровень заработной платы).

Из недостатков профессии преподавателя вуза в большинстве своем респонденты указывали – много бессмысленной бюрократии (66%), высокую нагрузку (61%), эмоциональное выгорание и стресс (43%), мало времени остается на научно-исследовательскую деятельность (40%) [9], что свидетельствует о снижении наукометрических показателей, об отсутствии возможности в полной мере реализовывать свой потенциал и достигать успехов в научной сфере. В процессе бюрократизации института высшего образования произошло отвлечение преподавателей от основных преподавательских задач в учебной и научной деятельности, что повлекло возникновение педагогической иерархии в зависимости от показателей эффективности и отчетности.

Исследуя ценностные ориентации и профессиональные установки преподавателей вуза Е.А. Балезина фиксирует выраженную установку на самореализацию (4,39 балла из 5 возможных, притом женщины в большей степени отмечают в своей работе направленность на самореализацию), а также установку на материальные ценности и коммуникативные возможности, проявляющиеся в общении с интересными людьми (4,09 и 4 балла соответственно). Ценность общения в большей степени отмечают молодые преподаватели вуза без ученой степени. Социально – статусные ценности (возможность карьерного продвижения, работа как средство занять определенное место в жизни) менее выражены в ответах респондентов – 3,75 баллов из 5 [7]. Однако с возрастанием благосостояния и социальной защищенности, потребность в повышении статуса становится более актуальна.

О мотивации выбора профессии можно судить по таким характеристикам трудового процесса преподавателей как «возможность реализовать свои знания, опыт и способности», «творческий характер работы» и «возможность влиять на развитие студентов, формировать их мышление и мировоззрение», что свидетельствует об отождествлении профессиональной деятельности преподавателей с призванием.

Социальное самочувствие исследуемой группы выступает важным фактором определяющим социально-профессиональную идентичность преподавателей вузов. О позитивной идентичности может свидетельствовать удовлетворенность условиями жизни и труда профессорско-преподавательского корпуса. Обеспокоенность ростом цен и тарифов отмечает большинство респондентов (78%), плохой медициной (51%), коррупцией в разных сферах и слабой защитой работников бюджетной сферы по 31%. Так, на вопрос «Укажите уровень личного ежемесячного дохода (2022)?» 50% ассистентов и 43% старших преподавателей указали доход в размере 15–25 тыс. руб., 35% доцентов – 25–35 тыс. руб., и 42% профессоров – 35–50 тыс. руб. Данный уровень дохода заставляет преподавателей задумываться о дополнительном источнике дохода, либо о смене сферы деятельности. Так, 54% ассистентов и ст. преподавателей и 31% доцентов вузов имеют дополнительное место работы, обосновывая это финансовой необходимостью (89% и 71% соответственно) [10].

С целью выявления образа преподавателя вуза в глазах студентов нами была опрошена студенческая молодежь г. Пензы (2024, n = 25, студенты Пензенского государственного университета, метод – интервью). В ответах студентов были отражены индикаторы социально-профессиональной идентичности преподавателей высшей школы такие как – престижность профессии, роль, статус и имидж современного преподавателя вуза.

По мнению большинства студентов, профессионализм и компетентность – главное профессиональное качество преподавателей вузов, поскольку это позволяет *«…объяснять сложные концепции простым и понятным образом»*, *«…увлечь студента своим предметом»*. Однако роль преподавателя-теоретика менее востребована в предпочтениях студентов, нежели преподавателя-практика *«…для меня идеальный преподаватель – это тот человек, который будет знать, о чем он говорит своим студентам, который проработал в этой сфере и понимает все подводные камни данных профессии», «…а вообще, чтобы был практиком, чтобы мог заинтересовать и вовлечь в материал»*. Студенты отмечают, что творческий подход к работе, педагогическое мастерство, использование в обучении примеров из жизни, инновационность и креативность положительно сказываются на запоминании материала, развитии их аналитических способностей и критического мышления. *«…неординарно подавать информацию, чтобы остались эмоции и знания применялись на практике»*. Полученные результаты свидетельствуют о об изменении роли преподавателя, от преподавателя требуется использование таких форм методов и способов обучения, которые способствовали бы учету индивидуальных предпочтений и мотивов обучающихся.

Личные качества преподавателя, такие как чувство юмора, умение расположить к себе, коммуникативность *«…который сможет дать хотя бы свою почту»*, способность вдохновлять, способность к эмпатии, по мнению студентов, способствуют выстраиванию доверительных отношений, что благоприятно сказывается на учебной атмосфере, снижает напряженность во время занятий, тем самым позволяя студентам раскрывать свой творческий и научный потенциал. *«…который будет относиться к студентам как к своим друзьям или детям…в дальнейшем созваниваться, узнавать как жизнь и т.д. …»*. Анализ интервью подтверждает результаты исследований И.И. Шамсутдиновой о размывании границ преподаватель/студент между личным и профессиональным, нарушении формального стиля общения, отсутствие должного уважения и культуры речи.

Однако, как показало исследование, ожидания студентов не всегда совпадают с реальным образом преподавателя вуза. Обучающиеся указывают на недостаток практических навыков, устаревшие методики преподавания, проецирования личных проблем преподавателя на студентов, необъективность оценок, выделение

любимчиков, отсутствие уважения к мнению студентов, не желание идти на контакт *«…большинство из них как будто не любят свою работу…лекции скучные, практики очень мало, складывается впечатление, как будто им нужна статистика и баллы за КТ, чтобы их начальство не мучало…».*

Описывая социально-демографические характеристики идеального преподавателя, студенты акцентировали внимание, что это преподаватель в возрасте от 35 до 50 лет, указание пола в ответах встречается достаточно редко, в основном это – мужчина, обладающий харизматичностью и чувством юмора, способный удерживать внимание студентов.

По мнению студентов, профессия преподавателя не относится к высокопрестижным, в большей степени из-за низкого материального статуса преподавателя вуза, большой нагрузки и необходимости заниматься научной деятельностью. Студентам важно видеть в преподавателе «успешный кейс» применения теоретических знаний в реальной жизни, выражающийся в материальном эквиваленте. Отмечалось также, что статус преподавателя определяется наличием руководящей должности в вузе либо ведением собственного бизнеса.

Результаты исследования мнения студентов свидетельствует о снижении приоритетности «просветительской» функции в деятельности преподавателя вуза, смещение вектора в сторону роли преподавателя – практика и преподавателя – организатора, частичной утрате преподавателем прежнего статуса и престижа.

В целом, исследования показывают, что в современном образовательном контексте происходит не просто изменение статуса и роли преподавателя, а его трансформация и переход в новое качество. Преподаватели вузов должны быть не только экспертами в своей области знаний, но выполнять роли наставника, координатора, исследователя, инноватора, организатора образовательного процесса и т.д. Таким образом, социально-профессиональная идентичность преподавателя вуза в современных условиях отражает его принадлежность к профессии. Интерес к своей работе, творческий характер деятельности настолько значимы, что служат основными причинами, по которым преподаватели продолжают оставаться в своей профессии, несмотря на трудности, связанные с трансформацией системы образования, снижением престижа профессии, изменением статуса и роли преподавателя.

Следовательно, социально-профессиональная идентичность преподавателей в значительной степени формируется в процессе выполнения профессиональных функций. Профессиональные роли, которые они выбирают и реализуют, в значительной степени определяются их самоидентификацией Я – преподаватель, а не требованиями социальных институтов.

Высокий уровень неудовлетворенности условиями труда и заработной платой, своим статусом, снижением престижа в профессии, трансформации роли преподавателя под влиянием процессов коммерциализации системы высшего образования не приводят к кризису социально-профессиональной идентичности, а наоборот способствуют повышению уровня адаптивности к современным условиям за счет более четкого представления о своей роли в пространстве социально-профессионального взаимодействия.

Проведенное социологическое исследование показало, что процесс формирования социально-профессиональной идентичности преподавателей высшей школы характеризуется сложностью и многогранностью, конституируется множественностью факторов, включая глобальные изменения в системе высшего образования, трансформации статусов и ролей преподавателей, изменения в профессиональных установках, взаимодействие с социальными институтами, выполнение профессиональных функций и выражение критических оценок по поводу своих условий и содержания труда.

Анализ результатов социологических исследований социально-профессиональной идентичности преподавателей вузов позволил выявить основные проблемы ее формирования и развития. Среди них – неудовлетворенность условиями труда и критериями их оплаты; снижение престижности профессии преподавателя; недостаточное внимание общественности к формированию имиджа преподавателя как творческой и интеллектуальной личности, выступающей ключевым агентом модернизации высшего образования и общества в целом; недостаточная мотивация преподавателей на включенность в научно-исследовательскую деятельность, обусловленная большой бюрократической нагрузкой.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.
2. Дюркгейм Э.О. Разделении общественного труда; Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 576 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.
4. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Б. Беккера. – М.: Логос, 2007. – 360 с.
5. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Идея-Пресс, 200. – 320 с.
6. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. – 304 с.
7. Балезина Е.А. Положение молодого преподавателя вуза в условиях модернизации высшего образования: риски и их восприятие [Текст] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2018. – № 4(52). – С. 99–108
8. Шамсутдинова И.И. Трансформация статуса и роли преподавателя вуза в условиях цифровизации (на примере КФУ) // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021 – № 1(1) – С. 95–98.
9. Нидергаус Е.О. Особенности и противоречия формирования профессиональной идентичности современных молодых преподавателей вуза / Е.О. Нидергаус, Л.Н. Банникова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально –экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 1. С. 50–59. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-1-50-59
10. Карамышева Е.Ю., Щанина Е.В. «Социально-профессиональный статус российского преподавателя вуза» // «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки / Humanities, social economic and social sciences». № 5. 2024.

PROBLEMS OF FORMATION OF SOCIAL AND PROFESSIONAL IDENTITY OF HIGHER SCHOOL TEACHERS

Karamysheva E.Y., Shchanina E.V.
Penza State University

Changes in the higher education system due to the constant updating of educational standards, the introduction of a digital educational environment, and commercialization have a significant impact on the worldview, professional attitudes, and identity of higher school teachers. Modern educational technologies are changing both the content of education and the organization of the educational process, as well as the structure of the roles and statuses of univer-

sity teachers, therefore, the study of the problems of forming the socio-professional identity of university teachers is relevant in the current conditions of transformation of the Russian higher education system and society as a whole. The article emphasizes the importance of the socio-professional group of university teachers as key agents of change in the higher education system, on which the success of these changes and the ability of the institute of education to respond to the demands of the economy, labor market, society, and civil society depend. The purpose of this work is to identify the essential content of the socio-professional identity of higher school teachers in modern conditions. The realization of this goal was achieved through the generalization of the basic sociological concepts of the formation of socio-professional identity, the operationalization of the concept of "socio-professional identity of university teachers." The article analyzes the professional values of university teachers that determine the direction of their professional activities; presents the image of a modern teacher in the eyes of students; identifies the impact of the digital transformation of the higher education system on changing the status and roles of university teachers. The empirical base consists of interviews conducted by the authors with students of Penza State University (n=15; 2024; Penza; University teacher through the eyes of students), the results of an analysis of research on a similar topic by E.A. Balezina (Perm; 2020), I.I. Shamsutdinova (Kazan; 2022), E.O. Niedergaus (Yekaterinburg; 2022).
The article concludes that the priority of the "educational" function in the activities of a university teacher has decreased, the vector has shifted towards the role of a practical teacher and an organizing teacher, and the teacher has partially lost his former status and prestige. These consequences lead to an update of the value-semantic status of teaching in the aspect of a new role functional in the higher education system and a change in the socio-professional identity of a university teacher as a necessary condition for successful integration into modern society.

Keywords: identity, higher school teacher, socio-professional identity, higher education system.

References

1. Erickson E. Identity: youth and crisis / trans. from English / E. Erickson. – M.: Progress, 1996. – 342 p.
2. Durkheim E.O. Division of social labor; Method of sociology. – M.: Nauka, 1991. – 576 p.
3. Parsons T. System of modern societies. – M.: Aspect-Press, 1998. – 270 p.
4. Luhmann N. Introduction to system theory / ed. B. Becker. – M.: Logos, 2007. – 360 p.
5. Cooley C.H. Human nature and social order. – M.: Idea-Press, 200. – 320 p.
6. Goffman I. Presenting oneself to others in everyday life / trans. from English and entry Art. A.D. Kovaleva. – M.: Kanon-press-C: Kuchkovo Pole, 2000. – 304 p.
7. Balezina E.A. The position of a young university teacher in the context of modernization of higher education: risks and their perception [Text] // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – 2018. – No. 4(52). – pp. 99–108
8. Shamsutdinova I.I. Transformation of the status and role of a university teacher in the conditions of digitalization (on the example of KFU) // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2021 – No. 1(1) – P. 95–98.
9. Niedergaus E.O. Features and contradictions of the formation of professional identity of modern young university teachers / E.O. Niedergaus, L.N. Bannikova // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2019. Volume 5. No. 1. P. 50–59. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-1-50-59
10. Karamysheva E.Yu., Shchanina E.V. "Social and professional status of a Russian university teacher" // "Humanities, social economic and social sciences". No. 5. 2024.

Влияние демографических процессов на динамику макроэкономических показателей России

Ковалев Алексей Николаевич,
аспирант кафедры социологии, МИРЭА – Российский технологический университет
E-mail: Kovalev@mail.ru

Потемкина Юлия Геннадьевна,
независимый исследователь, член комитета Торгово-промышленной палаты РФ
E-mail: Jpotemkina3@gmail.com

Введение: Исследование посвящено анализу влияния демографической ситуации на экономическое развитие страны. Цель работы – обосновать взаимосвязь между основными демографическими показателями и ключевыми экономическими параметрами, такими как ВВП, производительность труда, потребительский спрос и др.
Материалы и методы: В качестве эмпирической базы использованы статистические данные Федеральной службы государственной статистики за период 2014–2019 гг. Проанализирована динамика таких показателей как численность и возрастная структура населения, рождаемость, смертность, миграционный прирост. Для выявления корреляций применен регрессионный анализ.
Результаты: Установлено, что изменение общей численности населения на 1% приводит к росту ВВП на 0,78%. Увеличение доли трудоспособного населения на 1 п.п. повышает производительность труда на 1,2%. При этом рост демографической нагрузки на 1 п.п. замедляет темпы прироста ВВП на 0,3 п.п. Также выявлено положительное влияние чистой миграции на динамику ВВП и потребительский спрос. В то же время негативные демографические тенденции, такие как старение населения и снижение рождаемости, являются существенными ограничителями экономического роста. Моделирование различных сценариев демографического развития показало, что для обеспечения устойчивого роста ВВП на уровне не менее 3% в год необходимо добиться стабилизации численности трудоспособного населения и увеличения суммарного коэффициента рождаемости до 2,1.

Ключевые слова: демографическая ситуация, экономическое развитие, рождаемость, смертность, миграция, структура населения, производительность труда, потребительский спрос.

Введение

Демографическая ситуация является одним из ключевых факторов, определяющих перспективы социально-экономического развития страны. Комплекс демографических показателей, характеризующих численность, состав и динамику населения, оказывает системное воздействие на все сферы экономики – от рынка труда и потребительского спроса до инвестиционного климата и устойчивости пенсионной системы. В современных условиях проблема взаимосвязи демографии и экономики приобретает особую актуальность, что обусловлено нарастающими вызовами, связанными со старением населения, сокращением доли трудоспособных граждан, снижением рождаемости и прочими неблагоприятными тенденциями.

Как известно, население выступает одновременно в роли производителей и потребителей экономических благ. Соответственно, от количественных и качественных характеристик человеческих ресурсов напрямую зависит эффективность функционирования экономической системы. По оценкам экспертов Организации Объединенных Наций, вклад человеческого капитала в национальное богатство развитых стран достигает 70–80%. Однако реализация созидательного потенциала населения возможна только при наличии сбалансированной возрастной структуры, оптимального соотношения между трудоспособным контингентом и группами иждивенцев, стабильного естественного прироста и миграционного баланса.

Негативные сдвиги в демографической структуре, напротив, могут привести к замедлению экономической динамики, росту нагрузки на бюджетную систему, повышению инфляционного давления и прочим деструктивным последствиям. В частности, увеличение доли лиц пенсионного возраста влечет за собой рост социальных расходов государства, что в условиях снижения численности трудоспособных граждан усиливает давление на государственные финансы и ограничивает возможности для инвестиций в человеческий капитал. Так, по данным Росстата, в период с 2005 по 2020 гг. удельный вес населения старше трудоспособного возраста в России увеличился с 20,4% до 25,3%. При этом коэффициент пенсионной нагрузки (количество лиц пенсионного возраста на 1000 человек трудоспособного возраста) за указанный период возрос с 326 до 445.

Еще одним каналом негативного влияния демографических процессов на экономику выступает дефицит трудовых ресурсов. Старение рабочей силы в сочетании со снижением притока молодых специалистов затрудняет модернизацию производства, внедрение инноваций, реализацию инвестиционных проектов. Как показывает анализ, проведенный экспертами Высшей школы экономики, в 2010–2019 гг. из-за сокращения численности занятых в возрасте 15–59 лет среднегодовые темпы прироста ВВП оказались на 0,5 п.п. ниже потенциального уровня. В ближайшие десятилетия, с учетом сложившихся демографических трендов, проблема кадрового голода может стать еще более ощутимой. Согласно прогнозу Росстата, к 2036 г. численность трудоспособного насе-

ления в России сократится на 6 млн человек, или на 7% по отношению к значению 2020 г.

Следует отметить, что влияние демографических факторов на экономику носит не только количественный, но и качественный характер. Структура населения по полу и возрасту, уровню образования и квалификации, состоянию здоровья во многом определяет производительность труда, инновационную активность, предпринимательскую инициативу и прочие драйверы экономического роста. По данным специалистов РАНХиГС, увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни на 1 год повышает ВВП на душу населения в среднем на 4%. При этом, например, в России значение данного показателя в 2019 г. составило 64,4 года, в то время как в ряде развитых стран (Япония, Швейцария, Сингапур) оно превышает 74 года.

Материалы и методы

Для количественной оценки влияния демографических факторов на экономическое развитие в работе использованы статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за период 2014–2019 гг. Анализировалась динамика следующих показателей:

- численность постоянного населения;
- численность населения трудоспособного возраста;
- коэффициент демографической нагрузки (количество лиц нетрудоспособного возраста на 1000 человек трудоспособного возраста);
- коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения);
- коэффициент смертности (число умерших на 1000 человек населения);
- миграционный прирост.

Для характеристики экономического развития использовались такие индикаторы как:

- ВВП в текущих ценах;
- индекс физического объема ВВП;
- индекс производительности труда;
- реальные располагаемые денежные доходы населения.

Поскольку рассматриваемые показатели представляют собой динамические ряды, для их анализа применялись методы описательной статистики – расчет абсолютных и относительных показателей динамики, средних величин и пр. Для выявления связи между демографическими и экономическими индикаторами проводился корреляционно-регрессионный анализ. В частности, рассчитывались коэффициенты корреляции, строились однофакторные и многофакторные регрессионные модели.

Для прогнозирования экономических последствий демографических изменений использовался сценарный подход. На основе гипотез о динамике численности населения, его возрастной структуры, показателей естественного и миграционного движения были разработаны три сценария – базовый, оптимистический и пессимистический. С помощью эконометрических моделей осуществлялась оценка влияния каждого из сценариев на ключевые макроэкономические параметры.

Результаты исследования

Результаты корреляционно-регрессионного анализа свидетельствуют о наличии статистически значимой связи между демографическими и экономическими показателями. Коэффициент корреляции между численностью постоянного населения и ВВП в текущих ценах составил 0,98 ($p<0,01$), что указывает на весьма тесную прямую зависимость между данными индикаторами [7]. Регрессионная модель, описывающая влияние изменения численности населения на динамику ВВП, имеет следующий вид:

$$GDP = 426,19 + 0,078POP,$$

где GDP – ВВП в текущих ценах, млрд руб.; POP – численность постоянного населения, тыс. человек.

Коэффициент эластичности, рассчитанный на основе приведенного уравнения, показывает, что увеличение численности населения на 1% приводит к росту номинального ВВП на 0,78% [11]. Значимость фактора численности населения для экономического развития подтверждается и результатами анализа влияния возрастной структуры на макроэкономическую динамику. Проведенные расчеты свидетельствуют, что повышение удельного веса лиц трудоспособного возраста в общей численности населения на 1 п.п. обеспечивает прирост реального ВВП на 0,6%, а аналогичное увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста, напротив, замедляет темпы экономического роста на 0,4 п.п. ($p<0,05$).

Ключевую роль демографического фактора в обеспечении поступательного развития экономики иллюстрируют также результаты декомпозиции темпов прироста ВВП по источникам [3]. Так, за период 2014–2019 гг. среднегодовой темп прироста реального ВВП составил 0,8%, в том числе за счет увеличения численности занятых – 0,1 п.п., роста производительности труда – 0,7 п.п. При этом в условиях сокращения трудоспособного населения (–0,3% в среднем за год) экономическая динамика поддерживалась исключительно за счет повышения эффективности использования трудовых ресурсов [14]. Однако, как показывают расчеты, возможности экстенсивного роста, основанного на вовлечении в производство дополнительной рабочей силы, практически исчерпаны. По оценкам экспертов РАНХиГС, даже при условии повышения пенсионного возраста к 2036 г. численность трудоспособного населения в России сократится на 5,4%, а его удельный вес в общей численности населения – с 56% до 54% [5].

Негативное влияние на экономическое развитие оказывает и нарастающая демографическая нагрузка на трудоспособное население. За период 2014–2019 гг. коэффициент демографической нагрузки в России увеличился с 713 до 804 нетрудоспособных лиц на 1000 человек трудоспособного возраста, в том числе по «детской» нагрузке – с 309 до 337, по «пенсионной» – с 404 до 467 [9]. Построенная регрессионная модель показывает, что рост демографической нагрузки на 1 п.п. приводит к замедлению темпов прироста реального ВВП на 0,3 п.п. ($p<0,01$). Прежде всего, это связано с увеличением социальных обязательств государства, что влечет за собой повышение налоговой нагрузки на бизнес и население, сдерживает инвестиционную и потребительскую активность [2].

Существенное воздействие на экономическую динамику оказывают показатели естественного и миграционного движения населения. В частности, увеличение суммарного коэффициента рождаемости на 0,1 единицы обеспечивает прирост реального ВВП на 0,4% ($p<0,05$). Это объясняется как расширением потребительского спроса вследствие роста численности населения, так и повышением качества человеческого капитала за счет омоложения возрастной структуры [12]. В то же время снижение общего коэффициента рождаемости на 1 п.п. приводит к уменьшению объема ВВП на душу населения на 0,8% ($p<0,05$). По оценкам ВШЭ, при сохранении показателя рождаемости на уровне 2019 г. (10,1 родившихся на 1000 человек населения) к 2030 г. численность населения России сократится на 1,7 млн человек, что эквивалентно потере около 2% ВВП.

Значимым фактором экономического роста в условиях неблагоприятной демографической ситуации выступает миграция. Проведенный анализ показывает, что увеличение миграционного прироста на 100 тыс. человек в год приводит к повышению темпов прироста ВВП на 0,2 п.п. ($p<0,05$) [8]. При этом вклад мигрантов в прирост ВВП обусловлен не только количественным увеличением трудовых ресурсов, но и качественными характеристиками миграционных потоков. Так, мигранты, приезжающие в Россию на постоянное место жительства, отличаются более высоким уровнем образования, чем местное население. По данным Росстата, в 2019 г. удельный вес лиц с высшим образованием среди прибывших в Россию мигрантов составил 28%, в то время как среди россиян – 24% [6].

Важнейшей детерминантой экономического развития выступает образовательный потенциал населения. Расчеты показывают, что повышение среднего числа лет обучения на 1 год обеспечивает прирост производительности труда на 3–4% [4]. При этом существенное значение имеет не только количество, но и качество полученного образования. Так, по оценкам Всемирного банка, в странах с высоким качеством школьного образования (по результатам международных тестов PISA) увеличение продолжительности обучения на 1 год приводит к повышению подушевого ВВП на 7–12%, в то время как в странах с низким качеством – лишь на 2–5% [15].

Ключевую роль в реализации человеческого потенциала играет состояние здоровья населения. По данным ВОЗ, увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни на 10% приводит к ускорению темпов экономического роста на 0,3–0,4 п.п. в год [10]. Согласно расчетам, проведенным на основе данных Росстата, в России рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни на 1 год обеспечивает прирост ВВП на душу населения на 1,5–2%. При этом положительное влияние на качество человеческого капитала оказывает не только увеличение продолжительности жизни, но и снижение заболеваемости и инвалидности населения в трудоспособном возрасте. Так, по оценкам экспертов РАНХиГС, экономические потери от преждевременной смертности и инвалидизации населения в России достигают 10–15% ВВП [13].

Результаты сценарного моделирования свидетельствуют, что демографические факторы будут оказывать существенное влияние на перспективы экономического развития России в ближайшие десятилетия. Согласно базовому сценарию Росстата, среднегодовые темпы прироста ВВП в 2021–2036 гг. составят 2,6%. При этом в условиях сокращения численности населения в трудоспособном возрасте экономический рост будет обеспечиваться исключительно за счет повышения производительности труда (в среднем на 2,9% в год). В свою очередь, оптимистический демографический сценарий, основанный на гипотезе о росте суммарного коэффициента рождаемости до 1,9 и увеличении миграционного притока до 400 тыс. человек в год, позволит повысить среднегодовые темпы прироста ВВП до 3,2%. Напротив, в случае реализации пессимистического сценария (сохранение суммарного коэффициента рождаемости на уровне 1,5 и сокращение миграционного прироста до 200 тыс. человек в год) среднегодовые темпы экономического роста замедлятся до 2,1% [1].

Таким образом, проведенное исследование подтверждает ключевую роль демографических факторов в обеспечении устойчивого экономического развития. Численность и возрастная структура населения, показатели рождаемости, смертности и миграции, уровень образования и состояние здоровья оказывают системное воздействие на динамику ВВП, производительность труда, потребительский спрос, государственные финансы и прочие параметры экономического роста. В этих условиях реализация эффективной демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости, снижение смертности, привлечение мигрантов, повышение качества человеческого капитала, должна стать неотъемлемым элементом стратегии социально-экономического развития России на долгосрочную перспективу.

Масштабы влияния демографических факторов на экономическое развитие можно проиллюстрировать на примере сравнительного анализа динамики ВВП и численности населения в различных странах мира. Так, в Китае среднегодовые темпы прироста реального ВВП в 2000–2019 гг. составили 9,1%, в том числе за счет увеличения численности населения – 0,5 п.п., роста производительности труда – 8,6 п.п. В свою очередь, в Японии, где на протяжении последних двух десятилетий наблюдается сокращение численности населения (–0,2% в среднем за год), экономический рост обеспечивался исключительно повышением эффективности использования трудовых ресурсов (1,8% в год). При этом среднегодовые темпы прироста ВВП в Японии (0,9%) оказались в 10 раз ниже, чем в Китае [6].

Сопоставление демографических и экономических показателей на региональном уровне также свидетельствует о наличии тесной связи между динамикой численности населения и темпами роста экономики. В частности, в регионах Приволжского федерального округа увеличение среднегодовой численности населения на 1% в 2010–2019 гг. сопровождалось повышением темпов прироста реального ВРП на 0,5 п.п. [3]. В то же время в большинстве субъектов Дальневосточного федерального округа, характеризующихся устойчивым миграционным оттоком населения, среднегодовые темпы прироста ВРП не превышали 1,5% [9].

Важным индикатором, отражающим качество человеческого капитала и его вклад в экономическое развитие, выступает индекс человеческого развития (ИЧР). По данным ООН, в 2019 г. значение ИЧР в России составило 0,824, что соответствует 52-му месту в мире. При этом основными факторами, сдерживающими рост ИЧР в нашей стране, являются относительно низкая ожидаемая продолжительность жизни (72,6 года против 80,8 года в среднем по странам с очень высоким уровнем человеческого развития) и невысокий уровень дохода на душу населения (26 тыс. долл. по ППС против 44 тыс. долл.) [11]. Расчеты показывают, что увеличение ИЧР на 0,01 единицы приводит к повышению темпов прироста реального ВВП на 0,2–0,3 п.п. [7].

Значимость демографических факторов для экономической динамики подтверждается и результатами межстранового анализа. По оценкам Всемирного банка, в развивающихся странах повышение ожидаемой продолжительности жизни на 1 год обеспечивает прирост ВВП на душу населения на 4%, увеличение среднего числа лет обучения на 1 год – на 10%, снижение коэффициента демографической нагрузки на 1 п.п. – на 0,5% [2]. В свою очередь, в развитых странах вклад роста продолжительности жизни в экономический рост оценивается в 1,5–2%, повышения образовательного уровня населения – в 5–6%, оптимизации возрастной структуры – в 0,2–0,3% [8].

Проведенный анализ свидетельствует, что реализация демографического потенциала экономического роста требует проведения комплексной государственной политики, направленной на стимулирование рождаемо-

сти, снижение смертности, привлечение мигрантов, повышение уровня образования и улучшение состояния здоровья населения. По оценкам экспертов РАНХиГС, в случае успешной реализации мер демографической политики среднегодовые темпы прироста ВВП в России в 2021–2036 гг. могут повыситься до 3,5–4%. При этом наибольший вклад в ускорение экономического роста внесет повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,9 (0,6–0,8 п.п.), увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (0,4–0,5 п.п.) и рост миграционного притока до 400 тыс. человек в год (0,3–0,4 п.п.) [1].

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают ключевую роль демографических факторов в обеспечении устойчивого экономического развития. Численность и возрастная структура населения, показатели рождаемости, смертности и миграции, уровень образования и состояние здоровья оказывают системное воздействие на динамику ВВП, производительность труда, потребительский спрос, государственные финансы и прочие параметры экономического роста.

В современных российских условиях негативные демографические тенденции, связанные с сокращением численности населения в трудоспособном возрасте, старением населения, низкой рождаемостью и высокой смертностью, выступают серьезным вызовом для экономики. Согласно базовому сценарию Росстата, в 2021–2036 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составят лишь 2,6%, что будет обусловлено как количественным сокращением трудовых ресурсов, так и нарастающей демографической нагрузкой на бюджетную систему.

В то же время расчеты показывают, что активная демографическая политика, направленная на повышение рождаемости, снижение смертности, привлечение мигрантов и развитие человеческого капитала, способна обеспечить дополнительный прирост ВВП в размере 0,6–1 п.п. в год. В частности, увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,9 к 2036 г. приведет к повышению среднегодовых темпов экономического роста на 0,6–0,8 п.п., рост ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет – на 0,4–0,5 п.п., увеличение миграционного притока до 400 тыс. человек в год – на 0,3–0,4 п.п.

Важнейшим резервом ускорения экономической динамики является повышение качества человеческого капитала. Как показывают расчеты, увеличение среднего числа лет обучения на 1 год обеспечивает прирост производительности труда на 3–4%, а повышение ожидаемой продолжительности здоровой жизни на 1 год приводит к увеличению подушевого ВВП на 1,5–2%. При этом достижение целевых показателей национальных проектов в сфере образования и здравоохранения способно обеспечить дополнительный прирост ВВП в размере 1–1,5 п.п. в год.

Таким образом, демографическое развитие должно стать неотъемлемым элементом стратегии социально-экономической модернизации России. Эффективная демографическая политика, основанная на комплексном подходе к решению задач в области рождаемости, смертности, миграции и развития человеческого потенциала, позволит обеспечить переход российской экономики на траекторию устойчивого роста и повысить качество жизни населения.

Литература

1. Демографическое развитие России в XXI веке: достигнутые результаты и предстоящие трудности / Под ред. В.В. Елизарова, Н.Г. Джанаевой. М.: Экономический факультет МГУ, 2021.
2. Капелюшников Р.И. Демографические вызовы для экономического роста // Научные труды Института экономики РАН. 2019. № 1. С. 40–54.
3. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 52–79.
4. Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает метаанализ // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 3. С. 326–348.
5. Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020.
6. Россия и страны мира. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020.
7. Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост российских регионов в условиях финансовых ограничений // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 107–131. https://doi.org/10.14530/se.2019.L107–131
8. Унтура Г.А., Канева М.А. Эмпирический анализ влияния НИОКР и перетока знаний на рост регионов России // Труды Гранберговской конференции. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 422–431.
9. Bloom D.E., Canning D., Sevilla J. The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change. Santa Monica: RAND Corporation, 2018.
10. Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019.
11. Healthy life expectancy (HALE) at birth // World Health Organization. 2021. URL: https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/healthy-life-expectancy-(hale)-at-birth
12. Human Development Report 2020: The Next Frontier – Human Development and the Anthropocene // United Nations Development Programme. 2021. URL: http://hdr.undp.org/en/2020-report
13. Lee R., Mason A. Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019.
14. Ревич Б.А. Экономические последствия воздействия загрязненной окружающей среды на здоровье населения: пример России // Экономическая наука современной России. 2018. № 2 (81). С. 127–138.
15. Социально-экономическое положение России. 2020 год: Стат. сб. / Росстат. М., 2021.
16. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work. Washington, DC: The World Bank, 2019.

THE INFLUENCE OF DEMOGRAPHIC PROCESSES ON THE DYNAMICS OF MACROECONOMIC INDICATORS IN RUSSIA

Kovalev A.N., Potemkina Ju.G.

MIREA – Russian Technological University, Committee of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation

Introduction: The study is devoted to analyzing the impact of the demographic situation on the economic development of the country. The aim of the work is to substantiate the relationship between key demographic indicators and key economic parameters such as GDP, labor productivity, consumer demand, etc.

Materials and Methods: Statistical data from the Federal State Statistics Service for the period 2014–2019 were used as the empirical base. The dynamics of indicators such as population size and age structure, birth rate, mortality, and migration growth were analyzed. Regression analysis was applied to identify correlations.

Results: It was found that a 1% change in the total population leads to a 0.78% increase in GDP. An increase in the share of the working-age population by 1 percentage point increases labor productivity by 1.2%. At the same time, an increase in the demographic burden by 1 percentage point slows down GDP growth by 0.3 percentage points. The positive impact of net migration on GDP dynamics and consumer demand was also identified. At the same time, negative demographic trends, such as population aging and declining birth rates, are significant constraints on economic growth. Modeling various demographic development scenarios showed that to ensure sustainable GDP growth at a level of at least 3% per year, it is necessary to stabilize the working-age population and increase the total fertility rate to 2.1.

Keywords: demographic situation, economic development, birth rate, mortality, migration, population structure, labor productivity, consumer demand.

References

1. Demographic Development of Russia in the 21st Century: Achieved Results and Upcoming Challenges / Edited by V.V. Elizarov, N.G. Dzhanayeva. Moscow: Faculty of Economics, Moscow State University, 2021.
2. Kapelyushnikov R.I. Demographic Challenges for Economic Growth // Scientific Works of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 1. P. 40–54.
3. Kudrin A.L., Gurvich E.T. Population Aging and the Threat of a Budget Crisis // Economic Issues. 2020. No. 3. P. 52–79.
4. Lukyanova A.L. Returns on Education: What Meta-Analysis Shows // HSE Economic Journal. 2018. Vol. 22. No. 3. P. 326–348.
5. Population of Russia 2018: Twenty-Sixth Annual Demographic Report / Ed. by S.V. Zakharov. Moscow: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics, 2020.
6. Russia and the World. 2020: Statistical Collection / Rosstat. Moscow, 2020.
7. Assessment of the Impact of Human Capital on Economic Growth of Russian Regions under Financial Constraints // Spatial Economics. 2019. Vol. 15. No. 1. P. 107–131. https://doi.org/10.14530/se.2019.L107–131
8. Untura G.A., Kaneva M.A. Empirical Analysis of the Impact of R&D and Knowledge Spillover on Regional Growth in Russia // Proceedings of the Granberg Conference. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. P. 422–431.
9. Bloom D.E., Canning D., Sevilla J. The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change. Santa Monica: RAND Corporation, 2018.
10. Demographic Yearbook of Russia. 2019: Statistical Collection / Rosstat. Moscow, 2019.
11. Healthy life expectancy (HALE) at birth // World Health Organization. 2021. URL: https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/healthy-life-expectancy-(hale)-at-birth
12. Human Development Report 2020: The Next Frontier – Human Development and the Anthropocene // United Nations Development Programme. 2021. URL: http://hdr.undp.org/en/2020-report
13. Lee R., Mason A. Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019.
14. Revich B.A. Economic Consequences of the Impact of Polluted Environment on Population Health: The Example of Russia // Economic Science of Modern Russia. 2018. No. 2 (81). P. 127–138.
15. Socio-Economic Situation of Russia. 2020: Statistical Collection / Rosstat. Moscow, 2021.
16. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work. Washington, DC: The World Bank, 2019.

Направления развития цифровых компетенций государственных гражданских служащих

Лебедев Георгий Иванович,
аспирант, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: georgelebedev@mail.ru

Переход к информационному обществу характеризуется формированием новых отношений между человеком и властью. Информатизация как одно из главных направлений развития государства способствует существенному повышению производственной эффективности, снижению возможных рисков и точной передаче необходимой информации для принятия государственных решений. Формирование данных технологий способствует повышению эффективности передачи информации и открывает новые горизонты развития современных коммуникаций.
Требования, предоставляемые к кандидатам на должности в государственной гражданской службе в области информационно-коммуникационных технологий, имеют общий характер и не полностью соответствуют требованиям, необходимым в современном цифровом мире. На основе анализа цифровых компетенций в государственном секторе сделаны выводы о необходимости разработки единой методики обучения основам цифровой трансформации государственных служащих Российской Федерации. Авторы статьи предлагают закрепить понятие цифровых компетенций государственных служащих, а также дополнить состав личностных цифровых компетенций государственных гражданских служащих в Справочнике квалификационных требований, разделив их на уровни, в соответствии с должностными функциями.

Ключевые слова: цифровые компетенции, государственные гражданские служащие, информационная безопасность, кибертерроризм.

Введение

Цифровые технологии с огромной скоростью проникают и развиваются во всех сферах жизнедеятельности современного общества. Информатизация, как одно из приоритетных направлений развития государства, позволяет значительно увеличить производственную эффективность, минимизировать возможные риски, а также точно передать необходимую информацию, для принятия государственных решений. Формирование данных технологий дает нам возможность выхода на значительно высокую степень передачи информации и открывает новейшие пути развития современной коммуникации.

Материал и методы исследования

Материалом для статьи выступили цифровые компетенции государственных служащих. Методами исследования стали конструктивный, сравнительный, аналитический.

Результаты и обсуждения

Правительство Российской Федерации осознало необходимость цифрового развития для поддержания конкурентоспособных позиций в современном формирующемся цифровом пространстве. Информационная сфера также оказывает значительное влияние на обеспечение государственной, экономической, политической и военной защиты страны, что значительно увеличивает важность формирования информационной безопасности, а также осуществление борьбы с кибертерроризмом. Возникновение данной необходимости связано с тем, что развитие цифровых технологий помимо позитивных результатов, создает благоприятные условия для возникновения такого негативного явления, как совершение кибертеррористических атак на базы данных и компьютерные системы. Эти противозаконные действия направлены на причинение материального, физического вреда, искажение важных данных, совершения атак с целью террора, шантажа и военного конфликта, и в первую очередь они угрожают государственной безопасности [1].

Эффективное применение цифровых технологий, с учетом соблюдения всех норм и правил информационной безопасности, позволяет повысить эффективность и результативность всех процессов жизнедеятельности и подготовить фундамент для перехода к информационному обществу. В соответствии с этим появляется необходимость аналитической и научно-методической проработки осуществления такого рода изменений.

В результате перехода большинства ключевых функций в цифровое пространство возникает потребность комплексной модернизации системы государственного управления.

Данная деятельность предполагает всестороннее изменение, которое включает в себя трансформацию механизма предоставления государственных услуг, переведения служебных веб-сайтов органов власти и их подведомственных учреждений на единую платформу, внедрение и совершенствование разнообразных платформенных решений, а также повышение эффективно-

сти и результативности работы органов государственного управления [2].

Стоит отметить, что продуктивная деятельность всей системы государственного управления непосредственно зависит от качества сотрудников, их способности решать сложные задачи в современном цифровом развивающемся мире.

Несмотря на то, что современные информационные продукты создают ИТ специалисты, представляющие собой коммерческий сектор, использование данных разработок становится задачей государственных гражданских служащих. В результате этого появляется необходимость оценки существующего и требуемого уровня обладания знаниями и навыками в области цифровых технологий у государственных гражданских служащих. Создается также потребность поиска методов оценки данных умений и способов их формирования.

В связи с тем, что необходимость обеспечения информационной безопасности и создание конкурентоспособных позиций в цифровом пространстве становится актуальным вопросом, возникает необходимость в формировании цифровой грамотности и цифровых компетенций в органах власти всех уровней. Государственные служащие доложены быть способны использовать цифровые технологии в своей деятельности, для получения доступа к информации, управлять ею, интегрировать, оценивать, создавать и передавать информацию с соблюдением этических и правовых норм. Следовательно, уровень государственного развития напрямую зависит от профессионализма данных людей.

В связи с этим открываются новые возможности повышения качества государственного управления и начинают предъявляется особые требования к компетенции государственного служащего. Данные лица учувствует во всех процессах принятия государственных решений и является основными проводниками информации в современном обществе. Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривает формирование такого документа, который определяет квалификационные требования к должностям государственной гражданской службы [3].

Данные требования к знаниям, умениям и навыкам к претендентам на замещение должности государственной гражданской службы Российской Федерации базируются непосредственно на прогрессивном российском и иностранном опыте. Они зафиксированы в справочнике, который создан Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации [4].

В современном информационном мире компетенции государственного гражданского служащего должны трансформироваться в соответствии с новыми целями, которые стоят перед государством. Министерством труда и социальной защиты также был создан методический инструментарий, который определяет подходы к применению данного справочника.

Согласно методическому инструментарию «компетенция – комплекс проявляемых в поведении гражданского служащего профессиональных и личностных качеств, свидетельствующий о наличии необходимых для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей знаний, умений, а также опыта профессиональной деятельности». Квалификационный справочник содержит необходимые требования к грамотности претендентов на замещение должностей государственной гражданской службы в сфере информационных технологий:

– знание основ информационной безопасности и защиты информации;
– знание основных положений законодательства о персональных данных;
– знание общих принципов функционирования системы электронного документооборота;
– знание основных положений законодательства об электронной подписи;
– знания и умения по применению персонального компьютера [5]

Данные требования к знаниям и умениям в области информационно-коммуникационных технологий имеют общий характер и недостаточно отвечают необходимым требованиям современного цифрового мира.

В результате анализа должностных регламентов, представленных на портале «Госслужба», Е.В. Васильева, В.Н. Пуляева и В.А. Юдина пришли к выводу, что отсутствует единый шаблон требований к профессиональным знаниям и умениям для должностей государственной гражданской службы в сфере информационных и телекоммуникационных технологий. [6]

Выводы

Цифровое развитие происходит с большой скоростью, что создает необходимость создания современной модели компетенций, которой должны обладать государственные гражданские служащие. В результате этого, необходимо закрепить понятие цифровых компетенций государственных служащих, а также дополнить состав личностных цифровых компетенций государственных гражданских служащих в Справочнике квалификационных требований, разделив их на уровни, в соответствии с должностными функциями. Тем самым, создать единый шаблон требований к профессиональным знаниям и умениям. Это позволит более быстро адоптироваться государственному служащему к новым условиям, при переходе из одного органа власти в другой, что позволяет экономить время и средства на переобучение сотрудников. Поддержка необходимого уровня квалификации сотрудников и восполнение нехватки кадров в сфере информационно-коммуникационных технологий в государственном секторе должно стать главным направлением дополнительного профессионального образования. Программы образования государственных служащих должны быть модифицированы, а именно дополнены учебными дисциплинами, направленными на развитие цифровых компетенций обучающихся. Это необходимо для формирования высококвалифицированного специалиста, который в полной мере владеет цифровыми компетенциями, обладает техническими цифровыми знаниями и цифровой культурой.

Литература

1. Гедгафов М.М. Развитие кибертерроризма в условиях глобализации информационного пространства // Образование и право. 2021. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kiberterrorizma-v-usloviyah-globalizatsii-informatsionnogo-prostranstva (дата обращения: 23.04.2024).
2. Кайсарова В. П., Винокурова М.Ю. Профессиональное развитие цифровых компетенций современных государственных служащих: российский и зарубежный опыт // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 88. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-razvitie-tsifrovyh-kompetentsiy-sovremennyh-gosudarstvennyh-sluzhaschih-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt (дата обращения: 23.04.2024).

3. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.08.2004. Ст. 3215.
4. Базовые квалификационные требования [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. – URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/11/1 (дата обращения: 23.04.2024)
5. Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учётом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. Утв. Минтрудом России. [Электронный ресурс]. URL: https://rosmintrud.ru/ (дата обращения: 23.04.2024).
6. Васильева Е.В. Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации / Е.В. Васильева, В.Н. Пуляева, В.А. Юдина // Бизнес-информатика. 2018. № 4 (46). С. 28–42.

DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL COMPETENCIES OF STATE CIVIL SERVANTS

Lebedev G.I.
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The transition to an information society is characterized by the formation of new relationships between man and government. Informatization as one of the main directions of state development contributes to a significant increase in production efficiency, reduction of possible risks and accurate transmission of the necessary information for making government decisions. The formation of these technologies helps to increase the efficiency of information transfer and opens up new horizons for the development of modern communications.
The requirements provided for candidates for positions in the state civil service in the field of information and communication technologies are of a general nature and do not fully correspond to the requirements necessary in the modern digital world. Based on the analysis of digital competencies in the public sector, conclusions were drawn about the need to develop a unified methodology for teaching the basics of digital transformation to civil servants of the Russian Federation. The authors of the article propose to consolidate the concept of digital competencies of civil servants, as well as to supplement the composition of personal digital competencies of civil servants in the Directory of Qualification Requirements, dividing them into levels in accordance with job functions.

Keywords: digital competencies, state civil servants, information security, cyber terrorism.

References

1. Gedgafov M.M. Development of cyberterrorism in the context of globalization of the information space // Education and Law. 2021. No. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kiberterrorizma-v-usloviyah-globalizatsii-informatsionnogo-prostranstva (access date: 04/23/2024).
2. Kaisarova V.P., Vinokurova M. Yu. Professional development of digital competencies of modern civil servants: Russian and foreign experience // Public Administration. Electronic newsletter. 2021. No. 88. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-razvitie-tsifrovyh-kompetentsiy-sovremennyh-gosudarstvennyh-sluzhaschih-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt (access date: 04/23/2024).
3. Federal Law of the Russian Federation dated July 27, 2004 No. 79-FZ (as amended on December 30, 2021) “On the State Civil Service of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. 08/02/2004. Art. 3215.
4. Basic qualification requirements [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. – URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/11/1 (access date: 04/23/2024)
5. Directory of qualification requirements for specialties, areas of training, knowledge and skills that are necessary to fill positions in the state civil service, taking into account the area and type of professional activity of state civil servants. Approved Ministry of Labor of Russia. [Electronic resource]. URL: https://rosmintrud.ru/ (access date: 04/23/2024).
6. Vasilyeva E.V. Development of digital competencies of state civil servants of the Russian Federation / E.V. Vasilyeva, V.N. Pulyaeva, V.A. Yudina // Business Informatics. 2018. No. 4 (46). pp. 28–42.

Влияние методов онлайн-обучения на социальную адаптацию иностранных студентов: опыт эмпирического исследования

Леньков Роман Викторович,
к.э.н., доцент кафедры социологии и медиакоммуникаций, Российский государственный университет социальных технологий
E-mail: r_lenkov@mail.ru

Лоскутова Ирина Мироновна,
д.с.н., профессор кафедры социальной работы Института клинической психологии и социальной работы, ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: loskutova07@yandex.ru

Карпова Наталья Владимировна,
к.с.н., доцент кафедры социальных технологий, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: nvkarpova2020@mail.ru

Кокорева Марина Евгеньевна,
к.с.н., доцент кафедры социальной работы института клинической психологии и социальной работы, ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: malinka7171@mail.ru

Панич Наталья Александровна,
к.и.н., старший преподаватель кафедры государственного администрирования, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: napanich@anspa.ru

В статье представлены результаты социологического исследования особенностей социальной адаптации иностранных студентов к онлайн-обучению в российских вузах. Эмпирическим объектом были граждане Китая, обучающиеся в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и находящиеся в настоящее время в России.
Доказано, что отношение китайских студентов к любой форме обучения зависит от того, насколько в конкретной образовательной практике решен вопрос преодоления языкового барьера и выстраивания межкультурной коммуникации. Наше исследование показало, что онлайн-формы обучения являются наиболее психологически комфортными для китайских студентов, что свидетельствует об их предпочтении изолированного положения в рамках своей культурной группы. Проект по изучению социального самочувствия студентов университетов с особыми образовательными потребностями был определен в качестве перспективного направления для развития университета.

Ключевые слова: социальная адаптация, онлайн-обучение, иностранные студенты, особые образовательные потребности.

Introduction

For leading Russian universities, the focus on internationalization of educational activities and the aim to consolidate their positions in the global market of educational services have recently become socially significant. To include Russian universities in the international educational space, special projects were introduced, cross-cultural research was conducted, and student and teacher exchange programs were implemented. The state's initiative to adapt Russian universities to world standards and to be included in the global space motivates universities to understand development strategies and to build long-term effective relationships with foreign partners.

Education of foreign students remains an important area of work for domestic universities. The fact is that with the expansion of academic mobility and the integration of Russian universities into the international educational environment, educational migrants are the most desirable category of foreigners, since, as a rule, they are motivated and hardworking young people who are interested in receiving a quality education.

They demonstrate high adaptation to the sociocultural environment of the host country, which confirms their status as one of the most adaptable migrant groups. According to the Organization for Economic Cooperation and Development (hereinafter referred to as OECD), international academic mobility has been steadily expanding over the past 20 years. Thus, in 2019, 6.1 million university students around the world crossed borders to study, which is double the number in 2007.

Due to the spread of the COVID 19 pandemic in 2020, universities have moved to a remote format, potentially affecting more than 3.9 million international students studying in OECD countries. The isolation affected the continuity of learning and the implementation of teaching practices. In addition, international students' perceptions of the importance and ability of the host country in ensuring their safety have changed. Time has shown that these changes had serious consequences for academic mobility. According to the results of the "Monitoring the Economics of Education", conducted in Russia, during the pandemic, the biggest difficulties were associated with the organization of the educational process of foreign students, as well as with their socio-psychological support (Shugal, 2021).

Today, a significant amount of knowledge has already been accumulated to formulate and solve the problem of adaptation of university students to distance (online) learning. However, the problem of social adaptation of foreign students to the conditions and practices of studying at Russian universities in the online format has not become the subject of a specially organized sociological study.

For a student who decides to study in another country, all the nuances are important: from the content of the program and the quality of the educational infrastructure to the climate. All these aspects, one way or another, relate to the issues of social adaptation of educational migrants.

Despite the objective difficulties associated with international academic mobility, in Russia it is possible to study under the quota of the Government of the Russian Federation. For many students, this is a decisive factor when choosing a country and university.

As of October 1, 2022, more than 362,000 foreigners were studying in Russian educational organizations (at all levels of education), which is 15 thousand more than the total number of foreign students in 2021. The largest number of university students are represented by citizens of Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan, Tajikistan, as well as citizens of China, India, and Egypt. Chinese students are second in number only to students from neighboring countries. In the 2022–2023 academic year, more than 32.5 thousand students from China studied at Russian universities. Their distribution is very uneven and depends on the traditions of the university, international relations, economic and linguistic characteristics. Popular areas of study for them are philology and linguistics, advertising and public relations, sociology.

In the current situation of an increasing flow of foreign students to Russia to create a comfortable educational environment, issues related to studying the impact of online learning on their social adaptation become particularly relevant. In the current situation of an increasing flow of foreign students to Russia to create a comfortable educational environment, issues related to studying the impact of online learning on their social adaptation become particularly relevant. It is becoming an alternative educational practice that helps students solve adaptation problems that arise among educational migrants in the context of the digital transformation of modern society.

Methodological approaches to studying the problem

In the retrospective aspect of social development, education has always been an indicator of success and privilege in the system of social relations. Classical sociologists (E. Durkheim, M. Weber, and K. Mannheim), philosophers (J. Derrida and J. Lyotard), and a representative of the new generation of sociological theorists (P. Bourdieu and others) paid big attention to the function and role of education in the life of society in their works.

The study of higher education remains in the field of interest of scientists from different scientific schools. Issues of reforming educational systems were considered by philosopher and psychologist K. Jaspers, methodologist and philosopher T. Kuhn, teacher and researcher B.R. Clark, representative of post-industrialism D. Bell and others.

The problems of distance education remain one of the topical subjects of discussion among scientists. Special attention, for instance, is paid to the problem of reintegrating educational acts into online practices, as well as to the study of the characteristic features of learning models on the Internet (Keegan, 1993; Andreev, 2013).

In modern research, online education is presented as an educational process that does not depend on the geographical distance of its subjects. Thus, J. Verdin and T. Clark define the specifics of online learning as desynchronization and the optionality of simultaneous teaching and learning (Verduin, Clark, 1991). Russian scientists A.V. Gustyr, M.P. Karpenko link distance education with the specifics of the new stage in the development of higher education, focusing on the opportunities for obtaining education, regardless of the location of students (Gustyr, 2000; Karpenko, 2017). Nevertheless, recognizing the significant contribution of scientists from different countries on these issues, we note that most of the works are descriptive in nature, which creates the need for further development of the theoretical foundations of distance education.

The sociological analysis of social adaptation began with G. Spencer. The current state of the problem of adaptation indicates its interdisciplinary status and is studied by representatives of various fields of knowledge. Based on the sociobiological approach, it is concluded that there is no need for purposeful organization of the adaptation process in social systems (Lamsden, Wilson, 1981).

In the field of view of Russian sociologists (G.A. Zborovsky, A.V. Zinkovsky, N.I. Ponomarev, E.A. Shuklina) are the general patterns of social adaptation and its specific features. Attention is focused on the objective and subjective difficulties of university students during their studies. Issues of regional specifics of population adaptation, including the problem of adaptation of migrants, are especially considered. (Zborovsky, Shuklina, 2013).

Methodology and research methods

Based on Lomonosov Moscow State University (hereinafter referred to as MSU) in September-October 2023, the authors implemented an initiative exploratory research project. Its theoretical object was the social adaptation of foreign students to the conditions of online learning at a Russian university (using the example of students from all over China), the subject was the educational practices of online learning as a factor in the formation of a unified educational space.

The study was aimed to analyze the impact of educational practices of online learning on the social adaptation of foreign students at a Russian university. Achieving the goal of the study involved, firstly, the substantiation of theoretical approaches and interpretation of key concepts to describe online learning from the perspective of its impact on social adaptation, and, secondly, the identification of cause-and-effect relationships that explain the nature of the influence of online learning on social adaptation foreign students.

In methodological terms, the research tasks involved identifying methods for forming a sample population to ensure representativeness of data on the role of online learning in the social adaptation of university students, as well as defining procedures for using these research tools to obtain primary data. In terms of the content, the research tasks included: 1) describing the state of the parameters of adaptation of foreign students to the conditions of online learning, 2) identifying the nature of the influence of the parameters of online learning on the nature of adaptation of foreign students to the conditions of study at a Russian university.

The main hypothesis of the study: the better the online learning format is organized, the higher the indicators of social adaptation of foreign students.

Explanatory hypotheses of the study are:

- the higher the level of knowledge of the language of the country of study, the lower the level of anxiety in the educational process;
- the more students are involved in student life, the less anxiety they have in interaction and the wider their circle of communication;
- the more negative student's attitude toward the online learning format, the less his degree of involvement in the educational process, the less participation in student life and communication with other students.

The theoretical basis for the sociological analysis of social adaptation is the concept that considers it as adaptive reactions to restore balance between a person and the environment. Such reactions occur at the individual, group, and intergroup levels. Moreover, each person has a combination of techniques that allow them to cope with difficulties, and these techniques themselves can be considered as forms of adaptation.

Often in research, the concepts of "adaptation" and "adaptability" are identified. Here the problem of compliance of forms of behavior, individual methods of activity of an individual with the rules, requirements, and norms of performing social functions acquires decisive importance. Thus, T. Shibutani refers the concept of "adaptation" to stable solutions

and well-organized ways of coping with typical problems, and "adaptability" to the way the body adjusts to the requirements of specific situations (Shibutani, 1999). In the interactionist approach, an adapted person is an individual who has not only learned, accepted, and implemented social norms, but also accepted responsibility, as well as set and achieved appropriate goals.

The theoretical basis for the sociological analysis of online learning is a conceptual approach that defines it as a purposeful and organized process of interaction between teachers and students with learning tools. Its features are flexibility, modularity, long-range operation, asynchrony, coverage, cost-effectiveness, sociality, and internationality. Online learning technology is a method of remote implementation of pedagogical activities to achieve educational goals, the essence of which is the rational division of work into procedures and stages with their subsequent coordination and synchronization. (Andreev, 2013).

The empirical object of the study was foreign students – Chinese citizens studying at Moscow State University, who are currently located in Russia.

The sample size contained 106 respondents[1]. It included third– and fourth-year bachelor's and first– and second-year master's students with practical experience in online learning during the COVID-19 pandemic. Now these students are studying full-time, so they can compare the educational practices of online learning with the full-time format at a Russian university.

The questionnaire consisted of 19 questions, combined into three blocks: socio-demographic information (respondent's passport), attitude towards educational practices of online learning, interpersonal communication. The study used a survey method in the form of an online questionnaire as an effective way to achieve the stated purpose of the study. A rational solution for remote surveying is the Google application (Google Forms), as it provides the ability to create forms and surveys with different types of questions, analyze the results in real time and from any device. Utilising Google Forms was that if a question is difficult to understand, respondents can translate it into any language they understand.

Results and discussion

The problem of adapting students from China to study at a Russian University is associated, first, with the level of knowledge of the Russian language and is reflected in various teaching formats. Thus, among the respondents, only 3% understand spoken language well and can speak fluently in Russian, 36% understand the addresses of Russian-speaking teachers and students, and 37% understand them only with an electronic translator. From this perspective, the attitude of university students to any form of education depends on the extent to which the issue of overcoming the language barrier and building intercultural communication is resolved in specific educational practice. This should be regarded as a defining moment in the organization of any educational practices in an educational organization.

Attitudes towards online learning

Among respondents, 52% like distance education, 19% do not like it. It is noteworthy that a third of respondents believe that both forms have their own difficulties, and it is difficult to give preference to one of them. During a series of control questions, it turned out that the online format is not liked or accepted by only about a tenth of respondents.

Among the *positive aspects of online educational classes* in the perception of respondents, the dominant reasons were those related to the possibility of combining studying at a Russian university and staying at home without leaving China. Thus, 67% of respondents suggested that the online learning format allows you to study without the need to be in Russia, and 59% that it lets you to study comfortably from home. In our opinion, this is due, firstly, to rational grounds: moving to another country is due to material and moral costs; secondly, studying from home provides students with psychological comfort associated with a familiar sociocultural environment.

Among the reasons that determine a positive attitude towards online classes, the opportunity to combine work and study is in second place (53%). And finally, third place is occupied by psychologically determined reasons related to the fact that students are less worried during online classes (44%).

Among the reasons causing a negative attitude towards online learning, the first place is occupied by communication problems: 38% of respondents declared that in the online format it is impossible to talk "live" with a teacher. This is followed by difficulties associated with not enough communication time with classmates in a remote format (35%). Only 6% of respondents answered that they do not learn material well from a computer screen (gadget), that is, with a stable Internet, the technical aspect of organizing educational practices for online learning is not a problem.

Among the difficulties that respondents encountered during online classes mainly were problems with the Internet (55%). At the same time, communication problems (misunderstanding of the teacher's speech, or, conversely, the teacher did not understand what the student was saying) were indicated by 30% of respondents. However, this difficulty applies to both (online and offline) forms, since the study confirmed that Chinese students do not speak Russian well, and most of them attend classes with Google Translate applications turned on.

At the same time, almost a third (29%) of respondents do not see any difficulties in the online learning format at all.

The analysis of the survey results shows an average twofold preference for email (86%) and WhatsApp messenger (76%).

Respondents most often associate the disadvantages of organizing online classes with communication aspects. Thus, it was stated that it is often difficult to hear or see the teacher (34%), and that sometimes it is impossible to understand what he is saying (27%). At the same time, approximately a fifth of respondents (the third most important answer) admitted that they could not properly organize their own schedule while outside the educational organization.

Regarding the individual interaction of students with the teacher and the practice of scientific consulting, a general positive attitude towards the online format also prevails: 58.5% of respondents noted that it is convenient for them to communicate with the professor online. At the same time, 24% of respondents prefer to come for a face-to-face consultation and talk in person.

The study revealed that the most psychologically comfortable classes for students from China are those conducted in an online format: 47% of respondents feel nervous before face-to-face classes, and 33% before online classes. About a fifth of respondents indicated equal nervousness before online and offline classes, which apparently allows them to be considered a stable group of self-organized students.

The identified phenomenon of offline education is interesting: if 23% of respondents never worry before online

[1] At the time of the survey, 35% of respondents have been in Russia for less than one year, 27% for one year, 24% for 2–3 years, and 14% for more than 4 years. Among the respondents, men made up 58.5%, women – 41.5%. Covering the age range from 20 to 24 years.

classes, then before traditional face-to-face classes this figure is 8.5%. Part of the explanation of this fact can be attributed to the psychological factor associated with the ability of students in online classes to turn off the camera and "hide" from eye contact with the teacher. During the survey, 17% of respondents indicated that they were embarrassed to turn on the video camera during training sessions.

Interpersonal communication

Adaptation to online learning affects not only the problems of organizing the educational process, but also communication processes and getting used to the social environment. Therefore, it was significant to find out how much the interactions of students with their classmates change depending on the form of education.

The study showed that during the period of online learning, for 41.5% of respondents, communication with classmates in general did not change, 15% began to communicate less, 21% began to communicate more, 13% did not think about it. So, with the introduction of online learning, the problem of communication is not perceived by the respondents themselves as significant. One of the factors for this is the fact that during the pandemic, many university students returned to China, where they were in their own sociocultural environment. When studying online, a third of respondents stated that they began to communicate more with Russian students via instant messengers.

It should be noted that 41% of respondents do not communicate with classmates from Russia. Apparently, this indicates that Chinese students prefer to stay apart, within their foreign cultural group. Among the respondents, 23% live in a dormitory with their classmates or rent an apartment together. It is obvious that such "clanism" and detachment from communication with Russian students clearly does not contribute to the language practice of students from China, which is one of the factors of social adaptation to the educational process.

At the same time, it is difficult to make clear conclusions about the impact of online learning on the Russian language proficiency of Chinese students, since opinions are divided: level of the Russian language improved or worsened for an equal number of respondents (38% for each group), the level of knowledge of the Russian language did not change and remained at a low level (24% of respondents).

The study revealed that with a dominant positive perception of online educational practices and the ability to choose the form of training, 10% of respondents preferred the distance learning format exclusively; a third of them chose traditional offline classes. The optimal option for a significant number of respondents is a combination of both forms (42.5%).

Conclusion

Within the framework of the proposed research project, the hypotheses put forward found empirical confirmation.

It has been proven that the attitude of Chinese students to any form of education depends on the extent to which the issue of overcoming the language barrier and building communication is resolved in a particular educational practice.

Students associate a positive attitude towards online learning with the opportunity to get university education without being in foreign country; negative – with communication problems (lack of direct communication with the teacher). For students from China, online classes are psychologically more comfortable. There is significant evidence of their preference for an isolated position, being within their cultural group and social circle.

The practical significance of the work lies in determining the role of online learning in the social adaptation of foreign students at a Russian university. The materials are useful in developing educational and research programs and compiling courses in academic disciplines considering the cross-cultural aspect.

The topic related to the adaptation of foreign students to educational practices of online learning at a Russian university (using the example of students from China) may become the starting point of a more general project devoted to the study of social well-being, for example, regarding students with special educational needs in the context of digitalization of society (Kozlov, Romanenkova, 2022).

This is an important direction for the Russian State University of Social technologies (hereinafter referred to as RSU SocTech) as an educational institution of inclusive higher education, "which ensures the right to realize unlimited opportunities for persons with disabilities"[1]. The university actively develops international cooperation in the field of science and education. More than 120 foreign students from 20 countries study at RSU SocTech. Such research will allow us to assess the competitiveness of the university from the outside.

The task of sociologists here is to determine whether the conditions of study and living in Moscow meet the expectations of disabled students and persons with disabilities, and could they recommend the university to other students. The implementation of this project will optimize efforts to attract foreign students to the inclusive university.

In the toolkit for studying social well-being, two blocks are possible: basic and variable, which makes it possible to conduct research in monitoring mode and at the same time track changing social processes.

Литература

1. Andreev A. A. (2013). Internet technologies and learning models in the Internet environment [Internet-tekhnologii i modeli obucheniya v srede Internet]. MIPK. Moscow, Russia. (In Russian).
2. Averin Y. P. (2014). Theoretical construction of quantitative sociological research [Teoreticheskoye postroyeniye kolichestvennogo sotsiologicheskogo issledovaniya]. Academic project. Moscow, Russia. (In Russian).
3. Clark B.R. (2011). Creation of entrepreneurial universities: organizational directions of transformation [Sozdanie predprinimatel'skih universitetov: organizacionnye napravleniya transformacii]. HSE Publishing House. Moscow, Russia. 240 p. (In Russian).
4. Clark B. R. (2011). System of higher education: academic organization in a cross-national perspective [Sistema vysshego obrazovaniya: akademicheskaya organizatsiya v kross-natsional'noy perspektive]. HSE Publishing House. Moscow, Russia. (In Russian).
5. Gustyr A.V. (2000). Introduction to distance education. [Vvedenie v distancionnoe obrazovanie]. "Alpha" MGOPU named after. M.A. Sholokhov. Moscow. 326 p. (In Russian).
6. Holmberg B. (eds.) (1983). Guided didactic conversation in distance education. Distance education: International perspectives. pp. 114–122. Croom Helm. London (In English).
7. Karpenko M.P. (2017). Modern didactics of mass electronic education [Sovremennaya didaktika massovogo elektronnogo obrazovaniya], Modern information technologies and IT education [Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie]. No. 4. pp. 58–64. (In Russian).

[1] Russian State University of Social technologies. Official site. URL: https://mggeu.ru/

8. Keegan D. (ed.) (1993). Reintegration of the teaching acts. Theoretical principles of distance education. pp. 113–134. Routledge. L.; N.Y. (In English).
9. Konstantinovsky D. L., Kuznetsov I.S. (2020). “Category of trust in the study of university choice“ [“Kategoriya doveriya v issledovanii vybora vuza“], Sociological Journal [Sotsiologicheskiy zhurnal]. vol. 26. no. 2. pp. 82–101. (In Russian).
10. Kozlov V.N., Romanenkova D.F. (2022). Needs of persons with disabilities for competencies that expand employment opportunities in the context of digitalization of society [Potrebnosti lic s invalidnost’yu v kompetenciyah, rasshiryayushchih vozmozhnosti trudoustrojstva v usloviyah cifrovizacii obshchestva], Digital Sociology [Cifrovaya sociologiya]. Vol. 5. No. 3. pp. 76–87. (In Russian).
11. Lamsden C. J., Wilson E.O. (1981). Genes, Mind and Culture: the Coevolutionary Process. Harvard University. (In English).
12. Lenkov R. V. (2023). Digital learning: educational technology, high-tech environment, tool [Tsifrovoye obucheniye: uchebnaya tekhnologiya, vysokotekhnologicheskaya sreda, instrumental’noye sredstvo], Sociology of media communications: theory and practice [Sotsiologiya mediakommunikatsiy: teoriya i praktika]. pp. 81–95. MGPU. Moscow, Russia. (In Russian).
13. Lenkov R.V., Karpova N.V. (2023). Features of social adaptation of Chinese students to online learning in a university environment [Osobennosti social’noj adaptacii kitajskih studentov k onlajn-obucheniyu v usloviyah vuza] // Digital Sociology [Cifrovaya sociologiya]. Vol. 6. No. 4. pp. 67–78. (In Russian).
14. Moore M. (1973). Toward a theory of independent learning and teaching. Journal of Higher Education. no 44 (12). pp. 661–679 (In English).
15. Peters O. (1983). Distance teaching and industrial production: a comparative interpretation in outline. Distance education: International perspectives. pp. 95–113. Croom Helm. London (In English).
16. Rybakova M.V., Ivanova N.A. (2022). Adaptation of Chinese students in Russian universities: some problems [Adaptaciya kitajskih studentov v rossijskih vuzah: nekotorye problemi] Social and humanitarian knowledge. [Social’no-gumanitarnye znaniya]. No. 3. pp. 410–417. (In Russian).
17. Shibutani T. (1999). Social psychology [Sotsial’naya psikhologiya]. Phoenix. Rostov n/d. Russia. (In Russian).
18. Shugal N. B. (comp.) (2021). Monitoring the economics of education: 2020 [Monitoring ekonomiki obrazovaniya: 2020]. NIU VSHE. M. Moscow, Russia. (In Russian).
19. Tierney W. G. (1998). On the Road to Recovery and Renewal Reinventing Academe. The Responsive University. Restructuring for High Performance. pp. 1–12. Johns Hopkins University. Baltimore (In English).
20. Verduin J. R., Clark T.A. (1991). Distance Education: The Foundations of Effective Practice. Jossey-Bass Publishers. San Francisco (In English).
21. Zborovsky G. E., Shuklina E.A. (2013). Education of migrant children as a problem of their social adaptation [Obucheniye detey migrantov kak problema ikh sotsial’noy adaptatsii], Sociological Research [Sotsiologicheskiye issledovaniya]. no. 2. pp. 80–91. (In Russian).

IMPACT OF ONLINE LEARNING PRACTICES ON SOCIAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS: EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH

Lenkov R.V., Loskutova I.M., Karpova N.V., Kokoreva M.E., Panich N.A.
Russian State University of Social Technologies, Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article presents the results of an exploratory sociological study of the specifics of social adaptation of foreign students to online learning at Russian universities, reflected in the original publication of the authors (Lenkov, Karpova, 2023). The empirical object was Chinese citizens studying at Lomonosov Moscow State University and currently located in Russia.
It has been proven that the attitude of Chinese students to any form of education depends on the extent to which the issue of overcoming the language barrier and building intercultural communication is resolved in a particular educational practice. Our research revealed that online learning forms are the most psychologically comfortable for Chinese students, which is evidence of their preference for an isolated position, being within their own cultural group. A project to study the social well-being of university students with special educational needs has been identified as a promising direction for the development of the research problem.

Keywords: social adaptation; online learning; foreign students; special educational needs.

References

1. Andreev A. A. (2013). Internet technologies and learning models in the Internet environment [Internet-tekhnologii i modeli obucheniya v srede Internet]. MIPK. Moscow, Russia. (In Russian).
2. Averin Y. P. (2014). Theoretical construction of quantitative sociological research [Teoreticheskoye postroyeniye kolichestvennogo sotsiologicheskogo issledovaniya]. Academic project. Moscow, Russia. (In Russian).
3. Clark B.R. (2011). Creation of entrepreneurial universities: organizational directions of transformation [Sozdanie predprinimatel’skih universitetov: organizacionnye napravleniya transformacii]. HSE Publishing House. Moscow, Russia. 240 p. (In Russian).
4. Clark B. R. (2011). System of higher education: academic organization in a cross-national perspective [Sistema vysshego obrazovaniya: akademicheskaya organizatsiya v kross-natsional’noy perspektive]. HSE Publishing House. Moscow, Russia. (In Russian).
5. Gustyr A.V. (2000). Introduction to distance education. [Vvedenie v distancionnoe obrazovanie]. “Alpha” MGOPU named after. M.A. Sholokhov. Moscow. 326 p. (In Russian).
6. Holmberg B. (eds.) (1983). Guided didactic conversation in distance education. Distance education: International perspectives. pp. 114–122. Croom Helm. London (In English).
7. Karpenko M.P. (2017). Modern didactics of mass electronic education [Sovremennaya didaktika massovogo elektronnogo obrazovaniya], Modern information technologies and IT education [Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie]. No. 4. pp. 58–64. (In Russian).
8. Keegan D. (ed.) (1993). Reintegration of the teaching acts. Theoretical principles of distance education. pp. 113–134. Routledge. L.; N.Y. (In English).
9. Konstantinovsky D. L., Kuznetsov I.S. (2020). “Category of trust in the study of university choice“ [“Kategoriya doveriya v issledovanii vybora vuza“], Sociological Journal [Sotsiologicheskiy zhurnal]. vol. 26. no. 2. pp. 82–101. (In Russian).
10. Kozlov V.N., Romanenkova D.F. (2022). Needs of persons with disabilities for competencies that expand employment opportunities in the context of digitalization of society [Potrebnosti lic s invalidnost’yu v kompetenciyah, rasshiryayushchih vozmozhnosti trudoustrojstva v usloviyah cifrovizacii obshchestva], Digital Sociology [Cifrovaya sociologiya]. Vol. 5. No. 3. pp. 76–87. (In Russian).
11. Lamsden C. J., Wilson E.O. (1981). Genes, Mind and Culture: the Coevolutionary Process. Harvard University. (In English).
12. Lenkov R. V. (2023). Digital learning: educational technology, high-tech environment, tool [Tsifrovoye obucheniye: uchebnaya tekhnologiya, vysokotekhnologicheskaya sreda, instrumental’noye sredstvo], Sociology of media communications: theory and practice [Sotsiologiya mediakommunikatsiy: teoriya i praktika]. pp. 81–95. MGPU. Moscow, Russia. (In Russian).
13. Lenkov R.V., Karpova N.V. (2023). Features of social adaptation of Chinese students to online learning in a university environment [Osobennosti social’noj adaptacii kitajskih studentov k onlajn-obucheniyu v usloviyah vuza] // Digital Sociology [Cifrovaya sociologiya]. Vol. 6. No. 4. pp. 67–78. (In Russian).

14. Moore M. (1973). Toward a theory of independent learning and teaching. Journal of Higher Education. no 44 (12). pp. 661–679 (In English).
15. Peters O. (1983). Distance teaching and industrial production: a comparative interpretation in outline. Distance education: International perspectives. pp. 95–113. Croom Helm. London (In English).
16. Rybakova M.V., Ivanova N.A. (2022). Adaptation of Chinese students in Russian universities: some problems [Adaptaciya kitajskih studentov v rossijskih vuzah: nekotorye problemi] Social and humanitarian knowledge. [Social'no-gumanitarnye znaniya]. No. 3. pp. 410–417. (In Russian).
17. Shibutani T. (1999). Social psychology [Sotsial'naya psikhologiya]. Phoenix. Rostov n/d. Russia. (In Russian).
18. Shugal N. B. (comp.) (2021). Monitoring the economics of education: 2020 [Monitoring ekonomiki obrazovaniya: 2020]. NIU VSHE. M. Moscow, Russia. (In Russian).
19. Tierney W. G. (1998). On the Road to Recovery and Renewal Reinventing Academe. The Responsive University. Restructuring for High Performance. pp. 1–12. Johns Hopkins University. Baltimore (In English).
20. Verduin J. R., Clark T.A. (1991). Distance Education: The Foundations of Effective Practice. Jossey-Bass Publishers. San Francisco (In English).
21. Zborovsky G. E., Shuklina E.A. (2013). Education of migrant children as a problem of their social adaptation [Obucheniye detey migrantov kak problema ikh sotsial'noy adaptatsii], Sociological Research [Sotsiologicheskiye issledovaniya]. no. 2. pp. 80–91. (In Russian).

Эволюция группы элиты СССР в центре КПСС: опыт, характеристики и извлеченные уроки

Ли Чжожу,
аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия), директор редакции Ассоциации мировой политической экономики (Китай), приглашенный исследователь Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете
E-mail: liz@my.msu.ru

Исаков Владимир Павлович,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, секретарь ЦК КПРФ, первый секретарь ЦК ЛКСМ РФ
E-mail: isakov@duma.gov.ru

Анализируя эволюцию элит Союза ССР в контексте исторического и диалектического материализма, наша исследовательская работа освещает ключевые моменты формирования и деградации групп элиты СССР, выявляя уроки, которые могут быть применены в современном мире. Рассмотрение роли идеологической приверженности и соответствия интересам масс, а также анализ стратегий лидерства в контексте социалистического строительства подчеркивают необходимость постоянного развития и адаптации партийных и элитарных структур к новым вызовам. Кроме того, рассмотрение роли Китая как примера развивающейся элитной группы, которая стремится к соблюдению основных принципов марксизма-ленинизма, открывает перспективы для возрождения международного коммунистического движения. В заключение, данное исследование подчеркивает важность глубокого понимания исторических тенденций и принципов марксизма-ленинизма для успешного развития социалистических стран в современном мире.

Ключевые слова: элита, социализм, исторический материализм, диалектический материализм, Союз ССР, марксизм-ленинизм.

Исследование истоков элитной группы СССР, эпицентром которой стала КПСС, представляет собой ключевой момент в анализе советской политической практики и истории. «Большевизм, – указывал В.И. Ленин, – существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» [16, с. 6]. В июле 1903 года на Втором съезде РСДРП была сформулирована программа партии, учрежден партийный устав, и завершена реконструкция партии, что символизировало зарождение нового типа пролетарской партии в России. На протяжении исторического периода социалистической революции и строительства Союза ССР, Коммунистическая партия прошла через семь эпох в целом. К моменту объявления самороспуска ЦК КПСС в августе 1991 года, «партия Ленина» просуществовала в общей сложности 88 лет. Рождение, эволюция, а также метаморфозы и вырождение элитной группы СССР, в центре которой стояла КПСС, стали уроком и предостережением для истории международного коммунистического движения и марксистских политических партий в различных странах. Именно по этой причине исследование и анализ этого вопроса обладают значительной академической важностью и историческим смыслом.

Введение

Историческое развитие Союза ССР, в частности эволюция его элитных групп, является предметом пристального интереса для исследователей, проникнутых методологией марксизма-ленинизма. В рамках марксистской теории классов, которая служит методологическим основанием нашего исследования, элиты рассматриваются как социально-экономическая группа, обладающая определенной властью и контролирующая средства производства. Объектом исследования в данной статье является группа элиты СССР, центром которой является КПСС. И это потому, что КПСС как абсолютный центр государственной власти в Советском обществе является «одновременно выступает здесь и в качестве в носителя надстроечных функций и в роли персонификатора государственной собственности, т.е. функций экономического присвоения, овладение политической властью одновременно означает и присвоение этих экономических функций» [12, с. 415]. Используя диалектический материализм, мы анализируем исторические процессы в их взаимосвязи и противоречиях, что позволяет нам понять динамику развития элитных групп в Союзе ССР.

Цель нашего исследования заключается в выявлении ключевых факторов формирования и деградации групп элиты СССР, а также извлечении уроков, которые могут быть применены в современном мире. Основываясь на качественном анализе и исследовании исторических литературы, мы стремимся понять роль идеологической приверженности и соответствия интересам масс, а также стратегий лидерства в контексте социалистического строительства.

Исследование также направлено на выявление значимости элитных групп в социалистическом Китае как примера развивающейся элитной группы, придерживающейся основных принципов марксизма-ленинизма. На-

деемся, что результаты нашего исследования подчеркнут важность глубокого понимания исторических тенденций и принципов марксизма-ленинизма для успешного развития социалистических стран в современном мире.

Элитная группа СССР была лидером исторически победоносных результатов практики социализма в СССР

РСДРП(б), возглавляемая В.И. Лениным, успешно осуществила Великую Октябрьскую социалистическую революцию 25 октября 1917 года (*7 ноября по новому стилю*), установив Советскую власть во всей стране и сформировав рабоче-крестьянское правительство с В.И. Лениным во главе. Этот исторический момент стал преобразованием марксистской теории в реальность, освободив пролетариат от эксплуатации и угнетения и поставив его интересы в центр государственной политики. Великая октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества, инициировав эпоху империалистических революций и оказав глубокое влияние на социальное развитие мирового сообщества.

До Великой Октябрьской социалистической революции, несмотря на тот факт, что Россия, находившаяся в отсталом состоянии по сравнению с ведущими капиталистическими странами в терминах национального богатства на душу населения, присоединилась к Первой мировой войне, страна понесла огромные человеческие, материальные и финансовые потери, что усилило классовые противоречия. Это привело к началу Февральской революции. Однако буржуазное Временное правительство, пришедшее к власти после Февральской революции и нацеленное на продолжение войны, потеряло доверие народа. В результате 25 октября 1917 года (*7 ноября по новому стилю*) под руководством РСДРП(б) произошла Великая октябрьская социалистическая революция, в результате которой власть перешла в руки трудящихся. Победа Великой Октябрьской социалистической революции раскрыла широкие перспективы для развития молодого советского государства. Под руководством В.И. Ленина и его партии рабочий народ взял под контроль основные средства производства и осуществил национализацию земли. 1918 год стал годом создания Красной Армии и успешной защиты советской власти в гражданской войне против всех иностранных интервентов. 1922 год ознаменовался образованием СССР, а 1923 год – принятием первой в мире социалистической конституции. Успешное создание первого в мире социалистического государства придало марксизму глобальное значение, и человечество вступило в период сосуществования социализма и капитализма.

В эпоху В.И. Сталина, СССР столкнулся с необходимостью промышленной индустриализации, что сподвигло принятие программы национальной индустриализации в 1925 году. Запущенный в 1928 году первый пятилетний план социализма и введение новой Конституции СССР в 1936 году стали ключевыми моментами в этом процессе. В условиях времени, определяемого войной и революцией, ВКП(б) вела страну через высокоцентрализованную плановую экономику, регулярную социальную мобилизацию и постоянную политическую и идеологическую работу. Это способствовало стремительному экономическому росту в 1930-е годы и заложило фундаментальные основы для достижений в строительстве социализма и в антифашистской Отечественной войне советского народа, оставив непреодолимый след в истории.

Важно подчеркнуть, что ЦК ВКП(б) под руководством И.В. Сталина направлял народ на строительство социализма в крайне сложных условиях. До начала Великой Отечественной войны благодаря выполнению трех пятилетних программ Союз ССР создал и модернизировал на новом технологическом уровне 11200 крупных промышленных предприятий. В то же время социализм значительно расширил производственные силы и придал им сильный импульс развития. Сравнивая данные 1940 года с 1913 годом, национальный доход советской экономики увеличился в 5,3 раза, а объем промышленного производства – в 7,7 раза. Валовая продукция всей промышленности в 1940 году увеличилось по сравнению с 1913-м в 7,7 раза, а производство средств производства – в 13,4 раза [33, с. 5–24]. С 1921 по 1939 год промышленное производство в СССР выросло в 24,6 раза, причем темпы роста превышали темпы роста США в 1,9 раза, Великобритании в 1,7 раза, Франции в 2,0 раза и Германии в 2,2 раза, значительно превосходя темпы роста основных капиталистических стран за тот же период. Это полностью доказывает, что «Капитализм – это тупик человечества, тогда как социализм является условием выживания и дальнейшего развития человечества» [8]. К 1928 году сельскохозяйственная технология СССР достигла уровня США и Великобритании. С 1928 по 1940 годы техническое оснащение сельского хозяйства Союза ССР увеличилось в 20 раз, достигнув 182 000 зерноуборочных комбайнов и 228 000 грузовых автомобилей [9]. Это свидетельствует о том, что СССР стал не только промышленной державой, но и передовой сельскохозяйственной державой.

В СССР также была побеждена всеобщая неграмотность среди рабочего класса, и страна стала лидером по грамотности: если в 1897 году доля неграмотных взрослых в царской России составляла 71,6%, то в 1926 году эта цифра сократилась до 43,4%, а к 1939 году – до 12,6%. После Великой Отечественной войны неграмотность в СССР была полностью искоренена. В 1913 году только около 290 000 человек имели доступ к высшему и среднему специальному образованию, и среди них было очень мало рабочих и крестьян. К 1987 году 861 человек из каждых 1000 крестьян в Союзе ССР получили высшее образование, а число интеллектуальных работников в стране достигло 43 миллионов человек.

ВКП(б) также возглавила народ в борьбе против фашизма и устранении самого зловещего проявления империализма в ходе Великой Отечественной войны. На ранних этапах Второй мировой войны, когда западноевропейские страны, такие как Франция, Польша и Дания, были быстро разгромлены и капитулировали, а Великобритания отступила на Британские острова, а США еще не приняли участие в войне, а затем, когда союзные силы, в которых преобладали Великобритания и США, долгое время не открывали второй фронт, Союз ССР, благодаря огромным жертвам, понесенным 25 миллионами его граждан, первым захватил Берлин и уничтожил фашизм. В этом контексте институциональные преимущества социализма под руководством КПСС играли выдающуюся роль [9].

После окончания Великой Отечественной войны СССР оперативно приступил к восстановлению, справившись с нанесенными войной ударами, и в скором времени достиг выдающихся результатов в экономическом развитии, заняв лидирующие позиции в мире. В период с 1922 по 1989 год национальный доход, промышленное производство, сельское хозяйство и производство потребительских товаров в СССР увеличились в 205, 687, 6,2 и 215 раза соответственно [2], в период с 1966

по 1985 год реальные доходы трудящихся возросли в 2,6 раза [9]. «Результаты реформ и развития СССР, – указывал Академик КАОН Чэн Эньфу, – в этот период показывают, что плановая экономика, основанная на научных измерениях, по-прежнему является весьма эффективным средством управления экономикой, позволяющим оптимально распределять и использовать ограниченные ресурсы и технологии и достигать ощутимых результатов в короткие сроки» [32].

Таким образом, все ключевые достижения, начиная от Великой Октябрьской социалистической революции до Великой Отечественной войны, и от России как аграрной страны до Союза ССР как мировой промышленной державы, были реализованы под руководством элиты Союза ССР, с КПСС во главе. «Руководящая роль партии – одна из важнейших закономерностей социалистического общества. Только партия, состоящая из лучших представителей трудящихся, в совершенстве владеющая передовой теорией, опирающаяся на всенародную поддержку, в состоянии дать правильное направление развитию общества» [30, с. 117]. Именно поэтому на протяжении всего исторического периода советская элита оставалась крепким центром управления всем Союзным государством.

Характеристика эволюции групп элиты СССР

Идеологическая и политическая эволюция групп элиты СССР от периода Н.С. Хрущева до эпохи М.С. Горбачева проявлялась через четыре ключевые черты.

Во-первых, с политической точки зрения: элитная группа Союза ССР прошла путь от колебаний, отклонений и отказов до полного предательства социалистических и коммунистических принципов. То есть процесс от бессознательного идеологического хаоса хрущевского периода до разрушительного уничтожения социалистической идеологии элитными группами горбачевского периода. Убеждения коммунистов, упомянутые здесь, в основном связаны с пониманием и применением законов исторического развития человеческого общества. В период руководства В.И. Лениным и И.В. Сталиным советская элита прошла испытание Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны и Великой Отечественной войны, выдержав тяжелые испытания укрепления социалистического строя и развития дела социализма при сохранении высокого авторитета среди трудящихся СССР и прогрессивных сил мира. Это, как заявил И.В. Сталин, «Факты же говорили о том, что наша партия не сумела бы выбраться на дорогу в новых условиях борьбы без очищения ее от колеблющихся и тормозящих дело революции людей» [28, с. 370]. Однако после кончины И.В. Сталина в 1953 году убеждения групп элиты СССР начали колебаться, и к эпохе М.С. Горбачева она окончательно отказалась от марксизма-ленинизма и идеалов, целей и задач пролетарской партии, что привело к развалу СССР и КПСС под ударами враждебных сил изнутри и снаружи.

Одним из значительных исторических событий в данном процессе стал пересмотр марксистско-ленинской теории в качестве руководящего принципа Н.С. Хрущевым, тогдашним Первым секретарем ЦК КПСС, после XX съезда КПСС, что оказало далеко идущие последствия для групп элиты СССР. И в 1990 году М.С. Горбачев открыто говорил о XX съезде КПСС как об отправной точке для того, что он называл «перестройкой», «… концепция перестройки – это не сиюминутное озарение какой-то группы людей. Начиная уже с XX съезда КПСС в партии и обществе развернулись поиски» [13, с. 86], говорил он. Следует отметить, что после кончины И.В. Сталина, Н.С. Хрущев вмешался в основные теоретические аспекты марксизма. На XX съезде КПСС он предложил «мирное сосуществование», «мирный переход» и «мирное соперничество» в качестве основных направлений внешней политики социалистических стран, полагая, что это содействует разрушению капиталистических отношений и способствует мировой реализации социализма. А.А. Громыко, который был министром МИД СССР, далее объяснял по линиям, начатым этой так называемой «ленинской идеей мира» – «Объективно присущие социализму возможности обеспечивают ему преимущества на всех направлениях происходящего ныне на мировой арене исторического соревнования двух систем. Социализм прочно и необратимо овладел исторической инициативой» [4, с. 586]. Существенная идея этого направления заключается в ложной уверенности, что социализм автоматически сохраняет стратегическое преимущество над капитализмом. В дальнейшем на XXII съезде КПСС, Н.С. Хрущев представил теории «общественной партии» и «общественного государства». В новой программе КПСС, принятой на XXII съезде КПСС, диктатура пролетариата была отменена, и КПСС, прежде являвшаяся политической партией пролетарского типа, превратилась в «общественную партию» буржуазного типа. Это было прямо противоположное учению В.И. Ленина о диктатуре пролетариата, «либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата и невозможно существовать ничему третьему» [18, с. 60]. В.М. Молотов, долгое время занимавший важные руководящие посты в советской партии и государстве при жизни В.И. Ленина и И.В. Сталина, ясно осознавал это, когда утверждал, что группа элиты СССР, находившаяся в то время у власти, представленная Н.С. Хрущевым – «Коммунистическая партия Советского Союза переживает тяжелый кризис руководства, который все больше перерастает в глубокий кризис партии … разоблачать в партии и в широких массах принципиальную и практическую несостоятельность и ревизионистский характер основных политических установок XX–XXI–XXII партийных съездов … по существу направленных против революционных основ марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, дошедших в новой Программе КПСС до ренегатского отказа от диктатуры пролетариата в СССР и от ленинских основ самой партии» [24, с. 448–449].

Во-вторых, с точки зрения теоретического развития марксизма-ленинизма как руководящего принципа, элитная группа СССР претерпела полный цикл непознания, незнания, отклонения и, в конечном счете, предательства принципов марксизма-ленинизма. Важным аспектом является осознание реальности процесса освоения основ марксизма и их применения на практике. После периода правления И.В. Сталина у элитной группы СССР произошло плавное отклонение от классических работ по марксизму-ленинизму, недостаток понимания основных принципов этой теории и уклонение от ее основной линии до окончательного отказа от нее в качестве руководящей идеологии и развивающейся науки. И, как глубокомысленно заметил В.И. Ленин, «Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной» [17, с. 40]. Это привело к их неспособности адаптироваться к вызовам времени и к империалистической стратегии «мирной эволюции». Конечно, важно отметить, что здоровая приверженность марксизму-ленинизму по-прежнему сохраняется у значительной части группы элиты СССР. Однако они не могут оказать глобального влияния на раз-

витие КПСС и общества СССР из-за отсутствия верховного руководства, а значит, нельзя отрицать изменения в характере группы элиты СССР.

Например, Н.С. Хрущев, начиная свою политическую карьеру, не получил систематического культурного и теоретического образования и не проявлял серьезного интереса к марксистско-ленинской теории. В.М. Молотов отмечал, что он никогда не интересовался или не задумывался над тем, что такое ленинизм или марксизм, и не обладал соответствующими теоретическими знаниями [19, с. 139–152]. Именно по этой причине Н.С. Хрущев, не принимая во внимание тот факт, что в советском обществе по-прежнему существовал широкий спектр классовой борьбы, который мог обостриться при определенных обстоятельствах, и не учитывая сложную и острую международную классовую борьбу между социализмом и капитализмом, не принимая во внимание возможность подрыва социалистического государства враждебными силами как изнутри, так и за рубежом, пропагандировал «теорию угасания классовой борьбы». Это привело к ошибочному убеждению большинства членов и кадров КПСС и трудящихся в том, что классовая борьба в советском обществе утратила свое значение, что не существует антикоммунистических и антисоветских сил, и что не требуется бдительность против реставрации капитализма. В период же горбачевской «перестройки» общая ситуация в теоретической учебе КПСС сложилась таким образом, что высказывания верховных руководителей стали рассматриваться как абсолютная истина, без учета основополагающих принципов, сформулированных классиками марксизма. А именно, все несоответствия между высказываниями верховного лидера и классиков марксизма рассматривались советским марксистским теоретическим сообществом просто как результат нововведений и развития марксистской теории, без каких-либо глубокого анализа по существу их правоты или ложности. Проводя анализ положения дел, российский ученый Н.Г. Осипова утверждает, что это не означает, что сама марксистская теория устарела или неверна, но что «его догматизированной версией и практикой административно-бюрократического социализма, превратившего марксизм в своеобразную религию» [25, с. 56]. Н.И. Сапожников, который был первым секретарем Удмуртского обкома КПСС, как-то вспомнил об этой «В распоряжении ЦК КПСС имелись … работали тысячи преподавателей… Многие из их авторов преуспели в ревизии основных положений марксизма-ленинизма…В 1985 году Горбачёв подбросил партийной науке новую «кость» – перестройку. И все бросились её грызть…Всё это называлось творческим развитием марксистско-ленинской теории…что перестройка есть не что иное, как реставрация капитализма…» [5, с. 5].

В-третьих, с точки зрения развития организационной линии партии, элитная группа СССР прошла путь от отказа от авангардной природы КПСС, которая была центральной организационной силой, до узурпации власти партией. Мы знаем, что определенная организационная линия всегда служит определенной политической линии, а политическая линия определяет организационную линию. А это, как заметил И.В. Сталин, «кадры решают все» [29, с. 61]. Организационная линия, начиная с Н.С. Хрущева и заканчивая горбачевской эпохой, стала инструментом для объединения и разрушения социалистической системы. Кадровая политика стала объектом кумовства, гангстеризма и эволюции собственных клик, что способствовало ослаблению партийной дисциплины и утрате принципов, на которых строилось социалистическое общество.

После XIX конференция КПСС, в целях ускорения эволюции советского общества в направлении капитализма, М.С. Горбачев инициировал масштабную реформу организационной и кадровой политики. Целью данной реформы стало устранение с ключевых постов лиц, придерживающихся социалистических взглядов или тяготеющих к более правому курсу. Уже в марте 1985 года, сразу после своего избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, М.С. Горбачев предпринял ряд кадровых перестановок. Из состава Политбюро был выведен Г.В. Романов, чей авторитет мог составить конкуренцию новому лидеру. На пост министра МИД СССР вместо А.А. Громыко был назначен близкий соратник М.С. Горбачева – Э.А. Шеварднадзе. Председателем Совета Министров СССР стал Н.И. Рыжков, также выдвинутый Ю.В. Андроповым. На место первого секретаря МГК КПСС вместо В.В. Гришина был назначен Б.Н. Ельцин, а Е.К. Лигачев вошел в состав Политбюро. К XXVII съезду КПСС в 1986 году в результате кадровой политики М.С. Горбачева состав Политбюро обновился почти полностью. Из 12 членов Политбюро 26-го созыва лишь четверо сохранили свои посты, включая самого М.С. Горбачева и А.А. Громыко, который сыграл ключевую роль в его выдвижении. В масштабах регионов изменения были еще более радикальными: к февралю 1986 года в 14 союзных республиках сменились 19 первых секретарей республиканских ЦК партии, председателей Верховных Советов и Советов Министров [3, с. 115], а более 40% членов ЦК были новичками, избранными впервые [10, с. 58]. Это значительное количество новых членов в составе ЦК свидетельствует о глубоких изменениях в организационной структуре и кадровой политике партии. Новые назначения могли отражать стремление к проведению реформ и внесению новых идей в руководство страной, однако также могли быть частью широкой кампании перестройки, направленной на изменение политического курса и ослабление контроля старой гвардии. К началу 1988 года 66% кадрового состава ЦК КПСС и министерств Совета Министров СССР были уволены, переведены или стали лишними. Все министры Совета Министров СССР, председатели государственных комитетов и заведующие отделами ЦК КПСС были заменены, уволены или переведены несколько раз, а уровень ротации кадров превысил 100% [14, с. 148]. Н.И. Сапожников, который был первым секретарем Удмуртского обкома КПСС, как-то вспомнил об этой ««Зачистка» Центрального Комитета от несогласных с его политикой началась ещё до XXVIII партсъезда, когда на одном из пленумов из состава ЦК фактически были выведены «по собственному желанию» более 100 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета и членов Центральной ревизионной комиссии КПСС. Продолжилась эта «зачистка» и на съезде» [5, с. 5].

В-четвертых, с точки зрения взглядов элитной группы на жизнь: от индивидуализма в стремлении к личному продвижению и привилегированному проживанию в маленькой семье до амбиций и интриг в подрыве власти партии и государства. Изменение взглядов на жизнь среди членов партии и кадров может быть связано с общим общественным контекстом и изменением социально-экономических условий. Это, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «На этих экономических различиях покоится в качестве надстройки целый мир различных социальных и политических взглядов» [22, с. 556]. Рост индивидуализма и стремление к личному успеху могут отражать изменения в ценностях и приоритетах, вызванные социальными и культурными трансформациями. Это может привести к появлению кон-

фликтов интересов и амбиций, влияющих на динамику партийной политики и внутренних отношений в стране.

М.С. Горбачев, например, был по сути своей политическим оппортунистом. На апрельском 1985 года пленуме ЦК КПСС он поклялся, что Ленинское учение «…было и остается для нас руководством к действию, источником вдохновения, верным компасом в определении стратегии и тактики движения вперед» [15, с. 5]. В июле 1990 года, когда проходил XXVIII съезд КПСС, М.С. Горбачев, посчитав, что время пришло, перестал подчеркивать направляющую роль марксизма-ленинизма и подчеркнул необходимость избавиться от «догматического толкования» [6 , с. 1] марксизма-ленинизма и осуществлять «развитие на путях конструктивного» [6, с. 1] марксизма-ленинизма. На самом деле, то, что М.С. Горбачев постоянно обогащает и развивает, есть не что иное, как его так называемый «гуманный, демократический социализм», основанный на философии абстрактного гуманизма, который, по сути, является ничем иным, как атакой на бесчеловечный и недемократический характер марксизма-ленинизма, как утверждает М.С. Горбачев.

Уроки эволюции групп элиты СССР

Один из величайших исторических уроков, вытекающих из деградации групп элиты СССР, заключается в потере политической компетентности и отказе от ключевых политических позиций в ее ядре – ЦК партии – и Политбюро.

Кадровая, идеологическая и организационная политика в КПСС оказало влияние не только на будущее партии и ее историческую судьбу, но и на судьбу социалистического СССР, рабочего класса и трудового народа СССР, а также на итоговый исход борьбы между социалистической и капиталистической системами. КПСС достигла уникальных успехов. В периоды В.И. Ленина и И.В. Сталина политические, идеологические, организационные, рабочее, дисциплинарное и институциональное строительство КПСС сделали СССР, наиболее адаптированным к потребностям революции, войны, строительства и развития, что способствовало ускорению развития социалистического строительства в СССР и международного коммунистического движения. Под руководством ВКП(б), советский народ одержал победу в Великой Отечественной войне. Впоследствии социалистическая революция распространилась на многие страны, возникли Варшавский договор и СЭВ, что привело к формированию социалистического лагеря под руководством СССР.

При анализе вопроса становится ясно, что советский режим возник благодаря руководству Коммунистической партии, которая давала народу возможность управлять своим государством. Это подразумевает, что важно, чтобы интересы партии соответствовали интересам народа, поддерживая тесные связи с рабочим классом и представляя интересы народных масс. Когда интересы партии и трудящегося народа вырастают до определенного уровня, партийное строительство должно соответствовать этому. Однако после того, как Н.С. Хрущев выиграл у Г.М. Маленкова борьбу за верховное руководство в СССР, возникли серьезные проблемы во всех аспектах построения КПСС, особенно в идеологической сфере и партийной организации. В поздний брежневский период распространилось явление бюрократии и транзакционности во всех областях партии, политики и армии в СССР. Проблема коррупции становилась все более серьезной, возник конфликт между советской элитой, во главе с ЦК КПСС, и коренными интересами масс, и имидж КПСС среди трудящихся серьезно пострадал, а организационные, идеологические и классовые основы ее правления начали подрываться.

Большинство представителей групп элиты СССР в этот период остается консервативным и нежелательным к любым изменениям, которые могут затронуть его интересы. Хуже того, большинство членов элиты были в той или иной степени полностью оторваны от трудового народа, что привело к существенному уменьшению престижа и социалистической репутации партии как рабочего класса и трудового народа СССР. Это также создало социальную и политическую почву для роста антикоммунистических и антисоциалистических настроений в эпоху М.С. Горбачева. В то же время, в своем стремлении закрепить свое незаконное контролирующее положение над государственными ресурсами, большая часть групп элиты СССР яростно и агрессивно стимулировал эволюцию социалистической системы в СССР, что в конечном итоге привело к развалу СССР под ударами антикоммунистических и антисоциалистических сил, как внутри, так и за рубежом. Следует отметить социологический феномен – после развала социалистического Союза ССР интересы подавляющего большинства членов элитной группы СССР, которая политически метаморфизировалась и деградировала, не были утрачены, а идентичность своей элитной группы, наоборот, передавалась в поколениях. Исследования российских ученых, таких как К.Е. Петров, показали, что «Российская политическая элита имеет сильную межпоколенческую связь с советской номенклатурой и во многом наследует ей, а процент выходцев из советской номенклатуры в российской политической элите образца 2021 года по-прежнему высок … Полученные нами результаты показывают, что социальный слой советской номенклатуры несомненно обнаруживает высокую способность к сохранению и самовоспроизводству даже спустя 30 лет после развала СССР и образования независимых государств» [27].

Марксизм-ленинизм представляет собой теорию, ориентированную на интересы рабочего класса, а позиция рабочего народа является базовой политической позицией марксистской партии. Это, как сказал К. Маркс и Ф. Энгельс, «Массы, хотя и видят менее ясно, чем отдельные лидеры, все же во много раз лучше, чем все лидеры, вместе взятые» [23, с. 301]. Под руководством партия Ленина пережила революции и войны, ведя народ к модернизации социализма, и в этом процессе партия и народ установили тесные связи. Однако в эпоху мирного развития группа лидеров КПСС постепенно забросила идеалы подлинного партийного строительства, утратив связь с трудовым народом и, в конечном итоге, приведя к развалу партии.

История эволюции элитных групп в СССР показывает, что создать политическую партию и захватить власть относительно легко, но крайне сложно вернуть себе власть после ее утраты. В условиях ограниченной политической среды современной России, КПРФ с 1993 года участвует в государственной политике, стремясь к восстановлению социализма, и в определенный момент оказывала значительное влияние во время хаотичной эпохи президентства Б.Н. Ельцина. Однако с начала XXI века темпы политического прогресса КПРФ были нестабильными: Несмотря на то, что КПРФ под руководством Г.А. Зюганова проводит активную и стратегически выверенную политику, демонстрируя высокий уровень организационной работы по сравнению с коммунистическими и рабочими партиями других капиталистических стран, темпы накопления её политических достижений в условиях современной политической системы России остаются сдержанными. Этот потенциал для роста

остаётся не полностью реализованным из-за отсутствия значимых общественно-политических событий, которые могли бы значительно усилить её влияние и мобилизовать широкий круг сторонников.

Верования, убеждения, теоретические качества, мировоззрение и ценности элитной группы, сосредоточенной в ЦК КПСС, напрямую влияют на успех или неудачу социалистических инициатив СССР. Успех любого дела, как известно, в конечном счете решают кадры. Изучение истории эволюции элитной группы СССР позволяет выделить уроки, которые марксистские лидеры, вроде В.И. Ленина, должны учесть, «группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями.» [16, с. 24], должны обладать далеко идущим политическим видением, твердой и бесстрашной революционной смелостью, а также новаторским и инновационным духом. Важно также иметь превосходные лидерские способности для управления сложными ситуациями. Они должны быть способны всегда ориентироваться на правильную сторону истории, следуя развитию времени, и вести партию и трудовой народ в правильном направлении. В основном причина в том, что «Современное общество представляет собой противоречивое взаимодействие рас, наций и народов, социальных групп и отдельных индивидов. На этот сложный комплекс объективных социальных взаимодействий “накладывается” человеческое понимание, т.е. истолкование, интерпретация социальных событий и свершений. Множество взаимодействующих социальных субъектов, обладающих различными целями и ценностями, истолковывают социальный мир неоднозначно» [1, с. 60–75].

После кончины И.В. Сталина идеологические и политические качества главных руководителей КПСС снизились, и некоторые из них стали упрямыми защитниками интересов привилегированных классов. Примеры с «Хлопковое дело» и «Рыбное дело» и промышленности являются типичными. Главные руководители ЦК КПСС, такие как Л.И. Брежнев, больше заботились о своих личных, семейных и клановых интересах. Когда пришла эпоха М.С. Горбачева, группа лидеров КПСС не смогла справиться со сложной ситуацией и материальными интересами, что привело к изменению их идеалов, политической воли и взглядов на жизнь и ценности. В результате узурпации и захвата руководства КПСС во всех сферах группой элиты СССР, отступившей в политическом отношении от пролетарских позиций к буржуазным, судьба социалистического дела СССР, подвергшегося гибели, стала необратимой. И это еще одно свидетельство того, что социальное дело СССР было разрушено предательством его элиты. Вывод, который часто делают западные ученые, что СССР погиб из-за недостатков собственной социалистической системы является ложным.

Только преданность высоким идеалам коммунизма, основным принципам марксизма-ленинизма и принципам научного коммунизма может сделать Коммунистическую партию, являющуюся ядром всех общественных сил, сплоченной и боеспособной. И далее, хотя «Капитализм деградирует и несёт гниение во всём: в экономике, в социальной жизни, в культуре и идеологии. Любая мимикрия империализма не способна изменить его сути» [11]. Однако исход борьбы между социалистической и капиталистической системами во многом зависит от того, сможет ли Коммунистическая партия сохранить и укрепить свою силу и сплоченность. В контексте истории социалистической реформы выделяются два принципиально различных подхода. Первый подход рассматривает реформу как процесс самосовершенствования и эволюции социалистической системы. Этот подход охватывает модернизацию устаревших институтов, сочетая приверженность основам социалистической идеологии с требованиями развития производительных сил. В рамках этого взгляда реформа рассматривается как революционный процесс, направленный на изменение институциональной структуры и преодоление устоявшихся интересов. Этот подход укоренен в основных принципах научного социализма и находит свое теоретическое обоснование в марксистской теории реформ, что находит отражение в практике социалистического строительства. Второй тип теории реформ, не связанный с социалистической идеологией, представляет собой фундаментальное отклонение от основ социалистической системы. «Реформы» использовались лишь как прикрытие для реформ несоциалистического характера. Здесь реформа рассматривается как процесс трансплантации элементов капитализма с целью достижения капиталистической модели государства. Примером такого подхода служит период перестройки, инициированный М.С. Горбачевым. Например, в своих воспоминаниях Е.К. Лигачев, занимавший важные руководящие посты в период «перестройки» под руководством Горбачева, резко указывал на двуличие А.Н. Яковлева, которого продвигал сам М.С. Горбачев, в доминирующей идеологии реформ, заявляя: «столь беззастенчивая тактика типична для Яковлева… а с каким гневом обрушивался Яковлев именно на те идеи, какие позднее горячо отстаивали он сам и Горбачев!» [20, с. 151].

На протяжении более чем 70-летней истории советской власти идеологические тенденции элитных групп в СССР претерпели полный процесс эволюции и метаморфоз. В ленинский период, В.И. Ленин настаивал на принципах марксизма и установил директивы и теоретическое руководство для идеологической работы РСДРП(б)-РКП(б), став пионером марксистской идеологической работы. Идеологическая работа в сталинский период имела как крупные достижения, так и отклонения, но в целом шла в правильном направлении, придерживаясь и развивая марксизм-ленинизм. В ленинский и сталинский периоды Коммунистическая партия решительно и тщательно критиковала и уничтожала все виды антимарксистского мышления, что позволило партии в целом сознательно противостоять эрозии всех видов буржуазного мышления на протяжении длительного периода своей истории и, в частности, глубоко и трезво понимать природу демократического социализма и его предшественника, социал-демократии. КПСС, руководствуясь учением К. Маркса – Ф. Энгельса – В.И. Ленина, должна была разрабатывать свою программу своей деятельности на каждый этап исторического развития. Но после того, как М.С. Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС в 1985 году, группа лидеров КПСС в лице М.С. Горбачева, по сути, отказалась от закона развития человеческого общества, раскрытого материалистической концепцией истории, и анализировала проблемы, существовавшие в советском обществе, воспроизводя буржуазную теорию абстрактной человеческой природы, утверждая, что социализм в СССР не соответствовал так называемой человеческой природе и даже разрушал так называемую человеческую природу. А.Н. Яковлев, в то время член Политбюро ЦК КПСС, даже дошел до того, что выступил с прямым отречением от марксизма-ленинизма в докладе М.С. Горбачеву, записав – «Общественная мысль, развиваясь от утопии к науке, и на этапе марксизма осталась во многом утопической…Политические выводы марксизма неприемлемы для складывающейся цивилизации, ищущей путь к примирению, смягчению конфликтов…» [7]. М.С. Гор-

бачев также неверно истолковал утверждение «Манифест Коммунистической партии» о том, что «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [21, с. 447], как «гуманитарную программу», воплощающую «великий гуманитарный принцип», «гуманитарные принципы». Он также рассматривает гуманизм как необходимое требование социалистического общества, цель и задачу социалистических реформ и цель коммунистов. Это полностью попадает в трясину материалистического взгляда на историю. Ведь приписывать движущую силу исторического развития и социального прогресса доброй природе человечества или человеческому разуму – это типичное проявление материалистического взгляда на историю. Абстрактная теория человеческой природы, то есть неспособность увидеть суть социальных проблем Союза ССР и законы общественного развития человека, привела к тому, что КПСС и элитная группа СССР потеряли направление прогресса. В современной российской науке, рассматривая факт исторической «вестернизации» российских научных исследований, российский ученый профессор Н.Г. Осипова глубокомысленно заметила, что «Русская наука не должна подражать западной учености, ни в области исследований, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, «свое исследовательство»» [26, с. 7–30].

В конце существования Союза ССР, элитная группа СССР, вследствие своего полного политического вырождения, подстрекала все общество к исторической нигилистической идеологии, всесторонне очерняла историю СССР и историю КПСС, дискредитировала всех последующих партийных лидеров и коллектив руководителей КПСС и сделала КПСС оторванной от трудового народа, и окончательно развалилась в разгар разрушительной деятельности внутренних ренегатов и политических атак враждебных сил извне. Урок выведения элитной группы СССР состоит в том, что – элитная группа социалистических стран с коммунистической партией в основе вела пролетариат и массы к захвату государственной власти и использовала свое политическое правление для построения социализма и, в конечном счете, для достижения коммунизма – для сохранения приверженности Ясность содержания и понимания этой исторической миссии и ответственности – источник постоянного укрепления жизненной силы и революционного характера элитной группы в целом. Позволить этой миссии и ответственности быть дискредитированной и забытой – это политическое предательство трудового народа.

В свете марксизма-ленинизма, эволюция политических элит социалистических стран выступает как важный фактор в развитии общества. История Союза ССР преподносит нам уроки, которые стоит учесть и применить в современном контексте. В сущности своей, исторический материализм, основанный на принципах марксизма-ленинизма, проливает свет на эволюцию политической элиты в социалистических обществах, являясь мощным инструментом анализа социальных процессов и изменений. В ходе этой эволюции, от ленинской эпохи к периоду М.С. Горбачева, мы видим не только изменение идей и ценностей, но и изменение приоритетов элит, от приверженности идеалам коммунизма к деградации их политической компетентности и отдалению от интересов трудящихся.

Именно в контексте марксистских принципов и диалектического материализма мы видим важность продолжения движения в правильном направлении. Как реки, двигаясь по своему пути, политические элиты социалистических стран должны черпать уроки из прошлого, чтобы направить свой поток к будущему, основываясь на принципах и идеалах, которые проложили путь к коммунизму. Несомненно, важность китайской элитной группы не может быть недооценена в свете стремления к возрождению международного коммунистического движения.

Идея Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху отражает не только принципы марксизма в современном мире, но и стремление к совершенствованию и адаптации идей к современным вызовам. Это, как созвездие на ночном небе, является светочем надежды, который напоминает нам о силе и потенциале марксистских идей в XXI веке.

Таким образом, как океан вечного движения и изменения, мы надеемся, что китайская элитная группа будет продолжать свой путь, вдохновляясь уроками и опытом эволюции групп элиты СССР. Как стержень, который приводит курс судьбы социалистического строя, китайская элита продолжает учиться у уроков и опыта, полученных из эволюции групп элиты СССР. В то время как советская элита пала, Китай поднимается, как феникс из пепла, возвышаясь над тенями прошлого. И, подобно этому мифическому птицу, китайская элита, возрожденная из исторического опыта, несет на своих крыльях надежду для будущего социалистического строя.

Это также, как заметил товарищ Си Цзиньпин, «Смелость совершить самореволюцию – это самая характерная отличительная черта нашей партии и ее самая большая сила» [31, с. 576].

Литература

1. Агапов П.В. Социальные системы: теория, подходы и динамика. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014;(4):60–75. https://doi.org/10.24290/1029–3736–2014–0–4–60–75
2. Брагин А. Наша страна в зеркале статистики. Основные демографические и экономические показатели СССР, РСФСР и современной России. – URL : https://kprf.ru/ruso/137995.html?ysclid=lvpn9mc39l599853616
3. Ван Тинъю. Почему красный флаг Кремля упал на землю: Исследование корней эволюции СССР. – Пекин: Современный мир, 2004.
4. Громыко А.А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. – М: Политиздат, 1978.
5. Газета «Правда», № 43(31103), 23–26 апреля 2021 года.
6. Газета «Правда», № 179(26262), 28 июня 1990.
7. ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 157.
8. Добреньков В.И. От кризиса глобального капитализма к мировому социализму // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-krizisa-globalnogo-kapitalizma-k-mirovomu-sotsializmu (дата обращения: 03.05.2024).
9. Денисюк А.В. Советский Союз – великая социалистическая держава. Цифры и факты. – URL: https://www.great-country.ru/articles/sssr/sov/00156.html?ysclid=lvnurotmnx780386594
10. Джек Мэтлок-младший. Личный отчет о распаде СССР, Книга 1, перевод Ву Найхуа и др. – Пекин: Мировое знание, 1996.
11. Зюганов Г.А. О задачах КПРФ по сплочению антифашистских сил в борьбе с империализмом, реакцией и военной угрозой. – URL : https://kprf.ru/party-live/cknews/226567.html.

12. Крылов В.В. Производство. Власть. Собственность. Фурсов о Крылове. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2024.
13. КПСС. Съезд (28; 1990; Москва). XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 1. – М.: Политиздат, 1991.
14. Койчо Петров, Феномен Горбачева. – Эпоха реформ: советская Восточная Европа и Китай, перевод Гэ Чжицяна и Ма Сиопу. – Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2001.
15. КПСС. ЦК. Пленум. 1985. Апрель. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. – М.: Политиздат, 1985.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 41. – М.: издательство политической литературы, 1981.
17. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 6. – М.: издательство политической литературы, 1963.
18. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 39. – М.: издательство политической литературы, 1970.
19. Ли Шэньмин, Ли С.Н., Гэ Юли и Хао Исин. (2007). Мыслить о кризисе в безопасном мире – исторические уроки гибели КПСС: 8-серийный учебно-справочный фильм на DVD с комментариями. Научный социализм (01), 139–152. doi: CNKI: SUN: KXSH.0.2007–01–035.
20. Лигачев Е.К. Борис был не прав. – М.: Алгоритм, 2012.
21. Маркс К, Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Том 4. – М.: издательство политической литературы, 1955.
22. Маркс К, Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Том 17. – М.: издательство политической литературы, 1969.
23. Маркс К, Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Том 39. – М.: издательство политической литературы, 1966.
24. Никонов В.А. Молотов: наше дело правое: [в 2 кн.: 16+] / Вячеслав Никонов. – М.: Молодая гвардия, 2016.
25. Осипова Н.Г. Учение К. Маркса и марксизм (социологический аспект). – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001.
26. Осипова Н.Г. Идеологическое воздействие на социальное поведение: теоретико-методологические аспекты. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023;29(2):7–30. https://doi.org/10.24290/1029–3736–2023–29–2–7–30
27. Петров К.Е., Снеговая М., Чубаров Д.А. Номенклатурные корни российской элиты: 30 лет спустя // Идеи и идеалы. 2022. № 3–1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nomenklaturnye-korni-rossiyskoy-elity-30-let-spustya (дата обращения: 03.05.2024).
28. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 10. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949.
29. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 14. – М.: Писатель, 1997.
30. Суслов М.А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха: Избранные речи и статьи. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1982.
31. Си Цзиньпин. Избранные труды Си Цзиньпина. Том I. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2023.
32. Чэн Эньфу. Сочинения. Том 4. Главный переводчик: Ли Чжожу. – М.: Родина, 2023.
33. Шогенов А.Х. Развитие реальной экономики СССР с 1921 по 1953 г. Политическое просвещение. 2012;12(5):5–24. – URL : https://www.politpros.com/upload/uf/a26/ppr_5_70_2012.pdf.

EVOLUTION OF THE ELITE GROUP OF THE SSSR ELITE IN THE CENTRE OF THE CPSU: EXPERIENCE, CHARACTERISTICS AND LESSONS LEARNED

Li Zhuoru, Isakov V.P.
Lomonosov Moscow State University, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

Analyzing the evolution of the Soviet elites within the framework of historical and dialectical materialism, our research illuminates key moments in the formation and degradation of the Soviet elite, identifying lessons applicable to the contemporary world. Examination of the role of ideological commitment and alignment with the interests of the masses, along with an analysis of leadership strategies in the context of socialist construction, underscores the necessity of continuous development and adaptation of party and elite structures to new challenges. Additionally, the consideration of China's role as an example of a developing elite group striving to adhere to the fundamental principles of Marxism-Leninism opens avenues for the revival of the international communist movement. In conclusion, this study emphasizes the importance of a deep understanding of historical trends and the principles of Marxism-Leninism for the successful development of socialist countries in the modern world.

Keywords: elite, socialism, historical materialism, dialectical materialism, Soviet Union, Marxism-Leninism.

References

1. Agapov P.V. Social systems: theory, approaches and dynamics. Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2014;(4):60–75. https://doi.org/10.24290/1029–3736–2014–0–4–60–75
2. Bragin A. Our country in the mirror of statistics. Main demographic and economic indicators of the CCCP, the RSFSR and modern Russia. – URL : https://kprf.ru/ruso/137995.html?ysclid=lvpn9mc39l599853616
3. Wang Tingyu. Why the Kremlin's red flag fell to the ground: A study of the roots of the evolution of the USSR. – Beijing: Modern World, 2004.
4. Gromyko A.A. In the name of the triumph of Leninist foreign policy. Selected speeches and articles. – M: Politizdat, 1978.
5. Newspaper "Pravda", No. 43 (31103), April 23–26, 2021.
6. Newspaper "Pravda", No. 179 (26262), June 28, 1990.
7. GA RF. F. 10063. Op. 1. D. 157.
8. Dobrenkov V.I. From the crisis of global capitalism to world socialism // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2013. No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-krizisa-globalnogo-kapitalizma-k-mirovomu-sotsializmu (date of access: 05/03/2024).
9. Denisyuk A.V. The Soviet Union is a great socialist power. Figures and facts. – URL: https://www.great-country.ru/articles/sssr/sov/00156.html?ysclid=lvnurotmnx780386594
10. Jack Matlock Jr. Personal account of the collapse of the USSR, Book 1, translation by Wu Naihua et al. – Beijing: World Knowledge, 1996.
11. Zyuganov G.A. On the tasks of the Communist Party of the Russian Federation to unite anti-fascist forces in the fight against imperialism, reaction and the military threat. – URL : https://kprf.ru/party-live/cknews/226567.html.
12. Krylov V.V. Production. Power. Own. Fursov about Krylov. – Moscow: Partnership of Scientific Publications KMK, 2024.
13. CPSU. Congress (28; 1990; Moscow). XXVIII Congress of the Communist Party of the Soviet Union, July 2–13, 1990: Transcript. report. T. 1. – M.: Politizdat, 1991.
14. Koicho Petrov, The Gorbachev Phenomenon. – The Age of Reform: Soviet Eastern Europe and China, translated by Ge Zhiqiang and Ma Xiopou. – Beijing: Social Science Literature Publishing House, 2001.
15. CPSU. Central Committee. Plenum. 1985. April. Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, April 23, 1985 – M.: Politizdat, 1985.
16. Lenin V.I. Full composition of writings. Volume 41. – M.: publishing house of political literature, 1981.
17. Lenin V.I. Full composition of writings. Volume 6. – M.: publishing house of political literature, 1963.
18. Lenin V.I. Full composition of writings. Volume 39. – M.: publishing house of political literature, 1970.

19. Shenming Li, S.N. Li, Yuli Ge, and Yixing Hao. (2007). Thinking about the crisis in a safe world – historical lessons from the death of the CPSU: 8-episode educational and reference film on DVD with commentary. Scientific Socialism (01), 139–152. doi: CNKI: SUN: KXSH.0.2007–01–035.
20. Ligachev E.K. Boris was wrong. – M.: Algorithm, 2012.
21. Marx K, Engels F. Complete works. Volume 4. – M.: publishing house of political literature, 1955.
22. Marx K, Engels F. Complete works. Volume 17. – M.: publishing house of political literature, 1969.
23. Marx K, Engels F. Complete works. Volume 39. – M.: publishing house of political literature, 1966.
24. Nikonov V.A. Molotov: our cause is just: [in 2 books: 16+] / Vyacheslav Nikonov. – M.: Young Guard, 2016.
25. Osipova N.G. The teachings of K. Marx and Marxism (sociological aspect). – M.: RIC ISPI RAS, 2001.
26. Osipova N.G. Ideological influence on social behavior: theoretical and methodological aspects. Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2023;29(2):7–30. https://doi.org/10.24290/1029–3736–2023–29–2–7–30
27. Petrov K.E., Snegovaya M., Chubarov D.A. Nomenklatura roots of the Russian elite: 30 years later // Ideas and ideals. 2022. No. 3–1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nomenklaturye-korni-rossiyskoy-elity-30-let-spustya (date of access: 05/03/2024).
28. Stalin I.V. Essays. – T. 10. – M.: OGIZ; State Publishing House of Political Literature, 1949.
29. Stalin I.V. Essays. – T. 14. – M.: Writer, 1997.
30. Suslov M.A. Marxism-Leninism and the modern era: Selected speeches and articles. In 3 volumes. T. 3. – M.: Politizdat, 1982.
31. Xi Jinping. Selected works of Xi Jinping. Volume I. – Beijing: People's Chubanshe, 2023.
32. Cheng Enfu. Essays. Volume 4. Chief translator: Li Zhuozhu. – M.: Rodina, 2023.
33. Shogenov A. Kh. Development of the real economy of the USSR from 1921 to 1953. Political education. 2012;12(5):5–24. – URL : https://www.politpros.com/upload/uf/a26/ppr_5_70_2012.pdf.

Анализ организационной структуры китайских предприятий с социально-экономической точки зрения

Ли Янь,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 15049568880@163.com

Цель данного исследования – изучить влияние социоэкономики на корпоративную организационную структуру. На примере компании China Huawei анализируется организационная структура корпорации с точки зрения социоэкономики через теорию встроенности Карла Поланьи с точки зрения социокультурных, межличностных отношений и политики, и делается вывод, что экономическая деятельность является частью социальных отношений, что экономика и общество не должны рассматриваться как сегрегированные, и что углубленное изучение теорий социоэкономики поможет нам глубже понять динамику корпораций в контексте глобализации управления и стратегической адаптации.

Ключевые слова: Социально-экономическая теория, фирмы, организационная структура, теория встраивания, Huawei, социология, человеческие отношения.

Введение

Анализ организационной структуры бизнеса исключительно с точки зрения современной экономики должен состоять из трех аспектов: перспективы, системы отсчета и аналитических инструментов[1]. Современная экономика фокусируется на основных вопросах и позволяет людям взглянуть на актуальные проблемы и начать с практической точки зрения. Ее не так сильно заботят другие факторы. С точки зрения экономики к факторам, способствующим возникновению проблем, относятся информация, институты, ресурсы и, самое главное, субъективные факторы человека. Самый главный принцип каждого человека при принятии решений, связанных с экономикой, – действовать в интересах самого человека. Однако использование экономики для анализа организационной структуры бизнеса часто бывает слишком односторонним, поскольку организационная структура бизнеса формируется под влиянием множества сложных факторов, таких как окружающая среда, социальные отношения, политика и т.д., и существует множество социально различных факторов.

Результаты

С экономической точки зрения предприятие – это субъект, участвующий в экономической деятельности, без особого анализа внутренней структуры самого предприятия. Предприятие также состоит из индивидов, и бесчисленное множество индивидов образуют предприятие как единое целое. Современная теория фирмы началась с Коуза, который в 1937 году опубликовал работу под названием «Природа фирмы»[2], ставшую началом изучения современной теории фирмы. Его новаторский анализ взаимоотношений между фирмой и рынком в конечном итоге привел к появлению «школы транзакционных издержек» в новой институциональной экономике. По мнению Коуза, процесс рыночной сделки сопряжен с издержками, что является результатом осмысления традиционной экономики, то есть рыночная сделка не похожа на ортодоксальную теорию совершенной конкуренции, предполагающую, что информация о цене установлена и для всех сторон освоена, напротив, цена является неопределенной, неизвестной, для того чтобы она превратилась в известную, необходимо заплатить цену[3].

В то же время процесс торговли на рынке не всегда проходит гладко, поскольку между торговцами часто возникают споры и конфликты, что требует проведения переговоров, исполнения обязательств и даже обращения к закону, а все это требует больших затрат. Поэтому «некоторые расходы на функционирование рынка можно сэкономить, если создать организацию и позволить органу власти диктовать ресурсы». Анализ фирмы в рамках новой институциональной экономики, выступающей

[1] Granovetter M. Economic institutions as social constructions: a framework for analysis[J]. Acta sociologica, 1992, 35(1): 3–11.

[2] Coase R H. The firm, the market, and the law[M]. University of Chicago press, 2012.

[3] Schlag P. The problem of transaction costs[J]. S. Cal. L. Rev., 1988, 62: 1661.

за меньшее вмешательство государства и подчеркивающей, что только при условии четкого определения прав частной собственности снижаются транзакционные издержки и автоматически максимизируется эффективность распределения ресурсов, все же не позволяет точно проанализировать факторы, влияющие на функционирование фирмы, и восполнить их недостатки может экономическая социология.

Основополагающей целью предприятия является получение прибыли, а основополагающее значение существования организационной структуры предприятия также имеет для экономики. Экономическая встроенность играет фундаментальную роль в определении организационной структуры предприятия, и предприятие завершает производственную деятельность через изменение организационной структуры и в то же время снижает операционные издержки через инновацию организационной структуры[1].

Встраиваемость – важное понятие в экономической социологии, означающее ограничения экономической деятельности со стороны неэкономических институтов. Оно было впервые предложено Карлом Поланьи и в дальнейшем развито Марком Грановеттером как ключевое понятие новой экономической социологии. Хотя экономические институты долгое время считались важными ограничителями экономической деятельности в контексте современной капиталистической рыночной экономики, с развитием социологии выяснилось, что на экономическое поведение влияют и другие социальные переменные: социальная среда (включая культурную, политическую, правовую и экономическую среду), межличностные отношения и др. Все они влияют на экономическое поведение, и что закон спроса и предложения и максимизация собственных интересов, отстаиваемые классической или неолиберальной экономикой, не определяют всего. Фирмы – это не только экономические, но и социальные единицы[2].

Далее я проанализирую организационную структуру Huawei с точки зрения теории встроенности.

Встроенность экономики и общества: согласно Поланьи, экономическая деятельность является частью социальных отношений, и экономика и общество не могут рассматриваться как изолированные. Это означает, что на внутреннюю структуру и стратегические решения компаний оказывают глубокое влияние культура, социальная структура и политическая среда региона, в котором они расположены. Внутренние нормы или внешние социальные структуры сдерживают людей. Люди, составляющие бизнес, не могут быть полностью рациональными или максимизировать свою эффективность. Формирование организационных структур бизнеса можно понять, только правильно осмыслив социокультурную среду, в которой находятся люди. Что касается управления китайских лидеров, то китайская модель лидерства постепенно менялась от «патерналистской» (стиль лидерства, демонстрирующий строгую дисциплину и авторитет, отеческую доброту и моральную честность, и сведенный в триадическую теоретическую структуру, включающую авторитет, доброту и добродетель) к «братской» и «дружеской» (стиль лидерства, основанный на принципе «братства»). « и «дружеский» (отношения между руководителями и рядовыми сотрудниками более равные, а лидеры склонны быть более доступными, говорить с сотрудниками об их мечтах и стремлениях и уделять больше внимания внутреннему общению). Раннее управление китайскими предприятиями было пирамидального типа, похожего на административную систему Китая, обычно распространенную на китайских государственных предприятиях, с развитием рыночной экономики режим управления постепенно трансформировался в плоский, прямая линия руководства может решать работу управляемого им персонала. Это изменение в режиме управления во многом определяется экономическим развитием, личное образование и качество сотрудников продолжают улучшаться, с развитием информационных технологий сотрудникам также удобнее находить работу, не так, как раньше, они будут работать сами на себя. В результате отношения между бизнес-организациями стали более расслабленными и гибкими[3].

Компания Huawei Technologies Company Limited, основанная в 1987 году, в первой половине 2022 года достигла выручки от продаж в 301,6 млрд юаней. 3 августа 2022 года Fortune опубликовал список 500 лучших компаний мира (список компаний), в котором Huawei заняла 96-е место. В начале своего становления компания Huawei приняла линейную организационную структуру, в которой не было фиксированных функций, отсутствовали отделы, а все сотрудники подчинялись непосредственно Рену Чжэнфэю. В 1992 году объем продаж Huawei превысил отметку в 100 миллионов юаней, а количество сотрудников достигло примерно 200 человек. Организационная структура Huawei также начала меняться от линейной организационной структуры к функциональной организации, основанной на профессиональном разделении труда, с такими функциональными отделами, как маркетинг, производство, финансы и администрация.

Организационные отношения в бизнесе в Китае, как правило, относительно сложны. В межличностных отношениях, будь то родственные или дружеские, эта особая связь также может быть интерпретирована как доброжелательность по отношению к человеку. Это хорошо видно на примере компании Huawei, где генеральным директором является Рен Чжэнфэй, а главным менеджером по логистике – младший брат Рен Чжэнфэя (Рен Шулу, который на 12 лет моложе Рен Чжэнфэя и сейчас является исполнительным руководителем и главным менеджером по логистике Huawei. Рен Шулу окончил Юньнаньский университет, пришел в Huawei в 1992 году, занимал должности президента Huitong, директора комитета по управлению инвестициями в инфраструктуру Huawei, директора комитета по управлению внутренними услугами Huawei, а сейчас является главным логистом Huawei). Финансовый директор – дочь Рен Чжэнфэя (Мэн Ваньчжоу, пришла в Huawei в 1993 году, занимала должности директора департамента международной бухгалтерии компании, финансового директора Huawei Hong Kong, президента департамента управления счетами, президента департамента финансирования продаж и управления капиталом и т.д.).

В человеческом обществе каждый человек является «социальным существом». Общение между людьми «контекстуализировано», и успешная коммуникация зависит от многих факторов. Межличностная функция» реализуется в основном через «настроение» и «значение настроения». Важную роль в выборе языковых форм играют «фактор силы» и «эквивалентность». В целом, когда фактор власти доминирует, участник с более высоким социальным статусом будет увеличивать модальное значение в дискурсе. Напротив, участники с более

[1] Teece D J. Internal organization and economic performance: An empirical analysis of the profitability of principal firms[J]. The Journal of Industrial Economics, 1981, 30(2): 173–199.

[2] Beckert J. The great transformation of embeddedness: Karl Polanyi and the new economic sociology[J]. Beckert Jens, 2009: 38–55.

[3] WU Min, HUANG Xu, XU Jiuping, et al. Сравнительное исследование трансакционного, трансформационного и патерналистского лидерского поведения[J]. 2007.

низким социальным статусом склонны снижать аффективное значение дискурса. Знакомство собеседников также оказывает непосредственное влияние на аффективные ценности. Эта социальная традиция также отражается в бизнесе и является важным фактором влияния.

С точки зрения экономики, у людей есть только одна цель – достижение собственных интересов, но зачастую люди не будут столь рациональны, в социальной жизни будет больше эмоций, сотрудники предприятий не только преследуют зарплату, которая является лишь базовой потребностью. С развитием времени люди будут нуждаться в большей власти, статусе, славе. Это еще один вид ценности интереса. Организационная структура бизнеса часто предусматривает восходящую мобильность, которая используется для мотивации сотрудников к серьезной работе. Люди в бизнесе также сталкиваются с искушением мыслить спокойно и рационально. Изменения в организационной структуре бизнеса также реагируют на действия руководителя или отдельного сотрудника, внося коррективы для максимизации выгоды.

Взаимодействие между политикой и экономикой: методы функционирования политической власти, выработка политики и правовая база играют решающую роль в деятельности и стратегии предприятий. Сюда входят такие факторы, как национальная политическая система, политическая и военная ситуация, руководящие принципы и политика, законы и правила, а также правоохранительная система. С началом реформ и открытости в Китае в декабре 1978 года для развития экономики и установления связей с миром были введены иностранные инвестиции. В 1993 году, с постепенным углублением реформ и открытости, в Китай вошло большое количество предприятий с иностранным финансированием, которые заняли рынок в таких крупных городах, как Пекин и Шанхай. Чтобы быстро захватить долю рынка, Рен Чжэнфэй из Huawei принял рыночную стратегию «сельская местность в окружении городов», сосредоточившись на сельском рынке, который иностранные компании не могли видеть. Он также направил большое количество маркетингового и технического персонала в различные места для продвижения продукта в автономном режиме. Чтобы захватить большую долю рынка, Huawei также создала промышленную компанию Mobek Communications, совместное предприятие с 17 провинциальными и муниципальными телекоммуникационными бюро. С помощью Mobeck компания Huawei не только привлекла 39 миллионов в акционерный капитал, решив проблему финансовых трудностей того времени, но и сформировала сообщество по интересам с сотрудниками почтовых и телекоммуникационных предприятий, что значительно увеличило продажи ее продукции. 1996 год ознаменовался для Huawei выходом на международный рынок. Первыми на него вышли Гонконг и страны СНГ, начав с развивающихся стран, придерживаясь стратегии низких цен, и постепенно выводя продукцию на развитые рынки. Плоская организационная структура, эта структура имеет большое преимущество в области маркетинга, все ее маркетинговые стратегии могут быть переданы непосредственно от высшего руководства компании к персоналу отдела продаж в первое время, чтобы выполнить маркетинговые задачи.

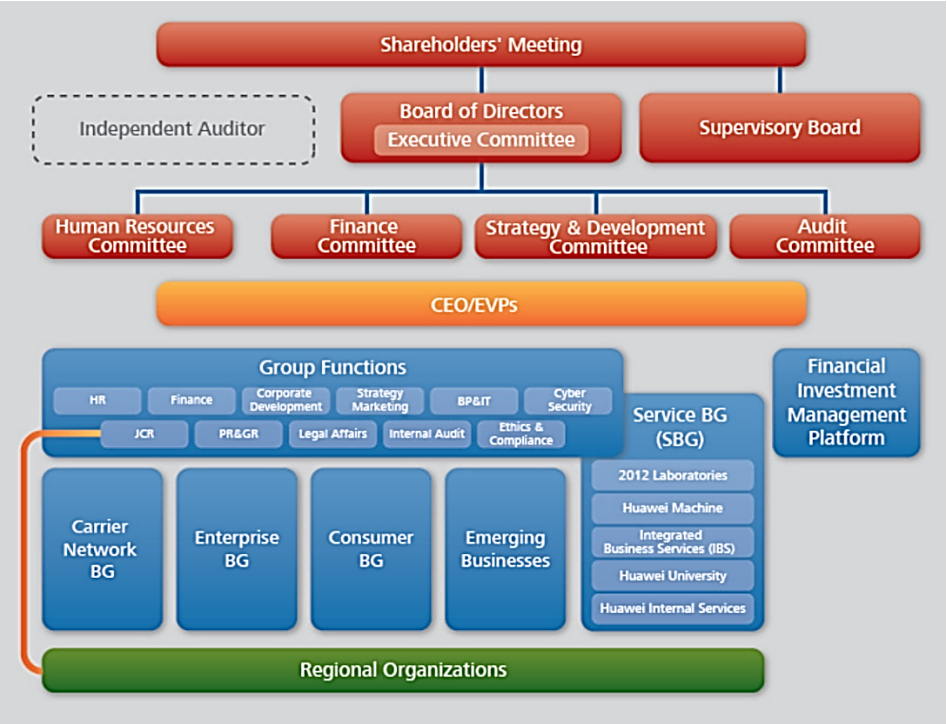

Рис. 1

С развитием масштабов Huawei начала внедряться организационная структура дивизионов матричного типа. Дивизионы берут свое начало от американской компании General Motors, которая разделяла бизнес-единицы по продуктам, регионам, клиентам (рынкам) и т.д. и создавала ряд дивизиональных организаций, которые самостоятельно управлялись и вели независимый учет, а каждый дивизион отвечал за результаты своей деятельности (масштаб, прибыль и т.д.). Джим Коллинз в своей знаменитой книге «В погоне за совершенством» утверждал, что превосходные организации не используют матричные организации, потому что это нарушает принцип единоначалия, простоты и ясности организации. Многие международные компании также отвергают матричную организацию, потому что она неуправляема. В мае 1997 года Рен Чжэнфэй сказал: «Горизонтальное управление в Huawei – это бизнес-процесс, и ключ заключается не в различии размера полномочий, а в том, как разумно контролировать работу процесса. На переднем крае процесса часто находятся низовые сотрудни-

ки, они очень чувствительны, поскольку процесс проходит через его отдел, он имеет полномочия для решения проблемы. Матричная сеть – это улавливание возможностей и изменений с самого низкого уровня, от сотрудников, которые ближе всего к клиентам и фронту развития, от низовых руководителей, которые наиболее чувствительны к возможностям и изменениям». В 2008 году Huawei приняла стратегию вертикальной интеграции, диверсификации и интернационализации, а также стратегию победы с «партнерами» в рыночной конкуренции. Выходя на зарубежные рынки, Huawei быстро изучала местные бизнес-системы. Чтобы адаптироваться к международному развитию, компания изменила свою организационную структуру и в то же время стала уделять больше внимания роли отдельных людей в организации, открыв для себя эту социальную переменную. В 2015 году Huawei создала трехпозиционную матричную организационную структуру платформенного типа, и общая организационная структура оставалась стабильной, практически не претерпевая серьезных изменений, до сегодняшнего дня Huawei сформировала полную организацию платформенного типа (см. рис. 1).

Между тем теория встроенности также может предоставить больше перспектив для изучения организационной структуры предприятий.

1. Реакция на внешнюю среду: глубокое понимание Huawei этих внешних факторов в условиях различных политических и экономических условий и культурных особенностей в разных странах и регионах привело к быстрой корректировке организационной структуры и стратегии управления. Например, чтобы адаптироваться к европейскому рынку и местной культуре, а также сотрудничать с местными предприятиями и правительствами для совместных инноваций, Huawei провела седьмой «Европейский день инноваций» 4 ноября 2019 года в Париже, Китай. В целях укрепления сотрудничества Huawei с Европой в области базовых технологий и фундаментальных теоретических исследований Huawei работает с европейскими операторами над развертыванием сверхскоростных сетей 5G с низкой задержкой, соединяя континент с помощью 5G и других передовых технологий и обеспечивая цифровую трансформацию европейских отраслей. Повышение уровня информатизации в таких отраслях, как здравоохранение и образование 16 мая 2019 года Министерство торговли США внесло Huawei и 70 ее дочерних компаний в список регулируемых «субъектов» по соображениям национальной безопасности, запретив американским компаниям продавать Huawei соответствующие технологии и продукты (в основном чипы). После введения санкций Huawei начала увеличивать инвестиции в исследования и разработку чипов, а также в компании, производящие альтернативные продукты, чтобы быстро реагировать на внешние неблагоприятные факторы.

2. Адаптивные изменения во внутреннем управлении: с быстрым ростом компании внутренняя организационная структура Huawei перешла от линейного управления к большой многомерной платформе. Эти быстрые внутренние изменения позволили повысить эффективность управления, продаж и НИОКР и адаптироваться к росту компании.

3. Укорененность и наследование культурных факторов: влияние культурных традиций и ценностей на экономическую деятельность отражается в корпоративных стилях принятия решений и управления. Культура «волков» в Huawei и ее акцент на лояльности и преданности делу являются неотъемлемой частью организационной структуры и практики управления, которые сформировали уникальное организационное поведение и предпринимательский дух Huawei. В то же время Рен Чжэнфэй, выходец из военной среды, привнес военную модель управления в руководство Huawei, благодаря чему повысилась эффективность работы, приказы передаются более напрямую, а сотрудники могут быстро адаптироваться к изменениям в политике. Корпоративная культура Huawei с ее акцентом на преданность делу, инновации и ориентацию на клиента, а теперь еще и на привлечение китайских национальных предприятий, постоянно укрепляется внутри компании и является мощным инструментом для внешнего продвижения.

Заключение

Изучая организационную структуру компании через призму экономической социологии и ссылаясь на теорию встроенности Поланьи, мы видим, что организационные изменения Huawei – это не только адаптация к внутренним потребностям менеджмента, но и позитивная реакция на изменения во внешней социально-экономической среде. Экономическая деятельность является частью социальных отношений, а экономика и общество не могут рассматриваться отдельно друг от друга, и это применение теории к практике демонстрирует важность социоэкономики в исследованиях предприятий. Углубленное изучение социально-экономической теории поможет нам лучше понять динамичное управление и стратегическую адаптацию предприятий в условиях глобализации.

Литература

1. Granovetter M. Economic institutions as social constructions: a framework for analysis[J]. Acta sociologica, 1992, 35(1): 3–11.
2. Coase R H. The firm, the market, and the law[M]. University of Chicago press, 2012.
3. Schlag P. The problem of transaction costs[J]. S. Cal. L. Rev., 1988, 62: 1661.
4. Teece D J. Internal organization and economic performance: An empirical analysis of the profitability of principal firms[J]. The Journal of Industrial Economics, 1981, 30(2): 173–199.
5. Beckert J. The great transformation of embeddedness: Karl Polanyi and the new economic sociology[J]. Beckert Jens, 2009: 38–55.
6. WU Min, HUANG Xu, XU Jiuping, et al. Сравнительное исследование трансакционного, трансформационного и патерналистского лидерского поведения[J]. 2007.
7. Амитаи Э. Социоэкономика: дальнейшие шаги[J]. Экономическая социология, 2002, 3(1): 65–71.
8. Хоу Минглу. О «волчьей культуре» компании Huawei[J]. Журнал Ляонинского колледжа образования и управления, 2008, 25(1): 31–32.
9. Lutz M A. Emphasizing the social: Social economics and socio-economics[J]. Review of Social Economy, 1990, 48(3): 303–320.
10. Bieberstein N, Bose S, Walker L, et al. Impact of service-oriented architecture on enterprise systems, organizational structures, and individuals[J]. IBM systems journal, 2005, 44(4): 691–708.
11. Silk J, Cheney D, Seyfarth R. A practical guide to the study of social relationships[J]. Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews, 2013, 22(5): 213–225.
12. Лу Яо, Ху Цзяньянь. Исследование влияния отношений «родного города» между генеральными директорами и директорами на корпоративные наруше-

ния[J]. Nankai Management Review, 2016, 19(2): 52–62.
13. Дорошенко С В, Шеломенцев А Г. Предпринимательская экосистема в современных социоэкономических исследованиях[J]. Журнал экономической теории, 2017 (4): 212–221.

ANALYSIS OF THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF CHINESE ENTERPRISES FROM A SOCIO-ECONOMIC PERSPECTIVE

Li Yan
St. Petersburg State University

The purpose of this study explores the impact of socioeconomics on corporate organizational structure. Taking China Huawei as a specific case, the organizational structure of enterprises under the perspective of socioeconomics is analyzed from socio-cultural, interpersonal relationship, policy and so on through Karl Polanyi's embeddedness theory, and it is concluded that economic activities are part of social relationship, and that the economy and the society can not be regarded as isolated, and an in-depth study of the theory of socioeconomics will help us to have a deeper understanding of the dynamics of the enterprises in the context of globalization management and strategic adjustment.

Keywords: Socioeconomic theory, firms, organizational structure, embeddedness theory, Huawei, sociology, human relations.

References

1. Granovetter M. Economic institutions as social constructions: a framework for analysis[J]. Acta sociologica, 1992, 35(1): 3–11.
2. Coase R H. The firm, the market, and the law[M]. University of Chicago press, 2012.
3. Schlag P. The problem of transaction costs[J]. S. Cal. L. Rev., 1988, 62: 1661.
4. Teece D J. Internal organization and economic performance: An empirical analysis of the profitability of principal firms[J]. The Journal of Industrial Economics, 1981, 30(2): 173–199.
5. Beckert J. The great transformation of embeddedness: Karl Polanyi and the new economic sociology[J]. Beckert Jens, 2009: 38–55.
6. WU Min, HUANG Xu, XU Jiuping, et al. A comparative study of transactional, transformational and paternalistic leadership behavior[J]. 2007.
7. Amitai E. Socioeconomics: further steps[J]. Economic Sociology, 2002, 3(1): 65–71.
8. Hou Minglu. About Huawei's "wolf culture" [J]. Journal of Liaoning College of Education and Management, 2008, 25(1): 31–32.
9. Lutz M A. Emphasizing the social: Social economics and socioeconomics[J]. Review of Social Economy, 1990, 48(3): 303–320.
10. Bieberstein N, Bose S, Walker L, et al. Impact of service-oriented architecture on enterprise systems, organizational structures, and individuals[J]. IBM systems journal, 2005, 44(4): 691–708.
11. Silk J, Cheney D, Seyfarth R. A practical guide to the study of social relationships[J]. Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews, 2013, 22(5): 213–225.
12. Lu Yao, Hu Jianyan. A Study of the Impact of "Hometown" Relationships between CEOs and Directors on Corporate Wrongdoing[J]. Nankai Management Review, 2016, 19(2): 52–62.
13. Doroshenko S V, Shelomentsev A G. Entrepreneurial ecosystem in modern socio-economic research [J]. Journal of Economic Theory, 2017 (4): 212–221.

Влияние детско-родительских отношений на профессиональное самоопределение старшеклассников при выборе обучения естественно-научным специальностям

Львова Елена Николаевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности Ульяновского государственного университета
E-mail: el1503@mail.ru

Львова Полина Павловна,
студент, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»,
E-mail: el1503@mail.ru

В статье рассмотрена проблема влияния фактора семьи на процесс профессионального самоопределения личности юношеского возраста, поскольку именно семья и детско-родительские отношения остаются для ребенка зачастую определяющим источником информации, связанным с выбором профессионального жизненного пути и предпочтений. Результаты исследования, полученные на основе анкетного опроса молодежи, позволили выявить некоторые особенности влияния семьи на профессиональное самоопределение в детском и подростковом возрасте в аспекте выбора естественно-научных специальностей и направлений. Анализ результатов дает основание для ряда выводов, согласно которым семья, в первую очередь, должна способствовать осознанию молодым человеком себя как неповторимой личности, с собственным миром мыслей, чувств и переживаний, с собственными взглядами и оценками. Руководствуясь только таким подходом, семья в процессе влияния на профессиональное самоопределение может содействовать в дальнейшем правильному выбору молодым человеком своего профессионального пути.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, детско-родительские отношения, выбор профессии, семья, профессия.

Введение

Вопросы выбора будущей профессиональной деятельности, признания социального авторитета профессии и возможности карьерного роста для личности в юношеском возрасте в последние десятилетия становятся наиболее актуальными, особенно в аспекте возрастающей сложности социально-профессиональной структуры. В результате профессионального самоопределения детей и подростков предполагается формирование новой позиции взрослости, предусматривающей развитую самостоятельность, осознание своей роли и места в обществе. С такой ситуацией сталкивается практически каждый подросток, однако ряд факторов, таких как отсутствие самостоятельности, излишняя привязанность, зависимость от мнения семьи, может препятствовать развитию значимой профессионально-личностной перспективы. Безусловно, семья в контексте детско-родительских отношений во многом предопределяет жизненный путь и профессиональные предпочтения ребенка, выступая в качестве своеобразного ориентира и важного источника информации.

Материалы и методы

С целью выявления особенностей влияния семьи и детско-родительских отношений на процесс профессионального самоопределения личности юношеского возраста был проведен анкетный опрос. В фокусе нашего исследовательского интереса: удовлетворенность выбором вуза и профессии, ценности, которые мотивируют на выбор места будущей работы и профессиональные планы. В качестве респондентов выступили студенты 1 курса естественно-научных специальностей университета в количестве 102 человека, из них 29,4%- юноши, 70,6% – девушки. Опрос проводился в 2023 году.

Литературный обзор

Проблема профессионального самоопределения рассмотрена в работах Волобуева Е.В., Жолудевой С.В., Жулиной Г.Н., Рябухиной Е.Н. и других. Вопросы влияния семьи на профессиональное самоопределение изучены в трудах Александровой Н.А., Галимовой Р.Ф., Лапшина В.Е., Савенковой А.С., Скрынниковой Н.В., Оганесовой Н.Л., Шаманина Н.В., Широковой Е.Ю.

Анализ современных исследований по проблеме самоопределения личности показывает, что это многогранный, сложный и активный процесс, который протекает в течение всей жизни. При этом профессиональное самоопределение связано с выбором профессионального направления. Так, Широкова Е.Ю. отмечает, что применительно к подростковому возрасту профессиональное самоопределения является начальным этапом профессионального и одним из наиболее значимых аспектов общего личностного развития подростка. Важнейшим фактором, влияющим на структуру профессионального самоопределения, интересы и профессиональные наклонности подростков, является характер внутри-

семейных отношений. Семейные отношения как система чувств, представлений, особенностей восприятия родителей и детей по отношению друг к другу играют немаловажную роль и, выступая в качестве института социализации, оказывают непосредственное влияние на выбор детьми и подростками своего профессионального пути [3,7].

Александрова Н.А. считает, что в период взросления ребенка родители и семья как источники знаний и эмоциональной поддержки предлагают ему модель взаимоотношений с другими людьми и подсказывают варианты выхода и решения сложных жизненных ситуаций. Результаты исследований говорят о зависимости показателей интеллектуальности детей от характеристик семейной среды (уровня образования, статуса, профессиональной компетентности родителей и т.д.)/ Чем более активно родители транслируют свой личностный, профессиональный опыт и убежденность в профессиональных предпочтениях, чем ярче выражены понимание родителями собственных жизненных целей и удовлетворенность результатами деятельности, тем более гармонично развивается интеллектуальная сфера детей. При этом профессиональное самоопределение происходит более уверено [1].

По мнению Волобуевой Е.В., на профессиональный выбор ребенка оказывают влияние такие индивидуальные особенности родителей, как самоактуализация и предпочитаемый стиль детско-родительских отношений [2].

Сложность ситуации профессионального самоопределения для подростков связана с ее неопределенностью и слабым знакомством с современными профессиональными направлениями. Дубровин Д.Н. также отмечает наличие низкого уровня психологических знаний у школьников, который не позволяют уверенно и самостоятельно ориентироваться во внутреннем мире личностных свойств и качеств. А без этого выбор будущей профессии как сознательный процесс может быть весьма затруднительным [4].

Шаманин Н.В., Лапшин В.Е. в своем исследовании подчеркивают, что выбор профессии, представляющий конечный этап профессионального самоопределения, является очень ценным, ведь от этого в дальнейшем зависит успешность личности. Рассматривая вопрос профессионального самоопределения в династийных семьях, авторы отмечают этот процесс как особо ценный, так как от поколения к поколению происходит передача профессиональных навыков, опыта, традиций [6].

К значимым традициям при этом в зависимости от экономических, технологических и политических факторов, по мнению Скрынниковой Н.В., относятся потребность в поддержке членов семьи, воспитательные функции, передача последующим поколениям социальных навыков [5].

Результаты

Краткая характеристика положения семей респондентов показала, что 88,2% воспитывались в полной семье. У 14,7% опрошенных родители имеют отношения к профессиям естественно-научного направления, в частности, к медицинским специальностям, а 94,1% родителей высоко оценивают собственную избранную профессию. Кроме того, молодым людям (79,4%) нравится профессия своих родителей, а 91,2% – посещали в детстве их рабочее место. Однако, по мнению опрошенной молодежи, только 23,5% родителей хотели бы, чтобы дети продолжили их дело. Респонденты также указали на наличие братьев и сестер (76,5%), некоторые из которых работают (38,2%), в том числе по естественно-научному направлению (19,04%).

Данная характеристика позволяет сделать некоторые выводы: в частности, говорить о возможном влиянии обоих родителей на профессиональное самоопределение ребенка. При этом значительный процент родителей у опрошенной молодежи не имеет отношения к естественно-научной сфере, в том числе медицинской. Высоко оценивая собственную избранную профессию, родители не хотят, чтобы дети продолжили их дело.

Далее были определены некоторые особенности влияния детско-родительских отношений на выбор профессии. Надо отметить, что детско-родительские отношения, предполагающие совместную деятельность, взаимодействие и общение в диаде «родитель-ребенок», по результатам опроса включали обмен мнениями и обсуждение с членами семьи проблемы выбора профессии и вуза. В итоге, 50% опрошенных определились с выбором профессии и вуза уже в 9 классе, а некоторые (8,8%) – даже в 1 классе. При этом 88,2% родителей принимали очень активное участие в данном самоопределении, развивая способности своих детей в этом направлении (выбор специальной школы или класса, занятия в кружках, секциях, с репетиторами), а 64,7% родителей были уверены в наличии у ребенка способностей к изучению биологии. Регулярно обсуждали с ребенком будущий профессиональный выбор 97,1% родителей.

75% респондентов с уверенностью ответили, что родители оказали самое прямое влияние на их профессиональное самоопределение, а 82,4% респондентов отметили, что были едины во мнении со своими родителями в выборе профессии и вуза. К окончанию 1 курса семьи у 98% опрошенных остались весьма довольны выбором своих детей. Также было установлено, что на момент опроса 38,9% родителей контролирует учебную и трудовую деятельность своих детей, а 23,5% – особо требовательны к выполнению учебных обязанностей.

Интересно, что на вопрос «*Хотели ли бы вы, чтобы ваши родители выбрали за вас профессию?*» 100% опрошенных ответили отрицательно, и только 2% опрошенной молодежи в ответе уже на другой вопрос считает, что мнение родителей можно учитывать при выборе профессии, однако в целом самими значимыми являются «*интерес к профессии*» (97,1%), «*материальное благополучие*» (73,5%) и «*возможность профессионального роста*» (64,7%). В то же время у большинства опрошенных молодых людей в момент профессионального самоопределения наиболее важными стали не «*зарплата*» (26,5%) и не «*возможность сделать карьеру*» (11,8%). «*Социальная престижность профессии (врача)*» (73,5%) была названа в качестве особо привлекательной в избранной сфере деятельности.

На вопрос о том, изменили ли бы респонденты мнение, если бы оно не совпадало с мнением семьи, 50% ответили, что стали бы настаивать на своем мнении, остальные опрошенные были готовы поменять свое решение.

Выводы

Анализ полученных результатов показал, что, безусловно, большинство родителей оказывает непосредственное влияние на профессиональное самоопределение своих детей в детском и подростковом возрасте. Многие из них в силу зрелости и опыта, а, возможно, и руководствуясь собственной нереализованной мечтой, осознают значимость и полезность профессии, которую они хотели бы выбрать для своих детей, и, возможно, сами когда-то в силу различных обстоятельств не смогли освоить. С од-

ной стороны, это положительный факт, так как родители, как правило, имеют возможность постоянно наблюдать за своими детьми и, заметив определенные способности и наклонности, сразу начать их развивать. Вместе с тем, по результатам опроса, многие родители, уверенные в правильности собственного мнения, могут просто не замечать мнение своего взрослеющего ребенка, а это мнение может отличаться. Опрос показал, что более 80% опрошенных были согласны с мнением родителей по вопросу выбранной профессии, возможно, это касается именно рассмотренного нами естественно-научного направления, в частности, медицинского, популярность которого в данный момент очень высока среди абитуриентов и их родителей. Хотя в ответах молодых людей можно выявить и противоречия: согласны с мнением своей семьи в выборе профессии и вуза, в то же время не хотят, чтобы за них выбирали; считают, что в современном мире важны карьера и деньги, в то же время выбирают социальную престижность профессии как наиболее значимый и определяющий для себя фактор. Безусловно, исследование может быть продолжено, а перспективной может стать сравнительный аспект в профессиональном самоопределении подростков при выборе математического, гуманитарного или естественно-научного профиля и роль семьи в этом процессе.

Заключение

Для каждого из нас на определенном жизненном этапе важным является выбрать тот профессиональный путь, который позволит решить целый ряд задач: развиваться, строить карьеру, действовать независимо, формировать и развивать связи с обществом и окружающей средой, стремится к профессиональному самосовершенствованию, формируя отношение к себе как к значимому субъекту деятельности. Разные факторы и обстоятельства, в особенности семья, могут способствовать этому выбору, прежде всего пониманию того что, чтобы быть успешным в своем деле, нужно уважать профессию, четко осознавать профессиональные цели и свою роль в этой профессии, а также преодолению сложного противоречия между потребностью в определении своего профессионального предназначения и неуверенностью в способности сделать правильный выбор. Важно, чтобы в этом аспекте семья как фактор влияния на профессиональное самоопределение не навязывала выбор молодому человеку, а, в первую очередь, позволила осознать себя как неповторимую личность, с собственным миром мыслей, чувств и переживаний, с собственными взглядами и оценками, и, руководствуясь только таким подходом, способствовала выбору будущего профессионального направления.

Литература

1. Александрова, Н.А. Профессиональное самоопределение подростков и юношества с позиции родительской семьи / Н.А. Александрова// Вестник СПбГУ. Сер.12.2011.Вып.4.
2. Волобуева, Е.В. Влияние родителей на профессиональный выбор старшеклассников: автореф. дисс… канд. псих. наук/ Е.В. Волобуева/. – Ставрополь, 2007.
3. Галимова, Р.Ф. Роль семьи в профессиональном самоопределении в юношеском возрасте / Р.Ф. Галимова //Человеческий фактор: Социальный психолог. 2019. № 1 (37). С. 135–141.
4. Дубровин, Д.Н. Профессиональное самоопределение в подростковом и раннем юношеском возрасте как психологический феномен и психолого-педагогическая проблема/Д.Н.Дубровин // Журнал прикладной психологии. 2004. № 4. С. 17–24.
5. Скрынникова, Н.В. Влияние семьи на профессиональное самоопределение подростков/Скрынникова Н.В., Оганесова Н.Л.// Педагогика: история, перспективы. 2021. Т. 4. № 4. С. 27–34.
6. Шаманин, Н.В. Особенности профессионального самоопределения в различных типах семей (на материале династий) / Н.В. Шаманин, В.Е. Лапшин// Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 2. С. 52–56.
7. Широкова, Е.Ю. Влияние семьи на профессиональное самоопределение подростков / Е.Ю. Широкова. // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 448–449. URL: https://moluch.ru/archive/340/76406/ (дата обращения: 24.04.2024).

THE INFLUENCE OF PARENT-CHILD RELATIONSHIPS ON THE PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF HIGH SCHOOL STUDENTS WHEN CHOOSING TO STUDY NATURAL SCIENCES

Lvova E.N., Lvova P.P.
Ulyanovsk State University

The article examines the problem of the influence of the family factor on the process of professional self-determination of the personality of adolescence, since it is the family and child-parent relationships that often remain for the child the determining source of information related to the choice of professional life path and preferences. The results of the study, obtained on the basis of a questionnaire survey of young people, made it possible to identify some features of the influence of the family on professional self-determination in childhood and adolescence in terms of the choice of natural science specialties and areas. Analysis of the results provides the basis for a number of conclusions, according to which the family, first of all, should promote a young person's awareness of himself as a unique individual, with his own world of thoughts, feelings and experiences, with his own views and assessments. Guided only by this approach, the family, in the process of influencing professional self-determination, can further contribute to the young person's correct choice of his professional path.

Keywords: professional self-determination, child-parent relationships, choice of profession.

References

1. Alexandrova, N.A. Professional self-determination of adolescents and youth from the position of the parental family / N.A. Alexandrova // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser.12.2011.Issue.4
2. Volobueva, E.V. The influence of parents on the professional choice of high school students: abstract. diss… cand. psycho. Sciences/E.V.Volobueva/. – Stavropol, 2007.
3. Galimova, R.F. The role of the family in professional self-determination in adolescence [Text] / R.F. Galimova // Human factor: Social psychologist. 2019. No. 1 (37). pp. 135–141.
4. Dubrovin D.N. Professional self-determination in adolescence and early adolescence as a psychological phenomenon and psychological and pedagogical problem / D.N. Dubrovin // Journal of Applied Psychology. 2004. No. 4. P. 17–24
5. Skrynnikova, N.V. The influence of family on the professional self-determination of adolescents / Skrynnikova N.V., Oganesova N.L. Pedagogy: history, prospects. 2021. T. 4. No. 4. P. 27–34.
6. Shamanin, N.V. Features of professional self-determination in various types of families (based on dynasties) [Text] / N.V. Shamanin, V.E. Lapshin // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2019. T. 25. No. 2. pp. 52–56.
7. Shirokova, E. Yu. The influence of the family on the professional self-determination of adolescents / E. Yu. Shirokova. – Text: immediate // Young scientist. 2020. No. 50 (340). pp. 448–449. URL: https://moluch.ru/archive/340/76406/ (access date: 04/24/2024).

Косметологический (бьюти) туризм как популярное туристское направление

Масленникова Елена Геннадьевна,
к.с.н., доцент Высшей школы туризма и гостеприимства,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»
E-mail: maslennikovaeg@yandex.ru

Лялина Дарья Алексеевна,
фельдшер выездной бригады скорой медицинской помощи,
Станция скорой и неотложной медицинской помощи
им. А.С. Пучкова
E-mail: ldasha2000@yandex.ru

В статье рассматривается современное состояние косметологического (бьюти) туризма. Изучены и приведены основные мировые курортные направления как направления косметологического туризма, а также новые косметические линейки. Авторами так же проанализирован рынок агрегаторов медицинского, косметологического туризм. Подводя итог, авторы пишут, что одним из активно развивающихся направлений в туризме, с широкой географической распространенностью является косметологический (бьюти) туризм и в настоящее время уже сформировался глобальный рынок косметологических услуг со своей инфраструктурой. Многие пациенты предпочитают делать косметологические услуги совмещая омолаживающие и оздоравливающие процедуры с отдыхом.

Ключевые слова: туризм, косметологический туризм, бьюти туризм, медицинское обслуживание, косметические процедуры.

Косметологический (бьюти) туризм – это путешествие в другую страну с целью оздоровления и омоложения, а также эстетической или пластической коррекции внешности. Также косметологический турим является новым сектором оздоровительного туризма.

В настоящее время медицинские услуги и здоровый образ жизни приобрели новое измерение. Косметологический туризм, представляющий новый сектор оздоровительного туризма, стал популярным.

В России одной из организаций, которая контролирует деятельность в рамках медицинского и его подвида косметологического туризма, является Ассоциация медицинского туризма и экспорта медицинских услуг [1].

Ассоциация медицинского туризма и экспорта медицинских услуг это – крупнейшее объединение экспертов по медицинскому туризму России. Свыше 50 специалистов со всех регионов страны принимают активное участие в формировании методологии, стратегии развития и крупнейших отраслевых мероприятий через участие в профильных комиссиях.

На постоянной основе при Ассоциации действуют пять комиссий.

1. Комиссия по информационно-методической поддержке.
2. Комиссия по цифровым технологиям.
3. Комиссия по науке и образованию.
4. Комиссия по международным сервисным стандартам.
5. Комиссия по международному маркетингу [7, с. 755].

На базе Ассоциации реализуются крупнейшие федеральные и международные проекты как самостоятельно экспертами Ассоциации, так и совместно с ведущими участниками рынка. Среди значимых проектов можно выделить несколько: Законодательные инициативы; Ведение реестр документов; Программы страхования; Международная сертификация; Учебные циклы ДПО; Отраслевой конкурс; Научный марафон; Акселератор СПБ; Дайджест рынка; Аудит субъектов РФ; Международный экспертный клуб; Программы стажировок; Аудит медицинских организаций; Офисы российской медицины; Высшая Школой Экономики; Российский Союз Туриндустрии; НИИОЗММ; Модель компетенции; Учебные пособия; Миграционный учет; Международный маркетинг; Рейтингование регионов; Международные воркшопы; Байерский клуб; Конкурс айти стартапов; Диссертационные советы; Китайский рынок [3, с. 538].

Современная косметология объединяет в себе дерматологию, реабилитационную медицину, физиотерапию, а также ортопедию, а также является частью эстетической медицины. Смежной специальностью является пластическая хирургия, косметологию в этом случае можно представить, как устранение недостатков внешности при помощи консервативных методик лечения за границей, в то время как пластическая хирургия действует в том же направлении, но оперативными методами. Говоря о косметологии, чаще имеют в виду косметологию лица, однако на самом деле сферой приложения косметологии является все тело в целом.

Туристы, отправляющиеся за красотой, – это, как правило, люди, привыкшие к высококлассному сервису. Как за рубежом, так и внутри страны они выбирают только те отели, где сектор SPA находится на современном

уровне. Потребители обращают внимание на профессионализм специалистов-косметологов, передовые технологии, качественные косметические линии и результативность процедур. Для того чтобы удовлетворить запросы таких клиентов, курорт должен иметь полноценный оздоровительный комплекс, включающий в себя комфортабельные кабинеты, диетическое питание, бассейны, сауны и тренажерные залы [2, с. 119].

В настоящее время медицинская косметология чрезвычайно востребованное направление, что связано с увеличением продолжительности жизни и общим повышением благосостояния людей, а также культом молодости, красоты и здоровья в современном обществе.

Самыми востребованными процедурами в рамках косметологического (бьюти) туризма являются: инъекционные процедуры, трансконъюнктивальная блефаропластика, эндоскопический лифтинг лба и бровей, липофилиг и липоскульптура, маммопластика.

Найти и организовать качественное медицинское обслуживание в мире, а также сэкономить бюджет помогают интернет-сервисы по поиску и организации лечения. Современные интернет-сервисы – наиболее популярная альтернатива традиционному способу организации таких поездок. В ходе исследования мы выяснили, какие мировые сайты являются лучшими для поиска и организации лечения за рубежом [5, с. 143].

1. MEDICO. Одна из лучших международных платформ по поиску и организации лечения, у которой есть русскоязычная версия сайта. Запустился сервис в 2014 году, посещаемость ресурса сегодня – более 135 000 посетителей в месяц. С помощью сервиса можно сравнить клиники в разных странах, стоимость лечения, пообщаться со службой поддержки – пациенту через сервис предоставляются сметы напрямую от клиник, а сам сервис в случае приезда пациента на лечение взимает фиксированный организационный сбор за организацию поездки. На сайте уже более 700 ведущих клиник в 23 странах мира, сервис помог найти медицинские услуги уже более 20 000 пациентам из 178 стран. Сейчас сайт представлен на 6 языках, в том числе – на русском. Русскоязычная служба поддержки, которая может помочь с выбором клиники и дополнительно обеспечить организацию трансфера, переводчика, визовых вопросов, работает 24/7 [4, с. 108].

2. WhatClinic.com. Сервис работает по принципу агрегатора: клиники и медицинские посредники платят взнос за то, чтобы их профиль присутствовал в поисковой выдаче платформы. На платформе можно почитать отзывы, сравнить приблизительные цены и услуги посредников или клиник. Запрос от пациента перенаправляется выбранной клинике или посреднику – сам сервис не предоставляет никаких дополнительных услуг и не является организатором лечения. Сайт с высокой посещаемостью – около 1,6 млн пользователей в месяц, более 19% из которых – жители Великобритании. Как заявлено на сайте, сейчас на сервисе более 120 000 клиник и посредников в 135 разных странах. Русскоязычной версии нет, если только английская версия [6, с. 267].

3. Medviser.ru. Российско-израильский телемедицинский сервис, где пациенты могут получить прямые видеоконсультации врачей из Израиля, Индии, Испании, Германии по разным медицинским направлениям. Сервис ориентирован на русскоязычный рынок, поэтому все врачи в основном – русскоязычные. Основан сервис летом 2014 года.

4. TreatmentAbroad. Сервис-агрегатор существует уже около 10 лет, и, несмотря на это, посещаемость ресурса небольшая – всего около 64 000 посетителей в месяц. Сервис предоставляет возможность найти клиники или медицинских посредников в разных странах мира, разнообразный контент на тему медицинского туризма, а также другие приятные опции, такие, как сравнение цен на определенные процедуры в разных странах мира. В целом, это сайт, который дает максимальное количество рекомендаций для тех, кто принял решение о поездке на лечение за рубеж. Основные посетители – англичане и американцы. Русскоязычной версии нет.

5. Medical Departures. Сингапурский онлайн-сервис по поиску и организации лечения в Азии. Сервис молодой, посещаемость пока около 30 000 посетителей в месяц, основные клиенты – американцы и жители Юго-Восточной Азии. Недавно компания получила инвестиции в размере $2,5 млн от сингапурского венчурного фонда DMP и в планах – продолжение активного развития проекта в странах ЮВА и Латинской Америке. Русскоязычной версии сайта пока нет, поэтому сервис подходит для тех, кто владеет английским, испанским или тайским языками, а также для тех, кто планирует подобрать клинику и пройти лечение именно в Азии.

Для российских туристов в последнее время популярным направлением в рамках косметологического (бьюти) туризма является Турецкая Республика. На территории Турции сразу несколько регионов известны как спа-центры, а столь высокая концентрация термальных источников объясняется былой вулканической активностью в регионе. Помимо термальных комплексов, в стране достаточно грязелечебниц, и нередко эти услуги доступны в пределах одного спа-центра. Приятный момент – цены на термальных источниках в Турции, которые существенно ниже, чем на сопоставимых по уровню и лечебной направленности курортах Западной Европы.

Россияне делают выбор в рамках бьюти-туризма в пользу Турции по следующим причинам.

1. Около 1200 пластических хирургов Турции имеют сертификат международных ассоциаций эстетической и пластической хирургии (ISAPS). Это – показатель качества, опыта и надежности врача.
2. В Турции много центров, сертифицированных JCI – наивысший стандарт качества в медицинской индустрии.
3. Турция – одна из 10 наиболее популярных стран среди медицинских туристов для проведения пластических операций.
4. Хорошее соотношение «цена-качество». Пластические процедуры в Турции стоят на 30–40% дешевле аналогичных в Западной/Центральной Европе.
5. В Турции доступны современные методы проведения косметических и пластических процедур – ультразвуковые, минимально инвазивные и прочие. Восстановительный период после них короче и легче переносится пациентами.
6. Сочетание лечения и отдыха. Турция – туристическая страна с развитой индустрией курортов. Пациенты могут насладится отдыхом на пляже, SPA-салонами, традиционными хамамами (банями), ресторанами, и шопингом.
7. Операции проводятся быстро, и пациентам нет необходимости ждать много месяцев в очереди [8, с. 74].

Таким образом, одним из активно развивающихся направлений в туризме, с широкой географической распространенностью, является косметологический (бьюти) туризм. В настоящее время уже сформировался глобальный рынок косметологических услуг со своей инфраструктурой. Многие пациенты предпочитают делать косметологические услуги совмещая омолаживающие и оздоравливающие процедуры с отдыхом.

Литература

1. Ассоциация медицинского туризма и экспорта медицинских услуг. – URL: https://medical-russia.ru/projects/
2. Бурняшева Л.А. Основы курортологии: учебное пособие. – Москва: КноРус, 2016. – 438 с.
3. Гетокова М.Р., Анищенко Е.А. Современное состояние косметологического туризма в мире и перспективы его развития в России // Экономика и социум. 2015. № 6 (19). С. 537–541.
4. Драчева Е.Л. Специальные виды туризма. Лечебный туризм. – Москва: КноРус, 2011. – 152 с
5. Каленова С.А. Мировой опыт развития медицинского туризм // Вестник университета Туран. 2018. № 4 (80). С. 142–146.
6. Нестеренко Е.С., Примышев И.Н. Особенности развития медицинского туризма в Российской Федерации // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 7 (17). Вып. 2. 2021. С. 266–275.
7. Овчинникова Н.В., Овчинников С.А., Лебедева О.Е., Масленникова Е.Г., Истомина М.М. Совершенствование системы управления туристским предприятием в условиях кризиса // Экономика и предпринимательство. 2021. № 1 (126). С. 754–757.
8. Савельева Н.А., Россинская М.В. Медицинский туризм: тенденции и перспективы развития в Краснодарском крае // Социальные, экономические, технологические и экологические аспекты устойчивого развития регионов России: Сборник научных статей. Сочи, 2018. С. 73–76.

COSMETOLOGY (BEAUTY) TOURISM AS A POPULAR TOURIST DESTINATION

Maslennikova E.G., Lyalina D.A.
Russian State University of Tourism and Service, Ambulance and emergency medical care station named after A.S. Puchkova

The article examines the current state of cosmetology (beauty) tourism. The main world resort destinations as directions of cosmetology tourism, as well as new cosmetic lines, have been studied and presented. The authors also analyzed the market of aggregators of medical and cosmetology tourism. Summing up, the authors write that one of the actively developing areas in tourism, with a wide geographical spread, is cosmetology (beauty) tourism and currently a global market for cosmetology services with its own infrastructure has already been formed. Many patients prefer to do cosmetology services combining rejuvenating and revitalizing procedures with rest.

Keywords: tourism, cosmetology tourism, beauty tourism, medical care, cosmetic procedures.

References

1. Association of Medical Tourism and Export of Medical Services. – URL: https://medical-russia.ru/projects/
2. Burnyasheva L.A. Fundamentals of balneology: textbook. – Moscow: KnoRus, 2016. – 438 p.
3. Getokova M.R., Anishchenko E.A. Current state of cosmetology tourism in the world and prospects for its development in Russia // Economy and Society. 2015. No. 6 (19). pp. 537–541.
4. Dracheva E.L. Special types of tourism. Medical tourism. – Moscow: KnoRus, 2011. – 152 p.
5. Kalenova S.A. World experience in the development of medical tourism // Bulletin of the University of Turan. 2018. No. 4 (80). pp. 142–146.
6. Nesterenko E.S., Primyshev I.N. Features of the development of medical tourism in the Russian Federation // Geopolitics and ecogeodynamics of regions. Volume 7 (17). Vol. 2. 2021 pp. 266–275.
7. Ovchinnikova N.V., Ovchinnikov S.A., Lebedeva O.E., Maslennikova E.G., Istomina M.M. Improving the management system of a tourism enterprise in a crisis // Economics and Entrepreneurship. 2021. No. 1 (126). pp. 754–757.
8. Savelyeva N.A., Rossinskaya M.V. Medical tourism: trends and development prospects in the Krasnodar region // Social, economic, technological and environmental aspects of sustainable development of Russian regions: Collection of scientific articles. Sochi, 2018. pp. 73–76.

Социально-философский анализ феномена самозанятости в контекстном поле постулатов символического интеракционизма Дж. Мида

Миронова Елена Николаевна,
ассистент, аспирант кафедры социологии управления ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы»
E-mail: lecinka@rambler.ru

Исследование посвящено изучению явления самозанятости в процессе социально-экономической трансформации общества. Ввиду нестабильной ситуации мирового социально-экономического пространства каждое государство стремится к созданию эффективных мер по поддержке малого и среднего предпринимательства, в том числе самозанятости. Современное социально-экономическое развитие общества, с учетом тенденций к глобализации и информатизации экономического пространства, невозможно без управляемого процесса институционализации самозанятости, требующего достижения некоторого консенсуса научного сообщества в изучении проблемного поля данного явления в области готовности населения к институционализации самозанятости. Практическая значимость использования самозанятости как эффективного инструмента по борьбе с безработицей стала более наглядной в период эпидемии COVID-19. С нашей точки зрения, одной из основных проблем готовности населения к институционализации самозанятости является, как отсутствие на протяжении длительного периода единого взгляда на данное явление в научном сообществе, и как следствие, в обществе в целом, так и значительные трансформации самозанятости под влиянием социально-экономического развития общества.
Особенность готовности к институционализации самозанятости как актуального вида предпринимательской активности показана в статье посредством контекстного поля основных постулатов символического интеракционизма Дж. Мида. Необходимость исследования самозанятости в контексте символического интеракционизма вызвана влиянием данного социологического направления на учет анализа влияния развития трудовых ориентиров человеческого поведения как реакции на социальные факторы. Уставлено направление формирования и развития значимого символа «самозанятость» в условиях трансформации социально-экономического пространства для успешного внедрения и реализации политики самозанятости в российском обществе. Исследованиями доказано, что степень сформированности значимого символа «самозанятость» оказывает непосредственное влияние на формирование и развитие социальной роли лиц, отнесенных к категории самозанятых. Обоснована необходимость перманентной работы по развитию самости для успешного формирования значимого символа «самозанятость». Выделена роль обобщенных и значимых других в процессе корректировки и мотивации развития института самозанятости.

Ключевые слова: самозанятость, символический интеракционизм, интеракция, значимый символ, социальная роль, самость, обобщенный другой, значимый другой.

Введение

Одной из важнейших причин, способствующих нарастающему увеличению научного интереса к самозанятости, стало то, что по мере динамичного изменения рыночной экономики и значительной степени информатизации общества постоянно возникают проблемы на рынке труда, имеющие в том числе характерные черты проблематики символического интеракционизма – недостаточный уровень спроса на ручной труд и низкий уровень оплаты труда.

Недостаточный уровень спроса на ручной труд привел к повсеместному распространению изменению оценки ручного и умственного труда, что вызвало неоднородное изменение значимых символов трудовой ориентации.

Низкий уровень оплаты труда и постоянное распространение шаблонной роли «успешного человека» с определенным уровнем дохода привел население к непрерывному стремлению к определенному образу жизни, что вызывает изменение значимых символов субъективного благополучия.

Успешность внедрения самозанятости в социально-экономическое пространство любого государства зависит не только от качества разработанной системы мероприятий (правовых, социальных и экономических), но и от уровня готовности населения к внедрению данного явления.

Уровень готовности населения к внедрению самозанятости может быть обусловлен постулатами символического интеракционима (отношение человека к другому человеку основывается не на том, кем он является, а на представлении о нем, которое существует в сознании самого человека).

Особенность подготовки государства к внедрению института самозанятости состоит не только в учете психологических, социальных, культурных и других характеристик населения, но и в необходимости учитывать проведение предварительной работы по популяризации самого явления в контексте символического интеракционизма посредством формирования значимого символа и проработки социальной роли самозанятых.

Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время известно множество терминов описывающих статус лиц принадлежащих к категории самозанятых: фрилансеры, е-лансеры и др. Но на данный момент нет единого определения самозанятости, с которым согласны все исследователи, что приводит не только к проблемам исследования самой сути понятия самозанятости, но и к сложности внедрения самозанятости в социально-экономическую среду общества ввиду проблем формирования всеобщего значимого символа данного явления.

Особое место в развитии самозанятости должно уделяться работе с молодыми специалистами и студентами, в связи с неустойчивостью их положения на рынке труда. Для молодежи самозанятость может выступать одной из стратегий интеграции в социальное пространство рынка труда. Это обусловлено активным профессиональным поиском и самоопределением молодежи путем освоения профессиональных ролей и норм.

Постулаты символического интеракционизма Дж. Мида

Символический интеракционизм – направление в социологии, которое основывается на том, что общественное взаимодействие (интеракция) базируется на определенных социальных символах (языке, телодвижениях, жестах и т.д.). Данное направление в социологии возникло в Чикаго в начале XX века в трудах Ч. Кули, Дж. Мида, Г. Блумера и т.д., как реакция на недооценку социальных факторов в развитии психологических процессов и человеческого поведения в целом.

Особо выделяют роль Дж. Мида, как создателя парадигмы символического интеракционизма, на деятельность которого в значительно повлияли постулаты классического бихевиоризма. Дж. Мид ввел в поле исследований социологии взаимное влияние общественного взаимодействия на микроуровне с изменением структур и функций общества на макроуровне.

Эволюция постулатов символического интеракционизма оказала и продолжает оказывать значительное влияние на многие объекты исследования социальных наук (эмоции, девиантность, коллективное поведение, средства массовой информации и т.д.). Такое влияние привело к образованию международной профессиональной организации ученых – Общество по изучению символического взаимодействия (SSSI) [13]. SSSI проводит работу по изучению обширного круга социальных проблем, связанных с идентичностью, языком и повседневным взаимодействием. Результаты исследований данного Общества публикуются в журнале – Символическое взаимодействие (Symbolic Interaction).

Обозначенные постулаты символического интеракционизма, ввиду ускоренного процесса преобразования значений символов под влиянием социально-политических трансформаций общества, активно используются в современном обществе для исследования: особенностей, прогнозирования и регулирования спонтанного поведения не структурированных систем.

Для выработки готовности общества к эффективному использованию самозанятости как социально-экономического явления необходимо его обозначить в контексте парадигмы символического интеракционизма Дж. Мида, которая включает ряд следующих взаимосвязанных положений: значимый символ, принятие роли, как средства толкования значимых символов, самость, значимый другой и обобщенный другой.

Значимый символ

Социальное действие включает в себя символ и ответную осмысленную реакцию – появляется ***понятие значимого символа***, который должен вызвать определенную, предсказуемую реакцию у получателя символа как основы социальной коммуникации.

Формирование значимого символа самозанятости относится к 1990 году, с выделением Международной организацией труда данного явления в общей структуре занятости (наемный труд, самозанятость (предпринимательство), занятость домашних хозяйств). Предпосылкой к такому структурированию выступили исследования городских рынков труда Ганы, которые были проведены в 1970-х годах английским экономистом-социологом К. Хартом [12].

Самозанятость как социально-экономическое явление в мировом социально-экономическом пространстве стран развивалась в различных направлениях, ввиду разнообразных экономических, социальных, политических и других национальных особенностей стран.

Социально-экономическая система капитализма, господствующая на территории стран запада, позволила в короткие сроки сформировать значимый символ самозанятости (self-employment) как вида предпринимательской деятельности с возможностью привлечения ограниченного числа сотрудников и определенным уровнем дохода. Формированию значимого символа на территории обозначенной группы стран, по мнению К. Карагера, способствовало развитие самозанятости, являющейся «…предметно-объектной областью публичного управления, охватывающей как экономическую, так и социальную сферу» [11, с. 483].

Социалистическая модель хозяйствования СССР, с ее теоретически полной занятостью и порицанием элементов индивидуальной трудовой деятельности, в значительной мере сужала возможность формирования значимого символа самозанятости населения. В начале 1990-х годов, произошли значительные социально-экономические преобразования, связанные с образованием новых независимых государств в результате распада СССР. В этот период самозанятость во вновь образовавшихся странах предстала в виде нового вида трудовой активности – челночничества и мелкой торговли. Таким образом, на территории постсоветского пространства самозанятость предстала как социально-экономическая проблема в виду отсутствия научно-исследовательского и государственного опыта, что дало толчок к исследованию данного явления на обозначенных территориях и началу формирования значимого символа данного явления.

Однако, исследование самозанятости, на территории стран постсоветского пространства, не позволило быстро и эффективно сформировать значимый символ этого явления.

На территории Российской Федерации это обусловлено неоднозначной трактовкой и отсутствием единого понимания дефиниции в научном сообщества понятия «самозанятость». Указанная проблема, как справедливо отмечает П.А. Макеев, связана с тем, что «с теоретической точки зрения понятие самозанятости представляет собой некоего рода пластилин, из которого каждый конкретный исследователь “лепит” термин, подходящий под цель его работы» [7, с. 149].

Таким образом, значимый символ самозанятости у населения формируется не под влиянием пришедшего к консенсусу научного сообщества, а находится в прямой взаимосвязи с социально-экономической действительностью государства.

Принятие роли как средства толкования значимых символов

Ввиду того, что человеческое общение необходимо рассматривать как устойчивый процесс толкования значимых символов, значимым становится принятие каждым из общающихся роли другого – ***принятие роли как средство толкования значимых символов.***

Проблемы формирования общепринятого значимого символа самозанятости на территории Российской Федерации привели к осложнениям в принятии роли как средства толкования значимых символов. Однако, по мере трансформации значимого символа самозанятости, под влиянием социально-экономических процессов государства, меняется и принятие роли как средства толкования значимых символов.

Социально-экономические трансформации 1990-х годов привели к разрыву большинства социальных связей и смене социальных ориентиров. Закрытие или перепрофилирование большого числа производственных

предприятий привело к тому, что много граждан остались без работы и без средств к существованию. Социологические исследования того времени в своем большинстве были направлены на изучение вынужденной самозанятости, которая являлась средством выживания, а не осознанным выбором граждан. Так, Е.В. Королева отмечает, что отсутствие возможности осуществлять работу по найму и привело многих граждан в период становления рыночной экономики на постсоветском пространстве к самозанятости, которая может представлять собой «…механизм социального взаимодействия общества и человека, основанный на учете общих интересов и способствующий переходу разрозненных индивидов в новое качественной состояние, с присущими самозанятости характеристиками, принципиально новой ролью в социально-экономической системе и социальной структуре» [6, с. 277].

По мере становления рыночной экономики на территории стран постсоветского пространства в обществе формируются новые социальные ориентиры: стало меняться отношение к труду и постепенно население стало осознано выбирать самозанятость как способ организации личного труда, приносящий доход и меняющий социальный статус.

Позитивно на развитие самозанятости повлияла поддержка и развитие государством предпринимательства, что подтверждают исследования Н.М. Воловской, Л.К. Плюсниной и А.В. Русинов в которых самозанятость рассматривается как «… особый вид участия людей в общественно полезном труде, основанный на их личной инициативе, самостоятельности и ответственности, направленный, как правило, на получение трудового дохода и обеспечивающий самореализацию и самоутверждение индивида как личности и проявляющийся как отношения (экономические, социальные, правовые и др.) между людьми» [1, с. 237].

Поскольку любое государство постоянно находится в поиске дополнительного источника пополнения бюджета и возможностей снижения расходов социальной сферы, то, как справедливо указывают В.И. Кикоть и Н.М. Ветрова, самозанятость может выступать как «… источник дополнительного пополнения бюджета, способ повышения предпринимательских инициатив, а значит способ социально-экономического развития» [5, с. 54].

Обострившиеся бюджетные трудности в Российской Федерации обратили внимание правительства на проблему отсутствия поступления налоговых платежей от довольно большой части населения. Именно финансовая составляющая проблемы самозанятых и придала политический импульс и практическую значимость поиску путей решения проблемы.

С введением в действие Налогового кодекса Российской Федерации деятельность, которая относится к кустарно-ремесленным промыслам и к индивидуальной трудовой деятельности была отнесена к предпринимательству, с применением патентной системы налогообложения. Патентная система налогообложения распространяется на такие виды деятельности, как: ремонт и пошив одежды, изготовление и ремонт мебели, парикмахерские и косметические услуги, репетиторство и др.

Практика показала, что получение патента – это не всегда целесообразно для самозанятых граждан, так как уровень их доходов может не окупить затраты, возникающие при получении патента и его ежемесячную оплату. Соответственно, введение патентной системы налогообложения не решило в полной мере проблему самозанятых граждан и не дало нужного государству финансового эффекта.

Итогом работы по решению вопроса самозанятых граждан стал Федеральный Закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27 ноября 2018 года [14].

В 2019 году специальный налоговый режим был введен в городе Москве, в Московской и Калужской областях, с дальнейшим распространением действия на другие субъекты Российской Федерации и будет действовать до конца 2028 года.

С принятием указанного выше закона в Российской Федерации началась работа по популяризации самозанятости среди населения через средства массовой информации, путем повышения налоговой грамотности населения посредством ознакомления с положениями данного закона. Однако, без точного определения понятия самозанятости (которое отсутствует в указанном Законе) такая работа представляется недостаточно эффективной в виду расплывчатости критериев принадлежности той или иной деятельности к категории самозанятости.

Таким образом, принятие роли как средства толкования значимых символов находится в процессе постоянной трансформации и напрямую зависит от сформированного в обществе значимого символа.

Развитие самости

Процесс ***развития самости*** является возможностью людей представлять себя как объект своей собственной мысли (бессознательно представлять себя на месте других и действовать так же, как и окружающие) – посредством социальных контактов (в основном языковой коммуникации).

Информатизация общества привела к активному развитию самости самозанятых посредством сегментации самозанятости по сферам хозяйственной деятельности, квалификационным характеристикам и т.д. Важно отметить, что этот процесс не окончен и развивается параллельно с трансформацией экономической и социальной среды.

Многие исследователи эффективно проводят данную работу посредством выделения из общей массы отдельных сегментов самозанятости и всесторонней популяризации такого сегмента. Наиболее полное представление о сегментах самозанятости представлено в исследованиях А.В. Шевчука, который в среде самозанятых граждан выделяет следующие категории:

– гибридные самозанятые – работники, которые совместно с основной деятельностью по найму, получают дополнительный доход путем организации дополнительной трудовой деятельности;
– зависимые самозанятые – работники (не обязательно высокой квалификации), «…связанные долгосрочными отношениями с одним заказчиком» (репетиторы, няни, сиделки и т.д.) [9, с. 40];
– фрилансеры – «…независимые профессионалы высокой квалификации, которые не состоят в штате организаций и не включены в традиционные трудовые отношения, а самостоятельно реализуют свои услуги на рынке различным клиентам, не являясь субподрядчиком единственного заказчика» [8, с. 9];
– портфельные работники – профессионалы, совмещающие несколько видов деятельности, мест работы (с возможностью совмещения работы по найму и самозанятости), которые последовательно или параллельно реализуют несколько отдельных разного значения и масштаба проектов и т.д.

Таким образом, эффективная работа по развитию самости самозанятых зависит от успешного формирования значимых символов сегментов самозанятости.

Обобщенный другой и значимый другой

Сообщества (коллектив, семья и т.д.) под влиянием которых проходит развитие самости человека выступает ***обобщенным другим***, а лица из них, оценки которых являются более значимыми – ***значимым другим***.

Обобщенным другим для самозанятых лиц, могут выступать знакомые, соседи и т.д. Значимым другим для самозанятых лиц, ввиду отсутствия влияния коллектива, могут выступать члены семьи и близкие друзья.

Обобщенный другой занимает особую роль в сфере развития самозанятости. Исследования влияния обобщенного другого на развитие явления самозанятости проявляется в контексте отклика общества на экономические результаты самозанятых. При разработке мероприятий по борьбе с безработицей необходимо в обязательном порядке использовать мировой опыт, обращаясь к которому можно увидеть одну из главных тенденций по борьбе с безработицей, а именно формирование и развития самозанятости населения. По мнению С. Буциуки, «…на формирование и развитие самозанятости влияет в значительной степени направление государственной политики и цели публичного управления» [10, с. 201].

Социологические исследования возможностей развития самозанятости в городах, районных центрах, селах и поселках Новосибирской области, проведенные Н.М. Воловской, Л.К. Плюсниной, А.В. Русиной совместно с Министерством труда, занятости и трудовых ресурсов в 1995 г., 2002 г. и 2013 г. выявили, что значительная часть населений неодобрительно относится к наличию безработицы в государстве, при этом постепенно уменьшается доля сочувствующих безработным гражданам [2]. Таким образом, можно обозначить, что негативное отношение общества (семьи, родственников, соседей, знакомых, друзей и т.д.) к безработным гражданам мотивирует их к поиску работы, а самозанятость может выступать как «…одна из форм привлечения людей к труду во всем мире рассматривается в качестве особого феномена способного привести к социальной интеграции интересов общества и человека, прежде всего через обеспечение последнему реализации права на труд, повышения его социального статуса, изменения отношений к труду» [2, с. 294].

Основной проблемой большинства граждан, лишившихся работы является проблема материального самообеспечения. Финансовая проблема становится также актуальной и для значимых других безработного человека (снижение уровня жизни семьи, осуждение иждивенчества друзьями и т.д.). Соответственно, большинству безработных граждан приходится искать любые (постоянные, временные, одноразовые, сезонные и т.д.) источники дохода. Что подтверждают результаты исследования А.Ю. Каминовой и Д.Г. Захарьевой, указывающих, что самозанятость представляет собой «…способ получения необходимого для жизни дохода в качестве вознаграждения за свой труд в отличии от наемной работы непосредственно от заказчика» [4, с. 110].

Небольшой размер заработной платы или пенсионного обеспечения также приводит граждан к необходимости поиска дополнительного дохода. Для большинства граждан, нуждающихся в дополнительном доходе именно самозанятость может стать его источником, наряду с постоянной работой. Так, А.В. Илясов выделяет самозанятость как «…любой случай, когда человек самостоятельно обеспечивает себя работой, то есть работает за свой счет, сам организует свою работу, владеет средствами производства и отвечает за произведенную работу» [3, с. 34].

Таким образом, можно обозначить, что обобщенные другие и значимые другие являются мотивирующим и корректирующим фактором развития самозанятости.

Выводы

Информатизация общества привела к постепенному переходу от вынужденной к осознанной самозанятости. Следствием такого перехода стала необходимость создания более благоприятных условий для перехода в формальный сектор экономики самозанятых граждан, путем разработки комплекса мероприятий, направленных на самоидентификацию, а также совершенствование правовой и налоговой базы, повышения социального статуса и социальной ответственности самозанятого населения.

Самозанятость должна развиваться как механизм решения возникающих социально-экономических проблем путем точечного воздействия на определенные категории населения. Эффективная разработка мероприятий по регулированию занятости требует от органов власти постоянного изменения законодательной базы, направленного на регулирование взаимоотношений между государством и самозанятыми.

Операционализация сегментов самозанятости позволит эффективно использовать механизмы регулирования занятости таким органом исполнительной власти как центр занятости, который имеет возможность способствовать популяризации данного вида занятости в виду социальной работы с большой гетерогенной массой населения.

Таким образом, самозанятость как социально-экономическое явление на данный момент нуждается в разработке комплекса мероприятий по популяризации ее сегментов в контексте символического интеракционизма, посредством формирования значимых символов сегментов самозанятости.

Литература

1. Воловская Н. М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Самозанятость и потенциальные возможности незанятого населения: социально-демографические зарисовки // Вестник НГУЭУ. 2016. № 2. С. 235–242.
2. Воловская Н. М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Исследование динамики влияния социально-когнитивных регуляторов незанятого населения на выбор самозанятости // Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 293–303.
3. Илясов А.В. Индивидуальное предпринимательство как самозанятость населения // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2006. № 21. С. 34–36.
4. Каминова А. Ю., Захарьева Д.Г. Анализ введения в РФ налогового режима для самозанятых граждан // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 1. С. 110–114. DOI: 10.24411/2411-0450-2018-103 11.
5. Кикоть В. И., Ветрова Н.М. Особенности государственного регулирования самозанятости в России на современном этапе // Экономика строительства и природопользования. 2018. № 3(68). С. 53–60.
6. Королева Е.В. Самозанятость населения как фактор снижения уровня безработицы в стране // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. № 3. С. 277–282.
7. Макеев П.А. Самозанятость в России: теоретическое определение, практическое измерение и зако-

нодательное регулирование // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2018. № 11(533). С. 148–157. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2018–11–148–157.
8. Стребков Д. О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров). М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. 76 с. URL: https://www.hse.ru/data/509/989/1224/WP4_2009_03.pdf (дата обращения: 01.03.2024).
9. Шевчук А.В. Границы автономии: феномен «Зависимой» самозанятости // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 35–51.
10. Boutsiouki S. Policy transformations and institutional interventions regarding VET in an employment-oriented European Union // Review of European Studies. 2014. Vol. 6, No. 1. P. 201–217. DOI: 10.5539/res.v6n1p201.
11. Caraher K., Reuter E. Vulnerability of the 'Entrepreneurial Self': Analysing the Interplay between Labour Markets and Social Policy // Social Policy and Society. 2017. No. 16(3). P. 483–496. DOI: 10.1017/S1474746417000033.
12. Hart R. Informal income opportunities and urban employment in Ghana // The Journal of Modern African Studies.1973. Vol. 11. No. 1. P. 61–89. URL: https://www.sv.uio.no/sai/english/research/projects/anthropos-and-the-material/Intranet/economic-practices/reading-group/texts/hart-informal-income-opportunities-and-urban-employment-in-ghana.pdf (дата обращения: 13.04.2024).
13. Society for the Study of Symbolic Interaction. URL: https://symbolicinteraction.org (дата обращения: 13.04.2023).
14. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс]: Федеральный Закон Российской Федерации [принят Государственной Думой Российской Федерации 15.11.2018 г.]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%CD%E0%EB%EE%E3+%ED%E0+%EF%F0%EE%F4%E5%F1%F1%E8%EE%ED%E0%EB%FC%ED%FB%E9+%E4%EE%F5%EE%E4&sort= –1 (дата обращения: 13.04.2023).

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF SELF-EMPLOYMENT IN THE CONTEXTUAL FIELD OF THE POSTULATES OF SYMBOLIC INTERACTIONISM BY J. MEAD

Mironova E.N.
Donetsk Academy of Management and Public Administration

The study is devoted to the study of the phenomenon of self-employment in the process of socio-economic transformation of society. In view of the unstable situation in the global socio-economic space, each state seeks to create effective measures to support small and medium-sized businesses, including self-employment. The modern socio-economic development of society, taking into account the trends towards globalization and informatization of the economic space, is impossible without a controlled process of the institutionalization of self-employment, which requires reaching a certain consensus of the scientific community in studying the problem field of this phenomenon in the area of the population's readiness for the institutionalization of self-employment. The practical significance of using self-employment as an effective tool to combat unemployment has become more evident during the COVID-19 epidemic. From our point of view, one of the main problems of the population's readiness for the institutionalization of self-employment is both the lack of a unified view of this phenomenon in the scientific community over a long period, and, as a result, in society as a whole, and significant transformations of self-employment under the influence of socio-economic development of society.
The peculiarity of readiness for the institutionalization of self-employment as an actual type of entrepreneurial activity is shown in the article through the contextual field of the main postulates of J. Mead's symbolic interactionism. The need to study self-employment in the context of symbolic interactionism is caused by the influence of this sociological direction on taking into account the analysis of the influence of the development of labor orientations of human behavior as a reaction to social factors. The direction of the formation and development of a significant symbol of "self-employment" in the context of the transformation of the socio-economic space for the successful introduction and implementation of the self-employment policy in Russian society is set. Studies have shown that the degree of formation of a significant symbol of "self-employment" has a direct impact on the formation and development of the social role of persons classified as self-employed. The necessity of permanent work on the development of the self for the successful formation of a significant symbol of "self-employment" is substantiated. The role of generalized and significant others in the process of adjusting and motivating the development of the institution of self-employment is highlighted.

Keywords: self-employment, symbolic interactionism, interaction, significant symbol, social role, self, generalized other, significant other.

References

1. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V. Self-employment and potential opportunities of the unemployed population: socio-demographic sketches // Bulletin of NSUEM. 2016. No. 2. pp. 235–242.
2. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V. Study of the dynamics of the influence of social-cognitive regulators of the unemployed population on the choice of self-employment // Bulletin of NSUEM. 2015. No. 1. pp. 293–303.
3. Ilyasov A.V. Individual entrepreneurship as self-employment of the population // Bulletin of the Rostov State Economic University (RINH). 2006. No. 21. pp. 34–36.
4. Kaminova A. Yu., Zakharyeva D.G. Analysis of the introduction of a tax regime for self-employed citizens in the Russian Federation // Economics and business: theory and practice. 2019. No. 1. pp. 110–114. DOI: 10.24411/2411-0450-2018-10311.
5. Kikot V. I., Vetrova N.M. Features of state regulation of self-employment in Russia at the present stage // Economics of construction and environmental management. 2018. No. 3(68). pp. 53–60.
6. Koroleva E.V. Self-employment of the population as a factor in reducing unemployment in the country // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2008. No. 3. pp. 277–282.
7. Makeev P.A. Self-employment in Russia: theoretical definition, practical measurement and legislative regulation // All-Russian Economic Journal ECO. 2018. No. 11(533). P. 148–157. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-11-148-157.
8. Strebkov D. O., Shevchuk A.V. Freelancers in the information economy: how Russians are mastering new forms of labor organization and employment (based on the results of the First All-Russian Census of Freelancers). M.: Publishing house. House of the State University – Higher School of Economics, 2009. 76 p. URL: https://www.hse.ru/data/509/989/1224/WP4_2009_03.pdf (access date: 03/01/2024).
9. Shevchuk A.V. Boundaries of autonomy: the phenomenon of "Dependent" self-employment // Sociological Journal. 2010. No. 3. P. 35–51.
10. Boutsiouki S. Policy transformations and institutional interventions regarding VET in an employment-oriented European Union. *Review of European Studies*, 2014: 6: 1: 201–217. DOI: 10.5539/res.v6n1p201.
11. Caraher K., Reuter E. Vulnerability of the 'Entrepreneurial Self': Analysing the Interplay between Labour Markets and Social Policy, *Social Policy and Society,* 2017: 16(3): 483–496. DOI: 10.1017/S1474746417000033
12. Hart R. Informal income opportunities and urban employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*, 1973: 11: 1: 61–89. Accessed 13.04.2024. URL: https://www.sv.uio.no/sai/english/research/projects/anthropos-and-the-material/Intranet/

economic-practices/reading-group/texts/hart-informal-income-opportunities-and-urban-employment-in-ghana.pdf.
13. Society for the Study of Symbolic Interaction. URL: https://symbolicinteraction.org (дата обращения: 13.04.2023).
14. On conducting an experiment to establish a special tax regime “Tax on professional income” [Electronic resource]: Federal Law of the Russian Federation [adopted by the State Duma of the Russian Federation on 11/15/2018]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%CD%E0%EB%EE%E3+%ED%E0+%EF%F0%EE%F4%E5%F1%F1%E8%EE%ED%E0%EB%FC%ED%FB%E9+%E4%EE%F5%EE%E4&sort= –1 (date of application: 04/13/2023).

Технологии искусственного интеллекта в сфере управления городом

Поликарпов Игорь Олегович,
аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: 780766@bsu.edu.ru

По мере роста населения планеты и роста урбанизации, города часто испытывают трудности с обеспечением удобного, безопасного и устойчивого образа жизни из–за отсутствия необходимых интеллектуальных технологий. К счастью, Интернет вещей появился как решение этой проблемы, соединяя физические объекты с помощью электроники, датчиков, программного обеспечения и коммуникационных сетей. Это трансформировало инфраструктуру умного города, внедрив различные технологии, повышающие устойчивость, производительность и комфорт для городских жителей. Использование искусственного интеллекта (ИИ) для анализа огромного количества доступных данных открывает новые возможности для проектирования и управления футуристическими умными городами.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Интернет вещей, город, «умный город», цифровизация.

Введение

Города считаются сложными системами с огромным количеством взаимосвязанных элементов: граждан, транспортом, коммуникационной сетью, разнообразными услугами и предприятиями, а также коммунальными услугами. Огромное количество людей приезжает в города, и городские власти вынуждены предоставлять минимальные услуги, необходимые для повседневной жизни. Избыточное население и быстрая урбанизация порождают множество проблем, таких как социально–экономические, технические и организационные проблемы, а также риски для экологической или экономической устойчивости городов. За последние несколько лет многие люди мигрировали в городские районы, и, согласно прогнозам, к 2030 году 60% мирового населения будет жить в городах. В связи с увеличением количества людей внедряются разнообразные умные приложения, облегчающие жизнь, способствующие развитию умных городов. Концепция умного города предполагает интеллектуальное управление ценными компонентами, такими как транспорт, медицинские услуги, коммунальные услуги, жилые дома, сельское хозяйство, экологическое строительство.

Краснов А.Н., Трифонов П.В., и Шмелева Л.А. обоснованно утверждают, что: «в целом применение ИИ в качестве ключевой технологии развития умных городов является крайне перспективной и передовой областью исследований. В частности, анализируется эффективность бизнеса, большие данные, получаемые от объектов инфраструктуры, энергетика, образования, экологическая устойчивость территорий, здравоохранение, землепользование, оптимизация транспортных потоков и эффективность муниципального управления» [2, с. 302–304].

Высокотехнологичные возможности искусственного интеллекта (ИИ) резко возросли его популярность во многих отраслях промышленности по всему миру. Государственный и муниципальной сектор – один из них. Многие города по всему миру пытаются позиционировать себя в качестве лидеров городских инноваций за счет разработки и внедрения систем искусственного интеллекта. Кроме того, все большее число местных органов власти пытаются использовать технологии искусственного интеллекта в своей деятельности для реализации политики и повышения эффективности в условиях высокой неопределенности и сложности городской среды. Несмотря на то, что популярность ИИ растет в кругах городской политики, существует ограниченное понимание и отсутствие эмпирических исследований восприятия городских систем ИИ городскими менеджерами. Преодоление этого разрыва является обоснованием данного исследования.

Методика

Методологическую основу исследования составили:

– концепция информационного общества (М. Кастельс, Д. Белл, О. Тоффлер), позволяющая рассматривать развитие искусственного интеллекта как часть общего процесса развития информационного общества, сетивизации и гибридизации городского пространства;

– концепция дигитализации социальной реальности, в частности рассматриваемая в работах О.Н. Яницкого через призму социологии риска, позволяющая изучать развитие искусственного интеллекта как нелинейный, вариативный, бифуркационный процесс, осуществляющийся под воздействием комплекса разноуровневых факторов [3, с. 99–100].

Результаты

Стремительный технологический прогресс, особенно недавние разработки в области прорывных городских технологий, открыли новые возможности для решения растущих сложностей и связанных с ними проблем наших городов. Искусственный интеллект (ИИ) – это революционная технология нашего времени, оказывающая значительное влияние на города и на то, как планируются и предоставляются услуги местных органов власти. Говоря простыми словами, ИИ представляет собой совокупность взаимосвязанных технологий и систем, которые олицетворяют когнитивные функции человеческого разума для решения проблем, выполнения задач, принятия рекомендаций и решений без какого–либо или с ограниченным явным руководством со стороны человека).

Искусственный интеллект – ключевая технология сегодняшнего дня, которая применяется во всех отраслях и государственном управлении, повышает эффективность деятельности организаций и ведомств, которая в конечном итоге повышает комфорт и качество жизни горожан. В обновленной национальной стратегии ИИ [1] делается большой упор на внедрение решений на базе искусственного интеллекта, в том числе на уровне регионов и городов. Сегодня перспективным представляется выявление лучших практик внедрения ИИ, поскольку это помогает руководителям цифровой трансформации сориентироваться в отечественных решениях и эффектах от их внедрения, и способствует их тиражированию на региональном уровне. Минэкономразвития России, в свою очередь, совместно с институтами развития предлагает ряд мер поддержки по финансированию создания и внедрения ИИ–решений, в том числе и для умного города.

Российский рынок ИИ стабильно растет: его общий объем в 2021 году составил более 550 млрд рублей, а в 2022 году он вырос до 650 млрд рублей. В отчете подготовленным АНО «Цифровая экономика» фиксируется внедрение технологий на базе искусственного интеллекта во всех сферах экономики, включая социально значимые отрасли и госуправление.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, которое мы наблюдаем в последнее время, формирует потребность в данных для создания рыночных решений на базе искусственного интеллекта. В настоящее время, Минцифры России совместно с АНО «Цифровая экономика» ведет работу по сбору отраслевых наборов данных, в том числе для умных городов, которые впоследствии будут размещены на платформе Министерства. Уже сегодня искусственный интеллект применяется для обеспечения безопасности горожан, управления транспортными потоками, обработки массовых обращений граждан. Все это делает жизнь горожан в крупных городах более комфортной.

Местные органы власти внедряют системы искусственного интеллекта для повышения эффективности в различных аспектах жизни города. В контексте городов ИИ является двигателем автоматизированных алгоритмических решений, которые обеспечивают различную эффективность в сложных и запутанных услугах и операциях местных органов власти. Управление городскими активами с помощью мониторинга состояния конструкций, обнаружения и диагностики неисправностей энергетической инфраструктуры, доступного обслуживания клиентов с помощью чат–ботов и автоматизированного транспорта с помощью автономных автобусов–шаттлов – вот лишь некоторые из многих примеров того, как ИИ используется в контексте местных органов власти. Многие из этих систем ИИ используются в контексте инициатив «умных городов», когда местные органы власти внедряют цифровые данные и технологии для повышения эффективности экономического развития, повышения качества жизни и устойчивости города. Движение «умных городов» способствовало росту популярности ИИ в кругах городской политики. Это связано, в частности, с возможностями, которые предлагает автоматизированное принятие решений на основе искусственного интеллекта для управления городом в контексте умных городов.

В докладе разработанном АНО «Цифровая экономика» [4] отмечается, что мировой рынок цифровых решений на базе искусственного интеллекта для «умных городов» стремительно растет и к 2027 году увеличится в 2 раза (рис. 1).

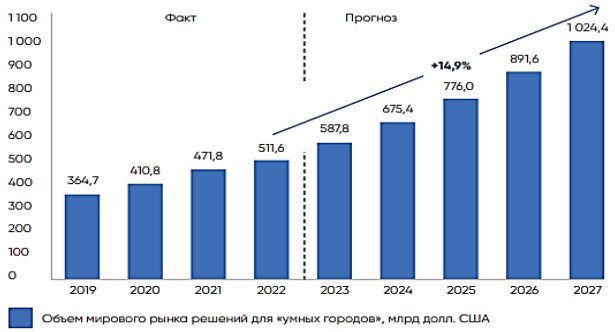

Рис. 1. Мировой рынок цифровых решений на базе искусственного интеллекта для «умных городов»[1]

Не смотря на множество положительных эффектов от использования искусственного интеллекта в управлении городской средой, следует отметить, что существует и множество рисков его использования в городском пространстве. Современные исследователи в качестве таковых выделяют: этические риски, потерю безопасности и приватности данных, возникновение цифрового неравенства, усиление конкуренции между городами и сильный уровень диспропорций в их развитии и пр.

Большинство исследователей сегодня сходятся во мнении что, при использовании систем с ИИ нужно учитывать ряд этических принципов и стандартов поведения (см. рис. 2).

Обсуждение и заключение

Параллельные явления урбанизации и цифровизации способствовали быстрому распространению городского ИИ в повседневных пространствах. Городской ИИ формирует наше восприятие окружающей среды невиданным ранее образом. Кроме того, он перестраивает наше общество более тонкими способами с помощью мета–анализа на основе ранее разрозненных наборов данных, полученных из систем городской мобильности, географи-

[1] Источник. «Эффективные отечественные практики на базе технологий искусственного интеллекта в «умном городе». – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/v–otraslyakh/2023_effektivnye_otechestvennye_praktiki_na_baze_ii_v_umnom_gorode_ano_cifrovaya_ekonomika_/?ysclid=luzlnjnvmh757761995 (дата обращения: 14.04.2024).

ческих информационных систем (ГИС) и систем городского видеонаблюдения (CCTV), оснащенных системой распознавания лиц, что порождает все более изощренные «цифровые двойники» городов. Искусственный интеллект (ИИ) приносит с собой множество возможностей для современного общества, но вместе с тем существует и ряд серьезных рисков, которые требуют внимательного рассмотрения и регулирования.

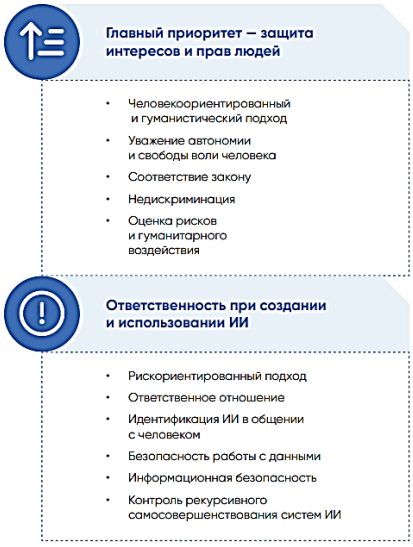

Рис. 2. Принципы этики искусственного интеллекта[1]

Литература

1. Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года: указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)».
2. Краснов, А.Н. Искусственный интеллект в сфере городского планирования и муниципального управления / А.Н. Краснов, П.В. Трифонов, Л.А. Шмелева // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 6.
3. Яницкий, О.Н. Общество и индивид в информационной среде // Вопросы теоретической экономики. – 2020. – № 2(7).
4. «Эффективные отечественные практики на базе технологий искусственного интеллекта в «умном городе». – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/votraslyakh/2023_effektivnye_otechestvennye_praktiki_na_baze_ii_v_umnom_gorode_ano_cifrovaya_ekonomika_/?ysclid=luzlnjnvmh757761995 (дата обращения: 14.04.2024).

[1] Источник. «Эффективные отечественные практики на базе технологий искусственного интеллекта в «умном городе». – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/v–otraslyakh/2023_effektivnye_otechestvennye_praktiki_na_baze_ii_v_umnom_gorode_ano_cifrovaya_ekonomika_/?ysclid=luzlnjnvmh757761995 (дата обращения: 14.04.2024).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF CITY MANAGEMENT

Polikarpov I.O.
Belgorod State National Research University

As the world's population grows and urbanization increases, cities often struggle to provide convenient, safe and sustainable lifestyles due to a lack of the necessary smart technologies. Fortunately, the Internet of Things has emerged as a solution to this problem, connecting physical objects through electronics, sensors, software and communication networks. It has transformed smart city infrastructure by introducing various technologies that improve sustainability, productivity and comfort for city dwellers. Using artificial intelligence (AI) to analyze the vast amount of available data opens up new possibilities for designing and managing futuristic smart cities.

Keywords: artificial intelligence, Internet of things, city, smart city, digitalization.

References

1. National strategy for the development of AI for the period up to 2030: decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490 // Reference legal system "Consultant Plus". Sec. "Legislation". Inform. Russian Legislation (Prof Version) Bank.
2. Krasnov A.N., Trifonov P.V., Shmeleva L.A. Artificial Intelligence in the Sphere of Urban Planning and Municipal Management. – 2023. – № 6.
3. Yanitskiy, O.N. Obshchestvo i individual' v informatsionnoy sredy [Society and Individual in the Information Environment]. – 2020. – № 2(7).
4. "Effective domestic practices based on artificial intelligence technologies in a smart city. – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/votraslyakh/2023_effektivnye_otechestvennye_praktiki_na_baze_ii_v_umnom_gorode_ano_cifrovaya_ekonomika_/?ysclid=luzlnjnvmh757761995 (accessed: 14.04.2024).

Адаптивные цифровые технологии в трудовой деятельности лиц с инвалидностью по зрению

Тринадцатко Антон Александрович,
кандидат социологических наук, Высшая школа менеджмента, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: anton13–176@rambler.ru

В статье рассматривается вопрос применения работающими инвалидами с тяжелыми нарушениями зрения современных цифровых технологий при выполнении своих трудовых обязанностей. Отмечается, что в последние годы численность официально работающих инвалидов, в том числе и инвалидов по зрению, продолжает снижаться. В то же время, обладая высоким уровнем цифровой грамотности, подавляющее большинство работающих инвалидов по зрению в своей трудовой деятельности используют современные цифровые технологии. Предпочтение такими работниками отдается компьютерным технологиям, позволяющим им выполнять свои трудовые обязанности более эффективно, чем если бы они пользовались современными сенсорными мобильными устройствами. В числе работающих инвалидов с нарушениями зрения также выделяется группы, использующие в трудовой деятельности только мобильные устройства, а также использующие одновременно и ПК, и мобильные устройства. Делается вывод, что несмотря на активную цифровизацию всех сфер общественной жизни, проявляющуюся в возможности решения множества вопросов при помощи мобильных устройств, именно компьютерные технологии остаются для инвалидов по зрению тем инструментом, который позволяет им самостоятельно и эффективно выполнять возлагаемые на них трудовые обязанности.

Ключевые слова: инвалиды по зрению, адаптивные цифровые технологии, тифлоадаптивные технологии, труд, трудовая деятельность, цифровая грамотность, цифровое пространство, программа экранного доступа

Трудовая занятость по-прежнему является для лиц с инвалидностью одним из основных каналов восходящей социальной мобильности, который позволяет им не только успешно интегрироваться в социум, повышая при этом свой социальный статус среди его здоровых представителей, но и служит экономическим инструментом роста их уровня жизни.

Однако однозначно утверждать, что в настоящее время трудовая занятость представляет собой наиболее востребованный инвалидами инструмент их социальной интеграции, будет ошибочным. Данный тезис обосновывается, в частности, фактом внесения законодательными органами РФ в Федеральный закон № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» нормы о введении моратория на индексацию размера страховой пенсии работающих инвалидов. Указанная норма поставила работающих российских граждан с инвалидностью перед выбором: отказаться от официальной занятости, сопровождаемой зачастую крайне невысоким материальным вознаграждением, в пользу постепенного увеличения получаемой пенсии за счет ежегодной ее индексации на процент, равный официальной годовой инфляции, или продолжить трудовую деятельность, но при этом лишиться ежегодной индексации своей пенсии [1].

Мы можем констатировать, что несмотря на периодические позитивные годовые пики, ежегодные показатели численности работающих российских инвалидов имеют выраженную отрицательную тенденцию. На фоне постоянно сокращающейся численности самих инвалидов, примерно на 250–400 тыс. чел. в год, наблюдается и сокращение числа их трудоустроенной части, несмотря на предпринимаемые в последние годы действия органов власти в вопросе содействия их занятости [2].

Так, данные официальной статистики свидетельствуют, что число российских инвалидов в 2023 г. по отношению к 2022 г. снизилось на 3,51% (398 тыс. чел.), а численность трудящихся лиц с инвалидностью сократилась за тот же период на 3,27% (51 тыс. чел.). Доля работающих инвалидов в общей их численности, таким образом, составляет в 2022 и 2023 гг. по 13,8%, хотя в 2021 г. она равнялась 13,9%, а, допустим, в 2019 г. – 14,7% [3].

Приведенные данные свидетельствуют о фактическом бессилии органов государственной власти в попытке решить вопрос повышения трудовой занятости лиц с инвалидностью, особенно той их части, которая относится к группе с дискредитированным социумом стигматипом, т.е. тех, кто однозначно может быть визуально идентифицирован социальным окружением как инвалид,

Одновременно с этим, в определенной степени под влиянием пандемии коронавируса COVID-19, ускорившийся процесс цифровизации российской экономики и внедрение в деятельность большинства организаций различного рода цифровых онлайн-инструментов, актуализировал среди продолжающих работать инвалидов вопрос повышения их цифровой грамотности, способствующей росту уровня их профессионально-трудовой самостоятельности и независимости от социально-трудового окружения.

Особенно актуальным, по указанной выше причине, этот вопрос стал для работающих лиц с инвалидностью по зрению, зачастую и так имеющих более высокий, чем у других инвалидов и даже здоровых работников уровень цифровой грамотности, который, однако, может быть реализован ими на своем рабочем месте (РМ) только в случае его адаптации, в т.ч. цифровой, под их специфические особенности [4].

С позиции более глубокого исследования вопроса трудовой занятости российских инвалидов, официальные статистические данные оказываются малоинформативными, поскольку они не дают нам представления относительно нозологического среза этой социальной группы. При этом, опираясь на отчетные данные местных организаций (МО) ОООИ ВОС, мы можем констатировать, что официальная трудовая занятость инвалидов по зрению сохраняется на достаточно низком уровне и, даже, в определенной степени следует общероссийской тенденции, т.е. снижается, в то время, как показатель цифровой грамотности инвалидов по зрению, наоборот, постепенно повышается, что подтверждается как опросами ВЦИОМ, так и социологическими исследованиями автора [5, 6].

Так, по результатам опроса ВЦИОМ, проведенного летом 2022 г., 74% российских граждан владеют навыками работы на ПК [7]. Также, согласно полученным ВЦИОМ результатам (2020), для выполнения трудовых обязанностей ПК используют 48% граждан, причем каждый день на РМ им пользуются 36%. Не пользуются ПК на РМ – 46% опрошенных, а дома – 25% [8]. В то же время, еще в 2016 г. поиск работы через специализированные цифровые ресурсы (веб-сайты) осуществляли более 54% московских инвалидов и наибольшую долю в их числе составляли инвалиды по зрению – 68%, что, несомненно, свидетельствует о высоком уровне их компьютерной грамотности уже в то время, а наименьшую – инвалиды с психоневрологическими заболеваниями (38%) [9].

Результаты социологического исследования, проведенного О.А. Александровой в 2017–2019 гг. среди московских инвалидов различных нозологий, показывают, что общий уровень компьютерной грамотности среди них, в разрезе возрастных групп, но без их нозологической декомпозиции, также был достаточно высок. В частности, навыки работы на ПК имели 90% людей с инвалидностью в возрастной когорте до 50 лет, 73,7% инвалидов предпенсионного возраста и 63,6% инвалидов, относящихся к группе пенсионеров по старости [10].

Развитие и проникновение информационных тифлотехнологий в повседневную жизнь российских граждан привело к тому, что к настоящему времени навыки работы на ПК, согласно опросу 155 инвалидов по зрению I и II гр., членов Хабаровской МО ВОС, имеют 86,45% (134 чел.), в т.ч. 100% респондентов, относящихся к возрастной когорте до 40 лет, 79,1% в возрасте от 41 до 60 лет и 68,6% лиц старше 60 лет. С сенсорными мобильными устройствами, хотя бы на минимальном уровне, могут взаимодействовать 97,4% информантов (151 чел.), в т.ч. 100% опрошенных инвалидов в возрасте до 50 лет и 94,5% инвалидов старше 50 лет, что свидетельствует об очень высоком уровне цифровой реабилитации незрячих и слабовидящих граждан [6].

О.А. Александрова констатирует, что многие инвалиды были бы не против повысить свой уровень владения ПК, поскольку, по их мнению, это могло бы способствовать их трудоустройству, в т.ч. на условиях дистанционной занятости, включая ее неофициальный вариант, однако они не знают, где это можно сделать [10].

Результаты же опроса хабаровских инвалидов по зрению свидетельствуют, что они не испытывают особых проблем в вопросе повышения своей цифровой грамотности, в отличие от трудоустройства как в дистанционном, так и в офлайн формате. Перечень основных способов получения (восстановления) навыков работы на ПК инвалидами по зрению, по уровню их популярности, выглядит следующим образом: на специальных курсах (33,6%); 2) самостоятельно (29%); 3) при помощи друзей, родственников или посредством аудио- и видеокурсов (18,7%); 4) в реабилитационных центрах (12%) [5]. При этом, в случае положительной практической реализации дистанционного варианта занятости, хабаровские инвалиды по зрению предпочитают именно ее неофициальный вид, например, в форме фриланса [11].

По данным Хабаровской МО ВОС, по состоянию на 1 апреля 2024 г. из 447 ее членов, имеющих инвалидность по зрению, официально работают 18,57% (83 чел.), неофициально – 9,2% (41 чел.).

На фоне снижения общей численности инвалидов-членов Хабаровской МО ВОС с 2021 г. на 9,33% (46 чел., наблюдается и сокращение официально работающих инвалидов по зрению (21,7% или 23 чел.) с одновременным ростом числа инвалидов, работающих неофициально. Так, доля инвалидов, занимающихся неофициальной трудовой деятельностью (включая фриланс) в общей численности членов Хабаровской МО ВОС в 2021 г. составляла 7,1% (35 из 493 чел.), а в 2024 г. она увеличилась до 9,2% (41 из 447 чел.). Таким образом мы можем констатировать сокращение как общей, так и официально работающей части граждан с инвалидностью по зрению, являющихся членами Хабаровской МО ВОС, что соответствует общероссийской тенденции.

Согласно данным Хабаровской МО ВОС, трудовой деятельностью занимаются 124 члена-инвалида по зрению, из числа которых навыки работы на ПК при ее осуществлении применяют 74,2% (92 чел.). Смартфоны и планшеты в своей работе используют 27,4% (34 чел.). Возникает закономерный вопрос, в каких сферах экономики преимущественно трудоустроены инвалиды по зрению и в каких из них такие работники используют современные цифровые тифлоадаптивные технологии.

По данным опроса ВЦИОМ (2016), среди официально работающих московских инвалидов, основными сферами в которых трудились именно инвалиды по зрению, являются: торговля (31%), здравоохранение (23%), строительство и ресторанный бизнес (по 13%) [12]. По данным же Хабаровской МО ВОС, основными сферами официальной трудовой деятельности лиц с инвалидностью по зрению на начало 2024 г. были: здравоохранение – 27,7% (23 чел.), образование и промышленное производство – по 12% (по 10 чел.), культура – 6% (5 чел.), органы управления ВОС – 7,2% (6 чел.).

Среди экономических сфер деятельности, в которых заняты лица с инвалидностью по зрению, можно выделить те, где для них оборудованы специальные РМ и те, в которых такие РМ обычно отсутствуют. Так, все инвалиды по зрению, работающие в системе ВОС, трудятся на адаптированных для них РМ. К их числу относятся как рабочие хозяйственных обществ, единственным учредителем которых является ОООИ ВОС, так и специалисты и руководители РО и МО ВОС. РМ последних оснащены ПК с установленным на них тифлоадаптивным ПО (обычно это программы JAWS или NWDA). Также на специальных РМ трудятся инвалиды, работающие в центрах психологической поддержки, специализированных библиотеках для слепых, школах-интернатах для слепых и слабовидящих детей и пр., в которых такие РМ оборудуются самим работодателем. Подчеркнем, что

в подавляющем большинстве в таких организациях работают либо тотально незрячие люди, либо инвалиды, имеющие очень низкий остаток зрения, не позволяющий им осуществлять свои трудовые обязанности без тифлоадаптивных цифровых технологий. Однако доля таких инвалидов, не относящихся при этом к категории рабочих, в общей численности инвалидов по зрению работающих официально, невелика – 14,5% (12 чел.).

К сферам экономической деятельности, где для инвалидов по зрению адаптированные РМ не созданы, относятся здравоохранение (в отношении незрячих массажистов), высшее и среднее образование, юридические услуги, СМИ, ГиМУ, торговля, промышленное производство (вне системы ВОС) и пр. Тотально незрячие инвалиды и лица с крайне низким остатком зрения в данном случае работают преимущественно массажистами и преподавателями высшей школы (25,3%). В остальных указанных сферах в основном трудятся либо инвалиды I гр. с неплохим остатком зрения, либо инвалиды по зрению II и III гр., которые в своей деятельности могут обходится без технологии «Text to speech» (TTS), используя на ПК встроенные тифлоадаптивные возможности (экранная лупа, экранный диктор, аппаратное увеличение шрифта), либо внешние цифровые и нецифровые тифлоустройства (ручные и стационарные видеоувеличители, лупы, очки), а также сенсорные мобильные устройства.

В данном контексте интересен аспект, связанный с осуществлением части функциональных обязанностей официально работающих на территории работодателя инвалидов, в домашних условиях. Наличие такой необходимости отметили 29% информантов (24 из 83 официально работающих инвалидов), в число которых вошли все работники образования, юристы, а также индивидуальные предприниматели и самозанятые.

Современные компьютерные тифлоадаптивные технологии, используемые в трудовой деятельности как официально, так и неофициально работающими инвалидами по зрению (74,2% или 92 чел. из 124), по уровню частоты применения расположились следующим образом:

1) Встроенные аппаратные средства (экранная лупа, программно увеличенный шрифт – 70,65%;

2) Технология TTS (JAWS, NWDA) – 67,4%;

3) Программы-ридеры (MaxReader, IceBook, Говорилка, Балаболка и пр.) – 53,3%.

Здесь необходимо зафиксировать факт одновременного использования частью работающих инвалидов всех видов тифлоадаптивных компьютерных технологий. К одновременному комплексному использованию всех указанных возможностей обычно прибегают инвалиды по зрению I и II гр. с низким остатком зрения – 40 2% (37 чел. из 92). Пользуются только технологией TTS тотально незрячие инвалиды – 18,5% (17 чел. из 92), и почти не прибегают к скринридерам, но пользуются другими аппаратными возможностями инвалиды I и II гр. с неплохим остатком зрительной функции – 41,3% (38 чел. из 92).

Не используют в трудовой деятельности компьютерные тифлоадаптивные технологии, замещая их внешними тифлоинструментами или сенсорными мобильными устройствами 25,8% (32 чел. из 124 работающих). К данной категории относятся в основном инвалиды, входящие в группу рабочих, массажисты, являющиеся наемными работниками, а также часть неофициально работающих инвалидов, занимающихся ручным изготовлением продукции и ее реализацией через мессенджеры и мобильные версии социальных сетей.

Функциональные направления использования инвалидами по зрению в трудовой деятельности тифлоадаптивных компьютерных технологий выглядят так:

1) Работа с документами (включая заполнение различных форм электронных документов) – 100%;

2) Работа с эл. почтой, деловая переписка (в т.ч. в соцсетях и онлайн-версиях мобильных мессенджеров) – 100%;

3) Поиск и размещение информации в ТКС «Интернет» – 32,6%;

4) Работа с программами ВКС (Zoom и т.п.) – 20,65%;

5) Взаимодействие с другими программными продуктами, не связанными с работой с документами, перепиской или поиском и размещением информации – 26,1%.

В указанных видах деятельности тотально незрячие инвалиды и инвалиды с низким остатком зрения используют технологию TTS. Инвалиды с низким остатком зрения обычно совмещают ее с экранной лупой. Инвалиды с неплохим остатком зрения зачастую обходятся без скринридера, но при этом используют аппаратные средства увеличения текста и изображений на экране монитора – экранную лупу и увеличенные шрифт и изображения элементов ОС и ПО.

Также необходимо подчеркнуть, что в отличие от зрячих пользователей, практически не владеющих навыком слепой печати, абсолютное большинство инвалидов I и II гр. по зрению владеет им очень хорошо, в результате чего у них отсутствует необходимость при работе с текстом контролировать нажатия на клавиатуру и они отслеживают процесс ввода символов при помощи аппаратных средств (экранная лупа) или технологии TTS (JAWS, NWDA и т.п.).

Кроме того, следует отметить, что чем лучше у инвалида сохранность зрительного анализатора, тем активнее он в своей деятельности использует манипулятор «мышь» и тем хуже он знает сочетания клавиш, необходимые для работы на клавиатуре со скринридерами при отсутствии зрения.

В то же время, осуществляя трудовую деятельность, одновременно пользуются и ПК и мобильными устройствами 20,2% (25 чел. из 124) инвалидов, преимущественно преподаватели, работники органов управления ВОС, психологи, юристы и часть неофициально работающих лиц с инвалидностью по зрению.

Напомним, что так же, как и здоровые члены социума, в настоящее время инвалиды по зрению, как работающие, так и безработные, в повседневной жизни предпочитают взаимодействовать с ТКС «Интернет», включая поисковые браузеры и социальные сети, при помощи сенсорных мобильных устройств [4]. Данный феномен относительно инвалидов по зрению обусловлен как более простым, в сравнении с ПК, процессом освоения таких устройств и взаимодействия с ними, так и относительно несложной настройкой их функций, в т.ч. технологии TTS, в интересах незрячих и слабовидящих пользователей [5].

Инвалиды, прибегающие в трудовой деятельности к помощи сенсорных мобильных устройств (27,4% или 34 чел. из 124) по критерию «частота использования» выделили следующие применяемые ими тифлоадаптивные вспомогательные цифровые технологии:

1) Мобильные помощники (голосовые ассистенты Яндекс Алиса, Google Assistant, Дуся, Маруся, Siri и пр.) – 100%;

2) Аппаратные средства увеличения шрифта (включая увеличение части экрана тройным касанием) – 67,6%;

3) Приложения-скринридеры (TalkBack, Voice Over) – 59%;

4) Программы-визуализаторы (Invision, Be my eyes, Seeing AI) – 44%.

Как и с компьютерными тифлоадаптивными технологиями, при использовании сенсорных мобильных устройств инвалиды по зрению также часто совмещают применение сразу нескольких доступных вариантов.

Так, тотально незрячие работники и инвалиды с низким остатком зрения используя в своей трудовой деятельности современные мобильные устройства, комплексно пользуются на них возможностями мобильных помощников, скринридеров и программ-визуализаторов. Слабовидящие работники с низким остатком зрения обычно используют весь комплекс адаптивных технологий, а лица с неплохим остатком зрения, в основном II и III гр., чаще всего прибегают к мобильным помощникам и аппаратным средствам увеличения шрифта и просмотра изображений, включая, кстати, и традиционные сторонние приспособления (очки, лупа).

Функциональные направления применения инвалидами по зрению в трудовой деятельности тифлоадаптивных мобильных технологий выглядят следующим образом:

1) Работа с эл. почтой, деловая переписка (в т.ч. в мобильных версиях соцсетей и мессенджерах) – 100%.

2) Просмотр (прослушивание) содержания электронных документов в форматах doc, docx, txt, pdf – 100%.

Для этих целей незрячие и слабовидящие работники используют широкий спектр мобильных инструментов – от мобильных помощников (например, Яндекс Алиса) до программ-визуализаторов (Invision, Be my eyes, Seeing AI и др.).

3) Поиск информации в мобильных версиях интернет-браузеров, в т.ч. при помощи мобильных помощников Яндекс Алиса, Google Assistant, Siri и др. – 100%.

4) Продвижение и реализация самостоятельно изготовленной продукции через мобильные версии социальных сетей (Вконтакте, Одноклассники) или мессенджеры (Telegram, WhatsApp) – 38,3%.

5) Работа с приложениями ВКС – 20,6%.

Таким образом, мы видим, что несмотря на широкое проникновение цифровых технологий, в первую очередь посредством мобильных устройств, в повседневную жизнь инвалидов по зрению, в своей трудовой деятельности они, в случае наличия таких возможностей, предпочитают пользоваться ПК или совмещать работу на ПК как основном устройстве и смартфоне (планшете) как вспомогательном.

Более широкое использование лицами с инвалидностью по зрению в своей трудовой деятельности именно ПК, обусловлено их большей функциональностью, особенно важной при выполнении рабочих задач, когда нужно прочитать, отредактировать или написать документ, распечатать его или отправить по эл. почте, поработать с электронными таблицами, создать презентацию или выполнить одновременно несколько задач, переключаясь между ними. Также удобства добавляет наличие полноформатной клавиатуры, большой дисплей, быстрый отклик скринридера на действия работника, возможность взаимодействия с другими офисными устройствами (МФУ или принтер, сканер и пр. по отдельности).

Ограниченная функциональность программ, предназначенных для мобильных устройств, лишь частичная тифлоадаптированность большинства мобильных приложений, практически полная недоступность для незрячих и слабовидящих пользователей мобильных вариантов офисного пакета приложений, маленький размер экрана, неудобство электронной клавиатуры, необходимость изучения или самостоятельной настройки системы жестов для использования приложений-скринридеров, зачастую неадекватный и медленный отклик скринридера на управляющие нажатия и жесты пользователя, особенно на OS Android – делают современные сенсорные устройства не самым удобным инструментом для применения тотально незрячими и слабовидящими работниками в профессионально-трудовой деятельности, побуждая их к более глубокому освоению ПК.

При этом следует отметить, что предложенные О.А. Александровой условия использования цифровых технологий для решения вопроса трудоустройства инвалидов, вполне могут быть определяющими, если речь идет о повышении уровня их дистанционной занятости [13].

Однако дистанционная занятость, при всех ее положительных аспектах для инвалидов, также выступает фактором их социальной эксклюзии. Кроме того, ее развитие может служить оправданием игнорирования местными органами власти проблемы создания универсальной физической среды, доступной для всех жителей конкретной локации независимо от состояния их здоровья. Поэтому, являясь редуцированной версией денотата, дистанционная занятость инвалидов не должна занимать главенствующую позицию в решении вопроса трудоустройства лиц с инвалидностью, особенно их дискредитированной части. Современные цифровые технологии, выполняя роль инструмента социализации и виртуальной социальной интеграции инвалидов, одновременно, за счет имеющегося у них потенциала, должны способствовать всесторонней их реабилитации, включая профессионально-трудовой аспект в составе реального, а не виртуального, трудового коллектива, давая инвалиду возможность проявить себя в качестве самостоятельного, независимого от коллег, квалифицированного работника, хорошо владеющего современными цифровыми технологиями и умеющего их применять в своей профессиональной деятельности.

Литература

1. КонсультантПлюс: Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (последняя редакция). Статья 26.1. Выплата страховой пенсии в период осуществления работы и (или) иной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/36e2f0f5079cec7e228f941c27febeb133b8ed04/ (дата обращения: 26.04.2024).
2. Коммерсантъ: Инвалидам отработают трудоустройство [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5180819 (дата обращения: 27.04.2024).
3. Федеральная служба государственной статистики: Положение инвалидов [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (дата обращения: 21.04.2024).
4. «Почему я ношу темные очки? Потому что я крутой». Как слепые россияне меняют свою жизнь в эпоху YouTube и соцсетей [Электронный ресурс]. – URL: https://lenta.ru/articles/2020/05/30/dark/ (дата обращения: 12.01.2024).
5. Тринадцатко А.А. Тифлоинформационные технологии в жизни инвалидов по зрению / А.А. Тринадцатко // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 5. – С. 42–46.
6. Тринадцатко А.А. Современные информационные технологии в повседневной жизни людей с тяжелыми нарушениями зрительной функции / А.А. Тринадцатко // Социология. – 2024. – № 3. – С. 101–111.
7. ВЦИОМ: И швец, и жнец [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/i-shvec-i-zhnec (дата обращения: 26.04.2024).

8. ВЦИОМ: Жизнь без компьютера – уходящая натура? [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-bez-kompyutera-ukhodyashhaya-natura (дата обращения: 26.04.2024).
9. ВЦИОМ: Трудоустройство с ограниченными возможностями [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudoustrojstvo-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami (дата обращения: 27.04.2024).
10. Александрова О.А. Работодатели и инвалиды на столичном рынке труда: вопросы эффективного взаимодействия / О.А. Александрова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – № 10 (5). – С. 86–91. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-86-91
11. Тринадцатко А.А. Официальная и неофициальная занятость инвалидов по зрению (на примере г. Хабаровска) / А.А. Тринадцатко // Социодинамика. – 2021. – № 5. – С. 1–34. DOI 10.25136/2409–7144.2021.5.35590
12. ВЦИОМ: Чаще всего люди с инвалидностью в Москве ищут работу в торговле [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vedomosti.ru/management/news/2016/03/25/635144-vtsiom-rabotu-v-torgovle (дата обращения: 27.04.2024).
13. Александрова О.А. Цифровые технологии и возможности инвалидов в сфере труда / О.А. Александрова // Labour and leisure = труд и досуг: Сборник тезисов VIII Международной конференции, Санкт-Петербург, 01 января – 302019 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2019. – С. 10–11.

ADAPTIVE DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE WORK ACTIVITIES OF PEOPLE WITH VISUAL DISABILITIES

Trinadtsatko A.A.
Pacific National University

The article examines the issue of the use of modern digital technologies by working disabled people with severe visual impairments in the performance of their work duties. It is noted that in recent years the number of officially working disabled people, including visually impaired people, continues to decline. At the same time, having a high level of digital literacy, the vast majority of working visually impaired people use modern digital technologies in their work activities. Such workers prefer computer technologies, which allow them to perform their work duties more efficiently than if they used modern touch-screen mobile devices. Among working disabled people with visual impairments, there are also groups that use only mobile devices in their work activities, as well as those that use both PCs and mobile devices simultaneously. It is concluded that despite the active digitalization of all spheres of public life, manifested in the ability to solve many issues with the help of mobile devices, it is computer technology that remains for the visually impaired the tool that allows them to independently and effectively carry out their work responsibilities.

Keywords: blind and visually impaired people, adaptive digital technologies, typhloadaptive technologies, work, work activity, digital literacy, digital space, screen reader

References

1. ConsultantPlus: Federal Law of December 28, 2013 № . 400-FZ «On Insurance Pensions» (latest edition). Article 26.1. Payment of an insurance pension during the period of work and (or) other activities [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/36e2f0f5079cec7e228f-941c27febeb133b8ed04/ (date of the application: 26.04.2024).
2. Kommersant: Disabled people will receive employment [Electronic resource]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5180819 (date of the application: 27.04.2024).
3. Federal State Statistics Service: Situation of disabled people [Electronic resource]. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (date of the application: 21.04.2024).
4. «Why do I wear sunglasses? Because I›m cool». How blind Russians are changing their lives in the era of YouTube and social networks [Electronic resource]. – URL: https://lenta.ru/articles/2020/05/30/dark/ (date of the application: 12.01.2024).
5. Trinadtsatko A.A. Typhloinformation technologies in the life of visually impaired people / A.A. Trinadtsatko // Social and humanitarian knowledge. – 2023. – № . 5. – P. 42–46.
6. Trinadtsatko A.A. Modern information technologies in the everyday life of people with severe visual impairments / A.A. Trinadtsatko // Sociology. – 2024. – № 3. – P. 101–111.
7. ACPOR: Both the seamstress and the Reaper [Electronic resource]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/i-shvec-i-zhnec (date of the application: 26.04.2024).
8. ACPOR: life without a computer – passing nature? [Electronic resource]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-bez-kompyutera-ukhodyashhaya-natura (date of the application: 26.04.2024).
9. ACPOR: Employment with disabilities [Electronic resource]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudoustrojstvo-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami (date of the application: 27.04.2024).
10. Alexandrova O.A Employers and disabled people in the capital's labor market: issues of effective interaction / O.A. Alexandrova // Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University. – 2020. – № 10 (5). – P. 86–91. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-86-91
11. Trinadtsatko A.A. Official and unofficial employment of visually impaired people (using the example of Khabarovsk) / A.A. Trinadtsatko // Sociodynamics. – 2021. – № 5. – P. 1–34. DOI 10.25136/2409–7144.2021.5.35590
12. ACPOR: Most often, people with disabilities in Moscow look for work in trade [Electronic resource]. – URL: http://www.vedomosti.ru/management/news/2016/03/25/635144-vtsiom-rabotu-v-torgovle (date of the application: 27.04.2024).
13. Alexandrova O.A. Digital technologies and opportunities for people with disabilities in the world of work / O.A. Alexandrova // Labour and leisure = work and leisure: Collection of abstracts of the VIII International Conference, Saint Petersburg, JanuaryJanuary 01, 2019. – St. Petersburg: Center for Scientific and Production Technologies «Asterion», 2019. – P. 10–11.

Социокультурное измерение времени в организационном пространстве: философский и социологический анализ

Бикметов Евгений Юрьевич,
д.с.н., профессор, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: bicprof@mail.ru

Лукьянов Аркадий Викторович,
д.ф.н., профессор кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: ark.lukjanov@yandex.ru

Пушкарева Марина Алексеевна,
д.ф.н., профессор кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: pushkarewa2@mail.ru

Социокультурное измерение времени в организационном пространстве осмысливается в контексте динамики научного знания, которое проходит стадии предпонимания, понимания и взаимопонимания. Социокультурное измерение времени понимается как общий принцип организации и связано с исследованием культурной самоорганизации как открытой социальной системы. Разработаны контуры модели социокультурного времени, согласно которой предпонимание связано с жизненным мгновением. Понимание существует во времени, а взаимопонимание, благодаря которому возможно достичь подлинной самоорганизации, представляет собой творческий акт выскальзывания времени в вечность. Время – признак внутренней и внешней среды социальной организации, способ развития жизненного цикла организации. Социокультурная форма времени есть многомерная форма существования людей, а также виртуальная и предпринимательская деятельность. Закон композиции времени выступает как основание развития социокультурной памяти и процесса самоорганизации.

Ключевые слова: социальная организация, социальное время, самоорганизация, социокультурное измерение организационного пространства и времени, социокультурная память, закон композиции времени.

Актуальность настоящей работы связана с исследованием социокультурного измерения времени. Последнее должно быть рассмотрено в контексте динамики научного знания. Исследования времени и пространства как форм бытия человека и общества сопряжены с анализом самоорганизации как открытой социальной системы. Многомерность времени определяется многообразием определений культуры. Ни культурные разломы, ни новое самопознание не могут проникнуть в осмысление образов культуры.

Целью предпринятого нами исследования выступает раскрытие содержания социокультурного измерения времени в организационном пространстве в философском и социологическом аспектах. Задачей работы является исследование принципа культурной организации, жизненного цикла организации. Второй задачей выступает рассмотрение самоорганизации общества как открытой системы.

Социокультурная форма времени есть некая многомерная организация, виртуальная и предпринимательская организация. Исследуемый закон композиции является основанием развития социокультурной памяти и процесса самоорганизации. Социокультурное измерение времени связано с законами композиции. Общество имеет цель предвосхищения продуктов деятельности. Время как форма бытия человека и общества может иметь своей целью выживание. Социум часто стремится к тому, что неизвестно. Закон композиции предполагает процесс согласования целей по различным уровням. Стратегические цели социальной организации, несомненно, подразумевают наличие общественных целей. Смысл данного закона композиции весьма существенен. Философский аспект закона композиции связан с открытыми системами. Мы пытаемся осмыслить социальную организацию как форму существования времени. Во времени отражается «ритм социальной жизни, но при этом сам этот ритм предопределяется временем» [1, с. 493]. Время способствует дифференциации цели более высокого уровня на цели более низкого уровня. Цели, связанные с перспективой развития человека, как правило, носят долгосрочный временной интервал, сопряжены с социокультурным временем, пронизывают всю социальную организацию. Анализ закона композиции предполагает опору на вечные вопросы: в чем состоит смысл жизни человека; в чем цель существования конкретного общества; какова цель существования человеческого рода в целом.

Социокультурное измерение времени связано с жизненным циклом социальной организации. Любая социальная организация может возникать ежедневно, но лишь немногие граждане могут существовать сколь угодно долго. Социальная организация, способная адаптироваться, развивается. Но она исчезает, если участники социальной организации игнорируют жизненный цикл, на котором находится организация. Эффективность стратегических решений по преобразованию социальной организации находится в зависимости от учета стадии ее жизненного цикла. Жизненный цикл есть последовательность стадий и этапов изменения ор-

ганизации на протяжении определенного времени, требует постоянного мониторинга целей и приоритетов социальной организации. Социальное измерение времени подчиняется принципам соответствия и дополнительности. Для каждой социальной организации может быть найдено оптимальное соответствие между эффективностью и экономическим ростом. Но рост экономического потенциала далеко не всегда соответствует увеличению эффективности [2]. Заметим, что эффективность есть результат реализации целей социальной организации.

Социальное время способствует укреплению духа, поддержанию устойчивости социальной организации. Любая социальная организация существует благодаря соответствию между централизацией и децентрализацией управления. Потребность человека в самоопределении требует усиления централизации управления. Но децентрализованное управление заключает в себе несогласованные действия. Нам думается, что реорганизация социума приводит к перераспределению функций централизованного управления. Специфические принципы динамической организации общества включают в себя решение внешних проблем; при этом внутренние проблемы приобретают некое второстепенное значение. Однако социокультурное измерение времени не существует вне анализа социального пространства. Без человека нет и социального пространства, отсутствует социальное время. Любое социальное явление означает отношение людей друг к другу. Чувственный мир представляет лишь временное существование человека. Но духовность есть универсальная чувственность. В свою очередь, это предполагает выход человека в сферу нравственного долженствования. Данная сфера объединяет социальное пространство и время, и мы имеем возможность прочувствовать эквивалент нереального, несуществующего [3, с. 430]. Нереальное также может существовать, но при условии развития духовной культуры. Объективная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна. Еще П. Сорокин отмечал поворотный момент истории, «когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется» [3, с. 431]. Время доминирует над пространством. Социокультурное время есть не только форма существования определенной культуры в определенном социуме, но и форма освоения чужой культуры. По мнению М. Беннета, развивающего конструктивистский подход в исследовании межкультурного взаимодействия, для этого необходимо развивать у человека «межкультурную чувствительность», чувственное понимание и способность воспринимать культурные различия [4, p. 10–12]. Модель социокультурного времени, контуры которой мы в настоящей статье попытаемся описать, опирается на теорию освоения чужой культуры М. Беннета с той лишь поправкой, согласно которой люди, вступая в коммуникацию, проходят стадии предпонимания, понимания и взаимопонимания.

Предпонимание, как правило, возникает мгновенно либо вообще не возникает. Можно проявлять эмпатию к человеку, чувствовать его душу, т.е. обладать чувствительностью, воспринимать его чувственным образом как целостное существо. Но уровень представления также нельзя игнорировать. Я не могу представить себе свое существование без него, без другого, который уже отныне становится вовсе не чужим существом, а близким мне человеком. При этом «другость» другого, инаковость другого постоянно обновляется, благодаря чему взаимодействие достигает стадии понимания, которое развивается во времени.

М. Беннет отмечает тенденцию, когда внимание исследователей смещается от перечисления культурных различий (как будто эти различия имеют внутреннюю ценность) к определению способов, с помощью которых различный опыт реальности может быть скоординирован для достижения некоторой согласованной цели [5]. Происходит поэтапное осознание культурных различий. Сначала существующие различия обычно не осознаются человеком. Заметим, что действительно предпонимание – это неосознанный факт. Затем иная культура начинает пониматься как один из возможных взглядов на мир, возрастает межкультурная чувствительность, выражающаяся в ощущении человеком себя членом более чем одной культуры. Заметим, что понимание связано с социокультурном временем, а также с социокультурной памятью, которая позволяет преодолевать различия в способах восприятия других культур. «На последних стадиях развития межкультурная чувствительность еще более возрастает, так как признается существование нескольких точек зрения на мир. Далее формируется новый тип личности, сознательно отбирающей и интегрирующей элементы разных культур» [6, с. 126]. Здесь мы имеем дело с уровнем взаимопонимания культур, который, безусловно, предполагает акт выскальзывания времени в вечность. Однако такие стадии развития самоорганизации могут и не возникать.

Люди часто находятся не просто в состоянии изоляции, умаляя свое стремление к высшим ценностям, но они игнорируют время, его сложную структуру как признак внутренней и внешней социокультурной среды организации. Социокультурное измерение времени тем не менее связано с анализом самоорганизации культуры как открытой социальной системы. Эта система имеет цель своего развития, предмет и результаты системных взаимодействий. Затруднительно проводить социокультурное измерение времени, если не учитывать многомерность бытия современного человека. Человек сегодня пребывает в виртуальном времени, культурных космосах, которые весьма различны. Но культуры все же не оппозиционны друг другу, а скорее дополняют друг друга.

В настоящий момент на первый план в исследовании взаимодействия культур выдвигается закон композиции, который состыкуется с проблемой времени. Цель существования человеческого рода связана с анализом вечных, всечеловеческих взаимоотношений. Отметим, что закон композиции времени выступает как основа развития социальной и культурной памяти. Таким образом, этот закон составляет предпосылку процесса самоорганизации социокультурной системы. Самоорганизация системы связана с достижением общечеловеческих целей. Целеполагание выступает принципом системности и относится ко всем этапам управленческой деятельности, в которой ключевую роль играет нормативная компонента целеполагания, которая предполагает ориентацию на социальный капитал, обеспечение возможности для гармоничного развития всех граждан и каждого в отдельности [7, с. 57]. Действие закона композиции, как нам думается, имеет отношение только к целенаправленным системам. Но имеются системы, цели которых не известны. Цели не обязательно воплощаются в результатах деятельности. Организации необходимо иметь свою миссию, а перспективные цели должны содержать в себе общественные цели. Миссия есть общественный ориентир существования социальной организации, связана с этической, социальной установкой, определяет стратегию ее развития с учетом внешних и внутренних факторов. Если социальная организация обладает иерархической упорядоченной структурой, то это имеет отношение к пониманию и взаимопониманию между людьми. Цели духовного уровня обладают более широким

характером, имеют долгосрочный временной интервал. Понимание образует предпосылку цели формирования социокультурного времени. Философский аспект закона композиции связан со смыслом жизни конкретного общества, общности. Однако смысл быстро разрушается. Выход нам видится в ориентации человека и общества на вечные ценности, которые связаны с бытием человеческого рода в целом. Социокультурное измерение времени соотносится с утверждением ценности семьи, общества.

Синергетический аффект становления социокультурной системы связан с начальным этапом взаимопонимания между людьми. Этот этап соотносим с предпониманием. Если отсутствует предпонимание между людьми, то роль самого мгновения значительно понижается. Если социальная система достигает этапа зрелости, то и синергетический эффект стремится к максимальному значению. Но когда система испытывает процесс упадка, то и снижается время ее самоорганизации, что приводит к разрушению времени бытия системы. Человек не должен реализовывать свой творческий потенциал, если отсутствует понимание между людьми. Однако сегодня общество отличается значительной инерционностью и в то же время нестабильностью. Управленческие решения становятся субъективными. Предпринимательская активность организации отличается наличием дополнительной ответственности за ее действия.

Состязательный характер социальных систем не только связан с понижением уровня конфликтности в обществе. Понимание и предпонимание между культурами сопряжены с противодействием систем. Но понимание не может не компенсировать возмущений социальной системы и поддержания ее в состоянии социального времени. Организационная структура управления связана с социокультурной памятью, которая дублирует многие функции общества. Тем не менее продолжительность функционирования целевой общности занимает небольшое время. Социальная структура позволяет перераспределять трудовые ресурсы. Социальная организация не допускает временных разрывов, обращена к проблеме созидания ценностей как нечто генетического [8, с. 191]. Социокультурное измерение времени в этом плане способствует развитию инициативы и творчества субъектов социальной организации.

Таким образом, выводами проведенного исследования являются следующие:

1) социокультурное время распадается на время предпонимания, понимания и взаимопонимания;

2) культурная самоорганизация есть некая открытая социальная система;

3) закон композиции времени есть основание развития социокультурной памяти и процесса самоорганизации.

Литература

1. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
2. Долгов А.И. Теория организации. – М.: Флинта: МПСИ, 2008. – 224 с.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
4. Bennett M.J. Basic Concepts of Intercultural Communication: Selected Readings. – Yarmouth, Me.: Intercultural Press, 1998. – 272 p.
5. Bennett M.J. The value of cultural diversity: rhetoric and reality // SpringerPlus. 2016. 5 (1), 897.
6. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
7. Циткилов П.Я. Современная российская социальная организация и ее кризисные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 45–57.
8. Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Хасанова Л.Р. Историко-временной аспект исследования социальной организации // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 186–192.

THE SOCIOCULTURAL DIMENSION OF TIME IN ORGANISATIONAL SPACE: A PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Bikmetov E.Yu., Lukyanov A.V., Pushkareva M.A.
Ufa University of Science and Technology

The socio-cultural dimension of time in organisational space is understood in the context of the dynamics of scientific knowledge, which passes through the stages of pre-understanding, understanding and mutual understanding. The sociocultural dimension of time is understood as a general principle of organisation and is related to the study of cultural self-organisation as an open social system. The contours of the model of sociocultural time are developed, according to which preunderstanding is connected with the life moment. Understanding exists in time, and mutual understanding, thanks to which it is possible to achieve true self-organisation, is a creative act of time slipping into eternity. Time is a sign of the internal and external environment of a social organisation, a way of development of the organisation's life cycle. The sociocultural form of time is a multidimensional form of people's existence, as well as virtual and entrepreneurial activities. The law of time composition acts as a basis for the development of sociocultural memory and the process of self-organisation.

Keywords: social organisation, social time, self-organisation, socio-cultural dimension of organisational space and time, socio-cultural memory, law of time composition.

References

1. Sztompka P. Sociology. Analysis of modern society / trans. from Polish CM. Chervonnaya. – M.: Logos, 2005. – 664 p.
2. Dolgov A.I. Organization theory. – M.: Flinta: MPSI, 2008. – 224 p.
3. Sorokin P.A. Human. Civilization. Society / general ed., comp. and preface A. Yu. Sogomonov. – M.: Politizdat, 1992. – 543 p.
4. Bennett M.J. Basic Concepts of Intercultural Communication: Selected Readings. – Yarmouth, Me.: Intercultural Press, 1998. – 272 p.
5. Bennett M.J. The value of cultural diversity: rhetoric and reality // SpringerPlus. 2016. 5 (1), 897.
6. Sadokhin A.P. Theory and practice of intercultural communication. – M.: UNITY-DANA, 2004. – 271 p.
7. Tsitkilov P. Ya. Modern Russian social organization and its crisis trends // Social and humanitarian knowledge. 2020. No. 2. P. 45–57.
8. Bikmetov E.Yu., Lukyanov A.V., Khasanova L.R. Historical and temporal aspect of the study of social organization // Social and humanitarian knowledge. 2021. No. 4. pp. 186–192.

Рецепция социокультурного конструкта «Восток» в дневниках миссионеров Русской Православной Церкви в Японии святителя Николая (Касаткина) и митрополита Сергия (Тихомирова)

Конькова Валерия Сергеевна,
аспирант Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: vskonkova@yandex.ru

Представления о социокультурном конструкте «Восток» в настоящее время являются недостаточно изученными, в связи с чем тема исследования является актуальной. Статья посвящена анализу рецепции социокультурного конструкта «Восток» в восприятии представителей Русской православной Церкви, занимавшихся миссионерской деятельностью на территории стран Дальнего Востока. Особое внимание уделено опыту осмысления японской культуры в контексте понимания перспектив межкультурного взаимодействия в современном мире. Делается вывод, о противоречивом отношении деятелей Русской духовной миссии к Японии, сочетающем в себе критику с философским интересом. Отношение превосходства, когда Европа и Россия активно утверждали свое религиозное и культурное владычество над Востоком, сменилось опасениями за распространение восточных религий и угрозу государственности после поражения в русско-японской войне. Этот дуализм отражает сложность и противоречивость российской общественной мысли о Японии на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Россия, Япония, Русская Духовная миссия, Социокультурный конструкт, Восток, межкультурная коммуникация.

Ценным источником, повлиявшим на образ Востока, были исследования в рамках деятельности Русских Духовных миссий. Их создание было продиктовано различного рода причинами: от политических и миссионерских до культурных и научных. Деятельность миссии во многом способствовала превращению образа из «чужого» в «свой», посредством крещения местного населения, которое получало русские имена и фамилии, что служило фундаментом для последующей культурной адаптации.

Зарождение Русской Духовной миссии в Японии связано с деятельностью иеромонаха Николая (Ивана Дмитриевича Касаткина) [5], который способствовал установлению русско-японских отношений. Во многом, именно благодаря личности Николая Японского, удалась эта миссия, ведь Япония была совершенно чужой и не представляла такого интереса для миссионерской деятельности, чтобы достаточным образом ее финансировало государство или Синод. Пятидесятилетняя миссионерская деятельность Николая Японского дошла до нас в виде дневников и других записей, которые на протяжении жизни вел основатель русской Православной Церкви в Японии. В его трудах складывается дуалистический взгляд на Восток в дихотомии «свой»/ «чужой».

С одной стороны, Касаткин никогда не считал Японию отсталой, напротив в своих работах он развеивает миф об отсталости, принятый в России: «не страна восточной тупости и неподвижности…» [2, с. 41]. Автор приводит в качестве аргументов положения о быстром развитии в различных областях, образованности и высокой культуре. В статье «Япония и Россия» Николай Японский говорит о любви японцев к чтению и о высоком уровне самообразования, сравнивая с ведущими странами Запада: «Вообще, Япония в этом отношении похожа на Америку, где если наука не достигает такой глубины и высоты, как в наиболее образованных государствах Европы, зато распространена шире, чем где-либо в Европе» [4, с. 161–162].

По отношению к власти японцев Николай Иванович отрицает стереотип о деспотизме сверху и слепом раболепстве снизу: «Начните говорить с людьми разных сословий, спуститесь до крестьянина …, и вы удивитесь здравому и вместе независимому образу мыслей народа о своем правительстве» [4, с. 29].

И.Д. Касаткин считает перспективной миссионерскую деятельность на территории Японии, так как синтоизм исчерпал себя. Однако несмотря на примитивизм синтоизма, как религиозного учения, по мнению исследователя, именно он не дал японцам потерять свою идентичность: «…он не дал слиться буддизму и конфуцианству с японским духом, ассимилировать его в себе, и через то обратить японцев в апатичных индийцев, ни в вялых и сонных китайцев» [4, с. 160]. И далее он делает вывод о том, что благодаря сохранению национальной религии, японцы смогли извлечь из пришедших религий Востока только то, что было полезно для них: от конфуцианства – отношение народа и власти, вежливость и почитание старших, а от буддизма – представ-

ления о равенстве и братстве, и как итог – отсутствие рабства в стране.

С другой стороны, Николай Японский говорит о прагматизме Востока, вставшего на путь технического прогресса и заинтересованного в благах материальной цивилизации. Однажды ему предложили за принятия православия 2000 человек отремонтировать плотину, но он отказался [3, с. 137–138].

Некоторые черты японцев противоречили взглядам и ценностям И.Д. Касаткина. В первую очередь, поражали жестокость и коварство. В период Русско-японской войны он был невольным очевидцем обращения японцев с русскими пленными: перед иностранной прессой японцы ухаживали за ранеными, но позже, «…когда были уверены, что за ними не наблюдают, вымещали на них свою злобу… издевались не только над живыми, но и над мертвыми…» [3, с. 130].

Несмотря на это, Касаткин видел перспективы взаимодействия России и Японии [10]. Россия – держава континентальная, а Япония – морская. В его исследованиях множество положительных элементов восточного конструкта, которые могли бы стать основой для геополитического и межкультурного взаимодействия.

В 1908 году в Японию прибыл о. Сергий (Георгий Алексеевич Тихомиров), который стал помощником архиепископа Николая, а после его смерти – начальником духовной миссии [2]. Деятельность его предшественника прочно укрепила православную веру, о чем мы можем судить из путевых заметок Тихомирова, в которых уже в сравнении предстают японцы-христиане «свои» и японцы-язычники «чужие», «другие».

Посещая одну из церквей, о. Сергий отмечает внешнюю привлекательность, которая и в язычниках «возбуждает большой интерес». Он надеется, что на смену бытовому любопытству сменится серьезное проникновение в христианское учение. Как и многие миссионеры, он видит в японцах цивилизацию, которая нуждается в истине христианства, невольно уподобляя их неразумным детям, характерно что для миссионеров того времени.: «И как умилительно было смотреть на этих язычников, приютившихся у самых ног проповедника!» [8].

Описывая беседу с пришедшими, он закончил проповедь с твердым убеждением: «не устояли языческие боги и греко-римская философия пред христианством; – не устоит пред Христом и Будда…» [8]. Несмотря на то, что о. Сергий проявлял интерес к этико-философским аспектам восточных религий, стремясь понять их место в мировой истории, считает их пережитком прошлого. Будучи глубоко верующим православным христианином, он считает восточные учения ложными, подходит к их внешним и внутренним сторонам с позиции критика. Поэтому его не удивляет синкретизм новообращенных японцев-христиан, в своем доме содержащих атрибуты разных религиозных культов: богов счастья, покровителей плодородия, домашних богов. Над ними размещалась икона Богоматери [8]. Для Г.А. Тихомирова такое расположение имеет символический характер утвержденной в будущем победы христианства над другими религиями.

В его трудах мы находим подробные упоминания о посещении новокрещенных христиан и посещения их семей. Несмотря на то, что многие из них проживали в языческих семьях, о. Сергий отмечал, что принимали его «с большим почетом, с благодарностью за посещение» [8]. Однако далее он объясняет такое радушие как «тихое, но глубокое сознание превосходства восходящего солнца правды пред заходящим Буддой» [8].

В домах новокрещенных христиан о. Сергий восхищен необыкновенным радушием не только тех, кто стал «братьями во Христе», но и их родственников-язычников. «Хлопотала и сама Мария, и ее братишка, л. 12, Азария, тоже крещенный 4-го числа. Но более всех, конечно, их мать – язычница. … Где тут нетерпимость? Где тут гонение на Христа?» [8]. В данном отрывке упоминается сложившийся стереотип о нетерпимости японцев к христианам. Действительно, ранее, христианские миссионеры допускали серьёзные ошибки: от неправильных переводов [1] до активного вмешательства в политику страны, что вызвало враждебное отношение и даже гонения на христиан. «Мы были в нескольких языческих семьях. Мы – носители той веры, которую давно ли гнали, преследовали?» [8]. Как мы видим, Г.А. Тихомиров транслирует стереотип о «жёлтой опасности», вновь укрепившееся в умах российской общественности после поражения в русско-японской войне 1904–1095 гг.

Несмотря на то, что о. Сергий отмечает веротерпимость японцев, сам он допускает негативные коннотации в отношении местных религиозных церемоний и их участников: «И злобные глаза идола… и бессмысленно устремленные в пространство глаза «ассистентов», и театральные приемы главного жреца, и совсем неприличный (от жары!) костюм прислуживающего: шум барабанов, позвонков, бормотанье жрецов; усердное шептание молитв крестьянами; а рядом же японцы с папиросами и в шляпах; наконец – «за 1/2 коп. помолимся»!…» [8]. Подводя итог своих впечатлений, он противопоставляет им богослужение православное: «это тихое, неземное общение души, молящейся с Богом, внемлющим молитве…» [8].

О. Сергий говорит о мифологическом мировосприятии японцев, которое характеризуется представлениями неотделимости собственной телесности и природных сил. Путешествуя по Киото, о. Сергий упоминает поразивший его канат из женских волос в храме, который был жертвой последовательниц одной из восточных сект. Упоминая о том, что японки дорожат своими волосами, эта жертвенность кажется ему фанатичной. Заканчивает он свое умозаключение высказыванием: «А еще пишут и говорят о безрелигиозности японцев!» [8].

Обладая живым исследовательским интересом, он говорит о безосновательной привязанности к стране, в которой проводил свою миссионерскую деятельность. Он восхищался природой, с интересом критика исследовал религиозно-философские и бытовые аспекты жизни японцев и считал Японию местом, в котором христианское учение найдет благодатную почву. Его деятельность имела не только миссионерское значение, а также посредством этого, установление добрососедских отношений со страной восходящего солнца. Как и о.Николай, он был очарован Востоком: «я не мог не полюбить той нивы, на которую Господь призвал меня!» [8].

С обострением русско-японских отношений о. Сергий поддается всеобщему настроению. Посещая земли бывшего русского владения, ставшие японскими после поражения в войне, в его путевых заметках все чаще попадаются негативные коннотации по отношению к японцам, приехавшим осваивать новую для себя землю. «Разруха», «обманное обращение», «грязь», он не применяет по определению к японцам, живущим на островах, лишь к тем, кто приехал на бывшие русские территории. В этом проявляется перед японской экспансией и милитаризмом, в противопоставлении проявлениям слабости и неэффективности российской государственности.

Действительно, цивилизационное развитие и военно-экономический потенциал Японии, ее экспансионистские амбиции, вызывали опасения у Г.А. Тихомирова за интересы России на Дальнем Востоке. В своих путе-

вых заметках он приводит разговор с русским на Сахалине, часть которого отошла Японии по условиям мирного договора. Собеседник называет японцев дикарями, аргументируя свое суждение необразованностью японцев. Однако в своем диалоге о. Сергий опровергает мнение собеседника аргументом в пользу успехов японцев в развитии сельского хозяйства, сообщая ему, «… что в Японии и на полях они молодцы и делают чудеса…» [7]. Это важное, по его мнению, заключение, ведь несмотря на то, что оба государства встали на путь модернизации, они остаются аграрными по существу и теперь, даже в этом Россия начинает отставать от Японии.

Чем больше о. Сергий посещает японские земли Сахалина с целью миссионерства, тем больше обличает пороки русского населения, противопоставляя им восточные народы. «Японцы, сами почти все без исключения грамотные, и хорошо грамотные, с удивлением видят неграмотность русских…Что чувствует русское сердце…?!! Горько, больно, досадно…» [7]. Он явно уязвлен этим фактом, поэтому его не восхищает «образованный Восток», а лишь вызывает опасения за судьбу своего Отечества. Г.А. Тихомиров ужасается состоянием местного русского населения, для него теперь «своими» являются, совершенно другие, японские христиане, в том числе, и из числа обращенных японцев: «Какой-то камень налёг на меня… Не возвратиться ли в Японию, к своим христианам, – там я пьяных среди них не видал ни одного…» [7]. Конструируя для себя образ Востока, он дополняет его и другими народами, упомянув в положительном ключе китайцев: «…перестанет пьянствовать Россия… И чем скорее, тем лучше: ведь и Китай уже воспретил и бросает употребление опиума!» [7].

Постепенно о. Сергий начинает признавать успехи японской модернизации, он подчеркивал дисциплинированность и трудолюбие японцев. Он видел в Японии пример для России в плане сохранения национальной идентичности в условиях быстрых социальных и технологических изменений. Таким образом, у Г.А. Тихомирова складывается дуалистическое отношение к Японии и японцам. С одной стороны, он восхищался их качествами и достижениями, а с другой опасался их мощи и амбиций.

Таким образом, можно сделать вывод о противоречивом отношении деятелей Русской духовной миссии к Японии, сочетающем в себе критику с философским интересом. Отношение превосходства, когда Европа и Россия активно утверждали свое религиозное и культурное владычество над Востоком, сменилось опасениями за распространение восточных религий и угрозу государственности после поражения в русско-японской войне. Этот дуализм отражает сложность и противоречивость российской общественной мысли о Японии на рубеже XIX–XX вв. Несмотря на то, что в 1917 году государство перестало оказывать поддержку Русской духовной миссии в Японии, она заложила фундамент отношений между нашей страной и исследуемым регионом, поэтому переосмысление положительного опыта может способствовать поиску новых форм межкультурного взаимодействия.

Литература

1. Акиньшин А. Феномен христианского мученичества в Японии в XVI–XVII вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-hristianskogo-muchenichestva-v-yaponii-v-xvi-xvii-vv (дата обращения: 10.05.2024).
2. Горбунов И.Г. «Все я потерял, но не потерял одного – веры в бога». Архипастырская и духовно-просветительская деятельность митрополита Сергия (Тихомирова). к 75-летию со дня кончины // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vse-ya-poteryal-no-ne-poteryal-odnogo-very-v-boga-arhipastyrskaya-i-duhovno-prosvetitelskaya-deyatelnost-mitropolita-sergiya (дата обращения: 05.05.2024).
3. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К.Накамура. Т. 5 – СПб: Гиперион, 2004. 958 с.
4. Избранные ученые труды святителя Николая архиепископа Японского. – М.: Издательство ПСТГУ, 2006. – 171 с.
5. Камедина Л.В. Русские духовные миссии в странах Дальнего Востока // РСМ. 2011. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-duhovnye-missii-v-stranah-dalnego-vostoka (дата обращения: 25.02.2024).
6. Кудрявцева Т.М. Образ Японии в газете «Русские ведомости» (1895–1902 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 6 (68). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-yaponii-v-gazete-russkie-vedomosti-1895–1902-gg-1 (дата обращения: 23.05.2024).
7. Митрополит Сергий (Тихомиров) И на Южном Сахалине. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Tihomirov/missionerskie-radosti/#0_18 (дата обращения: 20.02.2024).
8. Митрополит Сергий (Тихомиров). Месяц по Японии: путевые заметки и впечатления [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Tihomirov/mesjats-po-japonii-putevye-zametki-i-vpechatlenija/#source (дата обращения: 13.02.2024).
9. Молодяков В. Э. «Образ Японии» в Европе и России второй полови ны X IX – начала XX века. М.: Институт востоковеде ния РАН, 1996. – 184 с.
10. Яблонская О.В. Япония и японцы в трудах миссионера Николая японского: «Чужие» и «Свои» // Эпоха науки. 2019. № 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yaponiya-i-yapontsy-v-trudah-missionera-nikolaya-yaponskogo-chuzhie-i-svoi (дата обращения: 26.02.2024).

RECEPTION OF THE SOCIOCULTURAL CONSTRUCT “EAST” IN THE DIARIES OF MISSIONARIES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN JAPAN ST. NICHOLAS (KASATKIN) AND METROPOLITAN SERGIUS (TIKHOMIROV)

Konkova V.S.
Vladimir State University named after A. G. and N.G. Stoletov

Ideas about the sociocultural construct “East” are currently insufficiently studied, and therefore the topic of research is relevant. The article is devoted to the analysis of the reception of the sociocultural construct “East” in the perception of representatives of the Russian Orthodox Church who were engaged in missionary activities in the countries of the Far East. Particular attention is paid to the experience of understanding Japanese culture in the context of understanding the prospects for intercultural interaction in the modern world. The conclusion is drawn about the contradictory attitude of the leaders of the Russian spiritual mission towards Japan, combining criticism with philosophical interest. Attitudes of superiority, with Europe and Russia actively asserting their religious and cultural dominion over the East, gave way to concerns about the spread of Eastern religions and the threat to statehood after defeat in the Russo-Japanese War. This dualism reflects the complexity and in-

consistency of Russian public thought about Japan at the turn of the 19th-20th centuries.

Keywords: Russia, Japan, Russian Spiritual mission, Socio-cultural construct, East, intercultural communication.

References

1. Akinshin A. The phenomenon of Christian martyrdom in Japan in the XVI–XVII centuries. // State, religion, church in Russia and abroad. 2022. No.1. [Electronic resource]. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-hristianskogo-muchenichestva-v-yaponii-v-xvi-xvii-vv (date of application: 05/10/2024).
2. Gorbunov I.G. “I have lost everything, but I have not lost one thing – faith in God.” Archpastoral and spiritual and educational activities of Metropolitan Sergius (Tikhomirov). on the 75th anniversary of his death // Bulletin of the Historical Society of the St. Petersburg Theological Academy. 2020. No.2 (5). [Electronic resource]. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/vse-ya-poteryal-no-ne-poteryal-odnogo-very-v-boga-arhipastyrskaya-i-duhovno-prosvetitelskaya-deyatelnost-mitropolita-sergiya (date of reference: 05.05.2024).
3. The Diaries of St. Nicholas of Japan: in 5 vols. / Comp.Nakamura. Vol. 5 – St. Petersburg: Hyperion, 2004. 958 p.
4. Selected scientific works of St. Nicholas, Archbishop of Japan. – M.: Publishing House of St. Petersburg State University, 2006. – 171 p.
5. Kamedina L.V. Russian spiritual missions in the countries of the Far East // RSM. 2011. No. 1. [Electronic resource]. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-duhovnye-missii-v-stranah-dalnego-vostoka (date of application: 02/25/2024).
6. Kudryavtseva T.M. The image of Japan in the newspaper “Russian Vedomosti” (1895–1902) // Bulletin of the Russian State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies. 2011. No.6 (68). [Electronic resource]. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-yaponii-v-gazete-russkie-vedomosti-1895–1902-gg-1 (date of address: 05/23/2024).
7. Metropolitan Sergius (Tikhomirov) And on Southern Sakhalin. [electronic resource]. Access mode: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Tihomirov/missionerskie-radosti/#0_18 (date of application: 02/20/2024).
8. Metropolitan Sergius (Tikhomirov). A month in Japan: travel notes and impressions [Electronic resource]. Access mode: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Tihomirov/mesjats-po-japonii-putevye-zametki-i-vpechatlenija/#source (date of reference: 02/13/2024).
9. Molodyakov V. E. “The image of Japan” in Europe and Russia of the second half of the X IX – early XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1996. – 184 p.
10. Yablonskaya O.V. Japan and the Japanese in the writings of the missionary Nicholas of Japan: “Strangers” and “Their own” // Epoch of Science. 2019. No.18. [Electronic resource]. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/yaponiya-i-yapontsy-v-trudah-missionera-nikolaya-yaponskogo-chuzhie-i-svoi (date of application: 02/26/2024).

Проблема интеллигенции как русского социокультурного явления в творчестве Н.А. Бердяева и современная Россия

Наумова Татьяна Владимировна,
к.ф.н., старший научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН
E-mail: naumova.tv.iphras@mail.ru

Интеллигенция в истории России как социокультурное явление – это важная проблема. На протяжении многих лет советского периода, особенно с середины 60-х годов XX века, она была объектом исследования отечественных специалистов, причем не только занятых в социальной и гуманитарной областях знания, но и политиков, представителей естественных и технических наук. Ныне проблема интеллигенции как русского социокультурного явления тесно связана со многими вопросами современного гуманитарного знания, особенно с процессами цивилизационного развития России в XXI веке. Особую актуальность эта проблема приобретает в связи со 150-летием со дня рождения одного из величайших русских мыслителей XX века, философа, публициста Н.А. Бердяева (1874–1948). В СССР о его интеллектуальном вкладе, как и других русских мыслителей, писалось мало и нередко с негативным оттенком. Работы Н.А. Бердяева объявлялись не имеющими научного значения и на многие десятилетия были вычеркнуты из истории страны. К тому же сама проблема творческого наследия Н.А. Бердяева не была в центре внимания научного сообщества, однако с середины 90-х гг. она стала одной из наиболее дискутируемых в отечественной научной литературе.
Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе анализа критериев принадлежности к интеллигенции, а именно интеллектуально-образовательных, культурных и этико-нравственных, рассмотреть вопрос о том, что представляло собой социальное явление, которое в России именуется интеллигенцией. Речь идет о том, какой Н.А. Бердяев видел русскую интеллигенцию, в чем отличие дореволюционной интеллигенции от интеллигенции нашего недавнего прошлого и интеллигенции постсоветской России, что Н.А. Бердяев предчувствовал в сознании интеллигенции дореволюционной России, от чего предостерегал более 115 лет назад, и что оказалось актуальным в современной России.

Ключевые слова: интеллигенция; интеллектуальная деятельность; образованность; компетентность; интеллект; авторитет; интеллигентность; нравственность; интеллектуал; идентификация.

Русская интеллигенция была такой, какой ее создала русская история, в ее психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории.

Н.А. Бердяев «Вехи»

Бердяев Н.А. оставил огромное научное наследие. Им написаны сорок три книги (переведенные на 14 языков), брошюры, сотни статей. В них большое место занимала тема интеллигенции. Сборник статей «Вехи» – это «философское произведение, образец вольного философствования» (М. Маслин) вышел в 1909 г. Он оставил заметный след в истории русской культуры. Это было время, когда потерпела поражение первая русская революция 1905–1907 гг., произошедшая, по терминологии Н.А. Бердяева, в императорской России[1]. В сборнике «Вехи», по словам Бердяева, «были подвергнуты резкой критике мировоззрение радикальной, революционной интеллигенции», которая «обанкротилась не только внешне и материально, но также внутренно и духовно» [2, с. 155].

В 1918 г. появился на свет сборник «Из глубины», явившийся продолжением сборника «Вехи». Он вышел уже в новой, советской России, когда в стране сменился общественный строй, и началась современная история нашего государства.

Сборники «Вехи» и «Из глубины» имели большое значение в развитии общественной мысли нашей страны. В них участвовали представители русской интеллигенции, известные мыслители начала XX века – философы, правоведы, историки, социологи, политики. Они принадлежали к разным теоретическим направлениям. Общее, что их объединяло – это идеологическое неприятие большевизма, враждебное отношение к революционно настроенной части интеллигенции, нежелание сотрудничать с советской властью. Одним из авторов этих сборников был Н.А. Бердяев.

Методы исследования

Методологической основой исследования стали статьи Н.А. Бердяева в сборниках «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции и «Из глубины». Сборник статей о русской революции, ставший заключительной частью трилогии, в которую входят и «Проблемы идеализма». Они были написаны Н.А. Бердяевым на родине, в России.

Для раскрытия данной темы большое значение имела книга Н.А. Бердяева «Духовный кризис интеллигенции», и одна из самых известных и актуальных ныне его книг «Истоки и смысл русского коммунизма», которая вышла в свет, когда он уже много лет жил в эмиграции. В этих работах Н.А. Бердяев продолжил рассмотрение проблемы интеллигенции, ранее высказанные в сборниках «Вехи» и «Из глубины».

В раскрытии указанной проблемы мы опирались также на реальные процессы, которые сопровождают раз-

[1] Н. А. Бердяев выделял в истории России пять разных Россий: Россию киевская, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и новую, советскую Россию [3, с. 7].

витие российской интеллигенции на протяжении более чем 30 лет постсоветского периода нашей современной истории.

Анализ проблемы интеллигенции как русского социального и культурного явления начнем с определения понятия «интеллигенция». В связи с этим отметим, что оно всегда привлекало внимание исследователей, было одним из обсуждаемых проблем в конце XIX – начал XX века.

Прежде всего отметим, что понятие «интеллигенция» появилось именно в России. Согласно Н.А. Бердяеву, тип русской интеллигенции начал зарождаться уже в XVIII веке. Во второй половине XIX века слой, который именовался просто культурным, становится новым типом и получает название интеллигенция. Это произошло в результате реформы 1861 года, когда зарождалась стремительно-растущая социальная группа лиц, занятых умственным трудом. Именно она стала называться интеллигенцией.

Интеллигенция представляет собой явление, типичное только для русской культуры, и является следствием её развития. Бердяев Н.А. отмечал, что русская интеллигенция – это уникальное, особое, только в России существующее духовно-социальное образование. Интеллигенция у нас это «идеологическая, а не профессиональная и экономическая группировка», поскольку «она всегда была увлечена какими-либо идеями, преимущественно социальными» [3, с. 17–18]. Между тем такого мнения придерживались далеко не все представители русской культуры, полагая, что русская интеллигенция имеет общие сущностные признаки с интеллектуалами европейских стран.

«Интеллигенция» и интеллигенция, как явление русского общественного сознания, «это отнюдь не интеллигенция в западном понимании этого слова». Русскую интеллигенцию нельзя отождествлять с тем, что на Западе называют intellectuels. Это люди «интеллектуального труда и творчества, прежде всего – ученые, писатели, художники, профессора, педагоги и пр. Русская интеллигенция представляет собой совершенно другое образование» [3, с. 17]. Вместе с тем немало представителей русской культуры полагали, что отечественная интеллигенция имеют общие сущностные признаки с интеллектуалами стран Запада.

Понятия «русская интеллигенция» и «западный интеллектуал» близки по значению, но они различаются не только духовно, но и по своему социальному положению. По словам Н.А. Бердяева, западные интеллектуалы – это представители привилегированного слоя общества. В то время как русская интеллигенция состояла из разных социальных слоев общества, была большей частью пролетарской, в социальном смысле слова не буржуазной. Кстати, стоит вспомнить, что в нашем недавнем советском прошлом, особенно с начала 70-х гг. XX века, в интеллигенции, особенно это было характерно для ее отдельных профессиональных групп, происходил процесс самовоспроизводства. Что касается постсоветской России, то трудно сказать, на основе каких социальных групп пополняется интеллигенция. Поскольку уже много лет эта проблема не является объектом исследования отечественных специалистов.

Русская интеллигенция и западный интеллектуал отличаются друг от друга и по социальным функциям. У русской интеллигенции как хранительницы культуры они более широкие по сравнению с функциями интеллектуала.

Категория интеллигенции как русского социокультурного явления меняется в зависимости от того, к какой исторической эпохе относится её происхождение. Однако постоянным остаётся то, что принадлежность к интеллигенции предполагает выполнение ею специфических функций, состоящих в профессиональном занятии сложным умственным трудом высокой квалификации.

К тому же для характеристики признаков, присущих интеллигенции, большое значение имеет наличие у неё определенных этико-нравственных качеств. Прежде всего, речь идет о наличии такого этико-нравственного качества, как интеллигентность, говоря словами Н.А. Бердяева, «духовным аристократизмом».

Интеллигентность представляет собой интегрированное выражение интеллектуальных, культурных, гражданских, этических качеств человека. В нашем далеком прошлом эти качества русской интеллигенции передавались из поколения в поколение. С интеллигентностью издавна связано представление об интеллектуальных, культурных, этических качествах человека, подвижничестве, высокой нравственности. Согласно российской традиции, интеллигент обычно рассматривался как носитель высоких морально-нравственных и духовных качеств, который отстаивает нравственные правила бытия, анализирует, насколько данное общество им соответствует, выдавала «ему негласный сертификат на существование, либо открыто заявляла, что так жить нельзя» [10, с. 62].

Вряд ли следует идеализировать дореволюционную русскую интеллигенцию. Она нередко ошибалась, для нее были характерны и расколы, и метания. Однако она, как правило, вводила и отстаивала нравственные правила нашего далекого прошлого, брала на себя социальную функцию общественного самосознания во имя всего народа, готова была пожертвовать личным благополучием ради общественного блага. Дореволюционная русская интеллигенция чувствовала свою ответственность не только за то, в чем она непосредственно не участвовала, но и за то, что совершалось помимо ее воли и желания. Поэтому ее нередко называли «кающейся».

Сегодня российская интеллигенция живет в обществе с изменившимся жизнеустройством, обликом и системой ценностей, что накладывает отпечаток на самосознание интеллигенции. У определённой части тех, кого в новой России принято считать интеллигенцией зачастую отсутствует такое качество, как интеллигентность. Согласно Н.А. Бердяеву, «интеллигенты далеко не всегда бывают у нас интеллигентны» [2, с. 11]. Подтверждением этому может служить то, что либерально-настроенная часть интеллигенции постсоветской России не только не чувствует своей ответственности за радикальные преобразования начала 1990-х гг. в том виде, в котором они были проведены. Когда, выражаясь словами философа права П.И. Новгородцева, «ломались вековые традиции народа, его ментальность, животворящие святыни народного бытия», «резко и радикально изменялся тип цивилизации» (Н.А. Бердяев).

В научной литературе в начале 2000-х годов такую интеллигенцию стали называть полуинтеллигенцией, которой была свойственна внутренняя казенщина, дефицит образованности, невысокие культурные запросы. Н.А. Бердяев, в отличие от интеллигенции в общенациональном, общеисторическом смысле этого слова, называл такую интеллигенцию «интеллигентщиной», ибо ее характеризуют «инертность мысли и консерватизм чувств… косность в основном душевном укладе» [4, с. 24].

Если быть справедливым, то в процессе радикального слома прежних структур нашего общества интеллигенция преодолела социальное безразличие, добилась права на свободу творчества. Однако, выражаясь словами русского мыслителя С.Н. Булгакова, кроме разру-

шения старого (советской власти) интеллигенция современной России ничего конструктивного не предложила взамен, «её созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных».

В результате ныне интеллигенция потеряла свой былой авторитет, потерпела «поражение на поприще социальных и культурных метаморфоз» [11, с. 215]. Она вяло откликается на последствия произошедших перемен. Исключением, пожалуй, является критическое отношение интеллигенции к реформе Российской академии наук, начатой десять лет назад [7, с. 12].

Интеллигентность предполагает и наличие у человека, причисляющего себя к интеллигенции широкой культуры и мышления. Большую роль здесь играет философия как форма гуманитарной культуры. Однако на протяжении ряда последних лет философию исключают из многих образовательных программ. Это мотивируется, в частности, тем, что философия как образовательная дисциплина необходима лишь тем, кто будет заниматься фундаментальной наукой, и чья деятельность связана с психологией и педагогикой.

Нечто подобное описывал Н.А. Бердяев 115 лет назад, когда отмечал, что русская интеллигенция «никогда по-настоящему философии не знала и не понимала». Она интересуется только тем, «благоприятна или нет эта теория идеи социализма, послужит ли она благу и интересам пролетариата» [4, с. 29]. Н.А. Бердяев резко выступал против укоренившегося в среде русской интеллигенции представления о первенстве политики над философией, философскими учениями. Он критиковал тех, кто не признавал самостоятельного значения философии и философской истины, кто оценивал философские учения и философские истины по критериям политическим и утилитарным, подчиняя их интересам политики, партий [4, с. 26]. И еще. Если интеллигенция была политически индифферентна, то она «никогда не пользовалась у нас особенным уважением и популярностью» [4, с. 33].

Возвращаясь к вопросу о роли философии в приобретении человеком, причисляющим себя к интеллигенции, разносторонних знаний, отметим следующее. Как образовательная дисциплина философия выполняет не только такую важную функцию, как просвещение, но и умение сформировать основы мышления, общие принципы познания, прививает будущим профессионалам навыки научного мышления, особое представление о человеке, мире. Иначе говоря, философия является мировоззренческим и методологическим ориентиром. А это важно и при освоении технических дисциплин, ибо способствует получению специалистами фундаментального образования.

Философия чрезвычайно важна и для интеллигенции, занимающейся наукой. С помощью философии интеллигенция осознает место своей дисциплины в системе знаний, основные проблемы той ее области, которой интеллигенция занимается. Кроме того, философия как наука определяет исследовательские проекты и их результаты с этической точки зрения [6, с. 85–87]. К тому же философия помогает интеллигенции, занятой в различных областях знания, приобщиться к культуре как к совокупности высших духовных ценностей – философских, моральных, эстетических, стать человеком, обладающим развитым самосознанием. Ныне актуально звучат слова Н.А. Бердяева о том, что «нам нужна серьезная философская культура», между тем ее «можно встретить лишь у отдельных личностей» [4, с. 25].

В постсоветской России в результате культурной, морально-нравственной деградации в российском обществе многие из признаков интеллигентности оказались девальвированными. Причин этому несколько. Мы отметим некоторые из них. Прежде всего, стоит сказать о слишком стремительном росте численности интеллигенции в нашем недавнем прошлом. Если в конце XIX – начале XX столетия интеллигенция была очень тонким культурным слоем общества – около 1 млн человек, то в советское время в результате повышения привлекательности труда интеллигенции во второй половине XX столетия число лиц, занятых в интеллектуальной сфере деятельности, достигло более 37 млн человек. По данным 2020 года высшее образование, как один из признаков принадлежности к интеллигенции, имели 35,4%, а среднее профессиональное – 25,6% [9, с. 126]. Ныне в таких сферах деятельности, как экономика, юриспруденция, медицина и гуманитарная область наблюдается быстрый рост численности интеллигенции, и даже ее огромный переизбыток.

Очевидно, что резкий рост численности интеллигенции способствовал тому, что в интеллектуальной сфере не только радикально изменился социальный статус интеллигенции в обществе, но и ее этико-нравственные и культурные качества.

Отсутствие у определённой части интеллигенции такого морально-нравственного качества, как интеллигентность, можно объяснить невостребованностью способностей и умений интеллигенции, невозможностью иметь достойный уклад и образ жизни, невысокий уровень оплаты умственного труда. Именно неблагоприятные для интеллигенции материальные, правовые, психологические условия её жизни и деятельности в современной России привели её к серьёзному пересмотру ценностных установок.

Из российской истории известно, что в начале XX века в общественном сознании интеллигенция ассоциировалась с профессионалами – врачами, учителями, инженерами, которые занимались решением проблем народного образования, медицины, оказывали содействие промышленности.

Сегодня многие представители интеллигенции сменили сферу приложения своего труда, свою социальную и культурную идентификацию, связав себя с бизнесом и властью. Вне всякого сомнения, в рядах этой группы людей немало тех, которые обладают высокими нравственными качествами, руководствуются совестью, велениями долга, ощущают свою причастность к социальной и духовной жизни страны.

Между тем безупречно честных представителей интеллигенции в бизнесе и власти крайне мало. Значительно больше тех, кто руководствуется достижением личных целей, высокого положения в обществе, кого характеризует непорядочность.

Примером может интеллигенция, занятая в научной сфере деятельности. Ныне наука нередко пополняется людьми (солидными чиновниками и бизнесменами), которые на профессиональной основе наукой никогда не занимались, которые, по словам Н.А. Бердяева, «не были людьми науки», у них «новый антропологический тип», «новое выражение лиц», «иная поступь», «иные жесты» [3, с. 101]. Они входят в науку с помощью примитивного жульничества. Речь идет о купле-продаже ученых степеней и званий на «теневом» рынке со стороны чиновников и бизнесменов. Мы живем в иное время, но до сих пор улавливается связь нашего настоящего с нашим прошлым. Не потеряли своей актуальности слова Н.А. Бердяева: «нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции. А взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией. Взятка расцвела еще больше, чем когда-либо» [1, с. 57].

К тому же пополнение науки за счет чиновников и бизнесменов подрывает моральные основы научной деятельности, когда наука становится источником коррупционного дохода. В самом иерархически организованном виде деятельности, как написание чужих диссертаций заняты представители интеллигенции – как обычные профессионалы, так и способные исследователи, а нередко и бизнесмены от науки.

Заключение

В октябре 1917 г. в нашей стране произошла революция, духовное руководство в которой принадлежало революционно-настроенной части интеллигенции[1]. Это была та часть интеллигенции, которую еще в начале XX века критиковал Н.А. Бердяев, называя ее кружковой, специфической интеллигенцией [4], «третьим элементом», «бродилом русской революции» [2, с. 68]. Согласно Н.А. Бердяеву, «революция, о которой интеллигенция всегда мечтала, оказалась для нее концом» [3, с. 126], ибо в ней «перемешались добро со злом, правда с ложью» [2, с. 57].

После смены власти в стране по-разному сложилась судьба русской интеллигенции. Одна часть русской интеллигенции отдала свои знания, талант делу строительства нового общественного строя. В то время как другая ее часть – выступила против социалистической альтернативы. Негативное отношение к событиям Октября 1917 г. выражал и Н.А. Бердяев. Он говорил: «идеологически я отношусь отрицательно к советской власти». Он считал, что «с Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну». По мнению Н.А. Бердяева русская революция «превратила Россию в бездыханный труп», «бедствие и несчастье она принесла нашей родине». Он полагал, что «тот новый мир, который возникнет на развалинах старого мира, есть мир щигалевщины (одного из героев романа Ф.М. Достоевского «Бесы») [3, с. 51, 52, 73, 120].

Кроме того, Бердяев был убежден в том, что «русская революция враждебна культуре, поскольку она хотела бы истребить весь культурный слой наш, утопить его в естественной народной тьме» [Там же, с. 84]. Уже находясь в эмиграции, Бердяев Н.А. в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» критиковал политику советского государства по отношению к науке. Он полагал, что диалектический материализм как часть марксистской философии «нелепым словосочетанием».

К тому же русская революция возносит на высоту представителей физического труда и низвергает представителей труда духовного. «Те, которые были внизу, – подчеркивал Бердяев, – возносятся на самую вершину, а те, которые были на вершине, упали вниз…рабы стали безгранично свободными, а свободные духом подвергаются насилию» [Там же, с. 52, 84].

Октябрьская революция 1917 г. стала для отечественной интеллигенции водоразделом, который по-разному определил ее судьбу. Интеллигенция оказалась расколотой. Одна – осталась на родине, связала свою жизнь с Советской Россией. Другая часть русской интеллигенции ее покинула. Осенью 1922 года (29 сентября и 16 ноября) на пароходах «Пруссия» и «Обербургомистер Хакене (впоследствии один из них стал гостиницей во Владивостоке) из Советской России были высланы более 200 человек, большинство из которых это – философы, богословы, ученые, писатели, политики, инженеры. Они составили так называемый «философский пароход», ставший символом эмиграции интеллигенции из Советской России.

Здесь мы хотели бы сделать некоторое отступление. Руководителем революции 1917 года, создателем советского государства и организатором высылки из страны цвета науки, интеллектуальной элиты нации был В.И. Ленин, 100-летие со дня смерти которого отмечается в 2024 г. Речь пойдет о характеристике Ленина, которую ему давал Бердяев. Сразу отметим, что далеко не все в ней бесспорно, более того, многое несправедливо.

По словам Н.А. Бердяева, Ленин был типически русский человек с типическими чертами русского народа, такими как простота, цельность, грубоватость, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе.

Ленин не был типическим русским интеллигентом. В нем черты русского интеллигента сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство, соединяющих в себе русских государственных деятелей деспотического типа. Ленин соединял в себе простоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством. Он не был жестоким человеком, но исключительная одержимость одной идеей, идеей революции, привели его к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе за свои идеи. Свидетельством этому могут служить гонения на церковь. Видимо, это было связано с желанием получить церковную собственность и установить коммунистическую идеологию в целях строительства нового общественного строя – социализма.

Что касается философии, отмечал Бердяев, то здесь Ленин был очень отсталый, поскольку читал исключительно для борьбы за власть Его невероятную наивность в философии можно объяснить тем, что истину надо искать не в сознании и мышлении, а в напряженной революционной воле. Тип духовной культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно, у него не было обширных знаний, большой умственной культуры.

Представляется, что негативное отношение Бердяева к личным качествам Ленина в значительной степени можно объяснить чувством обиды Бердяевым за высылку его из России, которую он искренне любил.

Надо отметить, что, с одной стороны, Бердяев критически оценивает Ленина, его личные качества, а с другой стороны – показывает его огромную историческую роль в жизни нашей страны, Бердяев подчеркивает, что Ленин – это демонстрация роли личности в исторических событиях. Согласно Бердяеву, Ленин остановил хаотический распад России, призывал к дисциплине, к ответственности, к положительному строительству, а не к одному разрушению [3, с. 94, 95, 96, 97, 100, 131].

После взятия политической власти в Октябре 1917 г., когда наша страна оказалась в состоянии полной хозяйственной разрухи, Ленин успешно решил проблему формирования собственных кадров интеллигенции необходимых для осуществления социальных преобразований, а также привлечения к делу строительства социализма и старой, буржуазной интеллигенции, носителей знаний и культуры. За более чем семь десятилетий советской власти интеллигенция оказала огромное влияние на социально-экономическое и культурное развитие нашей страны.

Возвращаясь к основной проблеме статьи, отметим следующее. Среди тех, кто вынужден был покинуть страну, оказался и Н.А. Бердяев. В результате его творческая жизнь оказалась связанной – с Русским зарубежьем, со своеобразным социокультурным феноменом,

[1] В России, будь то далекое или близкое прошлое, интеллигенция никогда не была однородной ни по мировоззрению, ни по политическим взглядам.

сохраняющим традиции отечественной культуры и философии. «Я не хотел эмигрировать, – говорил Бердяев, – и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться. Но вместе с тем было чувство, что я попаду в более свободный мир» [цит. по: 5, с. 233].

За рубежом Н.А. Бердяев имел неограниченную творческую свободу, возможность самовыражения. Он пользовался на Западе большой популярностью, и высоким авторитетом, занимал приоритетное положение в своей области научного знания, стал в Западной Европе одним из классиков русской философской мысли. До сих пор Н.А. Бердяев остается одним из наиболее влиятельных философов Русского зарубежья. В 1947 г. он был удостоен почетного звания доктора homorus causa (теологии), которое ему присвоил Кембриджский университет. К слову, после И.С. Тургенева и П.И. Чайковского Н.А. Бердяев – третий русский, удостоенным этой высокой награды. Труды Н.А. Бердяева были опубликованы во многих странах мира. В нашей стране по достоинству они были оценены только в постсоветской России, и ныне являются национальным достоянием постсоветской России. Ныне творческое наследие Бердяева стало частью исследовательского процесса, который происходит в современной России. Работы Н.А. Бердяева, как и других известных русских мыслителей, широко используются и в системе высшего образования. Подтверждением этому может служить анкета, которую распространил журнал «Вопросы философии» среди ученых, занятых как в академической науке, так и в высшей школе. Её целью было выяснение вопроса о том, каким должен быть учебник по философии как общеобразовательной дисциплине. Н.А. Бердяев был назван одним из русских мыслителей, труды которого должны явиться основой этого учебника [8].

Сегодня, обращаясь к творчеству Н.А. Бердяева, в частности к его работам в сборниках «Вехи» и «Из глубины», «Истоки и смысл русского коммунизма» и некоторым другим, мы пытаемся возродить память о Н.А. Бердяеве, искупить историческую вину перед ним. Несомненно, он достоин уважительной памяти и как высокий профессионал, патриот оставленной им страны, истинный интеллигент.

И еще, что не менее важно. Находясь за рубежом, Н.А. Бердяев по-прежнему в своих работах размышлял о России, ее роли в мировой истории. Он не унижал себя русофобией, всегда ощущал себя русским человеком, неотъемлемой частью России, сохранял любовь и преданность своей стране, которую он пронес через всю свою жизнь, тосковал по России, болел за ее судьбу и как человек, и как профессионал. В эмиграции, уже на закате своей жизни Н.А. Бердяев пытался увидеть «не только ложь, но и правоту коммунизма», позитивные изменения, произошедшие в стране. Он даже думал о том, чтобы вернуться на родину. При этом основным условием возвращения Н.А. Бердяев считал свободу творчества. Он подчеркивал, «…когда мои книги, те, что написаны тут, в эмиграции напечатают, они будут продаваться свободно в книжных лавках в России, когда они будут допущены в народные библиотеки, тогда я и вернусь» [цит. по: 5, с. 356].

Отметим, что в начале 90-х годов прошлого столетия в научной литературе высказывалось мнение, что интеллигенция как русское социокультурное явление практически сошла с исторической сцены. О кончине интеллигенции говорил и Н.А. Бердяев в начале XX века в связи с реакцией общества на события революции 1905–1907 гг. в сборнике «Вехи» и в сборнике «Из глубины», пытаясь осмыслить революционные события 1917 г.

Как отмечалось ранее, в постсоветской России интеллигенцию как социокультурное явление определяют как особую социальную группу людей, занятых интеллектуальным трудом, для которых создание духовных и нравственных ценностей, поиски знания и активное участие в их передаче народу является основной сферой деятельности. К тому же это люди, которые обладают интеллигентностью.

Согласно Бердяеву, «…принадлежать к интеллигенции должны лишь те, кто обладает высокими качествами: умственными, нравственными или эстетическими, особыми знаниями, энергией или творчеством, талантом, гением или пророческим даром» [2, с. 11].

Если обратиться к современной российской реальности подчеркнем, что ныне, когда прошло четверть XXI века, интеллигенция в своем большинстве верна своему общественному предназначению: обеспечивать воспитание и образование людей, участвовать в формировании и распространении духовных и нравственных ценностей, наработанных столетиями российской и мировой цивилизацией, сохранять и развивать культуру. Сегодня у нас есть самостоятельно мыслящие обладающие не только высоким профессионализмом, но и моральными качествами, мощным культурным потенциалом люди, настоящие интеллигенты. Правда, современная российская реальность показывает, что таких представителей интеллигенции у нас явно недостаточно.

Для того чтобы стать духовным и нравственным ориентиром современного российского общества, лидером исторических перемен, интеллигенция должна, выражаясь словами Н.А. Бердяева, «освободиться “от внутреннего рабства”, возложить на себя ответственность, и перестать во всем винить внешние силы, тогда народится новая душа интеллигенции» [4, с. 42]. Интеллигенция должна найти в себе мужество признать свои ошибки, извлечь из них уроки, научиться не только разрушать прошлое, но и созидать будущее. Это необходимо для решения проблем социального, духовного, культурного развития страны.

Литература

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990а. – С. 55–89.
2. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. – М.: Канон+, 1998. – 400 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Репринт. воспроизведение. – М.: Наука, 1990б. – 221 с.
4. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России / Сб. ст., 1909–1910. – М.: Мол. гвардия, 1991. – С. 24–42.
5. Волкогонова О.Д. Бердяев. Жизнь замечательных людей. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 390 с.
6. Ильин А.Н. Утилитаризация науки в обществе потребления // Свободная мысль. 2019. № 1. С. 79–88.
7. Касавин И.Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–14.
8. Пружинин Б., Щедрина Т. Философия как общеуниверситетская дисциплина: какой учебник нужен сегодня? // Вопросы философии. 2023. Т. № 10. С. 36–63.
9. Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. сб. – М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2021. – 692 с.
10. Столяров А. До света. «Вехи» как пророчество // «Вехи»-2009: к 100-летию сборника / ред.-сост. В.И. Толстых. – М.: ИФ РАН, 2011. – С. 55–64.

11. Толстых В. Что дальше? Вместо заключения // «Вехи»-2009: к 100-летию сборника / ред.-сост. В.И. Толстых. – М.: ИФ РАН, 2011. – С. 200–215.

THE PROBLEM OF THE INTELLIGENTSIA AS A RUSSIAN SOCIO-CULTURAL PHENOMENON IN THE WORKS OF N.A. BERDYAEV AND MODERN RUSSIA

Naumova T.V.
RAS Institute of Philosophy

The intelligentsia in the history of Russia as a socio-cultural phenomenon is an important problem. For many years of the Soviet period, especially since the mid-1960s of the twentieth century, it has been the object of research by domestic specialists, not only those engaged in social and humanitarian fields of knowledge, but also politicians, representatives of natural and technical sciences. Nowadays, the problem of the intelligentsia as a Russian socio-cultural phenomenon is closely connected with many issues of modern humanitarian knowledge, especially with the processes of civilizational development of Russia in the 21st century. This problem is particularly relevant in connection with the 150th anniversary of the birth of one of the greatest Russian thinkers of the twentieth century, philosopher, publicist N.A. Berdyaev (1874–1948). In the USSR, his intellectual contribution, like that of other Russian thinkers, was little written about and often with a negative connotation. The works of N.A. Berdyaev were declared to have no scientific significance and were deleted from the history of the country for many decades. In addition, the very problem of N.A. Berdyaev's creative heritage has not been in the center of attention of the scientific community, however, since the mid-90s. It has become one of the most debated in the Russian scientific literature. The purpose of this article is to analyze the criteria of belonging to the intelligentsia, namely intellectual, educational, cultural and ethical, to consider the question of what constituted a social phenomenon, which in Russia is called the intelligentsia. We are talking about how N.A. Berdyaev saw the Russian intelligentsia, what is the difference between the pre-revolutionary intelligentsia from the intelligentsia of our recent past and the intelligentsia of post-Soviet Russia, that N.A. Berdyaev had a premonition in the minds of the intelligentsia of pre-revolutionary Russia, which he warned against more than 115 years ago, and which turned out to be relevant in modern Russia.

Keywords: intelligentsia; intellectual activity; education; competence; intelligence; authority; intelligence; morality; intellectual; identification.

References

1. Berdyaev N.A. The spirits of the Russian Revolution // From the depths: A collection of articles about the Russian Revolution. – Moscow: Publishing House of the Moscow University, 1990. – P. 55–89.
2. Berdyaev N.A. The spiritual crisis of the intelligentsia. – Moscow: Canon+ Publ., 1998. – 400 pp.
3. Berdyaev N.A. The origins and meaning of Russian communism / Reprint. – Moscow: Nauka Publ., 1990. – 221 p.
4. Berdyaev N.A. Philosophical truth and intellectual truth // Milestones. Intelligentsia in Russia / Collection of articles, 1909–1910. – Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1991. – P. 24–42.
5. Volkogonova O.D. Berdyaev. The life of wonderful people. – Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2010. – 390 p.
6. Ilyin A.N. Utilitarization of science in consumer society // Free thought. 2019. No. 1. P. 79–88.
7. Kasavin I.T. Science as a political subject // Sociological research. 2020. No. 7. P. 3–14.
8. Pruzhinin B. I., Shchedrina T.G. Philosophy as a General University Discipline: What Textbook Do We Need Today? // Voprosy Filosofii. 2023. No. 10. P. 36–63.
9. Russian Statistical Yearbook. 2021. – M.: State Com. Ros. Federation of Statistics, 2021. – 692 pp.
10. Stolyarov A. Before the light. "Milestones" as a prophecy // "Milestones"-2009: to the 100th anniversary of the collection / ed.-comp. V.I. Tolstykh. – M.: IF RAS Publ., 2011. – P. 55–64.
11. Tolstykh V. What's next? Instead of a conclusion // "Milestones"-2009: to the 100th anniversary of the collection / ed.-comp. V.I. Tolstykh. – M.: IF RAS Publ., 2011. – P. 200–215.

Социально-философский анализ феномена исторического сознания: аспекты локализации и дефрагментации

Пичугин Виталий Григорьевич,
кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психологии и развития человеческого капитала», Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: VGPichugin@fa.ru

Коробанова Жанна Владимировна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психологии и развития человеческого капитала», Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: zhkorobanova@fa.ru

В статье рассматриваются теоретические вопросы исторического сознания общества и личности, механизм формирования локализации, фрагментации и дефрагментации. Актуальность темы исследования определяется важностью и необходимостью выявления процессов, связанных с изменениями в историческом сознании общества и их влияния на социальную стабильность, государственную политику, направленную на сохранение памяти о прошлом. Основная цель исследования – выявление сущности и механизма локализации, фрагментации и дефрагментации исторического сознания. По результату исследования представлено определение процесса локализации, сущностные характеристики фрагментации и дефрагментации, выявлены механизмы указанных процессов и их влияние на политику государства в сфере сохранения исторической памяти. Выводы, изложенные в исследовании, могут представлять интерес для дальнейшего уточнения и дополнения классификации видов и форм исторического сознания общества.

Ключевые слова: история, личность, развитие, историческое сознание, социум, общество, сознание.

Введение

Историческое сознание общества подвержено динамическим изменениям, которые вызваны как субъективными, так и объективными причинами. Память, предпочтения, установки, возраст, убеждения, верования, жизненный опыт человека, во многом будут определять содержание индивидуального исторического сознания, которое в обществе локализуется по различным субъективно-объективным основаниям. Например, либеральная общественность, в силу своих убеждений, позиции, верований, будет воспринимать, представлять и трактовать историю отлично от людей с консервативной позицией или государственно-патриотической, научное сообщество историков, даже при наличии идеологической ангажированности, скорее будет обладать особым профессиональным историческим сознанием в противовес далёким от истории гражданам, имеющим обыденное историческое сознание, также, не смотря на все теоретические и практические достижения науки, остаётся популярным мифологическое историческое сознание. Подобные классификации указывают на локализацию в обществе по определённым признакам представления и понимания прошлого. Таким образом, историческое сознание в социуме фрагментируется, представляя собой доведённые до противоположности оценки, эмоциональные переживания, мнения, представления, знания о прошлом, что опосредуется множеством факторов: социально-психологических, политических, экономических, демографических, и др. Процесс локализации и фрагментации, с одной стороны закономерен и естественен, с другой, во многом, является следствием целенаправленного воздействия различных акторов. Представляется достаточно важным и актуальным определение теоретической и практической значимости указанных феноменов общественного сознания, их влияния на историческую память, возможности управления историей, создания и разрушения исторических конструктов.

Историческое сознание как «продукт общества» [1, с. 21] не может быть однородным и постоянным в силу природы самого общества, в котором всегда происходят многообразные перемены во всех сферах социальной жизни. Поэтому в историческом сознании присутствует изменчивость, приводящая к локализации множества разделяемых реальностей, формированию идентичностей на основе отношения к прошлому, то есть «не только в личностном, но и в коллективном отношении» [2]. Важность рассмотрения локализаций заключается в необходимости выявления механизма процесса фрагментации исторического сознания общества, который приводит к множеству локальных областей идентичности, затрудняющих или делающих невозможным дефрагментацию разрозненных локализаций в историческом сознании общества.

Процессы локализации и фрагментации

Под локализацией исторического сознания понимается формирование у определённых социальных общностей представления о настоящем и будущем на основе совпа-

дающего (полностью или частично) понимания прошлого, что позволяет обособить или отделись индивида и группу от других по признаку восприятия, отношения, трактовки исторических событий. Локализация ведёт к фрагментации исторического сознания общества, созданию крайних противоположностей, непримиримо отрицающих друг друга и создающих общую нестабильность. Появляется фактор идентификации «своих и чужих» на основе идеализации своей общности с «правильным» пониманием прошлого и недоверия (часто, ненависти) к любой другой, «неправильно» истолковывающей историю, её нравственное, идеологическое и политическое значение в настоящем. Создаются субъективные разделяемые в сообществе рамки восприятия и интерпретации исторических фактов или отрицания таковых, отсюда понятия «объективность» и «непредвзятость» возможны только в рамках свой социальной общности, у других это провозглашается средствами манипуляции общественным сознанием.

Локализация требует установления границ путём создания образа «своих» и «чужих». Эти границы поддерживаются на всех уровнях социальной коммуникации, от обыденного общения до целенаправленного влияния через средства массовой информации. Образы «других» постоянно транслируются в СМИ, люди регулярно вступают в контакт с «другими», которые по каким-то параметрам отличаются от них [3, с. 21]. Именно искусственное (или естественное) создание и отстаивание границ поддерживает процесс локализации и фрагментации исторического сознания общества.

Локализация исторического сознания зачастую результат управления историей, когда процесс общественного и личностного развития имеет в своей основе новые трактовки и пересмотр событий прошлого, что инициировано определёнными субъектами общественного развития для реализации своих политических, экономических, идеологических интересов. По мнению А.М. Руткевича: «Историю начали писать люди, желавшие сохранить память о героях прошлого для потомков, показать ошибки и преступления правителей в качестве урока для нынешних и будущих, восславить свой город или государство. Мы постоянно сталкиваемся с такого рода текстами и поныне – изменились лишь средства. То, что в учебниках по национальной истории присутствуют практические цели, ни для кого не является секретом, поскольку на уроках истории нужно в том числе и воспитывать будущих граждан. Партийная пропаганда, информационные войны, юбилеи, смена одних памятников другими – все это и многое другое имеет отношение к практическому использованию исторических знаний. Немалое число историков и философов считает это неизбежным, и выбор имеется лишь между «хорошим» и «дурным» использованием» [4, с. 30]. Однако, современная политика управления историей не делает выбор между «хорошим» и «дурным» использованием, руководствуясь, скорее целесообразностью, выгодой, интересами, поскольку прошлое необходимо для создания лучшего будущего, для чего возможно конструировать нужную историю, создающую определённые локализированные конструкты в историческом сознании общества.

Механизм локализации обусловлен двумя направлениями, с одной стороны, целенаправленная деятельность глобальных акторов по созданию альтернативных вариантов прошлого посредством современных информационно-коммуникативных технологий, с другой, в соответствии с социально-психологическими законами, выбор и обособление людьми своей референтной группы с разделяемыми ценностями, представлении о прошлом и настоящем.

В первом случае можно обнаружить устоявшуюся традицию использования истории в интересах определённых политических кругов, что происходит с древних времён и до сегодняшнего дня. По мнению политолога Дж. Филлипса, политизацией истории является: «целенаправленный процесс отбора, ведущий к отбраковке и утрате некоторых событий, тогда как другие сохраняются и превращаются в символы идентичности» [5, с. 4]. Данный процесс наблюдаем в любой исторической эпохе, что позволяет рационализировать принимаемые политические решения, оправдать и обосновать легитимность власти. Выбирая рамки «допустимой истории», создаётся локализация сознания в этих рамках с разделением идентичности (принадлежности по признаку восприятию фрагментированной истории).

Во втором случае индивидуум присоединяется к определённой группе, близкой или идентичной его пониманию прошлого. На практике это проявляется в создании своего круга общения. В друзья в социальных сетях добавляются аккаунты людей, выражающих такую же позицию, удаляются из списка друзей люди с другой картиной мира. В результате образуется «круг единомышленников», они же становятся референтной группой, чьё мнение важно и учитывается конкретным человеком при выработке отношения к событиям прошлого и настоящего. В таких локальных группах ярко проявляется социально-психологический феномен стереотипизации, позволяющий объединять восприятие и оценку в рамках одной группы и обосабливаться от других, имеющих свои стереотипы восприятия и оценки прошлого.

Фрагментированное историческое сознание легко подвергается манипуляции, путём провоцирования борьбы с любыми «другими» как на уровне теоретическом (идеологическом), так и поведенческом. Например, революция и свержение власти многоплановый процесс, в котором немаловажную роль играет обращение к аспектам исторического сознания определённых групп с их ощущением исторической несправедливости, придуманным или реальным фактам произвола и угнетения в прошлом, что является мотивом выхода на митинги, баррикады, протесты и т.п.

Противоположностью локализации и фрагментации исторического сознания общества является процесс дефрагментации, который также имеет ряд особенностей и механизмов реализации.

Дефрагментация исторического сознания

Историческая политика государства, помимо других целей, направлена на формирование целостного исторического сознания граждан. Сам термин «историческая политика» получил содержательное наполнение в результате попыток германского канцлера Г. Коля в 1980 – х годах «закрыть страницы истории» или совершить «моральный переворот» в сознании немецкого общества с целью избавить его от ответственности и чувства вины за нацистские преступления времён войны 1941–1945 гг.. Правительство Германии финансировало проекты культурно-исторических исследований о социальных последствиях нацистского прошлого для современного облика страны. В исследованиях приняли участие множество учёных, в том числе Э. Нольте, Ю. Хабермас, М. Штюмер. Была разработана концепция «исторической политики» как инициированного и продвигаемого германской властью процесса переосмысления исторической памяти гражданами Германии. Содержанием данного переосмысления явилось представление идеи, что идеология нацистов бы-

ла объективной и закономерной реакцией на идеологию коммунизма, при этом воплощение нацистской идеологии представлено как противостояние восточному варварству, угрожающему просвещённому Западу [6]. Таким образом в историческое сознание германского общества (и не только германского) была вброшена идея о нацизме как «меньшем зле», которое должно было победить «большее зло» – коммунизм. Социальная общность должна быть объединена общим представлением о прошлом (дефрагментация), что позволяло бы сохранять стабильность в настоящем, отсутствием вины и коллективной ответственности за деяния предков.

Социальный психолог С. Московичи формулирует сущность исторической политики, представляя её в виде специализированной технологии по «управлению временем», которую используют элиты с целью манипуляции массовым сознанием разных социальных общностей [7]. Следует отметить, что данные манипуляции в отношении социальных общностей направлены на создание у них приемлемого для власти представления о истории государства, что должно вызывать поддержку действий представителей власти в настоящем. Такого мнения придерживаются философы Й. Хейзинга, М. Хальбвакс, полагая, что практику социального управления необходимо рассматривать как средство политической борьбы субъектов общественного развития, то есть борьбы за власть, привлечения на свою сторону как можно большего числа граждан через социально-психологическое воздействие на общественное сознание. Отечественный историк А.И. Миллер полагает, что историческая политика это: «особая конфигурация методов сознательной и целенаправленной политической инженерии, предполагающая качественно иное, намного более интенсивное, чем обычно, вмешательство в трактовку истории той части политической элиты, которая контролирует власть в данный момент, для борьбы с внутренней оппозицией и для достижения определенных целей в деле «нациестроительства», а также для получения определенных преимуществ в международных отношениях» [8, с. 26]. То есть, борьба с «внутренней оппозицией», представляет собой воздействие на сознание части общества с целью его переформатирования (устранения существующего фрагмента) и создания нового социально-исторического конструкта, позволяющего влиять на идентичность индивидуума и группы.

В реализации исторической политики заинтересовано государство, поэтому оно является основным субъектом системно и целенаправленно применяющим весь арсенал средств социально-психологического, экономического, нормативно-правового, информационного, идеологического влияния с целью создания и поддержания функционирования социальной реальности и порядка, управления сознанием общества, внедрением исторических конструктов, образов «врага» и т.п. Стремление государства к дефрагментации исторического сознания вызвано насущной необходимостью поддержания социальной стабильности, поэтому историческую политику можно рассматривать как инструмент консолидации общества настоящего на основе создания общеразделяемого восприятия прошлого.

Другим важным субъектом исторической политики являются различные негосударственные структуры. Обладая значительным потенциалом воздействия на широкую аудиторию благодаря современным средствам информатизации многие транснациональные корпорации, организации подвластные финансовым элитам, частные средства массовой информации, международные и национальные преступные организации, востребованные в публичном пространстве интеллектуалы, деятели религиозных общин выступают инициаторами в своих личных, групповых, корпоративных интересах определённых конструктов «актуализированного» коллективного прошлого с целью легитимации и продвижения своих идей, политических амбиций, создания благоприятного имиджа, и др.

В отличии от государства, деятельность негосударственных структур не определяется стремлением использовать историческую политику для дефрагментации «сборки» исторического сознания за исключением отдельных случаев, в общем их историческая политика (продвижение и поддержание различных вариантов репрезентаций коллективного прошлого) направляется не на решение общегосударственных задач по укреплению безопасности государства, общества и личности в историческом пространстве, а скорее наоборот, для его разрушения или деконструкции, получения определенных властных полномочий или личного обогащения [9].

В подходе традиционализма историческая политика строится в двух направлениях. Во-первых, экстраполяция, заключающаяся в перенесении (наложении) традиций прошлого в неизменной форме на современную реальность. Во-вторых, интерпретация, рассматриваемая как произвольное переосмысление прошлых традиций, свершений, культурных ценностей в приложении к настоящему времени.

Эти два направления в контексте проблемы дефрагментации исторического сознания имеют существенные различия при их реализации. Так, экстраполирование направлено на сохранение целостности исторического сознания социума, а направление, предполагающее интерпретацию, содержит создание неких приемлемых форм восприятия прошлого, формирование нового на основе забытого старого, но с внесением изменений, соответствующих духу времени. По мнению социального мыслителя Э. Гидденса: «в мире политики традиции никогда не были слепками застывших форм, они переоткрывались и переоткрываются заново каждым новым поколением. Они образует некоторый контекст специфических временных и пространственных признаков, по отношению к которым изменение приобретает значимую форму» [10, с. 104].

Полная дефрагментация исторического сознания общества, его целостность и единство является идеалом в плане управления социальным развитием, устойчивости государства перед лицом внешних и внутренних угроз, но это возможно лишь при наличии тотального контроля государства за всей социальной, экономической, политической жизнью общества, при достаточном ограничении внешнего воздействия. Тоталитаризм позволяет устанавливать контроль над общественным сознанием, но лишает общество свободы, а методы поддержания «единомыслия» неизбежно скатываются к насилию, репрессиям, дискриминации, что в истории имеет множество подтверждений.

С другой стороны, полный отход государства от влияния на формирование, развитие, защиты исторического сознания приводит к его дефрагментации, хаотизации, разрушению социальной стабильности, захвату управления социальными процессами враждебными силами как внутренними, так и внешними.

Выводы

Локализация исторического сознания опосредует процессы его фрагментации, социальную нестабильность, создание личностных и групповых границ на основании восприятия, отношения к прошлому.

Локализация имеет как объективные, так и субъективные причины, во многом, является управляемым процессом. Инструментом дефрагментации выступает «историческая политика». Государство как основной субъект проведения исторической политики, заинтересовано в противодействии фрагментации исторического сознания общества. Различные негосударственные структуры проводят свою «историческую политику», чаще не учитывая государственные и общественные интересы.

Общество с фрагментированным историческим сознанием особенно подвержено манипулятивным технологиям со стороны внешних субъектов мировой политики, а также не обладает внутриполитической устойчивостью.

Механизм локализации осуществляется в двух направлениях. Во-первых, путём сознательной и целенаправленной политизации истории заинтересованными субъектами, во-вторых, на индивидуальном уровне через выбор референтной социальной группы, с близким или идентичным пониманием прошлого, создания своего рода «круга единомышленников» с одновременным отдалением людей с другим восприятием и оценкой истории.

Таким образом, процессы локализации, фрагментации и дефрагментации исторического сознания общества являются важными для выработки государственной политики сохранения исторической памяти и требуют дальнейшего детального исследования.

Литература

1. Уледов А.К. Структура общественного сознания. М., 1968. С. 21.
2. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 38–63
3. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. / Пер. с англ. – М.: Весь Мир. 2004. С. 21.
4. Руткевич А.М. Прошлое историка. Препринт WP6. 2006. М., 2006. С. 30.
5. Phillips J. Symbol, myth, and rhetoric: The politics of culture in the Armenian American population. N-Y.: AMS press, Cop. 1989. P. 4.
6. Nolte E. Vergangenheit, die nichtvergehen // FAZ. 06.06.1986; Idem. Der europäische Bürgerkrieg von 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. M., 1987; Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung // Die Zeit. 11.07.1986.
7. С. Московичи. Век толп: исторический трактат по психологии масс / [перевод с французского Емельяновой Т.П.]; Российская академия наук, Институт психологии, Франция, Дом наук о человеке. – Москва: Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с
8. Миллер А.И. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России// Отечественные записки. 2008. № 5. С. 26.
9. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
10. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 104

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS ASPECTS OF LOCALIZATION AND DEFRAGMENTATION

Pichugin V.G., Korobanova Zh.V.
Financial University under the government of the Russian Federation

The article examines the theoretical issues of the historical consciousness of society and personality, the mechanism of localization, fragmentation, and defragmentation formation. The relevance of the research topic is determined by the importance and necessity of identifying the processes associated with changes in the historical consciousness of society and their impact on social stability, state policy aimed at preserving the memory of the past. The main purpose of the study is to identify the essence and mechanism of localization, fragmentation, and defragmentation of historical consciousness. Based on the results of the study, the definition of the localization process, the essential characteristics of fragmentation and defragmentation are presented, the mechanisms of these processes and their impact on state policy in the field of preserving historical memory are revealed. The conclusions presented in the study may be of interest for further clarification and addition of the classification of types and forms of historical consciousness of society.

Keywords: history, personality, development, historical consciousness, society, society, consciousness.

References

1. Uledov A.K. The structure of social consciousness. M., 1968. P. 21.
2. Ryzen J. Crisis, trauma and identity // “Chain of Times”: problems of historical consciousness. M., 2005. P. 38–63
3. Giddens E. The slipping world: how globalization is changing our lives. / Per. from English – M.: The whole world. 2004. P. 21.
4. Rutkevich A.M. The historian’s past. Preprint WP6. 2006. M., 2006. P. 30.
5. Phillips J. Symbol, myth, and rhetoric: The politics of culture in the Armenian American population. N-Y.: AMS press, Cop. 1989. P. 4.
6. Nolte E. Vergangenheit, die nichtvergehen // FAZ. 06/06/1986; Idem. Der europäische Bürgerkrieg von 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. M., 1987; Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung // Die Zeit. 07/11/1986.
7. S. Moscovici. The Age of Crowds: a historical treatise on the psychology of the masses / [translation from French by T.P. Emelyanova]; Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, France, House of Human Sciences. – Moscow: Center for Psychology and Psychotherapy, 1996. – 478 p.
8. Miller A.I. Historical politics and its features in Poland, Ukraine and Russia // Otechestvennye zapiski. 2008. No. 5. P. 26.
9. Miller A.I. Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the 21st century // Historical politics in the 21st century / ed. A. Miller, M. Lipman. M.: New Literary Review, 2012. pp. 7–32.
10. Giddens E. Consequences of modernity // New post-industrial wave in the West / Ed. V.L. Inozemtseva. M., 1999. P. 104

Цифровая коммуникация: сущность, особенности, риски для субъекта

Тазов Петр Юрьевич,
старший преподаватель кафедры маркетинга,
Государственный университет управления

Статья посвящена анализу сущностных характеристик цифровых коммуникаций. Проведен социально–философский анализ характеристик цифровой коммуникации и их влияния на субъекта. Цифровая коммуникация рассматривается в контексте расщепления и размывания идентичности, формирования искусственной социальности. Выделены риски цифровых коммуникаций: амбвивалентность, прерывистость, фрагментарность которые могут способствовать опустошению, эмоциональному выгоранию, потери «субъектности» участников коммуникации. Также риски цифровых коммуникаций обусловлены деструктивным контентом, отсутствием границ и фильтров для вступления в сообщества, разделяющие ценности контркультур, а также импульсивностью, спонтанностью поведения субъекта в цифровой реальности за счет отсутствия социального контроля и «телесности».
Также анализируются пространственно–временные аспекты цифровых коммуникаций. Для выделения отличий цифровых коммуникаций от реальных коммуникаций автор обращается к теории фреймов И. Гофмана.

Ключевые слова: Цифровые коммуникации, цифровая реальность, искусственная социальность.

С развитием цифрового пространства в социально–философской литературе все чаще появляются дискуссии об определении понятий цифровой коммуникации искусственной социальности, онлайн культуры и др.

Если отталкиваться от позиции Ж. Делеза, то можно говорить о переплетении двух реальностей – мир актуальных и виртуальных объектов. Виртуальные образы, как круги окружают реальный объект и составляют некую осмысленную, отраженную в индивидуальном или массовом сознании реальность [4]. Отсюда, виртуальную(цифровую) реальность можно определить, как осмысленные в индивидуальном или коллективном сознании актуальные образы, наделенные специфическими значениями, смыслами, эмоциональными значениями. В тоже время, данные виртуальные образы могут формироваться и без реальной деятельности. Они также могут порождаться цифровой деятельностью с системой виртуальных ролей, статусов и не иметь под собой связи с реальными образами. Формирование виртуального(-цифрового) как особой реальности становится возможным благодаря отсутствию «телесности». Эту важную характеристику виртуального(цифрового) пространства отмечает Д.В. Куликов: «Текстовая сеть лишь предполагает телесность ее обитателей, давая простор для ее проектирования. Вокруг любого пользователя сети существует потенциальная проектосфера, в которую могут входить проект телесности, проект социального статуса и проект социальной роли» [9, с. 77]. Как следствие отсутствия данной характеристики происходит размывание временных параметров цифрового пространства. Опираясь на феноменологический подход Э. Гуссерля, Д.В. Куликов отмечает, что «сетевое сообщество формирует свою систему релевантности и образует форму общей биографической ситуации» [9, с. 78]. Действительно, можно говорить о разной по темпоральности (характеристике времени) цифровой реальности и цифровых коммуникаций, которые являясь многомерными способствуют формированию разных сетевых, цифровых Я или набора цифровых(искусственных) социальностей, актуализирующихся в разных сетевых сообществах, средах. В рамках теории ролевых диспозиций, каждому виртуальной роли соответствует своя диспозиция [13].

Для более детального рассмотрения особенностей цифровой коммуникации мы будет опираться на теорию фреймов И. Гофмана. Согласно его позиции, фрейм «включает в себя как восприятие реальности, так и саму воспринимаемую реальность» [3, с. 146]. По мнению И. Гофмана, «самая стойкая реальность поддается систематическому изменению, лишь бы подобрать к ней соответствующий ключ» [3, с. 601]. В социологическом контексте фрейм проявляется как структурный контекст повседневного взаимодействия [14]. В условиях цифровой коммуникации можно выделить фрейм цифровой коммуникации, который очерчивает «рамку» восприятии цифрового коммуникативного сообщения. В данном случае, «рамка» взаимодействия будет обусловлена функционалом и особенностями конкретного мессенджера, социальной сети, то есть каналом цифровой коммуникации.

Фрейм в цифровой коммуникации отличается от фрейма реальной коммуникации. В рамках фрейма цифровой коммуникации восприятие чата (окна диало-

га) происходит в рамках списка других чатов, а также отвеченных и не отвеченных сообщений в них и подписок. Отсюда, актуальная диспозиция субъекта коммуникации – прочитать непрочитанное сообщение, ответить и перейти другому, либо остановится. Крое того, восприятие собеседника в виртуальной коммуникации обусловлено аватаром (фото профиля). Аватар контакта может не соответствовать образу собеседника в реальности и не ассоциироваться с ним. Все это способствует угасанию коммуникативной активности (как признаются многие перешедшие из приложений знакомств в телеграмм – «там все пропадает»). Цифровые коммуникации обусловлены определенной «рамкой» ситуации, которая запускает ролевые диспозиции. Можно выделить темпоральность фрейма (восприятие времени в рамках определенной ситуации вместе с соответствующими диспозициями, актуализированные в рамках фрейма).

Особенности цифровых коммуникаций в контексте их влияния на сознание субъекта.

Цифровые коммуникации влияют на ценностное сознание социальных субъектов и прежде всего – молодежи. Цифровая эпоха формирует новую ценностную парадигму, которая зачастую обусловливает условия существования социума в целом, а также обеспечивает экзистенциальную идентичность [8]. В этом контексте Н.А. Касавина выделяет «кризис процесса самоидентификации личности, рост искажений идентичности, инфантилизма, становление и упрочнение феномена размытой идентичности, открывающей возможности для манипуляций индивидуальным и общественным сознанием» [8, с. 139]. Действительно, сложно не согласится, что «выбор виртуальных возможностей оборачивается утратой Я, расщеплением идентичности, отчуждением личности от собственной телесности, угрозой здоровому физическому состоянию» [8, с. 139].

В условиях анонимности и отсутствия должной нормативной регуляции виртуального поведения возникают риски для субъектов коммуникации [2]. На риски возможной деантропологизации субъекта коммуникации обращает внимание Т.В. Данилкина, которая отмечает, что стираются границы между «реальным» человеком и его программно–компьютерной симуляцией [4]. Субъект становится объектом для дезадаптирующего и деструктивного влияния информационной среды, формирования аутических симптомов и дальнейшего нарушения идентичности [15; 16].

Михайлов С.В. считает, что интернет–общение характеризуется такими чертами «как виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность, мозаичность» [11, 8]. Однако, на наш взгляд необходимо более полно изучить особенности цифровой коммуникации, которые позволят выделить риски, а также гносеологические и антропосоциальные особенности данного феномена.

Особенности цифровых коммуникаций.

1. Возможность быстрой обратной связи.
2. Ритуализация процесса личностного общения, иллюзия выхода из одиночества, иллюзия отношений.
3. Геймефикация цифровых коммуникаций за счет стикеров, картинок, виртуальных сценариев, инструментов конструирования искусственных социальности и ролей.
4. Модель «компостной кучи»: новые диалоги накладываются на старые, а старые «сгнивают» и исчезают.
5. Моделирование сценариев взаимодействия ситуаций в межгендерных отношениях как отражение инфантильной установки на гедонизм в комфортных условиях виртуальной реальности.
6. Краткосрочность коммуникации, быстрая потеря интереса, переключение между диалогами, переключение на другие коммуникации.
7. Возможный быстрый вход и выход из коммуникации без соблюдения этических норм (без ритуалов прощания или через удаление диалога) – феномен «гостинга» (от англ. ghosting; ghost «призрак») – быстрое прекращение или длительный уход из коммуникации без причин.
8. Развитие виртуального сёрфинга / цифровых мейнстримов (марафоны, челленджи).
9. Эклектичность, хаотичность, неупорядоченность.
10. Виртуальная поддержка/ эмоциональное вовлечение, подмена эмпатийного общения смайликами/ виртуальными реакциями.

Антропосоциальные особенности.

1. Развитие монологичности и эгоцентризма субъекта сетей через «статусы», «состояния», «сторисы» в мессенджерах и социальных сетях.
2. Вовлечение в детали личной жизни, повседневные практики, мысли, состояния через «сторисы» и «статусы» в социальных сетях.
3. Наделение виртуальной реальности характеристиками реальной.
4. Отсутствие или слабая эмпатия за счёт отсутствии эмоционально окрашенного диалога.
5. Рассогласование цифрового и реального поведения за счет различия между искусственной и реальной социальностью.
6. Быстрое распространение норм массовой культуры через каналы виртуальной коммуникации.
7. Смещение в распространении норм и ценностей культуры с реальной на цифровой уровень.

Амбивалентность цифровых коммуникаций выражается в их противоречивости. В качестве этих противоречий можно выделить следующее.

1. Деструктивность – позитивность.
2. Комфорт – дискомфорт.
3. Высокая скорость – низкая скорость общения.
4. Эмоциональность – апатия.
5. Интерес – безразличие.
6. Идеализация – деидеализация собеседника.

Характеристики цифровых коммуникаций на гносеологическом уровне.

1. Конструирование образа собеседников через фото, видео, идеализация собеседника и связанные с этим ошибки восприятия.
2. Искажение этических принципов коммуникации (удаление беседы/ уход из беседы, без ритуалов прощания).
3. Помехи канала коммуникации: отправленное, но не дошедшее сообщение.
4. Вероятность ошибок интерпретаций (прочитанное, но не отвеченное сообщение для одного означает игнорирование, для другого нет).
5. Ориентация на развлекательный контент.
6. Приоритет формы/ритуала обратной связи над содержанием – быстрые реакции на сообщения в «полуавтоматическом» режиме или режиме «автопилота» (быстрые лайки).

Риски, которые возникают в процессе цифровых коммуникаций у субъекта.

1. Риск опустошения, усталости, «дофаминовая яма» в следствии исчерпания «гормона удовольствия» развлекательным контентом.
2. Спонтанное, необдуманное, импульсивное поведение, которое выходит за рамки социальных норм и обусловлено в том числе отсутствие телесности, анонимностью, спецификой «искусственной соци-

альности», «цифровой идентичности» и слабой нормативной регуляцией цифрового поведения.
3. Риск истощения нервной системы за счёт многозадачности и одновременных коммуникаций.
4. Риск возможности консолидации субъектов в рамках определенных контркультур.
5. Риск, связанный с ростом дистанций в реальной коммуникации и предпочтение цифровой коммуникации реальной как комфортной и безопасной. Что влечет за собой усложнение проблемы отчужденности, одиночества, социальной атомизации социальных субъектов.
6. Риски в области информационной безопасности: использования контента в рамках коммуникации для компрометации собеседника.
7. Риски в области сознательного «рефрейминга» традиционных социальных установок и ценностей в сторону деструктивных норм.

Пространственно–временные характеристики цифровых коммуникаций.

1. Особая модальность цифровых коммуникаций.
2. Дискретность.
3. Ситуативность.
4. Высокая динамика коммуникации, стирание границ, быстрое преодоление дистанций и коммуникативных барьеров.
5. Текучесть, гибкость «искусственней социальности» в рамках даже одной коммуникации (смена виртуальной идентичности в рамках одной коммуникации).
6. Мерцающий характер коммуникации: например, раз в день, раз в неделю и связанное с этим возможное нарушение ритма коммуникации.
7. «Подвешенность». Частое отсутствия общей совместной деятельности, которая почти всегда обусловливают реальную коммуникацию, что приводит к ситуации «подвешенной» в воздухе цифровой коммуникации, лишенной общей деятельности.
8. Вероятность угасания активности коммуникации в силу отсутствия реального фрейма коммуникации (наличию социальной роли, восприятия телесности, ситуации коммуникации, наличия единого времени, как в реальной коммуникации, где собеседники если не созваниваются находятся в разных пространственно–временных фреймах). Например, фрейм коммуникации в кафе или на фитнесе будет иметь разные характеристики, но все они будут обусловлены общей деятельностью и общими целями. Чего не всегда подразумевает цифровая коммуникация.
9. Фрейм цифровой коммуникации обусловлен реальными условиями коммуникации (человек «фоном» может смотреть сериал и переписываться в виртуальной среде) все это ведет к расфокусировке цифровой коммуникации.
10. Социальные сети, мессенджеры представляют собой цифровую инфраструктуру удовлетворения потребностей.
11. Рассогласование темпоральности цифровых коммуникаций и реальных коммуникаций. Время в цифровых чатах определяется не реальным временем, в «специфическим» временем, связанным с темпом и характером обратной связи.

Решение же главной задачи – формирование доверия и выход с помощью него за пределы своей индивидуальности отчасти не решается за счет отсутствия визуального контакта. В итоге одиночество в сетях и разочарование постигает многих участников данной коммуникации.

В итоге происходит дезориентация субъектов в условиях цифровых коммуникаций, где вместо реальных образов партнёров они оперирует виртуальными конструктами (табл. 1).

Таблица 1. Характеристики реальной и цифровой коммуникации

Реальная коммуникация	Цифровая коммуникация
Наличие телесности	Отсутствие телесности
Визуальное восприятие партнера по коммуникации	Конструирование образа / припоминание партнера по коммуникации
Быстрая обратная связь	Зависит от характера коммуникации
Прямая коммуникация	Опосредованная коммуникация
Доверие – обусловлено факторами ситуации	На первом этапе коммуникации низкое
Ограниченность коммуникации по времени	Протяжённость до закрытия диалога

Источник: разработано автором.

На виртуальную коммуникацию также влияет формирование у субъекта «инфантильной стратегии», которая находит свою реализацию в цифровом мире.

В итоге, молодые люди погружаются в этот комфортный виртуальный мир, отчасти реализовывая свои потребности и получая гедонистические удовольствия без взаимодействия с реальностью и не проявляя свою телесность. По мнению Д.Г. Сорокова, К.А. Дружининой это отражает стратегию инфантилизма. Действительно, сложно не согласится с учеными о том, что уход субъекта в виртуальность может рассматриваться как погружение в инфантильную реальность «с полным «отрывом» от трудностей внешнего мира и утратой сложности мира внутреннего» [12].

В виртуальности у человека появляется возможность погрузиться в тот самый «питательный бульон», о котором писал Ф.Е. Василюк применительно к инфантильному жизненному миру [2]. Как отмечают психологи стратегия получения дофамина в результате просмотра кратких видео(shorts) чревато дофаминовым опустошением (дофаминовой ямой), что в конечно итоге заканчивается прокрастинацией в силу отсутствия дофамина как источника мотивационной поддержки. Виртуальные коммуникации являются по сути виртуальными аттракционами по получению гедонистических удовольствий (например, с помощью системы поощрения в виде лайков, комментариев и пр.). Формирования виртуального конструкта не влечет за собой формирование реальной идентичности. Отсюда – противоречия между высокими оценками от представителей социального круга в цифровой среде и несовпадением с оценками социального круга в реальной среде.

Таким образом, стратегия «серфинга» в виртуальном мире привносит в динамический поиск себя элементы игры. В условиях неопределенности, рисков популярным становится стратегия ухода в виртуальную реальность: «Создается иллюзия свободы, независимости, творческого самовыражения в виртуальном мире. Однако, в реальности, вероятно, это не та же самая личность, что и в цифровом пространстве. И получается, если в реальном мире личность не находит подтверждений своему «Я», то на помощь в самореализации приходит сеть» [10].

Виртуальная деятельность конституирует определённый жизненный мир субъекта, формирует ролевые дис-

позиционные комплексы, включающие систему установок человека в виртуальной реальности, актуализирующие их в зависимости от цифровых ситуаций и особенностей цифровых сред (социальных сетей, приложений, сайтов знакомств и пр.), ограниченных правилами сообществ, а также имеющих в своем арсенале ряд цифровых инструментов самопрезентации и самовыражения.

Рисками в области цифровых коммуникаций являются: размывание идентичности, эмоциональное выгорание, суррогатное общение, установка на получение всего здесь и сейчас, высокая утомляемость и невозможность длительной концентрации за счет постоянной многозадачности; размытые границы усиливают риск подверженности деструктивному контенту с использованием приемов НЛП с целью деформации системы традиционных ценностей и моральных норм, транслирование ценностей релятивизма, ноувизма, аморальных принципов через цифровые коммуникации.

В конечном итоге, происходит перегрузка информационными потоками сознания субъекта [7].

Таким образом, в ситуации отсутствия телесности, анонимности, деперсонализации происходит конструирование виртуальной идентичности, размывание «реальной» идентичности, расщепленность идентичности за счет включения в большое количество цифровых диалогов. Возникают риски моделирования ненормативного поведения в цифровых коммуникациях. Происходит отчуждение субъекта коммуникации за счет дискретности, фрагментарности цифровой коммуникации. В итоге, цифровые коммуникации несут в себе риск замены эмоционально личностного общения деперсонализированым, отстранённым, направленным на гедонизм, а не на духовное обогащение.

Литература

1. Баева Л.В. Информационная этика в условиях развития электронной культуры // Информационное общество. 2020. № 6. С. 36–46.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 200 с.
3. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневдневного опыта / Пер. с англ. Р.Е. Бумагина и др. – М.: Ин–т социологии РАН: Ин–т Фонда «Обществ. Мнение», 2003. – 750 с.
4. Данилкина Т.В. Антропологические и аксиологические аспекты анонимности коммуникации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 176–188. DOI: 10.24412/2071-6141-2021-2-176-188
5. Делез Ж. Актуальное и виртуальное. 1996. – URL: http://visiology. fatal.ru/texts/ deleuze.htm
6. Иванова Д.В., Тазов П.Ю. Векторы динамики ценностных ориентаций современной студенческой молодежи в условиях социальных трансформаций // Вестник МИРБИС. 2022. № 1 (29). С. 169–178.
7. Игнатьев В.И. Информационная перегрузка социальной системы и ее социальные последствия // Социол. исслед. 2017. № 7. С. 3–12.
8. Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. № 55 (4). С. 129–142. – С. 135.
9. Куликов Д.В. Феноменологический метод и мир медийных социальных сетей // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 1. С. 75–81.
10. Макаревская Ю.Э. Виртуализация жизненного успеха: проблемы самореализации личности и угрозы безопасности (к постановке проблемы) / Ю.Э. Макаревская, И.Г. Макаревская // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков: Сб. научн. трудов XI Всероссийской научной конференции, Сочи, 01–02 октября 2021 года. – М., 2021. – С. 32–37. – EDN HECRYO.
11. Михайлов С.В. Интернет как социальное явление: Дисс… канд. филос. наук: 09.00.11. – Ульяновск, 2003. – С. 8.
12. Сороков Д.Г., Дружинина К.А. Психологический смысл виртуальной идентичности в контексте «Типологии жизненных миров» Ф.Е. Василюка // III Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Ф.Е. Василюка: консультативная психология: традиции и новации: Сборник материалов, Москва, 11–12 ноября 2022 года. – М.: МГПУ, 2023. – С. 280–287. – EDN VSMDDT.
13. Тазов П.Ю. К вопросу о понятии установка в личности студента // Вестник университета (Государственный университет управления). 2009. № 16. С. 106–108.
14. Хорольцева Е.Б., Федорова А.В. Современные фреймы связей с общественностью в кризисных ситуациях // Вестник ПАГС. 2017. № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye–freymy–svyazey–s–obschestvennostyu–v–krizisnyh–situatsiyah (дата обращения: 19.04.2024).
15. Patridge, S. “The Incorrigible Social Meaning of Video Game Imagery”, Ethics and Information Technology, 2011, vol. 13, pp. 303–312.
16. Botz–Borstein, T. “Virtual Reality and Dreams. Towards the Autistic Condition?”, Philosophy in the Contemporary World, 2004, vol. 11, no. 2, pp. 43–49.

DIGITAL COMMUNICATION: THE ESSENCE, FEATURES, RISKS FOR THE SUBJECT

Tazov P.Yu.
State University of Management

The article is devoted to the analysis of the essential characteristics of digital communications. A socio–philosophical analysis of the characteristics of digital communication and their impact on the subject is carried out. Digital communication is considered in the context of the splitting and blurring of identity, the formation of artificial sociality. The risks of digital communications are highlighted: ambivalence, discontinuity, fragmentation, which can contribute to devastation, emotional burnout, loss of the “subjectivity” of communication participants. The risks of digital communications are also caused by destructive content, the lack of boundaries and filters for joining communities that share the values of counter–cultures, as well as impulsivity, spontaneity of the subject’s behavior in digital reality due to the lack of social control and “physicality”.
The spatial and temporal aspects of digital communications are also analyzed. To highlight the differences between digital communications and real communications, the author turns to I. Hoffman’s theory of frames.

Keywords: Digital communications, digital reality, artificial sociality.

References

1. Baeva L.V. Information ethics in the context of the development of electronic culture // Information Society. 2020. No. 6. pp. 36–46.
2. Vasilyuk F.E. Psychology of experience: Analysis of overcoming critical situations – M.: Moscow University Publishing House, 1984. – 200 p.
3. Goffman I. Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience / Transl. from English R.E. Bumagina and others – M.: Institute of Sociology RAS: Institute of the Foundation «Society». Opinion», 2003. – 750 p.

4. Danilkina T.V. Anthropological and axiological aspects of anonymity of communication // News of Tula State University. Humanitarian sciences. 2021. No. 2. pp. 176–188. DOI: 10.24412/2071-6141-2021-2-176-188
5. Deleuze J. Actual and virtual. 1996. – URL: http://visiology. fatal.ru/texts/deleuze.htm
6. Ivanova D.V., Tazov P. Yu. Vectors of the dynamics of value orientations of modern student youth in the conditions of social transformations // Bulletin of MIRBIS. 2022. No. 1 (29). pp. 169–178.
7. Ignatiev V.I. Information overload of the social system and its social consequences // Sociol. research 2017. No. 7. P. 3–12.
8. Kasavina N.A. Man and technology: ambivalence of electronic culture // Epistemology and philosophy of science. 2018. No. 55 (4). pp. 129–142. – P. 135.
9. Kulikov D.V. Phenomenological method and the world of media social networks // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2006. No. 1. P. 75–81.
10. Makarevskaya Yu.E. Virtualization of life success: problems of personal self–realization and security threats (towards the formulation of the problem) / Yu.E. Makarevskaya, I.G. Makarevskaya // Safety psychology and psychological safety: problems of interaction between theorists and practitioners: Collection of articles. scientific Proceedings of the XI All–Russian Scientific Conference, Sochi, October 01–02, 2021. – M., 2021. – P. 32–37. – EDN HECRYO.
11. Mikhailov S.V. Internet as a social phenomenon: Diss… cand. Philosopher Sciences: 09.00.11. – Ulyanovsk, 2003. – P. 8.
12. Sorokov D.G., Druzhinina K.A. The psychological meaning of virtual identity in the context of “Typology of Life Worlds” by F.E. Vasilyuk // III International Conference on Consultative Psychology and Psychotherapy, dedicated to the memory of F.E. Vasilyuk: advisory psychology: traditions and innovations: Collection of materials, Moscow, November 11–12, 2022. – M.: MGPU, 2023. – P. 280–287. – EDN VSMDDT.
13. Tazov P. Yu. On the issue of the concept of attitude in a student’s personality // Bulletin of the University (State University of Management). 2009. No. 16. P. 106–108.
14. Khoroltseva E.B., Fedorova A.V. Modern frames of public relations in crisis situations // PAGS Bulletin. 2017. No. 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye–freymy–svyazey–s–obschestvennostyu–v–krizisnyh–situatsiyah (date of access: 04/19/2024).
15. Patridge, S. “The Incorrigible Social Meaning of Video Game Imagery,” Ethics and Information Technology, 2011, vol. 13, pp. 303–312.
16. Botz–Borstein, T. “Virtual Reality and Dreams. Towards the Autistic Condition?”, Philosophy in the Contemporary World, 2004, vol. 11, no. 2, pp. 43–49.

Непредикативность вины в феноменологии М. Хайдеггера

Чернышева Марина Михайловна,
кандидат философских наук, доцент кафедры общей и профессиональной психологии, Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского
E-mail: chermarina@yandex.ru

В статье рассматриваются ключевые аспекты термина «вина». Автор подробно анализирует отношение М. Хайдеггера к термину «вина» как человеческому чувству, а также рассматривает подходы философа к непредикатисности вины в его феноменологии. Автор отмечает, что По М. Хайдеггеру, вина не рассматривается как простое чувство или результат безнравственного поступка. Он считает, что вина имеет онтологическую природу и не может быть определена предикатами. Более того, автор отмечает, что М. Хайдеггер определяет человека как априори виновного, относя его к части Бытия, являющейся виновной по своей сути. Философ отмечает, что человек является заброшенным в бытие и должен принять свои возможности. Также следует отметить, что вина рассматривается как фактор, посредством перекладывания которого на других людей, человек пытается обеспечить собственную безвинность. Кроме того, автор обращает внимание на тот факт, что философ рассматривает творчество как инструмент осознания истины. Он выделяет четыре причины, влияющие на результат творчества: материал, форма, цель и мастер. Автор приходит к выводу о том, что М. Хайдеггер видит вину поводом для существования, создания себя как произведения.

Ключевые слова: непредикативность вины, понимание, экзистенциал, здешность, повод, человек.

По М. Хайдеггеру, вина не рассматривается как простое чувство или результат безнравственного поступка. Он считает, что вина имеет онтологическую природу и не может быть определена предикатами. Для него основой бытия является экзистенциальное переживание, которое происходит в Присутствии человека. М. Хайдеггер утверждает, что мысль о единстве мира принадлежит человеку и может быть осознана только во Вот-бытии.

Человек, по М. Хайдеггеру, является заложником бытия и мысли. Мысль заявила свои претензии на то, чтобы мыслить, и это является уделом человека. Человек состоит в Вот-бытии, которое является изначально Понимающим и Толкующим себя бытием. Понимание является способом бытия человека в мире и имеет онтологический характер. Понимание раскрывает устроенность бытия в мире и позволяет понять смысл Присутствия. Забота, проявляющаяся через возможность Вот-бытия, позволяет быть открытым миру. Человек сам себя порабощает через Заботу, но это также проявление его свободы. Философ отмечает, что человек является заброшенным в бытие и должен принять свои возможности.

Существование человека окончательно, поэтому характерно и то, что при всем осознании свободы он не может выбирать, хочет ли он вообще рождаться и когда, и как. М. Хайдеггер называет это «заброшенностью». Это не меняет того факта, что человек также может свободно вести себя – «проектировать» себя – в своем существовании. Вот почему «заброшенность» можно соотнести с «наброском». Любой «набросок» как правило является «заброшенным». По сути, это такая определенность человеческого бытия, которую невозможно выбрать или изменить, подобно родителям, телосложению или расе. Здесь человек испытывает свое «мастерство».

Набросок позволяет выразить суть Бытия и помогает ему реализоваться. По мнению М. Хайдеггера, понимание Бытия позволяет ему осознать самого себя. Набросок может проявляться в различных формах, и их осуществление может быть подлинным или не подлинным, осмысленным или бессмысленным. В наброске вещь может представляться как предмет, предназначенный для определенной цели, или как просто существующий. Наличие включает в себя физические и технические аспекты, стремящиеся представить мир как систему причинно-следственных связей. Однако человек постоянно соблазняется этим подходом исчисления Бытия, упуская из виду основные аспекты Присутствия. Попытки приблизиться к истине через исчисление часто приводят к ускользанию от самого себя. Забота как экзистенциальный аспект помогает создать набросок, в котором вещь раскрывает свою загадочность. Бытие присутствия разрушает замкнутость вещей, призывая человека сосредоточиться не на их физической природе, а на общем свете, в котором они отображаются. Человек часто сосредоточен на том, что предметы есть, в то время как их сущность заключается в их существовании в мире. Вещь включена в контекст Бытия, где Dasein представляет собой экзистенциальный контекст возможности вещи. В окружении света вещь становится частью вечного процесса становления и превращается в произведение, созданное для раскрытия истины. [6. С. 276–77]

М. Хайдеггер считает, что истина сущего проявляется в художественном творчестве. Он выделяет четыре причины, влияющие на результат творчества: материал, форма, цель и мастер. Каждая из этих причин определяет создаваемое произведение. Мастер считается главным виновником, так как от него зависит готовность произведения. Вина этих причин заключается не только в создании произведения, но и в его раскрытии. Для М. Хайдеггера человек не просто вещь среди других, его сущность заключается в том, что он заброшен в Бытие.

Философ использует пример серебряной чаши, которая используется в христианском обряде причащения, чтобы проиллюстрировать традиционную модель четырех причин. Он сразу же ставит под сомнение адекватность этой философской доктрины и спрашивает, что общего у всех этих видов причинности. Что именно мы подразумеваем под «причиной» спрашивает он.

Этот вопрос приводит его к этимологии латинского слова causa. На протяжении всей своей философской работы М. Хайдеггер часто обращается к тщательному анализу того, как менялись значения слов, чтобы подкрепить свои аргументы. Causa, как он говорит нам здесь, происходит от глагола, означающего «падать», и используется для обозначения «того, что приводит к тому, что что-то получается в результате таким-то образом» [6. С. 290]. Хотя философская традиция возводит учение о четырех причинах к Аристотелю, М. Хайдеггер указывает, что значение греческого слова, которое использует Аристотель, сильно отличается от более поздних слов, обозначающих «причину», которые подчеркивают действие. Вместо этого греческое слово aition имеет смысл «то, что отвечает за что-то другое». Здесь М. Хайдеггер возвращается к примеру, с чашей для причастия, перерабатывая его в соответствии со своей новой интерпретацией идеи причинности. Он переводит латинские термины из более ранней версии на греческий, чтобы подкрепить свою трансформацию модели. Серебро – это материал (хил), которому придается форма (эйдос) «чашеобразности». И хил, и эйдос ответственны за то, что чаша является потиром. [7. С. 165–67]

Представленная здесь чаша была изготовлена для использования в определенном виде деятельности – в христианской церемонии причащения. Ее существование обусловлено этим контекстом, который буквально определяет чашу в том смысле, что он определяет ее четкие границы: это не бокал для мартини и не кофейная чашка. Этот рисунок определяющих границ называется telos и отвечает, наряду с материалом и формой, за существование чаши как потира.

М. Хайдеггер завершает свое сравнение традиционной модели причинности с ее греческим источником, показывая, что у Аристотеля не было такой категории, как «causa efficiens». Вместо того чтобы рассматривать серебряных дел мастера как посредника, который влияет на изготовление чаши, модель Аристотеля предполагает тщательное рассмотрение работы серебряных дел мастера – логоса, термина, производного от apophainesthai, «раскрывать», – как своего рода отправной точки для создания чаши. Вместо того, чтобы осваивать материал путем придания ему определенной формы, эта вторая версия нашего мастера по серебру объединяет различные потенциальные возможности серебра, абстракцию «чашеобразности» и контекст, в котором будет использоваться чаша, и благодаря этому методу позволяет чаше появиться на свет.

Повторяющееся у М. Хайдеггера название чаши – «жертвенный сосуд» – является отсылкой как к жертве Христа, так и к тому способу, с помощью которого материал, форма, контекст и мысль серебряных дел мастера – все это «отдается» существованию чаши. Отдавать – важный глагол для М. Хайдеггера. В переводе с немецкого es gibt [буквально «это дает»] означает «есть». Отдача, по мысли М. Хайдеггера, связана с Бытием. Если мы представим себе гиле, эйдос, телос и логос как составляющие существования чаши, то, возможно, значение слова «то, чему что-то обязано» станет более ясным. Мастер по серебру несет ответственность за чашу; чаша «в долгу» перед мастером по серебру: нам кажется, что понять эту идею достаточно легко, но М. Хайдеггер обеспокоен тем, что мы можем упустить его смысл. Чтобы убедиться, что мы следуем его примеру, он проводит подробный анализ идей ответственности и долга. [7. С. 281]

В статье «Вещь» [5. С. 33–45.] Мартин Хайдеггер обосновывает свой концепт четверицы, посредством вопрошания о том, в чем же состоит чашечность чаши? В чем её существо? И отвечает, что «чашечность чаши осуществляется в подношении налитого в нее». Невозможность поднести пустую чашу (такой невозможности нет у молотка или косы) указывает не столько на чашечность чаши, сколько на особый вид реляции, отношений между людьми, образующими особенную «пару» – сферу сакрального, где стирается «только человеческое». В чашу может быть налито вино «от плода виноградной лозы, в котором взаимно вверились друг другу соки земли и солнце небес». Это вино возливается, жертвуется богам и в этом «подношении чаши всякий раз по-своему пребывают смертные и божества». Так образуется «простота единственной четверицы» – пересечение богов, смертных, земли и неба в вещи (чаше), «одно-сложенность четырех».

Человек – единственное существо, которое может принять мир как целое и себя как целое, как Произведение, поэтому человек сам виновен в том, будет или не будет он Творением. Человек виновен изначально – он Виновное бытие. Совесть есть то, что позволяет осознать изначальность вины – долг перед самим собой, отказ от неподлинного существования. Совесть не средство искупления вины, а способ подлинного существования. В совести существование открывается самому себе. Совесть – это разглядывание человеком своих душевных состояний, это добровольный уход в тревогу. Совесть – это то, что беспокоит, это источник Заботы. Если человек не осознает, что он Виновное бытие, что он заброшен в Бытие и что от него зависит, будет ли он Произведением, то тогда он обозначает только свое Наличие и от этого страдает. Страдает, так как он разорван, нецелостен. Наличие не позволяет проявиться Потаенному, истине. Только творение, по мнению философа, раскрывает присущим ему способом Бытие сущего. В творении совершается это раскрытие – обнаружение, то есть истина сущего.

Феномен совести выводится М. Хайдеггером исходя из представленного выше понятия виновности. Чувство вины рассматривается не как недостаток, а как онтологическое, конститутивное свойство Бытия. Рассматривая это измерение ничтожности, Бытие получает возможность прийти к его реальности. При этом противостояние присущему ему ничтожеству является необходимым условием для того, чтобы Бытие восстановило свою цельность. Таким образом, М. Хайдеггер стремится к концепции совести, которая отличается от обычного представления о том, что совесть проявляется только тогда, когда нарушаются моральные законы [1. С. 7–34.].

Совесть, соответственно, оказывается моментом, когда Бытие призвано к своему собственному самосуществованию. Существование подразумевает противо-

стояние Бытию своей совести и одновременно раскрывающемуся выбору в пользу актуальности – признание недостоверности и связанной с ней замкнутости, в которых изначально находится Бытие. Момент зова совести влечет за собой еще одно важное положение: признание того, что открытость Бытию может быть результатом только свободного поведения. Только при этом условии можно понять, что открытость необходимо сначала обрести, поскольку Бытие сначала вынуждено выйти из первоначальной формы замкнутости. М. Хайдеггер возвращается к изначальному «падению», которое находит свое выражение в различных модусах неадекватности. Чтобы определить феноменологическое влияние описанных выше взаимосвязей на Бытие, М. Хайдеггер вводит понятие зова совести. Он определяет, как Бытие осознает совесть и в то же время утверждает, что, хотя зов стоит над Бытием, он также исходит из него самого., М. Хайдеггер нигде не дает объяснения тому, что происходит в отношениях между онтологическми свойствами Бытия, чтобы таким образом сделать понятным феномен совести. Кроме того, он ни в коем случае не затрагивает вопроса о том, как соотносятся зов совести и основное чувство страха и, соответственно, как они соотносятся друг с другом, как следует понимать переход между основным настроением страха и возникающим моментом зова совести. [2. С. 59–67.]

Еще одна проблема возникает в отношении фигуры желания-иметь-совесть. Прежде всего, чтобы понять их, необходимо показать, что М. Хайдеггер представляет совесть как инстанцию, которая не может быть избрана Бытием. Зов не вызывается Бытием добровольно и не может контролироваться им в какой-либо форме. Таким образом, совесть образует ситуацию, которую Бытие не в состоянии решить. Противостояние со своей совестью доказывает Бытию, что совесть как раз и не может быть избрана. Если это так, то вряд ли можно проанализировать, что М. Хайдеггер имеет в виду под желанием-иметь-совесть. Идя сверх меня, совесть оказывается тем, что стоит выше моей человеческой самости, выше моей человечности вообще. Именно поэтому совесть, протекающая как молчаливое ожидание выбора собственного пути, в этот момент становится существом снятия каких-либо различий и соединяющей собственное и несобственное, окружающее и внутреннее, моё и чужое [2. С. 59–67]

Желание-иметь-совесть, приравниваемое к пониманию призыва, вводится М. Хайдеггером, по-видимому, для того, чтобы установить автоматизм между противостоянием с совестью и вытекающего из этого свободного выбора быть самим собой-можно избежать. Согласно этой интерпретации, на уровне желания-иметь-совесть должен был бы быть установлен момент вменяемости. Решение Бытия для его свободы как чувство вины возникает не только после противостояния призыву, но только после того, как он был понят и его содержание стало поводом к действию. М. Хайдеггер не приравнивает совесть к действию, а описывает ее как мотивацию для последующего действия, которая артикулируется только на уровне желания-иметь-совесть. В свою очередь откликающийся зов в дальнейшем определяется М. Хайдеггером как вина Dasein перед своим бытием за то, что оно является «основанием собственной беспочвенности» [4. С. 16–29.].

Только принадлежность человека к человеческому сообществу не делает его субъектом, считает М. Хайдеггер. Для того, чтобы быть человеком, нужно принять на себя Заботу о Собирании бытия и прежде всего своего Вот-бытия. Нужно пустить в себя бездонное, нечеловеческое, Ничто как бытие-к-смерти. Пустив в себя Ничто, человек ощущает себя как чистую, абсолютную возможность. Возможности человека, который принял на себя Заботу о бытии, безграничны. Если человек ступил на путь Собирания своего бытия, на путь становления себя как Произведения, тогда личное, частное растворяется, маски снимаются, Потаенное прорывается, и остается бытийственное, безграничное. Человек как Наличное бытие ничего не решает, решение он принимает только как бытие Присутствия. Только бытие Присутствия позволяет ему сделать выбор и осуществить свою свободу. И среди возможностей, которые есть у человека, есть возможность упустить себя. Очень часто он решает так, как решают все люди, человек поддается соблазну существования только в Наличии. Человек сам виновен в том, будет ли он Произведением, явит ли он свое Потаенное, войдет ли в вечный Поток становления. Никто за него это не сделает, это его выбор. [6. С. 169.].

М. Хайдеггер рассматривает вину не только по отношению к обычным этическим и судебным нормам, но и по отношению к собственному существованию, но это означает, что для М. Хайдеггера она становится онтологической, поскольку мы чувствуем вину даже за то, что существуем. И если виновен Я Сам, то бессмысленно искать вину невозможности осуществить себя как Творение в ком-то или в чем-то другом. Обвиняя других, человек снимает ответственность с себя. Но человеку страшно осознать Вот-бытие в себе, поскольку это приводит его к осознанию Ничто, пустоты, к осознанию бытия-к-смерти. И ему легче уйти от этого осознания, приняв на себя какую-либо роль. Спасением от масок и ролей является вина и совесть, которые не дают прекратиться человеческой Заботе о Бытии. М. Хайдеггер в своих исследованиях призывает к различным подходам к терминам «Попечительство» и «Забота». Так, первый он рассматривает как «преследование бытия, этим занимается наука и техника». В то время как второй это возможность услышать Зов Бытия. Забота является той целостностью, которая фиксирует присутствие как событие (целое). Зов Бытия позволяет услышать Озарение, которое не поддается рациональному осмыслению. Озарение – это то, что делает человека уже Присутствующим в Бытие. [3. С. 115.].

Концепция Бытия М. Хайдеггера включала в себя переформулировку вопроса о Бытии, который был проблемой для более ранних философов, поскольку он ставил под сомнение концепцию Бытия как дуализма. Его вызов картезианскому дуализму особенно очевиден в его критике феноменологии Э. Гуссерля, отвергающей представление о человеке (субъекте) как наблюдателе объектов, утверждающей, что субъект и объект неотделимы друг от друга. М. Хайдеггер ввел понятие Присутствия, отражающее понятие «живого существа» через его деятельность по «нахождению там» и пребыванию в мире. Центральной деятельностью Dasein является исследование Бытия и, в частности, способность подвергать сомнению личное существование и сосредотачиваться на нем.

Таким образом, М. Хайдеггер выдвинул тезис о том, что понимание Бытия само по себе является определяющей характеристикой Присутствия. Проводя это онтологическое различие, М. Хайдеггер изображает Dasein как сущность, обладающую пониманием своего собственного Бытия и возможностей. Таким образом, М. Хайдеггер выступал за то, чтобы обнажить фундаментальную структуру Присутствия как Бытия в мире, исследуя «среднюю повседневность». М. Хайдеггер в «Бытии и времени» пишет: «Человек существует таким образом, что он есть «Вот» Бытия, то есть его просвет». [3. С. 165.].

То, что пытается сделать М. Хайдеггер, – это создать онтологию нашего Присутствия в рамках феноменологического подхода. Сила этого подхода в том, что он не делает предварительных предположений о реальности, а пытается увидеть реальность такой, какой она открывается нам. «Время и бытие» – это систематика нашего Бытия, показывающая, как мы пытаемся избежать одиночества и страха смерти, погружаясь в культуру и других людей. М. Хайдеггер считает, что для становления себя как Творения необходимо совершать поступки, направленные на Собирание себя в бытийном контексте. Для этого важно быть мужественным и решительным, чтобы удержаться на уровне Присутствующего понимания и позволить Ничто войти в бытие. Решительность высвобождает существование из безличного и делает его подлинным, приводя к истинному пониманию и раскрытию Потаенного. Ответственность за выбор быть или не быть лежит только на самом человеке, так как вина не имеет объекта и указывает на экзистенциальную природу человека.

Литература

1. Бубер М. Вина и чувство вины // Вестн. РАТЭПП. 1994. № 2. С. 7–34.
2. Гришина Е.С. Философия вины: к вопросу классификации // Вологдинские чтения. 2006. № 60. С. 59–67.
3. Михайлов И. Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. – М.: «Прогресс-Традиция»; «Дом интеллектуальной книги», – 1999. – 284 с.
4. Сочивко, Д.В. Экзистенциальная психодинамика эмпирического Я личности / Д.В. Сочивко // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 3(48). – С. 16–29.
5. Фалёв Е.В. Герменевтика М. Хайдеггера и философия жизни // Философия и. – 2014. – С. 33–45.
6. Хайдеггер филология М. Время и бытие. – М.: Республика, – 1993. – 341 с.
7. Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. – М.: Гнозис, – 1993. – 267 с.

THE NON-PREDICATIVITY OF GUILT IN M. HEIDEGGER'S PHENOMENOLOGY

Chernysheva M.M.
Admiral G.I. Nevelsky Maritime State University

This article discusses the key aspects of the term "guilt". The author analyzes in detail M. Heidegger's attitude to the term "guilt" as a human feeling, and also examines the philosopher's approaches to the non-predicate guilt in his phenomenology. The author notes that according to Heidegger, guilt is not considered as a simple feeling or the result of an immoral act. He believes that guilt has an ontological nature and cannot be determined by predicates. Moreover, the author notes that M. Heidegger defines a person as guilty a priori, referring him to a part of being that is inherently guilty. The philosopher notes that man is abandoned into existence and must accept his possibilities. It should also be noted that guilt is considered as a factor, by shifting it to other people, an individual tries to ensure his own innocence. In addition, the author draws attention to the fact that the philosopher considers creativity as a tool for realizing the truth. He identifies four reasons that affect the result of creativity: material, form, purpose and master. The author comes to the conclusion that M. Heidegger sees guilt as a reason for the existence and creation of a work.

Keywords: M. Heidegger, non-predicativeness of guilt, understanding, existential, localness, reason, person.

References

1. Buber M. Guilt and guilt // Vestn. RATAPP. 1994. No. 2. pp. 7–34.
2. Grishina E.S. Philosophy of guilt: on the issue of classification // Vologda readings. 2006. No. 60. pp. 59–67.
3. Mikhailov I. Early Heidegger: between phenomenology and philosophy of life. – M.: "Progress-Tradition"; "House of intellectual books", – 1999. – 284 p.
4. Sochivko, D.V. Existential psychodynamics of the empirical self of personality / D.V. Sochivko // Applied legal psychology. – 2019. – № 3(48). – Pp. 16–29.
5. Falev E.V. M. Heidegger's Hermeneutics and philosophy of life // Philosophy I. – 2014. – pp. 33–45.
6. Heidegger philology M. Time and being. – M.: Republic, – 1993. – 341 p.
7. Heidegger M. Phenomenology. Hermeneutics. Philosophy of language. – M.: Gnosis, – 1993. – 267 p.

Выявление ценностей управленческой культуры государственных служащих: обобщение результатов социологического исследования

Яковко Татьяна Владимировна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ордена Знак Почета, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
E-mail: tatyana.yakovko@yandex.ru

В статье анализируются ценности управленческой культуры, в особенности характерные для государственных служащих. В целом управленческая культура рассматривается как составляющая общей культуры, которая применяется в трудовой деятельности. А под ценностями понимаются значимые в жизнедеятельности общества объекты и явления. Демонстрируется, что управленческая культура государственных служащих должна быть в первую очередь направлена на желание помогать гражданам и приносить пользу обществу. В статье приводятся данные социологических опросов и результаты интервьюирования, которые показывают, что несмотря на осознание общественной значимости госслужбы, главными мотивами сотрудников органов власти является финансовая и социальная стабильность и престиж, т.е. личная выгода. Но при этом отмечается, что чем выше должность, тем более среди ценностей преобладает желание быть полезным обществу. Анализируются противоречия между требованиями, предъявляемыми к государственными служащим при трудоустройстве, и при выполнении социально ответственной работы.

Ключевые слова: культура, управленческая культура, ценности, государственная служба, мотивация, законодательство, этика.

Управленческая культура является основой любой процветающей организации. Она включает в себя коллективные ценности, нормы, практики и модели поведения, которых придерживаются лидеры внутри компании, а на них в дальнейшем ориентируются все остальные сотрудники. Такая форма культуры позволяет создавать у сотрудников чувство идентичности и принадлежности, а также играет важную роль в желаемом организационном поведении, накладывая организационные ценности на индивидуальные. Но одновременно и личные ценности, убеждения, установки очень важны в управленческой культуре. Государственная служба, отличающая своей направленностью на общество и посреднической ролью между гражданами и вышестоящей властью подразумевает определенный набор ценностей управленческой культуры.

Для анализа ценностей управленческой культуры, считаем необходимым уточнить понятийный аппарат. Понятие «ценность» в Большой Российской энциклопедии трактуется следующим образом: «это понятие, используемое в философии и гуманитарных науках для обозначения объектов и явлений, значимых в жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельных индивидов, а также для обозначения самой этой значимости» [14]. Понятию «культура» дается такое определение: «исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, знания и умения, способы мышления, деятельности и коммуникации» [3].

Понятие «управленческая культура» встречается в научной литературе достаточно часто, но четких определений этой дефиниции не разработано, что подчеркивает ее сложность и многогранность. Многие исследователи отталкивают в определении от понятия «культура» и применяют ее к трудовой деятельности. Так, например, Н.В. Лизина акцентирует внимание на ценностях, считая, что это «совокупность ценностей, установок, убеждений, ориентаций, которые служат упорядочению управленческого опыта и регулируют поведения всех членов общества» [4, с. 233].С одной стороны, управление в данном случае можно рассматривать как культуротворчество, а с другой, культура – это показатель управленческой деятельности, если речь идет про умения, навыки, знания, соблюдение этических норм.

Культура управления включает в себя определенный набор методов и способов управления [2, с. 73]. Согласно Бенедикту, культура управления – это идеи и стандарты, которые разделяют люди, работающие в одной организации [1, с. 15].

В.Н. Шевелев под культурой управления подразумевает «часть общей культуры общества, связанной с формированием управленческих знаний, суждений, настроений, управленческих концепций, навыков управленческого и организационного поведения» [16, с. 298]. Все авторы акцентируют внимание на установках, символах, ценностях, но в целом культура управления – это комплексное понятие, в которое органично вписываются такие компоненты как «профессиональная культура», «организационная культура», «корпоративная культура», этические нормы и моральные ценности, присущие ра-

ботникам предприятия, и т.д. При этом именно понятие «культура управления» в литературе не очень распространено и чаще подменяется этими близкими терминами. Культура управления является неотъемлемой частью организационной культуры. Однако ее можно рассматривать и как специфическое явление, позволяющее сформировать своеобразную организационную политику, которая отличает одни организации от других и при целенаправленной разработке может принести большую эффективность организации или компании.

В.Г. Янцевский тоже рассматривает культуру управления как одну из составляющих конкурентного преимущества [17]. Приобретение новейших знаний и навыков в области управления, маркетинга и инноваций приводит к факторам успеха в бизнесе. Это проявляется в показателях качества продукции, сервиса, персонала, партнеров, бизнес-рисков, организации деятельности, учитывая многочисленные стандарты и нормативы, инициативности, креативности, успехов и неудач.

Таким образом, понятие «культура управления» имеет множество трактовок, однако подходы разных авторов не противоречат восприятию культуры управления, а дополняют друг друга. Культура не статична, а динамична и постоянно развивается и видоизменяется, тем более в современном мире с его современными технологиями коммуникации.

Система ценностей для руководства и коллектива любой организации формируется из двух составляющих: с одной стороны, важна ориентация на общие ценности организации; с другой, важны ценности, высокие моральные принципы непосредственно работников. Все ценности организации выбираются и оцениваются управленческим персоналом и только после такого отбора прививаются им, следя за тем, чтобы они переполняли сознание сотрудников [11, с. 548–564.].

Е.В. Павлова тоже утверждает, что большое значение для любой организации имеют ценности ее сотрудников [6, с. 1060]. В коммерческих предприятиях Д.А. Леонтьев выделяет три основные формы корпоративных ценностей, на которые ориентируются работодатели, вырабатывая управленческую стратегию:

1. «идеалы, выработанные руководством и разделяемые им обобщенные представления о совершенстве в различных проявлениях и сферах деятельности: идеалы философии фирмы, девиз, мифы, символы;

2. воплощение этих идеалов в деятельности и поведении сотрудников в рамках корпорации: правила и нормы поведения сотрудников в корпорации;

3. внутренние мотивационные причины сотрудников» [10, с. 39].

На государственной службе данные ценности преломляются исходя из конкретных задач служения обществу в масштабах управления страной, регионом, муниципалитетом. Государственная служба отличается ориентированностью на социум, на благо людей, живущих в стране, регионе, городе, а государственные служащие призваны выполнять посредническую функцию между конкретными людьми и государством. По мнению М. Сухоруковой, «специфика профессии государственного служащего обуславливает как профессиональную ценность личности работника, так и ценности профессиональной деятельности, которые обнаруживаются в принадлежащих государственному служащему властных полномочиях, во власти как ценности и средстве осуществлять свою волю по отношению к другим социальным группам» [13, с. 137].

В нашей стране действует закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ФЗ от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 14.02.2024), где в статье 18 прописано, что гражданский служащий, среди прочего, обязан:

– «исполнять должностные обязанности добросовестно и профессионально;
– исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека определяют смысл и содержание его профессиональной служебной деятельности;
– обеспечивать равное, беспристрастное отношение ко всем физическим и юридическим лицам, не оказывать предпочтение каким-либо объединениям, профессиональным или социальным группам, гражданам и организациям и не допускать предвзятости;
– не совершать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных обязанностей;
– не совершать поступки, порочащие его честь и достоинство;
– проявлять корректность в обращении с гражданами;
– не допускать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа и т.д.» [12].

В целом, ценностную основу государственной службы составляет совокупность общечеловеческих ценностей, нормативных, корпоративных ценностей, зависящих от общей стратегии государства. К общечеловеческим ценностям относятся духовно-нравственные и жизненно важные ценности. К нормативным – совокупность нравственных, правовых, эстетических, моральных, индивидуально-мировоззренческих, профессиональных ценностей, которые лежат в основе поведения конкретного государственного служащего.

Исследователи выделяют еще ценности российской ментальности, т.е. те ценности, которые присущи только российской нации. Эти ценности регулируют поведение служащих, влияют на их мотивацию, принятие и соблюдение ими правил и норм, в том числе нравственного характера.

В современном российском обществе основным регулятором, который влияет на поведение конкретного человека, может считаться моральная направленность. Но, к сожалению, для государственного служащего моральные установки не являются определяющими при трудоустройстве [15, с. 34]. В первую очередь работодатель уделяет внимание профессиональному опыту и компетенциям соискателя, а нравственные ценности не играют принципиально важной роли.

Возможно, именно поэтому достаточно много известных фактов, когда чиновники нелицеприятно высказываются в адрес граждан и иногда применяют оскорбляющие некорректные обращения. Так, начальник управления пресс-службы г. Тулун (Иркутская область) Ирина Алашкевич в 2019 году назвала пострадавших от паводков «бичами», губернатор Архангельской области Игорь Орлов в том же 2019 году обратился к протестующим против строительства полигона для мусора, «шелупонь» [9], а чиновник г. Курчатова (Курская область) Наталья Мальцева посчитала жителей «свиньями» и «зажравшимся народом». Из этих примеров наглядно видно, что государственные служащие грубо нарушили этику и, как следствие, продемонстрировали пренебрежение общечеловеческими ценностями и в целом низкий уровень культуры управления. В последствии данные служащие были отстранены от своих должностей.

При этом требования и идеалы, выработанные руководством в отношении государственных служащих, и внутренние мотивационные причины можно свести к одной фразе, озвученной президентом Российской Фе-

дерации В.В. Путиным на уроке «Разговоры о важном» 1 сентября 2023 года. Владимир Владимирович сказал: «если есть внутренняя потребность помогать людям, помогать своей стране, району, деревне, поселку, городу. Вот если есть жгучее желание… также здесь, хочется служить людям – иди и занимайся этим делом, не хочется – лучше займись чем-то другим» [8]. Так Президент РФ сформулировал главную управленческую ценность, которую должен разделять государственный служащий. В данном случае ценность в полной мере приравнивается к мотиву и служит той самой установкой, которая лежит в основе решения осуществлять деятельность, занимая пост на государственной службе.

Н.В. Проказина, исследуя через социальный опрос управленческую культуру государственных с+лужащих, отмечает, что желание быть нужным обществу и государству, приносить им пользу занимает лишь седьмую строчку в рейтинге мотивов, побуждающих людей идти на государственную службу [7, с. 37]. Преобладающими мотивами являются возможность занять статусную позицию в обществе; стабильность, надежность и устойчивость социального положения; расширение социальных связей; обеспечение стабильного материального положения и стремление к карьерному росту.

Эта тенденция подтверждается и другим опросом, проведенным Р.К. Овчаренко, И.А. Луневой, М.А. Штепа. Эти авторы исследовали мотивацию гражданских служащих Ростовской области. В результате опроса мотивирующие факторы расположились в следующем порядке:

– «стабильность– 74,26%;
– реализация профессиональных способностей – 39,69%;
– личный рост – 32,65%;
– возможность принести пользу обществу – 29,71%;
– престиж гражданской службы– 10,24%» [5, с. 53].

Анализируя ответы респондентов, эти исследователи пришли к выводу, несмотря на поиск личной выгоды при трудоустройстве и дальнейшей работе, большинство государственных служащих Ростовской области в целом ориентированы на выполнение запросов и требований общественности – 60,11%, т.е. понимают взаимосвязь результативности своей деятельности с ожиданиями населения.

Интересна в исследовании Н.В. Проказиной и оценка современного состояния корпоративной культуры в системе госслужбы Российской Федерации: 51,4% респондентов оценивает этот уровень как «скорее низкий»; 19, 0% – «скорее высокий», третий популярный ответ – «низкий» – 17,3%. Почти 9% опрошенных затруднились с ответом, и лишь 3,4% отметили, что уровень культуры «высокий» [7, с. 38]. Основные причины таких результатов кроются в бюрократизме, низком профессионализме государственных служащих и преобладании личных интересов над государственными.

Мы провели свое исследование управленческих ценностей– интервьюировали сотрудников, состоящих на государственной и муниципальной службе. В ходе интервью мы выясняли мотивы, побуждающие их работать в данных должностях, а также главные управленческие ценности, которыми они руководствуются на службе. Многие ответы были схожи с результатами социологических опросов, приведенных нами выше: в первую очередь специалисты работают ради стабильности, личной финансовой выгоды и статусной позиции государственного служащего. Но чем выше уровень руководителя, тем заметнее меняются установки. Граждане, занимающие высокие посты на государственной службе, в первую очередь, отмечали среди мотивирующих факторов служение обществу и жителям региона и города. Своя личная выгода, финансовая стабильность и статусность должности у них не в приоритете. Высоким руководителям также важно соответствовать образу современного государственного служащего, нежелание подводить вышестоящих руководителей, стремление поддерживать престиж и авторитет государственной службы личным примером.

Можно сделать вывод, что ценности управленческой культуры напрямую зависят от занимаемой должности: чем выше должность, тем выше стремление служить обществу и интересам граждан, и соответственно, на более низких должностях государственной службы служащие ставят в приоритет личные интересы и выгоды.

Выводы

Анализируя ценности управленческой культуры государственных служащих, можно отметить, что в целом управленческая культура базируется на общем понимании культуры, и в основе ее лежат ценности, установки, убеждения, но применительно к трудовой деятельности, к коммуникации внутри коллектива сотрудников. Деятельность государственных служащих имеет свою специфику, основанную на ориентире на интересы социума и служение обществу. По мнению Президента РФ В.В. Путина главное, что должно мотивировать человека занять пост на государственной службе, – желание помогать конкретным людям, проживающим на данной территории. Но, к сожалению, социологические опросы и наше исследование показывает, что доминирующими мотивами трудоустройства на госслужбы являются личные интересы, финансовая стабильность, социальный статус, самосовершенствование и т.д. Вероятно, такая ситуация складывается в результате того, что при трудоустройстве работодатель обращает первоочередное внимание на опыт и квалификацию соискателя, а не на его моральные установки, ценности, которые для него важны при исполнении трудовых обязанностей, в числе которых и общечеловеческие ценности. Впрочем, это касается в основном низшего звена руководителей. Руководители более высокого уровня в большей степени считают для себя главной задачей – служение интересам общества и поддерживают авторитет и имидж государственной власти. Хотя среди этой категории служащих бывают случаи нарушения этических норм и моральных принципов, которые ярко демонстрируют низкий уровень управленческой культуры.

Литература

1. Бенедикт Р. Закономерности культуры. Нью-Йорк. США.: MarinerBooks. 2006. – 320 с.
2. Горяйнова Н.М., Горяйнов В.Н., Позднякова Ж.С. Современная управленческая культура: краткий феноменологический и историко-социологический анализ // Управление в современных системах. 2020. –№ 4(28). –С. 73–79.
3. Культура // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://bigenc.ru/c/kul-tura-26efdd (дата обращения 05.03.2024).
4. Лизина Н.В. Управленческая культура как качественный показатель управленческой деятельности // Ползуновский вестник – 2006. – № 1. – С. 231–234.
5. Овчаренко Р.К., Лунева И.А., Штепа М.А. Мотивация гражданских служащих и результативность их профессиональной служебной деятельности

(по данным социологического опроса) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020–31. – С. 50–54.
6. Павлова Е.В. Управленческая культура: понятие, сущность, основные черты / Е.В. Павлова // Молодой ученый. 2015. – № 10 (90). – С. 1059–1061.
7. Проказина Н.В. Управленческая культура государственных гражданских служащих: теоретическое обоснование и социальная практика / Н.В. Проказина// Алтайский вестникгосударственнойи муниципальной службы. – 2021. – № 19 (19). – С. 36–39.
8. Путин рассказал, кто должен заниматься госслужбой // Риа-Новости. Дата публикации 01.09.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20230901/putin-1893747863.html (дата обращения 05.03.2024).
9. Случаи скандальных высказываний российский региональных чиновников // Тасс. Дата публикации 03 сентября 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/info/6835618 (дата обращения 08.03.2024).
10. Сухорукова М. Ценности как ключевой элемент организационной культуры / М. Сухорукова // Управление персоналом. – 2000. – № 11. – С. 39–44.
11. Уоллес Дж., Хант Дж., Ричардс Ч.Взаимосвязь между организационной культурой, организационным климатом и управленческими ценностями. Международный журнал управления государственным сектором. 1999 год. – № 12(7). – С. 548–564.
12. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210 (дата обращения 05.03.2024).
13. Фролов О.В. Ценности профессиональной деятельности государственных служащих // Ценности и смыслы. 2017. – № 1 (47). – С. 134–143.
14. Ценность // Большая Российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699 (дата обращения 05.03.2024).
15. Четверикова Н.А., Колмыкова М.А., Современные тенденции профессионального развития государственных гражданских служащих//Вестник университета. 2019. – № 9. –С. 33–38.
16. Шевелев В.Н. Социология управления. Ростов н/Дону, 2004. – 347 с.
17. Янцевский В.Г. Основы менеджмента. Минск: Тетра Системс; 2004. – 335 с.

IDENTIFICATION OF THE VALUES OF THE MANAGEMENT CULTURE OF CIVIL SERVANTS: GENERALIZATION OF THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

Yakovko T.V.
Orders Badge of Honor State Academy fire service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

The article analyzes the values of managerial culture, especially those characteristic of civil servants. In general, managerial culture is considered as a component of the general culture that is used in work. And values are understood as objects and phenomena that are significant in the life of society. It is demonstrated that the managerial culture of civil servants should be primarily aimed at the desire to help citizens and benefit society. The article presents data from sociological surveys and interviewing results, which show that despite the awareness of the public importance of the civil service, the main motives of government employees are financial and social stability and prestige, i.e. personal gain. But it is noted that the higher the position, the more the desire to be useful to society prevails among the values. The contradictions between the requirements for civil servants in employment and in performing socially responsible work are analyzed.

Keywords: culture, managerial culture, values, public service, motivation, legislation, ethics.

References

1. Benedict R. Patterns of culture. New York, USA: Mariner Books; 2006. –320 p.
2. Goryainova N.M., Goryainov V.N., Pozdnyakova J.S. Modern managerial culture: a brief phenomenological and historical-sociological analysis // Management in modern systems. 2020. – № 4(28). – Pp. 73–79.
3. Culture / / The Great Russian Encyclopedia [Electronic resource]. URL: https: // bigenc.ru / c / Kul-tura-26efdd (accessed 03/05/2024).
4. Lizina N.V. Managerial culture as a qualitative indicator of managerial activity // Polzunovsky vestnik. 2006. – No. 1. – pp.231–234.
5. Ovcharenko R.K. Luneva. I.A., Shtepa M.A. Motivation of civil servants and the effectiveness of their professional performance (according to a sociological survey) // State and municipal administration. Scientific notes. 2020–31. – pp. 50–54.
6. Pavlova E.V. Managerial culture: concept, essence, main features / E.V. Pavlova // young scientist. – 2015. – № 10 (90). – Pp. 1059–1061.
7. Prokazina N.V. Managerial culture of state civil servants: theoretical justification and social practice / N.V. Prokazina / / Altai Bulletin of state and municipal service. 2021. – № 19 (19). – Pp. 36–39.
8. Putin told who should be engaged in Civil Service // RIA-Novosti. Date of publication 01.09.2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://ria.ru/20230901/putin-1893747863.html (date of application 03/05/2024).
9. Cases of scandalous statements by Russian regional officials// TASS. Date of publication 03.09.2019. [Electronic resource]. – Access mode: https://tass.ru/info/6835618 (date of application 05/08/2024).
10. SukhorukovaM. Values as a key element of organizational culture / M. Sukhorukova / / personnel management. 2000. – No.11. – pp.39–44.
11. Wallace J., Hunt J., Richards C. The relationship between organizational culture, organizational climate and management values. International Journal of Public Sector Management. The year is 1999. – No. 12(7). – pp. 548–564.
12. Federal Law No. 79-FZ of 07/27/2004 dated 02/14/2024) “On the State Civil Service of the Russian Federation” [Electronic resource]. Access mode: http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210 (date of application 03/05/2024).
13. Frolov O.V. Values of professional activity of civil servants // Values and meanings. 2017. – № 1 (47). – pp. 134–143.
14. Value // the great Russian encyclopedia. [electronic resource]. URL: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699 (date of application 03/05/2024).
15. Chetverikova N.A., Kolmykova M.A., Modern trends in the professional development of civil servants//Bulletin of the University. 2019. – No. 9. – pp. 33–38.
16. Shevelev V.N. Sociology of management. Rostov-on-Don, 2004. – 347 p.
17. Yanchevsky V.G. Fundamentals of management. Minsk: Tetra-Systems; 2004. – 335 p.

Соотношение философских и религиозных понятий «соборности» и «церковности»

Зацепина Дарья Юрьевна,
аспирант, кафедра философии, Государственный университет просвещения
E-mail: Darya.zacepina@inbox.ru

В статье приводится сравнение понятий «соборности» и «церковности» в философско-религиозном смысле понимания этих слов славянофилами: А.С. Хомяковым, С.Н. Булгаковым, свящ. Павлом Флоренским, Н.Ф. Фёдоровым, Е.Н. Трубецким, Н.А. Бердяевым и В.С. Соловьёвым. Дается развернутое определение понятия «соборности», затрагивается политическое понимание этого термина, а также раскрывается определение «церковности» в соотношении его с деятельностью церковной общины и соборным участием ее членов в Таинствах Церкви под управлением священноначалия.

Ключевые слова: соборность, церковность, славянофилы, философия, религия, церковная община.

Понятие «соборность» обычно интерпретируется как часть российского религиозного и философского мировоззрения, имеющего специфическое происхождение, характерное, как для церковного вероучения, так и для философских и даже политических измышлений.

При этом понятие «церковность» прямо связано с понятием «соборности» в религиозном смысле этого слова. Ведь «церковность» – это все то, что свойственно Церкви, что отличает Ее от остального мира, живущего во внецерковном объединении. В богословском понимании «церковность» – это такое направление жизни каждого христианина, в котором осуществляется, по вероучению Церкви, действие Третьего Лица Пресвятой Троицы – Святого Духа. Именно через «церковность», по вероучению Церкви, Дух Святой проникает в земную жизнь каждого человека и церковной общины в целом, преображает и укрепляет ее, способствуя единству людей верующих в Бога в стенах Церкви. При этом верующие исповедуют свою веру «соборно» в духе общей любви и почтения к Творцу всего мира – Господу Богу, взаимного уважения друг к другу и понимания единства мировоззрения на основе Священного Писания и Предания Церкви.

Важно отметить, что в управлении церковной общиной всегда существовало два начала, с одной стороны – это сама община, действующая «соборно» или «едино» по отношению друг к другу, с другой стороны – священноначалие в лице правящего архиерея (патриарха, митрополита, архиепископа или епископа) или духовенства во главе общины (протоиерея, иерея, архимандрита и игумена). Священноначалие за счет своего положения и авторитета осуществляет контроль над деятельностью общины и церковностью (чистотой веры) ее членов. В целях лучшего понимания «соборности» и «церковности» отдельно рассмотрим оба понятия по очереди, но в тесном переплетении друг с другом.

В творчестве философов и религиозных мыслителей конца XIX и начала XX века впервые появилось такое понятие, как «соборность», означающее свободное духовное единение людей в церковной и мирской жизни, открытое общение между ними в духе братства, любви и взаимопонимания. При этом в творчестве славянофилов, по мнению исследователя этого вопроса И.Д. Осипова выделяется «два критерия соборности: внутренний – религиозный и внешний – социальный. Отличием славянофильской концепции соборности является сочетание трех моментов: православной веры, личной свободы и любви»[1]. При этом «соборность» – это единство многих лиц на основе общей веры к Богу, которая измеряется не количественным, а качественным понятием, не количеством верующих, а углубленностью внутренней веры[2].

[1] Осипов И.Д. «Категория соборность в русской философии» Россия в глобальном мире, no. 7 (30), 2015, С. 403–410. С. 403.

[2] Там же. С. 403.

Соборность в России, по мнению славянофилов – это основа всей общественной жизни, изменить сущность которой, по их убеждению, невозможно, не разрушив самые основания русской культуры, поскольку это основа, определяющая все социальные формы существования[1].

По мнению некоторых исследователей, термин «соборность» впервые ввел в русский язык отечественный философ и публицист-славянофил Ю.Ф. Самарин в 1863 г., который использовал это слово для построения собственной социальной теории устроения общины[2]. Понятие «соборности» трактовалось Ю.В. Самариным как свободное всеобщее единство, аналогичное с понятием «общинности», введённым славянофилами. Если «общинность» можно соотнести со светской или внецерковной жизнью народа, то «соборность», по его мнению, означает христианскую жизнь в Церкви. В понимании Ю.В. Самарина «соборность» обозначала также некий принцип церковного единства общины, имеющий внутреннее сходство с принципом единства сельской общины[3]. Этот термин появился в контексте полемики Ю.В. Самарина с западными, преимущественно латинскими, вероучительными воззрениями[4].

Важно отметить также, что взгляды Ю.В. Самарина близки к учению другого известного славянофила и философа А.С. Хомякова о соборности, который в своих трудах попытался совместить светский и церковный аспекты понимания этого термина. Кроме того, А.С. Хомяков считается родоначальником введения этого слова в философский оборот. Под «соборностью» он понимал специфическую целостность Церкви, которую он противопоставлял католическому единству и протестантскому индивидуализму. По мнению А.С. Хомякова в католической церкви существует единство без свободы, а в протестантской церкви – свобода без единства, и только в православии принцип соборности, хотя и не осуществлен во всей полноте, но осознан как наивысшая Божественная основа всей Церкви[5].

Термин «соборность» был заимствован А.С. Хомяковым из Никео-Цареградского Символа веры – основного догматического христианского вероучения, принятого на Втором Вселенском соборе христианской Церкви в 381 г.н.э. и утвержденного на Четвертом Вселенском соборе в 451 г.н.э. В 9-м стихе Символа веры, сказано в частности, что христиане верят «Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». На греческом языке эта фраза выглядит следующим образом: «Εἰς μίαν, Ἁγίαν, Καθολικὴν καὶ Ἀποστολικὴν Ἐκκλησίαν» (рус. прочтение: «Ейс миан, Агиан, Кафоликэн кэ Апостоликэн). Переводчики с греческого языка на славянский язык перевели слово «καθολικὴν» (кафоликэн), которое означает «вселенская, кафолическая, всеобщая и соборная» словом «соборная».

В своем труде «Церковь одна» А.С. Хомяков дает следующее определение Церкви, упоминая о Ее «соборности» и подчеркивая значение этого слова в контексте «кафоличности» и «вселенскости»: «Церковь называется единою, святою, соборною (кафолическою и вселенскою) апостольскою, потому что она едина и свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности; потому что ею святятся все человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или одна страна; потому что сущность ее состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех ее членов, по всей земле, признающих ее; потому, наконец, что в Писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, ее упований и ее любви»[6].

В другом месте своего сочинения известный русский философ пишет о том, что Церковь никогда не исчезнет с земли вплоть до Страшного Суда по причине того, что Она находится и на земле и на небе: «Верою же знает истинный христианин, что Единая, Святая, Соборная Апостольская Церковь никогда не исчезнет с лица земли до последнего суда всей твари, что она пребывает на земле невидимо для глаз плотских и плотски мудрствующего ума в видимом обществе христиан; точно так же как она пребывает видимою для глаз веры в Церкви загробной, невидимой для глаз телесных»[7].

В своем письме к редактору «l'union chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» А.С. Хомяков просит напечатать несколько слов в ответ на брошюру иезуита[8] священника Гагарина, который произнес речь с обвинением в адрес православных христиан в искажении Символа веры. По мнению священника Гагарина, слово «кафолический» нельзя было переводить словом «соборный», как не отражающим вселенский (лат. cosmicus) статус Церкви. А.С. Хомяков на это возражает утверждением, что слово «соборный» и означает «кафолический», т.к. одно и то же слово в греческом языке может переводиться по-разному. Он в частности даже приводит другие значения слова в переводе с греческого языка «καθολικὴν» – «синодальный, кафедральный и даже общественный (public)»[9].

В творчестве А.С. Хомякова мы также находим сведения, что словом «соборность» святые Кирилл и Мефодий – просветители русской земли специально, по его мнению, заменили слово «кафолический». Интересно, что в прочтении с греческого языка слова «καθολικὴν» (русс. «кафоликен») буква «θ» может читаться, как «т» или как «ф», т.е. слово может звучать также «католикен». При этом слово «католический» в общей его интерпретации (греч. καθολικός – «всеобщий») также переводится, как «вселенский, всемирный» и т.д.

А.С. Хомяков особо подчеркивал, что святые братья Кирилл и Мефодий первыми предложили использовать в Символе веры слово «соборная», а не «католическая» в отношении православной Церкви. По его словам: «Они (святые братья Кирилл и Мефодий) остановились на слове соборный; собор выражает идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею «единства во множестве»[10].

---

[1] Мищенко А.В. «О соборности как понятии духовном, религиозном и философском» Вестник Мурманского государственного технического университета, vol. 14, no. 2, 2011, С. 319–324. С. 321.

[2] Лурье В.М. «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова / Вадим М. Лурье // Studia Religiosa Rossica. – Москва: РГГУ, 2020. – № 1. – С. 72–88. С. 73.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Осипов И.Д. «Категория соборность в русской философии» Россия в глобальном мире, no. 7 (30), 2015, С. 403.

[6] Сочинения богословские /А.С. Хомяков [Предисл. Ю.Ф. Самарина, с. 5–35]. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1995. – 479 с., л. портр.; 22 см. – (Слово о сущем)/ Церковь одна. С. 41.

[7] Там же. С. 46.

[8] Иезуиты (полное название – Общество Иисуса, лат. Societas Iesus) – мужской духовный орден Римско-католической церкви, основанный в 1534 г. Игнатием Лойолой и утверждённый папой Павлом III в 1540 г.

[9] Сочинения богословские /А.С. Хомяков [Предисл. Ю.Ф. Самарина, с. 5–35]. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1995. – 479 с., л. портр.; 22 см. – (Слово о сущем)/ Церковь одна. С. 267.

[10] Там же. С. 279.

Кроме того А.С. Хомяков проводит детальный лингвистический анализ слова «кафолический» и дает новое определение значения «соборности» Церкви, которая по его словам есть «Церковь свободного единодушия, Церковь, в которой исчезли народности, нет ни греков, ни варваров, нет различий по состоянию, нет ни рабовладельцев, ни рабов, та Церковь, о которой пророчествовал Ветхий Завет – которая осуществилась в Новом Завете»[1].

Известный русский мыслитель, философ и богослов протоиерей Георгий Флоровский, комментируя понимание «соборности» А.С. Хомяковым писал, что соборность для него не совпадает с «общественностью» и в его понимании это не человеческое определение, а Божественная характеристика Церкви[2].

В дальнейшем после введения термина «соборность» в философский оборот, это определение появляется в творчестве других видных русских мыслителей: В.С. Соловьёва, Н.Ф. Фёдорова, свящ. П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова и других.

Например, С.Н. Булгаков называл «соборность» «душой православия»[3]. А священник Павел Флоренский, отмечая другие значения этого термина, говорил, что «соборность» реализуется, например, в создании православной иконы, когда над ней работают несколько художников-иконописцев, объединенных общей верой и любовью к Богу[4].

Соборность в творчестве другого известного философа-славянофила Е.Н. Трубецкого понималась, как процесс реализации возможностей человека, заложенного в него изначально. Человек, по его мнению, не может самостоятельно реализовать свои возможности вне общества, ему необходимо взаимодействие с другими людьми, либо личное взаимодействие с Богом. При этом С.Н. Трубецкой был убежден, что только в Церкви возможно «познание универсальной цели человечества»[5].

Согласно мнению Н.Ф. Фёдорова, «соборность» – это своего рода «мечта-символ», которая появилась в русском народе вопреки постоянному противостоянию в обществе, существующему в нем многие столетия[6].

Кроме того «соборность» получила свое дальнейшее развитие в работах В.С. Соловьёва, который расширил значение этой идеи, введя ее в космическое единство и «превращая религиозное единство во всеединство»[7]. В.С. Соловьёв включил этот термин в область диалектики, совместив понятия «общественность» и «соборность». Раскрытие всеединства через актуализацию соборности происходит, по его словам, в «реальном историческом процессе», который переживается самим человеком. При этом «всеединство, соборность всегда присутствует в общественности, в человеке, в разных своих актуализациях»[8].

Н.А. Бердяев понимал идею «соборности» в качестве светской социальности, основанной на идее творчества[9]. Путь к соборности он определял как «период исторического странствования»[10].

В политической сфере учение о «соборности» в творчестве русских религиозных мыслителей отражает идею непосредственной вовлеченности власти в дела народа, единство государственной власти с народом и понимания их потребностей и нужд, исходя не из бюрократических процедур, а из внутреннего нравственного выбора каждого чиновника в осуществлении помощи простым гражданам[11]. Кроме того, это также касается «соборной» «всецелой» работы различных органов государственной власти во благо простого народа[12]. При этом, с точки зрения самого народа, политический смысл «соборности» реализуется в контексте отстаивании возможности выборов органов государственной власти. Иными словами, «политология соборности утверждает идентификационную модель демократии»[13]. При этом общество строится на основе истинного «соборного» согласия между людьми, которые выражают свою волю.

В целях лучшего соотнесения понятия «церковности» и «соборности» в религиозном смысле этих слов приведем цитату митрополита Иоанна (Снычева), который дал краткое, но при этом очень точное религиозное определение понятия «соборности». По его словам: «Соборность – это единство народа в исполнении христианского долга и самопожертвовании, в стремлении посильно приблизиться к Богу, «обожиться», «освятиться», воплотить в себе нравственный идеал Православия»[14].

Таким образом, с помощью приведенных цитат становится понятным общее определение термина «соборность» в церковном, философском и политическом понимании. При этом в религиозном смысле этот термин прямо соотносится с понятием «церковности», т.к. церковный человек – это, прежде всего, тот, кто действует в рамках церковной общины, в единстве духа и мировоззрения, участвует в церковных Таинствах «соборно» подходя, например, к Таинству общей Исповеди[15] или к Святому Причащению.

Можно еще отметить, что в православной традиции существует также Таинство Соборования (Елеосвящения), которое совершается «соборно» – несколькими священнослужителями и при участии огромного числа членов церковной общины, объединенной общей верой и молитвой. Примечательно, что даже в самом названии этого Таинства содержится схожий термин понятию «соборности». Ведь «соборность», например, в понимании

[1] Там же. С. 279.

[2] Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. –849 с. С. 277.

[3] Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. –240 с. С. 145.

[4] Громова А.Е. «Проблема соборности в контексте пространственных образов времени-памяти П.А. Флоренского» Вестник Костромского государственного университета, vol. 20, no. 2, 2014, С. 225–228. С. 226.

[5] Доронина В.С.. «Соборное сознание в работах кн. С.Н. Трубецкого» Миссия конфессий, vol. 12–8, no. 73, 2023, С. 14–18. С. 17.

[6] Скороходова С. И. «Экзистенциальные мотивы в творчестве славянофилов и «Философия общего дела» Фёдорова» Литературоведческий журнал, no. 29, 2011, С. 75–89. С. 77.

[7] Тонковидова А.В., Бойко П.Е., Орлов М.О. «Соборность и общественность в философии Владимира Соловьева» nomothetika: Философия. Социология. Право, vol. 48, no. 1, 2023, С. 5–13. С. 6.

[8] Там же. С. 11.

[9] Тонковидова А.В., Орлов М.О. «Соборность и светская социальность (на материалах философии В. Соловьева, С. Франка, Н. Бердяева)»// Вестник ВГУ. серия: философия. 2023. № 3 С. 90–93. С. 91.

[10] Там же.

[11] Осипов И.Д. «Категория соборность в русской философии» Россия в глобальном мире, no. 7 (30), 2015, С. 405.

[12] Там же. С. 406.

[13] Там же.

[14] Иоанн (Снычев) митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания/ Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е – М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2017. –528 с. С. 46.

[15] Внекоторыххрамахимонастырях,посложившейсядревней практике, существует «общая исповедь», когда члены церковной общины публично сообщают о своих грехах в присутствии других прихожан и духовенства.

А.С. Хомякова представляет собой итоговое единство Бога и человека, выступающего как бы в виде посредника между небесным и земным миром. И на земле этому единству, в вероучении Церкви, способствуют Таинства Церкви. По словам А.С. Хомякова именно «Дух Божий, живущий в совокупности церковной»[1] может направить в правильное русло развитие общества. При этом Он проявляется в действиях отдельных людей – членов отдельной религиозной общины.

Если мы обратимся к определению понятия «Церкви», то согласно словам митрополита святителя Филарета (Дроздова): «Церковь есть от Бога установленное общество людей, соединѐнных православной верой, законом Божиим, священноначалием и Таинствами»[2]. Таким образом, даже в самом определении понятия «Церкви» или «церковности» содержится понятие «соборности» (единства веры и объединения Священным Писанием и Преданием, священноначалием и Таинствами) в религиозном понимании этого слова.

В заключении хотелось бы отметить, что в творчестве различных русских мыслителей и философов мы находим тесное переплетение религиозного понимания термина «соборности» и «церковности», связанного с единством людей на основе общей веры, совместной молитвой и совместным участием членов церковной общины в Таинствах под управлением церковного священноначалия. Последнее хотя и построено на иерархических принципах, также объединено общей верой и вероучением Церкви. Можно еще отметить, что в церковной практике существует также понятие «соборного служения», когда духовенство служит совместно друг с другом в рамках одной религиозной общины и при участии ее членов.

Литература

1. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. –240 с.
2. Громова А.Е. «Проблема соборности в контексте пространственных образов времени-памяти П.А. Флоренского» Вестник Костромского государственного университета, vol. 20, no. 2, 2014, С. 225–228.
3. Доронина В.С.. «Соборное сознание в работах кн. С.Н. Трубецкого» Миссия конфессий, vol. 12–8, no. 73, 2023, С. 14–18.
4. Иоанн (Снычев) митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания/ Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е – М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2017. –528 с.
5. Лурье В.М. «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова / Вадим М. Лурье // Studia Religiosa Rossica. – Москва: РГГУ, 2020. – № 1. – С. 72–88.
6. Мищенко А.В. «О соборности как понятии духовном, религиозном и философском» Вестник Мурманского государственного технического университета, vol. 14, no. 2, 2011, С. 319–324.
7. Осипов И.Д. «Категория соборность в русской философии» Россия в глобальном мире, no. 7 (30), 2015, С. 403–410.
8. Пространный катехизис Православной Церкви/Митрополит Московский Филарет (Дроздов)/ Донецк: Школа права имени святого равноапостольного Владимира 2020. – 141 с.
9. Скороходова С.И. «Экзистенциальные мотивы в творчестве славянофилов и «Философия общего дела» Фёдорова» Литературоведческий журнал, no. 29, 2011, С. 75–89.
10. Сочинения богословские /А.С. Хомяков [Предисл. Ю.Ф. Самарина, с. 5–35]. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1995. – 479 с., л. портр.; 22 см. – (Слово о сущем)/ Церковь одна.
11. Тонковидова А.В., Бойко П.Е., Орлов М.О. «Соборность и общественность в философии Владимира Соловьева» nomothetika: Философия. Социология. Право, vol. 48, no. 1, 2023, С. 5–13.
12. Тонковидова А.В., Орлов М.О. «Соборность и светская социальность (на материалах философии В. Соловьева, С. Франка, Н. Бердяева)»// Вестник ВГУ. серия: философия. 2023. № 3 С. 90–93.
13. Флоровский Георгий, прот. «Пути русского богословия». Париж, 1937. –849 с.

[1] Сочинения богословские /А.С. Хомяков [Предисл. Ю.Ф. Самарина, с. 5–35]. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1995. – 479 с., л. портр.; 22 см. – (Слово о сущем)/ Церковь одна. С. 42.

[2] Пространный катехизис Православной Церкви/Митрополит Московский Филарет (Дроздов)/ Донецк: Школа права имени святого равноапостольного Владимира
2020. – 141 с. С. 56.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS CONCEPTS OF “CONCILIARITY” AND “CHURCHINESS”

Zatsepina D.Yu.
State University of Education

The article compares the concepts of “conciliarity” and “churchiness” in the philosophical and religious sense of understanding these words by Slavophiles: A.S. Khomyakov, S.N. Bulgakov, priest. Pavel Florensky, N.F. Fedorov, E.N. Trubetskoy, N.A. Berdyaev and V.S. Solovyov. A detailed definition of the concept of “conciliarity” is given, the political understanding of this term is touched upon, and the definition of “churchness” is revealed in relation to the activities of the church community and the conciliar participation of its members in the Sacraments of the Church under the control of the hierarchy.

Keywords: conciliarity, churchliness, Slavophiles, philosophy, religion, church community.

References

1. Bulgakov S.N. Orthodoxy: Essays on the teachings of the Orthodox Church. M., 1991. –240 p.
2. Gromova A.E. “The problem of conciliarity in the context of spatial images of time-memory of P.A. Florensky” Bulletin of Kostroma State University, vol. 20, no. 2, 2014, pp. 225–228.
3. Doronina V.S. “Conciliar consciousness in the works of Prince S.N. Trubetskoy” Mission of Confessions, vol. 12–8, no. 73, 2023, pp. 14–18.
4. John (Snychev) Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga. Autocracy of the Spirit: Essays on Russian Self-Consciousness / Rep. ed. O. Platonov. Ed. 2nd – M.: Institute of Russian Civilization, Native Country, 2017. –528 p.
5. Lurie V.M. “Conciliarity”: the appearance of the term and concept in the works of Pseudo-Khomyakov / Vadim M. Lurie // Studia Religiosa Rossica. – Moscow: Russian State University for the Humanities, 2020. – No. 1. – P. 72–88.
6. Mishchenko A.V. “On conciliarity as a spiritual, religious and philosophical concept” Bulletin of the Murmansk State Technical University, vol. 14, no. 2, 2011, pp. 319–324.
7. Osipov I.D. “The category of conciliarity in Russian philosophy” Russia in the global world, no. 7 (30), 2015, pp. 403–410.
8. Long Catechism of the Orthodox Church / Metropolitan of Moscow Philaret (Drozdov) / Donetsk: School of Law named after St. Vladimir Equal-to-the-Apostles 2020. – 141 p.

9. Skorokhodova S.I. “Existential motives in the works of the Slavophiles and Fedorov’s “Philosophy of the Common Cause”” Literary Studies Journal, no. 29, 2011, pp. 75–89.
10. Theological works / A.S. Khomyakov [Preface. Yu.F. Samarina, p. 5–35]. – SPb.: Science: St. Petersburg. ed. firm, 1995. – 479 p., l. portrait; 22 cm. – (The Word about Existence) / There is one Church.
11. Tonkovidova A.V., Boyko P.E., Orlov M.O. “Conciliarity and publicity in the philosophy of Vladimir Solovyov” nomothetika: Philosophy. Sociology. Law, vol. 48, no. 1, 2023, pp. 5–13.
12. Tonkovidova A.V., Orlov M.O. “Conciliarity and secular sociality (based on the philosophy of V. Solovyov, S. Frank, N. Berdyaev)” // Vestnik VSU. series: philosophy. 2023. No. 3 P. 90–93.
13. Florovsky Georgy, prot. “Ways of Russian theology”. Paris, 1937. –849 p.

Обоснование объективно-идеалитической природы морали в западноевропейской философской теологии классического периода

Аторин Роман Юрьевич,
к.ф.н., доцент кафедры философии ГУУ
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Религиозная картина мира даёт однозначный ответ на вопрос о происхождении морали. Развитую морально–этическую систему ценностей, как часть божественного откровения мы находим в священных текстах всех традиционных религий: Пятикнижие Моисея, Новом Завете, Коране, религиозно–философских системах Индии (индуизм, буддизм) и Китая (даосизм, конфуцианство). Религиозность не может не быть объектом философского исследования, следовательно, одним из основных вопросов философской этики – природа морали: её происхождение, объективность и субъективность положений, а так же соотношение морального закона с человеческой религиозностью. Данная тема является сквозящей в истории западноевропейского рационализма, начиная с античности и заканчивая Гегелем. Несмотря на должную проработанность в истории философской мысли и достаточное количество исследований, – проблема соотношения «морального» и «религиозного» не утрачивает актуальности.

Ключевые слова: Религиозная мораль, нравственность, моральный закон, объективность.

Философская традиция, где мораль мыслится как производная идеального совершенного Ума – Бога, восходит ещё к Сократу. Добродетель и моральный закон у «законодателя» классической античной философии является непременным условием познания вообще. Неразрывность религиозности и морали в философии Сократа видится в том, что он не находит различия между мудростью и нравственностью [9, с. 205–207], невозможность существования данных добродетелей по отдельности. А так как мудрый, то есть философ, не может не видеть в творении действий Высшего Разума, то «почитание богов» есть необходимость для философского ума [9, с. 228–230], который, в свою очередь не может являться таковым без практического осуществления закона морали.

У Платона мораль объективна и её происхождение имеет небесное происхождение, а её реализация в «мире вещей» есть воплощение божественного блага. Стать добродетельным и вести нравственно–совершенную жизнь – значит уподобиться, быть ближе к Благу, которое есть сам Бог. Находящийся под влиянием Сократа, Платон утверждает взаимосвязь космологии, телеологии и добродетели. Интеллектуального отвлечённого созерцания Творца и его действий недостаточно для совершенного знания. Необходима добродетель. Платон пишет: «<…> Бог приводит всё в исполнение. За Ним всегда следует правосудие, мстящее отстающим от божественного закона. Кто хочет быть счастлив, должен держаться его и следовать за ним смиренно и в строгом порядке. Если же кто вследствие надменности превозносится богатством, почестями, телесным благообразием; если кто юностью, неразумием и наглостью распаляет свою душу <…> – такой человек остаётся позади, будучи лишён Бога» [13, с. 261]. Аморальное и безнравственное поведение отдаляет от божественного.

Что касается этической системы Аристотеля, довольно подробно прописанной, то здесь мы наблюдаем аналогичную картину. Аристотель рационально оформляет учение Сократа о взаимосвязи Божественного как высшего Блага, благого (для нас) и добродетели. В «Никомаховой этике» сказано: «<…> счастье даруется богами, тем более, что это наилучшее из человеческих благ <…> и целью добродетели представляется наивысшее благо и нечто божественное и блаженное» [2, с. 23].

Таким образом, умозрение античных классиков симфонично религиозным представлениям, где общепринятые нормы морали отождествляются с божественными заповедями.

Природу морали не смогла не затронуть Средневековая философия, в виду её явной теологической направленности. Нравственно–здоровое общество возможно только благодаря религиозному источнику происхождения морали. Кроме того, только посредством религиозности происходит онтологическая нейтрализация зла. Зло не есть бытие. Это позволило схоластикам в лице Фомы Аквинского не видеть во зле что–то самостоятельное по бытию, лишая тем самым его свойства всемогущественной самодостаточной целенаправленной силы: Фома между добром и злом проводит определённую логическую тонкость, делая эти явления не противополож-

ными друг другу, а противоречивыми. Добро и зло по Аквинату, это бытие и небытие, а противоположности могут существовать лишь в том, что есть. Таким образом, добро и зло противоречивы, так же как бытие и небытие, между которыми существует лишь отношение противоречия. Бытие ассоциируется с Богом как Высшим Благом. Зло – отсутствие Блага и возможно оно не как самостоятельная сущность, а лишь как следствие неспособности к Благу. Таким образом, «не следует возводить все [виды и проявления] зла к единой первопричине, которая сама по себе была бы причиной всех зол» [14, с. 179] – умозаключает Аквинат.

Рене Декарт даёт «вторую жизнь» средневековому Онтологическому доказательству бытия Бога Ансельма Кентерберийского и делает его частью своей философской системы. Однако измышление Картезия несколько отлично от Ансельмового. Последний начинает рациональный поиск Бога от понятия абсолютного совершенства: «Бог ведь есть то, больше чего нельзя себе представить» (в уме – *примеч. автора*) [1, с. 179], то есть ход мышления Ансельма Кентерберийского дедуктивен и начинается от общего. У Ансельма это созерцание Совершеннейшего, у Декарта Бог – больше логико–бытийная необходимость. Интересен «метод» поиска Бога Декартом. Основоположник европейского рационализма XVII находит необходимость существования Бога через скептицизм. Если античные скептики сомневались в объективной истине – то сомнение Декарта возымело обратный эффект. Скептицизм есть недостаток, предикат существа несовершенного. Однако Декарт обращает внимание на «способность мыслить о существе боде совершенном, чем я сам и понял со всей очевидностью, что это должно прийти от чего–либо по природе действительно более совершенного» [5, с. 168].

Таким образом, осознание несовершенство человеческого ума (что само по себе уже является определённой моральной добродетелью) приводит Декарта к убеждённости в бытии Бога. При более внимательном подходе к исследованию Декарта, необходимо признать то, что сам рациональный метод его философствования пропитан духом христианской добродетели смирения. По Декарту в Бога разумнее верить, чем его отвергать [5, с. 167–169].

Эмпирик Френсис Бэкон видит углубление в философские занятия как действия, способствующие укреплению веры, а смысл атеизма в том, что «никто не отрицает Бога кроме тех, кому это выгодно» [3, с. 322].

Ревностный католик Блез Паскаль, будучи свидетелем набирающего популярность движения Реформации, успех последнего объясняет проблемами морального состояния общества. Римо–Католическая церковь для западноевропейских христиан в то время была образцом консерватизма, и нежелание исполнения канонических требований, предъявляемых обществу, есть следствие морального упадка. Таким образом, Паскаль делает интересный вывод о взаимосвязи между укреплением протестантских позиций и моральным упадком европейцев. «Католическая религия не требует публичного покаяния в грехах, она дозволяет утаивать их от всех, кроме одного–единственного человека <…>, а ему приказывают так свято блюсти тайну, что мы словно бы ни в чём не сознавались. <…>. Но развращённость человека такова, что и это требование он находит слишком суровым, и оно стало одной из главных причин бунта, поднятого во многих европейских странах мира против истинной Церкви» [12, с. 57]. Позиция Паскаля позволяет посмотреть на реформацию с другой стороны.

«Теодиция» Готфрида Лейбница, разработанная самим автором как «опыты о Божией благости, человеческой свободе и начале зла» [10, с. 53], предстаёт как система рационального обоснования случайной природы зла, с неизбежностью способствующая благу при верном и сознательном моральном подходе.

Не остаётся в стороне англичанин Дэвид Юм, утверждающий, что загробная жизнь, которую обещает только религия «является столь мощной и необходимой опорой морали, что мы никогда не должны отказываться от него или пренебрегать им» [15, с. 151].

Иммануил Кант, являющийся по традиции «агностиком», придерживается мнения субъективности познания, однако даёт право существования этой «субъективности лишь в гносеологическом поле. Что же касается мира морали – это для немецкого философа закон объективный. Иммануил Кант в качестве «своего» доказательства бытия Бога выводит Его понимание как Высшей Совершенной моральной Личности [8, с. 478–568], а мораль приобретает статус объективной реальности «в себе самой, поскольку она присуща нашему морально законодательствующему разуму» [7, с. 220], при этом моральность не достижима посредством какой–либо эмпирии, а априорно заложена в разуме как «идея морально угодного Богу человека» [7, с. 221]. Необходимо, так же, обратить внимание, что философская рефлексия морали как общее законодательство человеческой природы – традиционная мысль западноевропейского рационализма. В этом отношении выводы Канта не являются не только революционными, сколько подытоживающими исследования предшественников.

Таким образом, видные представители европейского рационализма под влиянием христианства, от Фомы Аквинского до Иммануила Канта, при конструировании своих философских систем не мыслят их вне морали, нравственности, Бога, что приводит к постулату о невозможности существования полноценной философии без религиозной стороны, необходимой составляющей которой является мораль. «Религиозное сознание <…> неизменно порождает философское творчество, – и вовсе не нужно при этом думать, что философская мысль рождается из сомнения. Гораздо больше философская мысль движется начальными интуициями, которые хотя и уходят своими корнями в религиозное миросозерцание, но несут в себе свои собственные мотивы и вдохновения» [6, с. 11–12].

Рационалистическая философская традиция, сформировавшаяся не без влияния христианства, говорит о невозможности развития человека и общества вне морали и допущение бытия самой морали вне религиозной природы последней, лишь с той разницей, что данный вывод в философии обретается путём умозаключения, а в религии – посредством духовного опыта, о чём утверждает Гегель: «Философия стоит на той же почве, на которой стоит и религия, <…>. Но форма, в которой это содержание налично, отлична в религии от той формы, в которой оно налично в философии <…>. Благоговейность является лишь соприкосновением мышления с предметом; философия же хочет свершить это примирение посредством мыслящего знания» [4, с. 141].

Нетрудно заметить, что неклассические литературно–публицистические формы философии (поздняя Античность, Возрождение, Просвещение) в основе своих концепций имеют экзистенциальную подоплёку, а основная претензия к метафизике касалась не столько обвинений в несовершенстве систем или наличие в них логических пробелов, а в излишне отвлечённом характере этих философских систем, неприспособленности таковых к реальной жизни: « <…> у них (метафизиков – *примеч. автора*) такое навязывание доказательств, такой переизбыток примеров, такое повторение того же само-

го, такой извив речи, захватывающий всё, что попадается [на пути], <…>, что не знаю, бесполезнее ли [это] или недостойнее» [11, с. 135]. Даже будучи убеждённым атеистом, Вольтер, известный своей антиклерикальностью говорил о необходимости религии как моральном регуляторе в обществе.

Переосмысливая духовный кризис западноевропейской культуры, Фридрих Ницше в падении морали видит ни много ни мало – «убийство Бога». И это не лишено своего основания. Если моральный закон Божественен, то с очевидностью оскудения морали в человеке «умирает Бог». Экзистенциально–философские выводы Ницше, изложенные литературным языком, в частности, «убийство Бога» мыслятся не иначе, чем аллегорией, посредством которой опровергать объективное происхождение морали не совсем корректно, более того, в этом нет необходимости. Дискредитация объективности морали у Ницше не получило признания, и это неудивительно, ибо лишком глубоки её онтологические основания. Однако Ницше подмечено, что релятивизм моральных ценностей в субъекте имеет место быть, когда субъект отказывается признавать происхождение последних вне себя.

Литература

1. Ансельм Кентерберийский. Прослогион // Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Переврзенцев. – М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2001.
2. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель / Пер. с др. – греч. Н. Брагинской. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2022.
3. Бэкон Ф. Новый Органон; Опыты / Фрэнсис Бэкон / Пер. с лат. С. Красильщикова, пер. с англ. З Александровой. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2021.
4. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Лекции по истории философии: [перевод с немецкого] / Гегель. – Москва: Эксмо, 2018.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе / Рене Декарт / Пер. М. Позднева, Н. Сретенского, А. Гутермана. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2022.
6. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. – Ленинград, «ЭГО», 1991.
7. Кант И. Доказательство бытия Бога / Иммануил Кант; [перевод с немецкого Б. Фохта, Н. Соколова]. – Москва: АСТ, 2021.
8. Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант / Пер. с нем. Н. Лосского. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2022.
9. Ксенофонт. Вспоминания о Сократе // Сократ. Я ничего не знаю / Сократ; сост., предисл., коммент. А.В. Марков; пер. М.Л. Гаспарова, В.Н. Карпова, С.И. Соболевского, М.С. Соловьёва. – Москва: Издательство АСТ, 2023.
10. Лейбниц Г.В. Опыты Теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла // Сочинения в 4 томах. Т. 4. – М.: Издательство «Мысль», 1989.
11. Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. – М.: Издательство «Наука», 1989.
12. Паскаль Б. Мысли / Блез Паскаль / Пер. с фр. Э. Линецкой. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2022.
13. Платон. Законы, 716 А–В // Антология мировой философии: Античность. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001.
14. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга вторая. Перевод и примечания Т.Ю. Бородай. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.
15. Юм Д. Диалоги о естественной религии: С приложением статей «О самоубийстве» и «О бессмертии души». Пер. с англ. / Предисл. С.М. Роговина. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2022.

SUBSTANTIATION OF THE OBJECTIVE–IDEALISTIC NATURE OF MORALITY IN THE WESTERN EUROPEAN PHILOSOPHICAL THEOLOGY OF THE CLASSICAL PERIOD

Atorin R.Yu.
GUU

The religious picture of the world gives an unambiguous answer to the question of the origin of morality. We find a developed moral and ethical value system as part of divine revelation in the sacred texts of all traditional religions: the Pentateuch of Moses, the New Testament, and the Koran. religious and philosophical systems of India (Hinduism, Buddhism) and China (Taoism, Confucianism). Religiosity cannot but be the object of philosophical research, therefore, one of the main issues of philosophical ethics is the nature of morality: its origin, objectivity and subjectivity of provisions, as well as the relationship of moral law with human religiosity. This theme is pervasive in the history of Western European rationalism, starting from antiquity and ending with Hegel. Despite the proper elaboration in the history of philosophical thought and a sufficient amount of research, the problem of the ratio of “moral” and “religious” does not lose its relevance.

Keywords: Religious morality, morality, moral law, objectivity.

References

1. Anselm of Canterbury. Proslogion // Anthology of philosophy of the Middle Ages and the Renaissance / Comp. S.V. Perevrzentsev. – M.: OLMA–PRESS, 2001.
2. Aristotle. Nicomachean Ethics / Aristotle / Trans. from ancient Greek N. Braginskaya. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka–Atticus, 2022.
3. Bacon F. New Organon; Experiments / Francis Bacon / Trans. from lat. S. Krasilshchikova, per. from English Z Alexandrova. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka–Atticus, 2021.
4. Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. Lectures on the history of philosophy: [translation from German] / Hegel. – Moscow: Eksmo, 2018.
5. Descartes R. Discourse on the method / Rene Descartes / Transl. M. Pozdnev, N. Sretensky, A. Guterman. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka–Atticus, 2022.
6. Zenkovsky V.V. History of Russian philosophy. T. 1. Part 1. – Leningrad, “EGO”, 1991.
7. Kant I. Proof of the existence of God / Immanuel Kant; [translation from German by B. Focht, N. Sokolov]. – Moscow: AST, 2021.
8. Kant I. Critique of Pure Reason / Immanuel Kant / Trans. with him. N. Lossky. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka–Atticus, 2022.
9. Xenophon. Memories of Socrates // Socrates. I know nothing / Socrates; comp., preface, comment. A.V. Markov; lane M.L. Gasparov, V.N. Karpov, S.I. Sobolevsky, M.S. Solovyov. – Moscow: AST Publishing House, 2023.
10. Leibniz G.V. Theodicy experiments on the goodness of God, human freedom and the beginning of evil // Works in 4 volumes. T. 4. – M.: Publishing house “Mysl”, 1989.
11. Lorenzo Valla. About true and false good. About free will. – M.: Publishing house “Nauka”, 1989.
12. Pascal B. Thoughts / Blaise Pascal / Trans. from fr. E. Linetskaya. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka–Atticus, 2022.
13. Plato. Laws, 716 A–B // Anthology of world philosophy: Antiquity. – Mn.: Harvest; M.: AST, 2001.
14. Thomas Aquinas. Sum against the pagans. Book two. Translation and notes by T. Yu. Borodai. – M.: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2004.
15. Hume D. Dialogues on Natural Religion: With the Appendix of Articles “On Suicide” and “On the Immortality of the Soul.” Per. from English / Preface S.M. Rogovina. Ed. stereotype. – M.: LENAND, 2022.

Взаимодействие власти и бизнеса Российской Федерации в поле подготовки кадров для ИТ-отрасли в целях достижения суверенитета российского сегмента киберпространства

Ковригин Дмитрий Эльдарович,
аспирант Кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: dmitrykovr@gmail.com

В данной статье рассматривается проблематика нехватки IT-специалистов в Российской Федерации в условиях санкционного давления. Благодаря политике по импортозамещению произошел скачок в российской IT-сфере. Это потребовало еще большего количества специалистов и выявило сложившиеся проблемы в сфере кадров. Данная ситуация требует активных государственных мер, влияющих как на образовательные, так и на экономические институты общества. Происходит трансформация высшего образования в целях достижения большей практико-ориентированности при подготовке молодых IT-специалистов. Также для работников в данной сфере вводятся различные экономические дотации и санкционные послабления. Таким образом, производится стимулирование сферы IT Российской Федерации в целях политической устойчивости и стабильности Российского сегмента киберпространства.

Ключевые слова: высшее образование, IT-компания, политика, IT-специалист, импортозамещение.

Начало Специальной военной операции России на Украине в 2022 году повлекло за собой серьезные международные последствия, в частности начатая против России санкционная война, в ходе которой страну начали массово покидать иностранные компании. Данные события особенно серьезный удар нанесли российскому полю IT компаний из-за крайней зависимости российской экономики от поставок иностранного аппаратного (АО) и программного обеспечения (ПО), а также сопутствующих им услуг.

Уход иностранных компаний вызвал резкую нехватку не только товаров и услуг, но и IT-специалистов. Иностранные компании, сокращая свою деятельность на территории Российской Федерации, параллельно активно вывозили ценные кадры. Данный процесс стал первой волной оттока ИТ-специалистов из страны. Вторая волна началась из-за частичной военной мобилизации 21 сентября 2022 года. В ходе данной волны Российскую Федерацию покидали, в основном, молодые специалисты, не желающие попасть в армию.

Оценка количества покинувших страну в период с 2022 по 2024 г. ИТ-специалистов затруднена из-за того, что трактовка того, какие профессии включать в данное понятие, различается у различных аналитических агентств. Так, Минцифры определяет, что в начале 2022 года в России насчитывалось 655–675 тыс. IT-специалистов, а Росстат указывает, что в 2021 году в России насчитывалось 1,76 млн IT-специалистов [1].

По данным РАЭК Российскую Федерацию с февраля по май 2022 года покинуло 50–70 тыс. IT-специалистов, что составляет, по их подсчетам, 1,5% работников Российской сферы. Глава Министерства Цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Максут Шадаев отметил, что около 10% сотрудников ИТ-компаний, 100 тыс. человек, релоцировалось за пределы страны за 2022 год [2]. В основном, ИТ-специалисты отправились в страны Европы, а также в Казахстан и Турцию. Необходимо отметить, что около 80% релоцированных IT-специалистов продолжали работать на российские компании [3].

Долгосрочный характер данной эмиграции под вопросом, и в силу ряда причин, многие специалисты вернутся в Россию. В качестве данных причин можно выделить следующие: панический характер первых волн эмиграции в начале 2022 года, кода людям казалось, что экономика страны рухнет, чего не произошло; разница в курсах валют, при получении зарплат релоцировавшимися специалистами, которые продолжили работать на российские компании, что приводит к падению их доходов; проблемы с поиском работы и места жительства за рубежом, что особенно сложно в рамках развития на западе антироссийских настроений. Также на современном этапе правительством России вводятся многочисленные льготы для IT-специалистов.

Но даже возвращение всех покинувших Россию IT-специалистов не сильно повлияет на нехватку кадров в данной сфере. Так, Герман Греф отмечает наличие дефицита в 1 млн IT-специалистов. В свою очередь,

Минцифры оценивает дефицит квалифицированных IT-кадров в Российской Федерации на начало 2021 года от 500 тыс. до 1 млн человек. Из-за релокации специалистов, в соответствии с исследованиями hh.ru, спрос на IT-специалистов за год с сентября 2022 года вырос на 18% [4]. По данным ВНИИ Труда с января по август 2023 года появилось 120 тыс. вакансий, при дефиците на рынке в 500 тыс. Количество занятых в сфере IT оценивается в 740 тыс. человек. Исследования SuperJob за 2023 год показывают 10% увеличение числа ИТ-вакансий, что во многом связано с темпами роста цифровизации и с политикой по импортозамещению [5].

Таким образом, нехватка IT-кадров в Российской Федерации лишь частично вызвана санкциями, введенными после начала СВО. Низкий интерес молодых граждан к сфере IT, проблемы высшего образования в данной сфере в совокупности со стабильным ростом российской сферы IT создало стабильную нехватку кадров. Но после начала СВО и ухода иностранных компаний с российского рынка, стала очевидной необходимость со стороны властей Российской Федерации активно стимулировать сферы отечественных IT компаний. Это необходимо для достижения политической и экономической стабильности страны, а также для достижения и поддержания устойчивости киберпространства страны.

Для достижения максимальной эффективности в решении данной проблемы необходима консолидация действий систем бизнеса, образования и государства. В данном случае интересы государства и бизнеса полностью совпадают и взаимодополняют друг друга.

В соответствии с данными за 2019 год российские вузы выпускают в год около 25 тысяч IT-специалистов [6], но из них только 15% готовы к немедленному трудоустройству, в то время как остальные нуждаются в повышении квалификации. Таким образом, даже с учетом постоянного роста числа выпускников вузов, «кадровый голод» на отечественном рынке ИИ не уменьшится из-за того, что у студентов нет непосредственных навыков, связанных с машинным обучением, которые могут быть получены в малом количестве ВУЗов: НИУ ВШЭ, ИТМО, СПбГУ, МГУ и некоторых других. Необходимо активное внедрение новых практико-ориентированных программ, а также более тесные связи образования и бизнеса. Комитет Совета Федерации по экономической политике предлагает создание государственной федеральной цифровой платформы «ПВА: Предприятие – Вуз – Абитуриент».

Подготовка большого количества специалистов в конкретной сфере в короткие сроки является задачей, требующей государственных ресурсов и регулирования, направленного на получение как краткосрочных, так и долгосрочных результатов. Так, Минцифры проводит проект по обучению языкам программирования школьников. Далее идут проекты для граждан, уже получивших начальное образование, программа «Цифровые профессии» рассчитана на лиц от 16 лет. За 2021 год в ней приняло участие более 72 тысяч человек [7]. Также активно развиваются курсы по IT на таких платформах, как «Яндекс. Практикум», GeekBrains и «Нетология». И на современном этапе активные меры по подготовке специалистов уже начали приносить результаты. Замглавы Минцифры Максим Паршин указал, что в начале 2023 года количество IT-специалистов в стране возросло на 12% [8] по сравнению с предыдущим годом и составило примерно 761 тыс.

В рамках реализации федерального проекта «Информационная безопасность» [9] проводятся меры по повышению грамотности населения в сфере информационной и кибербезопасности. Целью данной программы является повышение культуры пользования киберпространством у граждан страны, что ведет к сокращению успешных хакерских атак. Также проводятся мероприятия по обучению программированию школьников. Данные мероприятия повлияют на количество отечественных IT-специалистов в долгосрочной перспективе. У молодежи страны прививается интерес к профессиям, связанным с IT.

Проводятся мероприятия по стимулированию деятельности вузов страны в сфере подготовки IT-специалистов. Александр Хинштейн отмечает, что российские вузы, в которых не менее 50% студентов обучаются на ИТ-специальности, получат различные льготы.

Цель повысить уровень образования IT-специалистов в общем, а также преподавателей по IT-специальностям в вузах России достигается в рамках таких проектов, как «Кадры для цифровой экономики», часть национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [10]. В соответствии с приказом Минцифры от 26.09.2022 № 712 был установлен перечень приоритетных специальностей и направлений подготовки высшего образования в целях обеспечения квалифицированными кадрами организаций в области IT. Данные проекты, при условии их реализации, положительно повлияют на сложившуюся системную нехватку кадров.

Как уже отмечалось, существуют проблемы в определении пула профессий, которые включаются в понятие IT-специалист. Акты Министерства труда уточняют перечень функций и задач данных специалистов для разграничения их обязанностей, что необходимо для подготовки в вузах страны узкопрофильных специалистов, а также для актуализации их задач в соответствии с новыми вызовами и потребностями экономики и политики Российской Федерации на современном этапе. Министерство труда еще в 2021 году описало трудовые функции и установило цели и задачи для специалистов в области цифровой безопасности и анализа цифрового следа [11].

Также государство вводит ряд льгот для уже действующих в отрасли IT-специалистов в целях удержания специалистов от релокации за рубеж, поддержки ускоренного развития данной отрасли и стимулирования интереса общества к данным профессиям. Правительством России была запущена программа льготной ипотеки для IT-специалистов и увеличенных кредитов. Так, IT-специалист моложе 36 лет обладает возможностью оформить льготный ипотечный кредит без учёта требований к уровню минимальной заработной платы [12]. Кроме того, сотрудники аккредитованных IT-компаний, при соблюдении ряда условий, обладают возможностью оформить льготную ипотеку с размером процентной ставки до 5% годовых. На таких IT-специалистов распространяется право на отсрочку от призыва на военную службу [13].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» утверждаются меры по упрощению процедур трудоустройства иностранных IT-специалистов в российские компании [14]. Необходимо сделать Российские IT-компании привлекательным местом работы для иностранных специалистов, чтобы из российского IT поля в зарубежные государства шел не только отток, но и активный приток специалистов.

Причиной второй волны релокации специалистов за границу стала мобилизация. Для решения данной проблемы были изданы Указ Президента от 02.03.2022 № 83 и указ от 04.09.2023 № 660. В данных документах говорится, что освобождаются от призыва в армию со-

трудники аккредитованных IT-компаний моложе 27 лет в 2022 году, а затем моложе 30 лет в 2023 году при наличии профильного образования, а также при их непосредственном участии в работах по разработке ПО и программно-аппаратных комплексов [15].

Для IT-специалистов вводятся пониженные тарифы страховых взносов и различные налоговые льготы. В частности: на ОПС пониженный тариф 6%; на ОСС тариф 1,5% в случае временной нетрудоспособности или в связи с материнством; на ОМ 0,1%.

Федеральный закон от 28.06.2022 № 207–ФЗ устанавливает, что вид на жительство для иностранных IT-специалистов выдается без получения разрешения на временное проживание [16], что значительно упрощает процедуру приема на работу иностранных ценных кадров.

Рассматривая наиболее крупные российские вузы, готовящие IT-специалистов, следует обратиться к рейтингам RAEX и РУССОФТ за 2023 год. Перечни вузов, вошедшие в данные рейтинги, во многом совпадают. В частности, в рейтинге RAEX присутствуют все члены «Большой восьмерки» [17], которые определяются рейтингом РУССОФТ как наилучшие вузы страны по подготовке специалистов в софтверной индустрии. Валентин Макаров, Президент РУССОФТ, в своих выступлениях отмечает, что «за последние 10–15 лет совокупная численность сотрудников российских софтверных компаний, …, растет на 10–12% ежегодно [18].

Рассматривая динамику роста количества специалистов в сфере IT в Российской Федерации, следует отметить, что на современном этапе сильно возросла их популярность. Так, в 2022 году, по данным опросов SuperJob, 33% абитуриентов выбрали профессию программиста [19]. В свою очередь, данные образовательной платформы GeekBrains указывают, что 28% выпускников, желающих переучится, выбрали при опросе профессии в сфере IT [20]. В области радиоэлектроники количество бюджетных мест в вузах возросло на 20,7% с 2017 по 2023 год.

В соответствии с данными, представленными в сборнике «Образование в цифрах: 2023», составленным НИУ ВШЭ совместно с Минобрнауки, количество выпускников в сфере IT возросло в период с 2020 по 2022 год с 34,9 тыс. до 39,5 тыс. человек. При этом наиболее высокие показатели по трудоустройству выпускников наблюдаются в области математических и компьютерных наук: 78% – бакалавриат и специалитет; 83% – магистратура.

После начала СВО начался скачок роста числа заявлений на IT-специальности. Так, в 2022/23 учебном году он составил 8,19% по сравнению с 2021/22 годом [21]. Рассматривая статистику поступлений по университетам, следует отметить, что в 2022 году произошел скачок поступлений по IT специальностям более чем на 10% по сравнению с предыдущим годом (табл. 1).

Таблица 1.

Динамика численности поступающих																	
		предоставляемые места на государственной и платной основе без учета иностранных граждан															
	год	2020				2021				2022				2023			
	напрвление	бакалавариат и специалитет		магистратура		бакалавариат и специалитет		магистратура		бакалавариат и специалитет		магистратура		бакалавариат и специалитет		магистратура	
		Всего в рамках КЦП	Платные места	Всего в рамках КЦП	Платные места	Всего в рамках КЦП	Платные места	Всего в рамках КЦП	Платные места	Всего в рамках КЦП	Платные места	Всего в рамках КЦП	Платные места	Всего в рамках КЦП	Платные места	Всего в рамках КЦП	Платные места
1	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	719	208	**305**	**76**	725	230	**308**	**86**	721	210	**338**	**121**	703	210	**336**	**86**
2	Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)	846	375	**839**	**245**	860	364	**857**	**352**	937	218	**952**	**727**	909	137	**956**	**606**
3	Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"	783	705	**484**	**180**	756	890	**455**	**277**	831	755	**530**	**480**	880	850	**460**	**795**
Сумма		2348	1288	1628	501	2341	1484	1620	715	2489	1183	1820	1328	2492	1197	1752	1487
Сумма по годам		5765				6160				6820				6928			
Процентное соотношение						106,85%				110,71%				101,58%			

Источник: составлено автором.

Также растет рынок онлайн-образования. Важным событием стало объединение ведущих игроков EdTech в Ассоциацию цифровых инноваций в образовании. По данным Всемирного экономического форума, в топ-10 профессий входят специалисты по аналитике, искусственному интеллекту, анализу big data, а также по машинному обучению. Генеральный директор «Яндекс.Практикум» Илья Курмышев отмечает, что IT-профессии продолжают лидировать [22].

Благодаря санкциям иностранные IT-компании резко сократили свою деятельность на территории Российской Федерации, что в совокупии с государственной поддержкой создало для российских IT-компаний возможности для резкого роста. Возросшие объемы работ и потребность в кадрах вскрыла серьёзную нехватку российских IT-специалистов. Поскольку Российское государство на современном этапе стремится развивать политику по импортозамещению, а также программы по цифровизации управления страной, политика, направленная на форсированное увеличение IT– специалистов, стала логичным следующим шагом для достижения устойчивости российского сегмента киберпространства. Действия по привлечению новых специалистов в данную сферу, определению рамок их компетенций, актуализации систем образования при их последовательном и полном исполнении поспособствуют скачкообразному росту российской сферы IT.

Литература

1. Статистика работы в РФ в сфере IT в 2022 году. – URL: https://bim-portal.ru/stati/statistika-raboty-v–rf-v–sfere-it-v-2022-godu/ (дата обращения: 25.03.2024).

2. Глава Минцифры сообщил, что порядка 100 тыс. айтишников покинули РФ в этом году. – URL: https://www.interfax.ru/russia/877771 (дата обращения: 25.03.2024).
3. Статистика оттока ИТ-специалистов из России в 2022 году. – URL: https://inclient.ru/outflow-it-specialists/ (дата обращения: 25.03.2024).
4. Технократия презентация Исследование всего рынка вакансий 2023. – URL: https://disk.yandex.ru/i/6l-PRrspkcIFuIA (дата обращения: 25.03.2024).
5. Количество вакансий в IT-сфере в России выросло на 10% за год. – URL: https://www.rbc.ru/economics/03/10/2023/651b6eec9a79478eba971747 (дата обращения: 25.03.2024).
6. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение Ч-80 [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 82 с. – 250 экз. – ISBN 978-5-7598-1974-5 (в обл.). – ISBN 978-5-7598-1898-4 (e-book). С. 41.
7. Войти в IT: цифровых специалистов начинают выращивать со школьной скамьи. – URL: https://xn––80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn––p1ai/news/voyti-v–it-tsifrovykh-spetsialistov-nachinayut-vyrashchivat-so-shkolnoy-skami (дата обращения: 25.03.2024).
8. Минцифры сообщило о росте числа сотрудников в российской IT-отрасли на 12% за 2022 год. – URL: https://tass.ru/ekonomika/17540141 (дата обращения: 11.03.2024).
9. Постановление Правительства РФ от 03.02.2022 № 94 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российскому юридическому лицу на разработку и реализацию на регулярной основе программы кибергигиены и повышения грамотности широких слоев населения по вопросам информационной безопасности».
10. Приказ Минцифры России № 27 «Об определении способа перечисления средств субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации высшего образования «Университет Иннополис» на проведение повышения квалификации преподавателей высшего и среднего профессионального образования по новым программам для ИТ-специальностей и различных предметных отраслей и обеспечение достижения отдельных результатов федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» с применением казначейского обеспечения обязательств».
11. Приказ Минтруда России от 09.07.2021 № 462н «Об утверждении профессионального стандарта „Специалист по моделированию, сбору и анализу данных цифрового следа“».
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.08.2023 № 1411 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросам жилищного (ипотечного) кредитования граждан Российской Федерации».
13. Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 № 490 «Об утверждении Правил предоставления права на получение отсрочки от призыва на военную службу гражданам Российской Федерации, работающим в аккредитованных организациях, осуществляющих деятельность в области информационных технологий».
14. Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации 02 марта 2022 года.
15. Указ Президента РФ от 04.09.2023 № 660 «О внесении изменений в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325, и в Указ Президента Российской Федерации от 02 марта 2022 г. № 83.
16. Федеральный закон от 28.06.2022 № 207–ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»».
17. Рейтинг университетов РУССОФТ: 50 самых значимых учебных заведений для софтверной индустрии в 2023 году. – URL: https://dzen.ru/a/ZYQZdnyNIWgV-4ABS (дата обращения: 11.03.2024).
18. «ИТ-Форум РУССОФТ. Кадры 2023»: как выглядит будущее ИТ-образования в России? – URL: https://globalcio.ru/news/37564/ (дата обращения: 25.03.2024).
19. ВШЭ сравнила долю выпускников IT-вузов в России и США ВШЭ: доля выпускников в IT в вузах России выше, чем в США. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64f61ca39a79470ef40f6ead?from=copy (дата обращения: 12.03.2024).
20. GeekBrains выяснила: почти треть выпускников вузов и колледжей хотела бы переучиться на ИТ-специалистов. – URL: https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php? ID=174466 (дата обращения: 25.03.2024); URL: https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php? ID=174466 (дата обращения: 25.03.2024).
21. За два года на IT-специальности было зачислено 350 тыс. студентов. – URL: https://rspectr.com/novosti/s-2021-goda-na-it-speczialnosti-bylo-zachisleno-pochti-350-tys-rossijskih-studentov (дата обращения: 25.03.2024).
22. Что ждет EdTech в 2024 году: курсы, цены, риски. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/658159d39a79473b67a79d1b (дата обращения: 20.03.2024).

INTERACTION BETWEEN THE GOVERNMENT AND BUSINESS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF PERSONNEL TRAINING FOR THE IT INDUSTRY IN ORDER TO ACHIEVE THE SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN SEGMENT OF CYBERSPACE

Kovrigin D.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the problem of the shortage of IT specialists in the Russian Federation under the conditions of sanctions pressure. Thanks to the import substitution policy, there has been a leap in the Russian IT sector. This required even more specialists and revealed the existing problems in the field of personnel. This situation requires active government measures affecting both educational and economic institutions of society. Higher education is being transformed in order to achieve greater practice orientation in the training of young IT specialists. Various economic subsidies and sanctions relief are also being introduced for workers in this field. Thus, the IT sector of the Russian Federation is being stimulated in order to ensure the political stability and stability of the Russian segment of cyberspace.

Keywords: higher education, IT company, politics, IT specialist, import substitution.

References

1. Statistics of work in the Russian Federation in the IT field in 2022. – URL: https://bim-portal.ru/stati/statistika-raboty-v–rf-v–sfere-it-v-2022-godu/ (date of access: 03/25/2024).
2. The head of the Ministry of Digital Development reported that about 100 thousand IT specialists left the Russian Federation this year. – URL: https://www.interfax.ru/russia/877771 (date of access: 03/25/2024).
3. Statistics on the outflow of IT specialists from Russia in 2022. – URL: https://inclient.ru/outflow-it-specialists/ (access date: 03/25/2024).
4. Technocracy presentation Research of the entire job market 2023. – URL: https://disk.yandex.ru/i/6lPRrspkclFulA (access date: 03.25.2024).
5. The number of vacancies in the IT sector in Russia has increased by 10% over the year. – URL: https://www.rbc.ru/economics/03/10/2023/651b6eec9a79478eba971747 (date of access: 03/25/2024).
6. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement Ch-80 [Text]: report. to XX April international scientific conf. on Problems of Economic and Social Development, Moscow, April 9–12. 2019 / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg, etc.; scientific ed. L.M. Gokhberg; National research University "Higher School of Economics". – M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2019. – 82 p. – 250 copies. – ISBN 978-5-7598-1974-5 (in the region). – ISBN 978-5-7598-1898-4 (e-book). P. 41.
7. Enter IT: digital specialists begin to be cultivated from school. – URL: https://xn—80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn—p1ai/news/voyti-v–it-tsifrovykh-spetsialistov-nachinayut-vyrashchivat-so-shkolnoy-skami (access date: 03/25/2024).
8. The Ministry of Digital Development reported an increase in the number of employees in the Russian IT industry by 12% in 2022. – URL: https://tass.ru/ekonomika/17540141 (access date: 03/11/2024).
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02/03/2022 No. 94 "On approval of the Rules for the provision of subsidies from the federal budget to a Russian legal entity for the development and implementation on a regular basis of a cyber hygiene program and increasing the literacy of the general public on information security issues."
10. Order of the Ministry of Digital Development of Russia No. 27 "On determining the method of transferring subsidies from the federal budget to the autonomous non-profit organization of higher education "Innopolis University" for advanced training of teachers of higher and secondary vocational education in new programs for IT specialties and various subject areas and ensuring achievement selected results of the federal project "Personnel for the Digital Economy" with the use of treasury collateral for obligations."
11. Order of the Ministry of Labor of Russia dated 07/09/2021 No. 462n "On approval of the professional standard "Specialist in modeling, collection and analysis of digital trace data".
12. Decree of the Government of the Russian Federation of August 31, 2023 No. 1411 "On amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation and on the suspension of certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation on issues of housing (mortgage) lending to citizens of the Russian Federation."
13. Decree of the Government of the Russian Federation of March 28, 2022 No. 490 "On approval of the Rules for granting the right to receive a deferment from conscription for military service to citizens of the Russian Federation working in accredited organizations operating in the field of information technology."
14. Decree of the President of the Russian Federation dated 03/02/2022 No. 83 On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation on March 02, 2022.
15. Decree of the President of the Russian Federation dated September 4, 2023 No. 660 "On amendments to the Regulations on the procedure for considering issues of citizenship of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 1325, and to the Decree of the President of the Russian Federation dated March 2, 2022 No. 83.
16. Federal Law of June 28, 2022 No. 207–FZ "On Amendments to the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation"".
17. RUSSOFT University Ranking: 50 most significant educational institutions for the software industry in 2023. – URL: https://dzen.ru/a/ZYQZdnyNIWgV4ABS (access date: 03/11/2024).
18. "IT Forum RUSSOFT. Personnel 2023": what does the future of IT education in Russia look like? – URL: https://globalcio.ru/news/37564/ (date of access: 03/25/2024).
19. HSE compared the share of IT university graduates in Russia and the USA HSE: the share of IT graduates in Russian universities is higher than in the USA. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64f61ca39a79470ef40f6ead?from=copy (access date: 03/12/2024).
20. GeekBrains found out that almost a third of university and college graduates would like to retrain as IT specialists. – URL: https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php? ID=174466 (date of access: 03/25/2024); URL: https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php? ID=174466 (date of access: 03/25/2024).
21. Over two years, 350 thousand students were enrolled in IT majors. – URL: https://rspectr.com/novosti/s-2021-goda-na-it-spezialnosti-bylo-zachisleno-pochti-350-tys-rossijskih-studentov (date of access: 03.25.2024).
22. What awaits EdTech in 2024: rates, prices, risks. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/658159d39a79473b67a79d1b (access date: 03/20/2024).

Методы манипуляций общественным сознанием в условиях проведения СВО

Мищук Александр Юрьевич,
аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет
E-mail: mishchuk.aleksandr98@mail.ru

В статье исследуются влияние когнитивных и информационных войн, и психологических операций, как методы манипуляций общественным сознанием в условиях проведения СВО. Она рассматривает, как повторяющиеся медийные сигналы в различных информационных сферах могут действовать как когнитивные удары, влияя на эмоции и восприятие людей. Анализируя яркие примеры когнитивных ударов со времени начала проведения специальной военной операции, статья раскрывает стратегии, направленные на дискредитацию политических решений, лидеров, а также на посев паники и неопределенности среди населения. Далее обсуждается и анализируется переход от когнитивных ударов к когнитивным войнам и психологическим операциям, подчеркивая запланированное эмоциональное манипулирование с целью нарушения общественного равновесия. Подчеркивая сложную природу тактик психологической войны, исследование вносит новые идеи в понимание изменяющегося ландшафта информационной войны и ее последствий для политической стабильности в России.

Ключевые слова: психологические операции; специальная военная операция (СВО); манипуляция сознанием; избиратели; пропаганда; политический режим; когнитивные удары; управление; информационная война.

В современном мире стремление к власти и влиянию оказывает существенное влияние на глобальную политику. Однако, вместо прямого конфликта, все чаще становится актуальным использование манипуляций и ведение информационных, когнитивных и психологических войн. Эти инструменты оказывают значительное воздействие на мировую арену, формируя общественное мнение, оправдывая действия и манипулируя массовым сознанием.

Информационные войны представляют собой борьбу за контроль над информацией и ее интерпретацией. Одной из ключевых целей информационных войн является формирование общественного мнения в определенном ключе. По мнению Шиномиа и Макфарланда из «Журнала политических исследований» от 2018 года издания, информационные войны становятся все более важным инструментом глобальной политики, поскольку они позволяют странам и организациям манипулировать восприятием событий и действий других актёров. [11, с. 321–335]

Информационные войны осуществляются через различные каналы, включая социальные сети, традиционные СМИ и интернет-платформы. Согласно исследованию Гардинера и Крука, социальные сети играют ключевую роль в распространении дезинформации и манипуляций, что делает их эффективным инструментом в глобальной борьбе за власть. [1, с. 145–158]

В свете этих исследований, необходимо признать, что защита общественного сознания от подобных воздействий становится жизненно важной задачей, требующей комплексного подхода и внимания как со стороны правительственных, так и гражданских структур.

В современной России технологии манипулирования общественным сознанием используются в различных сферах, включая политику, медиа и общественное мнение. Например:

- Государственные СМИ часто подвергаются цензуре и контролю, что позволяет правительству формировать определенное представление о событиях и контролировать общественное мнение.
- Через интернет и социальные сети – блокировка определенных сайтов, цензура интернета и контроль за социальными сетями могут использоваться для ограничения доступа к информации и формирования определенной точки зрения.
- Дезинформация и фейковые новости: – поддерживаемые государством или сторонниками организации могут создавать и распространять дезинформацию и фейковые новости для воздействия на общественное мнение.
- Троллинг – использование армий троллей для комментирования новостей, блогов и социальных сетей с целью изменения общественного настроения и поддержки определенной политики.
- Таргетированная реклама и мониторинг – использование технологий для мониторинга интернет-активности граждан может быть использовано для выявления оппозиционно настроенных групп и лиц.

Эти технологии могут быть использованы для укрепления власти, подавления оппозиции и формирования

определенного общественного мнения. Однако важно помнить о необходимости свободы слова, доступа к информации и разнообразия мнений для здорового общественного диалога и развития демократии. [4]

Каждый человек находится в четырех информационных сферах: семья и работа, устройства, традиционные и нетрадиционные СМИ, а также социальные сети. Мы выбираем основные источники информации на основе личных предпочтений, таких как стиль подачи, понятность, авторство, и следим за ними. Когда мы встречаем одну и ту же информацию в своих избранных ресурсах, мы склонны считать ее правдой. Если же сообщение повторяется в нескольких или во всех информационных сферах, то начинаем ощущать, что это несомненно истина, и сомневаться становится очень сложно.

Медийные сигналы, которые постоянно повторяются в различных источниках, могут оказаться когнитивными ударами. Они могут быть созданы как искусственно, включая фейки, ложные или искаженные данные о реальных событиях или инсценировки, так и возникать естественным образом, например, из-за реальных событий с негативными последствиями или неприятно окрашенных. Эти ударами могут оказывать серьезное воздействие на эмоциональное состояние людей, оставляя яркий след в их памяти. Их сила и влияние зависят от степени их эмоциональной насыщенности, поскольку они могут быть подобны вспышкам эмоций. Более того, такие сигналы могут помочь формировать представление об определенных аспектах, событиях или индивидах, укрепляя установленные взгляды и приверженности.

Необходимо сказать и о том, какие сферы жизнедеятельности общества подвергаются воздействию. Это образование и культура.

Первое включает в себя общее, профессиональное, дополнительное образование. Уже сейчас многие эксперты говорят о том, что среднее образование в России в ужасающем состоянии. Есть небольшое количество школ (в основном частных), в которых обучение «на уровне». Однако уровень преподавания и качество образования в большей части школ, мягко говоря, оставляют желать лучшего.

В постсоветских странах стало уже нормой отсутствие адекватных школьных учебников истории. Выросло несколько поколений людей, не знающих мировой и отечественной истории, воспитанных в националистических традициях.

Культура, включающая в себя нормы морали, этики, обычаи, традиции давно под прессингом. Это можно увидеть по количеству и образам неформальных лидеров молодежи, общественного мнения, протестным настроениям (обратно же, в основном в молодежной среде), общему нигилизму, не способности верифицировать информацию, аргументировать свои действия и отвечать за них.

Можно говорить о том, что это только теория, но давайте обратимся к примерам из мировой истории, которые приводит в своей статье Казаренко Д.С. [6].

После окончания Второй мировой войны императора Японии должны были судить за военные преступления. Главнокомандующий оккупационными войсками союзников в Японии генерал армии Дуглас Макартур обратился с просьбой прокомментировать эти планы к американским специалистам, хорошо знающим Страну восходящего солнца. Последние подготовили доклад с обоснованием, что если император будет осуждён военным трибуналом, то в Японии победят коммунисты и американскую армию ждёт новая война. Как итог –императора исключили из списка лиц, подлежащих военному суду.

Еще один пример. В сети много западных публикаций объясняющих, зачем США толкают Россию и Китай в объятия друг друга. По мнению американских этнологов между народами указанных стран, слишком много различий как в экономике, культуре и истории, так и в традициях, включая наличие территориальных споров. Следовательно, (по мнению западных этнологов), тесное сближение русских и китайцев приведёт к нарастанию непонимания друг друга, а также последующим конфликтам, которые выльются в вооруженное противоборство.

Далее, приведу несколько ярких примеров когнитивных ударов в период начала СВО, взятые из различных источников СМИ:

1. Это война, у которой нет причин. Россия – фашистская страна, агрессор.

   Цели когнитивного удара: дискредитировать решение Владимира Путина о начале СВО; убедить в том, что проведение СВО – это личные интересы и выгоды Владимира Владимировича; дестабилизация политического режима РФ.

2. Дискредитация Путина, образ агрессора, тирана

   Цель: дискредитировать самого президента РФ, поставить под сомнение его психическое состояние, когнитивные способности, способность управлять страной.

3. Экономика рухнет, жить будет плохо, коснётся всех. Цель – создать ощущение безысходности, паники, неопределённости. В ближайшие десятилетия у страны нет никаких перспектив, иностранные партнёры отворачиваются, а лучшие умы уезжают. Тем, кто финансово имеет возможности, пора уехать из страны. Тем, кто нет, – копить напряжение, которое в итоге должно найти выплеск.

По этим примерам явно прослеживается манипуляция общественным сознанием, направленная на дестабилизацию политического режима РФ, а также преследующая цель – посеять панику среди «неокрепших умов», что понесут ее дальше, подобно «мексиканской волне».

С самого начала специальной военной операции, российское общество захлестнули когнитивные удары и психологические атаки, что быстро переросли в когнитивные войны и психологические операции.

Психологические операции представляют собой стратегически планируемое воздействие на эмоциональную сторону различных групп людей или народов, с целью выбить их из равновесия эмоций. В гражданском контексте такие операции направлены на работу с людьми, чтобы повлиять на их эмоциональное состояние. А в военном плане, как описано в документах НАТО, психологические операции – это спланированные пропагандистские или психологические действия, ведущиеся в мирное или военное время, с целью влиять на отношение и поведение иностранных аудиторий – враждебных, дружественных или нейтральных, чтобы достичь политических и военных целей в выгодном для себя направлении.

Психологическая война направлена на воздействие на массовое сознание и поведение. С использованием психологических методов и техник организации и государства стремятся создать определенные убеждения и представления. Согласно исследованию Финнемора и Джексона из статьи «Психологическая война и формирование массового сознания», психологическая война представляет собой эффективный инструмент в борьбе за власть, поскольку она позволяет манипулировать массовым сознанием и формировать определенные ценности и идеалы. [9, с. 201–215]

Психологическая война основана на понимании принципов человеческой психологии и включает в себя такие методы, как пропаганда, психологическое воздей-

ствие и манипуляция информацией. По мнению Хассана и Салеха из журнала стратегических исследований, эффективность психологической войны зависит от способности создать уверенность и доверие у целевой аудитории. [10, 301–315]

В ряду названных документов можно назвать: «Полевой устав армии США ФМ 31–20 (операционная техника специальной борьбы)», «Полевой устав ФМ 33–1 (психологические операции)», «Устав АПТ 33–50 (программа подготовки подразделений психологической войны)».

Задачами PsiOps, обозначенными в них являются:

- подрыв морально-политическое состояние личного состава вооруженных сил и населения противника и парализовать у них волю к борьбе;
- мобилизация своего населения на широкую поддержку военных действий, сковать пацифистские настроения и выступления;
- обеспечение моральной поддержки действий своих войск вооруженными силами и населением союзников по Атлантическому пакту;
- введение противника в заблуждение, дезинформация общественного сознания с целью сокрытия истинных замыслов;
- организация борьбы с пропагандой противника, его идейно-политическими мероприятиями.

Инструментами воздействия являются эмоции. К большому сожалению, у нас в стране в масштабах государства не обучают управлению эмоциями. В странах Запада это выделено в отдельную дисциплину «управление эмоциональным интеллектом». Правда, доступно только для элиты. В России развитием обучения эмоциональной компетентности занимается групп Equator (Сергей Шабанов).

Согласно данным из коллективной монографии «Информационная война в условиях специальной военной операции.», спецоперации против России готовят и проводят более ста офицеров Центра – эта работа регламентирована боевыми распоряжениями, причём на российском направлении работают специально созданные «тактические группы».[3] Так, в 2021 году Центр планировал «подорвать доверие» граждан к высшему руководству России в рамках операции «Володя», участникам которой поставили задачу дискредитировать органы государственной власти России в областях на границе с Украиной, снизить психологическую устойчивость военнослужащих российской армии, организовать помехи в работе Пограничной службы ФСБ России.

А в статье «На информационном фронте без перемен», можно найти такие данные. В 2022 году ЦИПсО начал психологическую операцию «Смута» для «дестабилизации социально-политической обстановки с её критическим обострением во время выборов президента России в 2024 году и в после выборный период». Операция была ориентирована на население регионов России, граничащих с Украиной, Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Осуществить операцию планировалось через публикации в соцсетях, для этого были созданы Telegram-каналы «Армия Спасения» и «Огонь Уразметова», распространявшие фейковые комментарии к официальным сообщениям органов российской власти. [12]

Изучение психологических операций в гражданском и военном контексте подчеркивает их значимость как стратегического инструмента для воздействия на эмоциональное состояние и массовое сознание. Результаты исследований, представленные в ранее указанных источниках, свидетельствуют о том, что эти операции играют важную роль в формировании убеждений, ценностей и идеалов как в мирное, так и в военное время.

Психологическая война основана на принципах человеческой психологии и включает в себя различные методы, включая пропаганду, психологическое воздействие и манипуляцию информацией. Эти методы используются для создания уверенности и доверия среди целевой аудитории. В контексте СВО, психологические операции имеют стратегическое значение для достижения политических и военных целей в выгодном направлении для той или иной страны.

Далее рассмотрим еще один тип манипуляций – когнитивная война.

Когнитивная война представляет собой новую форму боевых действий, где используются кибернетические средства для воздействия на познавательные процессы врага, манипулируют его предубеждениями, рефлексивными суждениями и искажают мышление. Эта стратегия включает в себя два ключевых элемента: психологические операции и изменение мышления.

Технологии когнитивной войны были опробованы в разных странах, начиная с Советского Союза, затем в Украине, а также проводились исследования в нынешней России, Казахстане и Афганистане. Несмотря на относительно недавнее введение самого понятия когнитивной войны, ее методы начали применяться еще в XXI веке через печатные издания, фильмы и литературные произведения, а сегодня эту роль выполняет интернет и системно интегрированная реклама.

Согласно статье Соколова М.Е. от августа 2022 года, стратегии когнитивной войны нацелены на замену традиционных ценностей на либеральные, формирование новых представлений о таких понятиях, как «нация», «народ», «достоинство», и их продвижение происходит через глобалистические идеи и движения, такие как «зеленые». [5]

Автор технологии когнитивной войны – бывший французский офицер, создавший Центр инноваций НАТО, Франсуа дю Клюзель полагает, что на современном историческом этапе, помимо уже привычных областей ведения военных действий, таких как суша, водное, воздушное и космическое пространство, необходимо также учитывать войны, ведущиеся напрямую в области человеческого сознания [8]. Нейропропаганда, успешно применяющаяся как оружие, нацелена не только и не столько на военных, сколько на мирных граждан, которых в любой стране подавляющее большинство. Именно в парадигме двойных стандартов когнитивная военная стратегия приобретает контроль над принятием решений, восприятием и поведенческими рычагами для достижения желаемых эффектов.

Несмотря на то, что подобные технологии однозначно запрещены международными договорами, они совершенно безнаказанно развиваются и применяются. Примером использования вышеописанных гибридных технологий может послужить специфика освещения СВО в информационном пространстве Франции и ФРГ. Именно этот конгломерат псевдодемократических стран, путём использования манипуляторных технологий, в глазах мировой общественности поставил желание небольшой части радикальной украинской элиты выше национально-исторических ценностей жителей юго-востока государства, тем самым спровоцировав нарушение принципа равенства.

Когнитивная война направлена на изменение понимания и интерпретации событий. Путем манипуляции когнитивными процессами организации и государства пытаются оправдать свои действия или дискредитировать действия оппонентов. Как отмечают Джонсон и Джонсон в своей статье «Когнитивная война и манипуляция фактами в современной политике», в условиях

когнитивной войны факты часто подчиняются интересам и идеологии, а не объективной реальности [2, с. 511–527].

Эффективность когнитивной войны заключается в использовании психологических механизмов, таких как эмоции, стереотипы и предвзятость, для формирования определенного восприятия событий. Исследование Макинтоша и Хьюза, согласно статье «Когнитивные аспекты информационных войн: анализ современных тенденций» подчеркивает роль когнитивной войны в создании ложных представлений и искаженных реалий, что способствует достижению политических целей. [7, с. 78–92]

Таким образом, проанализировав всё вышеизложенное, исследование продемонстрировало, что современные методы манипуляции, особенно при использовании цифровых технологий и социальных медиа, имеют потенциал для значительного влияния на массовое сознание и поведение. Кроме того, выявлено, что успешная защита от таких манипуляций требует комплексного подхода, включающего в себя как технические, так и социальные меры.

Достижение этой цели представляет собой сложную задачу, требующую взаимодействия между политическими, военными, образовательными и общественными структурами. Однако, понимание сути методов манипуляции и их потенциальных последствий является первым шагом к разработке эффективных стратегий противодействия.

Литература

1. Гардинер, М., Крук, П. Роль социальных сетей в информационных войнах. Журнал социальной коммуникации, 2020.
2. Джонсон, А., Джонсон, Б. Когнитивная война и манипуляция фактами в современной политике. Журнал политической психологии, 2019
3. Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа: коллективная монография / изд. Флинта //. – 2024. – 272 стр.
4. Кара-Мурза С.Г / Манипуляция сознанием / С.Г Кара-Мурза – Москва: Родина, 2021. – 432 с.
5. Когнитивные удары отечественных блогеров по обществу России в период с 24 февраля по 24 августа 2022 г. / М.Е. Соколова //[Электронный ресурс].URL: https://www.sonar2050.org/storage/files/ПостУкраина/KGW.pdf (дата обращения: 05.05.2024).
6. Казаренко Д.С. Двойные стандарты и нейропропаганда как элемент когнитивной войны против России (на примере освещения СВО в информационном пространстве Франции и ФРГ) –2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.noo-journal.ru/vak/2023–4–37/kazarenko-dvoynye-standarty-i-neyropropaganda-kak-element-kognitivnoy-voyny-protiv-rossii-svo/(дата обращения: 05.05.2024).
7. Макинтош, Д., Хьюз, Р. Когнитивные аспекты информационных войн: анализ современных тенденций. Журнал военных исследований, 2017
8. Трушин А.С. Современные информационные войны / Воронова О.Е., Трушин А.С. // Мир науки. – 2021. – 176 стр.
9. Финнемор, Э., Джексон, К. Психологическая война и формирование массового сознания: современные вызовы и перспективы. Журнал психологических исследований, 2018
10. Хассан, М., Салех, Р.. Эффективность психологической войны в глобальной политике. Журнал стратегических исследований, 2021
11. Шиномиа, К., Макфарланд, С. Информационные войны и глобальная политика: анализ современных тенденций. Журнал политических исследований, 2018
12. На информационном фронте без перемен: держим оборону [Электронный ресурс] URL: https://zvezdaweekly.ru/news/2023516120-FZUSU.html (дата обращения: 05.05.2024)

METHODS OF MANIPULATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN THE CONDITIONS OF FREE

Mishchuk A.Yu.
Baikal State University

This article examines the impact of cognitive and information wars, and psychological operations, as methods of manipulating public consciousness in the conditions of ITS implementation. She examines how repetitive media signals in various information fields can act as cognitive shocks, affecting people's emotions and perceptions. Analyzing vivid examples of cognitive attacks since the beginning of the special military operation, the article reveals strategies aimed at discrediting political decisions, leaders, as well as sowing panic and uncertainty among the population. The transition from cognitive strikes to cognitive wars and psychological operations is further discussed and analyzed, emphasizing planned emotional manipulation in order to disrupt social balance. Highlighting the complex nature of psychological warfare tactics, the study introduces new insights into understanding the changing landscape of information warfare and its implications for political stability in Russia.

Keywords: psychological operations; special military operation (SVO); manipulation of consciousness; voters; propaganda; political regime; cognitive attacks; management; information warfare.

References

1. Gardiner, M., Kruk, P. The role of social networks in information wars. Journal of Social Communication, 2020.
2. Johnson, A., Johnson, B. Cognitive warfare and manipulation of facts in modern politics. Journal of Political Psychology, 2019
3. Information warfare in the context of a special military operation. Experience in linguistic analysis: collective monograph / ed. Flint //. – 2024. – 272 pages.
4. Kara-Murza S.G / Manipulation of consciousness / S.G Kara-Murza – Moscow: Rodina, 2021. – 432 p.
5. Cognitive attacks of domestic bloggers on Russian society in the period from February 24 to August 24, 2022 / M.E. Sokolova //[Electronic resource].URL: https://www.sonar2050.org/storage/files/PostUkraine/KGW.pdf (access date: 05/05/2024).
6. Kazarenko D.S. Double standards and neuropropaganda as an element of cognitive war against Russia (using the example of coverage of the Northern Military District in the information space of France and Germany) –2023. [Electronic resource]. URL: https://www.noo-journal.ru/vak/2023–4–37/kazarenko-dvoynye-standarty-i-neyropropaganda-kak-element-kognitivnoy-voyny-protiv-rossii-svo/(access date: 05/05/2024).
7. McIntosh, D., Hughes, R. Cognitive aspects of information wars: an analysis of current trends. Journal of Military Studies, 2017
8. Trushin A.S. Modern information wars / Voronova O.E., Trushin A.S. // World of Science. – 2021. – 176 pages.
9. Finnemore, E., Jackson, K. Psychological warfare and the formation of mass consciousness: modern challenges and prospects. Journal of Psychological Research, 2018
10. Hassan, M., Saleh, R.. The effectiveness of psychological warfare in global politics. Journal of Strategic Studies, 2021
11. Shinomiya, K., McFarland, S. Information wars and global politics: analysis of modern trends. Journal of Political Studies, 2018
12. No change on the information front: holding the line [Electronic resource] URL: https://zvezdaweekly.ru/news/2023516120-FZUSU.html (access date: 05/05/2024)

Есть ли у блока INDIA единая идеология? Анализируя эмоциональный контекст политических коммуникаций

Матяшова Дарья Олеговна,
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: dasham0708@mail.ru

В представленном исследовании анализируется, имеется ли у партий-членов INDIA – коалиции индийской оппозиции на местных и парламентских выборах в 2023–2024 гг. – единая идеологическая база для совместной политической активности. Для рассмотрения этого вопроса и минимизации рисков искажения идеологических позиций в риторике на фоне избирательного процесса используется когнитивное картирование с элементами сентимент-анализа. Исследование приходит к выводу, что идеологическое сходство партий-членов альянса INDIA ограничивается светскостью и «общественным подъёмом» как ценностями. Другие ценности сближают социалистов и правоцентристов, в то время как левые партии продолжают декларирует их в своём дискурсе и своём контексте. Сближению препятствуют также различия конкретизации объектов, по поводу которых партии пытаются вызывать эмоции у избирателей. Это свидетельствует о том, что точки идеологического сближения у партий-членов альянса ограничены и не дают основы для единой идеологической платформы. В перспективе её выработке могут мешать и значительно отличающиеся друг от друга стили эмоциональных коммуникаций с электоратом.

Ключевые слова: Индия, Коммунистическая партия Индии (марксистская), Партия простого человека, идеология, политические эмоции.

В 2023 г. политические партии Индии, в течение двух избирательных циклов выступавшие оппозицией правящей Бхаратия джаната парти (БДП) и союзным ей правым Национального демократического альянса, сформировали предвыборный блок. «Индийский национальный инклюзивный альянс за развитие» (Indian National Developmental Inclusive Alliance – сокращённо INDIA) насчитывает 28 партий национального и регионального уровня. Новый избирательный цикл в 2024 году и масштаб объединения, участие в котором потенциально способно изменить форматы взаимодействия между оппозиционными БДП силами, делают анализ проблематики, связанной с альянсом INDIA, крайне актуальным.

Тема влияния коалиций на развитие политической системы Индии подробна разработана в академической литературе. Ф.А. Малик и Б.А. Малик отмечают, что в 1960–1970-х построение коалиций было главным образом стратегией оппозиции, искавшей возможности сначала противопоставить себя зонтичной и авторитетной ИНК, а позднее – удержаться во власти, но уже к 1990-м гг. коалиции стали общей нормой как для предвыборной, так и для парламентской жизни [1, с. 3–5]. К схожим выводам приходит и Т. Ратер: с его точки зрения, даже идеологически разные силы, строившие непрочные коалиции, способствовали демократизации и выработке политической альтернативы ИНК [2, с. 226–227]. Тем не менее, в данных исследованиях фактор идеологии и идеологических противоречий внутри коалиций отходит на второй план.

Другие авторы – в частности, Н. Бларель [3], Н. ван Виллинген [4], А. Панеерселвам [5] – исследуют, как коалиционное правление и механизмы принятия решений внутри альянса влияют на внешнюю политику и эффективность внутреннего управления. Для них фактор идеологии также менее важен, чем факторы регионализма или межинституционального взаимодействия.

Работы, изучающие влияние идеологии на деятельность коалиций, рассматривают главным образом блоки и альянсы XX века или недавнего прошлого. В частности, С. Рупарелия анализирует деятельность индийских социалистов, коммунистов и региональных сил, направленную на построение широких левых коалиций, воплощённых в таких объединениях, как Народная партия, Национальный фронт и объединённый фронт. С точки зрения Рупарелия, в 1950-х гг. построение левого альянса на идеологической провалилось из-за конфликтов по поводу попыток осмыслить с точки зрения левой идеологии индийские проблемы – например, определить, как соотносятся касты и классы или какую роль играют националисты в государстве, ранее бывшем колонией. Построение союза «третьих сил» простимулировали, во-первых, трения с ИНК, пик которых пришёлся на введение чрезвычайного положения, во-вторых, укрепление связей социалистов с коммунистами и регионалистами. Тем не менее, усиление последних внесло вклад в «федерализацию партийной системы», что привело к обратному эффекту в виде подъёма националистских сил и популяризации идеологии хиндутвы [6, с. 89–122]. Б. Чакрабарти отмечает, что БДП в 1999 г. была вынуждена заручаться поддержкой региональных партий, не имев-

ших идейных пересечений между собой, что помогло ей трансформироваться идеологически и претендовать на статус всеиндийской силы [7, с. 1–18], подобной ИНК в 1950–1960-х. Р. Сингх отмечает, что коалиционное строительство на современном этапе отличается поляризацией малых политических сил и группированием их вокруг ИНК и БДП, которым удалось выстроить последовательные, но противоположные друг другу образы будущего Индии. В результате ИНК и БДП строят зонтичные коалиции, но при этом продолжают следовать традиции выдвижения «минимальной общей программы», которая должна демонстрировать, что у партий-членов имеются точки соприкосновения в идеологии [8, с. 26].

Таким образом, академическая литература данного плана ещё не дала анализ блоку INDIA, который появился в 2023 году, что придаёт актуальность представленной работе.

Цель исследования – выяснить, имеется ли у партий-членов INDIA единая идеологическая база для совместной политической активности. Позиции аналитиков и политиков по этому поводу различаются.

Аналитики утверждают, что альянс INDIA идеологически разнороден и пытается выступать за конкурирующие друг с другом ценности. Так, индийский политолог С. Чаттопадхья считает, что альянс продвигает «национализм, воспитывающий гордость и чувство долга одновременно с пропагандой духа универсализма в пан-индийском духе» [9], при этом национализм как идеология делает особый акцент на уникальности и специфичности народа и тем самым конфликтует с универсалистскими идеями. К. Иванек акцентирует внимание на том, что в коалиции INDIA сильнейшие партии национального уровня принадлежат к конкурирующим идеологическим лагерям. Он отмечает, что в конце 2010-х «Партия простого человека» сменила левую ориентацию на правоцентристскую, однако сейчас выражает готовность сотрудничать с широко левой ИНК [10]. Исследователь индийской политики С. Палшикар утверждает, что блок «не имеет чёткой позиции» по тому, как одновременно защищать ключевые принципы Конституции – равенство, права человека, верховенство закона и пр., и сохранять религиозно-культурное разнообразие страны» [11]. Напротив, лидеры INDIA заявляют, что сформировали её, объединив прогрессивные партии, поддерживающие ценности «секулярной демократии, экономического суверенитета, социальной справедливости и федерализма» [12].

Реализацию цели исследования усложняет ряд факторов. Во-первых, в ходе предвыборной борьбы члены блока могут корректировать свою риторику, отклоняясь от своих истинных ценностных ориентаций. Во-вторых, в коалиции INDIA состоит большое количество партий, степень активности которых в политике и медиапространстве различно. В-третьих, в Индии левые ценности демократизации, уважения к правам общин и местного самоуправления могут конфликтовать с ценностями светскости, равенства и недискриминации.

Это обуславливает задачи и методы исследования. Для изучения ценностных ориентаций, не зависящих от предвыборной риторики, применяется контент-анализ программно-идеологических документов. Проблему большого количества партий решает моделирование – для рассмотрения в рамках исследования избраны наиболее яркие представители правоцентристов («Партия простого человека»), коммунистов (КПИ (м)) и левых националистов (Раштрия джаната дал), которые служат естественными моделями для других партий со схожими ориентациями. Ответом на вызов конфликта ценностей, принадлежащих к общей идеологии, становится рассмотрение риторики с точки зрения эмоций, которые она должна стимулировать, а не с точки формального содержания. Фокусирование на эмоциях и рассмотрение их в связке с идеологией также придаёт новизну исследованию.

Проблемы взаимосвязи эмоций и идеологий освещены в ряде исследовательских работ. Э. Хатчинсон представляет в своём исследовании теоретическую рамку, с помощью которой описывает, что на формирование «аффективных сообществ» – объединений индивидов, переживающих схожие эмоции схожим образом – влияет не только формируемый властными акторами дискурс, но и личные переживания самих индивидов и традиции сообществ, объединённых общим опытом переживания эмоций [13, с. 284]. Их стиль в перспективе может задать новые нормы чувствования и выражения эмоций. Эта теоретическая рамка может потенциально применяться для анализа влияния идеологий на эмоции. П. Тагард рассматривает идеологии как совокупности эмоционально окрашенных знаков и абстракций и, соответственно, понимает идеологии как пространства общего переживания политических эмоций [14, с. 53–57]. Тем не менее, П. Тагарт упускает постоянную трансформацию знаковых систем и контекстуальный характер идеологических абстракций, а также то, что идеология сама по себе не имеет инструментов для стимулирования чувств и их выражения – таким инструментарием располагают другие политические институты. Р. Плискин рассматривает, как стимулирование положительных или отрицательных эмоций влияет на поддержку той или иной идеологии в условиях вооружённого конфликта [15]. Это ограничивает анализ идеологии традиционной дихотомией левых и правых. Х. Кассаб выясняет, как различные эмоции существуют внутри одной идеологии и подкрепляют их [16].

Как и работа П. Тагарда, исследование Кассаб соотносит конкретные эмоции с конкретными идеологиями. Представленная работа стремится дополнить данный пласт исследований анализом роли идеологии в формировании групп, испытывающих и выражающих политические эмоции, и рассмотреть такие группы как объекты воздействия. Это также придаёт ей новизну.

Понятие идеологии в силу его абстрактности и комплексности можно трактовать в широком, общефилософском смысле, и в узком, специфическом для конкретной науки значении. В широком смысле идеология представляется инструментом осмысления действительности, который позволяет изучать последнюю, фокусируясь на конкретных её чертах и явлениях, обозначенных как наиболее важные. Она подразумевает выбор наиболее приоритетных для познания и последующего формирования картины мира явлений, что ограничивает процессы познания и оформления мировоззрения конкретными векторами.

В узком политологическом смысле на идеологию возлагаются дополнительные функции, а именно обоснование потребности общества в том или ином социальном порядке. Данное обоснование имеет аксиологический характер, будучи продиктованным ценностными установками уже сформировавшегося сообщества. Ценностные установки, в свою очередь, появляются в силу реализации идеологией своих общефилософских функций – то есть в силу того, что внимание индивида под её влиянием сфокусировано на конкретных явлениях окружающей действительности, которые рассматриваются наиболее детально.

Кроме того, в силу своей способности влиять на ценностные установки идеология способна выделять явления окружающей действительности, на которые участ-

ники аффективных сообществ будут обращать особое внимание и по поводу трансформаций, внутри которых будут выражать наиболее яркие эмоции. Такие явления можно назвать объектами аффектации, поскольку они последовательно подвергаются идеологическому фреймингу и получают в аффективных сообществах особую роль.

Идеология сама по себе, без дополнительных политических институтов, не способна налаживать контакты между теми, кто разделяет единые эмоциональные стили. Тем не менее, она может стимулировать аффектацию по поводу одних и тех же объектов, даже если индивиды не вовлечены в дискурс аффективного сообщества напрямую. Это способствует поддержанию аффективных сообществ и потенциально может вовлекать в них новых членов. Примером могут служить художественные произведения представителей индийской диаспоры-приверженцев прогрессистских взглядов, посвящённые специфическим социальным проблемам страны – например, фильм «Вода», раскрывающий отношение индуистских традиционалистов к вдовам, авторства Дипы Мехта, проживающей в Канаде, или «Хрупкое равновесие» – роман канадского писателя индийского происхождения Р. Мистри, где раскрывается проблема далитов.

Таким образом, идеология выделяет объекты аффектации, под влиянием изменения окружающей действительности трансформирует их и стимулирует аффектацию у индивидов, входящих в альтернативные дискурсы.

Когнитивное картирование манифестов партий-членов блока INDIA позволяет выделить два кластера аффектов, которые стимулируются в данных текстах – позитивные эмоции и негативные. Позитивные аффекты в свою очередь делятся на три подкластера – сопереживание, надежда, энтузиазм. Триггерами сопереживания выступают социальные группы, на представление интересов которых претендует партия, триггерами надежды – образы желаемого будущего, триггерами энтузиазма – ценности и конкретные шаги по их реализации. Данные структуры можно выделить в манифестах всех четырёх партий.

Сходство структуры означает не наличие у партий блока INDIA общей идеологии, а их сосуществование в едином дискурсе, который постулирует, что партия должна представлять интересы определённых социальных групп и иметь устойчивую идеологическую базу. Об идеологическом сходстве может свидетельствовать общность «продуктивных» объектов аффектации – схожие ценности или образы будущего. Сходство главным образом объектов аффектации, связанных с негативными эмоциями, или триггеров энтузиазма, выраженных в формате шагов по реализации ценностей, свидетельствует о более ситуативном характере объединения. В перспективе способно выработать общие ценности и образы будущего, но для этого требуются дополнительные усилия и предпосылки – например, единство эмоциональных стилей у партий как аффективных сообществ.

Когнитивное картирование (рис. 1, 2, 3) демонстрирует, что у всех политических сил общими объектами аффектации на уровне ценностей является светскость.

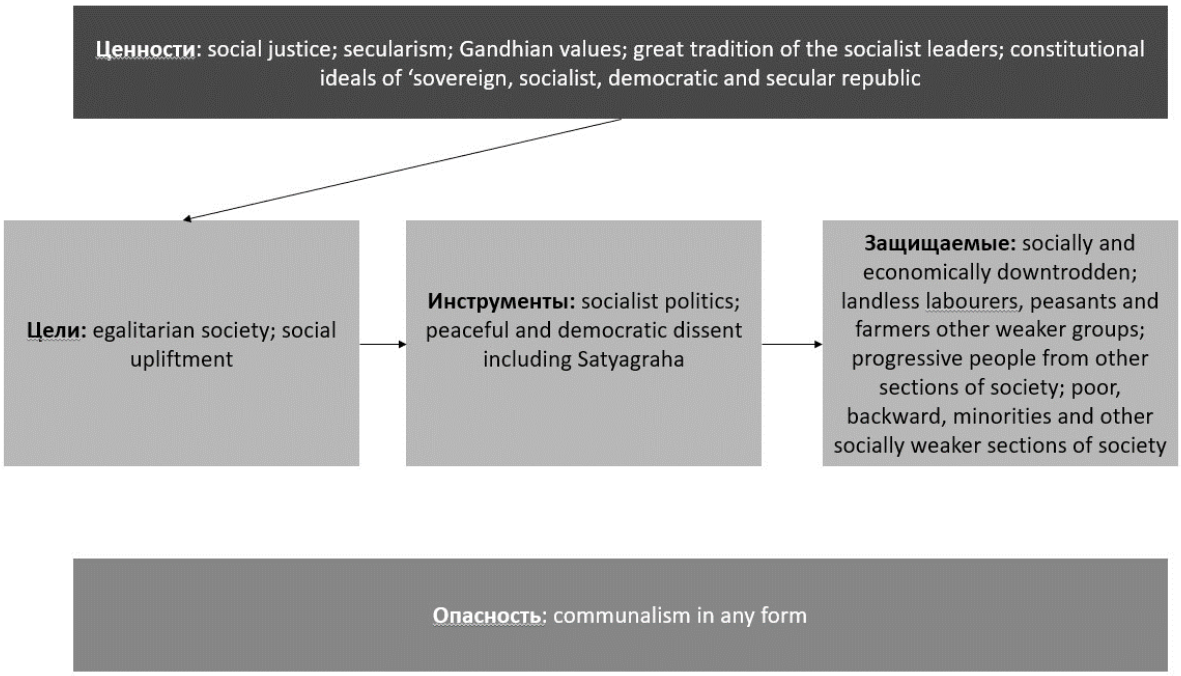

Рис. 1. Когнитивная карта манифеста Раштрия джаната дал

Конституция является ценностью для Раштрия джаната дал и «Партии простого человека», социализм – для КПИ(м) и Раштрия джаната дал, в то время как «Партия простого человека» избирает объектом аффектации либерализм. На уровне объектов сопереживания Раштрия джаната дал и КПИ(м) также сближаются, делая акцент, во-первых, на крестьянах и фермерах, во-вторых, на прочих «слабых/обездоленных» группах. Тем не менее, КПИ(м) шире конкретизирует содержание последнего понятия, а также включает в объекты сопереживания окружающую среду. «Партия простого человека» ограничивается упоминанием абстрактных «сообществ».

На уровне образа будущего общим объектом аффектации для Раштрия джаната дал и «Партии простого человека» является «общественный подъём», понимаемый в терминах расширения доступа к общественным благам для всех. Тем не менее, даже на этом уровне объекты аффектации детализируются по-разному. Так «Партия простого человека» указывает на конкретные блага (повышение минимальных зарплат, универсальное здравоохранение в городах, реформа средних школ) [17]. КПИ(м), раскрывая свой образ будущего, использует стандартные идеологемы – «искренне социалистическое общество», «пролетарское государство», «равные

права», которые, тем не менее, помещены в контекст коммунистической идеологии и в либеральном или левоцентристском контексте имеют иное содержание и иной аффективный окрас.

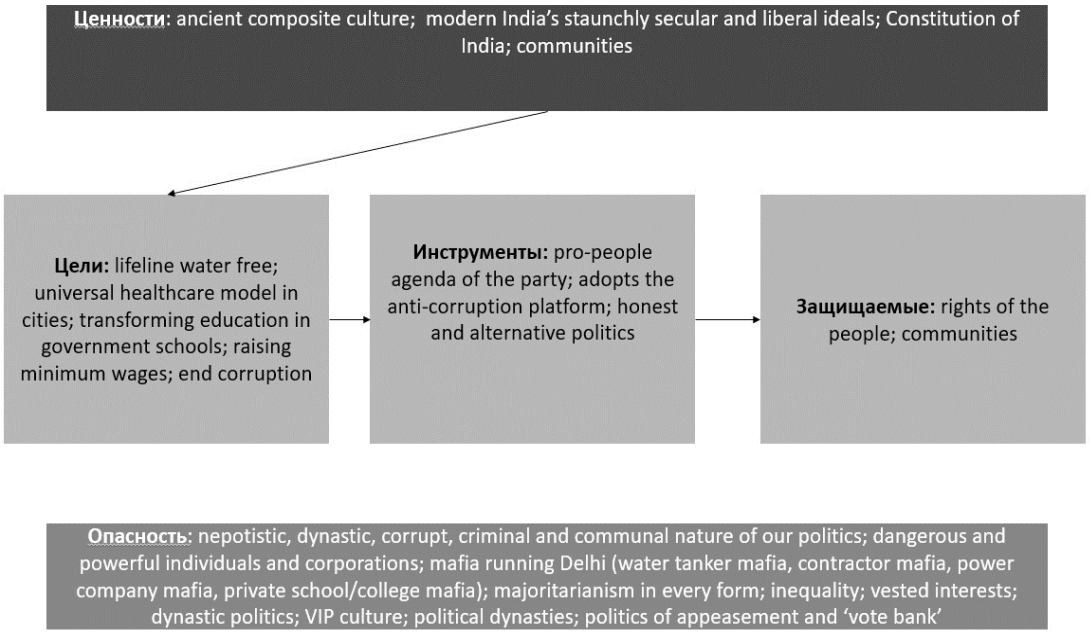

Рис. 2. Когнитивная карта манифеста «Партии простого человека»

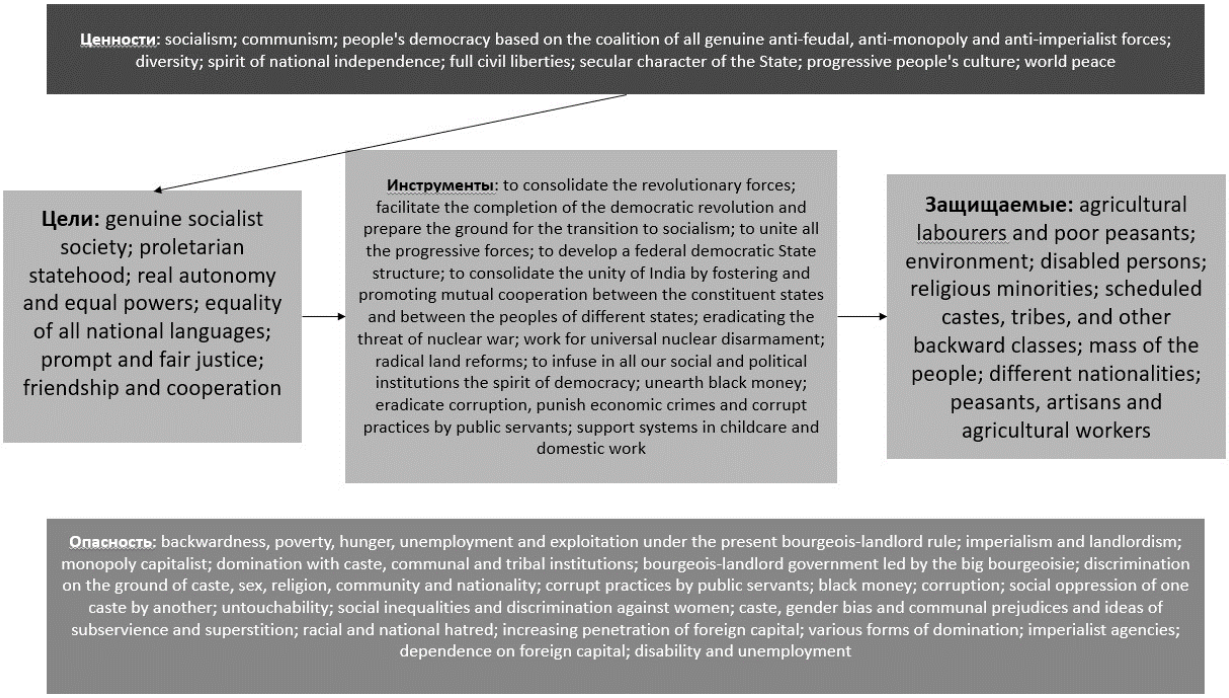

Рис. 3. Когнитивная карта манифеста КПИ(м)

На уровне шагов по реализации ценностей и достижения желаемого будущего КПИ(м) и «Партию простого человека» объединяет несколько раз декларируемое стремление избавиться от коррупции. «Пронародная платформа партии» и «социалистическая политика» у «Партии простого человека» и Раштрия джаната дал не являются аналогами друг друга, поскольку существуют в разных идеологических контекстах. Тем не менее, в отличие от КПИ(м), они не призывают к «консолидации революционных сил» или «реализации демократической революции».

Общность объектов аффектации ограничена даже на уровне стимулирования негативных аффектов. Все три партии выступают против «коммунализма», но Раштрия джаната дал не раскрывает данный термин, оставляя его в контексте социалистической идеологии, «Партия простого человека» смещает фокус на тематику коррупции и конструирует образы конкретных групп, к которым должны испытывать негативные эмоции избиратели – «делийская мафия», «политические династии», «опасные и властные индивиды и корпорации». КПИ(м) выделяет в качестве объектов негативной аффектации не только конкретные группы лиц («буржуазные правительства», «империалистические агентства»), но и явления и концепции – «буржуазно-арендаторское правление», «коррупционные практики государствен-

ных служащих», «различные формы доминирования», «зависимость от иностранного капитала». Даже на этом уровне у партий-членов блока INDIA объекты аффектации имеют разный масштаб.

Содержание манифестов позволяет отнести партии к сообществам с радикально отличными друг от друга стилями выражения чувств и эмоций. Манифест Раштрия джаната дал отличают лаконичность и попытки стимулировать позитивные аффекты посредством отсылок к историческому наследию партии – идеям и деятельности Джаяпракаша Нараяна [16].

«Партия простого человека», напротив, при аффектировании потенциальных избирателей акцентирует свои успехи в современной политике, но при этом ещё активнее прибегает политическим метафорам – «появление партии было глотком свежего воздуха», «партия носит антикоррупционную платформу, как почётный знак», «задавать стандарты прозрачности» [17] и др. При этом «Партия простого человека» чаще, чем Раштрия джаната дал, упоминает о явлениях, стимулирующих у избирателя негативные эмоции (Раштрия джаната дал – 1, «Партия простого человека» – 10).

КПИ(м) также уделяет много внимания явлениям, способным спровоцировать негативные аффекты. Тем не менее это компенсируется, с одной стороны, большим объёмом манифеста, с другой стороны, более интенсивным стимулированием энтузиазма посредством конкретных указаний на планы действий в политической сфере [18]. Так, в части манифеста КПИ(м), посвящённой актуальной политике, встречается 21 упоминания о явлениях, стимулирующих негативные эмоции, но они уравновешиваются 19 упоминаниями о явлениях, стимулирующих энтузиазм.

Таким образом, идеологическое сходство партий-членов альянса INDIA на уровне объектов аффектации ограничивается светскостью, «общественным подъёмом» как ценностью, которая должна стимулировать позитивный аффект, и коммунализмом как проблемой, которая должна стимулировать негативный аффект. Другие объекты аффектации сближают Раштрия джаната дал и «Партию простого человека», в то время как КПИ(м) декларирует их в своём дискурсе и своём контексте. Сближению препятствуют также различия в широте и конкретизации объектов аффектации. Это свидетельствует о том, что точки идеологического сближения у партий-членов альянса ограничены и не дают основы для единой идеологической платформы. В перспективе её выработке могут мешать и значительно отличающиеся друг от друга стили коммуникации с электоратом – частью аффективного сообщества.

Литература

1. Malik F.A., Malik B.A. Politics of Coalition in India // Journal of Power, Politics and Governance. 2014. № 1. P. 1–11.
2. Rather T. A., Wani G.M. Political Developments of Coalition Politics In India // Research Journal of Humanities and Social Science. 2020. № 11(3). P. 1–13.
3. Blarel N. Coalition politics and the making of Indian foreign policy: a new research program // India Review. 2019. № 18 (5). P. 582–595.
4. Blarel N., Van Willigen N. Coalitions and foreign-policy-making: insights from the Global South // European Political Science. 2017. № 16. P. 502–514.
5. Panneerselvam A. Evaluating the Efficacy of India's Coalition Governments // Journal of Psychology and Political Science. 2021. № 1 (2). P. 15–23.
6. Ruparelia S. Divided We Govern: Coalition Politics in Modern India. – New Delhi: Oxford University Press, 2015. – 480 p.
7. Chakrabarty B. Forging Power: Coalition Politics in India. – New Delhi: Oxford University Press India, 2006. – 304 p.
8. Singh R. Coalition Politics in Contemporary India: Development and Dimensions // Jurnal Studi Pemerintahan. 2019. № 10 (1). P. 19–30.
9. The ideas of I.N.D.I.A – Suvojit Chattopadhyay // Deccan Herald. – URL: https://www.deccanherald.com/opinion/the-ideas-of-india-1241082.html (дата обращения: 01.02.2024).
10. Can INDIA Win in India? – Krzysztof Iwanek // The Diplomat. – URL: https://thediplomat.com/2023/08/can-india-win-in-india/ (дата обращения: 01.02.2024).
11. Suhas Palshikar writes: From women's reservation to One Election – BJP's barrage, INDIA losing out // The Indian Express. – URL: https://indianexpress.com/article/opinion/columns/suhas-palshikar-womens-reservation-one-election-bjp-india-8955947/ (дата обращения: 01.02.2024).
12. Opposition Parties' Front Has a New Name: 'INDIA', Indian National Developmental Inclusive Alliance // The Wire. – URL: https://thewire.in/politics/opposition-parties-front-has-a–new-name-india (дата обращения: 1.02.2024).
13. Hutchison E. Emotions, Bodies, and the Un/Making of International Relations // Millennium: Journal of International Studies. 2018. № 47 (2). P. 284–298.
14. Thagard P. The Cognitive-Affective Structure of Political Ideologies // Emotion in Group Decision and Negotiation. Springer Dordrecht, Dordrecht, 2015. P. 51–71.
15. Pliskin R., Bar-Tal D., Sheppes, G. Halperin E. Are Leftists More Emotion-Driven Than Rightists? The Interactive Influence of Ideology and Emotions on Support for Policies // Personality and Social Psychology Bulletin. 2014. № 40 (12). P. 1681–1697.
16. Kassab H.S. The Power of Emotion in Politics, Philosophy, and Ideology. – New York: Palgrave Macmillan, 2016. – 219 p.
17. About Rashtriya Janata Dal // Rashtriya Janata Dal. – URL: https://rjd.co.in/about-party/ (дата обращения: 1.02.2024).
18. Why we are different // Aam Aadmi Party. – URL: https://aamaadmiparty.org/about/why-we-are-different/ (дата обращения: 1.02.2024).
19. Party Programme // Communist Party of India (Marxist). – URL: https://cpim.org/party-programme (дата обращения: 1.02.2024).

DOES THE INDIA BLOCK HAVE A UNITED IDEOLOGY? ANALYSING THE EMOTIONAL CONTEXT OF POLITICAL COMMUNICATIONS

Matiashova D.O.
Saint Petersburg State University

The presented study analyzes whether the member parties of INDIA – the coalition of the Indian opposition in the local and parliamentary elections in 2023–2024 – have a single ideological base for joint political activity. Cognitive mapping with elements of sentiment analysis is used to consider this issue and minimize the risks of distortion of ideological positions in rhetoric against the background of the electoral process. The study concludes that the ideological similarity of the Alliance INDIA member parties is limited to secularism and "social uplift" as values. Other values bring socialists and center-right closer together, while left-wing parties continue to declare them in their discourse and their context. Convergence is also hindered by differences in the specification of objects about which the parties are trying to evoke emotions among voters. This indi-

cates that the points of ideological convergence of the alliance's member parties are limited and do not provide a basis for a single ideological platform. In the future, its development may also be hindered by significantly different styles of emotional communication with the electorate.

Keywords: India, the Communist Party of India (Marxist), Aam Aadmi Party, ideology, political emotions.

References

1. Malik F.A., Malik B.A. Politics of Coalition in India // Journal of Power, Politics and Governance. 2014. No. 1. P. 1–11.
2. Rather T. A., Wani G.M. Political Developments of Coalition Politics in India // Research Journal of Humanities and Social Science. 2020. No. 11(3). P. 1–13.
3. Blarel N. Coalition politics and the making of Indian foreign policy: a new research program // India Review. 2019. No. 18 (5). P. 582–595.
4. Blarel N., Van Willigen N. Coalitions and foreign-policy-making: insights from the Global South // European Political Science. 2017. No. 16. P. 502–514.
5. Panneerselvam A. Evaluating the Efficacy of India's Coalition Governments // Journal of Psychology and Political Science. 2021. No. 1 (2). P. 15–23.
6. Ruparelia S. Divided We Govern: Coalition Politics in Modern India. – New Delhi: Oxford University Press, 2015. – 480 p.
7. Chakrabarty B. Forging Power: Coalition Politics in India. – New Delhi: Oxford University Press India, 2006. – 304 p.
8. Singh R. Coalition Politics in Contemporary India: Development and Dimensions // Jurnal Studi Pemerintahan. 2019. No. 10 (1). P. 19–30.
9. The ideas of I.N.D.I.A – Suvojit Chattopadhyay // Deccan Herald. – URL: https://www.deccanherald.com/opinion/the-ideas-of-india-1241082.html (accessed 02/01/2024).
10. Can INDIA Win in India? – Krzysztof Iwanek // The Diplomat. – URL: https://thediplomat.com/2023/08/can-india-win-in-india/ (access date: 02/01/2024).
11. Suhas Palshikar writes: From women's reservation to One Election – BJP's barrage, INDIA losing out // The Indian Express. – URL: https://indianexpress.com/article/opinion/columns/suhas-palshikar-womens-reservation-one-election-bjp-india-8955947/ (date accessed: 02/01/2024).
12. Opposition Parties' Front Has a New Name: 'INDIA', Indian National Developmental Inclusive Alliance // The Wire. – URL: https://thewire.in/politics/opposition-parties-front-has-a–new-name-india (accessed: 02/1/2024).
13. Hutchison E. Emotions, Bodies, and the Un/Making of International Relations // Millennium: Journal of International Studies. 2018. No. 47 (2). P. 284–298.
14. Thagard P. The Cognitive-Affective Structure of Political Ideologies // Emotion in Group Decision and Negotiation. Springer Dordrecht, Dordrecht, 2015, pp. 51–71.
15. Pliskin R., Bar-Tal D., Sheppes, G. Halperin E. Are Leftists More Emotion-Driven Than Rightists? The Interactive Influence of Ideology and Emotions on Support for Policies // Personality and Social Psychology Bulletin. 2014. No. 40 (12). P. 1681–1697.
16. Kassab H.S. The Power of Emotion in Politics, Philosophy, and Ideology. – New York: Palgrave Macmillan, 2016. – 219 p.
17. About Rashtriya Janata Dal // Rashtriya Janata Dal. – URL: https://rjd.co.in/about-party/ (access date: 02/1/2024).
18. Why we are different // Aam Aadmi Party. – URL: https://aamaadmiparty.org/about/why-we-are-different/ (access date: 02/1/2024).
19. Party Program // Communist Party of India (Marxist). – URL: https://cpim.org/party-programme (access date: 02/1/2024).

Использование социальных медиа в политической коммуникации среди молодежи: анализ опросов и тенденций

Михайлюк Максим Игоревич,
студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Едич Глеб Сергеевич,
студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Разумовский Александр Иванович,
студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Караев Арсений Андреевич,
студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Терешина Арина Николаевна,
студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Политические предпочтения молодежи являются важным индикатором социально-политической стабильности и развития государства. Исследование электорального поведения молодых избирателей позволяет выявить ключевые тенденции, которые определяют будущее политической системы. Анализ их поведения на выборах позволяет понять, какие факторы и ценности определяют их выбор, какие политические силы и лидеры пользуются наибольшей поддержкой среди молодежи, а также какие социальные и экономические проблемы наиболее актуальны для этой возрастной группы.
Статья посвящена изучению политических предпочтений молодежи Приморского края на примере выборов Президента Российской Федерации 2024 года. В ходе исследования будут рассмотрены различные аспекты электорального поведения молодежи, включая уровень политической активности, предпочтения в отношении кандидатов и партий, а также влияние социальных сетей и новых медиа на формирование политических взглядов молодых избирателей. Полученные данные позволят сделать выводы о текущих тенденциях в политической культуре молодежи Приморского края и предложить рекомендации для повышения их гражданской активности и участия в политической жизни страны.

Ключевые слова: молодежь, политическая культура, электорат, электоральное поведение, выборы, политические предпочтения.

Введение

Политические предпочтения молодежи являются важным индикатором социально-политической стабильности и развития государства. Исследование электорального поведения молодых избирателей позволяет выявить ключевые тенденции, которые определяют будущее политической системы. Приморский край, как один из значимых регионов Российской Федерации, представляет особый интерес в контексте анализа политических предпочтений молодежи. Данный регион характеризуется уникальными социально-экономическими условиями и культурным разнообразием, что оказывает влияние на политические предпочтения его жителей. Выборы Президента Российской Федерации 2024 года предоставляют уникальную возможность для изучения политической активности и предпочтений молодежи Приморского края. Молодые избиратели, находящиеся в возрасте от 18 до 35 лет, представляют значительную часть электората и играют важную роль в формировании политической повестки дня. Анализ их поведения на выборах позволяет понять, какие факторы и ценности определяют их выбор, какие политические силы и лидеры пользуются наибольшей поддержкой среди молодежи, а также какие социальные и экономические проблемы наиболее актуальны для этой возрастной группы. Настоящая статья посвящена изучению политических предпочтений молодежи Приморского края на примере выборов Президента Российской Федерации 2024 года. В ходе исследования будут рассмотрены различные аспекты электорального поведения молодежи, включая уровень политической активности, предпочтения в отношении кандидатов и партий, а также влияние социальных сетей и новых медиа на формирование политических взглядов молодых избирателей. Полученные данные позволят сделать выводы о текущих тенденциях в политической культуре молодежи Приморского края и предложить рекомендации для повышения их гражданской активности и участия в политической жизни страны (табл. 1).

Результаты проведенного опроса среди молодежи Приморского края выявили ярко выраженную поддержку самовыдвиженца Владимира Владимировича Путина, которого предпочли 85,7% респондентов. Это значительно превосходит поддержку других кандидатов: Владислава Андреевича Даванкова от партии «Новые люди» поддержали 6,8%, Леонида Эдуардовича Путина от ЛДПР – 5,3%, а Николая Михайловича Харитонова от КПРФ – всего 1,5%. Лишь 0,7% опрошенных еще не определились с выбором.

Основной мотивацией для голосования за Путина стало одобрение его политики и достижений, что отметили 70,2% участников опроса. Желание перемен и реформ было значимым для 14,7% респондентов, а недовольство текущей ситуацией – для 10,3%. Влияние семьи и друзей, а также прочие причины оказались менее значимыми, набрав 3,0% и 1,8% соответственно.

При выборе кандидата респонденты наиболее часто руководствовались политической программой и обещаниями (55,4%) и личностными качествами и харизмой кандидата (30,2%). Влияние лидеров общественного

мнения и СМИ отметили 9,7%, а влияние социальных сетей и новых медиа – 3,1%. Историческая поддержка партии или движения оказалась наименее значимой, набрав всего 1,6%.

Таблица 1. Данные опроса среди респондентов в возрасте от 18 до 35 лет

Категория	Параметры	Результаты
Поддержка кандидатов	Владимир Владимирович Путин (самовыдвиженец)	85,7%
	Владислав Андреевич Даванков (партия «Новые люди»)	6,8%
	Леонид Эдуардович Слуцкий (ЛДПР)	5,3%
	Николай Михайлович Харитонов (КПРФ)	1,5%
	Не определились с выбором	0,7%
Мотивация голосования	Поддержка политики и достижений кандидата	70,2%
	Желание перемен и реформ	14,7%
	Недовольство текущей ситуацией	10,3%
	Влияние семьи и друзей	3,0%
	Прочие причины	1,8%
Основные факторы, влияющие на выбор	Политическая программа и обещания кандидата	55,4%
	Личностные качества и харизма кандидата	30,2%
	Мнение лидеров общественного мнения и СМИ	9,7%
	Социальные сети и новые медиа	3,1%
	Историческая поддержка партии или движения	1,6%
Уровень политической активности	Постоянно следят за политическими событиями	50,5%
	Интересуются политикой только во время выборов	39,6%
	Практически не интересуются политикой	9,9%

Уровень политической активности среди молодежи Приморского края показал, что 50,5% респондентов постоянно следят за политическими событиями, 39,6% интересуются политикой только во время выборов, а 9,9% практически не интересуются политикой.

Таким образом, исследование показало, что молодежь Приморского края проявляет высокий уровень поддержки Владимира Владимировича Путина, значительная часть которой обусловлена одобрением его политики и достижений. Молодые избиратели активно следят за политическими событиями и придают большое значение политическим программам и личным качествам кандидатов. Эти данные могут служить основой для дальнейшего изучения политических предпочтений молодежи и разработки стратегий для повышения их гражданской активности и участия в политической жизни страны.

Заключение

Исследование политических предпочтений молодежи Приморского края на выборах Президента Российской Федерации 2024 года показало, что молодые избиратели региона демонстрируют значительную поддержку Владимиру Владимировичу Путину, который набрал 85,7% голосов респондентов. Этот результат свидетельствует о высоком уровне одобрения текущей политической линии и достижений данного кандидата среди молодежи. Анализ мотивации голосования выявил, что основным фактором выбора является поддержка политики и достижений кандидата (70,2%), что подчеркивает важность эффективности и результатов государственной политики для молодого поколения. Также важно отметить, что значительная часть молодежи (55,4%) принимает решение на основе политических программ и обещаний кандидатов, что указывает на высокую значимость содержания предвыборных кампаний.

В заключение исследование показало, что молодежь Приморского края является активным и заинтересованным участником политического процесса. Понимание их предпочтений и мотивов голосования помогает лучше формировать политические стратегии, направленные на устойчивое развитие и демократическое участие в общественной жизни.

Литература

1. Добреньков, В.И., Кравченко, А.И. Социология: Учебник / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко – М: ИНФРА-М, 2010.
2. Смехнова, Г.П. Основы прикладной социологии. Учебное пособие / Г.П. Смехнова – М: Вузовский учебник, 2008.
3. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования: Учеб.пособие / И.Ф. Девятко. – 5-е изд. – М.: Кн.дом «Университет», 2009.
4. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М., 1995.
5. Сикевич З.В. Социологическое исследование: практическое руководство. СПб.: Питер, 2005.
6. Агабекян Р.Л. Математические методы в социологии. Анализ данных и логика вывода в эмпирическом исследовании: Учеб. пособие для вузов. Ростов н/Д: Феникс, 2005.

THE USE OF SOCIAL MEDIA IN POLITICAL COMMUNICATION AMONG YOUNG PEOPLE: ANALYSIS OF SURVEYS AND TRENDS

Mikhailyuk M.I., Edich G.S., Razumovsky A.I., Karaev A.A., Tereshina A.N.
Far Eastern Federal University

The political preferences of young people are an important indicator of socio-political stability and development of the state. A study of the electoral behavior of young voters allows us to identify key trends that determine the future of the political system. An analysis of their voting behavior allows us to understand what factors and values determine their choice, what political forces and leaders enjoy the greatest support among young people, as well as what social and economic problems are most pressing for this age group.
This article is devoted to the study of the political preferences of the youth of the Primorsky Territory using the example of the 2024 presidential elections in the Russian Federation. The study will examine various aspects of youth voting behavior, including the level of political activity, preferences for candidates and parties, and the influence of social networks and new media on the formation of political views of young voters. The data obtained will allow us to draw conclusions about current trends in the political culture of youth in the Primorsky Territory and offer recommendations for increasing their civic activity and participation in the political life of the country.

Keywords: youth, political culture, electorate, electoral behavior, elections, political preferences.

References

1. Dobrenkov, V.I., Kravchenko, A.I. Sociology: Textbook / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko – M: INFRA-M, 2010.
2. Smekhnova, G.P. Fundamentals of applied sociology. Textbook / G.P. Smekhnova – M: University textbook, 2008.
3. Devyatko I.F. Methods of sociological research: Textbook / I.F. Devyatko. – 5th ed. – M.: Book house “University”, 2009.
4. Batygin G.S. Lectures on the methodology of sociological research: A textbook for students of humanities universities and graduate students. M., 1995.
5. Sikevich Z.V. Sociological research: a practical guide. St. Petersburg: Peter, 2005.
6. Agabekyan R.L. Mathematical methods in sociology. Data analysis and inference logic in empirical research: Textbook. manual for universities. Rostov n/d: Phoenix, 2005.

Социальные сети как площадка для манипуляции общественным сознанием в политическом процессе современной России

Мищук Александр Юрьевич,
аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет
E-mail: mishchuk.aleksandr98@mail.ru

В статье представлены подходы к определению термина «социальная сеть». Сделан вывод о том, что социальные сети стали основной площадкой для манипуляций общественным сознанием. Представлены типы субъектов, способных оказать влияние на массовое сознание посредством социальных сетей. Рассмотрена эволюция и текущий статус социальных сетей в России. Идентифицированы основные тенденции развития социальных сетей в России в контексте проблемы манипуляций массовым сознанием: активизация участия официальных ведомств в работе социальных сетей, политизация социального пространства Интернета, визуализация и геймификация контента, возможность повышения гражданского и политического участия индивидуальных лиц, нестабильность мобилизационного потенциала соцсетей, распространение ботов – фейковых аккаунтов, деятельность которых направлена на оказание влияния на массовое сознание.

Ключевые слова: манипуляция, массовое сознание, политическая коммуникация, социальная сеть, бот, солидарность, политизация.

Вопрос о манипулятивном потенциале социальных сетей является чрезвычайно актуальным по нескольким причинам.

Во-первых, социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни значительной части населения планеты. Соцсети стали неотъемлемым компонентом обихода большинства жителей планеты, что наделяет их уникальным статусом в плане диффузии информации, в т.ч. манипулятивного характера.

Во-вторых, социальные сети на текущем этапе эволюции Интернета 2.0 позволяют оказывать точечное, прецизионное воздействие на конкретные группы лиц. Сбор личных данных, отслеживание поведения в Сети, применение алгоритмов, основанных на анализе больших данных (Big Data), позволяет социальным платформам предлагать пользователям контент, который максимально соответствует их интересам и предпочтениям.

В-третьих, анализ мировых событий последнего десятилетия позволяет делать вывод о том, что информация, циркулирующая в соцсетях, оказывает непосредственное влияние на ход предвыборных кампаний, на развитие международных конфликтов, на формирование общественных настроений, на обострение геополитических противоречий.

Таким образом, исследование манипулятивного потенциала социальных сетей имеет важное значение для понимания современных социально-политических процессов, и в перспективе – для разработки эффективных механизмов по формированию информированного общества, способного адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи.

Сущность понятия «социальная сеть»

Социальные сети – относительно новый общественный институт и форма коммуникации. В связи с этим единства мнений в отношении сущности социальных сетей и их перспектив в плане изменения массового сознания пока не наблюдается. Согласно словарю «Мерриам-Вебстер», социальная сеть представляет собой сетевую форму организации лиц – друзей, знакомых, коллег и проч., которая в электронном виде отражает существующие в реальности межличностные связи. В последующем данное определение было дополнено указанием, что в социальной сети могут быть не только зафиксированы существующие в «офлайн» взаимоотношения, но и созданы новые [16]. По данным глоссария Интернет-маркетинга, социальная сеть представляет собой «особый вид сайта со страницами пользователей, где они могут размещать персональную информацию и общаться с другими участниками сообщества» [14]. А.Ф. Бортник и В.В. Максимова определяют социальную сеть в качестве онлайн-платформы, которую люди используют для общения, знакомств, построения «отношений с другими людьми, которые имеют схожие интересы или офлайн-связи» [3, с. 39].

Эти и другие дефиниции акцентируют межличностный аспект коммуникативного пространства социальных сетей. Тем не менее, как показывает реальная практика, социальные сети также следует рассматривать в качестве социального, массового, а не только интерперсонального феномена. Для того, чтобы обозначить важ-

ность и роль социальных сетей в конструировании нового цифрового социально-политического пространства, многие исследователи предпринимают попытки выработать собственные дефиниции данной категории.

В.И. Егорова определяет социальную сеть как платформу, онлайн-сервис или веб-сайт, «предназначенный для построения, отражения и организации социальных отношений» [5, с. 123]. Е.Н. Юдина и И.В. Алексеенко указывают: в определении сущности социальных сетей следует учитывать следующие характеристики: (1) социальные последствия новой формы коммуникации; (2) деструктивное воздействие на психику человека, в т.ч. Интернет-зависимость; (3) возможность создания пользовательского контента (что отличает социальные сети от традиционных СМИ); (4) возможность публичного обсуждения социально значимых проблем и явлений [13, с. 114].

Социальные сети представляют собой уникальную модель общества, характерные черты которого доведены до максимальных показателей: коммуникацию с новыми людьми можно выстраивать за считанные секунды, заводить друзей – в один «клик», можно беспрепятственно выражать собственное мнение, выражать поддержку существующим точкам зрения, создавать собственный контент (информационный поток) или же делиться чужими «потоками». В реальной коммуникации выполнение всех этих действий потребует гораздо больших усилий. Так, к примеру, задать тему для публичного обсуждения в режиме офлайн можно лишь будучи журналистом, трудоустроенным в СМИ, либо в рамках формального обсуждения на конференции – в качестве ученого, в ходе дебатов, круглых столов – в качестве активиста или политика. Виртуальный мир позволяет всем пользователям становится контент-мейкерами, экспертами, ретрансляторами данных. Кроме того, социальные сети дают возможность объединяться без учета территориального, возрастного, гендерного, материального критериев [1, с. 44].

В последние годы, отмечает Л. Чен с соавт., социальные сети стали основной площадкой для манипуляций общественным сознанием. Правительства многих стран высказывают мнение о том, что соцсети становятся одним из инструментов ведения информационной войны [15].

Попытки оказать влияние на массовое сознание предпринимаются разными видами субъектов: непосредственно государством, политическими партиями, общественными организациями, бизнесом, оппозицией и т.н. инфлюэнсерами – лицами, обладающие существенным числом подписчиков. Каждый из этих субъектов может преследовать собственные цели, оказывающие как положительное воздействие на общество (консолидация общества, снижение напряженности, акцент на социальных ценностям, снижение дискриминации), так и разрушать его (развязывание конфликтов на религиозной, национальной почве, распространение консьюмеризма и материализма и т.п.).

Эффективность социальных сетей как инструмента воздействия на массовой сознание обусловлено несколькими факторами: (1) опора на бессознательное, на уровень инстинктов и простых эмоций, формирование некритического мышления и потребления поступающих данных [9, с. 301]; (2) отсутствие формальных границ, легкость и простота манипулирования [6, с. 23]; (3) широкий охват и доступность: социальные сети охватывают огромную аудиторию, включая пользователей различных возрастных групп, социально-экономического статуса и географических регионов; (4) доступность мобильных устройств и мобильного Интернета и высокая скорость распространения информации – новостей, общественно значимой информации и дезинформации [2, с. 62]; (5) т.н. «эффект подтверждения» (*confirmation bias*): люди склонны искать и интерпретировать информацию таким образом, чтобы она соответствовала их существующим убеждениям и предвзятым мнениям, и социальные сети, предлагая контент на основе прошлых предпочтений пользователя, усиливают этот эффект; (6) опора на «социальные доказательства» (*social proof*): в социальных сетях количество «лайков», репостов и комментариев служит индикатором популярности и значимости информации, что может влиять на ее восприятие пользователями.

Эволюция и текущий статус социальных сетей в России

Началом развития социальных сетей принято считать 1995 г., когда появилась американская социальная сеть Classmates.com. Успешность проекта, задуманного как онлайн-площадка для встречи с одноклассниками, привела к возникновению нескольких десятков схожих веб-сайтов [3, с. 39].

Первой значимой российской социальной сетью стала сеть «Одноклассники», основанная в 2006 г.; как и американский аналог, она была ориентирована на восстановление связей с одноклассниками и одногруппниками. В 2006 г. возникла еще одна крупная платформа – «ВКонтакте». В течение 2010-х гг. «ВКонтакте» укрепила свои позиции, став ведущей социальной сетью в России и СНГ. Конкурентоспособность данной соцсети была обусловлена постоянными обновлениями, введением новых функций, возможностью прослушивания аудиозаписей и просмотра видеоконтента, а также интеграцией с мобильными устройствами. Социальная сеть «Одноклассники» на данном этапе также продолжала развиваться, став второй по популярности социальной сетью в России. Параллельно с отечественными платформами, в России начали набирать популярность и западные социальные сети.

На современном этапе развитие социальных сетей в России характеризуется несколькими важными тенденциями. Во-первых, продолжается рост и интеграция новых форматов контента, таких как короткие видео и рекламный контент. Во-вторых, наблюдается увеличение роли социальных сетей в политической и общественной жизни, что приводит к усилению регулирования и контроля со стороны государства [7, с. 71].

В недавнем времени властные ведомства нашей страны заблокировали доступ к ряду социальных сетей. Такой шаг был спровоцирован, во-первых, введением антироссийских санкций и попыткой представить симметричную реакцию, а во-вторых, данная мера связана, по всей видимости, с попытками ограничения манипулятивного потенциала зарубежных социальных сетей, находящихся вне сферы компетенции и контроля российских властей.

Ключевыми бенефициарами ситуации блокировки западных социальных сетей стали Telegram и «Дзен». Так, к примеру, за 2 года среднесуточная аудитория Telegram выросла в 2,2 раза до 59,9 млн человек. Количество ежедневных посетителей социальной сети «Дзен» составляет на сегодняшний момент 31,9 млн пользователей (рост в 2,8 раза). Показатели выросли также у крупной соцсети VK («Вконтакте»): прирост ежедневных посетителей составил 20% (56,2 млн пользователей). Блокировки, кроме того, привели к перераспределению рекламных бюджетов: основной процент расходов

на рекламу приходится на сеть VK, существенная доля рекламного бюджета остается в социальной сети Youtube. Отечественные рекламодатели, кроме того, стали гораздо чаще обращаться к площадке Telegram [11].

Ключевые тенденции развития отечественного пространства социальных сетей с точки зрения воздействия на массовое сознание

В России развитие социальных сетей происходит как в контексте глобальных тенденций, так и под влиянием уникальных факторов. Так, для того, чтобы обрести контроль над электронными социальными платформами, официальные ведомства стали все активнее участвовать в их работе. Так, к примеру, эксперты отмечают, что в последние годы *государственные ведомства все чаще регистрируют и ведут аккаунты в социальных сетях*. Таким образом государство стремится к нейтрализации рисков манипулирования информацией посредством перенаправления внимания пользователей Сети на информацию, исходящую от официальных источников. В 2023 г. число подписчиков государственных пабликов превысило 50 млн. Речь идет не о посетителях веб-сайтов, представляющих официальные ведомства, а об их аккаунтах в социальных сетях [11].

Важной тенденцией является очевидная *политизация социального пространства Интернета*. Уход с информационной арены большинства традиционных печатных СМИ и снижение уровня популярности телевизионных каналов среди молодой аудитории вынудили политиков переходить в Интернет. Как пишет В.Е. Хецелиус, социальные сети предоставляют возможность мгновенного обмена, лайка или ретвита/репоста политических сообщений. При этом политические кампании, которые проводятся в социальных сетях, сложнее поддаются контролю со стороны политического актора: сообщения на телевидении или в газетных объявлениях можно контролировать, но в социальных сетях критики и сторонники оппозиционных партий могут публиковать негативные комментарии непосредственно под сообщениями кампании [12, с. 94]. Соответственно, можно сделать *вывод о невозможности абсолютного контроля над политическим пространством соцсетей*.

Еще одной значимой тенденцией, имеющей отношение к воздействию на массовое сознание, выступает *визуализация и геймификация контента*, циркулирующего в социальных сетях. Вместо фотографий и текстовой информации, *в социальных сетях более популярным становится видеоконтент*. Видео небольшой продолжительности способно удерживать внимание аудитории, воздействовать на многие каналы рецепции информации, фокусировать внимание на том или ином аспекте, а благодаря отсутствию широкого контекста такие видео способны оказывать манипулятивное воздействие, склоняя публику к определенной точке зрения. Данная тенденция является общемировой и характерна для любых социальных сетей.

Многие отечественные и зарубежные авторы отмечают: значимой характеристикой современных социальных сетей является *возможность повышения гражданского и политического участия индивидуальных лиц*. Люди, посредством соцсетей, обрели возможность напрямую влиять на ход политических событий, предлагать собственные инициативы и даже становится значимыми политическими фигурами, используя лишь инструментарий социальных платформ. Согласиться с этим тезисом можно лишь отчасти: действительно, в истории социальных сетей накоплено немало примеров того, как граждане, посредством основания собственных пабликов, инициирования и подписания онлайн-петиций, создания политического контента, становятся политическими акторами, влияющими на общественно-политическое развитие всей страны. Тем не менее, такие факты являют собой, скорее, исключения из общей практики. В большинстве своем политический вес отдельного гражданина во многом представляет собой иллюзорную возможность, ведь идеи, которые он может предлагать, будут популярными лишь краткий промежуток времени, и вскоре сменятся на другие информационные «вбросы». Таким образом, *политическое влияние, которое может оказать человек в социальных сетях, носит хаотичный, непредсказуемый, непостоянный характер*. Как показывает практика, «индивидуальная социально-политическая активность нередко сводится к “диванному участию” в политических процессах, когда она ограничивается распространением политического контента» [8, с. 148].

Анонимность, которая достижима при использовании социальных сетей, возможность мультипликации аккаунтов, легкость в регистрации – эти и другие особенности социальных платформ породили такую массовую практику, как *боты и «фермы троллей»*. Боты, будучи искусственно созданными аккаунтами, маскирующимися под реальных людей, призваны имитировать определенную активность, высказывать определенную гражданскую позицию, повышать интерес пользователей к определенному контенту, стимулировать интеракции и повышать рейтинги публикаций посредством комментирования [8, с. 148]. Реальные пользователи, опираясь на описанный выше *social proof*, начинают разделять точку зрения ботов – не только по причине отсутствия критического мышления, но и в силу естественной склонности человеческой психики доверять мнению большинства. Можно с уверенностью сказать, что проблема ботов, действующих в интересах определенной политической силы, будет набирать обороты в ближайшие годы.

Мобилизационный потенциал соцсетей, без сомнения, имеет место, но, при этом преувеличивать его не стоит. Согласно традиционным представлениям о солидарности, лица, обладающие выраженной индивидуальностью, объединены между собой органической солидарностью. Самостоятельный тип мышления приводит к тому, что человек не может разделять мнение других людей полностью (эти постулаты были предложены Дюркгеймом [4]). Лица, которые не имеют собственного набора ценностных установок, испытывают механическую солидарность. В теории социальные сети представляют множество возможностей для повышения органической и механической солидарности представителей общества [13]. На практике же эта *солидарность оказывается временной, нестабильной*; как отмечает В.Л. Римский, взаимное доверие и солидарность в социальной сети «поддерживаются не общими ценностями и идеалами, что было характерно для традиционного социального порядка, а ситуативно, на основе явных и неявных, скорее временных, чем постоянных консенсусов» [10, с. 200].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Социальные сети – это веб-сайты, предназначенные для создания и поддержания социальных связей между пользователями посредством обмена информацией, общения и взаимодействия в виртуальном пространстве. Они позволяют пользователям создавать персонализированные профили, делиться контентом, устанавливать и поддерживать связи с другими пользователями. В России развитие социальных сетей происходит как в контексте глобальных тенденций, так и под влиянием уникальных факторов. Среди значимых тенденций можно отметить следующие:

активизация участия официальных ведомств в работе социальных сетей, стремление государства к нейтрализации рисков манипулирования информацией, политизация социального пространства Интернета, визуализация и геймификация контента, циркулирующего в социальных сетях, возможность повышения гражданского и политического участия индивидуальных лиц, нестабильность мобилизационного потенциала соцсетей, распространение практик ботов – аккаунтом, которые мимикрируют под страницы реальных пользователей, зарегистрированные с целью оказания влияния на массовое сознание.

Литература

1. Абулхасан, Н. Социальная опасность социальных сетей / Н. Абулхасан // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2020. – № 7 (9). – С. 43–52.
2. Афанасьева, Т.С. Политическая пропаганда в социальных сетях / Т.С. Афанасьева // Вестник магистратуры. – 2020. – № 2–4 (101). – С. 57–64.
3. Бортник, А.Ф. Социальные сети и молодежь / А.Ф. Бортник, В.В. Максимова // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 68–3. – С. 39–42.
4. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
5. Егорова, В.И. Социальные сети и их речевые жанры / В.И. Егорова // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – № 3 (27). – С. 123–128.
6. Колпаков, В.В. Социальные сети как средство политической культуры / В.В. Колпаков // Развитие общественных наук российскими студентами. – 2017. – № 1. – С. 21–25.
7. Крупенко, М.А. Социальное манипулирование российской молодежью в социальных сетях / М.А. Крупенко // Гуманитарий Юга России. – 2024. – № 2. – С. 67–74.
8. Осипов, А.В. Политические коммуникации в сетевых электоральных кластерах: кибертехнологии в формировании сетевого партийного бренда / А.В. Осипов // Коммуникология. – 2021. – № 3. – С. 145–154.
9. Рахмонова, М.У. Психология пользователей социальных сетей / М.У. Рахмонова// Scientific progress. – 2021. – № 8. – С. 301–304.
10. Римский, В.Л. Гражданское и политическое в социальных сетях Рунета / В.Л. Римский // Полит. наука. – 2013. – № 1. – С. 192–208.
11. Социальные сети (рынок России) // Tadviser. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B8_%28%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%29. – Дата доступа: 20.05.2024.
12. Хецелиус, В.Е. Социальные сети как инструмент политической коммуникации / В.Е. Хецелиус// Наука без границ. – 2019. – № 5 (33). – С. 93–103.
13. Юдина, Е.Н. Солидарность в социальных сетях / Е.Н. Юдина, И.В. Алексеенко // Коммуникология. – 2020. – № 1. – С. 114–127.
14. Социальная сеть // Глоссарий Интернет-маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.glossary-internet.ru/terms/%D0%A1/sotsialnaya_set/. – Дата доступа: 20.05.2024.
15. Chen, L. Social network behavior and public opinion manipulation, / L. Chen, J. Chen, C. Xia // Journal of Information Security and Applications. – Volume 64. – 2022.
16. Social network // Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.merriam-webster.com/dictionary/social%20network. – Дата доступа: 20.05.2024.

SOCIAL NETWORKS AS A PLATFORM FOR MANIPULATIVE INFLUENCE ON MASSES WITHIN THE POLITICAL PROCESS OF MODERN RUSSIA

Mishchuk A.Yu.
Baikal State University

The article presents approaches to the definition of the category “social network”. The author makes a conclusion that social networks have become the main platform for manipulating public consciousness. The types of subjects capable of influencing masses through social networks are identified. The evolution and current status of social networks in Russia is considered. The main trends in the development of social networks in Russia have been identified in the context of the problem of manipulation of mass consciousness: increased participation of official departments in the work of social networks, politicization of the social space of the Internet, visualization and gamification of content, the possibility of increasing the civil and political participation of individuals, instability of the mobilization potential of social networks, the spread of bots – fake accounts that are disguised as the pages of real users, whose activities are aimed at influencing mass consciousness.

Keywords: manipulation, mass consciousness, political communication, social network, bot, solidarity, politication.

References

1. Abulhasan, N. Social danger of social networks / N. Abulhasan // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2020. – No. 7 (9). – P. 43–52.
2. Afanasyeva, T.S. Political propaganda in social networks / T.S. Afanasyeva // Bulletin of the magistracy. – 2020. – No. 2–4 (101). – pp. 57–64.
3. Bortnik, A.F. Social networks and youth / A.F. Bortnik, V.V. Maksimova // Problems of modern pedagogical education. – 2020. – No. 68–3. – pp. 39–42.
4. Durkheim, E. On the division of social labor / E. Durkheim. – M.: Kanon, 1996. – 432 p.
5. Egorova, V.I. Social networks and their speech genres / V.I. Egorova // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – No. 3 (27). – pp. 123–128.
6. Kolpakov, V.V. Social networks as a means of political culture / V.V. Kolpakov // Development of social sciences by Russian students. – 2017. – No. 1. – pp. 21–25.
7. Krupenko, M.A. Social manipulation of Russian youth in social networks / M.A. Krupenko // Humanitarian of the South of Russia. – 2024. – No. 2. – pp. 67–74.
8. Osipov, A.V. Political communications in network electoral clusters: cyber technologies in the formation of a network party brand / A.V. Osipov // Communicology. – 2021. – No. 3. – pp. 145–154.
9. Rakhmonova, M.U. Psychology of users of social networks / M.U. Rakhmonova // Scientific progress. – 2021. – No. 8. – pp. 301–304.
10. Rimsky, V.L. Civil and political in social networks of Runet / V.L. Rimsky // Polit. the science. – 2013. – No. 1. – pp. 192–208.
11. Social networks (Russian market) // Tadviser. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A1%D0% BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B8_% 28%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%29. – Access date: 05/20/2024.
12. Hetselius, V.E. Social networks as a tool of political communication / V.E. Hetselius // Science without borders. – 2019. – No. 5 (33). – pp. 93–103.

13. Yudina, E.N. Solidarity in social networks / E.N. Yudina, I.V. Alekseenko // Communicology. – 2020. – No. 1. – pp. 114–127.
14. Social network // Glossary of Internet marketing [Electronic resource]. – Access mode: https://www.glossary-internet.ru/terms/%D0%A1/sotsialnaya_set/. – Access date: 05/20/2024.
15. Chen, L. Social network behavior and public opinion manipulation, / L. Chen, J. Chen, C. Xia // Journal of Information Security and Applications. – Volume 64. – 2022.
16. Social network // Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: https://www.merriam-webster.com/dictionary/social%20network. – Access date: 05/20/2024.

Особенности создания медиаконтента в конвергентной редакции (на примере китайской телекомпании CCTV)

Чэнь Янань,
магистр МГУ имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена анализу стратегий и методов создания медиаконтента в условиях конвергентных редакций, с фокусом на опыте крупной китайской телекомпании CCTV.
Цель исследования заключается в выявлении особенностей и эффективных подходов к производству медиаконтента в конвергентной среде, а также в исследовании опыта CCTV как одного из лидеров медиаиндустрии.
Методология исследования включает анализ организационной структуры, рабочих процессов и технологических решений китайской телекомпании. Также в работе использовались методы сравнительного анализа с опорой на результаты исследований в области конвергентных редакций и медиапроизводства.
Результаты исследования предоставляют практическое понимание применения концепции конвергенции в создании медиаконтента. В ходе работы были выявлены успешные стратегии и особенности, которые способствуют эффективности работы журналистов.

Ключевые слова: конвергентная редакция, медиаконтент, телекомпания CCTV, стратегии создания контента, организационная структура, технологические решения, инновации в медиапроизводстве

Введение

В современном информационном обществе, на фоне стремительно развивающихся технологий, традиционные редакции и журналистские практики сталкиваются с вызовами и проблемами, вызванными таким процессом как конвергенция. Суть конвергенции заключается в объединении различных форматов и платформ медиаконтента в единое целое. Актуальность исследования обусловлена тем, что в сегодняшнем мире это неотъемлемый компонент современной медиаиндустрии, где технологические инновации и изменения в сфере потребления информации требуют переосмысления традиционных методов производства и распространения контента [3,4]. С появлением новых технологий и цифровых платформ работа журналистов подвергается настоящим метаморфозам. Сегодня журналисты сталкиваются с необходимостью адаптироваться к быстро меняющемуся медиаландшафту, интегрировать в свою работу множество мультимедийных форматов, включая аудио, видео и интерактивные элементы. Это влияет не только на технические аспекты производства контента, но и на организационную структуру редакций, требуя согласованности и взаимодействия между различными отделами [1].

Цель настоящего исследования заключается в системном анализе особенностей создания медиаконтента в конвергентных редакциях, на примере китайской телекомпании CCTV. В рамках исследования поставлены следующие задачи: рассмотреть стратегии создания контента в условиях конвергентных редакций; проанализировать организационную структуру конвергентных редакций (на примере CCTV); выявить технологические решения, использованные в производстве медиаконтента; оценить влияние конвергенции на качество и разнообразие медиапродукции.

Методы

Для проведения данного исследования был выбран широкий спектр общенаучных методов, включая сравнительный и исторический анализ, структурно-логический метод, а также метод теоретического исследования. Последний основывается на комплексном анализе, сравнении, конкретизации и синтезе имеющейся информации. В ходе исследования был применен комплексный методологический подход, включающий в себя анализ существующей литературы, изучение практик конвергентных редакций. Анализ существующей литературы позволил выявить теоретические основы и ключевые аспекты конвергентных редакций, а также их влияние на медиапроизводство.

Результаты

С развитием цифровых технологий и изменениями в медиапотребительском поведении, конвергентные редакции стали неотъемлемой частью современной журналистики. Этот подход к организации редакций предполагает слаженную работу всех платформ для обеспечения максимального охвата аудитории. Ключевой особенностью конвергентной редакции является объединение письмен-

ной (текстовой) журналистики, аудио- и видеоматериалов и онлайн-контента в единое целое. Редакции стремятся предоставлять информацию в разнообразных формах и форматах, чтобы соответствовать разнообразным предпочтениям аудитории. Рассмотрим, как устроена конвергентная редакция на примере китайской медиакомпании CCTV. Она имеет сложную редакционную структуру, которая включает в себя несколько уровней. На вершине иерархии находится Генеральный директор CCTV, который назначается правительством Китая. Он отвечает за общее управление сетью и принимает стратегические решения, касающиеся глобального позиционирования бренда компании [17].

Ниже в этой иерархии находятся директора отдельных каналов, которые отвечают за содержание и программирование своих каналов. Каждый канал имеет свою собственную редакционную команду, которая отвечает за создание контента и управление программами. Редакционная команда включает в себя журналистов, продюсеров, режиссеров, операторов и других специалистов, которые работают вместе, чтобы создавать высококачественный контент, который будет нравиться аудитории [13].

Кроме того, CCTV имеет несколько отделов, которые занимаются различными видами контента (рис. 1). Например, отдел новостей отвечает за создание новостных программ и репортажей, отдел спорта занимается спортивными трансляциями и программами, отдел документальных фильмов создает документальные фильмы и телесериалы, а отдел развлекательных программ занимается созданием различных развлекательных шоу и сериалов. Каждый отдел имеет свою собственную редакционную команду, которая работает в тесном сотрудничестве с директорами каналов, чтобы обеспечить высокое качество контента и удовлетворить потребности зрителей. Кроме того, CCTV также имеет отделы, которые занимаются технической поддержкой, маркетингом и продажами рекламы.

Дальше мы поподробнее остановимся на организационной структуре телекомпании и разберем, какие подразделения за что отвечают в компании, как устроены коммуникационные процессы между ними и как это позволяет CCTV наращивать свои количественные и качественные показатели и присутствие в мире.

Организационно-функциональная структура CCTV – линейно-матричная. Это такая форма организационного управления, при которой в компании существует две иерархии: линейная и матричная [7]. Линейная иерархия представляет собой вертикальную цепочку командования, где каждый уровень отчитывается перед своим непосредственным начальником. Матричная иерархия представляет собой горизонтальную структуру, где сотрудники работают в командах, которые могут включать представителей разных отделов и уровней иерархии [14]. Такая структура позволяет более эффективно решать сложные задачи, требующие совместной работы разных специалистов, а также повышает гибкость и адаптивность организации к изменяющимся условиям.

Редакционная коллегия CCTV также делится по типам производимого контента. Здесь есть отдел интернет-рекламы, новостной отдел, отдел комментариев, отдел интервью, отдел социальной информации.

Возглавляет редакционную коллегию главный редактор CCTV. Он отвечает за руководство редакционной деятельностью канала, определяет стратегию и направление работы канала, утверждает программы и новостные выпуски, а также контролирует качество и соответствие контента стандартам канала. Главный редактор также отвечает за наем и управление редакционным персоналом, включая журналистов, редакторов, продюсеров и других сотрудников

Отдел интернет-рекламы CCTV занимается продвижением телеканала в интернете и разработкой рекламных кампаний на онлайн-платформах. Они отвечают за создание и управление рекламными кампаниями на различных интернет-платформах, таких как поисковые системы, социальные сети, видеохостинги и другие.

Он также занимается анализом эффективности рекламных кампаний и разработкой стратегий по улучшению результатов. Кроме того, отдел интернет-рекламы CCTV занимается разработкой и продвижением собственных онлайн-проектов и платформ, таких как сайт телеканала и приложения для мобильных устройств (рис. 1).

Технический комитет CCTV (China Central Television Technical Committee) – это подразделение компании, которое отвечает за техническую поддержку и развитие технологий, используемых в работе канала. Комитет занимается разработкой и внедрением новых технологий, обеспечением надежности и безопасности технических систем, а также обучением и поддержкой технического персонала. Комитет также отвечает за управление и обслуживание технического оборудования, используемого в производстве и трансляции программ CCTV. Кроме того, Технический комитет CCTV также занимается совместной работой с другими организациями и компаниями в области телевизионных технологий, чтобы обеспечить высокое качество и эффективность работы канала.

Отдел широковещательный CCTV (China Central Television Broadcasting Department) – это структурное подразделение CCTV, которое отвечает за производство и трансляцию телевизионных программ. Отдел занимается разработкой и производством новостных программ, документальных фильмов, развлекательных шоу, сериалов и других телепередач.

Отдел кадров партийного комитета CCTV (China Central Television Party Committee Human Resources Department) – это структурное подразделение CCTV, которое отвечает за управление кадрами и кадровой политикой канала. Отдел занимается наймом и увольнением сотрудников, оценкой их производительности, разработкой и внедрением кадровой политики, а также обучением и развитием персонала. Он также отвечает за соблюдение правил и норм, установленных Китайской коммунистической партией, и за поддержание дисциплины и порядка на канале. Отдел кадров партийного комитета CCTV также занимается сотрудничеством с другими организациями и компаниями в области управления кадрами, чтобы обеспечить высокое качество и эффективность работы канала. Без согласия и одобрения со стороны отдела кадров партийного комитета в CCTV не происходят никакие глобальные изменения. Фактически, этот отдел курирует все внутренние процессы.

Производство контента в конвергентной редакции является комплексным процессом, который объединяет различные форматы и платформы для создания мультимедийного контента [1, 8]. Конвергентная редакция стремится создавать контент, который объединяет текст, аудио и видео материалы. Редакторы и журналисты разрабатывают истории, которые могут быть представлены в различных форматах, чтобы максимально соответствовать интересам разнообразной аудитории. Сотрудники конвергентной редакции должны обладать мультимедийными навыками, включая умение работать с текстом, редактировать аудио и видеоматериалы, создавать графику и взаимодействовать с цифровыми ин-

струментами. Контент в конвергентной редакции часто ориентирован на взаимодействие с аудиторией. Это может включать в себя создание интерактивных элементов, опросов, подписок на новостные рассылки, а также использование социальных сетей для обратной связи. Производство контента в конвергентной редакции ориентировано на оперативное реагирование на текущие события. Журналисты и редакторы работают в режиме реального времени, обеспечивая мгновенное обновление контента [5]. Контент разрабатывается с учетом мобильных устройств. Это включает в себя оптимизацию контента для просмотра на мобильных телефонах и планшетах, а также использование мобильных приложений для удобного доступа к информации. Конвергентные редакции активно используют аналитические инструменты для оценки эффективности контента. Это позволяет редакции адаптировать свои стратегии в соответствии с предпочтениями и поведением аудитории. Сегодня CCTV активно использует социальные медиаплатформы, такие как: WeChat, Weibo и Douyin, для продвижения своих программ и взаимодействия с аудиторией. Это позволяет CCTV привлекать новых зрителей и увеличивать свою популярность [1].

Одной из основных целей конвергенции в CCTV является создание более качественных и инновационных телевизионных программ, которые могут привлечь большую аудиторию и улучшить конкурентоспособность CCTV на мировом рынке. Для этого CCTV использует различные технологии, такие как искусственный интеллект, виртуальную и дополненную реальность, чтобы создавать более интерактивные и персонализированные программы.

Рис. 1. Организационная структура компании CCTV

Заключение

Исследование особенностей создания медиаконтента в конвергентной редакции, представленное на примере китайской телекомпании CCTV, позволяет сделать ряд важных выводов о влиянии конвергентных технологий на современное медиапроизводство. Одним из ключевых результатов исследования является подтверждение того, что конвергентные редакции привносят значительные изменения в процесс создания медиаконтента. Интеграция различных медиаплатформ требует от редакций уникальных стратегий и новаторских технологических решений. На примере CCTV видно, что создание медиаконтента в конвергентной редакции обладает рядом характерных особенностей. Это включает в себя создание универсального контента, способного адаптироваться под различные платформы, а также активное использование интерактивных элементов для взаимодействия с аудиторией. Также стоит отметить, что в контексте китайского медиапространства особенности цензуры и регулирования оказывают влияние на создание контента. Конвергентные технологии сталкиваются с вызовами в сфере контроля за информацией, что отражается на стратегиях редакции. В целом, исследование позволяет лучше понять, как конвергентные редакции преобразуют современное медиапроизводство.

Литература

1. Баранова Екатерина Андреевна Этапы развития процесса медиаконвергенции (в попытках описать глобальные изменения в развитии сми с 1990–2015 гг.) // Коммуникология. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-protsessa-mediakonvergentsii-v-popytkah-opisat-globalnye-izmeneniya-v-razvitii-smi-s-1990–2015-gg (дата обращения: 22.10.2022)
2. Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество, 1999, вып. 5, с. 11
3. Вартанова Е.Л. Медиаиндустрия и конвергенция // Интернет-СМИ: Теория и практика / под ред. М.М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010.
4. Хань, Ц. Интеграция печатных СМИ Китая в цифровую медиасреду: предпосылки и особенности сетевой конвергенции / Ц. Хань // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08 апреля 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022
5. Cao, L.J. New Media Era TV News Broadcast Management and the Development of All Creation. 2019. Reporter Cradle, 3, 93–94
6. Fehrle, J. Introduction: Adaptation in a Convergence Environment. In W. Schäfke-Zell & J. Fehrle (Eds.), Adaptation in the Age of Media Convergence (pp. 7–3). Amsterdam University Press. 2019
7. Fu, Yijun. Research on the Path of New Media Editing Technology in the Context of Media Convergence. 2023. SHS Web of Conferences. URL.: https://www.researchgate.net/publication/368752141_Research_on_the_Path_of_New_Media_Editing_Technology_in_the_Context_of_Media_Convergence (дата обращения: 11.12.2023)
8. Wang Weiqiao. Repositioning of new media editing in the context of media convergence. 2021. J.Western radio and television. 24: 173–175
9. Wei Lu. The Definition, Level and Research Topics of Media Integration. 3rd Issue of “News Reporter”, 2019. URL.: http://www.cmic.zju.edu.cn/2019/0325/c35569a1470506/page.htm (дата обращения: 30.11.2023)
10. Wei, H. The Innovation and Persistence of TV News Broadcasting and Hosting in the Era of Convergence Media. 2019 China Newspaper Industry, 10, 95–96.
11. Yang Weiguang.History of the development of CCTV. Beijing Publishing House, 1998 : P. 140.
12. Zhang, X. Challenges, Opportunities and Innovations Faced by the Broadcasting and Hosting Industry in the Era of Convergence Media. 2021. Advances in Journalism and Communication, 9, 102–113. URL.: https://www.scirp.org/journal/paperinformation.aspx?paperid=111646 (дата обращения: 25.11.23)
13. 岳 淼，陈 琪. 中国电视新闻 50 年发展史论略. Yue Miao, Chen Qi. A Brief History of the 50-year Development of Chinese television news. Xiamen University Business Administration Postdoctoral Rover. 2010. URL.: https://core.ac.uk/download/pdf/41347996.pdf (дата обращения: 30.11.2023)
14. 崔保国. 技术创新与媒介变革 [J]. 当代传播, Цуй Баогуо. Технологические инновации и изменения в средствах массовой информации. 1999. С. 23–25.
15. 廖子萱. 中国电视媒体融合发展的路径探索. Ляо Цзысюань. Исследование пути интеграции и развития китайских телевизионных СМИ. Декабрь 2020. URL.: https://pdf.hanspub.org/JC20210100000_91409037.pdf (дата обращения: 30.03.2023)
16. 田园. 疫情报道中的电视传播新景观[J]. 当代电视, 2020(4): 11–15. Новый ландшафт телевизионной коммуникации в освещении эпидемий [J]. Современное телевидение, 2020 (4):11–15.
17. 赵化勇 编. 中央电视台发展史. History of CCTV Development. Edited by Zhao Huayong. Publisher: China Radio and Television Publishing House. 2008. P. 146

PECULIARITIES OF MEDIA CONTENT CREATION IN A CONVERGENT EDITORIAL OFFICE (ON THE EXAMPLE OF CHINESE TV COMPANY CCTV)

Chen Yanan
Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the analysis of strategies and methods of media content creation in converged newsrooms, focusing on the experience of a large Chinese TV company CCTV.
The purpose of the study is to identify the characteristics and effective approaches to media content production in a converged environment, and to explore the experience of CCTV as one of the leaders in the media industry.
The research methodology includes the analysis of the organizational structure, work processes and technological solutions of the Chinese TV company. It also utilized comparative analysis methods, drawing on research findings in the field of converged newsrooms and media production.
The results of the study provide a practical understanding of the application of the concept of convergence in media content creation. The work identifies successful strategies and features that contribute to the effectiveness of journalists.

Keywords: convergent newsroom, media content, CCTV, content creation strategies, organizational structure, technological solutions, innovations in media production.

References

1. Baranova Ekaterina Andreevna Stages of development of the process of media convergence (in attempts to describe global changes in the development of the media from 1990–2015) // Communicology. 2016. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-protsessa-mediakonvergentsii-v-popytkah-opisat-globalnye-izmeneniya-v-razvitii-smi-s-1990–2015-gg (access date: 22.10 .2022)

2. Vartanova E.L. What does media convergence lead to? // Information Society, 1999, issue. 5, p. eleven
3. Vartanova E.L. Media industry and convergence // Internet media: Theory and practice / ed. MM. Lukina. M.: Aspect Press, 2010.
4. Han, Ts. Integration of Chinese print media into the digital media environment: prerequisites and features of network convergence / Ts. Han // Electronic media: yesterday, today, tomorrow: Proceedings of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 08 2022. – St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2022
5. Cao, L.J. New Media Era TV News Broadcast Management and the Development of All Creation. 2019. Reporter Cradle, 3, 93–94
6. Fehrle, J. Introduction: Adaptation in a Convergence Environment. In W. Schäfke-Zell & J. Fehrle (Eds.), Adaptation in the Age of Media Convergence (pp. 7–3). Amsterdam University Press. 2019
7. Fu, Yijun. Research on the Path of New Media Editing Technology in the Context of Media Convergence. 2023. SHS Web of Conferences. URL: https://www.researchgate.net/publication/368752141_Research_on_the_Path_of_New_Media_Editing_Technology_in_the_Context_of_Media_Convergence (access date: 12/11/2023)
8. Wang Weiqiao. Repositioning of new media editing in the context of media convergence. 2021. J.Western radio and television. 24: 173–175
9. Wei Lu. The Definition, Level and Research Topics of Media Integration. 3rd Issue of “News Reporter”, 2019. URL.: http://www.cmic.zju.edu.cn/2019/0325/c35569a1470506/page.htm (access date: 11/30/2023)
10. Wei, H. The Innovation and Persistence of TV News Broadcasting and Hosting in the Era of Convergence Media. 2019 China Newspaper Industry, 10, 95–96.
11. Yang Weiguang. History of the development of CCTV. Beijing Publishing House, 1998 : P. 140.
12. Zhang, X. Challenges, Opportunities and Innovations Faced by the Broadcasting and Hosting Industry in the Era of Convergence Media. 2021. Advances in Journalism and Communication, 9, 102–113. URL.: https://www.scirp.org/journal/paperinformation.aspx?paperid=111646 (date of access: 11/25/23)
13. 岳淼，陈琪. 中国电视新闻50年发展史论略. Yue Miao, Chen Qi. A Brief History of the 50-year Development of Chinese television news. Xiamen University Business Administration Postdoctoral Rover. 2010. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/41347996.pdf (access date: 11/30/2023)
14. 崔保国. 技术创新与媒介变革 [J]. 当代传播, Cui Baoguo. Technological innovation and changes in media. 1999. pp. 23–25.
15. 廖子萱. 中国电视媒体融合发展的路径探索. Liao Zixuan. Research on the integration and development path of Chinese television media. December 2020. URL: https://pdf.hanspub.org/JC20210100000_91409037.pdf (access date: 03/30/2023)
16. 田园. 疫情报道中的电视传播新景观[J]. 当代电视, 2020(4): 11–15. The new landscape of television communication in epidemic coverage [J]. Modern Television, 2020 (4):11–15.
17. 赵化勇编. 中央电视台发展史. History of CCTV Development. Edited by Zhao Huayong. Publisher: China Radio and Television Publishing House. 2008. P. 146

Политические проекции межрелигиозного диалога на постсоветском пространстве

Донцев Сергей Павлович,
к.п.н., доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета
E-mail: dontsev@gmail.com

Межрелигиозные отношения на постсоветском пространстве изучаются в контексте коммуникации между государственными и религиозными институтами. Межрелигиозный диалог рассматривается в его институциональном аспекте в форматах межрелигиозных советов и форумов. Выделяется два базовых типа межрелигиозных советов, участвующих во взаимодействиях с государством, по способу их образования: советы как институты гражданского общества и советы как вспомогательные институты при государственных органах. Показано, что на постсоветском пространстве подавляющее большинство межрелигиозных коммуникационных площадок, взаимодействующих с государством, относится ко второму типу советов. Проанализированы также функции институтов межрелигиозного диалога в общественно-политических процессах на постсоветском пространстве: миротворческие и посреднические функции; артикуляция позиций религиозного сообщества перед лицом государственной власти; группа функций, связанных с государственными интересами. Делается вывод, что при реализации данных функций формируются механизмы «обратной связи», между управляющими (государственными институтами) и управляемыми (религиозными объединениями).

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, постсоветское пространство, религиозная политика, государственно-конфессиональные отношения, религиозные институты, межрелигиозный совет.

Межрелигиозный диалог как особая форма межрелигиозных взаимодействий имеет достаточно богатую традицию изучения. Исследователями приводятся различные классификации данного вида диалога, выделяются критерии оценки его эффективности, анализируются форматы проявления в современных социальных реалиях как в масштабах отдельных регионов, так и на глобальном уровне [см., например, 1, 2]. Однако при всем многообразии исследований в этой области можно отметить некоторый дефицит политологических работ, которые делают акцент именно на политических проекциях межрелигиозного диалога, когда именно политическое выступает опосредующим фактором межрелигиозных коммуникаций, является ключевой причиной диалога, определяет его содержание и цели. Безусловно на постсоветском пространстве межрелигиозный диалог осуществляется в самых разных форматах. Однако его политическая составляющая может проявляться только в тех аспектах, где религиозные сообщества выступают в качестве социальных институтов, взаимодействующих с политическими институтами и/или пытающихся оказать на них влияние. По классификации В. Мельника такие формы диалога попадают в категории «миротворческий» и «партнерский», которые «выстраиваются вокруг обеспечения гармоничного сосуществования и сотрудничества религиозных общин как социальных институтов» [1, с. 5]. Традиционно исследователями набольшее внимание уделяется миротворческой миссии религии и ее отражению в межрелигиозных коммуникациях. Это направление диалога безусловно имеет политическую составляющую и, более того, является для постсоветского пространства одним из исторически обусловленных форматов взаимодействия религиозных структур. Достаточно вспомнить традиции привлечения религиозных лидеров Советского Союза к поддержке мирных инициатив государства, их участию в международном миротворческом движении, во многом инспирированным политическим руководством СССР и т.п. [3, с. 284–332]. Однако специфика политического в межрелигиозном диалоге в государствах постсоветского пространства далеко не ограничивается миротворческими сюжетами. Более того, миротворческая повестка зачастую не является основной ни для целеполагания, ни для институлизации межрелигиозного диалога. В данной работе будут рассмотрены проявления политического в межрелигиозных коммуникациях как составной части институциональной среды, опосредующей государственно-религиозные отношения и религиозную политику в постсоветских государствах, из которых традиционно исключаются прибалтийские страны в силу специфики развития их политических институтов в рамках Европейского Союза.

Институциональный формат

Особенность моделей государственно-религиозных отношений на постсоветском пространстве проявляется в том, что одним из институтов коммуникации между государством и религиозными институтами выступают межрелигиозные объединения. В их названии как пра-

вило присутствует слово «совет» или «собрание» (далее в работе мы их будем все называть межрелигиозными советами). Такие коммуникационные площадки, опосредующие государственно-религиозные взаимодействия, есть в большинстве постсоветских государств. Выступая от лица религиозного сообщества страны, они взаимодействуют с различными государственными и общественными институтами.

По способу организации и принципам функционирования можно выделить два базовых типа таких межрелигиозных советов.

1. Советы как институты гражданского общества в формате некоммерческих общественных объединений.
2. Советы как часть институциональной среды, создаваемой государством для взаимодействия с религиозными объединениями.

В первом случае межрелигиозный совет создается по инициативе самих религиозных организаций, которые сами определяют принципы его работы и персональный состав участников. Такие площадки хотя и взаимодействуют с государственными органами, но институционально не зависят от них. Здесь следует отметить, что далеко не все Советы, созданные по инициативе религиозных объединений, взаимодействуют с государством и, соответственно, являются объектом нашего исследования. Такие межрелигиозные и межконфессиональные диалоговые площадки, которые не являются элементом государственно-религиозной коммуникации, есть во многих постсоветских государствах (больше всего их в России и Украине), но они не участвуют в формировании или реализации религиозной политики государства (например, межконфессиональный совет традиционных христианских конфессий Республики Казахстан, Совет Евангельских Протестантских Церквей Украины и др.). Нас же будут интересовать только те советы данного типа, которые, оставаясь частью гражданского общества, взаимодействуют с государственными институтами.

Второй тип межрелигиозных организаций, наоборот, создается по инициативе государства (в некоторых случаях он создается государством исходя из «пожеланий» религиозных организаций или в ответ на их инициативу). Такой совет является консультативным, экспертным органом, существующем «при» каком-либо государственном институте – при президенте, правительстве или специализированном органе, отвечающем за формирование и/или реализацию религиозной политики государства.

На постсоветском пространстве среди межрелигиозных советов первого типа наиболее значимыми (по степени их общественно-политической субъектности) являются – Межрелигиозный Совет России (создан как общественная организация в 1998 г. на встрече глав и представителей пяти крупнейших религиозных организаций страны, представляющих традиционные религии, упомянутые в преамбуле Федерального закона № 125–ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»); Консультативный Совет религиозных конфессий Азербайджана (создан в 2021 г. на совещании глав традиционных религиозных общин Азербайджана); Всеукраинский Совет Церквей и религиозных организаций (о нем, в силу специфики его институциональной трансформации, будет отдельно сказано ниже). Как бы не оценивались степень политической субъектности данных площадок и возможности их влияния на религиозную политику государства (а они, безусловно, у них разные), все эти Советы являются значимым элементом модели государственно-религиозных отношений в России, Азербайджане и Украине.

При этом в России, существуют межрелигиозные площадки и второго типа (при государственных институтах): Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (созданный в 1995 г. на основании Распоряжения Б. Ельцина, хотя и по инициативе представителей религиозных объединений [4]), а Всеукраинский Совет Церквей и религиозных организаций (ВСЦиРО) прошел эволюцию от Совета первого типа к Совету второго типа. Будучи созданным в 1996 г. при Государственном комитете Украины по делам религий в качестве межконфессионального консультативно-совещательного органа, опосредующего взаимодействия государства с религиозными организациями и участвующего в формировании государственной религиозной политики, после ликвидации комитета в 2005 г. он утратил институциональную связь с государством и трансформировался в институт гражданского общества, хотя и активно участвующего во взаимодействиях с государством.

На постсоветском пространстве подавляющее большинство межрелигиозных коммуникационных площадок, взаимодействующих с государством, относится ко второму типу Советов.

Так, белорусский Консультативный межконфессиональный совет действует при Уполномоченном по делам религий и национальностей. Он создается по инициативе Уполномоченного при согласовании с руководством религиозных объединений [5]. В его состав входят 15 представителей белорусских религиозных объединений [6].

Собрание представителей религиозных объединений Казахстана действует при поддержке Министерства информации и общественного развития, в структуру которого входит Комитет по делам религий, осуществляющий регулирование в сфере религиозной деятельности. Собрание действует на ежеквартальной основе, а его целью является «деятельное участие представителей религиозных объединений в дальнейшем продвижении казахстанской модели межконфессионального согласия» [7].

В Узбекистане Совет по делам конфессий является общественно-консультативным органом, но работает при Комитете по делам религий. Характерно, что в 2004 г. Совет был создан по инициативе религиозных организаций, но на основании Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан [8]. Руководителем Совета является председатель Комитета по делам религий, его состав «входят лидеры наиболее представительных религиозных конфессий в республике» [9].

Межконфессиональный совет Кыргызстана создан в 2018 г. при поддержке государственного института – Государственной комиссии по делам религии (Госкомрелигии). Это единственный совет в государствах постсоветского пространства, который создавался при содействии международных структур – программного Офиса ОБСЕ в Бишкеке [10]. Формирование региональных межконфессиональных советов в Кыргызстане также шло по инициативе государства (в лице (Госкомрелигии) и поддержки международных неправительственных организаций – представительства Search for Common Ground (международная НПО со штаб-квартирами в Вашингтоне и Брюсселе), Института по освещению войны и мира (IWPR) и др., при участии которых проводились многочисленные региональные межрелигиозные форумы [11, 12].

Особым случаем является Туркменистан. Специфика межрелигиозного взаимодействия в Туркменистане заключается в том, что, с одной стороны, в нем отсутствуют национальные институты межрелигиозного взаимо-

действия как первого, так и второго типа. Однако с 1994 по 2015 г. в республике существовал Генгеш (Совет) по делам религии при президенте Туркменистана. Генгеш являлся не только контролирующим органом и экспертным советом, но также представлял религиозные организации в органах государственной власти, причем это представительство входило в официальные полномочия Совета [13].

Функции институтов межрелигиозной коммуникации

Формирование институализированных площадок межрелигиозного диалога определялось необходимостью выполнения последними ряда значимых для политических систем постсоветских государств функций. Традиционно исследователи одной из основных причин их формирования называют обострение межнациональных и межконфессиональных противоречий в последние годы существования СССР и начальный период постсоветской истории. Именно необходимость предотвращения конфликтов на религиозной почве способствовала появлению постоянно действующих диалоговых площадок с участием религиозных лидеров [см., например: 1, с. 177], выполняющих миротворческие и посреднические функции.

Не менее важной функцией была артикуляция позиций религиозного сообщества перед лицом государственной власти. В данном случае институт межрелигиозной коммуникации выступал как канал трансляции групповых (корпоративных) интересов религиозного сообщества, которые в данном случае выступали как своеобразная «группа интересов». Например, в вопросах религиозной политики, связанной с определением нормативно-правового статуса религиозных объединений, процедурами регистрации, отчетности, регулирования миссионерской деятельности, налогообложения и т.п., а также возможностью участвовать в институциональных взаимодействиях с государством при реализации отдельных направлений государственной политики (социальной, культурной, образовательной т.п.). Политическая субъектность религиозных организаций на постсоветском пространстве определяет в свою очередь и субъектность межрелигиозных советов.

Третья группа функций связана уже с государственными интересами. Государству при реализации религиозной политики, а также легитимации принимаемых решений в этой области была необходима реальная и/или символическая поддержка со стороны объектов регулирования – религиозных организаций. Межрелигиозные советы могли демонстрировать подобную поддержку. Также данная группа функций проявляется, когда институты, выступающие от лица всего религиозного сообщества, поддерживают государствообразующие ценности и связанные с ними нарративы, государственную политику в целом или отдельные ее аспекты (как правило в вопросах формирования национальной идентичности). Эта лигитимирующая функция проявляется во всех типах советов. В настоящее время межрелигиозные советы ни в одном из постсоветских стран не выступают с заявлениями, идущими в разрез с государственной политикой. Большей частью наблюдается ее полная декларативная поддержка.

Еще одной причиной может быть необходимость позиционирования государства на международной арене как реализующего уникальную модель межрелигиозных взаимодействий, как значимого регионального игрока, геополитические амбиции которого проявляются и в формировании наднационального диалогового пространства в религиозной сфере.

При реализации данных функций формируются механизмы «обратной связи», между управляющими (государственными институтами) и управляемыми (религиозными объединениями). Их наличие может способствовать повышению эффективности отдельных направлений государственной политики (в первую очередь, религиозной, образовательной, культурной, исторической политики и политика памяти), а также в деятельности по предотвращению и профилактики религиозных и этно-религиозных конфликтов.

Литература

1. Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации: монография. – М., 2022. – 398 с.
2. Мчедлова М.М. Межрелигиозные отношения и социальная консолидация в России / Вестник Российской нации. – 2018. – № 4 (62). – С. 112–29.
3. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 2000. – 399 с.
4. Распоряжение Президента РФ от 24.04.1995 № 192-рп «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7764 (дата обращения: 12.04.2024).
5. Положение о консультативном межконфессиональном совете при уполномоченном по делам религий и национальностей. Утверждено приказом Уполномоченного по делам религий и национальностей от 30.12.2008 № 53. – URL: https://belarus21.by/Articles/kon_kos_pol (дата обращения: 12.04.2024)
6. Состав Консультативного межконфессионального совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей. – URL: https://belarus21.by/Articles/kon_kos_sostav (дата обращения: 12.04.2024).
7. Взаимодействие с религиозными объединениями. Комитет по делам религий Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/din/activities/1071?lang=ru&parentId=141 (дата обращения: 12.04.2024).
8. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 23.04.2004 № 196 «О дальнейшем совершенствовании деятельности комитета по делам религий при кабинете министров республики Узбекистан». – URL: https://lex.uz/docs/295064? ONDATE=23.04.2004 (дата обращения: 12.04.2024).
9. Положение о Комитете по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан (Приложение № 3 к Постановлению КМ РУз от 23.04.2004 № 196). – URL: https://nrm.uz/contentf?doc=56521_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения: 12.04.2024).
10. ОБСЕ способствует формированию первого Межконфессионального совета Кыргызстана / OSCE Programme Office in Bishkek. – URL: https://www.osce.org/ru/programme-office-in-bishkek/479564 (дата обращения: 12.04.2024).
11. Встреча религиозных лидеров и государственных структур с целью укрепления межрелигиозного диалога. – URL: https://www.rcrskg.org/post/naryn-14–06 (дата обращения: 12.04.2024).
12. Межконфессиональный диалог в Кыргызстане: итоги и задел на будущее. – URL: https://cabar.asia/ru/mezhkonfessionalnyj-dialog-v–kyrgyzstane-itogi-i–zadel-na-budushhee (дата обращения: 12.04.2024).
13. Закон Туркменистана от 21.10.2003 № 199–II О свободе вероисповедания и религиозных организациях

(В редакции Законов Туркменистана от 02.07.2009, 03.05.2014, 16.08.2014). – URL: https://base.spinform.ru/show_red.fwx?rid=38496#A000000008 (дата обращения: 12.04.2024).
14. Силантьев Р.А. Исламо-христианский диалог в новейший период // Вопросы философии. – 2010. – № 9. – С. 177–183.

POLITICAL PROJECTIONS OF INTERRELIGIOUS DIALOGUE IN THE POST-SOVIET SPACE

Dontsev S.P.
Russian State University for the Humanities

Interreligious relations in the post-Soviet space are studied in the context of communication between state and religious institutions. Interreligious dialogue is considered in its institutional aspect in the formats of interreligious councils and forums. There are two basic types of interreligious councils involved in interactions with the state, according to the way they are formed: councils as institutions of civil society and councils as auxiliary institutions under state bodies. It is shown that in the post-Soviet space, the vast majority of interreligious communication platforms interacting with the state belong to the second type of councils. The functions of the institutions of interreligious dialogue in the socio-political processes in the post-Soviet space are also analyzed: peacemaking and mediation functions; articulation of the positions of the religious community in the face of state power; a group of functions related to state interests. It is concluded that when implementing these functions, mechanisms of "feedback" are formed between managers (state institutions) and managed (religious associations).

Keywords: interreligious dialogue, post-Soviet space, state-religious relations, religious policy, religious institutions, interreligious council.

References

1. Melnik S.V. Interreligious dialogue: typology, methodology, forms of implementation: monograph. – M., 2022. – 398 p.
2. Mchedlova M.M. Interreligious relations and social consolidation in Russia / Bulletin of the Russian Nation. – 2018. – No. 4 (62). – P. 112–29.
3. Shkarovsky M.V. Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev. – M., 2000. – 399 p.
4. Order of the President of the Russian Federation dated April 24, 1995 No. 192-rp "On the interaction of the President of the Russian Federation with religious associations." – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7764 (date of access: 04/12/2024).
5. Regulations on the advisory interfaith council under the Commissioner for Religious Affairs and Nationalities. Approved by order of the Commissioner for Religious Affairs and Nationalities dated December 30, 2008 No. 53. – URL: https://belarus21.by/Articles/kon_kos_pol (date of access: 04/12/2024)
6. Composition of the Advisory Interfaith Council under the Commissioner for Religious and National Affairs. – URL: https://belarus21.by/Articles/kon_kos_sostav (access date: 04/12/2024).
7. Interaction with religious associations. Committee for Religious Affairs of the Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/din/activities/1071?lang=ru&parentId=141 (date of access: 04/12/2024).
8. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan dated April 23, 2004 No. 196 "On further improvement of the activities of the Committee for Religious Affairs under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan." – URL: https://lex.uz/docs/295064? ONDATE=04/23/2004 (access date: 04/12/2024).
9. Regulations on the Committee for Religious Affairs under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan (Appendix No. 3 to the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan dated April 23, 2004 No. 196). – URL: https://nrm.uz/contentf?doc=56521_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (date of access: 04/12/2024).
10. The OSCE is promoting the formation of the first Interfaith Council of Kyrgyzstan / OSCE Program Office in Bishkek. – URL: https://www.osce.org/ru/programme-office-in-bishkek/479564 (access date: 04/12/2024).
11. Meeting of religious leaders and government agencies to strengthen interreligious dialogue. – URL: https://www.rcrskg.org/post/naryn-14–06 (access date: 04/12/2024).
12. Interfaith dialogue in Kyrgyzstan: results and groundwork for the future. – URL: https://cabar.asia/ru/mezhkonfessionalnyj-dialog-v–kyrgyzstane-itogi-i–zadel-na-budushhee (date of access: 04/12/2024).
13. Law of Turkmenistan dated October 21, 2003 No. 199–II On freedom of religion and religious organizations (As amended by the Laws of Turkmenistan dated July 2, 2009, May 3, 2014, August 16, 2014). – URL: https://base.spinform.ru/show_red.fwx?rid=38496#A000000008 (access date: 04/12/2024).
14. Silantiev R.A. Islamic-Christian dialogue in the modern period // Questions of Philosophy. – 2010. – No. 9. – P. 177–183.

Использование стратегии «мягкой силы» в образовательном пространстве стран СНГ

Манукян Артак Ростомович,
к.п.н., старший преподаватель кафедры государственного управления МГИМО МИД России
E-mail: a.manukyan@inno.mgimo.ru

Симоненков Виктор Сергеевич,
аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России
E-mail: victor.simonenkov@bk.ru

Целью данной статьи является осмысление возможности использования Россией стратегии «мягкой силы» в образовательном пространстве стран СНГ. Обращено внимание на то, что стратегия «мягкой силы» может иметь разновекторную направленность, нести в себе как созидательный, так и разрушительный потенциал. Автором определено, что на сегодня стратегия «мягкой силы» России, реализуемая на геополитическом пространстве стран СНГ с использованием возможностей системы образования имеет созидательную политическую направленность, обеспечивая национальные интересы и национальный суверенитет как России, так и стран СНГ, входящих в орбиту влияния «мягкой силы». В статье определены проблемы, связанные с развитием такого перспективного инструмента «мягкой силы», как Сетевой университет СНГ, определены направления, позволяющие повысить его эффективность в плане использования стратегии «мягкой силы» как объединительного ресурса современной политики. Обращено внимание на необходимость активизации деятельности уполномоченных органов с целью повышения эффективности деятельностями данного образовательного учреждения.

Ключевые слова: «мягкая сила», образование, политика, интеграция, экспансия, национальные интересы, национальный суверенитет.

Введение

Развитие человеческой цивилизации в начале XXI столетия демонстрирует стремление стран и народов к равноправному сотрудничеству во всех областях человеческой деятельности, что происходит на фоне кризиса однополярной системы мироустройства, возникновения новых центров силы (Россия, Китай, Бразилия), способных с успехом противостоять попыткам Запада навязать человечеству свое видение политического, социального, гуманитарного развития стран и народов. На этом фоне особую значимость обретают вопросы укрепления политических и иных взаимосвязей между государствами, имеющими общую историческую судьбу, разделяющими общие ценности и идеалы. Именно общая историческая судьба является тем скрепляющим элементом, который позволяет государствам образовывать стратегические союзы, основанные на понимании того, что сиюминутные политические выгоды не могут стать основанием национального суверенитета, подкрепленного общностью судеб народов. Выход за рамки традиционных «историко-политических пространств» имеет разрушительные последствия, ведет к тому, что народ теряет свою национальную самобытность, становится манипулятивным инструментом политического противостояния.

Распад СССР, ставший одним из трагических событий конца прошлого столетия, создал именно такую ситуацию, когда традиционное географическое и социальное, и ментальное пространство существования народов, было, фактически, разрушено и его существенную часть удалось сохранить благодаря взвешенной политике тех государств, которые стремились к сохранению государственного суверенитета, традиционно воспринимаемого как часть суверенитета глобального интеграционного объединения, каковым был Советский Союз. Именно поэтому, на смену распавшегося «геополитического гиганта» в 1991 году пришел новый политический проект – Союз Независимых Государств (СНГ), главной целью которого стало сотрудничество в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях между рядом стран, некогда входившими в состав СССР [17].

Россия еще 30 лет назад обозначила свои политические приоритеты в отношении СНГ как «создание интегрированного экономически и политически объединения государств, способного претендовать на достойное место в мировом сообществе» [19].

Говоря о достижении цели, связанной с обретением всеми странами – участниками СНГ «достойного места в мировом сообществе», следует обратить внимание на ведущую роль образования в обеспечении социально – экономического, культурного и научного развития государства. Именно образовательные системы создают интеллектуальный базис, на котором строится система всех иных социальных взаимоотношений, определяющих место страны в современном мире.

С другой стороны, образовательные системы являются основой формирования национальной идентичности, поскольку потенциал образования не исчерпывается исключительно передачей знаний, но и облада-

ет воспитательным воздействием, в процессе которого формируется личность, имеющая четкую гражданскую позицию, политические взгляды и способность к критическому восприятию текущей социальной и политической действительности и к отстаиванию своих внутренних убеждений.

В этом смысле современные системы высшего образования следует рассматривать не только в плане формирования интеллектуального потенциала наций и народов, но и как мощное средство достижения интеграционных политических целей, благодаря тому, что общность воспитательно-образовательных систем создает предпосылки для общности национальных менталитетов, которые, при всем их национальном своеобразии, имеют своим корнем осознание народом себя как части ранее существовавшего большого мира, способного к возрождению и обеспечению процветания тех национальных общностей, которые готовы к участию в новом интеграционном проекте на территории бывшего СССР.

Соответственно можно говорить о том, что в современном мире образование становится важным аспектом политического процесса, обеспечивая реализацию национальных и наднациональных политических проектов, благодаря своей способности формировать общественное мнение и восприятие политической действительности в русле ментального единства, обеспечиваемого воспитательно-образовательным воздействием на самосознание и самоидентификацию граждан, образующих единую нацию.

Таким образом, сказанное дает основание утверждать, что в настоящее время образование становится важнейшим элементом «мягкой силы», представляющей собой способность государства достигать своих политических целей, используя фактор воздействия на общественное сознание населения иных государств посредством демонстрации достижений в области науки, культуры, искусства, спорта, образования, формируя позитивный образ своей страны и получая в результате политические преференции, которые, в частности, выражаются в готовности граждан иных государств позитивно относится к интеграционным процессам, происходящим на постсоветском пространстве, утверждая Россию как центр, вокруг которого происходит объединение.

В тоже время, как указывают О. Савина и О. Шелухина, Россия и сегодня сохраняет статус своеобразного объединяющего «центра» на постсоветском пространстве, несомненно, оказывая влияние на развитие и ориентацию государств-членов СНГ. Однако авторитет России постепенно ослабевает. В ходе глобализации и интеграции бывших союзных республик в мировую систему, сокращается число рычагов управления и воздействия на данные территории [13].

Данный факт актуализирует вопросы использования стратегии «мягкой силы» в образовательном пространстве стран СНГ.

Литературный обзор

Вопросы использования стратегий «мягкой силы» с использованием различных инструментов, а также ее роль в политическом процессе рассматривали в последние годы Акифи Ахмад Хайбар [1], Андреев И.А. [2], Ушурелу О.В. [20], Федорченко С.Н. [21] и др.

В работах данных авторов убедительно доказана перспективность данного подхода к политическому взаимодействию и к продвижению национальной политической повестки.

Что касается вопросов, связанных с ролью образования в реализации стратегии «мягкой силы», то данную тему активно разрабатывают Гусевская Н.Ю. [5], Манукян А.Р. [8], Скоробогатова В.И. [15], Таланов С.Л. [18] и др. Данные авторы достаточно полно и всесторонне рассмотрели проблемы использования образовательных систем в продвижении политических приоритетов идей на основе создания единого образовательного пространства.

При этом, обратим внимание на то, что в работах таких авторов как Афанасьева К.А. [3], Калинин С.В. [7], С.Р. Унежева, С.А. Хафизова, Т.А. Жукова, И.И. Климова, С.Ю. Дронова [9] четко указывается на то, что, например, Болонская система является не просто глобальным образовательным проектом, но и становится фактором политического процесса, благодаря единству образовательных программ, методов и методик образовательной деятельности, благодаря чему у студентов формируется стандартный образ мышления «западного образца». В этой связи целиком обоснованным является решение России выйти из Болонского процесса, при острой необходимости создания на постсоветском пространстве его альтернативы.

При этом анализ работ позволяет говорить о том, что в настоящее время образование призвано формировать некий трехмерный темпоральный модуль, в котором прошлое представлено национальной и мировой классикой того знания, которое дает основание человеку отождествлять себя со своим народом и с ментально близкими народами; современная действительность – национальными интересами, практиками и идеями социального и политического развития общества и государства; будущее – желаемыми целями конструирования желаемых политических систем. В этой связи, безусловно, что образование должно находиться исключительно в подчинении национального государства, самостоятельно определяющего тенденции его интеграционного развития. Однако данное утверждение никоим образом не противоречит идеям взаимовыгодного международного сотрудничества и академического обмена, который обогащает национальные образовательные системы и позволяет достигать общности политического сознания, что особенно важно для развития современных глобальных интеграционных процессов, происходящих на фоне острого военно-политического противостояния.

Зарубежные авторы также указывают на то, что роль высшего образования во внешней политике государств в последние годы значительно возросла, главным образом, из-за серьезных преобразований в мировой экономике и борьбы за власть между странами. В сегодняшнем взаимосвязанном мире каждая страна прилагает усилия, чтобы повысить свою привлекательность и укрепить свои позиции на глобальном уровне. Однако в то же время многие страны теперь осознали, что применение устаревших принудительных мер жесткой силы для поддержания национальной безопасности и достижения целей внешней политики сопряжено со значительным риском негативных последствий и репутационного ущерба [25].

Также за рубежом обращают внимание на то, что «в последние годы Россия начала обширную кампанию по усилению своего влияния в Африке посредством образовательных инициатив, используя тактику «мягкой силы» для углубления связей с континентом» [24].

Таким образом, актуальность проблемы, которая поднята в данной статье, не вызывает сомнения и определяет ее **цель,** каковой является осмысление возможности использования Россией стратегии «мягкой силы» в образовательном пространстве стран СНГ.

Научная новизна данной статьи заключается в том, что автором указано на то, что стратегия «мягкой силы»

может иметь как созидательный, так и разрушительный потенциал, в зависимости от конечных целей, которые изначально ставятся при решении вопроса о целесообразности ее использования. Стратегия «мягкой силы» России с использованием возможностей образовательных систем на территории СНГ имеет именно позитивный контекст, позволяя защищать национальный суверенитет и национальные интересы стран – участниц СНГ.

Практическая ценность данного исследования состоит в том, что полученные результаты могут использоваться в дальнейшей разработке проблем развития системы образования в контексте продвижения интересов государства на международной арене.

Методология

В основе данного исследования лежит системный подход, позволивший представить проблему использования «мягкой силы» с опорой на возможности национальной системы образования как взаимосвязанную структурную политологическую концепцию, состоящую из учета воспитательного потенциала образования, его возможностей влиять на мировоззрение личности, формируя определенную общественно – политическую ситуацию в стране. При написании данной стати использовались **методы** анализа научной литературы, исследования проблематики воспитательно-образовательного процесса как инструмента продвижения политических интересов, структурирования проблем, связанных с деятельностью Сетевого университета СНГ.

Результаты и обсуждение

Современная ситуация в мире лишний раз подчеркивает взаимосвязь политики, экономики, гуманитарных основ национального развития и проблем, связанных с обеспечением процветания народов, объединенных в единые государства.

В тоже время, современный социально-политический процесс является настолько сложным и настолько динамично изменяющимся, что даже государства, избравшие своим национальным приоритетом полную изоляцию (например, Северная Корея), в последние годы стремятся к вхождению в политико-экономические союзы, понимая, что самостоятельно решить проблемы выживания в стремительно изменяющейся конфигурации геополитического пространства они не могут.

Именно то, что в настоящее время множество стран «открывают» свои границы для осуществления различных внешнеполитических, экономических, социальных и культурных контактов с Россией, определяет перспективность использования стратегии «мягкой силы» в процессе политического взаимодействия.

Следует сказать, что в отношении использования стратегий «мягкой силы» в политических процессах существуют различные мнения, в частности существует позиция, в соответствии с которой «мягкая сила» рассматривается как инструмент «мягкой экспансии», что отчасти верно. В данном случае, говоря о «мягкой силе» в категориях «экспансия» – «взаимодействие», важным является определение конечных целей такой «экспансии». Либо такими целями является подавление политической воли и подчинение народа иностранному влиянию с включением процессов «переформатирования национального сознания»; либо же речь идет о том, что с помощью «мягкой силы» достигается общая цель, которая отвечает интересам различных государств, имея ввиду их стремление к взаимному сближению. В этом, случае государства не препятствуют тому, чтобы различные инструменты «мягкой силы» использовались на их суверенных территориях, чем достигается синергетический эффект в области интеграции.

Рассматривая вопросы, связанные с мнением относительно того, что «мягкая сила» России является вызовом для постсоветских государств, стремящихся к достижению полного национального суверенитета, можно привести ряд аргументов, показывающих несостоятельность данной позиции. Главным из этих аргументов, видимо, является тот, что именно страны, которые готовы к всестороннему сотрудничеству с Российской Федерацией смогли в полной мере обеспечить свой национальный суверенитет, чему примером является политическая ситуация в Казахстане, Белоруссии, Кыргызстане.

Более того, участие этих стран в крупнейшем интеграционном проекте, каковым является Евразийский экономический союз, предоставляет им реальный экономический суверенитет, который обеспечивается, в том числе, и тесной интеграцией, предоставляющей возможности формирования условий стабильного развития экономик государств-членов; обеспечивает их стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [11].

Данный интеграционный проект, по сути своей, является примером реализации Россией, являющейся несомненным лидером Евразийского экономический союза, стратегии «мягкой силы», которая предполагает использование комплекса инструментов не столько «воздействия», сколько «взаимодействия», каковыми являются, в первую очередь, экономическая, энергетическая, миграционная политика.

Соответственно, можно сделать вывод, что стратегия «мягкой силы» с использованием возможностей образовательных систем со стороны России в политическом взаимодействии со странами СНГ не несет в себе экспансионистских угроз, поскольку отвечает интересам постсоветских государств в сохранении единства общего политико-экономического, культурного пространства, а также обеспечивает возможности дальнейшей интеграции и сохранения национального суверенитета в современной военно-политической ситуации.

Исследуя проблему современной заинтересованности государств в использовании стратегии «мягкой силы» в образовательном контексте, на примере России и Казахстана, исследователи отмечают, что с точки зрения Казахстана, образовательное сотрудничество с Россией улучшает уровень образования в Казахстане, способствует укреплению обмена кадрами с другими странами мира и углублению дальнейшей интеграции в международное сообщество. В свою очередь Россия получает возможность усиления влияния русского языка и российской культуры в Центральной Азии, обеспечения прав россиян в казахстанском обществе, укреплению авторитета РФ как региональной державы и защите государственных интересов российского государства [22].

Говоря о целесообразности использования образования как инструмента «мягкой силы», направленного на решение задач созидательного характера, имея ввиду обеспечение национального суверенитета и социально-экономического развития, следует сказать, что ранее, в рамках СНГ, уже осуществлялись шаги по созданию на территории данного интеграционного объединения образовательного пространства, позволяющего, как минимум, осуществлять академический обмен учебными программами, технологиями, а также развивать иные

формы сотрудничества между университетами. С этой целью еще в 1997 р. было заключено Соглашение о сотрудничестве в формировании единого (общего) образовательного пространства СНГ. Тогда же было принято Соглашение о сотрудничестве в области распространения знаний и образования взрослых; в 2001 г. было принято решение о создании и реализации Межгосударственной программы реализации концепции формирования единого (общего) образовательного пространства СНГ; в 2002 г. принят модельный Закон «Об образовании взрослых».

Фактически данные шаги были изначально направлены на то, чтобы создать проект интеграции образовательных систем в рамках СНГ, направленный на унификацию стандартов научно-образовательных систем на постсоветском пространстве, конкурируя в данном аспекте с Болонским процессом, при том, что основные идеи Болонского процесса были заложены в программные документы СНГ. Механизмы реализации этого проекта задекларированы в статье 3 Соглашения о гуманитарном сотрудничестве государств-участников СНГ, предполагает «реализацию совместных проектов в области образования, взаимодействие в области профессиональной подготовки и переподготовки кадров, согласование государственных образовательных стандартов всех уровней образования и т.д. [16].

Отметим, что, не смотря на единство целей, если Европе удалось осуществить проект создания единого образовательного пространства, включив в него на только страны Европы, но и ряд азиатских стран, создав уникальный инструмент «мягкой силы», то в геополитическом пространстве СНГ формирование единого образовательного пространства до сих пор находится в начальной стадии формирования.

Говоря о том, что в настоящее время невозможно констатировать наличие на территории СНГ единого образовательного пространства ученые отмечают проблемы с академической мобильностью, качеством образовательной деятельности, взаимного признания дипломов; также имеются трудности реализации российских образовательных программ в университетах СНГ, связанные с излишней идеологизацией проблем образовательного сотрудничества [6], [10].

Решить данные проблемы призван Сетевой университет Содружества Независимых Государств, который «учрежден в целях подготовки кадров по специальностям и (или) направлениям подготовки высшего образования, дополнительным профессиональным программам, образовательным программам дополнительного образования, а также реализации совместных научных и научно-технических проектов, которые представляют приоритетный интерес для экономического и социального развития государств – участников СНГ» [14].

Однако, при всем позитиве данной образовательной инициативы имеются факты, которые, по нашему мнению, снижают возможности России по участию в деятельности данной сетевой образовательной организации.

Во-первых, существенные претензии возникают по поводу того, что деятельность Сетевого университета СНГ основана на разработке и внедрении аналога программы «Эразмус Мундус» в рамках единого (общего) образовательного пространства государств-участников СНГ, о чем официально заявляется на сайтах ведущих университетов [4], [12].

Данная проблема возникает в связи с тем, что в 2022 году соответствующие органы ЕС приняли решение о невозможности участия всех российских общественных организаций в программах «Эразмус» [23], в связи с чем возникает принципиальный вопрос о возможностях ориентации Сетевого университета на данную программу в процессе организации своей деятельности.

Во-вторых, как представляется, существенными проблемами в деятельности Сетевого университета является отсутствие ряда специальностей, несомненно важных с точки зрения формирования единого политического видения ситуации в мире. В списке образовательных программ отсутствуют такие дисциплины как «политология», не представлены и программы по изучению мировой истории, весьма ограниченно представлены и программы по социологии, фактически основной упор сделан на направлении специализации «Социально-профессиональные стратегии молодежи»; «Социальная работа», специализация «Социальная работа в системе здравоохранения». Отсутствуют в Сетевом университете и программы по обществоведению, педагогике, культурологии, что значительно снижает ценность данного образовательного проекта в плане его общественно-политической значимости [14].

В третьих, условия присоединения к Сетевому университету СНГ (по крайней мере в части программ гуманитарного профиля) является весьма жестким и ставят искусственные барьеры на пути расширения гуманитарного образовательного пространства СНГ.

Указанные проблемы существенным образом ограничивают возможности России по использованию образовательного пространства Сетевого университета СНГ как инструмента «мягкой силы», требуют определения стратегии развития Сетевого университета без оглядки на западные образцы, более активной позиции со стороны ответственных ведомств по расширению списка направлений образования, а также устранения искусственных препятствий по присоединению университетов стран СНГ к деятельности Сетевого университета.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Система образования является весьма перспективным инструментом реализации стратегии «мягкой силы», поскольку ее воспитательные возможности способствуют формированию мировоззрения личности, что в результате формирует желаемую общественно-политическую ситуацию.

2. В настоящее время стратегия «мягкой силы» России, реализуемая на геополитическом пространстве стран СНГ с использованием системы образования, имеет созидательную политическую направленность, не является проявлением экспансионизма в политике, обеспечивает национальные интересы и национальный суверенитет, как России, так и стран, входящих в орбиту влияния «мягкой силы».

3. Одним из перспективных направлений реализации стратегии «мягкой силы» на территории постсоветских государств является деятельность Сетевого университета СНГ, позволяющего решать проблемы сотрудничества университетов, формирования единого образовательного пространства и улучшения качества образования. В тоже время данный университет, несомненно, является важным элементом сотрудничества стран СНГ. В настоящее время в деятельности данного Университета имеет место ряд проблемных аспектов (ориентация на западные стандарты организации деятельности, завышенный порог вступления в систему деятельности Университета, отсутствие важных направлений образования), что снижает его потенциал и требует активиза-

ции деятельности уполномоченных органов с целью повышения эффективности деятельности данного образовательного учреждения.

Литература

1. Акифи А.Х. Программы международных образовательных обменов и молодежного сотрудничества как инструменты «мягкой силы»: Дисс. … канд. полит. наук. – СПб., 2023. – 574 с.
2. Андреев И.А. Феномен «мягкой» силы: концептуальные, институциональные и технологические аспекты: Дисс. … канд. полит. наук. – Москва, 2023. – 223 с.
3. Афанасьева К.А. «Суверенное» будущее российского образования как политико-управленческая проблема // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 98–105.
4. Белорусский Государственный университет. – URL: https://ums.bsu.by/ru/am/cis-net-university
5. Гусевская Н.Ю. Продвижение российских магистерских программ на международном образовательном рынке в современных условиях // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 268–271.
6. Искаков И.Ж. Возможности экономической корректировки образовательного процесса в странах ЕВРАЗЭС // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2020. № 4. С. 263–271.
7. Калинин С.В. Проблемы интеграции отечественной и зарубежных систем образования в современном педагогическом процессе // Педагогтка и просвещение. 2024. № 1. С. 25–34.
8. Манукян А.Р. Роль образования в «мягкой силе» современного государства // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 133–138.
9. Новые вызовы развития поликультурного образования в России / С.Р. Унежева, С.А. Хафизова, Т.А. Жукова, И.И. Климова, С.Ю. Дронова // Мир науки, культуры, образования. 2024. С. 192–198.
10. Осадчая Г.И. Высшее образование в Евразийском экономическом союзе: потенциал и проблемы сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. № 1. С. 140–154.
11. Пынько Д.А. Текущие тенденции развития Евразийского Экономического Союза // Вестник науки. 2024. № 1. С. 83–88.
12. Российский университет Дружбы народов. – URL: https://www.rudn.ru/education/educational-programs/3326cf2f-c16b-11ec-815f-00155d320e03
13. Савина О., Шелухина О. Смена парадигм: трансформация национальной идентичности в постсоветских странах // Постсоветский материк. 2023. № 3. С. 27–37.
14. Сетевой университет содружества независимых государств. – URL: https://cis.minsk.by/page/19157/setevoj-universitet-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv
15. Скоробогатова В.И. Обучение иностранцев в России: от «мягкой силы» к экспорту образования // Образование и право. 2020. № 5. С. 165–174.
16. Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств–участников СНГ. – URL: http://www.cis.minsk.by/main.aspx?uid=3994.
17. Содружество Независимых Государств. – URL: https://mfa.gov.by/mulateral/organization/list/de97cf8b-d36d2fd9.html
18. Таланов С.Л. Качество высшего образования как потенциал «мягкой силы» России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4. С. 29–52.
19. Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств» (с изменениями на 31 августа 2005 года). – URL: https://docs.cntd.ru/document/9013448
20. Ушурелу О.В. Российская «мягкая сила» в Молдавии: особенности и эффективность измерения: дисс. … канд. полит. наук. Москва, 2020. 219 с.
21. Федорченко С.Н. Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: дисс. … доктор полит. наук. Москва, 2021. 564 с.
22. Юнь Пэйчжи. Сотрудничество России и Казахстана в области высшего образования в контексте единого (общего) образовательного пространства // Образование и право. 2020. № 4. С. 286–291.
23. Euporean Commission (8 апреля 2022). – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2332
24. How Russia uses education as a soft power tool in Africa. – URL: https://disinfo.africa/how-russia-uses-soft-power-to-grow-its-influence-in-africa-cf88cf0d911e
25. Priya Gauttam, Bawa Singh Education as a soft power resource: A systematic review. Heliyon. 2024, Vol. 10, Is. 1, e23736.

USING A “SOFT POWER” STRATEGY IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE CIS COUNTRIES

Manukyan A.R., Simonenkov V.S.
MGIMO-University

The purpose of this article is to understand the possibility of Russia using a “soft power” strategy in the educational space of the CIS countries. Attention is drawn to the fact that a “soft power” strategy can have a multi-vector orientation and carry both creative and destructive potential. The author has determined that today the “soft power” strategy of Russia, implemented in the geopolitical space of the CIS countries using the capabilities of the education system, has a creative political orientation, ensuring national interests and national sovereignty of both Russia and the CIS countries included into the orbit of “soft power” influence. The article identifies the problems associated with the development of such a promising instrument of “soft power” as the CIS Network University, and identifies directions to increase its effectiveness in terms of using the “soft power” strategy as a unifying resource of modern politics. Attention is drawn to the need to intensify the activities of authorized bodies in order to increase the efficiency of the activities of this educational institution.

Keywords: “soft power”, education, politics, integration, expansion, national interests, national sovereignty.

References

1. Akifi A.H. Programs of international educational exchanges and youth cooperation as tools of “soft power”: Diss. …cand. watered Sci. – St. Petersburg, 2023. – 574 p.
2. Andreev I.A. The phenomenon of “soft” power: conceptual, institutional and technological aspects: Diss. …cand. watered Sci. – Moscow, 2023. – 223 p.
3. Afanasyeva K.A. “Sovereign” future of Russian education as a political and managerial problem // News of Saratov University. New episode. Series Sociology. Political science. 2024. T. 24, issue. 1. pp. 98–105.
4. Belarusian State University. – URL: https://ums.bsu.by/ru/am/cis-net-university
5. Gusevskaya N. Yu. Promotion of Russian master’s programs on the international educational market in modern conditions // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2022. No. 12. pp. 268–271.

6. Iskakov I. Zh. Possibilities of economic adjustment of the educational process in the EURASEC countries // Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. 2020. No. 4. pp. 263–271.
7. Kalinin S.V. Problems of integration of domestic and foreign education systems in the modern pedagogical process // Pedagogtka and education. 2024. No. 1. pp. 25–34.
8. Manukyan A.R. The role of education in the "soft power" of the modern state // Social and humanitarian knowledge. 2023. No. 3. pp. 133–138.
9. New challenges for the development of multicultural education in Russia / S.R. Unezheva, S.A. Khafizova, T.A. Zhukova, I.I. Klimova, S. Yu. Dronova // World of science, culture, education. 2024. pp. 192–198.
10. Osadchaya G.I. Higher education in the Eurasian Economic Union: potential and problems of cooperation // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Sociology. 2024. No. 1. pp. 140–154.
11. Pynko D.A. Current trends in the development of the Eurasian Economic Union // Bulletin of Science. 2024. No. 1. pp. 83–88.
12. Peoples' Friendship University of Russia. – URL: https://www.rudn.ru/education/educational-programs/3326cf2f-c16b-11ec-815f-00155d320e03
13. Savina O., Shelukhina O. Paradigm change: transformation of national identity in post-Soviet countries // Post-Soviet continent. 2023. No. 3. pp. 27–37.
14. Network University of the Commonwealth of Independent States. – URL: https://cis.minsk.by/page/19157/setevoj-universitet-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv
15. Skorobogatova V.I. Education of foreigners in Russia: from "soft power" to the export of education // Education and Law. 2020. No. 5. pp. 165–174.
16. Agreement on humanitarian cooperation of the CIS member states. – URL: http://www.cis.minsk.by/main.aspx?uid=3994.
17. Commonwealth of Independent States. – URL: https://mfa.gov.by/mulateral/organization/list/de97cf8bd36d2fd9.html
18. Talanov S.L. The quality of higher education as the potential of Russia's "soft power" // World of Russian-speaking countries. 2022. No. 4. pp. 29–52.
19. Decree of the President of the Russian Federation "On approval of the Strategic Course of the Russian Federation with the member states of the Commonwealth of Independent States" (as amended as of August 31, 2005). – URL: https://docs.cntd.ru/document/9013448
20. Ushurelu O.V. Russian "soft power" in Moldova: features and effectiveness of measurement: dissertation. …cand. watered Sci. Moscow, 2020. 219 p.
21. Fedorchenko S.N. Technologies of legitimation of political regimes in the conditions of digitalization: dissertation. … doctor watered. Sci. Moscow, 2021. 564 p.
22. Yun Peizhi. Cooperation between Russia and Kazakhstan in the field of higher education in the context of a single (common) educational space // Education and Law. 2020. No. 4. pp. 286–291.
23. Euporean Commission (April 8, 2022). – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2332
24. How Russia uses education as a soft power tool in Africa. – URL: https://disinfo.africa/how-russia-uses-soft-power-to-grow-its-influence-in-africa-cf88cf0d911e
25. Priya Gauttam, Bawa Singh Education as a soft power resource: A systematic review. Heliyon. 2024, Vol. 10, Is. 1, e23736.

Система международных отношений в контексте инициативы «Пояс и путь»

Чжан Шуюй,
магистр. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: zzsy0627@163.com

Данная статья ставит своей целью определить некоторые ключевые положения, касающиеся системы международных отношений в процессе развития сотрудничества между Китаем и другими странами в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В статье использовались исторический метод, метод политического анализа, аналитический метод, сравнительный метод. Как показали результаты исследования, китайский проект, предложенный Си Цзиньпинем в 2013 году и охвативший большое количество стран, не ограничивается только на торгово-экономическим сотрудничеством, но и способствует укреплению системы международных отношений, помогая стабилизировать политические ситуации на основе многополярного мира. Автор статьи делает вывод, что политика КНР не носит гегемонический характер, а направлена на построение гармоничного мира и укреплению политического, экономическеого и культурного взаимодействия между странами и регионами.

Ключевые слова: международные отношения, гегемония, многополярность, Китай, Си Цзиньпин.

Введение

За последние пять лет серьезно изменился внешнеполитический курс Китайской Народной Республики. На протяжении десятилетий КНР следовала стратегии Дэн Сяопина, которая заключалась в том, чтобы не только сохранять нейтралитет в международных делах, но и «оставаться в тени», когда решаются глобальные проблемы на международной арене. Но с тех пор как Си Цзиньпин занял пост председателя КНР, Китай стал проводить более взвешенную внешнюю политику, которую многие западные наблюдатели интерпретируют как агрессивную. Российские политологи опровергает эту интерпретацию, подчеркивая зависимость интересов Пекина в международной среде. Действительно, международные партнеры Китая, включая Европейский союз (ЕС) и его государства-члены, обладают огромным потенциалом влияния на траекторию китайской внешней политики. Однако, Китай по многим вопросам международной политики старается не поддаваться на «провокации» со стороны западных стран и выстраивать свою внешнюю политику в соответствии с политическими реалиями современной эпохи. В тот период, когда в мире активно начала рушиться однополярная система международных отношений, построенная на гегемонии США, и над горизонтом забрезжил рассвет многополярного мира, председатель КНР Си Цзиньпин выступил с инициативой реализации проекта «Один пояс, один путь», который, по задумке Китая, должен был предложить огромный выбор возможностей для международного сотрудничества и развития.

Результаты

Когда в 2013 году китайским лидером Си Цзиньпином был запущен проект «Один пояс, один путь», объединивший семьдесят государств мира с целью укрепления торгово-экономических отношений между ними, оказалось, что данная китайская инициатива, несмотря на ее финансово-экономический контекст, может оказать большое влияние и на нынешнюю систему международных отношений.

Подобная точка зрения связана с тем фактом, что инициатива «Пояс и путь» (ПП) – не односторонняя стратегия Китая, преследующего только собственные интересы, а «общее дело» всех государств, заинтересованных в сотрудничестве (прежде всего, экономическом) не только с Китаем, но и между собой. Как отметил в одном из своих выступлений Си Цзиньпин, проект, хоть и зародился в Китае, но «принадлежит миру», «ориентирован на Азию, Европу и Африку», а поэтому «открыт для всех партнеров» [4].

Однако, многие государства, особенно европейские и, естественно США, относятся к ПП с определенной долей скептицизма, рассматривая инициативу как геополитическую игру, затеяв которую Китай стремится увеличить свое влияние на сферу глобальной политики. По мнению западных аналитиков, ПП, благодаря стратегическому «повороту в Азию», дает возможность КНР конкурировать с США, не скрывая своих амбиций. Кроме того, ПП поставил Китай на путь еще большего сближения с Россией, у которой на фоне известных политических событий до крайней степени осложнились отношения не только с самими Соединенными Штатами,

но и с рядом европейских государств, что привело к созданию двух противоборствующих коалиций: «Россия + Китай» и «США + Евросоюз» [1, с. 116]. В связи с этим практически весь Запад во главе с США решительно выступает против ПП. Но чем чаще слышатся недовольства со стороны «коллективного» Запада в сторону китайской инициативы, тем большую поддержку получает китайский проект со стороны большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки. Правда, как отмечают политологи, отношение к ПП у европейских стран может и измениться. Всё зависит от внутриполитических ситуаций в этих государствах (например, при формировании новых правительств) и от международной обстановки.

Пригласив всю мировую общественность к диалогу (со многими государствами в рамках ПП Китай уже подписал меморандумы и соглашения, касающиеся запуска конкретных ключевых проектов), КНР намерена изменить систему международных отношений, но не в том контексте, который обозначен США и их сателлитами. Все усилия Китая по укреплению международных связей и установлению нового мирового порядка не сводятся к тому, чтобы «бросить вызов американским интересам, ценностям и благосостоянию», как об этом сказано в «Стратегии национальной безопасности» США, принятой в октябре 2022 года, и не направлены на то, чтобы, согласно этой же Стратегии, используя свой технологический потенциал и растущее влияние на международные институты, стать гегемоном, ведущей мировой державой, потеснив США [5]. Цель Китая – путем международного сотрудничества в рамках инициативы построить «мост» между странами и народами, предложив новый путь гармоничного развития международных отношений.

Обсуждение

В октябре 2017 года председатель КНР Си Цзиньпин в своем докладе на 19-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (КПК) обозначил новую роль Китая в международной политике, заявив, что наступила эпоха, когда Китай займет центральное место на мировой арене и внесет больший вклад в развитие человечества. «Китайская Народная Республика, – подчеркнул китайский лидер, – может стать «мощной силой» при решении вопросов международной политики» [6].

Анализ выступлений китайских лидеров на партийных съездах за последние 20 лет показывает, что ни один председатель КНР не называл Китай «великой» и «сильной» державой чаще, чем это делает Си Цзиньпин в своих программных речах. Однако, нынешний председатель, несмотря на то, что верит в потенциал своей страны, подчеркивает, что Китай не намерен становиться империалистической державой и не стремится к международной гегемонии.

Придерживаясь во многих своих выступлениях позиции, что Китайская Народная Республика никогда не будет стремиться к глобальному доминированию, Си Цзиньпин дает понять, что «китайской угрозы», о которой так любят говорить на Западе, на самом деле нет и что Китай при принятии решений учитывает не только собственные интересы, но и интересы своих международных партнеров. Китай, по мысли Си Цзинпина, всегда будет стремиться к конструктивному диалогу потому что «ни одна страна не может в одиночку решить множество проблем, стоящих перед человечеством» [6].

Подобная идеология заложена в предложенной КНР инициативе «Пояс и путь», направленной, как пишут китайские СМИ, на «соединение европейского, азиатского и африканского континентов и прилегающих к ним морей, на установление и укрепление партнерских отношений между государствами, расположенными вдоль Пояса и пути, на создание многомерных, многогранных многоуровневых и сложных сетей связи и обеспечение диверсифицированного, независимого, сбалансированного и устойчивого развития в этих странах» [3, с. 48–49].

Как же реализуется план Китая по созданию новой системы международных отношений в контексте инициативы «Пояс и путь»? Этот план можно обозначить следующими концептуальными положениями, заложенными в данном проекте.

1. Укрепление политической координации.

На основе принципа поиска точек соприкосновения при сохранении различий должны быть разработаны программы по развитию регионального сотрудничества и приняты конкретные меры по укреплению этого сотрудничества между бизнес-структурами стран-участниц инициативы «Пояс и путь».

2. Ускорение строительства единой дорожной сети.

Речь идет о формировании транспортной сети, соединяющей Западную, Восточную и Южную Азию, что создаст благоприятные возможности для торгово-экономического развития стран-участниц проекта и укрепления дружбы между их народами.

3. Укрепление торговых и экономических отношений

Сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и путь» не только способствует ускорению процесса внешней торговли, но и снижает торговые издержки, а также ускоряет приток инвестиций.

4. Укрепление национальной валюты

В 2016 году юань вошел в корзину резервных валют Международного валютного фонда. Это дало возможность укрепиться не только юаню, но и другим национальным валютам, одновременно снизив риски на финансовых рынках и повысив конкурентоспособность региональных экономик [3, с. 49].

5. Укрепление отношений между народами.

Межгосударственные отношения строятся на основе взаимного расположения народов друг к другу. Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул необходимость активизации дружественных контактов для укрепления взаимопонимания между нациями.

Сегодня «Пояс и путь» является самым важным проектом современности, в который вовлечено несколько десятков стран. Конечно, самыми главными достижениями этого проекта являются создание транспортной инфраструктуры, расширение торговых связей, увеличение инвестиций, международное строительство зон свободной торговли, финансовое сотрудничество, культурный обмен и многое другое, что способствует социально–экономическому развитию самого Китая и стран, поддержавших китайскую инициативу. Но не будет забывать, что в процессе совместной деятельности, охватывающей множество сфер, создаются благоприятные условия для смягчения напряженности и укрепления взаимного доверия не только между соседними, но и более отдаленными друг от друга странами, ведь тесные экономические, торговые, культурные и другие связи между народам помогают устранить враждебность и содействуют сотрудничеству в политической сфере и в сфере безопасности.

Заключение

Сегодня Китай, действительно, приобретает статус великой державы и, благодаря росту национальной силы, уверенности и глобального влияния, вскоре может занять достойное место на международной арене. По прогнозам директора Российского совета по международным

делам Ивана Тимофеева, будущее международных отношений будет связано с конкуренцией проектов по установлению мирового порядка. И тогда Пекин обязательно представит представить миру собственный проект мироустройства, но при этом возьмет на себя роль лидера [2]. Правда, такой проект уже был однажды предложен Китаем, что произошло в эпоху правления Ху Цзиньтао. Этот проект, а точнее модель развития человечества, назывался «Гармоничный мир». Согласно этому проекту, мир только тогда может стать гармоничным, когда он представлен «разнообразием культур, ценностей, экономических и политических систем», «сетью независимых государств, стремящихся к процветанию и мирно сосуществующих друг с другом на основе взаимной выгоды и здоровой конкуренции». Однако никакой стратегии для реализации своей концепции гармоничного мира Ху Цзиньтао так и не предложил [1, с. 117]. Это сделал за него Си Цзиньпин, который на примере инициативы «Пояс и Путь» показал, как можно построить гармоничный мир. Суть подхода лидера КНР к построению новой системы международных отношений заключается в следующем: чтобы создать «сообщество единой судьбы человечества», в котором будут царить мир и гармония, необходимо всем народам объединиться и работать сообща во имя будущего.

За десять лет китайская инициатива «Один пояс, один путь» добилась существенного прогресса. Однако «Пояс и путь», на наш взгляд, все еще находится на стадии развития. За такой короткий период пока еще трудно оценить истинную величину и достигнутые результаты этого крупномасштабного проекта, в котором оказались задействованными огромное количество участников и который требует колоссального финансирования. За короткий период реализации проекта «Один пояс, один путь» пока еще сложно оценить его истинную величину и ожидаемые результаты. Но его эффективность, вне всякого сомнения, будет зависеть не столько от внутренних, сколько от внешних факторов. Иными словами, взаимовыгодное сотрудничество между странами в рамках данного проекта зависит от выбранных ими политических курсов. Положительные сдвиги в социально-экономическом развитии как самого Китая, так стран-партнеров, произойдут только при условии сохранения стабильности взаимоотношений и укрепления взаимодоверия между ними.

Литература

1. Динь Ле Хонг Занг. Китайская инициатива «Пояс и путь» и ее влияние на формирование новой системы международных отношений // Ученые записки Крымского федерального университета. Сер. Философия. Политология. Культурология. – 2019. – Т. 5 (71). – № 4. – С. 115–124.
2. Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений. – М.: Спец. книга, 2014. – 48 с.
3. Цзинь Сяоли, Дуйсекина А.Б., Ашинова Ж.Е. Геополитические аспекты международной инициативы Китая «Один пояс, один путь» // Вестник КазН У. Сер. Международные отношения и международное право. – 2019. – Т. 86. – № 2. – С. 46–54.
4. Hang Yuan. The Belt and Road Initiative and international relations theories: Challenges and a new research agenda // Вестник СПбГУ. Сер. Международные отношения. – 2020. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 33–46.
5. National Security Strategy. – Washington: White House, 2022. – 48 p.
6. Rühlig T. A new Chinese foreign polics under Xi Jinping // Focus Asia. – 2018. – March 2 [Электронный ресурс].

THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Zhang Shuyu
Lomonosov Moscow State University

The purpose of the article is to identify some key points concerning the system of international relations in the process of developing cooperation between China and other countries in the framework of One Belt, One Road initiative. Historical method, political analysis method, analytical method, and comparative method are used in the article. As the results of the study showed, the Chinese project proposed by Xi Jinping in 2013 and covering a large number of countries is not limited only of trade and economic cooperation, but also contributes to strengthening the system of international relations, helping to stabilize political situations on the basis of a multipolar world. The author of the article concludes that China's policy is not hegemonic in nature, but is aimed at building a harmonious world and strengthening political, economic and cultural interaction between countries and regions.

Keywords: international relations, hegemony, multipolarity, China, Xi Jinping.

References

1. Dinh Le Hong Zang. Chinese Belt and Road initiative and its impact on the formation of a new system of international relations // Scientific Notes of the Crimean Federal University. Serie. Philosophy. Political science. Cultural Studies. – 2019. – Vol. 5 (71). – No 4. – Pp. 115–124.
2. Timofeev I.N. World order or world anarchy? A look at the modern system of international relations. – Moscow: Special book, 2014. – 48 p.
3. Jin Xiaoli, Duisekina A.B., Ashinova J.E. Geopolitical aspects of China's international One Belt, One Road initiative // Bulletin of KazN U. Serie International relations and international law. – 2019. – Vol. 86. – No 2. – Pp. 46–54.
4. Hang Yuan. The Belt and Road Initiative and international relations theories: Challenges and a new research agenda // Bulletin of Saunt–Petersburg Humanitarian Univercity. Serie International relations. – 2020. – Vol. 13. – Issue. 1. – Pp. 33–46.
5. National Security Strategy. – Washington: White House, 2022. – 48 p.
6. Rühlig T. A new Chinese foreign polics under Xi Jinping // Focus Asia. – 2018. – March 2 [Electronic resource].

Международные отношения в Европе: современные проблемы и перспективы («круглый стол»)

В студенческой Лаборатории европейских исследований Дипломатической академии МИД России под руководством доктора политических наук, профессора Феофанова К.А. состоялся «Круглый стол» **«Международные отношения в Европе: современные проблемы и перспективы»**. Ниже мы публикуем выступления его участников в сокращении.

Вопросами, представленными к обсуждению, стали новые явления во внутренней и внешней политике европейских стран. Рассматриваются проблемы и перспективы международных отношений в Европе в условиях постбиполярной системы международных отношений, политические процессы, связанные с политикой Европейского союза, Финляндии, Франции, Италии, Румынии, проблемы евроскептицизма, деятельность НАТО, возможные способы разрешения косовского конфликта, возможности культурной дипломатии.

Ключевые слова: Европа; Европейский союз; международные отношения; постбиполярная трансформация; трансформация мирового порядка; Финляндия; Франция; Вишеградская группа; Чехия; Италия; Румыния; Каталония; НАТО; евроскептицизм; косовский конфликт; культурная дипломатия; курдский вопрос; транснациональные корпорации; Россия.

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры Международных отношений Дипломатической академии МИД России
E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

Feofanov K.A., doctor of political sciences, professor, professor of the chair of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Особенности международных отношений в XXI веке

Peculiarities of international relations in the XXI century

Для трансформирующейся системы международных отношений в XXI веке характерен динамизм как имманентное качество и постоянный источник противоречий, встроенная противоречивость международных отношений нескольких сверхкрупных игроков. Продолжается укрепление национальных государств, по сравнению с другими акторами международных отношений. Прежний статичный миропорядок, основанный на государственных суверенитетах, сменяется более сложным вследствие своей многоуровневости, миропорядком, предполагающим, наряду с национальными государствами, активную роль международных организаций, Европейского союза, НАТО, «Группы семи», «Группы двадцати», транснациональных корпораций и других межгосударственных и негосударственных интеграционных структур, каждая из которых имеет собственные интересы и приоритеты. Международные отношения в XXI веке характеризуются конкурентным и противоречивым взаимодействием уже заявивших о себе нескольких крупных игроков, попеременным усилением и ослаблением противостоящих государств и их союзов, возникновением и сопряжением новых интеграционных платформ.

К третьему десятилетию XXI века сложились многоуровневые союзы крупных групп современных «великих держав», которые имеют выраженную противоположную направленность. С одной стороны – США и другие страны «коллективного Запада», – Великобритания, Германия, Франция и другие. С другой – Китай, Россия, Индия, Бразилия и ЮАР (члены БРИКС), Турция, Иран, КНДР, арабские государства Ближнего Востока и страны «глобального Юга». Сложившаяся конфигурация не имеет чётко выраженной иерархической «биполярной» структуры времён «холодной войны» и даже не стремится к ней как к наиболее устойчивой. «Роли» в рядах «союзников» могут меняться в зависимости от ситуации. Одно государство может быть заменено другим, или государство, временно «покинувшее» коалицию или группу интересов, может вернуться в первоначальный ситуативный альянс.

Современная конфигурация стремится не к «биполярности», а к пентархии пяти наиболее сильных государств, число которых не делится на два противоборствующих лагеря и состав которых может меняться вследствие попеременного усиления или ослабления

то одного, то другого центра силы. Однако, несмотря на противоречия, идентичности союзников с каждой из противоборствующих сторон обретают всё более выраженные и устойчивые очертания, в XXI веке будучи связаны со множеством противоречащих друг другу нарративов, поисков «собственного пути», характерных для постбиполярной эпохи, таких как суверенитеты национальных государств, западные либеральные демократии, кризис монопольного американоцентричного миропорядка, цивилизационные и религиозные солидарности, дискурсы антиколониального освобождения. Данные постбиполярные идентичности реализуются на множестве различных институциональных уровней, которые мы можем рассмотреть далее на примерах различных стран и международных отношений в Европе и за её пределами.

Попович Иван Владимирович, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: popovich.i2019@gmail.com

Popovich I.V., student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Вступление Финляндии в НАТО: причины и последствия

Finland's accession to NATO: causes and consequences

Решение финляндского руководства о вступлении в Североатлантический альянс не было случайным и непредсказуемым. Ещё с 1990-х годов страна проводила политику осторожного сближения с НАТО, присоединившись к ряду программ организации. Задолго до событий 2022 года территория Финляндии была открыта для достаточно частых совместных учений со странами-членами Альянса. Политическая дискуссия о необходимости вступления Финляндии в НАТО непрерывно продолжалась с 2014 года. Это было во многом связано с произошедшими на территории Украины событиями. На итог дебатов повлияло начало в феврале 2022 года масштабного российско-украинского конфликта.

Отказ Финляндии от политики нейтралитета в данных обстоятельствах выглядит достаточно логичным, ведь Финляндия не смогла бы в одиночку обеспечивать свою безопасность в случае полномасштабной войны в Европе, угроза которой в наше время существенно возросла. Однако неизбежно возникает другой вопрос – почему финляндское государство обратилось за помощью в обеспечении своей безопасности к Западу, а не к России – своему историческому партнёру? Ответ на данный вопрос можно найти в истории финляндской государственности. Сложно отрицать факт наличия глубоких политических, культурных, социальных и экономических связей Финляндии со Швецией, возникших в тот период, когда два государства существовали как единое целое. Сформировавшиеся подобным образом связи Финляндии с Западом сохранились и в период её существования в составе Российской империи, и в эпоху сотрудничества с СССР. Финляндская республика более тесно ассоциирует себя с Европой и западными ценностями, чем с Россией.

Несомненно, интеграция Финляндии в Североатлантический альянс будет включать милитаризацию данного государства и развитие им тесного партнёрства в военной сфере со странами, которые российское руководство считает «недружественными». Сценарий размещения на территории данной североевропейской республики ядерного оружия представляется маловероятным, поскольку содержит больше угроз, чем преимуществ. Отношения России и Финляндии в ближайшие годы останутся напряжёнными, однако экономические связи, существовавшие между странами ранее, могут стать основой для постепенного возрождения партнёрства. Вступление Финляндии в НАТО принесло стране как выгоды в вопросе национальной безопасности, так и трудности, и угрозы в политической и экономической сферах. Отказ от нейтралитета является окончательным и необратимым. Необходимо прилагать максимум усилий для сокращения рисков дополнительной эскалации в отношениях России и Финляндии, и готовиться к моменту, когда обе страны снова будут готовы восстановить взаимовыгодное экономическое партнёрство.

Аляутдинов Марсель Камилевич, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: marsel.alyautdinov@yandex.ru

Alyautdinov M.K., student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Роль «Курдского вопроса» в процессе вступления Финляндии в НАТО

The role of the "Kurdish issue" in the process of Finland's accession to NATO

До 2022 правительство Финляндии критиковало Турцию за политику по отношению к курдам, характеризуя её как «националистическую». На данный момент в Финляндии проживает 16 тыс. курдов. В Финляндии проводились мирные антитурецкие митинги, Союз Курдов Финляндии и Рабочая Партия Курдистана активно участвовали в политической жизни Финляндии.

В 2019 году Финляндия поддержала эмбарго на поставки оружия в Турцию и отказала в экстрадиции лиц, участвовавших в деятельности курдских организаций, утверждая, что их действия не противоречат международному праву. Такая политика только усугубляла напряжённость в отношениях с Турцией. В 2010 году Турция отозвала своих послов из Финляндии. В мае 2022 года Турция заблокировала заявки Швеции и Финляндии на вступление в НАТО. У Турции были определённые требования: ограничение поддержки политической и военной деятельности РПК и ОНС, закрытие всех курдистанских представительств и СМИ, экстрадиция всех лиц, которые, по мнению Турции, причастны к террористической деятельности, снятие оружейного эмбарго. В июне 2022 Финляндия подписала «Мадридский меморандум», согласно которому обязалась расследовать и пресекать любое финансирование и вербовочную деятельность Рабочей партии Курдистана, а также рассматривать запросы Турции об экстрадиции подозреваемых в терроризме.

Подписание меморандума в Мадриде вызвало негодование среди курдов. РПК назвала документ «одобрением геноцида курдов», а действия Финляндии «лицемерными». Союз Курдов Финляндии заявил, что данный меморандум является индикатором укрепления внутренней политики Эрдогана и ослабления оппозиционных партий. Однако ни один курд так не был отправлен в Турцию: курды экстрадируются лишь в случае нарушения внутреннего законодательства и помещаются в тюрьму на территории Финляндии, или депортируются, в основном, в Ирак.

Согласно заявлению президента Финляндии, в вопросе экстрадиции страна намерена действовать в соответствии с собственным законодательством и международными соглашениями, не следуя частным интересам политиков. Однако сами условия Мадридского соглашения могут быть использованы как рычаг давления на Финляндию и её политику по отношению к курдам. Во время президентских выборов в Турции в мае

2023 года главным оппонентом Эрдогана был лидер турецкой оппозиции Кемаль Кылычдароглу, который выразил несогласие с частью Мадридского соглашения, которая, по его мнению, ущемляет права курдов. Дальнейший ход финно-турецких отношений будет включать взаимодействие в антитеррористической и оборонной сферах. Вероятнее всего, в связи с тем, что правящие в Турции силы смогли удержаться у власти, политика страны в отношении Финляндии не будет существенно изменена.

Овчинников Владимир Сергеевич, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: ovs200@mail.ru

Ovchinnikov V.S., student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Современный косовский конфликт и возможные пути его разрешения

The modern Kosovo conflict and possible ways to its resolution

В 2024 году исполняется 25 лет резолюции 1244 Совета Безопасности ООН, принятой 10 июня 1999 г. единогласно постоянными членами СБ ООН. Совет Безопасности обозначил конкретные ориентиры мирного разрешения кризиса вокруг Косово на основе фундаментальных принципов суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославии (СРЮ) и адекватного обеспечения законных интересов всех этнических групп, составлявших население края. Согласно Брюссельским соглашениям 19 апреля 2013 года о нормализации отношений между Белградом и Приштиной, в Косове должно быть создано Сообщество сербских муниципалитетов (ССМ) – орган самоуправления сербов, живущих в непризнанной республике. Вучич неоднократно заявлял, что его страна выполнила свою часть Брюссельских соглашений, тогда как косовары только начали разрабатывать устав ССМ, а затем приостановили этот процесс. Лидер непризнанного «Косова» Хашим Тачи заявлял, что создание ССМ приведёт к появлению «второй Республики Сербской», и это нарушает конституцию так называемой «Республики Косово», что и сегодня повторяет наследник Хашима Тачи – Альбин Курти. Таким образом, вышеуказанный международный договор снова не выполняется, а гарант-посредник в лице ЕС ничего не решает и никакие рычаги давления не применяет к временным институтам Косово.

В 2023 году между Александром Вучичем и Альбином Курти прошли переговоры при посредничестве ЕС. Было устно принято Соглашение о пути к нормализации отношений между Косово и Сербией, неофициально известное как «Охридское соглашение». Однако подобные договоры необязательны к исполнению и предполагают только нравственные последствия. Косовская проблема уже 25 лет является одним из главных факторов нестабильности на Балканах. Возможные практические действия могут включать следующее. Должны быть найдены приемлемые компромиссы, которые будут в равной степени отвечать интересам ключевых действующих лиц (Сербия, косовские сербы, косовские албанцы, Албания) и интересам крупнейших держав – постоянных членов Совета безопасности ООН. Также могут быть разработаны концептуальные инструменты по принуждению стран соблюдать международное право, в данном случае за невыполнение резолюции 1244 СБ ООН и остальных международных договоров, введением на площадках ООН санкций и штрафов. Также необходимо обсудить возможность признания миссии EULEX и KFOR несостоятельными, неэффективными и не соблюдающими основные принципы миротворчества. Целесообразно введение постоянных миротворческих сил ООН по поддержанию мира при непосредственном участии стран – постоянных членов СБ ООН. Важно установить для стран – постоянных членов СБ ООН зоны ответственности миротворческих сил (Приштина, Митровица, Печ, Призрен, Урошевац).

Антипов Даниил Романович, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: daniil.antipov@icloud.com

Antipov D.R., student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Кризис африканской политики Франции при администрации Э. Макрона

The crisis of France's African policy under the administration of Emmanuel Macron

Начало 2020-х годов стало, вероятно, худшим периодом в истории африканской политики Франции. По зоне Сахель прокатилась настоящая «эпидемия» государственных переворотов антифранцузской направленности (в Мали в 2020–2021, в Буркина-Фасо в 2022, в Нигере в 2023 годах). В результате военные контингенты Пятой республики были выведены из стран, ранее считавшихся её бастионами на Черном континенте. Столь стремительная «сдача позиций» в регионе позволяет говорить о том, что африканское направление внешней политики Франции пребывает в кризисном состоянии.

К этому привели следующие внешние факторы: 1) ранее благосклонные США заняли более критичную позицию по отношению к выгодному в эпоху биполярности влиянию своего европейского союзника в Африке; 2) политическое руководство ЕС выступило за постепенный переход от национальных внешних политик к единой европейской программе действий и, соответственно, за смену формата отношений двух частей света; 3) в самой Африке Париж понес значительные имиджевые потери из-за поддержки авторитарных и порой антигуманных правящих режимов; 4) Франция столкнулась с проникновением в Африку новых претендентов на влияние и лидерство (в экономической области – китайских, турецких и американских компаний, в сфере безопасности и СМИ – России).

Предшественники Э. Макрона в своём стремлении изменить образ Франсафрик также допустили геополитические просчеты: 1) доктрина Николя Саркози «ни вмешательства, ни безучастности» поколебала первый из трёх столпов Франсафрик – поддержку дружественных режимов, вследствие чего Франция потеряла ряд важных союзников в Западной Африке; 2) застопорившаяся операция «Бархан», начатая Франсуа Олландом в 2014 году для борьбы с джихадистами в Сахеле, поставила под сомнение способность Франции и далее «поставлять безопасность» в Африку.

Э. Макрон сделал всё, чтобы полностью покончить с постколониальным подходом, ускорив распад системы Франсафрик. Его африканская политика зиждется на следующих столпах: 1) постепенный переход к кооперации в формате не Франция-Африка, а ЕС-Африканский союз с передачей части полномочий наднациональным институтам; 2) развитие диалога по вопросам борьбы с изменением климата, демографии, гендерного равенства, урбанизации, демократизации, предотвращения нелегальной миграции, борьбы с терроризм-

мом и религиозным экстремизмом, молодёжной образовательной политики, здравоохранения и финансирования НПО, а также выделения средств на эти нужды; 3) реформа франка КФА и отказ от французского влияния на финансовую систему и бюджеты стран Западной Африки (ликвидация второго – экономического столпа Франсафрик); 4) уменьшение военного присутствия Франции в пользу местных силовых структур (ослабление третьего – военного столпа Франсафрик).

Однако нарастание волны государственных переворотов в Сахеле позволяет говорить об идеалистичности новой концепции. Точка бифуркации была достигнута в 2017 году, когда африканское направление французской внешней политики обрело на практике «прогрессивный», отличный от постколониального характер. Точка невозврата же была пройдена в 2023 году, когда наиболее важный государственный переворот в Нигере не встретил достойного ответа Франции. Сейчас у республики остаётся ряд стратегических союзников в регионе (Кот-д'Ивуар, Сенегал, Джибути, Чад и Габон), но и эти страны ничто не ограждает от уже ставших тенденцией антифранцузских путчей. В этом смысле Чад, Габон и Гвинея представляются наиболее близкими к пополнению списка стран, покинувших орбиту бывшей метрополии. Таким образом, при продолжении следования выбранному курсу Франция будет подходить всё ближе к полной утрате прежде привилегированного положения в Африке.

Кирьянова Виктория Сергеевна, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: victoria-kiryanova02@yandex.ru

Kiryanova V.S., student, of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Вишеградская группа в XXI веке: особенности внутриблокового взаимодействия стран-участниц

The Visegrad Group in the XXI century: features of intra-bloc interaction of the participating countries

Вишеградская группа (V4), состоящая из Польши, Чехии, Словакии и Венгрии, является своеобразным связующим звеном между западной и восточной Европой. Заинтересованность европейского сообщества в рассматриваемых восточноевропейских странах объясняется тем, что они отличались внушительной динамикой экономического развития в Совете экономической взаимопомощи, поэтому именно с V4 США и европейские страны начали «программу помощи» Восточной Европе в целях её «демократизации» после окончания «холодной войны».

Благоприятные предпосылки к объединению столкнулись с менее перспективной реальностью уже в первые годы существования V4. Причина несбалансированности внутри блока заключалась в борьбе стран-участниц за роль лидера. Ни одна из стран не хотела находиться в зависимом от другой положении, поскольку контекст зависимого положения воспринимался как отголоски советского прошлого. Проблема свободы и независимости актуальна и в настоящее время. Она во многом объясняет противоречащий общеевропейской риторике внешне– и внутриполитический курс V4. Подтверждением является, например, позиция и действия Вишеградской группы во время миграционного кризиса 2015 года в ЕС. Решение немецкого канцлера А. Меркель об открытии границ для беженцев на пике кризиса было воспринято лидерами вишеградских стран как намерение превратить их территорию в транзитные коридоры для мигрантов. По этой причине страны Вишеградской группы начали патрулирование на южной и юго-восточной границах Венгрии. Данные действия поставили под сомнение идею общеевропейской интеграции. Подобная самостоятельность V4 привела к серьёзному обострению отношений с Германией. Напряжённость сохранилась и в годы пандемии COVID-19. Венгрия стала первой страной ЕС, полностью закрывшей свои границы. Это решение подверглось критике Еврокомиссии как несоответствующее принципам Шенгенской зоны. Польша и Венгрия наложили летом 2020 года вето на пакет экономической помощи для стран ЕС, поскольку не захотели отказываться от ряда своих внутренних реформ, не соответствующих, по мнению руководства ЕС, принципам Европейского союза. Внутриблоковая проблема «свободы» имеет еще одну сторону: она служит консолидирующим фактором для вишеградских стран в процессе противостояния Европейскому союзу в вопросах, не соответствующих личным интересам стран-участниц V4.

Серьёзным испытанием для Вишеградской группы стала СВО. Давление Запада нарушило внутренний вишеградский баланс. Чехия сблизилась с Германией, поддержав антироссийский курс Анналены Бербок. Польша, напротив, начала активнее сотрудничать с США. Венгрия, по заявлению министра иностранных дел Петера Сийярто, осуществляет эффективное взаимодействие с Россией в энергетической сфере. Пророссийские настроение присутствуют и в Словакии. В декабре 2023 года вице-спикер словацкого парламента Любош Блага заявил, что Россия не является врагом для республики и пообещал приложить усилия для нормализации отношений между двумя странами. Данную тенденцию эксперты называют распадением Вишеградской четверки на «двойки». Вишеградские страны переживают кризис внутриблокового взаимодействия. И если раньше страны V4 выступали единым фронтом против общеевропейской риторики, то сегодня внутриблоковое взаимодействие можно охарактеризовать понятием из социальной философии Томаса Гоббса: «война всех против всех».

Червоненко Иван Александрович, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: ivchervonenko02@gmail.com

Chervonenko I.A., student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Изменение внешнеполитического курса Чехии в отношении Российской Федерации после вступления в Европейский союз

Changes in Czech foreign policy towards the Russian Federation after accession to the European Union

С точки зрения политического взаимодействия, после вступления Чехии в мае 2004 года в Европейский союз сотрудничество между Российской Федерацией и Чешской Республикой находилось не на лучшем уровне, однако диалог на высоком и высших уровнях был и продолжался. Конечно, это могло происходить с перерывами ввиду того, что чешские правительства тех лет занимали разные позиции в отношении Москвы. В 2000-е годы политический диалог вышел на новый уровень. Во многом это было объяснимо тем, что евроинтеграция, произошедшая в Чехии, имела лишь ограниченное влияние на внешнюю политику республики, в которой определяющим фактором до сих пор являются внутригосударственные политические изменения.

В 2014–2022 годы во взаимоотношениях между двумя государствами возникли значительные перемены.

Причиной тому стал украинский, в т.ч. крымский кризис. Тогда чешская сторона заявляла, что политический диалог с Россией не будет осуществляться в нормальном режиме, как это было ранее. Чехия ввиду евроатлантической направленности внешнеполитических интересов присоединилась к антироссийским санкциям, однако экономическое сотрудничество между странами не прекратилось. В разные годы чешские лидеры осознавали, что поддержка санкционного режима может негативно влиять на чешскую экономику. Во многом, из-за того, что Чехия была сильно зависима от российских энергоресурсов. Чешская Республика слишком долго занимала позиции на российском рынке, чтобы в один момент их потерять.

Среди политической элиты ЧР в те годы не было единства по российскому вопросу. Так, президент Милош Земан выступал за сохранение связей с Россией. С этой целью им были совершены два визита в Москву: в 2015 и 2017 годах. В это же время лидеры правительств не всегда были согласны с позицией президента, из-за чего среди чешского руководства часто возникали конфликты.

Ситуацию изменил кризис в отношениях 2021 года, когда стало ясно, что доверия в отношениях между двумя государствами не будет. Российско-чешские конфликты вокруг сноса памятника Коневу в Праге, а также апрельские заявления чешского премьер-министра Бабиша о причастности российских спецслужб ко взрывам во Врбетице привели к серьёзному дипломатическому конфликту и осознанию того, что отношения между ЧР и РФ явно идут на спад.

Уже тогда экспертами ожидался долгий кризис в отношениях, однако оставались надежды на возвращение ситуации в норму. После 24 февраля 2022 года, когда Москва с Прагой де факто перестали иметь какого-либо рода официальные контакты, подобных надежд почти не осталось. РФ на данный момент не надеется на развитие диалога с Чешской Республикой. Сам чешский истэблишмент, включая и правительство, и президента, занимает антироссийскую позицию, тезисы которой можно назвать одними из самых жёстких среди стран Евросоюза. Несмотря на это, отношения между ЧР и РФ всегда имели цикличный характер. Чешская внешняя политика всегда определялась историческим опытом государства и его геополитической уязвимостью. Поэтому в отдалённом будущем во взаимоотношениях между Чехией и Россией всё же можно ожидать положительные изменения.

Костяная Дария Ивановна, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: dkostyanaya@bk.ru

Kostyanaya D.I., student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Влияние Европейского союза на процесс самоопределения Каталонии в условиях трансформации мирового порядка

The influence of the European Union on the process of self-determination of Catalonia in the context of transformation of the world order

Европейский союз оказывает значительное влияние на процесс самоопределения Каталонии. Как интеграционная структура, нацеленная на поддержание мирного сосуществования и сотрудничества между государствами-членами, ЕС играет роль посредника и арбитра в подобных конфликтах. Европейский союз старается содействовать диалогу и нахождению мирного разрешения споров, одновременно стремясь сохранить единство и целостность своего состава. В контексте изменяющегося мирового порядка, в котором растёт значение национализма и регионализма, роль Европейского союза в поддержании устойчивости внутри своих границ становится всё более значимой. Евросоюз вынужден балансировать между уважением к правам национальных меньшинств и поддержанием принципов территориальной целостности государств-членов.

Каталонская идентичность ведёт свои корни из глубокой древности, из средневекового Каталонского королевства. С XV века Каталония стала терять автономию из-за различных исторических событий. Важные моменты в истории идентичности Каталонии включают Статут об автономии 1979 года и референдум 2017 года. ЕС уделяет внимание вопросам самоопределения регионов в контексте изменения мирового порядка. Вопрос самоопределения Каталонии рассматривается на национальном уровне, а влияние ЕС на региональную политику и экономику определяется его нормами и стандартами.

Необходим баланс интересов ЕС и самоопределения Каталонии. Ответ Европейского парламента на вопросы о самоопределении каталонцев, которые также являются гражданами ЕС, заключается в том, что ЕС не вмешивается во внутренние дела своих членов. Он предоставляет Испании возможность самостоятельно разрешить ситуацию в Каталонии. Некоторые жители Каталонии не поддерживают такой подход, считая, что ЕС как наднациональное объединение со значительными полномочиями, должен принимать решения по данному вопросу. Однако позиция ЕС понятна и заключается в том, что решения о самоопределении следует принимать на национальном уровне, чтобы избежать прецедентов и проблем. Принципы субсидиарности и прав меньшинств важны для ЕС. Региональный национализм требует баланса интеграции и автономии. В целом, влияние Европейского союза на процесс самоопределения Каталонии является сложным и многогранным. Понимание взаимосвязей и принципов, лежащих в его основе, является важным для эффективного управления региональными конфликтами и поддержания единства в Европе.

Бирюкова Мария Романовна, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: biryukova.mr@yandex.ru

Biryukova M.R., student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Культурная дипломатия Италии на современном этапе

Italian cultural diplomacy at the present stage

Культурная дипломатия Итальянской Республики активно использует многочисленные аспекты национальной культуры и имеет ряд конкурентных преимуществ. Во-первых, Италия является культурной сверхдержавой и обладает значительным количеством объектов всемирного культурного наследия (40%). В списке всемирного наследия ЮНЕСКО именно Италия находится на первом месте, а 6 декабря 2023 года произошло знаменательное для Италии событие: итальянское оперное пение было включено в список нематериального культурного наследия человечества. Во-вторых, Италия – это действительно один из наиболее успешных национальных брендов во всём мире. По данным исследования Anholt-GfK Nation Brands Index, Италия на протяжении уже нескольких лет входит в десятку стран с наиболее высоко оцениваемым национальным брендом. Причём, если в 2017 г. Италия была на 7 месте, то в 2022 г. её рейтинг начал стремительно

расти (в 2022 г. уже 4 место), и в 2023 г. она стабильно находится в пятерке лидеров. Также Италия является одним из самых привлекательных туристических направлений (пятое место в мире) и, согласно данным Всемирной организации по туризму (ВТООН), занимает четвертое место по объёмам выручки от зарубежного туризма. В качестве одного из наиболее эффективных инструментов культурной дипломатии Итальянской Республики можно выделить сам итальянский язык: он всегда воспринимался иностранцами как красивый и музыкальный, и во многом благодаря этим качествам сейчас входит в число самых изучаемых в мире. Несмотря на то что такого понятия как «мягкая сила» ранее в Италии не существовало (его позаимствовали у США), политику, характеризующую именно этот аспект внутри– и внешнеполитической деятельности Италии, можно проследить на протяжении всей истории страны.

Также стоит отметить такие инструменты культурной дипломатии современной Италии, как образовательные программы, программы научного и академического обмена, способствующие продвижению национального языка и культуры, а также развитию отношений с другими странами путём предоставления стипендий иностранным студентам. Италия выступает в роли одного из самых привлекательных европейских государств для студентов из других стран, которые ежегодно приезжают с целью получить высшее образование или пройти лингвистические курсы. Особое место в культурной дипломатии Италии также занимает распространение бренда Made in Italy за рубежом. С целью продвижения национального бренда после выборов 2022 года и формирования правительства Джорджии Мелони Министерство экономического развития было переименовано в Министерство предприятий и Made in Italy (Ministero delle imprese e del Made in Italy). Вопреки трудностям, с которыми Италии определённо приходится сталкиваться, родина Данте продолжает быть крайне привлекательной для зарубежной аудитории. Благодаря значительному вкладу Италии в мировую культуру, богатому культурному наследию страны, она сможет предложить мировому сообществу модель культурного развития, которую, возможно, примут на вооружение многие другие страны.

Пасаман Виктория Игоревна, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: viktoriapasaman@gmail.com

Pasaman V.I., student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Присоединение Румынии к Шенгенской зоне: препятствия и перспективы

Romania's accession to the Schengen area: obstacles and prospects

Румыния, являясь членом Евросоюза с 1 января 2007 года, за шестнадцать лет так и не вошла в Шенгенскую зону. Она не смогла добиться выполнения пятого этапа присоединения к Шенгену – принятия Советом Европейского союза решения об отмене внутреннего пограничного контроля. Все технические меры вхождения были выполнены ещё в 2011 году, но Нидерланды, Германия и Франция тогда заблокировали решение, потребовав от Бухареста и Софии бóльших усилий в борьбе с коррупцией. До настоящего времени одной из основных причин отказа Румынии в присоединении к Шенгенской зоне остаётся высокий уровень преступности и коррупции в стране. Эти обвинения подтверждались арестами полицейских и таможенников, а также принятием в 2014 году поправок в законодательство, в соответствии с которыми депутаты парламента и президент освобождались от уголовной ответственности за коррупционную деятельность.

С 2016 года ситуация стала меняться. Постепенно росло давление на отдельные страны ЕС. Однако в 2022 году вступление ветировали Нидерланды и Австрия, а в 2023 году против выступила только Австрия. Нидерланды, главный иностранный инвестор Румынии, утверждали, что, если с технической точки зрения границы будут защищены наилучшим образом, в Румынии обязательно найдётся кто-то, кто позволит любому войти в пространство Шенгена. Интересно то, что Нидерланды в ближайшем будущем могут вернуться к своей антипозиции по данному вопросу, потому что голландская Партия свободы (PVV) одержала победу на парламентских выборах 2023 года, а она проводит вполне очевидную антимиграционную политику. Что касается Австрии, то она высказывала мнение о недоверии Румынии в вопросе защищённости её границ, так как отметила у себя большое количество незарегистрированных нелегальных мигрантов. Однако тут важно подчеркнуть, что Румыния не является ключевым пунктом в путях, задействованных мигрантами из Ближнего Востока, в отличие от Болгарии, которая намного больше включена в этот процесс.

В целом на сегодняшний день основным препятствием вступления Румынии в Шенген является Болгария, так как вопрос о вступлении этих двух стран рассматривается совместно, и для принятия положительного решения необходимо добиться устранения проблем сразу двух государств. Румыния могла бы отделить свою заявку на вступление от заявки Болгарии, однако это сложно с юридической точки зрения и является очень рискованным ходом во избежание вето Австрии. В итоге поддержка двух балканских стран в шенгенском вопросе высокопоставленными лицами ЕС помогла председательствующей Испании добиться присоединения Румынии и Болгарии к частичному Шенгену, а именно к отмене паспортно-визового контроля для путешествующих по морю и воздушным транспортом уже в марте 2024 года. Однако австрийские официальные лица дали ясно понять, что большего послабления добиться не получится, они настаивают на сохранении сухопутного контроля, отменить который будет возможно только через несколько лет работы морского и воздушного Шенгена.

Несмотря на недавние нововведения в форме «частичного Шенгена» и поддержку со стороны высокопоставленных лиц ЕС, Румыния в ближайшем будущем не сможет полноценно вступить в Шенген из-за вопросов, связанных с юридической составляющей заявки на вступление и в связи с политическими настроениями в странах ЕС. Однако присоединение к воздушному и морскому Шенгену – уже половина пути к намеченной цели.

Налесный Марк Игоревич, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: nalesnyym@mail.ru

Nalesny M.I., student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Роль транснациональных компаний во внешней политике современных государств

The role of transnational companies in the external policy of modern states

Проблема роли и места транснациональных компаний во внешнеполитических стратегиях государств связана

с вопросом о трансформации системы международных отношений. Важно понимать, насколько изменилась современная внешняя политика государств, и какие факторы влияют на её формирование. Возможно, что в условиях глобализации ни одно государство уже не может более осуществлять суверенную внешнюю политику в её традиционном понимании. Интеграционные процессы способствовали тому, что новыми полноценными субъектами внешней политики стали транснациональные компании, международные межправительственные и неправительственные организации. Целесообразно рассматривать корпорацию в рамках двух различных подходов: как инструмент проведения внешней политики западных стран (наиболее распространён) и в качестве относительно самостоятельного актора, способного своими действиями влиять на внешнюю и внутреннюю политику развитых и развивающихся стран.

Транснациональные корпорации могут оказывать влияние на международную политику и внутреннюю политику конкретных государств в различных сферах: экономической, социокультурной, политической, экологической. Преследуя определённые цели в развивающихся странах, транснациональные компании могут повлиять также и на внешнюю политику развитых стран. Независимо от того, насколько самостоятельным актором является та или иная транснациональная корпорация, она так или иначе воздействует на внешнюю политику страны происхождения и страны базирования. Транснациональные корпорации на сегодняшний день – возможно самый влиятельный актор в международных отношениях, что свидетельствует о достижении кульминации империалистической стадии развития капиталистической модели мировой экономики.

Климов Владислав Алексеевич, студент Дипломатической академии МИД России
E-mail: vladklim5@mail.ru

Klimov V.A., student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Отношения Евросоюза и России: пройдена ли точка невозврата?

Relations between the European Union and Russia: has the point of no return been reached?

Руководство Европейского союза под давлением США проводит целенаправленную политику по изоляции и ослаблению позиций Российской Федерации на международной арене. Однако отсутствие значимых результатов в данной области и продолжающийся спад экономических показателей стран-членов ЕС на фоне вводимых санкций в отношении России вынуждает электорат европейских стран к избранию новой политической элиты, стремящейся к отстаиванию прагматических национальных интересов. В результате возникают предпосылки для формирования европейских сил, способных изменить направленность внешнеполитического курса ЕС, а при определённых условиях привести к центробежным тенденциям и распаду.

Первым европейским лидером, не разделившим стремление Европейского союза следовать антироссийской риторике, стал премьер-министр Венгрии Виктор Орбан. Осознавая зависимость национальной экономики от поставок российских энергоносителей, он добился от Брюсселя исключительных прав в данном вопросе, отказавшись от предоставления военной помощи киевскому режиму и выступая за урегулирование военного конфликта на территории соседнего государства посредством мирных переговоров. Сторонником венгерского сопротивления курсу Брюсселя стала Словакия с приходом к власти в ходе парламентских выборов в октябре 2023 года Р. Фицо. Основными векторами его политики, как и у В. Орбана, являются отстаивание национальных приоритетов, сохранение устойчивых поставок углеводородов и ядерного топлива РФ, укрепление традиционных ценностей, возобновление диалога с Россией с целью выстраивания обоюдовыгодных отношений. Словацкий лидер также занял идентичную В. Орбану позицию по вопросу вступления Украины в НАТО, исключая в среднесрочной перспективе возможность её присоединения к военно-политическому блоку. Следует также отметить отказ политика от предоставления Словакией вооружения и военной техники Украине, озвученный в ходе двухдневного саммита ЕС в Брюсселе в ноябре 2023 года.

Изменение политической конъюнктуры отмечается не только в странах Восточной Европы. Схожие силы представлены также в ФРГ. На фоне резкого ухудшения внутриэкономической ситуации, ввиду отсутствия дешёвого российского сырья, растёт число граждан, не поддерживающих внешнюю политику ЕС, что выражается в активизации оппозиционных сил, в частности, «Альтернативы для Германии». Данное политическое объединение выступает за восстановление полноценного диалога с Россией, нацелено на удовлетворение потребностей населения и возвращение главенствующей роли страны в Европе. Аналогичных позиций придерживается лидер «Союза Сары Вагенкнехт», в своих заявлениях предлагающая сместить фокус с военной поддержки на поиск дипломатического урегулирования военных конфликтов на Украине и в Израиле. На фоне усталости электората от проводимого руководством ЕС зависимого от США деструктивного внешнеполитического курса, в 2023 году в Европейском союзе были институционализированы антимейнстримовские линии сопротивления, способные сменить конфронтационную внешнюю политику ЕС в отношении РФ на более прагматичную.

INTERNATIONAL RELATIONS IN EUROPE: CURRENT PROBLEMS AND PROSPECTS (ROUND TABLE)

The issues presented for discussion were new phenomena in the domestic and foreign policies of European countries. The problems and prospects of international relations in Europe in the conditions of a post-bipolar system of international relations, political processes related to the policies of the European Union, France, Finland, Italy, Romania, problems of Euroscepticism, NATO activities, possible ways to resolve the Kosovo conflict, opportunities of cultural diplomacy are considered.

Keywords: Europe; European Union; international relations; post-bipolar transformation; Finland; France; Visegrad Group; Czechia; Italy; Romania; Catalonia; NATO; Euroscepticism; Kosovo conflict; cultural diplomacy; Kurdish question; transnational corporations; Russia.

Экономические механизмы энергетического сотрудничества между Китаем и Россией в рамках «Один пояс, один путь»

Бао Чжаовэй,
бакалавр, Кафедра международных отношений, мировой политики и дипломатии, Высшая школа международных отношений и мировой истории, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: qq987545182@gmail.com

Целью научной статьи является определение перспективных направлений углубленного энергетического сотрудничества и международного партнерства между Китаем и Россией в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». Выявлены триггеры, которые способствуют развитию китайско-российского сотрудничества в сфере энергетики. Проанализирована заинтересованность России в развитии международного энергетического партнерства с Китаем в условиях санкционных ограничений стран Запада. Предложены основные направления развития энергетического сотрудничества и международного партнерства между Китаем и Россией в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» в целях углубления данных отношений, вывода их на новый качественный уровень. Объектом исследования являются международные отношения России и Китая в сфере энергетики. Предметом исследования являются проекты и инициативы китайско-российских отношений в области энергетики при реализации проекта «Один пояс, один путь». Актуальность научного исследования связана с влиянием современной архитектуры международных отношений и торговли на развитие китайско-российских отношений, которые становятся ближе, и соответственно, позволяют совместными усилиями решать задачи в области энергетической безопасности. Результаты статьи могут использоваться в целях координации усилий государственных органов и организаций, задействованных в развитии китайско-российских отношений в сфере энергетики.

Ключевые слова: китайско-российское сотрудничество, китайско-российские отношения, «Один пояс, один путь», энергетическая безопасность, область энергетики, сфера энергетики, энергетическое сотрудничество.

Введение

Приоритетным вектором развития международного сотрудничества между Россией и Китаем является сфера энергетики, которая позволяет обеспечить реализацию национальных интересов обеих сторон. К тому же начиная с 2013 г. реализуется инициатива «Один пояс, один путь», которая способствует развитию энергетической инфраструктуры, соединяющей российский и китайский рынок.

Обеспечение энергетической безопасности – ключевая задача для многих стран Евразийского региона, в особенности Китая. Россия – это крупнейшие производитель в мире энергетической продукции и поставщик углеводородов. Поэтому между российскими и китайскими партнерами сформированы устойчивые связи в рамках сотрудничества в сфере энергетики.

Однако международный энергетический ландшафт претерпевает глубокие изменения. США завершили превращение из импортера энергоресурсов в их экспортера благодаря масштабному использованию технологий разработки сланцевой нефти и газа; спрос на энергоресурсы в основных развитых странах мира замедляется; в разных странах ускоряется процесс освоения возобновляемых источников энергии. Все эти изменения делают необходимым изучение направлений развития экономических механизмов китайско-российского энергетического сотрудничества в условиях нового энергетического ландшафта.

Материалы и методы

При проведении научного исследования применялись различные общенаучные методы, включая сравнение, обобщение, анализ и рассуждение. В качестве информационного материала использовались научные работы литературной базы elibrary и официальная статистика.

Литературный обзор

Фу Л., Су М. на основе ситуации торговых отношений между Россией и Китаем проанализированных в своей статье, предоставляют дальнейшее исследование ситуации и информации о трансграничной торговле между двумя странами на основе учета интересов энергетического сектора и предполагает, что развитие энергетического сотрудничества в основном заключается в содействии торговым потокам [8].

Попова Т.Н., Ли С. пришли к выводу, что китайско-российское энергетическое сотрудничество является важным направлением реализации Инициативы, обеспечивая доступ к поставкам энергоносителей для стран-участниц и стран региона, а поощрение трансграничных инвестиций в рамках Инициативы открывает больше возможностей для торговли энергоносителями [7].

Балабаева А.М. определяет, что Китай и Россия максимально реализуют свои интересы как основополагающую цель участия в международных контактах и международной деятельности, и потребность в интересах между двумя странами определила прогресс в энергетическом сотрудничестве, а взаимодополняемость инте-

ресов привела к энергетическому сотрудничеству между Китаем и Россией. В 2014 году две стороны подписали ряд соглашений, которые открыли этап более высокого уровня сотрудничества в рамках рамочной программы и указали направление следующего шага взаимодействия и развития [1].

Результаты

Анализируя перспективы и результаты китайско-российского сотрудничества в области энергетики по инициативе «Пояс и путь», необходимо выделить преимущества содействия развитию этих международных отношений:

1) обширная территория России соединяет Азию и Европу, имеет обширные сухопутные транспортные пути, позволяющие осуществлять условия для реализации международных логистических перевозок и цепей поставок;
2) существует высокая прозрачность коммерческих инвестиционных проектов, система развитых электронных площадок, отображающих информацию о результатах, достигнутых иностранными инвестициями и сотрудничеством;
3) модернизируется технологический потенциал России, а вспомогательные мощности постоянно совершенствуются, что создает объективную основу для участия китайских предприятий в холдинговых и трансграничных инвестициях в развивающиеся отрасли с высокой добавленной стоимостью;
4) укрепляются отношения в виду кризиса связей с странами Запада и появления новых геополитических угроз в восточноазиатском регионе;
5) существует высокий потенциал роста личного потребления на внутреннем рынке Китая.

Заинтересованность России в развитии международных отношений с Китаем в области энергетики связана с тем, что для нее ключевой отраслью с прошлого века является нефтеперерабатывающая промышленность, газовая промышленность и атомная энергетика. Они обеспечивают решение сразу нескольких задач: стимулирование роста ВВП; поступление большей части налоговых доходов в бюджеты разных уровней; предоставление рабочих мест для занятости населения; обеспечение энергетической безопасности страны.

Вместе с тем, к 2020-м гг. энергетические компании России столкнулись с угрозами, вызванными экономической, рыночной и геополитической нестабильности. Поэтому важен переход к действующим инструментам, обеспечивающих повышение эффективности хозяйственной деятельности. С 2022 г. российские предприятия столкнулись с беспрецедентными масштабными международными санкциями коллективного Запада, которые вынудили их искать новые пути для реализации своей стратегии внешнеэкономической экспансии (направленной на экспорт энергетической и топливной продукции на зарубежных рынках).

Россия была подвергнута пакету санкций, которые серьезно ограничили нефтегазовую отрасль страны, затрагивая примерно 90% нефтяного сектора, включая такие компании, как «Роснефть», «Лукойл», «Газпром нефть», «Транснефть», «Сургутнефтегаз» и «Новатэк». Некоторым из упомянутых выше предприятий запрещено получать информацию о результатах сейсмического анализа разработки нефтегазовых месторождений и закрыт доступ на европейский рынок, а также затронута их деятельность по привлечению капитала, закупке оборудования и техники для добычи сланцевой нефти и газа и выпуску облигаций [2].

И именно развитие китайско-российского сотрудничества в энергетической сфере открывает новые возможности для экспансии российских энергетических компаний на международном рынке, а Китай занимает важное место в качестве целевого рынка для российских энергетических компаний. Однако современный этап развития энергетического партнерства Китая и России характеризуется наличием ряда актуальных проблем и рисков [3; 4; 5; 6; 9; 10]:

1) гегемонизм США, который имеет негативное влияние на импорт нефти Китаем со стран, поддающихся торговым санкциям (к категории «хрупких» поставщиков сейчас относят Иран, Венесуэлу, Ливию, Ирак, Нигерию);
2) развитие зеленой повести, которая увеличивает роль зеленой энергетики (Китай считается одной из причин усиления негативного влияния проблемы глобального потепления, а энергетика – та самая отрасль, которая имеет наивысшие показатели выброса углекислого газа);
3) в основе любого межгосударственного поведения лежат национальные интересы, целью межгосударственного сотрудничества является удовлетворение общих потребностей и получение максимальной выгоды, и важно не упускать из виду тот факт, что Китай и Россия являются как близкими партнерами, так и конкурентами в соответствующих отраслях, особенно в области технологий.

Обсуждение

В связи с тем, что на современном этапе в отношениях между Китаем и Россией в области энергетики существует ряд проблем, необходимо выдвинуть основные пути оптимизации китайско-российского энергетического сотрудничества и партнерства в контексте активного продвижения «Пояса и пути» в целях углубления отношений между двумя странами, вывода их на новый качественный уровень:

1. Необходимо стимулирование не только экспорта энергетической продукции России на китайский рынок, но и поощрять китайские компании к вхождению в российский энергетический сектор, особенно в нефтеперерабатывающую промышленность, а также к участию и привлечению капитала при разработке и строительстве инфраструктурных проектов.
2. Необходимо расширение совместной разработки горнодобывающих проектов между двумя странами и, учитывая текущее положение угольных ресурсов на китайском рынке энергопотребления, увеличивать объемы поставок угля в Китай, а также привлекать инвесторов из Китая в Россию для создания предприятий и развития отрасли.
3. Особое внимание на национальном уровне для укрепления политического взаимного доверия между двумя странами, совершенствования механизмов ценообразования и обеспечения договорных отношений для долгосрочного сотрудничества между двумя странами в энергетическом секторе.
4. Использование ведущей роли в правительстве и обеспечивать долгосрочные дружественные дипломатические отношения, способствовать обмену между энергетическими предприятиями обеих сторон посредством правительственной связи, а также укреплять связи между энергоснабжающими, производящими и потребляющими предприятиями.
5. Создание концепции общих интересов и изучить потенциальные проекты в области возобновляемых источников энергии и новые результаты в области ядерной и электрической энергии.

Заключение

Энергетическое сотрудничество между Китаем и Россией пережило первоначальные колебания и стабильность в период подъема развития и постепенно превратилось в различные модели энергетического сотрудничества. Основным направлением развития китайско-российского сотрудничества на данном этапе является реализация совместных проектов по совместному развитию в энергетическом секторе, что соответствует модели стратегического доверия между двумя странами в условиях неолиберализма и позволяет обеспечить национальные интересы обеих стран в условиях геополитической нестабильности и в период действия экономических санкций, введенных Западом против России. Для углубления процесса энергетического сотрудничества между Китаем и Россией в рамках инициативы «Пояс и путь», требующего направляющей поддержки со стороны государства, необходимо диверсифицировать механизм взаимодействия, развивая сотрудничество по следующим направлениям: поощрение прихода китайских компаний в российский энергетический сектор, активная реализация совместных проектов по добыче и разработке полезных ископаемых в России, расширение гарантий на национальном уровне, укрепление и модернизация дипломатических отношений, запуск совместных в области возобновляемых источников энергии научно-исследовательских проектов в области возобновляемых источников энергии.

Литература

1. Балабаева А.М. Тенденции энергетического сотрудничества РФ и КНР // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6–1 (81). С. 143–148.
2. Борисова С.С. Современные вызовы и перспективы развития энергетических отношений России и Китая в Арктике // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 4 (56). С. 300–311.
3. Зайков К.С., Спиридонов А.А., Фадеев А.М. Сотрудничество России и Китая в Арктике в энергетической сфере: стратегический взгляд // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 22–37.
4. Иванов Т.В., Деменская В.Ю. Российско-китайские отношения и их перспективы в сфере энергетики и сельского хозяйства // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7. № 1. С. 100–109.
5. Мехтиева С.И., Вязовский И.В. Российско-китайское энергетическое сотрудничество в рамках ШОС: новые подходы в XXI в // Гуманитарный акцент. 2021. № 3. С. 22–24.
6. Павлова А.А., Евсеева Л.И., Погодин С.Н. Проблема и перспектива развития сотрудничества России и Китая в энергетической сфере // Россия в глобальном мире. 2020. № 16–17 (39–40). С. 86–96.
7. Попова Т.Н., Ли С. Состояние и проблемы развития китайско-российских внешнеторговых отношений в области энергетики на фоне «Одного пояса, одного пути» // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2023. № 11. С. 53–62.
8. Фу Л., Су М. Развитие китайско-российских экономических и торговых отношений в сфере энергетики // Студенческий вестник. 2020. № 23–5 (121). С. 15–18.
9. Чжан Т., Кашбразиев Р.В. Российское-китайское сотрудничество в энергетической сфере в XXI веке // Прогрессивная экономика. 2022. № 2. С. 5–22.
10. Чжан Ц.Ц. О внешнеполитических аспектах развития российско-китайских отношений в сфере энергетики на современном этапе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 31. С. 82–90.

ECONOMIC MECHANISMS OF ENERGY CO-OPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE “ONE BELT, ONE ROAD” PROGRAMME

Bao Zhaowei
Kazan (Volga Region) Federal University

The purpose of the scientific article is to identify promising areas of in-depth energy cooperation and international partnership between China and Russia as part of the implementation of the «One Belt, One Road» initiative. Triggers have been identified that contribute to the development of Chinese-Russian cooperation in the energy sector. The interest of Russia in developing an international energy partnership with China in the context of sanctions restrictions from Western countries is analyzed. The main directions for the development of energy cooperation and international partnership between China and Russia within the framework of the implementation of the «One Belt, One Road» initiative are proposed in order to deepen these relations and bring them to a new qualitative level. The object of the study is international relations between Russia and China in the energy sector. The subject of the study is projects and initiatives of Sino-Russian relations in the field of energy during the implementation of the «One Belt, One Road» project. The relevance of the scientific research is related to the influence of the modern architecture of international relations and trade on the development of Sino-Russian relations, which are becoming closer and, accordingly, allow joint efforts to solve problems in the field of energy security. The results of the article can be used to coordinate the efforts of government bodies and organizations involved in the development of Chinese-Russian relations in the energy sector.

Keywords: Chinese-Russian cooperation, Chinese-Russian relations, «One Belt, One Road», energy security, energy sector, energy sector, energy cooperation.

Referents

1. Balabaeva A.M. Trends in energy cooperation between the Russian Federation and China // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 6–1 (81). pp. 143–148.
2. Borisova S.S. Modern challenges and prospects for the development of energy relations between Russia and China in the Arctic // Skif. Questions of student science. 2021. No. 4 (56). pp. 300–311.
3. Zaikov K.S., Spiridonov A.A., Fadeev A.M. Cooperation between Russia and China in the Arctic in the energy sector: a strategic view // Arctic and North. 2024. No. 54. pp. 22–37.
4. Ivanov T.V., Demenskaya V. Yu. Russian-Chinese relations and their prospects in the field of energy and agriculture // Russian-Chinese studies. 2023. T. 7. No. 1. P. 100–109.
5. Mekhtieva S.I., Vyazovsky I.V. Russian-Chinese energy cooperation within the SCO: new approaches in the 21st century // Humanitarian accent. 2021. No. 3. pp. 22–24.
6. Pavlova A.A., Evseeva L.I., Pogodin S.N. The problem and prospects for the development of cooperation between Russia and China in the energy sector // Russia in the global world. 2020. No. 16–17 (39–40). pp. 86–96.
7. Popova T.N., Li S. State and problems of development of Chinese-Russian foreign trade relations in the field of energy against the backdrop of “One Belt, One Road” // Customs Regulation. Customs control. 2023. No. 11. P. 53–62.
8. Fu L., Su M. Development of Chinese-Russian economic and trade relations in the energy sector // Student Bulletin. 2020. No. 23–5 (121). pp. 15–18.
9. Zhang T., Kashbraziev R.V. Russian-Chinese cooperation in the energy sector in the 21st century // Progressive Economics. 2022. No. 2. P. 5–22.
10. Zhang Ts.Ts. On foreign policy aspects of the development of Russian-Chinese relations in the energy sector at the present stage // News of Irkutsk State University. Series: History. 2020. T. 31. pp. 82–90.

Влияние специальной военной операции на развитие стратегической автономии Евросоюза

Коновалова Екатерина Викторовна,
студент МГИМО
E-mail: ek.v.konovalova@my.mgimo.ru

Активное стремление достичь стратегической автономии (прежде всего от США и НАТО) не всегда присутствовало в повестке дня Европейского Союза, однако, начиная с вступления Д. Трампа в должности президента в США, интенсификации конкуренции союза с КНР и последующего роста международной напряженности в связи с началом Россией специальной военной операции в феврале 2022 года, европейские элиты начали осознавать необходимость обеспечения собственной оборонной независимости. Статья посвящена выявлению многочисленных интерпретаций и измерений стратегической автономии как концепции в целом, рассматривает ключевые предпосылки и катализаторы для трансформации концепции стратегической автономии внутри Европейского Союза, а также подробно анализирует произошедшие изменения в интерпретации, институционализации и доктринальном оформлении рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: Европейский Союз, стратегическая автономия, оборона, международные кризисы, военные структуры.

Введение

Укрепление и поддержка собственной безопасности, защита границ и населения от внешних и внутренних угроз является фундаментальной задачей государства, однако на современном этапе, в условиях появления новых международных игроков, роста их политического и экономического веса, а также определенной международной нестабильности, данное утверждение можно использовать и применительно к государственным объединениям – и в данном вопросе Европейский союз не исключение.

Евросоюз является преимущественно экономическим объединением, а военный аспект деятельности организации при этом развит недостаточно, чтобы в полной мере обеспечить безопасность собственных границ и членов.

Происходящие сегодня перемены в мировой политике, а также растущий фактор силы заставляют ЕС осознать собственную уязвимость и постепенно укреплять свою обороноспособность.

Концепция стратегической автономии

Концепцию стратегической автономии сложно назвать новым явлением в мировой политике и привязать ее к какому-либо конкретному региону. Напротив, ее идеи существовали всегда, и к их воплощению стремятся различные субъекты международных отношений, однако разными темпами.

В целом, стратегическая автономия – довольно многогранный и гибкий термин, который может воплощать совершенно разные идеи и задачи в буквально любой области, будь то демографическое измерение или же цифровое пространство (рис. 1).

Рис. 1. «Измерения» стратегической автономии [7]

Следует подчеркнуть, что «стратегическая автономия» является универсальным понятием, но при этом его использование наиболее прижилось в Европе и в основном употребляется в дискурсе Евросоюза. Кроме того, в самом ЕС сформировалось три измерения стратегической автономии: «автономия для» (достижения поставленных целей), «автономия посредством» (прикладываемые усилия для обеспечения независимости) и «автономия от» (сокращение сфер, где союз не имеет

возможностей действовать полностью самостоятельно) [10, с. 6].

Данный термин вошел в обиход стран-членов ЕС после окончания холодной войны, а наибольшее внимание получил после избрания Д. Трампа президентом США.

В случае ЕС стратегическая автономия преимущественно представляет собой потенциальную возможность Евросоюза выйти из-под военного «зонтика» США и НАТО и приобрести способности действовать автономно, и самостоятельно достигать собственные военно-политические цели [1, с. 60]. При этом интерпретация концепции в европейском дискурсе постоянно меняется, и шаги по ее осуществлению не носят четкого целенаправленного характера, а, скорее, зависят от внешних и внутренних факторов.

В период с 2013 по 2016 год концепцию стратегической автономии ЕС рассматривали в первую очередь через призму сферы безопасности и обороны. Это общепризнанный факт, что основная цель по созданию Европы как единого самостоятельного субъекта была достигнута. Кроме того, с течением времени союз расширил свою сферу деятельности, включив в нее не только экономические вопросы, но и области политики. При этом, потерпев неудачу в институционализации в 1950-х годах, вопрос безопасности и обороны был вынесен «за рамки». Это привело к тому, что в одном из документов Совета ЕС от декабря 2013 года описывается потребность в повышении эффективности общей политики безопасности и бороны, а также в «европейской оборонной технологической и промышленной базе», которая сможет «повысить ее стратегическую автономию и способность действовать совместно с партнерами» [3].

С 2017 по 2018 год прежнее понимание стратегической автономии ЕС было дополнено неблагоприятной геополитической средой, в которой было критически важно защищать европейские интересы. В этот период Евросоюз столкнулся с рядом трудностей, начиная с Брекзита и пересмотра отношений с Великобританией, заканчивая давлением со стороны США и КНР. В этот период в документах Европейского совета по международным отношениям стратегическая автономия была охарактеризована как концепция, направленная на продвижение более дееспособного, независимого ЕС во времена растущей геополитической конкуренции.

Следует отметить, что в 2020 году, во время вспышки Covid-19 акценты были расставлены по-другому: в этот период Евросоюзу важно было обеспечить экономическую независимость. Мировая пандемия наглядно показала то, насколько сильно страны Европы были зависимы от поставок продуктов и товаров из Азии (в особенности, из КНР) [13]. При этом зависимость проявилась и в таких критически важных сферах, как сырьевые продукты и фармацевтика. Принимая во внимание подобную неблагоприятную обстановку в международно-политической среде, в документах ЕС 2020 года в основном подчеркивалась важность обеспечения стратегической автономии в экономическом секторе, однако сфера обороны все также оставалась одним из приоритетных направлений. Такая трансформация в трактовке концепции стратегической автономии позволяет прийти к выводу, что ЕС начал движение к более комплексному и разностороннему подходу в вопросе собственной независимости. Например, Жозеп Боррель писал, что для того, чтобы стать мировым лидером и поддерживать стратегическую автономию, Евросоюзу нужно применять как жесткую, так и мягкую силу, а не действовать исключительно в одном векторе [2, с. 24].

В 2021 году европейские исследователи пришли к выводу, что стратегическая автономия – это не состояние, а непрерывный процесс, который при этом может идти разными темпами в разных областях политики и экономики. При этом сам термин «стратегическая автономия» был расширен еще больше и стал употребляться в тесной связке с термином «ценности». Так, в 2021 году Ш. Мишель заявил, что «… Стратегическая автономия нужна не только Европе, но и всему миру, ведь европейские ценности, которые отстаивает Евросоюз – универсальны» [9].

Трансформация концепции стратегической автономии ЕС в период СВО

Февраль 2022 года и начало Россией специальной военной операции на Украине стало одним из самых важных событий, повлиявшим на восприятие Евросоюзом собственной независимости, ведь страны-члены осознали наличие настоящей угрозы, напрямую затрагивающие их безопасность и стратегические интересы. Украина является не просто государством, граничащим с союзом, но и участником программы Восточного партнерства – то есть, потенциальным членом объединения.

Когда в начале 2010-х в Европе был взят курс на развитие стратегической автономии, среди стран-членов отсутствовало общее восприятие угрозы, однако в феврале 2022 ситуация кардинально поменялась и страны начали действовать решительнее. Например, канцлер Германии Олаф Шольц молниеносно предпринял ряд мер, касающихся вопросов отправки оружия на Украину, исключения России из системы SWIFT, сертификации газопровода «Северный поток-2», а также заявил о цели государства увеличить свои взносы в НАТО до 2% от ВВП.

После начала украинского кризиса 2022 Евросоюз начал все больше переходить на рельсы реалистической парадигмы международных отношений, укрепляя свое сотрудничество с США и НАТО, а также заявляя о необходимости повышения расходов на оборонный сектор.

Украинский кризис полностью трансформировал позицию ЕС о его роли в мировой политике и потенциально может стать катализатором более сплоченного развития стратегической автономии ЕС не в качестве союзника НАТО, а в роли независимого и самостоятельного игрока.

Уже 28 февраля 2022 совет ЕС принял стратегически важное решение о предоставлении Украине финансовой помощи в размере 450 миллионов евро, предназначенных для пополнения военного арсенала и энергоресурсов [4].

Более того, ЕС впервые заявил о намерениях принять пакет мер военной помощи Украине и отправить через Европейский фонд мира третьей стороне вооружения и боеприпасы, а Ж. Боррель, ожидая волны критики, отметил, что ЕС «хочет мира в Европе, но мы должны быть готовы защищать этот мир» [8].

В данном контексте необходимо обратить внимание на два документа, принятых в марте 2022: Версальская декларация и «Стратегический компас».

Версальская декларация включила в себя согласованные меры стран-членов ЕС по реагированию на украинский кризис, а также шаги по укрепления оборонного и военного потенциала Евросоюза. Главы государств-членов выступили единой сплоченной группой и подчеркнули, что действия России не отвечают нормам международного права и представляют собой угрозу для мира и безопасности в Европе. Кроме того, абсолютно все члены заявили о полной и безоговорочной поддержке Украины, готовности предоставить государ-

ству помощь и защиту. Также европейские лидеры подтвердили свои намерения дальше развивать стратегическую автономию и укреплять оборонный потенциал, ссылаясь в этом вопросе на углубление сотрудничества ЕС и НАТО. С целью качественного развития собственной независимости страны-члены договорились взять на себя ряд обязательств: повышение расходов на оборонный сектор, налаживание инвестиционного климата и развития инновационных технологий, развитие кибер– и космических систем, а также уменьшение зависимости союза от российских энергоресурсов.

Принятый немногим позже документ под названием «Стратегический компас» стал главным ориентиром для ЕС в сфере автономии, так как он отображает позицию союза о его месте в новой системе, где решающую роль играет политика безопасности и обороны. В документе подчеркиваются намерения Евросоюза оказывать поддержку Украине с целью восстановления мира и безопасности в регионе, а более сильная и развитая в военном плане Европа станет ключом к этой цели. Среди шагов и инструментов для укрепления европейского потенциала выделяются следующие.

- Активность: ЕС должен обладать достаточными возможностями, чтобы быстро реагировать на кризисные ситуации и решать их, как самостоятельно, так и с партнерами. Для этого необходимо развитие потенциала гражданских и военных миссий ОПБО, а также наделение их более широким мандатом; укрепление механизмов быстрого развертывания вооруженных сил; совершенствование органов командования и военного управления.
- Ориентир на безопасность: Евросоюзу необходимо повысить свои способности в области прогнозирования угроз и, следовательно, защиты граждан. Для реализации данной задачи следует развивать разведывательные и аналитические возможности; создать механизма распознавания гибридных угроз, а также реагирования на них; разработать политику в сфере кибербезопасности.
- Инвестиции: для повышения автономии критически важно привлекать инвестиции в создание и развитие инновационных стратегических технологий. Для этой цели необходимо: увеличение расходов на политику безопасности и обороны; разрабатывать передовые боевые системы морского, воздушного и космического базирования; использовать весь потенциал структур PESCO, Европейского оборонного фонда для разработки инновационных технологий.
- Сотрудничество: для совместного противостояния международным угрозам следует более активно развивать сотрудничество с ключевыми партнерами, где НАТО и ООН занимают особую роль. Также сотрудничество с такими организации, как ОБСЕ, Африканский союз и АСЕАН может перерасти в более тесное и приобрести стратегических характер. В разделе двустороннего сотрудничества прежде всего перспективным является дальнейшее развитие отношений с США, Норвегией, Канадой, Великобританией и Японией.

Таким образом, украинский кризис способствовал окончательному «вступлению» ЕС в западный блок в качестве равноправного игрока, который занимает свое особое место в процессе противодействия России. Новая роль ЕС представляет собой синергию из «мягкой» и «жесткой» силы, которая дополняет действия коллективного запада с США в центре.

В «Стратегическом компасе» присутствует четкое указание на возможности ЕС предоставлять военную помощь и технику другим странам, что также является одним из компонентов ОПБО. Важно отметить, что это решение натолкнулось на ряд практических трудностей, а именно следующее.

Во-первых, учитывая готовность союза в быстром темпе организовать поставки вооружений в зону конфликта, украинской стороне будет довольно сложно так же быстро научиться эксплуатировать европейскую технику. Единственные страны-члены союза, которые обладают Миг-29 и Су-24 российского производства (Польша, Словакия и Болгария) не согласны направить летательные аппараты на Украину, заявляя о стратегической важности этой техники для собственной безопасности.

Во-вторых, Европе не хватает достаточной сплоченности и единства для эффективной реализации решения о поставках оружия. Так, если большинство стран-членов признало обоснованность и необходимость принятого решения, то глава правительства Венгрии Виктор Орбан сыграл в данном контексте роль «белой вороны», заявив о том, что венгерские вооружения будут использоваться исключительно для охраны границ государства.

Тем не менее, многие страны ЕС видят Украину прежде всего, как «члена семьи» и стратегически важного игрока в европейском регионе, которого можно и нужно защищать и, следовательно, противостоять России, что также подчеркивается в «Стратегическом компасе» в качестве критически важной задачи ОПБО.

Помимо этого, с течением времени и быстрого развития украинского кризиса, в Евросоюзе стали говорить все больше говорить о переориентации ЕС на военную политику. Так, в сентябре 2022 Урсула фон дер Ляйен заявила о том, что союзу каждый день нужно вести борьбу, чтобы защищать демократические ценности. Более того, председатель Еврокомиссии подчеркнула, что «это не только война России с Украиной, но и война за нашу энергетику, экономику, ценности и наше будущее», тем самым обратив внимание на то, что Евросоюзу жизненно необходимо иметь возможности дать отпор.

Сложившаяся ситуация и ощущение угрозы собственным стратегическим интересам заставила страны-члены более детально рассмотреть вопрос о скорейшем вступлении Украины в ЕС. Всего за несколько месяцев государствам удалось пройти формальные процедуры проверки необходимых критериев вступления, и уже 17 июня Еврокомиссия одобрила предоставление Украине статуса кандидата в Евросоюз. Поддержка данного решения со стороны ядра объединения – Франции и Германии, стало решающим факторов для принятия решения в данном вопросе и привело к тому, что отрицательно настроенным странам пришлось смириться с подобным раскладом.

На саммите Евросовета в конце июня 2022 года, в ходе которого Украина официально получила статус кандидата, выступил с речью Ш. Мишель, заявив о том, что это событие исторической важности, которое демонстрирует миру знак европейского единства, а также и «сигнал геополитической решимости» [5]. Важно подчеркнуть, что Украина стала первым государством-участником программы «Восточное партнерство», которое получило статус кандидата на вступление в ЕС (Молдова и Грузия получат этот статус лишь в декабре 2023 года), что явно демонстрирует весомую роль геополитического фактора при принятии решений в Евросоюзе.

Еще в октябре 2022 года, до предоставления подвергшемуся агрессии соседу статуса кандидата на вступление, ЕС принял и начал реализацию решения стратегической важности, а именно запуск миссии военной помощи Украине, главным спонсором которой является Европейский фонд мира. Миссия включает в себя ме-

ханизмы увеличения военного потенциала и способностей ВСУ, что должно стать эффективным инструментом защиты национальной безопасности и суверенитета государства. Украинские военнослужащие направляются в Германию и Польшу для прохождения обучения, а сам штаб миссии располагается в Брюсселе в рамках структуры Центре военного планирования (MPCC). Важно отметить, что и миссия, и Европейский фонд мира будут также финансировать поставки боеприпасов и военной техники на Украину. По словам Ж. Борреля учрежденная миссия требуется не просто для защиты Украины, но и для защиты самого ЕС.

Рассмотрев ключевые направления деятельности Евросоюза на начальном этапе украинского кризиса, следует подчеркнуть, что начало военного конфликта оказало неоднозначное влияние на стратегическую автономию ЕС. С одной стороны, союз действительно осознал прямую угрозу своей безопасности и начал укреплять свои собственные военно-оборонные возможности путем повышения расходов на военный сектор и созданием новых институтов, но с другой стороны, эта угроза еще больше сплотила ЕС и НАТО, укрепив их взаимосвязь.

Начало 2023 года было отмечено принятием новой совместной декларации о сотрудничестве ЕС и НАТО, основной темой которой стал украинский конфликт, который стал не просто нарушением международного права, но и повлек за собой нарастание кризисных тенденций в сфере энергетики, продовольствия и экономики. Помимо этого, в документе также традиционно упоминается Китай и его прямолинейная и слишком напористая политика, к которой необходимо найти подход. Несмотря на столь красочное описание исходящей со стороны России угрозы и ее непосредственная близость к границам союза, основой евроатлантической безопасности все также остается НАТО, при этом обе деятельность обеих организаций по обеспечению стабильности лаконично сочетается, дополняя друг друга. Документ перечисляет достижения и успехи в сотрудничестве ЕС и НАТО за прошедшие годы, оставляя поле для расширения этого взаимодействия [11].

Важным этапом укрепления оборонного потенциала Евросоюза стало утверждение в мае новых проектов PESCO, имеющих преимущественно военную направленность. Новые проекты сосредоточены в таких сфере обучения персонала; развития сухопутного, морского, воздушного и киберпотенциала и включают в себя такие основополагающие цели как:

- создание вертолета нового поколения для его эксплуатации в конфликтах высокой интенсивности (участники: Франция, Италия, Испания, Финляндия);
- повышение эффективности действий союза в процессах защиты критической инфраструктуры морского базирования (участники: Германия, Франция, Италия, Португалия, Испания, Швеция);
- укрепление контрбатарейного потенциала путем внедрения техники нового поколения, способной более эффективно противостоять артиллерии (участники: Франция и Нидерланды);
- остальные цели затрагивают создание ракет средней дальности, развитие систем ПВО, укрепление структур управления и реагирования и т.д.

Общей чертой для всей деятельности PESCO является активное участие ядра ЕС Франции и Германии в большинстве четко ориентированных военных проектов, с одной стороны, и, с другой – низкая заинтересованность стран восточной Европы и Прибалтики в подобной структуре в целом. Латвия, Литва и Эстония задействованы лишь в первых программах 2018 и 2019 года, а в дальнейшем интенсивность их участия сходит на нет. Такая модель поведения связана исключительно с скептическим отношением к концепции стратегической автономии Европейского союза, а также в полной уверенности в военном зонтике США и НАТО, что, в свою очередь, негативно сказывается на военном развитии союза.

Согласно Ж. Боррелю учреждение новых проектов напрямую связано с украинским кризисом и стремлением повысить оперативность критического реагирования ЕС. Он также добавил: «Мы не сможем построить более сильную европейскую оборону, не обеспечив готовность и хорошее оснащение европейских вооруженных сил» [6]. Другими словами, можно также отметить тенденцию популяризации реалистского и оборонного дискурса на официальном уровне ЕС.

Более того, 2023 год также характеризуется полным охватом всех стран-членов ЕС оборонной повесткой: так, если ранее Дания держалась в стороне от структур ОПБО, то в мае она стала последним государством Евросоюза, присоединившимся к деятельности Европейского оборонного агентства и сотрудничеству в рамках PESCO.

Вспыхнувшая в октябре того же года эскалация арабо-израильского конфликта в какой-то степени «перетянула одеяло на себя» в европейской повестке безопасности. Огромные поставки гуманитарной помощи в Палестину, материальная поддержка Израиля – все это негативно сказывается на союзе в экономическом и ресурсном плане, а также на его возможностях поддерживать сразу несколько государств. При этом, сама эскалация конфликта на Ближнем Востоке смогла выявить глубокие противоречия между акторами центра принятия решений в ЕС, ведь новая волна конфликта буквально разделила членов союза на две группы: первая группа яро указывает на право Израиля на самооборону, а вторая группа подчеркивает необходимость уважения международного права при любом раскладе. И истоки таких кардинально отличающиеся позиции уходят корнями в историю. Например, Германия и Австрия безоговорочно поддерживают Израиль, пытаясь таким образом искупить свою вину и проработать тяжелую историческую память, в то время как страны Южной и Северной Европы ставят на первый план вопросы безопасности Палестины, так как их государства в прошлом не были связаны с еврейским народом. Такие же противоречия существуют и в рамках политики помощи Украине, и преодолеть их пока на данный момент не представляется возможным.

Подобного рода противоречия проявляются не только в вопросах поставок материальной или финансовой помощи, но и в процессах реализации стратегически важных решений. Показательным примером является совместная инициатив ЕС и НАТО по созданию «военного шенгена» с целью упростить бюрократические требования и улучшить качество инфраструктуры для быстрого перемещения военных подразделений и техники между странами. С точки зрения стратегической автономии союза этот процесс играет скорее негативную, нежели позитивную роль, ведь данный проект нацелен на еще большее сплочение двух организаций, а не повышения независимости одной из них. При этом, несмотря на ежегодное увеличение финансирования этой инициативы из бюджета ЕС (начиная с 2018 года), сам проект не был принят единогласно, а его реализация постоянно задерживается ввиду трудностей получения необходимых разрешений от некоторых стран-членов Евросоюза. Такие препятствия привели к тому, что за пять лет, с 2018 года по 2023, данный проект не достиг успеха.

К концу 2023 года стало очевидно, что разлад между европейскими странам в вопросах внешней политики растет все больше. Исторические разногласия вступили в тесное переплетение с истощением ресурсов и бюджета фондов, что лишь укрепило кризисные тенденции внутри Европейского союза. Европейский фонд мира опустел еще в 2022 году из-за принятого решения о выплате компенсаций странам-донорам военной помощи Украине, что явилось причиной необходимости его регулярного внепланового пополнения. Такое серьезное финансовое бремя ложится на согласование предоставления дальнейшей финансовой помощи Украине.

Тем не менее на финальном в 2023 году саммите Евросоюза (который неофициально провозгласили «саммитом расширения») страны-члены совместно приняли инициировать процесс вступления Украины в ЕС. При этом, несмотря на то что данное решение было полностью согласовано и на него не было наложено право вето, некоторые страны четко дали понять, что не поддерживают эту инициативу. Так, во время принятия решения премьер-министр Венгрии Виктор Орбан молча покинул зал заседаний, а позже опубликовал пост в социальной сети Facebook[1], где сообщил: «Членство Украины в ЕС – плохое решение. Венгрия не хочет быть частью этого плохого решения» [12].

Заключение

Таким образом, стоит вновь обратить внимание на волнообразный характер развития концепции стратегической автономии Европейского союза. Изначально, официально зародившись в 2016, эта идея подразумевала преимущественно оборонные инициативы, однако позже, с усилением геополитической конкуренции, началом мировой пандемии и экономического кризиса, концепцию стали применять и к более широкому спектру жизнедеятельности союза, применяя термин «открытая стратегическая автономия». Тем не менее, начало украинского кризиса в 2022 году стало основным рычагом для смещения акцента обратно на военную и оборонную область и более активное развитие системы ОПБО.

ЕС представляет собой третью по величине экономку мира, что несомненно дает союзу определенные преимущества для выстраивания своей глобальной роли в мировых политических процессах, однако отсутствие единой согласованной внешней политики является основным препятствием для достижения этой цели.

Украинский кризис стал потенциальной возможностью прежде всего для НАТО, а не для ЕС, ведь разгоревшийся конфликт напомнил странам-членам Альянса об общей угрозе во времена холодной войны и стал катализатором большей сплоченности именно для них, а не для Европейского союза.

Литература

1. Bento V. Strategic Autonomy and Economic Power // Routledge Advances in Defence Studies. – 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.routledge.com/Strategic-Autonomy-and-Economic-Power-The-Economy-as-a–Strategic-Theater/Bento/p/book/9781032164021
2. Borrell J. European policy in times of COVID-19 // European union external action service. – 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.brief.com.cy/sites/default/files/2021–03/eeas_2020.6338_european_foreign_policy_in_times_of_covid19_web_002.pdf
3. Carnegie Europe: сайт. The EU's Defence Ambitions: Understanding the Emergence of a European Defence Technological and Industrial Complex. – 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: https://carnegieeurope.eu/2021/12/06/eu-s–defense-ambitions-understanding-emergence-of-european-defense-technological-and-industrial-complex-pub-85884
4. CEPS: сайт. The European Peace Facility. – 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ceps.eu/the-european-peace-facility/
5. European Council: сайт. Remarks by President Charles Michel following the first working session of the European Council. – 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/23/intervention-du-president-michel-a–l-issue-de-la-premiere-seance-de-travail-du-conseil-europeen-23-juin-2022/
6. European Defence Agency: сайт. 11 new PESCO projects focus on critical defence capabilities and interoperability. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://eda.europa.eu/news-and-events/news/2023/05/23/11-new-pesco-projects-to-focus-on-critical-defence-capabilities-and-interoperability
7. European policy centre: сайт. EU between the geopolitical backwater and strategic autonomy. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cep.org.rs/en/blog/eu-between-the-geopolitical-backwater-and-strategic-autonomy-1–3/
8. European Union External Action: сайт. Informal videoconference of Foreign Affairs Ministers: Remarks by HR/VP Josep Borrell at the press conference. – 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/informal-videoconference-foreign-affairs-ministers-remarks-high-representativevice-president-josep_en
9. Geopolitique: сайт. Elements for a doctrine: in conversation with Charles Michel. – 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: https://geopolitique.eu/en/2021/09/08/elements-for-a–doctrine-in-conversation-with-charles-michel/
10. Mario Damen. EU strategic autonomy 2013–2023. From concept to capacity. EU Strategic Autonomy Monitor. July 2022. С. 7. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733589/EPRS_BRI(2022)733589_EN.pdf
11. NATO: сайт. Joint Declaration on EU-NATO Cooperation. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_210549.htm
12. Газета.ru: сайт. «Плохое решение» или «победа Европы». ЕС начинает переговоры о вступлении Украины. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2023/12/15/18012037.shtml?updated
13. Чижов В. Эпидемия COVID-19: будущее «европейского единства» и внешней политики ЕС // РСМД. – 2020. – [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/epidemiya-covid-19-budushchee-evropeyskogo-edinstva-i–vneshney-politiki-es/

[1] Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

THE IMPACT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION ON THE DEVELOPMENT OF THE STRATEGIC AUTONOMY OF THE EUROPEAN UNION

Konovalova E.V.
Moscow State Institute of International Relations

The active desire to achieve strategic autonomy (primarily from the United States and NATO) has not always been on the agenda of the European Union, however, since D. Trump took office as president in the United States, the intensification of the union's competition with China and the consistent increase in international tension due to the launch of a special military operation by Russia in February

2022, European elites have begun to realize the need to ensure their own defense independence. The article is devoted to the reveal of numerous interpretations and dimensions of strategic autonomy as a concept in general, examines the key prerequisites and catalysts for the transformation of the concept of strategic autonomy within the European Union, and analyzes in detail the changes that have occurred in the interpretation, institutionalization and doctrinal design of the concept under consideration.

Keywords: European Union, strategic autonomy, defense, international crises, military structures.

References

1. Bento V. Strategic Autonomy and Economic Power // Routledge Advances in Defense Studies. – 2022. – [Electronic resource]. – URL: https://www.routledge.com/Strategic-Autonomy-and-Economic-Power-The-Economy-as-a–Strategic-Theater/Bento/p/book/9781032164021
2. Borrell J. European policy in times of COVID-19 // European union external action service. – 2021. – [Electronic resource]. – URL: https://www.brief.com.cy/sites/default/files/2021–03/eeas_2020.6338_european_foreign_policy_in_times_of_covid19_web_002.pdf
3. Carnegie Europe: website. The EU's Defense Ambitions: Understanding the Emergence of a European Defense Technological and Industrial Complex. – 2021. – [Electronic resource]. – URL: https://carnegieeurope.eu/2021/12/06/eu-s–defense-ambitions-understanding-emergence-of-european-defense-technological-and-industrial-complex-pub-85884
4. CEPS: website. The European Peace Facility. – 2022. – [Electronic resource]. – URL: https://www.ceps.eu/the-european-peace-facility/
5. European Council: website. Remarks by President Charles Michel following the first working session of the European Council. – 2022. – [Electronic resource]. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/23/intervention-du-president-michel-a–l-issue-de-la-premiere-seance-de –travail-du-conseil-europeen-23-juin-2022/
6. European Defense Agency: website. 11 new PESCO projects focus on critical defense capabilities and interoperability. – 2023. – [Electronic resource]. – URL: https://eda.europa.eu/news-and-events/news/2023/05/23/11-new-pesco-projects-to-focus-on-critical-defence-capabilities-and-interoperability
7. European policy center: website. EU between the geopolitical backwater and strategic autonomy. – 2023. – [Electronic resource]. – URL: https://cep.org.rs/en/blog/eu-between-the-geopolitical-backwater-and-strategic-autonomy-1–3/
8. European Union External Action: website. Informal videoconference of Foreign Affairs Ministers: Remarks by HR/VP Josep Borrell at the press conference. – 2022. – [Electronic resource]. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/informal-videoconference-foreign-affairs-ministers-remarks-high-representativevice-president-josep_en
9. Geopolitique: website. Elements for a doctrine: in conversation with Charles Michel. – 2021. – [Electronic resource]. – URL: https://geopolitique.eu/en/2021/09/08/elements-for-a–doctrine-in-conversation-with-charles-michel/
10. Mario Damen. EU strategic autonomy 2013–2023. From concept to capacity. EU Strategic Autonomy Monitor. July 2022. P. 7. – [Electronic resource]. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733589/EPRS_BRI(2022)733589_EN.pdf
11. NATO: website. Joint Declaration on EU-NATO Cooperation. – 2023. – [Electronic resource]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_210549.htm
12. Gazeta.ru: website. "Bad decision" or "victory for Europe." The EU begins negotiations on Ukraine's accession. – 2023. – [Electronic resource]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2023/12/15/18012037.shtml?updated
13. Chizhov V. The COVID-19 epidemic: the future of "European unity" and EU foreign policy // RIAC. – 2020. – [Electronic resource]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/epidemiya-covid-19-budushchee-evropeyskogo-edinstva-i–vneshney-politiki-es/

Эволюция двусторонних отношений между США и Саудовской Аравией 2020–2024 гг.

Назирмадов Акобир Баходурович,
аспирант, Дипломатическая Академия МИД России
E-mail: akobir.nazirmadov@mail.ru

Статья посвящена развитию двусторонних отношений между Соединенными Штатами Америки и Саудовской Аравии после прихода к власти в США президента Д. Байдена.
Отношения с Саудовской Аравии, одним из ключевых партнеров США на Ближнем Востоке, переживают не самый простой период при новой американской администрации. Позиции Вашингтона и Эр-Рияда по многим региональным политическим вопросам могут не совпадать, а в отдельных случаях и вовсе отличаться. Другим немаловажным моментом являются рабочие отношения между президентом США Байденом и фактическим правителем Саудовской Аравии, наследным принцем Мухаммедом бен Салманом. Нынешний лидер США так и не смог наладить тесные рабочие контакты с саудовским руководством, что задает тон двусторонним отношениям в целом. Дипломатический подход и видение Байдена отличаются от подхода и видения его предшественников, что представляет из себя вызов как для самих США, так и для их ближневосточных партнеров.

Ключевые слова: дипломатия, двусторонние отношения, президент США, США, Саудовская Аравия.

Соединенные Штаты Америки исторически заинтересованы в активном присутствии на Ближнем Востоке, и в связи с данным геополитическим подходом США всячески стремятся укреплять свои связи с рядом ближневосточных государств.

Саудовская Аравия является одним из основных партнеров США в регионе. Эр-Рияд является крупнейшим экспортером американского оружия в мире, в то время как США – крупнейший торговый партнер королевства. Обе стороны на протяжении десятилетий заинтересованы в развитии двусторонних отношений, учитывая с одной стороны желание Саудовской Аравии обеспечить свою безопасность за счет американского военного присутствия, а с другой – желание США приобретать саудовские энергоносители. Однако, несмотря на тесное сотрудничество, нельзя однозначно сказать, что после прихода администрации Байдена в Белый дом в начале 2021 года отношения с Саудовской Аравией остались на прежнем высоком уровне, куда их вывел Дональд Трамп.

При администрации президента Трампа страны заключили крупную сделку на поставку американского вооружения в Саудовскую Аравию [6] и координировали свои усилия, направленные на сдерживание Ирана. Вдобавок, США не отреагировали в жесткой манере на события, связанные с жестоким убийством оппозиционного саудовского журналиста Хашогги в консульстве королевства в Стамбуле. Тогдашний президент США также поддержал введенную Саудовской Аравией и ее союзниками режим блокады против Катара. Особой чертой отношений между США и Саудовской Аравии стала активная вовлеченность наследного принца Мухаммеда бен Салмана. Трамп, как правило, напрямую решал те или иные вопросы именно с наследником престола, а не с номинальным главой государства, королем Салманом.

После поражения Трампа возникла серьезная обеспокоенность, касавшаяся вектора развития отношений между США и Саудовской Аравией, и причины для этого были существенные. Байден намеревался кардинально изменить характер и сущность американо-саудовских отношений, а подход к решению многих региональных ближневосточных проблем у новой президентской администрации разительно отличался от подхода администрации Трампа. Основой своих предвыборных обещаний, которые напрямую касаются внешней политики, Байден сделал возвращение в ряд договоров или институтов, из которых Штаты вышли при его предшественнике. В данном случае, наиболее интересный момент связан с иранской ядерной сделкой, которую Байден пообещал возродить, что идет вразрез с традиционной саудовской внешнеполитической линией по этому вопросу. Вдобавок ко всему, еще до официального прихода к власти Байден ставил под сомнение целесообразность поддержки Вашингтоном саудовской военной кампании в Йемене и продажи королевству ряда вооружений. Немаловажным аспектом является желание Байдена больше времени уделять защите прав человека, и американские круги особенно настаивали на обсуждении данной темы с саудовскими властями.

Практически сразу после прихода в Белый дом уже в качестве президента Байден предпринял практические шаги по реализации нового американского подхода по отношению к Саудовской Аравии. 27 января 2021 года, назначенный Байденом на должность госсекретаря США Энтони Блинкен, во время своего первого брифинга заявил, что новая администрация пересмотрит соглашения на поставки вооружения в Саудовскую Аравию, подписанные еще Трампом, и в качестве первоочередной меры заморозит продажу саудовской стороне высокоточных боеприпасов [13].

Месяц спустя, Байден объявил о прекращении военной поддержки наступательным операциям коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией, в Йемене [9]. Американский лидер охарактеризовал гуманитарную ситуацию в разоренном Йемене как катастрофическую и призвал воюющие стороны прекратить наступательные операции. Байден, в отличие от своего предшественника, решил прекратить косвенное американское участие в непопулярной войне, унесшей не только множество жизней, но и фактически лишенной возможности урегулирования, несмотря на ряд переговоров в разных форматах. Во многом, новая американская администрация пошла на данный шаг благодаря желанию продемонстрировать свою силу и решительность наследному принцу Саудовской Аравии, Мухаммеду бен Салману, чье положение укрепилось не только внутри самого королевства, но и на международной арене.

В том же месяце, Байден инициировал опубликование отчета ЦРУ о причастности наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бен Салмана к убийству оппозиционного журналиста Джамала Хашогги в саудовском консульстве в Стамбуле [2]. Это был серьезный удар для наследника саудовского престола, однако, персональных санкций против него введено не было. К тому же, чуть позже, он и вовсе получил иммунитет от уголовного преследования.

Сразу после публикации отчета госсекретарь США Блинкен объявил о введении так называемого «Запрета Хашогги» [1], суть которого заключается в том, что Госдепартамент США имеет право отказать в визе тем официальным представителям другого государства, которые обвиняются в преследовании диссидентов за рубежом. США также ввели санкции против 76 саудовских официальных лиц. Саудовская Аравия отвергла такого рода обвинения [15], назвав их неприемлемыми, отметив, что лица, ответственные за убийство, уже находятся под стражей, и между убийцами и наследным принцем нет никаких связей.

Агрессивный по отношению к фактическому руководителю Саудовской Аравии подход Байдена и его администрации на данном этапе играет важную роль в вопросе, связанном с нефтяным рынком. В августе 2021 года советник президента США по вопросам национальной безопасности Джейк Салливан от лица президента Байдена заявил, что Соединенные Штаты призывают страны ОПЕК+ повысить уровень добычи нефти для снижения цен на данный ресурс для более ускоренного восстановления глобальной экономики [14]. Страны-члены картеля договорились о снижении квот на добычу нефти на фоне пандемии, а увеличение их числа должно было стать поэтапным и не ранее 2022 года. Саудовская Аравия, являясь крупнейшей страной-экспортером нефти в мире, играет весомую роль в принятии того или иного решения другими членами объединения. По этой причине, месяц спустя после данного заявления, Салливан посетил Эр-Рияд для переговоров с Мухаммедом бен Салманом [4]. Официально основной темой обсуждений стала война в Йемене, однако пресс-секретарь Белого дома Псаки отметила, что вопрос, связанный с ценами на нефть, также стал предметом дискуссий. В ноябре того же года страны-участницы формата ОПЕК+ отклонили предложение США [16], решив придерживаться изначального плана в размещении на рынках 400 тыс. баррелей нефти в день.

Данный вопрос получил новый виток развития уже весной 2022 года, когда Байден не сумел связаться с лидерами Саудовской Аравии и ОАЭ для обсуждения возможности насыщения рынков нефтью из этих государств для снижения цен [5]. На фоне отказа ОПЕК+ еще более насытить рынок нефтью, а также беря во внимание решение Байдена прекратить покупать у России нефть, сжиженный природный газ и уголь [7], цены на энергоносители стали еще более высокими для рядовых американцев. Неудача Байдена, связанная с невозможностью договориться с этими двумя арабскими странами, вынудила его принять решение использовать национальные резервы нефти для снижения цен на бензин [8]. Данное решение американской администрации стало объектом серьезной критики.

Другим немаловажным моментом является персона посла США в Саудовской Аравии. Исторически, данный пост занимал человек с большим опытом в военной сфере, что отвечало интересам обоих государств, так как Эр-Рияд всегда был обеспокоен обеспечением своей безопасности при поддержке США. Назначение посла с понимаем военного дела традиционно приветствовалось саудовскими властями, что хорошо понимал Дональд Трамп, назначивший генерала Джона Абизаида американским послом в Саудовской Аравии в 2018 году.

Однако, уже в апреле 2022 года, Байден решил назначить послом США в Саудовской Аравии профессионального дипломата без какого-либо военного опыта, Майкла Ретни. В последние годы Ретни был активно задействован в различных ближневосточных процессах, в том числе в качестве заместителя помощника госсекретаря по Ливану и израильско-палестинским делам и спецпосланника президента США по Сирии. Тем не менее, рядом экспертов отмечалось, что назначение карьерного дипломата без связей с американским генералитетом может быть расценено Мухаммедом бен Салманом как оскорбление [3], так как с 1989 года послом США в Саудовской Аравии всегда был военный деятель.

Краеугольным камнем для выстраивания ближневосточной политики нынешняя администрация считает развитие политического тренда, называемого нормализацией отношений между Израилем и арабским миром, начавшийся еще при Трампе. Байден, в свою очередь, принял решение убедить Саудовскую Аравию вслед за ОАЭ и рядом других стран заключить официальные дипломатические отношения с Израилем. Консультации по данному вопросу шли долго, однако очередной кризис в Газе, приведший к многочисленным жертвам на территории анклава, фактически перечеркнул шансы на нормализацию отношений между странами в краткосрочной перспективе.

Соединенные Штаты, пытаясь изменить данную ситуацию, попытались связать возможность заключения мирного соглашения с Израилем с предоставлением Саудовской Аравии военных гарантий, аналогичных тем, которые США предоставили Южной Корее. Суть их заключалась в том, что США обязуются оказать военную помощь Саудовской Аравии в случае агрессии против нее. Гипотетическое соглашение имеет общие черты с широко известной пятой статьей Устава НАТО, однако США настаивали на включение в соглашение ряд пунктов, которые позволили бы Вашингтону не прибегать

к использованию своих войск, что не понравилось Эр-Рияду.

На данный момент стороны далеки от заключения каких-либо соглашений. Саудовская Аравия, в свою очередь, согласна продолжать консультации по военному пакту в том случае, если Израиль официально заявит о своей приверженности формуле «два государства для двух народов», что подразумевает создание независимого палестинского государства в будущем [10]. Несмотря на недавние заявления Блинкена о том, что США и Саудовская Аравия близки к заключению военного пакта [12], в краткосрочной перспективе это не кажется вероятным.

Другим немаловажным моментом является то, что саудовские власти не стремятся к налаживанию связей с администрацией Байдена, а фонд, подконтрольный Мухаммеду бен Салману, начал сотрудничать с компанией Джареда Кушнера, бывшего старшего советника и зятя Трампа, вложив в нее два миллиарда долларов [11]. Считается, что наследный принц желает возвращения Трампа в Белый дом, и по этой причине поддерживает с ним и его окружением неформальные связи.

Для Соединенных Штатов отношения с Саудовской Аравией носят исключительно важный стратегический характер, что отличает Эр-Рияд в глазах Вашингтона от других членов ССАГПЗ. США традиционно заинтересованы в тесных торгово-экономических связях с Саудовской Аравией, а также в военном присутствии на территории данной страны, что также отвечало интересам самой Саудовской Аравии, крайне заинтересованной в «зонтике» безопасности, который обеспечивал ей Вашингтон. Однако, с приходом администрации Байдена, несмотря на взаимную заинтересованность в поддержании отношений на высоком уровне, взаимоотношения между странами ухудшились.

Подход Байдена по отношению к диалогу с Саудовской Аравией, резко отличающийся от подхода Трампа, на данном этапе не отвечает интересам Соединенных Штатов Америки. Кампания, начавшаяся в начале президентского срока Байдена и направленная против наследного принца, уже де-факто руководителя страны, вызвала лишь раздражение в Эр-Рияде, и теперь саудовская сторона все менее охотно желает сотрудничать с администрацией Байдена. Нет каких-либо серьезных предпосылок того, что США пойдут навстречу Саудовской Аравии по ряду вопросов, и возможное улучшение отношений между странами может быть отложено вплоть до прихода к власти в США другого политика с другой стратегией и видением. Тем не менее, несмотря на заметное ухудшение отношений при Байдене, глобально Саудовская Аравия не собирается отказываться от проамериканской политики, беря в расчет тот факт, что президентские выборы в США состоятся уже в 2024 году, от исхода которых и будет зависеть эволюция американо-саудовских отношений.

Литература

1. Accountability for the Murder of Jamal Khashoggi. The US Department of State [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/accountability-for-the-murder-of-jamal-khashoggi/ (Дата обращения: 10.05.2024).
2. Assessing the Saudi Government's Role in the Killing of Jamal Khashoggi Office of the Director of the National Intelligence [Электронный ресурс]. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/Assessment-Saudi-Gov-Role-in-JK-Death-20210226v2.pdf (Дата обращения: 10.05.2024).
3. Bostock B. Biden's new pick for US ambassador to Saudi Arabia will be considered an insult by MBS // Yahoo News [Электронный ресурс]. URL: https://news.yahoo.com/bidens-pick-us-ambassador-saudi-091033224.html (Дата обращения: 12.05.2024).
4. Hunnicutt T. Top White House aide discussed oil prices with Saudi Arabia // Reuters [Электронный ресурс]. URL: https://www.reuters.com/business/white-house-said-top-aide-planned-discuss-oil-prices-with-saudi-arabia-2021–09–30/ (Дата обращения: 10.05.2024).
5. Nissenbaum D. Saudi, Emirati Leaders Decline Calls with Biden During Ukraine Crisis // The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. URL: https://www.wsj.com/articles/saudi-emirati-leaders-decline-calls-with-biden-during-ukraine-crisis-11646779430 (Дата обращения: 11.05.2024).
6. President Trump and King Salman Sign Arms Deal. The White House Archive [Электронный ресурс]. URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/president-trump-king-salman-sign-arms-deal/ (Дата обращения: 10.05.2024).
7. Remarks by President Biden Announcing U.S. Ban on Imports of Russian Oil, Liquefied Natural Gas, and Coal. The White House [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/08/remarks-by-president-biden-announcing-u-s-ban-on-imports-of-russian-oil-liquefied-natural-gas-and-coal/ (Дата обращения: 13.05.2024).
8. Remarks by President Biden on Actions to Lower Gas Prices at the Pump for American Families. The White House [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/31/remarks-by-president-biden-on-actions-to-lower-gas-prices-at-the-pump-for-american-families/ (Дата обращения: 12.05.2024).
9. Remarks by President Biden on America's Place in the World. The White House [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/ (Дата обращения:10.05.2024).
10. Saudi Arabia pushes for U.S. defence pact ahead of presidential election // Reuters [Электронный ресурс]. URL: https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-pushes-us-defence-pact-ahead-presidential-election-2024–02–02/ (Дата обращения: 14.05.2024).
11. Saudis' Biden snub suggests crown prince still banking on Trump's return // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2022/apr/24/saudi-arabia-kushner-trump-biden-mohammed-bin-salman (Дата обращения: 10.05.2024).
12. Secretary Blinken's Meeting with Saudi Foreign Minister Prince Faisal bin Farhan Al Saud. The US Department of State [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/secretary-blinkens-meeting-with-saudi-foreign-minister-prince-faisal-bin-farhan-al-saud-3/#:~:text=Blinken%20met%20today%20with%20Saudi,of%20hostages%20held%20by%20Hamas. (Дата обращения: 12.05.2024).
13. Secretary Antony J. Blinken at a Press Availability. The US Department of State [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-press-availability/ (Дата обращения: 10.05.2024).
14. Statement by National Security Advisor Jake Sullivan on the Need for Reliable and Stable Global Energy Markets. The White House [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/11/statement-by-national-

security-advisor-jake-sullivan-on-the-need-for-reliable-and-stable-global-energy-markets/ (Дата обращения: 11.05.2024).
15. Swilam A. Saudi Arabia rejects U.S. intelligence report on Khashoggi's killing // Reuters [Электронный ресурс]. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-saudi-khashoggi-statement-idUSKBN2AQ30L (Дата обращения: 13.05.2024).
16. 22nd OPEC and non OPEC Ministerial Meeting concludes. OPEC [Электронный ресурс]. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6690.htm (Дата обращения: 10.05.2024).

THE EVOLUTION OF BILATERAL RELATIONS BETWEEN THE UNITED STATES AND SAUDI ARABIA 2020–2024

Nazirmadov A.B.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article is devoted to the development of bilateral relations between the United States of America and Saudi Arabia in the period after Biden came to power in the United States.
Relations with Saudi Arabia, one of the key US partners in the Middle East, are going through a difficult period under the new American administration. The positions of Washington and Riyadh on many regional political issues may not coincide, and in some cases even differ completely. Another important point is the working relationship between US President Biden and the de facto ruler of Saudi Arabia, Crown Prince Mohammed bin Salman. The current US leader has failed to establish close working contacts with the Saudi leadership, which sets the tone for bilateral relations as a whole. Biden's diplomatic approach and vision are different from that of his predecessors, which presents a challenge both for the US itself and for its Middle Eastern partners.

Key words: diplomacy, bilateral relations, US President, US, Saudi Arabia.

References

1. Accountability for the Murder of Jamal Khashoggi. The US Department of State [Electronic resource]. URL: https://www.state.gov/accountability-for-the-murder-of-jamal-khashoggi/ (Accessed: 10.05.2024).
2. Assessing the Saudi Government's Role in the Killing of Jamal Khashoggi Office of the Director of the National Intelligence [Electronic resource]. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/Assessment-Saudi-Gov-Role-in-JK-Death-20210226v2.pdf (Date accessed: 10.05.2024).
3. Bostock B. Biden's new pick for US ambassador to Saudi Arabia will be considered an insult by MBS // Yahoo News [Electronic resource]. URL: https://news.yahoo.com/bidens-pick-us-ambassador-saudi-091033224.html (Date accessed: 10.05.2024).
4. Hunnicutt T. Top White House aide discussed oil prices with Saudi Arabia // Reuters [Electronic resource]. URL: https://www.reuters.com/business/white-house-said-top-aide-planned-discuss-oil-prices-with-saudi-arabia-2021–09–30/ (Date accessed: 10.05. 2024).
5. Nissenbaum D. Saudi, Emirati Leaders Decline Calls with Biden During Ukraine Crisis // The Wall Street Journal [Electronic resource]. URL: https://www.wsj.com/articles/saudi-emirati-leaders-decline-calls-with-biden-during-ukraine-crisis-11646779430 (Accessed date: 11.05.2024).
6. President Trump and King Salman Sign Arms Deal. The White House Archive [Electronic resource]. URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/president-trump-king-salman-sign-arms-deal/ (Accessed: 10.05.2024).
7. Remarks by President Biden Announcing U.S. Ban on Imports of Russian Oil, Liquefied Natural Gas, and Coal. The White House [Electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/08/remarks-by-president-biden-announcing-u-s-ban-on-imports-of-russian-oil-liquefied-natural-gas-and-coal/ (Date of access: 13.05.2024).
8. Remarks by President Biden on Actions to Lower Gas Prices at the Pump for American Families. The White House [Electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/31/remarks-by-president-biden-on-actions-to-lower-gas-prices-at-the- pump-for-american-families/ (Accessed: 12.05.2024).
9. Remarks by President Biden on America's Place in the World. The White House [Electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/ (Date accessed: 10.05.2024).
10. Saudi Arabia pushes for U.S. defense pact ahead of presidential election // Reuters [Electronic resource]. URL: https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-pushes-us-defence-pact-ahead-presidential-election-2024–02–02/ (Date accessed: 014.05.2024).
11. Saudis' Biden snub suggests crown prince still banking on Trump's return // The Guardian [Electronic resource]. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2022/apr/24/saudi-arabia-kushner-trump-biden-mohammed-bin-salman (Accessed: 10.05.2024).
12. Secretary Blinken's Meeting with Saudi Foreign Minister Prince Faisal bin Farhan Al Saud. The US Department of State [Electronic resource]. URL: https://www.state.gov/secretary-blinkens-meeting-with-saudi-foreign-minister-prince-faisal-bin-farhan-al-saud-3/#:~: text=Blinken%20met% 20today%20with%20Saudi, of%20hostages%20held%20by%20Hamas. (Date of access: 12.05.2024).
13. Secretary Antony J. Blinken at a Press Availability. The US Department of State [Electronic resource]. URL: https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-press-availability/ (Accessed: 10.05.2024).
14. Statement by National Security Advisor Jake Sullivan on the Need for Reliable and Stable Global Energy Markets. The White House [Electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/11/statement-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-the-need-for-reliable-and-stable-global-energy-markets/ (Accessed: 11.05.2024).
15. Swilam A. Saudi Arabia rejects U.S. intelligence report on Khashoggi's killing // Reuters [Electronic resource]. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-saudi-khashoggi-statement-idUSKBN2AQ30L (Date accessed: 13.05.2024).
16. 22nd OPEC and non OPEC Ministerial Meeting concludes. OPEC [Electronic resource]. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6690.htm (Date of access: 10.05.2024).

Содержание категории «суверенитет» в контексте международного политического процесса

Островский Станислав Сергеевич,
аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: CitizenRus16@yandex.ru

Статья посвящена анализу степени точности современного определения термина «суверенитет». Ввиду многогранности данного понятия существует большое количество таких определений, однако большинство из них не учитывают современные тенденции развития системы международных отношений, а потому представляют собой несколько устаревший взгляд на понимание суверенитета. Актуальность исследования состоит именно в необходимости выработки новых подходов к определению понятия «суверенитет». В статье анализируются ряд общепринятых определений (из Российского энциклопедического словаря за редакцией А.М. Прохорова, Большой российской энциклопедии, Словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой и Большого юридического словаря В.Н. Додонова), сделан вывод о неточности формулировок в определении термина «суверенитет». На основе проведённого семантического анализа сделана попытка выведения такого определения, которое бы учитывало особенности современной системы международных отношений.

Ключевые слова: суверенитет, государственный суверенитет, ограничение суверенитета, независимость государства, Организация Объединённых Наций, система международных отношений, международное право, международный договор.

Начиная изучение проблематики суверенитета в настоящее время, первое, с чем столкнётся исследователь, – это отсутствие чёткого определения данного термина. Его формулировка, сохраняя лишь общий смысл, разнится и бывает как весьма краткой, так и довольно подробной. Объяснить это довольно просто – ввиду многогранности понятия «суверенитет», а также наличия нескольких его разновидностей (например, внутренний суверенитет, характеризующий дееспособность государства во внутренней сфере, или внешний суверенитет, если мы говорим о деятельности государства в международных отношениях; также можно заметить разделение суверенитета на виды – суверенитет государственный, национальный и народный) вывести сколь-либо удовлетворяющее всем необходимым критериям определение довольно проблематично.

Однако другим аспектом данной проблемы можно назвать тот факт, что существующие на данный момент различные определения термина «государственный суверенитет», в том числе широко распространённые среди них, не отражают актуальных направлений эволюции трактовки понятия. В связи с этим назревает целесообразность пересмотра некоторых подходов к определению термина «государственный суверенитет» с целью если не выведения принципиально нового определения, отвечающего уникальным особенностям современной системы международных отношений, то хотя бы дополнения существующих определений новыми важными деталями и формулировками.

Начнём рассмотрение некоторые из наиболее распространённых в отечественной политологии определений со следующих источников:

1) Российский энциклопедический словарь за редакцией А.М. Прохорова определяет суверенитет как *независимость государства во внешних делах и верховенство государственной власти* [4].

2) Большая российская энциклопедия даёт следующее определение суверенитета: *фундаментальное качество государства, проявляющееся в его способности сохранять единственность источника собственной власти, осуществлять своё верховенство, независимость во внутренней и внешней политике* [5].

3) Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой говорит о суверенитете как о *полной независимости государства от других государств в его внутренних делах и внешних отношениях* [6].

Проанализируем определения № 1 и № 2. Более узкое определение Российского энциклопедического словаря и более широкое – Большой российской энциклопедии говорят об одном и том же: о независимости государства в своих «делах» и своей «политике». Но если в контексте внутреннего суверенитета это вполне логично (любое государство мира провозглашает единство, легитимность и безальтернативность государственной власти внутри себя – например, Конституция Российской Федерации статьёй 4 утверждает распространение суверенитета Российской Федерации на всю её территорию, а также верховенство на ней собственно Конституции, а также федеральных законов [2]), то насколько это соответствует образу внешнего суверените-

та, с учётом особенностей современной системы международных отношений с её всепроникающим международным правом? Пожалуй, сегодня не существует ни одного государства в мире, которое не состояло бы ни в одной из международных организаций или международных договорах, предполагающих взятие на себя определённых обязательств, которые неминуемо корректируют политику такого государства, делая её таким образом вовсе не независимой. Например, даже такое изоляционистское государство как Корейская Народно-Демократическая Республика является членом такой международной организации как Организация Объединённых Наций, что предполагает принятие на себя обязательств, закреплённых в Уставе ООН, имеющим, в свою очередь, приоритет над всеми остальными международными договорами [1].

Исходя из вышеизложенного, мы не можем подтвердить полную независимость современных государств в проведении ими своей политики, если речь идёт о международных сношениях. Существует огромное количество международных организаций и договоров, которые существенно ограничивают свободу действий государств. И даже если речь идёт о добровольном и взаимовыгодном присоединении к подобным организациям и соглашениям, то всё равно это не тождественно независимости – это слово, согласно своей семантике, не предполагает каких-либо промежуточных вариантов: есть либо независимость, либо зависимость.

Отсюда мы можем вывести первую «поправку» к актуальной трактовке термина «суверенитет»: *необходимо либо обозначить невозможность независимости государств в современной системе международных отношениях, либо очертить контуры такой независимости так, чтобы это отвечало широте распространения международных норм.*

Частично данную поправку использует Словарь русского языка, который в определении № 3 уточняет, о какой именно независимости идёт речь. Согласно ему, суверенным считается государство, осуществляющее свою внешнюю и внутреннюю политику независимо именно «от других государств». Таким образом, конкретизируется характер независимости действий государства. Дополняя мысль определения, можно сказать, что суверенитетом Словарь обозначает только способность государства осуществлять свою внешнюю и внутреннюю политику независимо *только* от других государств, что не тождественно полной независимости государства в своих действиях, ведь оно, как мы уже выяснили ранее, зависимо от норм международного права, исполнения которых в условиях современности полностью избежать невозможно, даже в условиях политики максимального изоляционизма.

Но несмотря на более точный характер данного определения, оно также не совсем отвечает особенностям современной системы международных отношений. В качестве примера можно привести деятельность тех же международных организаций, где огромное значение имеет решение отдельных государств. Начнём с упоминавшейся ранее Организации Объединённых Наций. Одним из её постоянно действующих органов является Совет Безопасности (СБ ООН), за которым Устав ООН закрепляет «поддержание международного мира и безопасности» – то есть, те важнейшие функции, ради которых, собственно, организация и основывалась после Второй мировой войны. Как мы знаем, он состоит из пяти постоянных членов (Российская Федерация, Соединённые Штаты Америки, Великобритания, Франция и Китай), а также десяти непостоянных членов, которые регулярно ротируются по географическому принципу. Уникальность положения каждого постоянного члена Совета Безопасности ООН состоит в праве вето, которое он вправе наложить на любую резолюцию, вносимую другим государством-членом СБ или даже группой государств. При этом достаточно даже одного голоса постоянного члена Совета Безопасности «против», чтобы резолюция не была принята, даже если все непостоянные члены СБ и четыре оставшихся постоянных члена СБ проголосовали «за». Это создаёт ситуацию, когда конкретное государство может своим голосом повлиять на принятие решения, от которого может зависеть в том числе полнота суверенитета другого государства и его возможность полноценно осуществлять свою политику. В качестве примера можно привести ситуацию, которая сложилась в декабре 1955 года, когда в стенах ООН решался вопрос о членстве совсем недавно обретшей независимость Монголии – вступление в данную организацию стало бы большим шагом для неё в деле международной легитимации, но несмотря на одобрение Генеральной ассамблеи, Китай применил право вето и заблокировал приём Монголии, поскольку не признавал её как отдельное государство. В свою очередь, это повлияло на позицию Советского Союза по одобрению членства в ООН Японии. В конечном итоге, вопрос о вступлении Монголии в ряды Организации Объединённых Наций растянулся на несколько лет и был решён лишь в 1961 году [8].

Большое количество примеров влияния отдельных государств на политику других государств и межгосударственных объединений можно найти и в прошлом (в качестве примера достаточно привести особенности советско-финских отношений периода второй половины XX века, для характеристики которых в западной политологии был придуман даже специальный термин «финляндизация», подразумевающий зависимость политики одного государства от другого государства – как правило, превосходящего его по территории [7]), и в наши дни. Так, широкую известность в средствах массовой информации приобрела позиция Венгрии по вопросу принятия Европейским Союзом новых санкций в отношении России – в феврале этого года Венгрия стала единственным государством европейского объединения, которая не поддержала очередной пакет ограничений, затрагивающий интересы российских и юридических компаний [9]. Также Венгрия последовательно блокирует инициативы Европейского Союза по дополнительной финансовой поддержке Украины, которую поддерживают остальные двадцать шесть государств-членов объединения [10].

Подводя итог вышесказанному, мы можем отметить весьма условный характер независимости государств. На основе приведённых выше примеров становится понятно, что государства также не свободны в полной мере от воли других государств в проведении своей политики. Это может проявляться как на двухстороннем, так и на региональном, а также на международном уровне. Безусловно, данную проблематику можно рассмотреть и в другом аспекте, сказав, что упомянутые выше ситуации – это примеры проявления по-настоящему независимой от других субъектов международных отношений политики соответственно Китая, Советского Союза Венгрии, но в таком случае мы будем вынуждены признать избирательный характер наделения государств суверенными правами, что, безусловно, противоречит основам Организации Объединённых Наций, гарантирующей всем своим членам суверенное равенство вне зависимости от каких-либо характеристик, будь то размер территории, уровень экономического развития, величина вооружённых сил и так далее. Более того, в таком случае

можно было бы говорить о разделении мира на «суверенные» и «несуверенные» государства – то есть, на те, которые могут оказать влияние на другие государства, и на те, которые такого влияния оказать не могут. В таком случае нам бы пришлось пересмотреть понимание суверенитета в отношении таких государств как Финляндия, Монголия, Япония и другие, что кажется вряд ли возможным и корректным.

Итак, мы пришли к выводу, что даже наличествующее в определении № 3 уточнение о характере независимости «от других государств» в условиях современности является не совсем точным и не отражает в полной мере тенденций текущей системы международных и региональных отношений, а также отношений между конкретными государствами.

Пришла пора обратиться к ещё одному определению, которое было выведено Большим юридическим словарём В.Н. Додонова. Определяя общий смысл термина «суверенитет» как *верховенство и независимость власти*, он заявляет о делении суверенитета на государственный, национальный и народный. Государственный суверенитет понимается как *верховенство власти внутри страны и её независимость во внешней сфере, то есть полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, исключающая подчинение властям иностранных государств, в том числе в сфере международного общения, кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия со стороны государства на ограничение своего суверенитета* [3].

В данном определении, в отличие от предыдущих, не только наиболее чётко прослеживается размежевание внутреннего и внешнего суверенитета, но также упоминается возможность добровольного ограничения государством своего суверенитета. И действительно, этот принцип заложен в основу всех современных международных организаций и объединений – присоединяясь к их требованиям по собственной воле, то или иное государство соглашается корректировать свою политику, исходя из ратифицированных норм и условий членства в таких организациях.

Тем не менее, в определении всё равно упоминается «независимость власти во внешней сфере», которая, как мы выяснили ранее, может иметь – и в большинстве случаев имеет – свои пределы. Причём в ряде случаев они не позволяют нам говорить о полноценной независимости государств.

Отсюда проистекает основная проблематика современных попыток обновления концепции суверенитета (в его международном значении): возможно ли сегодня в принципе сочетать принцип независимости-суверенитета государства де-юре, провозглашённый на всех уровнях системы международных отношений и закреплённый в Уставе Организации Объединённых Наций, и складывающуюся ситуацию фактической зависимости политики государства и межгосударственных объединений от действий других государств, а также от тех же норм международного права, пусть даже принятых государством на добровольной основе? И если возможно, то каким образом?

Думается, вполне очевидно, что мы давно подошли к тому периоду развития межгосударственных отношений, когда нам необходимо иное понимание термина «суверенитет», которое учитывало бы все «подводные камни» на пути реализации государством своего суверенитета во внутренней и внешней среде.

В данном случае видится два диаметрально противоположных решения, которые могли бы стать объектом дальнейших дискуссий по данной тематике.

1) Выведение нового и довольно объёмного определения термина «суверенитет», которое в максимально возможной степени отражало бы все нюансы проведения современными государствами своей внешней политики, то есть осуществления своего внешнего суверенитета (на всякий случай заметим, в данном случае речь идёт исключительно о внешнем суверенитете, поскольку полнота и безальтернативность государственной власти внутри самого государства, характеризуемая как внутренний суверенитет, сегодня вряд ли может подвергаться каким-либо сомнениям – а значит, данная часть определения термина «суверенитет» не будет меняться). За основу можно взять определение Большим юридическим словарём В.Н. Додонова как наиболее точно отражающее все современные особенности реализации государствами своего суверенитета. Новое определение в таком случае могло бы выглядеть следующим образом: *полнота власти государства на своей территории, а также во внешней политике, исключающая подчинение другим субъектам международных отношений, кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия со стороны государства на ограничение своего суверенитета*.

Подобное определение отвечало бы сразу нескольким необходимым в настоящее время критериям:

- соблюдение принципа разделения суверенитета на внутренний и внешний;
- исключение использования слова «независимость» и его производных форм как малоподходящих для характеристики функционирования государства в условиях современной системы международных отношений в силу своих семантических особенностей;
- подтверждение полноты потенциала государственной власти в деле реализации внешней политики;
- подчёркивание многообразия субъектов современных международных отношений, перечень которых не заканчивается на других государствах и международных организациях;
- наличие возможности добровольного согласия государства на ограничение своего суверенитета со стороны субъектов международных отношений.

2) Корректировка определения термина «суверенитет» в сторону его значительного упрощения: *возможность государства осуществлять свою внешнюю и внутреннюю политику*.

Мотивировать данный подход можно следующим образом. Само по себе выражение «возможность осуществлять политику» подразумевает наличие у государства всех необходимых средств для осуществления как внутренней, так и внешней политики (в роли таких средств могут выступать формальные признаки государства, такие как территория, население, сформированные органы власти и так далее), вне зависимости от того, обладает ли оно фактической возможностью для этого или нет. Как мы уже выяснили ранее, существует огромное количество вариантов, когда ситуация де-факто отличается от того, что де-юре гарантирует система международных отношений. Это может быть и зависимость Финляндии (и, шире, – всех государств социалистической системы) от Советского Союза, и подчинение государств-членов Европейского Союза общеевропейским органам власти и правовым нормам, и ограничение свободы действий государства ввиду присоединения к международным организациям или ратификации международных соглашений. Но всё это никак не влияет на саму способность того или иного государства осуществлять свои внутренние и внешние функции, поскольку, если можно так выразиться, с технической точки зрения оно обладает всем

необходимым для этого. Та же Финляндия во второй половине XX века обладала и всеобщим международным признанием, и вполне дееспособным государственным аппаратом, и довольно высоким уровнем экономического развития, чтобы после распада Советского Союза продолжить своё существование вне рамок концепции «финляндизации». Непринятие Монголии в Организацию Объединённых Наций не повлияло на полноценность Монгольского государства с точки зрения организации власти и, например, функционирования дипломатического корпуса, ответственного за внешние сношения Монголии.

Таким образом, одной из точек зрения на современную трактовку термина «суверенитет» может быть мнение, что в настоящее время подчёркивание «независимости государства» в многочисленных определениях суверенитета не требуется, поскольку в настоящее время ввиду особенностей современной системы международных отношений он сводится не к подтверждению полной независимости государства (которая, как уже неоднократно подчёркивалось, невозможна), а только лишь к подтверждению потенциала государства и его формальной готовности де-юре к реализации своей внутренней и внешней политики. Можно предположить, что в дальнейшем на этом и следует сосредоточиться в деле определения полноты суверенитета государства.

Думается, что вышеизложенные соображения могут стать частью дискуссий о современной трактовке термина «суверенитет» в контексте особенностей современной системы международных отношений.

Литература

1. Устав Организации Объединённых Наций на русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 01.05.2024).
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.05.2024).
3. Додонов В.Н. Большой юридический словарь. / М.: Инфра-М, 2001. – С. 533.
4. Российский энциклопедический словарь / Главный редактор А.М. Прохоров. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. – С. 1517.
5. Определение взято с научно-образовательного портала «Большая российская энциклопедия». – URL: https://bigenc.ru/c/suverenitet-334191 (дата обращения: 30.04.2024).
6. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. IV. С-Я. – С. 299.
7. Сэмюэл Дж. Бауркот-мл. Курт Бирренбах и эволюция немецкого атлантизма. // Диссертация на соискание степени доктора философии в Высшей школе искусств и наук Колумбийского университета, 2014. – С. 252.
8. Цэдэндамбын Б. Монгольский вопрос в ООН в 1946–1961 гг.: фактор советской дипломатии в реализации законного права МНР в ООН. / Улан-Удэ: Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 2022. – № 1 (45). – С. 74.
9. Венгрия редактирует санкционный список. // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6510746 (дата обращения: 01.05.2024).
10. Венгрия снова заблокировала выделение помощи на €50 млрд Украине. // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/15/12/2023/657bbd3f9a7947b48e0f5df0 (дата обращения: 01.05.2024).

THE CONTENT OF THE CATEGORY “SOVEREIGNTY” IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL POLITICAL PROCESS

Ostrovsky S.S.
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the degree of accuracy of the modern definition of the term «sovereignty». Due to the versatility of this concept, there are a large number of such definitions, but most of them do not consider modern trends in the development of the system of international relations, and therefore represent a somewhat outdated view of the understanding of sovereignty. The relevance of the study lies precisely in the need to develop new approaches to defining the concept of «sovereignty». The article analyzes a number of generally accepted definitions (from the Russian Encyclopedic Dictionary edited by A.M. Prokhorov, the Great Russian Encyclopedia, the Dictionary of the Russian Language edited by A.P. Evgenieva and the Great Legal Dictionary by V.N. Dodonov), and concludes that the wording in definition of the term “sovereignty”. Based on the semantic analysis carried out, an attempt was made to derive a definition that would consider the features of the modern system of international relations.

Keywords: sovereignty, state sovereignty, limitation of sovereignty, state independence, United Nations, system of international relations, international law, international treaty.

References

1. Charter of the United Nations in Russian [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (access date: 05/01/2024).
2. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 [Electronic resource]. – Access mode: http://pravo.gov.ru (date of access: 05/01/2024).
3. Dodonov V.N. Large legal dictionary. / M.: Infra-M, 2001. – P. 533.
4. Russian encyclopedic dictionary / Chief editor A.M. Prokhorov. – M.: Scientific publishing house “Big Russian Encyclopedia”, 2000. – P. 1517.
5. The definition was taken from the scientific and educational portal “Big Russian Encyclopedia”. – URL: https://bigenc.ru/c/suverenitet-334191 (date of access: 04/30/2024).
6. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. research; Ed. A.P. Evgenieva. – 4th ed., erased. – M.: Rus. language; Polygraph resources, 1999. – T. IV. S-Ya. – P. 299.
7. Samuel J. Baurkot Jr. Kurt Birrenbach and the evolution of German Atlanticism. // Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy at the Graduate School of Arts and Sciences of Columbia University, 2014. – P. 252.
8. Tsedendambyn B. The Mongolian question at the UN in 1946–1961: the factor of Soviet diplomacy in the implementation of the legitimate rights of the MPR at the UN. / Ulan-Ude: Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022. – No. 1 (45). – P. 74.
9. Hungary is editing the sanctions list. // Kommersant. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6510746 (access date: 05/01/2024).
10. Hungary again blocked the allocation of €50 billion in aid to Ukraine. // RBC. URL: https://www.rbc.ru/politics/15/12/2023/657bbd3f9a7947b48e0f5df0 (date of access: 05/01/2024).

Исторические, социально-этические и политико-правовые предпосылки возникновения проекта Крымской демократической республики

Абдулхаиров Абжемиль Закерьянович,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
E-mail: abzhemil@mail.ru

Аблязов Эмир Кязимович,
специальный корреспондент газеты «Голос Крыма new»
E-mail: emirablyazov1988@gmail.com

Бекиров Надир Валериянович
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
E-mail: nadirbekirov@yandex.com

Умерова Севиля Данировна,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин филологического факультета, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
E-mail: nsevilya1@mail.ru

Шакуров Фарит Наилович
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Высшей школы международных отношений и мировой истории Института международных отношений, Казанский федеральный университет
E-mail: faritshakur@yandex.ru

1917 год в Крыму анализировался в литературе преимущественно как развертывание противостояния между Временным правительством и Советами, характеризуемым как «двоевластие». Акцент при этом делался на взаимном насилии. Упускался из виду процесс зарождения и формирования идеи Крымской демократической республики, которая могла трансформировать Крым в территориальную автономию – часть федеративной Российской республики мирными правовыми средствами. Цель исследования – выявление ее социально-этических и политико-правовых предпосылок на базе анализа существующих документальных источников и литературы. Предпосылками этого проекта выявлены рост национального самосознания крымскотатарского народа, создание общенациональных институтов, стремление освободиться от пережитков феодально-монархического наследия, перейти к современным формам гражданского общества, его стремление найти свое место в пестрой политической палитре тогдашней России, попытка наладить отношения как с новым демократическим правительством России, так и с национальностями и политическими силами, присутствовавшими в Крыму. Утверждение в массовом сознании новой политической культуры, основанной на равенстве людей, независимо от вероисповедания, пола и национальности, народовластии, ответственности перед народом и разрешения разногласий мирным, правовым, ненасильственным путем.

Ключевые слова: Джафер Сейдамет, крымско-мусульманский исполнительный комитет, Крым, Крымская демократическая республика, крымские татары, крымскотатарский народ, крымскотатарское национальное движение, Номан Челебиджихан.

Введение

Одним из интереснейших и одновременно недостаточно изученных периодов новейшей крымской истории являются события времен революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. Февральская революция 1917 года положила начало короткому и весьма конфликтному периоду демократизации общественно-политической жизни России, который характеризовался феноменом «двоевластия». Последовавший затем октябрьский переворот, ознаменовал переход к активной фазе вооруженного внутригражданского противостояния, сопровождавшегося развалом старых государственных институтов и армии.

На некоторое время регионы бывшей империи оказались предоставленными сами себе. Перед ними во весь рост встали насущные вопросы поддержания социально-экономической стабильности, недопущения сползания в пучину анархии, разгула криминалитета и гражданского противостояния.

Национальное движение крымских татар, игравшее значительную роль в политической жизни региона, пыталось предотвратить сползание Крыма в водоворот гражданской войны. На рубеже 1917–1918 годов им был выдвинут проект создания в Крыму демократической республики, которая должна была стать частью обновленного федеративного государства. В чем была суть этого проекта и каково было его влияние на последующую историю Крыма? Есть ли необходимость обсуждать эту тему в настоящее время?

Литературный обзор

Уже в первые годы после окончания Гражданской войны события, происходившие в 1917–1920 годах в Крыму в том числе и в начальный период революции стали описываться в работах их непосредственных участников. Среди них можно выделить статью В.Елагина «Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы», впервые опубликованную в журнале Новый Восток в 1925 г. В.Елагин будучи сам активным участником борьбы за установление в Крыму советской власти достаточно сочувственно о писал об устремлениях крымских татар, отмечая их справедливое стремление к созданию хотя бы национально-культурной автономии при этом жестко критикуя их лидеров за «националистические иллюзии», которые по его мнению привели к вооруженному столкновению между крымскими татарами и большевиками зимой 1917–1918гг [8, с. 74].

В последствии по мере свертывания в СССР политики коренизации, тон советской историографии в отношении крымскотарского национального движения ужесточался. Новые работы по истории революционного Крыма были направлены на оправдание репрессий против активных участников событий 1917–1920 гг. Таковыми можно считать работы А.К. Бочагова о партии Милли фирка [4] и Тевфика Бояджиева «Крымскотатарская молодежь в революции» [5]. После событий 1944 года хоть сколь-нибудь объективное освещение истории крымских татар в Советском Союзе стало невозможно.

Взгляд противников большевиков на происходившие в Крыму события нашел отражение в многочисленной мемуарной литературе. Значительный интерес в этой связи представляют воспоминания крымских лидеров партии конституционных-демократов (кадетов). Покинувшие в 1920 году на кораблях французского военного флота, оставляемый белыми войсками Крым, вожди крымских кадетов не щадили чернил для создания своей версии событий недавнего прошлого. Тем более, что люди это были преимущественно образованные – адвокаты, журналисты, крупные предприниматели и представители аристократических фамилий. Из них наиболее полно о крымских событиях начального периода революции писал Д.Пасманик [13]. Будучи в 1917 году одним из наиболее рьяных противников национальных устремлений крымских татар, он и в последствии старался принизить их национальное движение. Д.Пасманик стремился изобразить дело так, что поведение крымских татар в период революции определилась только внешнеполитическими факторами, а именно симпатией к мусульманской Турции. Д.Пасманик обвинял левую русскую интеллигенцию в том, что будто бы именно она навязала крымским татарам идею Крымской автономии [13, с. 31].

После начала в 1989 году массового возвращения крымских татар в Крым в среде национальной интеллигенции начались процессы переосмысления собственного прошлого, в том числе и событий 1917 года. Появились работы крымскотатарских авторов на эту тему – Ю.Кандыма [12], Н.Абульваапова [1] и др.

Тема крымскотатарского национального движения в 1917 году затрагивается и в монографиях современных крымских ученых – А.Г. Зарубина, В.Г. Зарубина «Без победителей. К истории Гражданской войны в Крыму» [9] и В.И. Королева «Крым революционный. Политические партии и власть» [11]. В целом события времен революции и Гражданской войны в Крыму в современной историографии описываются прежде всего с позиций двух основных противоборствующих сторон – Красной и Белой армий. Однако такой подход, является не совсем верным. На протяжении 1917–1918 годов крымские татары, составлявшие не менее четверти от общей численности крымского населения, играли важную роль в политических событиях, разворачивавшихся на полуострове.

Сегодня для лучшего понимания политических устремлений лидеров крымских татар и разрабатываемого ими проекта создания автономного Крыма в рамках обновленной федеративной России, необходимо обратить внимание на материалы крымскотатарской периодической печати того времени, прежде всего газеты «Голос Татар». Ценность этих материалов, передающих дух эпохи, имеет большое значение. Ведь большая часть демократической крымскотатарской интеллигенции осталась в Крыму и после 1920 г. Впоследствии многие из них в последствии стали жертвами сталинских репрессий 1937–1938 гг. Некоторым исключением была судьба Дж.Сейдамета, который оказавшись в эмиграции завершил работу над своими воспоминаниями, охватывающими период до весны 1918 года [20].

Материалы и методы

В качестве материалов исследования использовались как достаточно давно вошедшие в научный оборот сборники документов и монографии, так и относительно недавно ставшие доступными для знакомства и анализа источники, современные рассматриваемым в настоящей статье событиям, в частности газета «Голос татар», хранящаяся в фондах Российской национальной библиотеки, «Свободный союз» из фондов Государственной публичной исторической библиотеки России, а также и воспроизведенные в других газетах публикации участников и очевидцев анализируемых событий и процессов. Основными методами исследования являются сопоставительно-исторический и герменевтика.

Результатами исследования являются выявление исторических социально-этических и политико-правовых предпосылок возникновения проекта Крымской демократической республики как возможной альтернативы гражданскому противостоянию в Крыму в 1917–1918 годах и сползанию к гражданской войне, породившей массовые жертвы, горе и страдания тысячам и миллионам людей как в Крыму, так и во всей России.

Политическая обстановка Крыму после февральской революции 1917 года

По национальному составу своего населения и действующим среди него политическим факторам Крым был весьма сложным регионом. Во второй половине XIX века крымские татары перестали быть этническим большинством на полуострове. Тем не менее по результатам первой всероссийской переписи населения 1897 года доля крымских татар в населении Крыма оставалась еще весьма значительной – 34,1% [14, с.VIII]. При этом в масштабах всей Таврической губернии, куда помимо Крымского полуострова входили еще три материковых уезда – Днепровский, Мелитопольский и Бердянский, доля крымских татар в населении составляла всего 13% [14, с.VIII].

Протекавшие в Крыму миграционные процессы характеризовались постепенной эмиграцией крымских татар в Турцию с одной стороны и притоком на полуостров мигрантов из внутренних губерний империи с другой. К началу 1917 года русские и украинцы составляли 49,4% населения полуострова, крымские татары 26,8%, евреи (включая крымчаков) – 8,4%, немцы – 5,1% [9, с. 15].

Говоря о палитре политических сил Крыма в 1917 году, можно сказать, что выглядела она примерно следующим образом. После состоявшегося 2 марта 1917 года отречения от престола последнего русского императора Николая II, сторонники царского самодержавия, в том числе и проживавшие на Южном берегу Крыма члены царской фамилии оказались в своего рода социальной изоляции. В целом общественные настроения в России в 1917 году складывались в пользу республиканских идей. Сразу после отречения императора от трона только лидер партии конституционных демократов (кадетов) Павел Милюков высказался в пользу конституционной монархии.

После победы февральской революции власть в Таврической губернии перешла в руки назначенного Временным правительством губернского комиссара. Этот пост занял видный деятель кадетской партии, председатель губернской земской управы Николай Богданов, что не выглядит удивительным, учитывая тот факт, что кадеты играли ведущую роль в первом составе Временного правительства.

Логично, что консервативные силы в Крыму стали консолидироваться именно вокруг этой политической силы. Кадетская партия пользовалась значительной поддержкой среди зажиточных и образованных слоев русскоязычного населения в крупных городах Крыма.

К консервативному лагерю примыкала и часть крымскотатарского дворянства (мурз) и мусульманского духовенства. Но их социальная поддержка среди крымскотатарского населения была невелика.

По мере развития революции среди славянского населения в Крыму постепенно набирали вес левые политические силы – партии социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов (большевиков и меньшевиков). Поначалу ведущую позицию в левой части политического спектра занимала партия эсеров, но постепенно по мере радикализмами общественных настроений, особенно после попытки правых сил совершить государственный переворот (корниловский мятежа), на первый план в крупных городах полуострова начинают выдвигаться большевики. Еще летом 1917 года большевистские лидеры делают ставку на активную пропаганду среди моряков Черноморского флота и к концу года это уже приносит им вполне ощутимые плоды.

Национальное пробуждение крымских мусульман

Уже в марте-апреле 1917 года на политическую арену в Крыму выходит национальное движение крымских татар. После победы февральской революции таврический кадиаскер и исполняющий дел таврического муфтия Селямет мурза Кипчакский, назначенный на должность императором, в начале 1917 года, подал в отставку. Уведомляя губернского комиссара Временного правительства об этом шаге он писал: «Не будучи облечен путем свободных выборов доверием моих единоверцев и вместе с тем проникнутый сознанием высокой важности провозглашенных Временным правительством принципов нового государственного и общественного строя, я считаю своим нравственным долгом сложить с себя должность Таврического магометанского кадиаскера, возложенную на меня старым правительством, о чем имею честь заявить Вам, г. комиссар, для надлежащего с Вашей стороны распоряжения» [3, с. 193–194].

Уже 25 марта (7 апреля) в Симферополе собрался Всекрымский мусульманский съезд в котором приняло участие около 2,5 тысяч делегатов. Съезд избрал нового муфтия – Номана Челебиджихана. Наряду с этим по решению съезда был создан светский орган – Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет (ВКМИК) во главе которого так же встал Н.Челебиджихан. Кроме того, съезд подчинил ВКМИКу вакуфную комиссию, которой до того руководили назначенные министерством внутренних дел чиновники, и назначил ее руководителем ближайшего соратника Н.Челебиджихана – Джафера Сейдамета.

В центре внимания руководство комитета была реформа мусульманских учебных заведений и вопрос о вакуфах. В частности, ВКИМК добивался от Временного правительства принятия нового закона об управлении вакуфами Таврической губернии.

Информируя председателя Временного правительства князя Львова о решениях Всекрымского мусульманского съезда Н.Челебиджихан и Дж.Сейдамет в своей телеграмме в Петроград сообщали следующее: «Представители крымских татар, собравшись в Симферополе 25 марта сего года в количестве свыше 2000 человек, постановили: 1) все вакуфные имущества и капиталы, образованные от доходов с этих имуществ, считаются достояниями национальными и принадлежащими крымским татарам; 2) вследствие сего управление вакуфными имуществами и хозяйственное распоряжение капиталами должны находиться непосредственно в руках крымских татар и под их контролем; 3) все административные учреждения, находящиеся во главе управления вышеупомянутыми имуществами, состоят из лиц, избираемых всеми крымскими татарами путём всеобщего прямого, равного и тайного голосования; 4) Конференция крымских татар, считая Вакуфную комиссию упразднённой, обязала Исполнительный комитет учредить управление вакуфными имуществами в Крыму, состоящее из выборных председателя и Совета; на местах также организуются административные органы, уездные и волостные комитеты для управления вакуфными имуществами» [10, с. 419].

Обосновывая необходимость этих мер, лидеры крымских татар, указывали на необходимость предотвращения развала управления вакуфным имуществом. «Юридическое предназначение вакуфов вытекает из свойств мусульманской религии – шариата, для которой вакуфы должны служить исключительно общественным и религиозно-просветительным целям народа. Исторические условия, среди которых приходилось жить крымским татарам, вовсе не способствовали укреплению в данном случае появления религиозно-правовой догмы о необходимости сохранить вакуфы как источник средств для содержания школ мечетей», – отмечали Н. Челебиджихан и Дж.Сейдамет [10, с. 419].

При этом они критиковали как крымское мусульманское духовенство, так и созданную в 1885 году царским правительством Временную вакуфную комиссию за неэффективное управление вакуфным имуществом как общественным достоянием: «Временная Вакуфная комиссия, просуществовав более 30 лет, не только не способствовала действительному собиранию и устроению вакуфной земли, но, наоборот, её деятельность представляется крымским татарам особенно расточительной и вовсе не защищающей национальных интересов крымских татар. Так, например, вакуфные земли в большом количестве без особой к тому надобности распродались разным лицам с явными нарушениями закона, и это делалось тогда, когда недостаток земли у крымских татар особенно остро чувствовался. Безземелица и полное экономическое разорение вынудило в своё время многих татар эмигрировать из Крыма» [10, с. 419].

Завершали свою телеграмму Н.Челебиджихан и Дж.Сейдамет следующим требованием: «Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет, считая своею обязанностью немедленно осуществить волю крымско-татарского народа, принял в своё заведывание и управление все вакуфные земли в Крыму. Исполнительный комитет убеждён, что Временное правительство, поставившее своей целью признавать и поддерживать права всех народов, населяющих Россию, пойдёт навстречу этим вполне законным требованиям крымских татар и особым декретом немедленно распорядится о возвращении крымскому народу его национальных капиталов, состоящих в Государственном казначействе» [10, с. 420].

4 (17) июня 1917 года на заседании Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета в Петрограде среди прочих вопросов обсуждалась деятельность ВКМИК. Член Исполкома, видный крымскотатарский общественный деятель Исмаил Леманов представил свой доклад по этому вопросу. Он сообщил, что ВКМИК обратился ко временному правительству с ходатайствами об утверждении выбранных крымскими мусульманами муфтии, членов духовного правления и Вакуфной комиссии, а также необходимости передаче мусульманам их вакуфных земель.

«Министерство внутренних дел, принципиально разделяя ходатайство Исполнительного комитета крымских мусульман, выработало соответствующий законопроект и представило его на уважение Временного правительства, которое, находя необходимым внести в него некоторые изменения, вернуло его обратно с предложением внести на предварительное заключение министерств

юстиции и земледелия, что и сделано. Докладчик имел по этому поводу беседу с председателем Исполнительного комитета А. Цаликовым и с его согласия послал телеграмму Крымскому мусульманскому комитету с уведомлением о положении дела», – отмечалось в протоколе заседания [6, с. 39].

Прибывший на заседание начальник отделения по делам мусульман Департамента духовных дел МВД А.Н. Кодзаев подтвердил озвученную И.Лемановым информацию, сообщив дополнительно, что его Департамент утвердил в своих званиях муфтия Челебиева (Челебиджихана) и председателя вакуфной комиссии Дж.Сейдамета и обратился с ходатайством в Главный штаб об их освобождении от воинской повинности и ожидает по этому вопросу благоприятного ответа [6, с. 41] (на момент своего избрания на Всекрымском мусульманском съезде лидеры крымских татар были военнослужащими российской армии).

Вопрос о вакуфах был важен в том отношении, что он должен был обеспечить финансовую основу проводимых руководством ВКМИК реформ. Ведь Таврическое магометанское духовное правление ведало не только деятельностью мечетей и духовенства, но мусульманскими учебными заведениями – мектебами и медресе.

На протяжении предшествовавших революции десятилетий в среде интеллигенции различных мусульманских народов России, активно обсуждались различные проекты реформ мусульманских духовных учреждений. Это было очень важно в условиях, когда религия не была отделена от государства, а в руках духовных учреждений находилось народное образование. Однако царское правительство не решалось делать решительных шагов в этом направлении.

Национально-культурная автономия как она понималась крымскотатарским национальным движением

Таким образом поначалу действия лидеров ВКМИК развивались в русле идей культурно-национальной автономии.

Современному читателю необходимо понимать, что термин «национально-культурная автономия», как оно сформулировано в действующем российском законодательстве и ее понимание в начале 20-го века заметно различались. Если в действующем законе речь идет в большей мере о сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, а сама такая автономия имеет статус общественной организации, то в эпоху перед началом Первой мировой войны перед глазами стоял пример Австро-Венгерской и Османской империй, в которых права меньшинств в значительной мере выходили за рамки (несмотря на слово «культура») узко-культурных вопросов и в значительной мере охватывали политико-правовые. В российской истории того периода подобная концепция был отражена в идее национально-персональной и областной автономии [17, с. 9]. Коротко говоря, главное отличие заключалось в признании не только этнокультурной субъектности людей, но и в конструировании нации как экстерриториального публично-правового союза.

Так Джафер Сейдамет впоследствии писал, что некоторое время они вместе с Н.Челебиджиханом «обдумывали, к какой из государственных структур отнести нашу национальную автономию: то ли к российскому правительству, то ли управлению религий министерства внутренних дел» [21, с. 14].

Революция позволила деятелям ВКМИК приступить к реформе духовного управления. Вместе с тем стало возможным говорить о том, о чем не могло быть и речи ранее – федерализации страны и предоставлении автономии ее национальным регионам. Предполагалось, что этот вопрос может быть решен Всероссийским учредительным собранием к выборам в которое с весны 1917 года активно готовились все политические силы России. Поскольку Временное правительство так и не завершило разработку законопроекта о вакуфах, этот вопрос так же должен был перейти на рассмотрение будущего Учредительного собрания.

Уже с первых шагов ВКМИК пришлось столкнуться с критикой со стороны тех, кто подозревал движение крымских татар в сепаратистских устремлениях. Джафер Сейдамет в своих мемуарах отмечает следующий момент: «В русской печати появились клеветнические и провокационные публикации в том числе о, якобы, нашей цели создать Крымское ханство. В предупреждении этого двадцать пятого апреля наш национальный Центральный комитет издал воззвание, в котором мы официально изложили наше видение своего будущего в федеративном устройстве России с признанием своей имущественной и национальной независимости» [19, с. 14]. Это воззвание ВКМИК было опубликовано в «Южных ведомостях».

Однако одной газетной публикации явно не было достаточно. Тем более, что как отмечает Дж.Сейдамет «органы умеренных либералов «Крымские известия» и «Южные ведомости», главным редактором которых был доктор Пасманник, развернули против нас ожесточенную критику» [20, с. 14]. Это заставило ВКМИК озаботиться открытием собственных печатных органов – газет «Миллет» (на крымскотатарском языке) и «Голос Татар» (на русском языке), чтобы напрямую доносить свою позицию и программные документы как на крымскотатарское, так и русскоязычное население Крыма.

Уже первый номер «Голоса Татар», увидевший свет 22 июля 1917 года, украшал лозунгом: «Да здравствует Федеративная Демократическая Республика!». Это ясно говорило поддержке крымскими татарами идей федерализации России и утверждении в ней республиканского политического строя.

Характеризуя в том же номере деятельность ВКМИК его лидеры писали следующее: «Временный Крымско-Мусульманский Исполнительный комитет, организованный в Общем Собрании Крымских татар 25 марта в составе 48 членов с председателем – Таврическим муфтием во главе и признанный Временным правительством, является полным выразителем воли этих татар, ведает всеми духовно-просветительными и национально-политическими делами их и посвящает ныне все свои силы политическому воспитанию их и укреплению среди них идей, возвещенных великой русской революцией» [7, с. 2].

Переход к идее Крымской республики

Как и у других народов России у крымских татар в тот период проходил процесс активного формирования собственного национального самосознания и идентичности. Не случайно в первом же номер «Голоса Татар» от 22 июля (4 августа) 1917 года была опубликована редакционная статья без заголовка, которая более поздними исследователями характеризовалась как Политическая платформа Исполнительного комитета крымских татар (а не мусульман) [16, с. 329]. Собственно говоря, в самом тексте употребляется самообозначение авторов этого документа как «татарской демократии» [16, с. 1–2]. В п.п. 1 и 2 платформы устанавливается основные политические цели татарской демократии:

1. Подготовить татарский народ к тому моменту, когда соберется Хозяин земли русской – Учредительное собрание,
2. В Учредительном собрании татарский народ будет добиваться установления федеративно-демократической республики.

Таким образом, с точки зрения крымскотатарской передовой интеллигенции Крым должен был остаться в составе новой демократической федеративной России в качестве члена такой федерации.

Что касается внутреннего политико-правового устройства этого субъекта, то его принципы были изложены в п.п. 3 и 6:

Татарский народ в единении с другими народностями, населяющими Крым не требует для себя политической автономии, но не позволит установлення в Крыму политической гегемонии какого-нибудь народа, не имеющего ни культурных, ни исторических, ни этнографических прав на таковую.

Здесь изложено несколько базовых принципов:

1. Единение, то есть сотрудничество и признание интересов всех народностей (сейчас сказали бы – национальностей), населяющих Крым,
2. Отсутствие исключительных политических приоритетов для крымскотатарского народа в рамках Крыма,
3. Одновременно обеспечение такого положения, чтобы ни один другой народ не стал единственным господином положения или субъектом автономии в Крыму.

Однако в рамках крымской автономии в составе России татарский народ требует для себя национально-культурную автономию, как необходимый фактор свободного развития национального самосознания. Полагаем, что в современной терминологии это скорее звучало бы как «национальное самоуправление и идентичность».

Следует учесть, что трактовка национально-культурной автономии в начале 20 века была несколько шире, чем в настоящее время, когда она сводится к сохранению национального языка и традиционных форм народной культуры.

На это указывают и п.п. 4 и 5, в которых говорится о передаче земли трудовому народу и возвращении в единый вакуфный фонд земель и капиталов, расхищенных при старом режиме. При этом в вопросе о земле вообще, крымские татары выступают в качестве трудовых крестьян, наряду с крестьянами других национальностей. Вакуф же, очевидно, должен и может стать экономической базой для развития крымскотатарского народа в Крыму.

Интересен п. 9 о создании отдельных воинских частей в рамках общероссийской армии, что также отвечает не только религиозно-культурными потребностям крымских татар, но обеспечивает на практике равноправие крымскотатарского народа с другими народами России.

Пункт 8 декларирует полную лояльность и поддержку Временному правительству, однако с существенным условием – поскольку его работа не идет вразрез с идеологией революционной демократии.

Заключение

Подводя итоги первому этапу возникновения проекта Крымской демократической республики (как она будет именоваться позднее) [2, с. 78–80] следует констатировать.

1. Основным содержанием его является возрождение национального самосознания крымскотатарского народа, переход от прежней религиозной идентичности к собственно национальной.
2. Возникновение первых общенародных институтов, взявших на себя работу по формулированию национальных целей и задач, также работу по организации и политическому просвещению народа.
3. Стремление освободиться как от пережитков феодально-монархического наследия и перейти к современным формам гражданского общества как в среде самих крымских татар, так и к революционно-демократической перспективе политической жизни народа.
4. Поиск своего места в пестрой политической палитре тогдашней России, попытка наладить отношения как с новым демократическим правительством России, так и с национальностями и политическими силами, присутствовавшими в Крыму.
5. Утверждение в массовом сознании новой политической культуры, основанной на равенстве людей, независимо от вероисповедания, пола и национальности, народовластии, ответственности перед народом и разрешения разногласий мирным, правовым, ненасильственным путем.

Литература

1. Абдульваап Н. Къырым Халкъ Джумхуриетине даир // Янъы дюнья. –2015. – Январь 23, 30.
2. Бекиров Н. В., Аблязов Э.К. Значимость аутентичного перевода исторических документов с крымскотатарского языка на русский (на примере «Крымскотатарских основных законов») // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: филология, история. – 2023. – № 2. – С. 78–80
3. Бойцова Е.В. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е.В. Бойцова, В.Ю. Ганкевич, Э.С. Муратова, З.З. Хайрединова. – Симферополь: 2009. – 432с.
4. Бочагов А.К. Милли Фирка: национальная контрреволюция в Крыму / А.К. Бочагов. – Симферополь: 1930. – 117 с.
5. Бояджиев Т. Крымско-татарская молодежь в революции. Краткий очерк из истории националистич.-буржуазного и ком. движения среди тат. молодежи Крыма / Т.Бояджиев. – Симферополь: 1930. – 112 с.
6. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов / Сост. С.М. Исхаков. – Москва: 2014. – 816с.
7. Докладная записка Временному правительству Врем. Крымско-мусульм. Исполн. Комитета // Голос Татар. – 1917. – № 1. – С. 2.
8. Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит. – Казань: 1992. – С. 74–117.
9. Зарубин А.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму / А.Г. Зарубин, В.Г. Зарубин – Симферополь: 2008. – 728с.
10. Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов / сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. – Москва: 2017. – 558 с.
11. Королев В.И. Крым революционный. Политические партии и власть / Королев В.И. – Симферополь: 2020. – 448с.

12. Къандым Ю. Куреш мейданыны от басмаз / Ю.Къандым. – Симферополь: 2002, – 256с.
13. Пасманик Д.С. Революционные годы в Крыму. Париж 1926. – 214с.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел. / Под редакцией Н.А. Тройницкаго. Т. XLI. Таврическая губерния. – 1904.
15. Политическая программа татарской демократии // Голос Татар. – 1917. – № 1. – С. 1–2.
16. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / Под редакцией С.М. Лиманштейна. Том третий, 1917 февраль-октябрь. – Москва: 1930.
17. Резолюции Съезда народов // Свободный союз. – 1917. – № 1 октябрь 1917. – С. 8–13
18. Сейдамет Дж. Некоторые воспоминания. Женские организации / Дж.Сейдамет // Полуостров. – 2009. – № 38. – С. 14
19. Сейдамет Дж. Некоторые воспоминания. Нарастание анархии – большевики / Дж.Сейдамет // Полуостров. –2009. – № 42 – С. 14
20. Сейдамет Дж. Некоторые воспоминания. Нам необходимо созвать Курултай / Дж.Сейдамет // Полуостров. –2009. – № 43 – С. 14

HISTORICAL, SOCIO-ETHICAL AND POLITICAL-LEGAL BACKGROUND EMERGENCE OF THE PROJECT OF THE CRIMEAN DEMOCRATIC REPUBLIC

Abdulkhairov A.Z., Ablyazov E.K., Bekirov N.V., Umerova S.D., Shakurov F.N.
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, newspaper "Voice of Crimea new", Kazan Federal University

The year 1917 in Crimea was analyzed in the literature mainly as the unfolding of the confrontation between the Provisional Government and the Soviets, characterized as "dual power". The emphasis has been placed on mutual violence. The process of origin and formation of the idea of the Crimean Democratic Republic, which could transform Crimea into a territorial autonomy – a part of the federal Russian Republic by peaceful legal means, was overlooked. The purpose of the study is to identify its socio-ethical and political-legal prerequisites on the basis of analyzing existing documentary sources and literature. The prerequisites of this project revealed the growth of national self-consciousness of the Crimean Tatar people, the creation of national institutions, the desire to free themselves from the vestiges of feudal-monarchical heritage, to move to modern forms of civil society, their desire to find their place in the colorful political palette of then Russia, an attempt to establish relations with both the new democratic government of Russia, and with the nationalities and political forces present in Crimea. The establishing of a new political culture in the mass consciousness, based on the equality of people, regardless of religion, gender and nationality, people's power, responsibility to the people and the resolution of differences in a peaceful, legal, non-violent way.

Keywords: Jafer Seidamet, Crimean Muslim Executive Committee, Crimea, Crimean Democratic Republic, Crimean Tatars, Crimean Tatar people, Crimean Tatar national movement, Noman Celebidzhikhan.

References

1. Abdulvaap N. Kyrym Halk Jumkhurietine dair // Yany dunya. –2015. – January 23, 30.
2. Bekirov N.V., Ablyazov E.K. The importance of authentic translation of historical documents from the Crimean Tatar language into Russian (on the example of the "Crimean Tatar Basic Laws") // Scientific notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: philology, history. – 2023. – No. 2. – pp. 78–80
3. Boytsova E.V. Islam in Crimea: Essays on the history of the functioning of Muslim institutions / E.V. Boitsova, V. Yu. Gankevich, E.S. Muratova, Z.Z. Khairinova. – Simferopol: 2009. – 432 p.
4. Bochagov A.K. Milli Firka: national counter-revolution in Crimea / A.K. Bochagov. – Simferopol: 1930. – 117 p.
5. Boyadzhiev T. Crimean Tatar youth in the revolution. A short sketch from the history of the nationalist-bourgeois and com. movements among the Tat. youth of Crimea / T. Boyadzhiev. – Simferopol: 1930. – 112 p.
6. Civil war in Russia and Muslims. Collection of documents and materials / Comp. S.M. Iskhakov. – Moscow: 2014. – 816 p.
7. Memo to the Provisional Government Provisional. Crimean Muslim. Exec. Committee // Voice of the Tatars. – 1917. – No. 1. – P. 2.
8. Elagin V. Nationalistic illusions of the Crimean Tatars in the revolutionary years // Not subject to oblivion. – Kazan: 1992. – P. 74–117.
9. Zarubin A.G. No winners. From the history of the Civil War in Crimea / A.G. Zarubin, V.G. Zarubin – Simferopol: 2008. – 728 p.
10. Confessional policy of the Provisional Government of Russia: collection of documents / comp., author. preface and comment. M.A. Babkin. – Moscow: 2017. – 558 p.
11. Korolev V.I. Crimea is revolutionary. Political parties and government / Korolev V.I. – Simferopol: 2020. – 448 p.
12. Kandym Yu. Kuresh meidanyny from basmaz / Yu.Kandym. – Simferopol: 2002, – 256 p.
13. Pasmanik D.S. Revolutionary years in Crimea. Paris 1926. – 214 p.
14. The first general census of the Russian Empire, 1897. Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. / Edited by N.A. Troinitsky. T. XLI. Tauride province. – 1904.
15. Political program of Tatar democracy // Voice of the Tatars. – 1917. – No. 1. – P. 1–2.
16. Revolution and the national question. Documents and materials on the history of the national question in Russia and the USSR in the twentieth century / Edited by S.M. Limanshtein. Volume three, 1917 February-October. – Moscow: 1930.
17. Resolutions of the Congress of Peoples // Free Union. – 1917. – No. 1 October 1917. – P. 8–13
18. Seydamet J. Some memories. Women's organizations / J. Seydamet // Peninsula. – 2009. – No. 38. – P. 14
19. Seydamet J. Some memories. The rise of anarchy – the Bolsheviks / J. Seydamet // Peninsula. –2009. – No. 42 – P. 14
20. Seydamet J. Some memories. We need to convene a Kurultai / J. Seydamet // Peninsula. –2009. – No. 43 – P. 14

Употребление неологизмов в современных СМИ

Кубаева Ольга Валерьевна,
доцент, кафедра методики преподавания русского языка и литературы, Дагестанский государственный университет
E-mail: olgakubaeva@mail.ru

Общеизвестно, что язык – это живой организм, который активно реагирует на изменения во всех сферах человеческой жизни и деятельности. С развитием науки, культуры и техники в словарном составе русского языка происходят значительные изменения. Они выражаются в появлении новых слов и словосочетаний, необходимых для обозначения новых предметов, понятий и явлений. За последние годы неологизмы находят свое отражение в средствах массовой информации и публицистике. Неологизмы отражают актуальное состояние лексики. В статье рассматриваются проблемы происхождения неологизмов, способы их образования и употребление в текстах СМИ. Целью данной работы является описание и характеристика продуктивных способов образования неологизмов в русском языке. Источниками языкового материала послужили интернет-издания.

Ключевые слова: неологизм, языковые неологизмы, индивидуально-авторские неологизмы, лексические неологизмы, семантические неологизмы.

Средства массовой информации и Интернет оказывают, пожалуй, наибольшее влияние на введение новой лексики в современный русский язык. Межъязыковая и межкультурная коммуникация России с другими странами заметно отражается на процессе языковой эволюции.

Неологизм (от греч. neos – «новый» и logos – «слово») представляет собой языковую единицу, созданную для обозначения новых предметов, понятий и явлений.

По источнику происхождения неологизмы можно подразделить на языковые и индивидуально-авторские. Последние образовываются с целью усиления экспрессивности текста и его выразительности. Индивидуально-авторские неологизмы обычно не становятся единицами словаря и встречаются только в произведениях автора. Тем не менее существуют неологизмы, перешагнувшие границы индивидуально-авторского употребления и попавшие в словарный состав языка. Так, например, М.В. Ломоносов обогатил русский литературный язык такими словами, как *вещество*, *горизонт*, *градусник*, *атмосфера*, *равновесие* и т.д. Н.М. Карамзин ввёл в русский язык слова *трогательный*, *занимательный*, *промышленность* и другие.

Языковые неологизмы не имеют авторства. Это слова, которые образовались для обозначения новых предметов и явлений, не имеющих названий в языке. Лексемы такого рода довольно быстро входят в активный словарный запас языка и перестают осознаваться как новые слова. Так, например, в 2023 году в орфографический академический ресурс «Академос» было добавлено более 170 слов и словосочетаний. К словам, обозначающим новые предметы и явления, относятся теперь, например, *ИТ-специалист*, *каподастр*, *датасет*, *майнинг*, *инофон*, *агроинновационный*, *медиакарта*, *инвестиционно привлекательный* [1].

По способу образования языковые неологизмы делятся на лексические и семантические.

Лексические языковые неологизмы могут образовываться:

а) морфологическим способом словообразования из русских слов: *несъедаемость*, *благополучатель*, *уходовый*;

б) путём заимствования: *каршеринг*, *ребрендинг*, *паркинг*, *маркетплейс*;

в) путём присоединения к заимствованной основе слова формальных средств, существующих в русском языке: *спамить*, *косплеер*, *флексить*.

Семантические неологизмы – это широко известные слова из активного словарного запаса языка, получившие новые значения (*альтернатива* – жанр рок-музыки; *мобильный* – сотовый телефон) [3].

Согласно теории словообразования, новые слова либо образуются внутри языка с помощью системных преобразований, либо заимствуются из других языков. Приведем несколько примеров заимствований и словообразования.

1. Прямая транслитерация английского слова (gamer – *геймер*; device-*девайс*; blockbuster – *блокбастер*).

2. Фонетическая мимикрия, т.е. фонетическое и грамматическое «искажение» оригинала (ICQ – *аська*, mail – *мыло*; to crack – *крякать*; Internet – *нет*; driver – *дрова*).

3. Аббревиатуры английских по происхождению и по способу словообразования слов, которые еще не используются самостоятельно в русском языке (SMS – short message service – *СМС*).

4. Словообразовательные модели продуктивного характера – образование новых слов путем сложения с сокращением основы прилагательного и существительного или сложение самостоятельных лексем с образованием сложных слов (*юбка-шорты*).

5. Суффиксальный способ – образование слов присоединением суффиксов к производящей основе (*удалёнка*, *ковидник*).

На сегодняшний день средства массовой информации являются наиболее чувствительным регистратором новых слов, значений и фраз. Они отражают изменения, происходящие во всех сферах общества гораздо быстрее, чем все другие жанры письменной речи, и в большинстве случаев являются первым письменным источником, который фиксирует появление новых слов, значений и выражений, претендующих на включение в общепринятый словарный запас.

Сейчас средства массовой информации, Интернет поражают масштабами распространения окказиональных слов. В чем причина такой популярности нестандартного словообразования? Основная цель создания неологизмов – реализовать творческий потенциал писателя и активизировать внимание читателя. Автор прибегает к созданию нового слова, поскольку существующие слова неточно отражают описываемое им явление, объект или ситуацию.

Современный мир в некотором смысле характеризуется переизбытком информации. Неологизмы – эффективный инструмент, помогающий привлечь внимание к самому тексту и выделиться из огромного потока существующей информации.

Рассмотрим некоторые примеры неологизмов в новостных заголовках.

Косплеер из Якутии выгуливал «мамонта» по ночному городу (Аргументы и факты, 2024). Слово *косплеер* образовано от англ. costume play – «костюмированная игра» и суффикса –ер– со значением лица.

Новинки мобильных технологий, причуды ИИ и цифровой концлагерь (РИА Новости, 2024). *ИИ* – аббревиатура для термина «искусственный интеллект».

Сбербанк предупредил об угрозе использования мошенниками дипфейков (РИА Новости, 2024). Лексема *дипфейк* (синтез изображения или голоса при помощи искусственного интеллекта) образована путем сложения двух слов английского происхождения – deep (глубокий) и fake (подделка).

Как организовать стриминг с максимальной пользой для бизнес-задач (РИА Новости, 2024). Слово *стриминг* образовано от англ. streaming – потоковая передача.

В России хотят бороться с несъедаемостью блюд в школьных столовых (Парламентская газета, 2023).

Жители запорожского Энергодара выбрали эскиз мурала, посвященного Году семьи (ТАСС,2024).

Рассмотренный массив неологизмов указывает на то, что авторы при создании новых слов используют как типичные, так и нестандартные методы словообразования. Слова, созданные с использованием универсальных методов, интуитивно понятны. Слова, созданные нетипичными методами, требуют тщательного анализа для понимания лежащего в их основе значения. Смелость и креативность авторов, словообразовательные возможности русского языка способствуют распространению неологизмов в Интернете и средствах массовой информации в целом.

Анализируя язык современных СМИ, можно заметить, что случайное словообразование активно развивается в областях, представляющих наибольший интерес для общественного мнения. Средства массовой информации захлестнула волна неологизмов, и количество ситуативных неологизмов на страницах газет и журналов растет день ото дня. Анализ способов образования неологизмов позволяет отметить, что расширение словарного запаса русского языка происходит по законам внутренних, языковых изменений, где начальным этапом является заимствование, а последующими этапами являются традиционные способы словообразования. Одним из наиболее продуктивных способов образования неологизмов является метод суффиксации. Такая ситуация подтверждает статус определенных способов современного словообразования, что, безусловно, говорит как об устойчивости, так и об активности процесса появления новых слов.

Литература

1. Академический орфографический словарь Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – URL: https://orfo.ruslang.ru/?ysclid=ltkgog82h6813990678
2. Ажигова Т.М., Аушева Т.М Неологизмы в современных текстах СМИ // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» 2020. № 9(30) Т. 2. – URL: https://www.xn––––8sbempclcwd3bmt.xn––p1ai/archiv/journal-9–30–2.pdf#page=4
3. Пасева А.Д. Неологизмы, их типы и пути формирования в современном русском языке // Таврический научный обозреватель. 2016. № 1–3(6). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-ih-tipy-i–puti-formirovaniya-v–
4. Скороходова Е.Ю., Щеголева М.М. Роль и употребление неологизмов в современных СМИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5–3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i–upotreblenie-neologizmov-v–sovremennyh-smi

THE USAGE OF NEOLOGISMS IN MODERN MEDIA

Kubaeva O.V.
Dagestan State University

It is well known that language is a living organism that actively reacts to changes in all spheres of human life and activity. With the development of science, culture and technology, significant changes are taking place in the vocabulary of the Russian language. They are expressed in the appearance of new words and phrases necessary to designate new objects, concepts and phenomena. In recent years, neologisms have been reflected in the media and journalism. Neologisms reflect the current state of the vocabulary. The article deals with the problem of the origin of neologisms, the ways of their formation, the use of neologisms in media texts. The purpose of this work is to describe and characterize productive ways of forming neologisms in the Russian language. The sources of the language material were online publications.

Keywords: neologism, linguistic neologisms, individual authorial neologisms, lexical neologisms, semantic neologisms.

References

1. Academic spelling dictionary of the Institute of Russian Language. V.V. Vinogradov RAS. – URL: https://orfo.ruslang.ru/?ysclid=ltkgog82h6813990678
2. Azhigova T.M., Ausheva T.M. Neologisms in modern media texts // International scientific journal “BULLETIN OF SCIENCE” 2020. No. 9(30) T.2. – URL: https://www.xn––––8sbempclcwd3bmt.xn––p1ai/archiv/journal-9–30–2.pdf#page=4
3. Paseva A.D. Neologisms, their types and ways of formation in the modern Russian language // Tauride Scientific Observer. 2016. No. 1–3(6). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-ih-tipy-i–puti-formirovaniya-v–
4. Skorokhodova E.Yu., Shchegoleva M.M. The role and use of neologisms in modern media // Current problems of the humanities and natural sciences. 2016. No. 5–3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i–upotreblenie-neologizmov-v–sovremennyh-smi

Пространство города как социокультурный феномен

Серегина Татьяна Николаевна,
кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Seregina.tatiana@gmail.com

В статье рассмотрены современные подходы к социальному пространству современных городов. Проанализированы взгляды А. Лефевра, Р. Сеннета, М. Кастельса и Д. Джекобс показана актуальность социокультурного подхода к пониманию городов и мегаполисов. Происходит трансформация взглядов на пространство города, характерное для индустриального периода развития общества как пространство социальное. Применение компаративистского и логико-исторических методов позволило выявить социокультурную составляющую в работах теоретиков, изучающих город. Отмечается необходимость коммуникативного подхода к изучению города, поиск специфической городской идентичности как перспективного направления проблематики изучения современных городов. В ходе исследования сделан вывод о необходимости выработки городского сознания на основе ценностей, норм и правил, присущих горожанам. Формирование такого типа сознания возможно при выделении исторического аспекта формирования и функционирования городов.

Ключевые слова: город, общественное сознание, идентичность, коммуникация, горожане.

Философия города изучает город с одной стороны как пространство, сформированное архитектурой, инфраструктурой, а с другой стороны как социальное пространство, пространство коммуникаций и его влияние на способ понимания города, способ осмысления, идею города.

Проблема города в современном мире становится не только важной проблемой научного изучения с точки зрения теорий, но и с точки зрения практического освоения действительности. ООН определила цели устойчивого развития, одной из 17 целей стала цель устойчивого развития городов и населенных пунктов. Она предусматривает открытость, безопасность, жизнестойкость и экологическую устойчивость городов и населенных пунктов. Главными проблемами городов и урбанизации как процесса становится экологическая проблема, проблема нищеты и трущоб в городах. Одним из решений ООН предлагает активное участие горожан в жизни города, то, что принято называть «правом на город» [21].

Начало изучения города как научного феномена стоит относить к XIX веку, когда процессы во всех сферах: экономической, политической, социальной или культурной стали разнообразными и не перестали складываться в единую картину. Город казался мозаикой или плавильным котлом, который был призван смешать и «переварить» в некоторую целостность, которая потом станет сущностью и содержанием города.

Можно выделить несколько этапов рецепции феномена города. На первом происходит эмпирическое исследование города (изучение законодательства и документов по управлению городами, описание исторических или культурных феноменов как локальных, происходящих в городах и выражающих их специфическое бытие, или изучение города и горожан как лабораторного пространства по изучению сообществ). На втором этапе происходит понимание закономерностей развития, аспектов сущностного содержания городов, понимания разнообразия и выделение общего и особенного в городском пространстве и сообществе горожан. Можно говорить о современном, третьем этапе изучения городов, когда город становится пространством для решения глобальных проблем, позволяющем вывить закономерности развития и трансформации городов, а также определить векторы развития городов. Он обладает ресурсами человеческими, социальными, креативными, экономическим, политическими для их решения.

Парадоксальным является то, что город как создает проблемы, так и призван решить эти проблемы. Город создан человеком и для человека, но он ему не соразмерен. Для того, чтобы понять каким образом и какие проблемы способен решать город и горожане необходимо понять феномен современного города, определить его функции и свойства.

Теории понимания города Г. Зиммеля. Э. Дюркгейма и Ф. Тенниса как пространство социокультурных коммуникаций, как социальное пространство благодаря чикагской школе изучения города актуальны и получили новое прочтение и развитие. Появляются новые идеи в прочтении феномена города как исторического феномена, который наполнен смыслами для понимания им людьми, передачи информации и ценностей. Актуальной становится проблема возможностей и вариантов комму-

никаций отдельных людей или сообществ, но и результаты этой коммуникации. Важно выяснить содержание понятия городская идентичность, которую связывают с историческими детерминантами формирования города.

Город начинают понимать на как количественную категорию, а как процесс творчества, в которой историческое оказывается важным фактором для нового понимания города как «динамической открытой системы социокультурных территориально-пространственных мест и потоков».[6;98] В этой связи актуальным становится определение социального пространства данное П. Бурдье, который пишет о пространстве как связи субъектов, но это не просто коммуникации, это связи «субъектов, обладающих общими признаками» [1;139]. Горожане перестают быть отдельными личностями, выполняющими обезличенные функции в городе, их связывает нечто общее, что делает их принадлежащими к этому пространственному целому.

Для современных теорий философии города важным представляется изучение проблемы городской идентичности. Одним из традиционных подходов к городу является социокультурный подход, понимание города как сообщества. Но идентичность понимается как территориальная [11;115,15;70] или психологический конструкт,[5;55] эмоциональное самоопределение к Другому, нормы и ценности в процессе социализации, социальная идентичность отдельной личности с городской общностью в результате которой формируется символический капитал, стиль жизни и нормы поведения. [13;29, 5;56] Городская идентичность феномен сложный многоуровневый, одним из важных условий ее формирования становится исторический аспект, результатом идентификации являются не только нормы, ценности, символы и социальный капитала, но и специфически городское сознание. О важности исторического компонента в своем исследовании говорит Н.С. Дягилева выделяет среди стабильных факторов формирования идентичности: местоположение, климат и история города.

Лефевр продолжает традицию изучения города как социокультурного пространства и говорит о необходимости включения исторического компонента в изучении города. Горожане не только живут в пространстве, но и конструируют его, наполняя смыслами и воспроизводя город в своем сознании. Е.А. Сертакова отмечает, что подход А. Лефевра географический и рассматривает город как место, но благодаря образным и символическим пространствам как пространствам общения и смысла, он позволяет иначе взглянуть на социальное пространство [19;24].

Триада уровней глобальное или публичное, личное или частное и промежуточное [12;378] и триада функционирования пространства: пространство мест, репрезентация пространства и пространство репрезентаций порождают три типа пространств – ментальное, историческое и социальное [12;11]. По мнению Филиппова, Лефевр любое пространство (абсолютное, оптико-геометрическое, евклидово-картезиански-нютоновское) объясняет с социально-исторической позиции [21;55]. Таким образом, значение исторического фактора в формировании пространства становится одним из ведущих в работах Лефевра. Пространство города Лефевр видит, как открытое и прежде всего как пространство досуга и праздника. Исследователи творчества Лефевра говорят о трех уровнях существования пространства – понимаемое, воспринимаемом и обживаемое, где понимаемое пространство – пространство архитекторов, политиков, инженеров и специалистов по планированию, обживаемое – пространство жителей, которое представлено символами, воспринимаемое – обеспечивает связь уровней [20;195]. Уровень понимаемого пространства соответствует научному уровню общественного сознания, что делает возможным создание теорий для изучения города как предмета научного анализа, уровень обживаемого пространства соответствуют психологическому, обыденному уровню общественного осознания горожан, воспринимаемое пространство можно трактовать как философский уровень освоения пространства города и формирования специфического городского типа сознания. Анализируя социальное пространство в современной философии, выделяют слой мышления и деятельности [7;32], что делает актуальной позицию Лефевра в представлении социального пространства города как единства социального, исторического и ментального, а необходимость выделения при изучении социального пространства мышления приводит нас к выводу о необходимости построения теории о городском общественном сознании на основе городской идентичности.

Лефевр понимает необходимость такого способа мышления о городе. Он пишет, что пространство города можно изучать как текст, оно набор символов и кодов, город – литературное произведение. Стоит заметить, что изучение города начинается с изучения истории городов, а с XIX века появляется литература, в которой города выступают главными героями. Это романы Ч. Диккенса, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя. Положительными моментами теории Лефевра является, во-первых, наличие общего кода, языка для всех жителей города, что станет основной эпистемологического изучения города, а также решающая роль истории в понимании городов: «Любой город имеет свою историю и одновременно сам является частью истории, поскольку создается и совершенствуется своими жителями в определенном историческом и событийном контексте» [2;65]. Но это не просто изучение истории городов, это изучение идей, замыслов о городе, ценностей и идеологий горожан [2;66].

Лефевр говорит о том, что социальное пространство города можно понять при помощи двух логик: визуализации, метонимии и спатиализации. Пространство можно понять через изотопию (аналогию пространства), гетеротопия (вынесение пространства за пределы друг друга) и утопия -символика и воображаемы идеальности. Парадокс, который отмечает Лефевр – это освоены те пространства, которые заполнены символами [12;357]. Таким образом, город для Лефевра открывается не просто через замысел о городе, который описывается в литературе и истории, но и через элемент утопического. Город порожден абстрактным пространством пишет Лефевр и поэтому он подчинен пространству власти и рациональности. История в городе становится ностальгией, город становится из идеи планом, поверхностью, фасадом, в городе главное – зрелищность [12;133–134]. Город – люди и социальные группы «в нем нет ничего преднамеренного, как в предмете искусства» [12;85], это разграничение производства и творчества, праздника и работы, уникального и воспроизводимого, исторического от экономического, архитектуры и урбанизма. Урбанизм и архитектура не дали разнообразия, а только повторение и технологии. Гуманизм и право горожан на город способны вернуть городу свободу, творчество. Необходимо создать политическую программу переустройства города и инициатива и акторами этого переустройства должен стать рабочий класс горожан, который до этого был подчинен буржуазией. Городское планирование, которое она осуществляло, привело к появлению утопий как разрыв между практикой и теорией.

Лефевр так характеризует современность – это общество перехода исторического в глобальное, в котором

происходит кризис идентичности, общественного сознания, ценностей и их систем, идеи превращаются в знаки и абстрактные рассказы и фантазмы [12;406]. Лефевр одним из первых понял, что пространство не может быть нейтральным, пространство города должно изучаться как пространство социальное, культурное, которое отражает общественное сознание, сознание горожан, их ценности и смыслы: «подлинно социальное значение имеет смысл пространства», смысл социален, смысл пространства – это идентификация [21;116]. Идея о ценностном и смысловом наполнении идеи пространства получит развитие в современной науке. Так А.Ф. Филиппов пишет: если социальное пространство имеет смысл, то оно предполагает участников взаимодействия [21;148], Н. Трифт говорит о необходимости изучения социального действия и взаимодействий, так как действия зависят от пространства [21;241], хотя для Э. Гидденса происходит только взаимодействие тел в социальном пространстве.

Р. Сеннет изучает город в его историческом развитии. Он, как и Лефевр, подчеркивает значение времени и исторического как детерминирующего начала формирования и развития социального пространства городов. Он показывает генезис античных и средневековых городов как диалектическое противостояние реального и воображаемого, внутреннего и внешнего [18;462]. Городу Нового времени он уделяет больше внимания. Пространство города Нового времени он характеризует через появление нового типа пространства – публичного пространства как общественного блага. По мнению Сеннета город формируют 3 силы: индустриализация, секуляризация и публичность. Город Нового времени Сеннет изучает подробно и внимательно, понимая, что характеристики, особенности современных городов лежат в эпохе формирования капиталистического мира, буржуазных отношений, появления нового типа горожанина – буржуа. Публичное пространство, новый тип горожан – буржуа порождают общественное сознание горожан. Вершинина И.А. отмечает решающее значение появления публичности в городе «Термином «публичное» стали называть жизнь, проводимую вне семьи и круга близких людей; в публичной сфере выступают во взаимодействие различные сложные социальные группы. Эпицентром публичной жизни в обществе стали города, особенно европейский столицы, в которые постоянно стекались потоки новых незнакомцев из близлежащих сел и деревень в поисках лучшей жизни» [2;141]. Сеннет считает, что переломным стал XVIII век, когда в связи с ростом городов появились места общения вне семьи, общения с незнакомцами в парках, на улицах, кафе, театрах. В городах рынок сменил ярмарку, это важное событие – появилось публичное пространство, независимое от власти. На рынке торгуют в любое время, нет регламентируемых ярмарочных дней [2;150], возникают законы конкуренции, вне христианской нравственности и без влияния церкви [17]. Рынок занимает центральное место в городе и город превращается в экономическое пространство. Сеннет говорит о смене типов общественного сознания и мировоззрения: от христианского сострадания переходят к экономическому, агрессивному, «конфликту случайных возможностей и заданности» [17]. Но одновременно это места, формального общения, где люди обмениваются информацией, функциональными сообщениями, а иногда только взглядом. Это безликий город, деперсонализированный, «мертвый» город. С одной стороны, пространство формирует характеристики общества горожан и ценности горожан, пространство города Нового времени создает унифицированного и безликого человека, горожане всех городов похожи друг на друга. А с другой стороны, личность определяют профессиональные сообщества городов. Сеннет считает, что ключевым событием, которое изменило содержание города и ценности горожан, стала французская революция, которая породила пространство города как «пространство абсолютной свободы, лишенной всякой человечности» [2;143]. Город и рынок в нем порождают буржуа, нового горожанина, для которого ценности религиозного мира сменяются экономическими, ценностями конкуренции и экономического насилия.

Сеннет говорит, что для человека Нового времени исчезает пространство, он обращается с пространством как со временем» [16]. Остается только пространство, места исчезают вместе личностью. В XIX веке манхэттенская решетка как план города, в котором нет центра, предполагается, что в таком городе нет дихотомии сакрального и профанного как в городах Античности и Средних веков снимет противоречия внутри городских сообществ, в нем коммуникации возникают хаотично и постоянно, такой город можно перестраивать по любому плану, вынимая отдельные архитектурные пазлы и на их место вставляя другие. Но и такой город не решил проблемы коммуникации и кризисного состояния людей, поиска им своей идентичности.

Современный город изменили массмедиа, что привело к феномену «страха прикосновения» [17;17], что привело к сепарации и районированию городов, но и страха Другого [17;465]. Поиск идентичности в мультикультурном городе, «симпатию к Другим» он считает этической проблемой, и он считает, что это рождает боль, которая в свою очередь подавляет стремление к целостности. Но в то же время он пишет, что целостность, тождество и последовательность – это лексикон власти, которым противопоставлен «сакральный образ тела, находящегося в состоянии борьбы с самим собой… Люди, способные признать в самих себе разлад и непоследовательность, не повелевают миром, в котором они живут, но понимают его» [17;26].

Таким образом, город, понятый как реализация власти ведет к потере смысла и не дает людям возможности понять и идентифицировать себя и других, ведет к разделению социального в городе. Экономика также приводит к негативным последствиям, идентичность горожан по экономическим критериям приводит к определению горожан через инвестиции, к экономике гетто. Массмедиа, технологии превратили людей города из толпы в потребителей, которые выполняют простые задачи нежели социальная солидарность или реализация политических властных полномочий. Сеннет предлагал выход из ситуации кризиса в форме предоставления городам и горожанам свободы, возможностей самоорганизации, а позже он стал искать выход через анализ исторического развития городов и городских сообществ.

Предметом исследования М. Кастельса стали городские сообщества и институты города в глобальном и информационном мире. Кастельс считал важным понимание контекста, в котором существуют города. В результате можно выделять две проблемы, которые определяют сущность городского сообщества: городская идентичность и проблема коммуникации и сетей в городе. Городская идентичность – идентичность с городским сообществом [14;111]. Эта проблему поднял М. Вебер, который разводил понятия городской идентичности, государственного подданства и профессиональной, сословной идентичностей. Г. Зиммель, характеризуя социальные связи как информационно насыщенные, а горожан как пресыщенных, говорит, что подобные избыточные коммуникации рождают в горожанах обособленность, отчуждение, равнодушие, рациональность. Идентич-

ность уже в конце XIXвека начинают понимать как коммуникативный процесс. Если для М. Вебера город был сообществом горожан, то для Г. Зиммеля город сосуществование отдельных сепарированных, отчужденных друг от друга личностей. Основатель чикагской школы Р. Парк учился у Г. Зиммеля, поэтому чикагская школа урбанистики наследует зиммелевскую традицию понимания горожан как отдельных личностей. Такой подход надолго определил вектор исследования горожан, что осложняло изучение города как сообщества, имеющего свои специфические ценности и общественное сознание и понимание своей идентичности. И.А. Вершина считает, что идентичность М. Кастельс предлагает понимать как систему ценностей и норм, понятых через призму исторического процесса. Он поддерживает идею Л. Вирта о соответствии городской и исторической реальности капиталистической индустриализации: «Городскую культуру, по его словам, нельзя рассматривать исключительно в оппозиции к сельской местности, поскольку она обладает конкретным содержанием, определяемым капиталистическим способом производства» [2;89]. Будучи марксистом и последователем Лефевра, Кастельс постепенно уходит от зиммелевского понимания города с жителями-одиночками, как и Лефевр он изучает город как историческое явление, горожан как мозаичное сообщество, то есть опосредовано связанных друг с другом или косвенно связанных, но все-таки объединенных общим пространством города, общей деятельностью в этом пространстве. При этом он отмечает, что горожане не способны сформировать общей идеологии. Лефевр называет горожан гражданами мира, они не принадлежат пространству города. По мнению Лефевра и Кастельса горожан объединяют властные отношения и только правящих класс в городе способен удержать их в едином пространстве города. Город в пространстве для Кастельса не существует, город как поток, процесс, сеть коммуникаций. А.А. Мусиездов приводит мнение Л. Вирта о том, что в городе не существует общей традиции и общего опыта, то не может быть и общей идентичности [23;56]. Город – это противостояние отдельной личности горожан и сети глобального мира, в таком случае невозможно формирование городской идентичности [22]. Исследователь говорит о 3 типах идентичности в работах Кастельса: легитимизирующую, вводимую институтам, идентичность сопротивления и проективную идентичность, творческую созидающую идентичность. Идентичность таким образом здесь представлена как процесс создания идей, смыслов, культур [14;114]. А.А. Мусиездов считает, что результатом такой идентификации становится появление идеологии космополитической элиты, которая заинтересована в рабочей силе, представленной локальными массами, и формирует идеологию локальных сообществ, включенных в локальные территории и в глобальное пространство потоков.

Кастельс изучает город не как результат процесса урбанизации, а процесс появления общественных пространств, районов в городе и формирование в нем ценностей, учитывая, что районы функционально и социально изолированы и разобщены. Ценности проявляются в городе как набор символов, как производство городских идеологий через социальные практики. Ценности складываются в идеологию, «идеология призвана снять противоречия, возникшие вследствие технического прогресса и индустриализации» [2;99]. В глобальных городах, мегаполисах формируется новый тип культуры. Она существует на трех уровнях: «Во-первых, у небольшого, но влиятельного меньшинства людей существует осознание общей судьбы» – космополитизм «во-вторых существует мультикультурная глобальная культура, характеризующаяся гибридизацией и смешением культур, возникших из разных источников» «в-третьих, возможно, самым фундаментальным слоем культурной глобализации является культура потребления» [9;171].

Коммуникация для Кастельса – это активность сознания как передача смыслов, создание идей как набора образов. Коммуникация – это протоколы (метафоры) [9:196]. Метафоры создают нарративы (набор фреймов – нейронных сетей ассоциаций), они соединяются с метафорами посредством языка [9;196]. Совокупность образов складываются в идеи, которые активируются протоколами коммуникаций (метафорами), порождающие нарративы (наборы фреймов). Основные протоколы коммуникаций: реклама, создание общего языка медиа, брендинг, создание сетевого дигитального гипертекста [9;179].

Вторая проблема городского пространства и горожан, автором которой стал Кастельс, это проблема существования пространства потоков как компонентов глобальных информационных сетей. Пространство потоков в городе как информационное пространство является причиной невозможности установить содержание идентичности города. Город – это пространство потоков и пространство мест [10]. Город глобального мира, мегаполисы представляют собой сеть как совокупность узлов, узлы объединяются в кластеры, наиболее значимые узлы называются центрами. Сети как коммуникации производят потоки. Сеть Кастельс характеризует тремя свойствами: гибкость, масштабируемость и живучесть. Сеть можно уничтожить только физически, материально [9;68]. Таким образом, мегаполисы как сети обладают феноменальной живучестью. Кастельс подчеркивает, что мегаполисы и глобальны, и локальны одновременно и способны к быстрой смене вариантов развития. Такая приспособляемость обеспечивается тем, что мегаполис – это научный, экономический центр, центр политического управления. При этом мегаполис – это сегментированное пространство, процесс сегментации идет в трех направлениях: территориальное, культурное, социальное [2;110].

Общества структурируются вокруг оппозиции между сетью и личностью [2;100]. Индустриальный город по мнению Кастельса – это механическая солидарность с четкими границами пригородов и деревень. Коммуникационные технологии изменили мир, он стал открытым и свободным, это пространство потоков, а не пространство мест. В сетевых городах изменилось не только понимание пространства, но и времени. «Время определяется как последовательность практик» [9;80]. Город в глобальном мире растворяет время, оно перестает определять развитие городов, оно не влияет на его изменение, на коммуникацию людей «бытие отменяет становление» [9;81], идеи прогресса перерастают быть критерием развития общества.

Сетевое общество – цифровое общество, основанное на коммуникационных технологиях микроэлектроники, функционирующих на протоколах коммуникаций, открытая сеть коммуникаций, наличие властных отношений как центра объединения разных смысловых и ценностных логик, борьба образов и фреймов «за умы и души», «культура реальной виртуальности» как пространство потоков [2;113].

Кастельс преувеличивает значение информации и коммуникации в формировании городов, не оправданным следует считать сведение сущности города к вопросам коммуникации, учитывая, что коммуникационные процессы в городе функциональны и не предполагают качественного изменениях личности и культуры.

Д. Джекобс стала одной из основоположников идей концепции «Нового урбанизма», концепции моделирования компактного города [3] с доступным для пешеходов пространства и ориентацией на экологическую, социальную безопасность. Это был новый подход к пониманию города, города как пространства для людей. В городе два вида территорий: общие, приспособлены для неспецифического публичного использования людьми пшеком – улицы, парки, вестибюли зданий. Вторые – специальные – мало используются для публичного перемещения пешком, люди ходят вдоль них, но не сквозь [4;305].

Главной ошибкой в понимании города стала идея, что город исторически складывается как произведение искусства. Город – это идея о лучшей жизни горожан, но эта идея, по мнению Джекобс, была сведена к мысли «чем лучше города – тем лучше жизнь» [8;197]. Для США город понимается как лаборатория, эта традиция была заложена еще чикагской школой урбанистики. В таком случае не только архитекторы не способны решить проблемы города, но и социологи и политологи исключаются из процесса сотворения города как проекта. Джекобс пишет об уже имеющихся проектах устройства городов, которые стали утопиями. Первый проект «Город-сад» Э. Говарда, по мнению Джекобс, разрушил идею большого города, разделив функции города по отдельным районам, считая, что город – это статичное [4;38]. Второй проект «Лучезарный город» Ле Корбюзье воплощает идею индивидуальной свободы. Джекобс настаивает, что идея Корбюзье стала продолжением иди Говарда. Эти проекты стали продолжением сентиментализма, романтической идеи Просвещения о благородном, естественном человека, с оговоркой, что город как цивилизационное пространство будет естественном, природосообразным пространством, в котором будет жить гармоничный человек.

Задача состоит в том, чтобы соединить горожан. Но на самом деле Джекобс было важно сделать город безопасным в самом широком смысле этого слова. Безопасным в физическом смысле и безопасным, то есть понятным и «своим», наполненным смыслами и ценностями. Для этого улицы, здания, общественные и коммерческие строения должны поменять свои функции и значение в городе. Город хорошо функционирует, если есть изобильное разнообразие функций, возрастов горожан, которые находятся в районе, разнообразие профессий, интересов, экономических статусов, визуально понятным и доступным [4;181].

Уровень безопасности она должен отвечать 3 критериям: необходимы глаза, устремленные на улицу, четкое разграничение между публичным и частным пространствами, на тротуаре должны быть использующие его люди [4;55]. В таком случае наряду с отчужденностью встречается «совместность» [4;91]. Так решается проблема, которую поднял К. Линч – «проклятье приграничных зон», территорий, где нет людей, нет деятельности и коммуникации людей: университеты могут стать швами, а не барьерами, библиотека свяжет улицу и двор и кампус школы [4;310], здесь возникнет публичная жизнь, это многофункциональные коммуникации вдохнут в городское пространство коммуникации людей и обеспечат их безопасность. При этом Джекобс, будучи сторонницей понимания больших городов не как копий малых (самобытных) городов уточняет, что город должен сохранить самобытности территории и функциональную идентичность [4;158].

Для этого она предлагает пересмотреть понимание города. 5 опорных столпов культуры, которая подошла к утрате памяти и культурной устойчивости: семья и общество подготовлены к распаду; высшее образование разрушено акцентом на оценках; наука и техника оказываются бессильны; правительство оторвано от своих граждан; высококвалифицированные профессии не способны организовать самоконтроль [8;70]. Необходимо обеспечивать хорошую коммуникацию и высокий моральный дух [4;160], горожане с различными идеями и целями, строящих планы и претворяющих их в жизнь вне формальной сферы общественной деятельности» [4;281].

Интересной представляется идея Джекобс о необходимости смены понимания города как формирования нового типа мышления. Она предлагает сформировать новый тип мышления на основе нового типа коммуникации, который учитывает открытия в физике, а именно открытие Уивера. «большой город как он есть – это неорганизованно-сложная задача» [4;496] большие города – организмы [4;497] «понимание больших городов, важнейшими мыслительными привычками мне кажутся следующие: 1. Думать в категориях процессов 2. Рассуждать индуктивно, идя от частного к общему, а не наоборот 3. Искать «неусредненные» ключи к решению, связанные с весьма малыми величинами, но проливающие свет на то, как функционируют более крупные и более «усредненные» величины» [4;499].

В результате исследования можно сделать следующие выводы. Город перестает быть только социальным пространством обезличенного пространства функционирования горожан, бытие которых характеризуют как отчужденного и сегментированное. Города становится коммуникативным центром творческого самоопределения горожан, место поиска ими совей идентичности, смыслов и ценностей личности или сообщества горожан. Города становится пространством коммуникаций. Важным детерминирующим фактором становится исторический фактор развития и формирования городского социокультурного пространства и на его основе складывается специфическое общественное сознание горожан. Город пытается стать плавильным котлом современной культуры, сформировать пространство для такой культуры, для сообщества горожан как носителей разных культур. Город стал воплощением идеального человека новой культуры.

Литература

1. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // THESI, 1993, Вып. 2. с. 137–150
2. Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М., Канон + РООИ «Реабилитация», 2019. 240 с.
3. Данциг Дж., Саати Т. Компактный город: проект организации городской среды. М., Стройиздат, 1977. 199 с.
4. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М., Новое издательство, 2019. 512 с.
5. Дягилева Н.С. Теоретические аспекты городской идентичности/ Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург, УРФЦ, 2013. с. 54–59.
6. Заборова Е. Н., Исламова А.Ф. Город как социальное пространство // Социологические исследования. 2013, № 2. с. 97–100
7. Иванов О.И. Социальное пространство как научное понятие и как объект эмпирического изучения // Научный результат. № 3, 2015. с. 29–34.
8. Канигел Р. Глаза, устремленные на улицу. Жизнь Джейн Джекобс. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019, 496 с.

9. Кастельс М. Власть коммуникации: учебное пособие. М., Изд. дом Высшей школы экономики. 2017, 591 с.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
11. Лебедева Е.В. Город как социальное пространство: проблемы появления коммуникативных разрывов // Социология, № 3, 2015. с. 114–121
12. Лефевр А. Производство пространства. М., Strelka Press, 2015, 432 с.
13. Микляева А. В., Румянцева П.В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска. СПБ, 2011.
14. Мусиездов А.А. Мануэль Кастельс и проблематика городской идентичности // Социология № 3, 2013 с. 109–116
15. Правотворова А. А., Кондратьева У.Г. Теоретические основания исследования городской идентичности // Творчество и современность. 2018. с. 69–79.
16. Сеннет Р. Каждый – сам себе дьявол. Париж Умбера де Романа // Логос № 2, 2002 https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/kazhdyj-sam-sebe-dyavol.html (дата обращения 16.12.2023)
17. Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. М., Strelka Press, 2016, 432 с.
18. Сертакова Е.А. Культурная география А. Лефевра в свете гуманитарных исследований социального пространства города// Теория и практика общественного развития. 2012, № 3, с. 24–26.
19. Терентьев Е.В. Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки// Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015, № 1 (29) с. 194–202
20. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПБ., «Владимир Даль», 2008. 285 с.
21. Цели устойчивого развития https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities/ https://www.un.org/ru/development/devagenda/pdf/Russian_Why_it_matters_Goal_11_Cities.pdf (дата обращения 25.12.2023)
22. Castells M. The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Cambridge, 1997.
23. Flangan W.G. Urban Sociology: Images and Structure. Allyn and Bacon, 1999. P. 56. https://archive.org/details/urbansociologyim0000flan (дата обращения 24.04.2024)

CITY SPACE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Seregina T.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article discusses modern approaches to the social space of modern cities. The views of A. Lefebvre, R. Sennett, M. Castells, and D. Jacobs are analyzed and the relevance of the sociocultural approach to understanding cities and megacities is shown. There is a transformation of views on the space of the city, characteristic of the industrial period of the development of society as a social space. The use of comparative and logical-historical methods made it possible to identify the sociocultural component in the works of theorists studying the city. The need for a communicative approach to the study of the city, the search for a specific urban identity as a promising direction in the study of modern cities is noted. The study concluded that it is necessary to develop urban consciousness based on the values, norms, and rules inherent in citizens. The formation of this type of consciousness is possible by highlighting the historical aspect of the formation and functioning of cities.

Keywords: City, social consciousness, identity, communication, citizens.

References

1. Bourdieu P. Social space and symbolic power // THESI, 1993, Vol. 2. p.137–150
2. Vershinina I.A. Modern theories of the city: sociological analysis. M., Canon + ROOI “Rehabilitation”, 2019. 240 p.
3. Danzig J., Saati T. Compact city: a project for organizing the urban environment. M., Stroyizdat, 1977. 199 p.
4. Jacobs J. Death and life of large American cities. M., New publishing house, 2019. 512 p.
5. Dyagileva N.S. Theoretical aspects of urban identity/ Branding of small and medium-sized cities in Russia: experience, problems, prospects. Ekaterinburg, URFC, 2013. pp. 54–59.
6. Zaborova E. N., Islamova A.F. The city as a social space // Sociological studies. 2013, no. 2. With. 97–100
7. Ivanov O.I. Social space as a scientific concept and as an object of empirical study // Scientific result. No. 3, 2015. pp. 29–34.
8. Kanigel R. Eyes fixed on the street. The Life of Jane Jacobs. M., Publishing house “Delo” RANEPA, 2019, 496 p.
9. Castells M. The power of communication: a textbook. M., Ed. house of the Higher School of Economics. 2017, 591 p.
10. Castells M. Information era: economics, society and culture. M., State University Higher School of Economics, 2000. 608 p.
11. Lebedeva E.V. The city as a social space: problems of the emergence of communication gaps // Sociology, No. 3, 2015. pp. 114–121
12. Lefebvre A. Production of space. M., Strelka Press, 2015, 432 p.
13. Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. Urban identity of a resident of a modern metropolis: a resource of personal well-being or a high-risk zone. St. Petersburg, 2011.
14. Musiezdov A.A. Manuel Castells and the problems of urban identity // Sociology No. 3, 2013 p. 109–116
15. Pravotvorova A. A., Kondratyeva U.G. Theoretical foundations for the study of urban identity // Creativity and modernity. 2018. p. 69–79.
16. Sennett R. Everyone is his own devil. Paris by Umber de Romana // Logos No. 2, 2002 https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/kazhdyj-sam-sebe-dyavol.html (access date 12/16/2023)
17. Sennett R. Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization. M., Strelka Press, 2016, 432 p.
18. Sertakova E.A. Cultural geography of A. Lefebvre in the light of humanitarian studies of the social space of the city // Theory and practice of social development. 2012, No. 3, p. 24–26.
19. Terentyev E.V. Toponymic activism and the “right to the city”: sociological notes // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2015, No. 1 (29) p. 194–202
20. Filippov A.F. Sociology of space. St. Petersburg, “Vladimir Dal”, 2008. 285 p.
21. Sustainable Development Goals https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities/ https://www.un.org/ru/development/devagenda/pdf/Russian_Why_it_matters_Goal_11_Cities.pdf (accessed 12/25/2023)
22. Castells M. The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Cambridge, 1997.
23. Flangan W.G. Urban Sociology: Images and Structure. Allyn and Bacon, 1999. P. 56. https://archive.org/details/urbansociologyim0000flan (accessed 24/4/ 2024)

Кочевники XXI века – цифровые

Фомичева Мария Сергеевна,
канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры математики
Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: TFomicheva@fa.ru

После пандемии, положившей начало массовому переходу к удаленной работе и последующих послаблений режима изоляции, нестабильной геополитической мировой ситуации, довольно большое количество работников осознали возможности работы в одной стране при постоянном проживании в другой. Следующим шагом стало понимание, что можно достаточно легко менять локации, продолжая удаленную работу через интернет. Такие люди получили название «цифровые кочевники». Мы проследили историю от предсказания появления этого явления в 60-е годы до современного положения вещей. В статье мы рассматриваем социальный портрет такого «нового кочевника» в разрезе возраста, образования, способа работы, гражданства, мобильности, дохода. Статус «цифрового кочевника» уже признан целым рядом государств, специальные иммиграционные для высококвалифицированных специалистов позволяют их упрощенную легализацию в странах пребывания, ключевым критерием тут выступает их уровень заработка. Необходима международная гармонизация видов законодательств, затрагивающих интересы цифровых кочевников, с целью их унификации и упрощения, что будет выгодно не только самим людям, но и всем странам.

Ключевые слова: цифровизация, занятость, миграция, цифровые кочевники, удаленщики, релоканты, удаленная работа, дистанционная работа, релокация.

Явление, когда человек живет в одном месте (стране) и работает из дома, причем место работы находится совершенно в другом месте (стране) возникло достаточно давно, практически, как только позволили коммуникационные каналы, но вполне массовую форму оно приобрело с пандемией и продолжило расширяться после.

Таким образом, сложилась новая специфическая социальная группа людей, характеризующаяся, прежде всего исключительной мобильностью. Благодаря максимально упростившемуся повсеместному доступу к Интернету, они не привязаны ни к какой географической точке, вне зависимости от того, что там расположено: место работы, учебное заведение или что-то еще. Они получили следующие названия: «цифровые кочевники» (digitalnomads), «экспаты» (expats), «техпаты» (techpats), «релоканты» (relocants). В российском обиходе прижились термины «фрилансеры», «удаленщики», «аутсорсеры», «дистанционщики», которые, на самом деле, не полностью описывают явление «цифрового кочевничества». Но, в отличии от экспатов, имеющих постоянное место проживания и работы в другой стране, около 80% цифровых кочевников не задерживаются на одном месте более 3–9 месяцев.

Исторически само явление предсказал писатель-фантаст Артур Кларк в 1964 году, считавший, что к 2014 году благодаря развитию электроники и средств связи, возможно, будет вести бизнес с Таити или Бали, аналогично как из Лондона. В 1981 году Роберт Нойс (один из изобретателей интегральной схемы и учредителей Intel) предсказывает, что в будущем для людей станет главным удобство проживания, а работа будет дистанционной. 1983–1991 годы – первый цифровой кочевник Стив Робертс путешествует по Америке на компьтеризированном велосипеде, параллельно занимаясь писательской деятельностью. 1997 год Цугио Макимото и Дэвид Мэннерс пишут фантастическую книгу «Цифровой кочевник», вводя в оборот сам термин и предсказывая грядущую мобильность человечества вкупе с удаленной работой через специальное коммуникационное устройство. 1999 год – открытие первой фриланс-биржи. 2000-е годы – появление смартфонов с мобильным интернетом, массовых социальных сетей, Wi-Fi становится широкодоступным, расцвет блогеров лайфстайла. 2010-е годы – цифровая революция, вызвавшая как кардинальные социокультурные изменения в обществе в целом, так и в повседневной работе и жизни простых людей. Цифровизация меняет все виды искусства. Мобильные устройства становятся дешевыми и доступными. Технология 4G позволяет увеличить скорость мобильного интернета. Создаются и развиваются мессенджеры (WhatsApp, WeChat, Telegram и прочие). Соцсети фактически становятся транснациональными корпорациями. Многие используют их не только для общения, но и для ведения бизнеса. 2016 год – провозглашается начало четвертой индустриальной революции и курс на всеобщую глобализацию. 2020 год – пандемия COVID-19. Практически полный перевод (в пределах возможного) работы и учебы в удаленный формат. Взрывной рост онлайн-платформ для проведения видеоконференций, совместной работы и онлай-обучения, интернет-торговли и служб доставки, финансовых онлай-технологий, виртуализации развлечений. После

пандемии все эти тенденции только продолжили свое развитие. Если сначала удаленные работники трудились из дома, преимущественно в городе, где располагается работодатель, то при постепенном снятии ряда ограничений, – из других мест, сначала внутри страны, а потом из курортных мест в других странах. Выяснилось, что удаленная работа не менее эффективна, чем офисная, причем позволяет фирмам экономить на части затрат. Теперь, многие работодатели готовы предоставлять своим работникам возможность удаленной работы. Целый ряд правительств предлагают визы цифрового кочевника с целью привлечь их в свою страну. То есть, если изначально локдауны ограничивали возможности по передвижению, то впоследствии, их можно считать катализатором, который усилил миграционную тенденцию и предпосылки к отказу от офисной работы в пользу удаленной. Можно выделить следующие глобальные факторы, способствующие распространению «IT-кочевнических» тенденций:

– развитие глобализации;
– усиление индивидуализации;
– развитие и удешевление транспортных возможностей;
– общий рост мобильности граждан;
– развитие цифровых мобильных технологий;
– возможности гибкого трудоустройства;
– эффект геоарбитража (проживание в странах с сравнительно низкими ценами, позволяющее аналогичный или даже более высокий уровень жизни).

По оценкам, на 2023 год в мире насчитывалось более пятидесяти миллионов цифровых кочевников, а к 2035 году ожидается, что их будет более одного миллиарда, что составит около трети работников во всем мире. Хотя более половины цифровых кочевников сегодня заняты в профессиях, связанных с цифровой сферой (разработчики ПО, веб-разработчики, создатели приложений, цифровой дизайн, копирайтинг, блогеры, инфлюэнсеры, ведущие своих каналов на YouTube, Telegram и т.п.), им доступны и другие профессии (около трети владеют собственным бизнесом, финансовые консультанты, инвесторы, онлайн-обучение, писатели, музыканты, менеджеры и др.).

Распространяется, так называемая, временная «климатическая» миграция цифровых кочевников, когда они ведут себя подобно перелетным птицам, выезжая на «зимовку» в южные, более благоприятные по климату страны, возвращаясь летом домой. По статистике, самыми популярными городами у цифровых кочевников являются: ноябрь – март – Бангкок, апрель – сентябрь (кроме июля) – Лондон, июль – Берлин, октябрь – Лиссабон.

На географию движения цифровых кочевников, выбирающих более спокойные страны, оказывает и мировая геополитическая нестабильность. А граждане России и Беларуси, ввиду антироссийских санкций и ограничений, переориентировались с ранее популярных европейских стран на юг и восток, где отношение дружественное или хотя бы просто нейтральное.

Демографические исследования показывают нам следующий социальный портрет цифрового кочевника:

– 51% – мужчины;
– 64% – миллениалы (год рождения с 1981 по 1996);
– 21% – поколение Z (год рождения с 1997 по 2012);
– 8% – самая большая возрастная группа – 34 года;
– средний возраст – 32 года;
– 60% – никогда не состояли в браке и не имеют детей;
– 66% – в настоящее время не состоят в отношениях;
– 54% – не исповедуют никакой религии;
– 90% имеют высшее образование (из них, 34% имеют степень магистра, 3% – кандидата наук);
– 44% – работают полный рабочий день;
– 17% – работают на условиях фриланса;
– 70% работают 40 часов в неделю или меньше;
– 33% работают более 40 часов в неделю.

Таким образом, средний цифровой кочевник – это молодой человек (практически в равной пропорции мужчины и женщины), преимущественно одинокий, высококвалифицированный специалист с хорошим образованием, но не углубленный в науку, главным приоритетом в работе которых является мобильность и большая гибкость.

Распределение по странам гражданства:

– США – 30,8 млн человек – 46%;
– Великобритания – 4,8 млн человек – 7%;
– Россия – 3,2 млн человек – 5%;
– Канада – 2,9 млн человек – 4%;
– Германия – 2,4 млн человек – 4%;
– Франция – 2,0 млн человек – 3%;
– Бразилия, Австралия, Нидерланды, Испания – от 1,0 до 1,5 млн человек – примерно по 2%.

Мы видим, что цифровые кочевники, в своем большинстве, представители развитых стран, нацеленные на максимизацию комфортных условий своей жизни и труда.

Данные по мобильности цифровых кочевников:

– 46% пребывают в одном городе меньше 1 недели;
– 33% – меньше 1 месяца;
– 14% – меньше 1 квартала;
– 57% меняют страну пребывания в течение 1 месяца;
– 29% – меняют страну пребывания в течение 1 квартала;
– 14% – меняют страну пребывания не чаще 1 раза в квартал;
– 54% посещают не более 2-х стран в год;
– 29% посещают 3–5 стран в год;
– 17% посещают более 5-ти стран в год;
– 51% владеют жилой недвижимостью;
– 61% работают из специально выделенного рабочего пространства (кабинета) в доме проживания;
– 10% работают из разных мест в доме проживания;
– 15% работают из коворкинга;
– 7% работают из кафе.

Распределение цифровых кочевников по годовому доходу, в долларах США:

– 2% – более 1 млн;
– 8% – от 250 тыс. до 1 млн;
– 36% – от 100 тыс. до 250 тыс.;
– 34% – от 50 тыс. до 100 тыс.;
– 15% – от 25 тыс. до 50 тыс.;
– 6% – до 25 тыс.;
– средний доход – более 120 тыс.;
– медианный доход – 90 тыс.;
– совокупная покупательная способность глобального сообщества цифровых кочевников – 787 миллиардов.

Можно сказать, что, в среднем, кочевники получают больше «оседлых» работников, что и позволяет им вести подобный образ высокомобильной жизни и соответствовать критериям, необходимым для получения визы «цифрового кочевника».

Важным фактором, до последнего времени ограничивавшим «новым кочевникам» возможности продолжительной работы в других странах была невозможность оперативно подтвердить свой рабочий статус, из-за чего приходилось использовать туристические визы или посещать страны с безвизовым режимом. Это накладывало определенные ограничения по максимальному числу дней пребывания или числу въездов за календарный год. Подчиняясь мировым трендам по цифровизации

и плюсы от привлечения специалистов, имеющих высокую квалификацию и востребованность, многие государства (уже более 40!) выдают им визы «цифрового кочевника» или иными способами дают возможности для долгосрочного пребывания. Условия получения этой визы могут значительно отличаться, хотя есть обязательный общий минимум:

– действующий загранпаспорт;
– подтвержденный определенный ежемесячный доход и/или минимальная сумма на банковском счете;
– медицинская страховка;
– бронь отеля или договор аренды жилья.

Следует ожидать, что по мере увеличения количества цифровых кочевников, расширения круга стран, приглашающих их, будут смягчаться требования по выдаче виз и расширяться права приезжающих.

Наиболее привлекательными странами для цифровых кочевников можно признать:

– Аргентина – несмотря на нестабильность экономики и валюты – предоставляет легкие условия по легализации проживания, массовое владение английским языком, льготы по обмену валюты, после рождения ребенка родителям может быть предоставлено гражданство, позволяющее безвизовый въезд в 171 страну мира;
– Бразилия – в городе Пипа создано второе в мире цифровое сообщество, объединяющее удаленных работников, помогающее им с предоставлением доступного жилья и фактическим созданием целых кластеров;
– Объединенные Арабские Эмираты (прежде всего Дубай) – мягкое налоговое законодательство и налоговые льготы, политический нейтралитет и курс на привлечение иностранных специалистов и капиталов, масштабные жилищные проекты, легализация криптовалюты;
– Турция – пока еще невысокие цены, клиентоориентированность местного населения, возможность ведения бизнеса, господдержка социальной инфраструктуры;
– Таиланд – несмотря на жесткое миграционное законодательство, существует большое разнообразие визовых программ, солидный геоарбитраж, ориентация экономики на сфере услуг, в первую очередь, для обеспеченных приезжих;
– Индонезия, в первую очередь, Бали – развитый рынок жилья, большое русскоговорящее сообщество, развитая сфера общепита и развлечений;
– страны – бывшие республики СССР, в первую очередь, Грузия, Казахстан, Киргизия – особенно интересны для граждан России – географическая близость, русскоязычность и доброжелательность значительной части населения, возможность вписаться в программы по привлечению высококвалифицированных зарубежных кадров, возможность обслуживания в российских банках.

Составляются рейтинги для стран, лучших для жизни и легализации цифровых кочевников. Но, на самом деле, какого-то универсального рецепта не существует, т.к. каждый релокант при выборе места или мест пребывания руководствуется своими личными интересами: жизненными, рабочими, семейными, финансовыми, может быть какими-то иными, а также теми проблемами, которые могут возникать, например, наличие поручителей из местных жителей для заключения договора аренды, сложности с устройством ребенка в местный детский сад и т.п.

Главной проблемой, касающейся цифровых кочевников, в настоящее время является налогообложение, в частности, чьим именно налоговым резидентом будет являться удаленный работник, как и когда должен меняться его налоговый статус, какое и чье налоговое законодательство он должен соблюдать. Эта проблема стоит перед мировым и российским экономическим сообществом, государственными органами, т.к. реальна следующая ситуация: работник трудоустроен в одной стране, получает из нее основной доход, но, одновременно получает пассивный доход из другой страны и дополнительный доход из третьей на свой зарубежный банковский счет, фактически, же проживает в четвертой, производя основные траты там.

Естественно, что фрилансеры, имеющие клиентов в разных странах, выбирают местом пребывания ОАЭ с его мягким налоговым и криптовалютным законодательством, соглашаясь получать зарплату в криптовалюте. Все чаще в международных досках объявлений указывается конкретная криповалюта (чаще всего какой-либо стейблкоин) в которой будет производиться оплата за определенный контракт. Это удобно для заказчиков, проводящих оплату невидимо для государственных налоговых органов, избегая налоговых и социальных отчислений, и для собственно работников, не связывающихся со всеми налоговыми проблемами, а просто конвертирующими криптовалюту в фиатную валюту.

Согласно социологическому опросу 2023 года, проведенному компанией Buffer как удаленщики оценивают свою жизнь:

– 98% готовы рекомендовать другим людям заняться удаленной работой;
– 98% хотят продолжать оставаться в этом же статусе;
– 68% оценивают свой опыт «очень положительно»;
– 23% – «в чем-то позитивно»;
– 8% – «нейтрально»;
– 1% – «есть что-то негативное».

Таким образом, мы видим практически подавляющее удовлетворение образом жизни, который ведут цифровые кочевники.

Параллельно все более популярна становится шеринговая экономика, как концепция образа жизни, во многом дополняющая философию цифровых кочевников. Шеринг подразумевает отказ от личного владения, скажем, такими видами собственности, как жилье и автомобиль, и совместное с другими использование их. Например, зачем покупать автомобиль, если можно использовать каршеринг? Зачем покупать или арендовать на длительный срок жилье, если через сервисы краткосрочной аренды можно находить новые интересные локации? Популяризуется и такое явление, как коливинг – одновременно совместное место проживания и работы. Например, в Швейцарии спрос на этот формат у цифровых кочевников вырос в 10 раз.

Тотальная цифровизация всех сторон жизни порождает новые формы мобильности, такую, как цифровые кочевники, требующую изменения традиционных подходов к миграционной политике и регламентации международного рынка труда. Необходимо на международном уровне согласовать и унифицировать все связанные с феноменом «цифровых кочевников» виды законодательства (миграционное, налоговое, банковское и пр.). Это пойдет на пользу не только самим «новым номадам», но и странам, как «принимающим», так и «отправляющим».

Литература

1. Добринская Д.Е. О феномене цифрового кочевничества. https://cyberleninka.ru/article/n/o-fenomene-tsifrovogo-kochevnichestva

2. Таишева В.В. Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политический анализ. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2022, т. 24, No 3, сс. 460–479.
3. Яковлева. Е.Л., Селивесторова Н.С., Григорьева О.В. Концепция электронного кочевника: риски развития цифровой экономики. Актуальные проблемы экономики и права, 2017, т. 11, No 4, сс. 226–241.
4. Есакова П. Цифровое кочевничество как новое мировоззрение.: https://rb.ru/longread/cifrovoe-kochevnichestvo/?ysclid=lfdz4tuu6f476073640
5. Рязанцев С., Рязанцев Н. Миграция "цифровых кочевников": глобальные тренды и позиции стран. Мировая экономика и международные отношения, 2024, том 68, № 2, сс. 116–126.
6. История цифровых кочевников: полвека в поисках свободы. https://travcave.ru/articles/digital-nomad-history/
7. Цифровые кочевники это новые герои рабочего класса. https://travcave.ru/articles/czifrovye-kochevniki-novye-geroi-rabochego-klassa/
8. Носовский А. Как стать цифровым кочевником в 2024 году. https://iworld.com/ru/blog/digital-nomad
9. Курмукова А. Фрилансеры кочуют по миру. https://www.kommersant.ru/doc/6731535
10. Третяк С. Цифровые кочевники: кто это такие и что стоит учесть при выборе такого образа жизни. https://netology.ru/blog/01–2022-digital-nomads
11. Ведерников А. Мир без границ: как удаленная работа меняет географию и формы занятости. https://trends.rbc.ru/trends/social/6389cb3b9a79475caca71861?from=copy
12. Цифровые кочевники. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Цифровые_кочевники

21ST CENTURY NOMADS ARE DIGITAL

Fomicheva T.L.
Financial University under the Government of the RF

After the pandemic, which marked the beginning of a massive transition to remote work and subsequent easing of the isolation regime, an unstable geopolitical global situation, quite a large number of workers realized the possibility of working in one country while permanently residing in another. The next step was the understanding that you can easily change locations while continuing to work remotely via the Internet. These people are called "digital nomads." We have traced the history from the prediction of the appearance of this phenomenon in the 60s to the current state of affairs. In the article we examine the social portrait of such a "new nomad" in terms of age, education, mode of work, citizenship, mobility, and income. The status of a "digital nomad" has already been recognized by a number of states; special immigration documents for highly qualified specialists allow their simplified legalization in the host countries; the key criterion here is their level of earnings. International harmonization of the types of legislation affecting the interests of digital nomads is necessary in order to unify and simplify them, which will benefit not only the people themselves, but also all countries.

Keywords: digitalization, employment, migration, digital nomads, remote workers, relocants, remote work, remote work, relocation.

References

1. Dobrinskaya D.E. About the phenomenon of digital nomadism. https://cyberleninka.ru/article/n/o-fenomene-tsifrovogo-kochevnichestva
2. Taisheva V.V. Digital nomads and migration processes in the Russian IT sphere: political analysis. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science, 2022, vol. 24, No. 3, pp. 460–479.
3. Yakovleva E.L., Selivestorova N.S., Grigorieva O.V. The concept of an electronic nomad: risks of developing the digital economy. Current problems of economics and law, 2017, vol. 11, No. 4, pp. 226–241.
4. Esakova P. Digital nomadism as a new worldview.: https://rb.ru/longread/cifrovoe-kochevnichestvo/?ysclid=lfdz4tuu6f476073640
5. Ryazantsev S., Ryazantsev N. Migration of "digital nomads": global trends and positions of countries. World economy and international relations, 2024, volume 68, no. 2, pp. 116–126.
6. The history of digital nomads: half a century in search of freedom. https://travcave.ru/articles/digital-nomad-history/
7. Digital nomads are the new heroes of the working class. https://travcave.ru/articles/czifrovye-kochevniki-novye-geroi-rabochego-klassa/
8. Nosovsky A. How to become a digital nomad in 2024. https://iworld.com/ru/blog/digital-nomad
9. Kurmukova A. Freelancers roam the world. https://www.kommersant.ru/doc/6731535
10. Tretyak S. Digital nomads: who they are and what to consider when choosing this lifestyle. https://netology.ru/blog/01–2022-digital-nomads
11. 11 Vedernikov. A. A world without borders: how remote work is changing geography and forms of employment. https://trends.rbc.ru/trends/social/6389cb3b9a79475caca71861?from=copy
12. Digital nomads. https://www.tadviser.ru/index.php/Article: Digital_nomads

Особенности государственного управления в условиях информационного общества

Фрунзеева Жайнагуль Нурланбековна,
аспирант, Кыргызско-Российский славянский университет имени Б.Н. Ельцина, старший преподаватель НОУ УНПК «Международный университет Кыргызстана»
E-mail: Frunzeeva.zh@gmail.com

Майрамбек кызы Адина,
аспирант, Институт философии им. академика А.А. Алтмышбаева, Национальная академия наук Кыргызской Республики
E-mail: adinamajrambekova707@gmail.com

Брусиловский Денис Александрович,
доктор философских наук, начальник отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

Апсаматова Эльвира Джумабековна,
кандидат философских наук, старший преподаватель, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: elvira.apsamatova@mail.ru

В статье анализируется новая модель государственного управления, рассматривается специфика ее функционирования в информационном обществе. Коснувшись опыта зарубежных стран по созданию новой модели государственного управления, которая в XXI веке пришла на место старой классической модели, авторы статьи обращаются к российской системе государственного управления, особенность которой заключается во введение в управленческий механизм информационно–коммуникационных технологий (ИКТ). Модернизация системы государственного управления в России построена на цифровизации, что облегчает жизнь как юридических, так и физических лиц, поскольку взаимодействие между ними и властью становятся прозрачнее. Кроме того, запросы граждан относительно тех или иных услуг в условиях цифровизации обрабатываются более оперативно. На основе анализа отечественной и зарубежной литературы делается вывод, что внедрение цифровых технологий в государственное управление является не только необходимым, но и неизбежным, поскольку открывает новые возможности взаимодействия управленцев и народа.

Ключевые слова: цифровизация, информационное общество, государственное управление, электронное правительство, Российская Федерация.

Россия как евразийское государство становится центром прогресса, восстановления международного права и международной справедливости, суверенитета государств Востока. Она знает запросы и потребности мусульманского мира и становится культурно–политическим мостом между Востоком и Западом, Азией и Европой. Партнерство России с Востоком и Западом не только отвечает евразийскому характеру этой страны, но и ее исторически сложившемуся менталитету и религиозно–этническому составу. Специфическим образом складывается в Российской Федерации горизонтальная централизация, в результате которой ключевую роль в стране играет институт главы государства. Несмотря на функционирование всех необходимых для смешанной республики институтов, таких как правительство, парламент, судебная власть, объем принимаемых Президентом решений в разы превышает схожие показатели в зарубежных государствах. Такое позитивное явление необходимо аргументировать.

В качестве аргументированного примера приведем данные из книги «Государственное управление в России и зарубежных странах» известного ученого Г.Т. Сардаряна: «В период между 2012 и 2018 гг. Президентом России было подписано 4522 указа. В США аналогичным подзаконным актом является “Executive Order” (исполнительный указ) Президента. За тот же самый период глава государства в Соединенных Штатах Америки издал 259 указов. Разница в 17 раз демонстрирует не только разную роль Президента в России и США, но и достаточно условный характер моделей республиканского правления, согласно которым Россия – смешанная, а США – президентская республики. Американская система, несмотря на отсутствие механизма участия законодательной ветви власти в формировании правительства, предполагает чрезвычайно высокую роль Конгресса, который обладает широкими полномочиями, зачастую способными ограничить исполнение главой государства собственных функций. В свою очередь, в России, вопреки конституционно закрепленной смешанной модели республиканского правления, система государственного управления тяготеет к центральной роли главы государства, который, зачастую, осуществляет ручное управление в самых сложных и кризисных отраслях страны» [15, с. 62]. Это важные показатели для дальнейшего конструктивного развития России как евразийского государства в условиях санкционной политики и цифровой трансформации бизнеса.

Чтобы достичь в кратчайшие сроки поставленных целей в процессе ускоренного развития государства, необходимо повысить эффективность государственного и муниципального управления, что требует поиска новых подходов и применения качественно новых инструментов для решения данной задачи [14, с. 40]. Выработка новых подходов потребует длительного времени и анализа огромного массива информации в сфере государственного управления. Исследователям данной темы необходимо будет обратить внимание на систему управления государственными данными и концепцию открытых данных, систему межведомственного электронного взаимодействия, государственную инфраструктуру облачных вычислений.

В российской научной парадигме государственное управление принято рассматривать как «деятельность государственных органов (преимущественно органов исполнительной власти), в процессе которой реализуются идеи управления, воплощенные в нормативно-правовой документации» [10]. Во второй половине XX века была создана классическая бюрократическая система государственного управления. Авторами ее являются У. Уилсон и М. Вебер. Однако, с рождением информационного общества эта система оказалась неэффективной, т.к. она отличается строгой иерархической подчиненностью государственных институтов, жестким распределением функций между ними в рамках одного уровня власти, строгой регламентацией деятельности субъектов управления. А когда в процессе управления социально-экономическими процессами «цели не могут быть реализованы и/или затраты на их реализацию слишком высоки, то необходимы поиски других, альтернативных, методов и моделей управления» [19].

Реформы системы государственного управления, проводимые в Российской Федерации в последние десятилетия говорят о том, что в новых реалиях функционирования государства российские ученые также отказались от использования традиционной модели управления в пользу новой управленческой концепции, отличающаяся от появившейся ранее концепции в США[1]. Напомним, что основную цель концепции нового государственного управления (New Public Management[2] – термин ученого из Великобритании Кристофера Худа для обозначения нового взгляда на организационную структуру в государственном секторе) зарубежные исследователи Д. Осборн и Т. Геблер[3], определили как «обеспечение эффективности всех форм государственного управления: экономической, социальной и организационной» [23]. При этом, как они отмечали, в процессе реализации новой управленческой модели меняются взаимоотношения народа и властных структур. Граждане выступают в роли клиентов, а государство становится «сервисной организацией», оказывающей услуги юридическим и физическим лицам. По этому аспекту наблюдается некоторая схожесть, а в остальном есть существенные отличия от российской концепции. Например, ученые Ю.В. Коженко и А.Ю. Мамычев также называют новую модель государственного управления «сервисной» моделью [11], а исследователь Ю.И. Дубровин государство, в котором создана новая модель управления, именует «сервисом гарантированного обслуживания» [8]. Но при этом большинство российских ученых считают, что государство должно в обязательном порядке предоставлять населению услуги, отвечающие потребностям граждан. Это оказалось возможным лишь в начале XXI столетия, когда общество стало входить в цифровую эпоху. В этот период в Российской Федерации начался процесс совершенствования системы государственного управления в соответствии с основополагающими конституционными принципами, направленными на защиту прав и свобод граждан и построение правового государства, а сфера административной реформы претерпела кардинальные изменения.

7 мая 2012 года президент Российской Федерации В.В. Путин подписал указ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», в котором был определен новый вектор модернизации государственного управления в России, направленный на создание эффективной системы государственных и муниципальных услуг, предоставляемых населению органами государственной власти. Так в систему взаимодействия государственных органов с физическими и юридическими лицами были включены информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) [25]. Это был важный момент для дальнейшего развития России как евразийского государства в диалоге культур и партнерстве цивилизаций. Ценности, имеющие первостепенную важность на Западе, гораздо менее значимы в России и остальном мире [1; 3; 4; 5; 6; 7; 13; 17; 20]. Кстати, именно во внешней политике Россия последовательно исходит из того, что решение региональных и глобальных проблем следует искать не через конфронтацию, а через информационное сотрудничество и взаимное уважение.

Государственная политика в сфере управления реализуется в рамках двух направлений. С одной стороны, она фокусируется на развитии информационного общества, а с другой, проводит мероприятия, связанные с созданием электронного правительства.

Под информационным обществом следует понимать «новую постиндустриальную форму организации общества, характеризующуюся интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и широким использованием юридическими лицами, гражданами и государственно–властными структурами» [16, с. 201]. Согласно этому определению, информационное общество можно назвать обществом новой формации или качественно новой формой социальной организации.

Еще в 1999 году по инициативе Государственного комитета Российской Федерации по связи и информатизации и Комитета по информационной политике и связи Государственной Думы была разработана Концепция формирования информационного общества в России. В этой Концепции были отражены социально-политические, экономические, культурные, технические и технологические предпосылки и условия перехода к информационному обществу, представлена «специфика российской информатизации» [18, с. 49].

Модернизации системы государственного управления с использованием ИКТ началась в 2010 году, когда была принята государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020)». В период с 2014 по 2019 года в связи с принятием ря-

[1] Концепция New Public Management изначально внедрялась в Великобритании, Новой Зеландии, США и Скандинавии в середине 1980-х гг. Очевидными преимуществом системы стал так называемый аутсорсинг, когда целые группы функций государственной власти передавались для реализации в частный сектор, что в условиях прежней конкуренции за право их выполнения приводило к отбору исполнителей, готовых осуществлять работу за наименьшую стоимость и с наиболее высоким качеством. Концепция в исходной форме устарела. Тем не менее необходимо учитывать, что применение New Public Management возможно исключительно в условиях уже сложившегося бизнес-сообщества, обеспечивающего гибкость и конкурентоспособность в борьбе за контракты с устоявшейся правовой системой (см. научные труды Г.Т. Сардаряна).

[2] Сегодня термин New Public Management вышел за рамки, очерченные Худом, приобрел новые оттенки и теперь целый ряд российских ученых использует его для изучения качественно новой модели институциональной экономики, изменений процедур разработки политики, культуры и т.д. Особенно это касается кросс-правительственной координации, реформ регулятивной политики, общественных консультаций и процессов адаптации и взаимоадаптации между государствами в цифровую эпоху.

[3] По теме исследования см. также: Reinventing the Business of Government: An Interview with Change Catalyst David Osborne by Bruce G. Posner and Lawrence R. Rothstein From the Magazine (May–June 1994); Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector, by David Osborne and Ted Gaebler. – New York: Addison-Wesley, 1992–420 pp. – https://doi.org/10.1002/pam.4050130113.

да нормативно-правовых документов, среди которых особое место занимают «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030» от 9 мая 2017 года, эта программа была скорректирована. Согласно «Стратегиям», а также нескольким принятым концепциям (например, «Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде», «Концепции региональной информатизации» и др.), в РФ стало развиваться информационное общество, направленное на

- потребности населения в получении достоверной и качественной информации;
- развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации;
- создание российских ИКТ-продуктов, которые могли бы создать конкуренцию зарубежным аналогам [18, с. 55].

Процесс перехода России к информационному обществу проходил поэтапно.

На первом этапе происходило создание официальных сайтов государственных структур российской власти – федеральных министерств и ведомств.

На втором этапе гражданам России стали предоставляться государственные и муниципальные услуги, но эти услуги пока еще носили выборочный характер.

На третьем этапе был разработан и введен в эксплуатацию электронный портал государственных услуг, благодаря чему появилась «новая форма взаимодействия государственной властью и гражданами» [2, с. 60].

Именно на последнем, третьем, этапе развития информационного общества начался переход к цифровой модели государственного управления, или электронному правительству, которое есть организация цифрового взаимодействия между органами власти и их подразделениями, гражданами, общественными организациями и бизнесом на основе информационных технологий, интернета и мобильных технологий. Создание электронного правительства трансформировало традиционные отношения между народом и властью. По мнению исследователя А.М. Белобородько, появление электронного правительства не просто изменило структуру государственного управления, а стало «фундаментальным сдвигом», открывшим новые возможности «общения» в Интернет-пространстве [2, с. 61].

Но если в первые десятилетия XXI столетия функционирование электронного правительства (на Западе, естественно) сводилось, как правило, к предоставлению государственных услуг в онлайн-режиме, то с появлением новых цифровых технологий, электронное правительство, ставшее «цифровым», стало новым (в буквальном смысле слова революционным) способом взаимодействия между правительством и гражданами. Сегодня под цифровым правительством понимается уже «не изолированная система предоставления государственных услуг, а планомерное внедрение современных ИКТ в деятельность государственных учреждений с целью повышения эффективности и прозрачности работы государственного аппарата, что позволяет осуществлять электронный обмен данными и процессами между государственными учреждениями и гражданами и напрямую взаимодействовать» [22].

Изначально перед цифровым правительством ставились самые амбициозные задачи – «иерархическая, малоподвижная и закрытая система управления должна была смениться гибкими, горизонтально связанными структурами, оперативно взаимодействующими друг с другом, открытыми для контроля в любом звене и быстро и эффективно взаимодействующими с гражданами» [24].

Исследователи по-разному описывают понятие «цифровое правительство», выделяя различные его аспекты. По мнению зарубежных исследователей, в самом общем виде цифровое правительство – это «теория и практика прямых (governance) и обратных (control) отношений между государственными и муниципальными органами власти, с одной стороны, и гражданами, с другой, на основе широкого использования цифровых технологий [21, с. 510].

В России модель цифрового правительства, в первую очередь, связана с

- реинтеграцией бюрократических структур, в результате которой стало возможно «создание новых административных механизмов, приведших к сокращению расходов, уменьшению избыточных и дублирующих функций в некоторых административных органах и упрощению организации государственного управления за счет унификации и стандартизации работы входящих в него ведомств» [2, с. 60];
- направленностью государственного управления «на потребности граждан, на практику предоставления государственных услуг (таких, как например, «одно окно»), на «гибкость» государственных учреждений, способных решать проблемы в режиме реального времени и быстро реагировать на запросы граждан» [2, с. 60];
- цифровизацией государственного управления, охватывающей все правительственные ведомства и включающей, где это возможно, широкое внедрение электронных услуг с помощью новых форм автоматизации с упором на технологии, не требующие вмешательства человека [2, с. 61].

Именно последний пункт крайне важен, поскольку именно цифровизация государственного аппарата способствует его трансформации на организационном и финансово-бюджетном уровнях и создает систему потребления государственных услуг в цепочке «гражданин – государство», где существует постоянная обратная связь и появляются новые формы и методы организации государственного управления [12].

Российский автор книг по цифровому государственному управлению С.Г. Камолов считает, что благодаря новой модели государственного управления, носящей цифровой характер, «появляется возможность принимать некоторые решения не только быстрее, но и в режиме реального времени… Многие процессы (государственные закупки, отчетность, проекты решений) становятся транспарентными для граждан» [9, с. 451].

Но, несмотря на пользу цифровизации государственного управления, нельзя не отметить угрозы и риски, связанные с интеграцией ИКТ в систему управления. С.Г. Камолов называет их «цифровыми ловушками».

Одной из таких «ловушек» являются так называемые «цифровые приемные», которые могут привести к «цифровой бюрократии». Гражданин, пытаясь решить свой «наболевший» вопрос на порталах или сайтах цифровых услуг, зачастую не может «достучаться» в тот или иной орган власти. «Проблема даже не в том, – пишет С.Г. Камолов, – что существование электронных приемных на самом деле не приближает государство к своим гражданам. Важно создать такую автоматизированную систему управления, чтобы граждане не “выпадали” из режима “онлайн” в режим “офлайн” в процессе взаимодействия с государством» [9, с. 457]. В качестве примера он приводит механизм досудебного (внесудебного) рассмотрения жалоб при получении государственных и (или) муниципальных услуг. В то время как услуги предоставляются онлайн, сами жалобы обрабатываются оффлайн, что приводит к снижению скорости обработки

обращений граждан, ослаблению контроля, да и вообще к бюрократической волоките. Сейчас в регионах мы наблюдаем конструктивные и позитивные тенденции в решении подобных проблем.

Еще одной «ловушкой» цифрового управления являются кибер-угрозы и кибер-уязвимость. В связи с этим, как он считает, «необходима разработка и поддержка в рабочем состоянии дублирующих аналоговых (офлайновых) программно-аппаратных платформ управления, что является затратным делом с точки зрения финансовых и временных ресурсов» [9, с. 457]. И в то же время государство не может позволить себе не создавать независимых и защищенных дублирующих систем управления в контексте войны и ядерного терроризма. В условиях санкционной политики и частых хакерских атак подобная мера защиты является необходимостью. Следует также признать, что конструктивный диалог предполагает отказ от аморальной политики. Современный мир нельзя строить лишь средствами политики, с ведущей идеей о «равновесии страха», когда приходится угрожать применением ядерного оружия, чтобы предупредить несправедливую агрессию, а порой для сохранения гуманистических идеалов и ценностей [1; 3; 4; 5; 6; 7; 13; 17; 20]. И дело не только в том, что на протяжении уже многих десятилетий возрастает опасность ядерного коллапса. К ядерному, бактериологическому, химическому оружию добавились новые возможности техногенного характера, а это уже беспрецедентная нагрузка на природную среду.

Но, несмотря на некоторые «недочеты», цифровизация государственного управления имеет много «плюсов». Прежде всего, она помогает устранить проблему отсутствия преемственности в управлении. Специфика государственных задач такова, что зачастую чиновник принимает решения, связанные с выполнением многолетних, долгосрочных задач для эффективного развития страны. «Взять, к примеру, создание самолетов нового поколения. Решение задачи такого масштаба может потребовать десять и более лет. Очевидно, что за такой период сменится не одна команда управленцев, а задача должна выполняться ритмично, в соответствии с определенным графиком. Цифровые базы данных и знаний существенно облегчат передачу накопленного опыта между поколениями управленцев» [9, с. 459].

В процессе исследования мы пришли к выводу, что именно государственное управление нового типа нацелено на качественную составляющую в осуществлении взаимодействия с гражданами, на их систематическое «общение» и взаимоадаптацию с целью достижения договоренности по тому или иному государственно-политическому, экономическому, социальному и т.п. вопросу.

Российская система государственного управления – это не только хорошо организованная и эффективная система и структура административных органов, являющихся ключевыми субъектами государственного управления, но и система, тесно взаимодействующая со структурами гражданского общества. Цифровая трансформация бизнеса и политической культуры способствует эффективности государственного управления, ставшая одним из приоритетных направлений национального развития Российской Федерации.

Литература

1. Ажыбекова К.А. Коррелятивная взаимосвязь культуры и цивилизации (методологические аспекты) / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 3. – С. 9–16. – DOI 10.24158/fik.2017.3.1. – EDN YFUOAB.
2. Белобородько А.М. Развитие технологий государственного управления в современной России // МЭИ.RU.: сборник статей Всероссийской научной конференции. – М.: Московский экономический институт, 2019. – С. 56–66.
3. Брусиловский Д.А. Методологические проблемы сравнительного анализа цивилизаций / Д.А. Брусиловский // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 4. – С. 39–43. – DOI 10.24158/fik.2017.4.8. – EDN YJMEFZ.
4. Брусиловский Д.А. Реализация межкультурных возможностей диалога Запада и Востока в политико-правовой сфере / Д.А. Брусиловский, О.А. Тогусаков // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2016. – № 12. – С. 206–214. – EDN YNWLWR.
5. Брусиловский Д.А. Специфика воздействия «мягкой силы» России, Китая и США на Центральную Азию в условиях глобализации / Д.А. Брусиловский, И.И. Есипов // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9, № 8(48). – С. 1779–1798. – EDN PPIEDQ.
6. Брусиловский Д.А. Стратегия мира: глобальная интеграция между исламофобией и «столкновением цивилизаций» / Д.А. Брусиловский, И.И. Есипов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2019. – Т. 9, № 6(51). – С. 889–900. – EDN ZYLRCH.
7. Диалог культур и взаимоадаптация цивилизаций в условиях мегасоциальной интеграции / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский [и др.] // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 128–135. – EDN YSPCDM.
8. Дубровин Ю.И. Новые направления современных административных реформ в ведущих странах Европейского союза // Власть. – 2009. – № 1. – С. 131–134.
9. Камолов С.Г. Государственное управление в цифровую эпоху // «25 лет внешней политике России»: сб. материалов / под общ. ред. А.В. Мальгина. Т. 2. – М.: МГИМО–Университет, 2017. – С. 449–460.
10. Канунникова Н.Г. Эволюция управления и современные подходы к определению его понятия. Социальное управление // Административное право и процесс. – 2012. – № 9. – С. 20–25.
11. Коженко Я.В., Мамычев А.Ю. Сервисное государство: Проблемы теории реализации // Власть. – 2010. – № 3. – С. 44–46.
12. Косоруков А.А. Цифровая модель правительства: теория и практика современного государственного управления // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. – 2017. – Т. 20. – № 3 [электронный ресурс].
13. Межкультурные коммуникации в развитии современного мира / М.П. Бузский, Д.А. Брусиловский, Я.В. Мещерякова, О.В. Ангел // Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция: Сборник статей участников Международной молодежной научно-исследовательской конференции, Екатеринбург, 25–26 октября 2016 года / Федеральное агентство по делам молодежи России; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»; Министерство физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (факультет глобальных процессов) и др.. – Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего

профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 3–15. – EDN YJLWZN.
14. Мирошников С.Н. Сущность и содержание понятий «государственное управление» и «управление развитием» в современных условиях // Перспективы науки. – 2018. – № 9(18). – С. 40–44.
15. Сардарян Г.Т. Государственное управление в России и зарубежных странах. – М.: Кнорус, 2022. – С. 62.
16. Секирина Е.Е. Модернизация публичного управления в условиях развития информационного общества // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2018. – Т. 5. – № 2. – С. 200–206.
17. Соотношение различных уровней организации взаимоадаптации цивилизаций в стратегии их выживания / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский [и др.] // Социально-политические науки. – 2019. – № 1. – С. 141–145. – EDN YYWXQL.
18. Цифровизация публичного управления / под общ. ред. С.Н. Костиной. – Екатеринбург: Изд-во УрФГУ, 2022. – 111 с.
19. Barkov A., Sokolov A., Kiselev A. The structure of the e-state and public administration at the digital age // URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2021/20/shsconf_lisid2021_01008.pdf.
20. Brusilovskii D. Dialogue and tolerance in the modern era. Practical recommendations to achieve a positive and effective intercultural and interreligious dialogue / D. Brusilovskii. – Bishkek: NEO PRINT, 2015. – 150 p. – (Scientists of the Kyrgyz Republic). – EDN ZQROXT.
21. Kassen M. A promising phenomenon of open data: A case study of the Chicago open data project // Government Information Quarterly. – 2013. – No 4 (30). – Pp. 508–513.
22. Lips M., Taylor J.A., Bannister F. Public Administration in the Information Society: Essays on Risk and Trust // Information Polity. – 2005. – No 10 [электронный ресурс].
23. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. – New York: Addison-Wesley, 1992. – 405 p.
24. Robertson S.R., Vatrapu R.K. Digital Government // Annual review of information science and technology. – 2010. – No 1 (44). – Pp. 317–364.
25. Vasilenko L.A. Public Policy in Digital Society // Culture, personality, society in the conditions of digitalization: methodology and experience of empirical research: XXIII Международная конференция. – Екатеринбург: Институт современных технологий управления, 2020. – С. 416–422.

PECULIARITIES OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE INFORMATION SOCIETY

Frunzeeva Zh.N., Mairambek A., Brusilovskii D.A., Apsamatova E.D.
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin; National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic; Kyrgyz National University named of Zhusup Balasagyn

The paper analyzes the new model of public administration, considers the specifics of its functioning in the information society. Having touched upon the experience of foreign countries in creating a new model of public administration, which in the XXI century took the place of the old classical model, the authors of the article turn to the Russian system of public administration, the peculiarity of which is the introduction of information and communication technologies (ICT) into the management mechanism. Modernization of the public administration system in Russia is built on digitalization, which makes life easier for both legal entities and individuals, as the interaction between them and the authorities becomes more transparent. In addition, citizens' requests for certain services in the conditions of digitalization are processed more quickly. Based on the analysis of domestic and foreign literature, it is concluded that the introduction of digital technologies in public administration is not only necessary, but also inevitable, as it opens up new opportunities for interaction between managers and the people.

Keywords: public administration, digitalization, information society, e-government, Russian Federation.

References

1. Azhybekova K.A. Correlative relationship between culture and civilisation (methodological aspects) / K.A. Azhybekova, O.A. Togusakov, D.A. Brusilovskii // Society: Philosophy, History, Culture. – 2017. – Issue 3. – P. 9–16. – DOI 10.24158/fik.2017.3.1. – EDN YFUOAB.
2. Beloborodko A.M. Development of public administration technologies in modern Russia // MPEI.RU.: Collection of articles of the All-Russian scientific conference. – Moscow: Moscow Economic Institute, 2019. – Pp. 56–66.
3. Brusilovskii D.A. Methodological problems of comparative analysis of civilisations / D.A. Brusilovskii // Society: philosophy, history, culture. – 2017. – Issue 4. – P. 39–43. – DOI 10.24158/fik.2017.4.8. – EDN YJMEFZ.
4. Brusilovskii D.A. Realization of intercultural opportunities of the dialogue between the West and the East in the political and legal sphere / D.A. Brusilovskii, O.A. Togusakov // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. – 2016. – Issue 12. – P. 206–214. – EDN YNWLWR.
5. Brusilovskii D.A. Specifics of the impact of the 'soft power' of Russia, China and the United States on Central Asia in the context of globalisation / D.A. Brusilovskii, I.I. Esipov // Voprosy politologii. – 2019. – Vol. 9, Issue 8(48). – P. 1779–1798. – EDN PPIEDQ.
6. Brusilovskii D.A. Strategy of peace: global integration between islamophobia and the 'clash of civilisations' / D.A. Brusilovskii, I.I. Esipov // Voprosy national'nykh i federativnykh otnosheniya. – 2019. – Vol. 9, Issue 6(51). – P. 889–900. – EDN ZYLRCH.
7. Dialogue of cultures and mutual adaptation of civilisations in the conditions of megasocial integration / K.A. Azhybekova, O.A. Togusakov, D.A. Brusilovskii [et al.] // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. – 2018. – Vol. 18, Issue 1. – P. 128–135. – EDN YSPCDM.
8. Dubrovin Yu.I. New directions of modern administrative reforms in the leading countries of the European Union // Power. – 2009. – No 1. – P. 131–134.
9. Kamolov S.G. Public administration in the digital era // "25 years of Russia's foreign policy": collection of papers / edited by A.V. Malgin. Vol. 2. – Moscow: MGIMO-University, 2017. – P. 449–460
10. Kanunnikova N.G. Evolution of management and modern approaches to the definition of its concept. Social management // Administrative law and process. – 2012. – No 9. – P. 20–25.
11. Kozhenko Y.V., Mamychev A. Yu. Service state: Problems of the theory of realization // Power. – 2010. – No 3. – Pp. 44–46.
12. Kosorukov A.A. Digital Model of Government: Theory and Practice of Modern Public Administration // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. – 2017. – Vol. 20. – No 3 [electronic resource].
13. Intercultural communications in the development of the modern world / M.P. Buzsky, D.A. Brusilovskii, Y.V. Mescheryakova, O.V. Angel // Innovation potential of youth: globalisation, politics, integration: Collection of articles by participants of the International Youth Research Conference, Ekaterinburg, 25–26 October 2016 / Federal Agency for Youth Affairs of Russia; Foundation 'B. N. Yeltsin Pre-Presidential Centre'; Ministry of Physical Education, Sports and Youth Policy of the Sverdlovsk region; Lomonosov Moscow State University (Department of Global Processes and Faculty of Globalization and Integration). N. Yeltsin"; Ministry of Physical Culture, Sports and Youth Policy of the Sverdlovsk region; Lomonosov Moscow State University (Faculty of Global Processes), etc.. – Ekaterinburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 2016. – P. 3–15. – EDN YJLWZN.

14. Miroshnikov S.N. Essence and content of the concepts of “state management” and “development management” in modern conditions // Perspectives of Science. – 2018. – No 9 (18). – P. 40–44.
15. Sardaryan G.T. Public Administration in Russia and Foreign Countries. – Moscow: Knorus, 2022. – P. 62.
16. Sekirina E.E. Modernization of public administration in the conditions of information society development // Bulletin of RUDN. Series: State and Municipal Management. – 2018. – Vol. 5. – No 2. – P. 200–206.
17. Correlation of different levels of organisation of mutual adaptation of civilizations in the strategy of their survival / K.A. Azhybekova, O.A. Togusakov, D.A. Brusilovskii [et al.] // Socio-political sciences. – 2019. – Issue 1. – P. 141–145. – EDN YYWXQL.
18. Digitalization of public administration / edited by S.N. Kostina. – Ekaterinburg: Ural Federal State University Publiwshing House, 2022. – 111 p.
19. Barkov A., Sokolov A., Kiselev A. The structure of the e-state and public administration at the digital age // URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2021/20/shsconf_lisid2021_01008.pdf.
20. Brusilovskii D. Dialogue and tolerance in the modern era. Practical recommendations to achieve a positive and effective intercultural and interreligious dialogue / D. Brusilovskii. – Bishkek: NEO PRINT, 2015. – 150 p. – (Scientists of the Kyrgyz Republic). – EDN ZQROXT.
21. Kassen M. A promising phenomenon of open data: A case study of the Chicago open data project // Government Information Quarterly. – 2013. – No 4 (30). – Pp. 508–513.
22. Lips M., Taylor J.A., Bannister F. Public Administration in the Information Society: Essays on Risk and Trust // Information Polity. – 2005. – No 10 [electronic resource].
23. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. – New York: Addison-Wesley, 1992. – 405 p.
24. Robertson S.R., Vatrapu R.K. Digital Government // Annual review of information science and technology. – 2010. – No 1 (44). – P. 317–364.
25. Vasilenko L.A. Public Policy in Digital Society // Culture, personality, society in the conditions of digitalization: methodology and experience of empirical research: XXIII International Conference. – Ekaterinburg: Institute of modern management technologies, 2020. – P. 416–422.

Основные исторические этапы и закономерности нравственно-эстетического воспитания в Китае

Чэнь Цзыши,
аспирант, Институт иностранных языковб РУДН
E-mail:245024347@qq.com

Сергеева Марина Георгиевна,
доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики иностранных языков, профессор кафедры социальной педагогики РУДН

Концепция нравственно-эстетического воспитания в разные периоды история Китая содержит различные ценности и принципы. Современное нравственно-эстетическое образование является одним из основных инструментов реализации КПК «китайской мечты» и строительства социализма с китайской спецификой. Нравственно-эстетическое образование на разных этапах развития китайской цивилизации отражала политические, экономические и социальные процессы, в то же время становясь сферой слияния современных тенденций развития общества и традиционных основ китайского общества.

Ключевые слова: воспитание, Китай, нравственно-эстетическое воспитание, «китайская мечта», китайское образование, социализм с китайской спецификой.

Введение

Актуальность. В Китае нравственно-эстетическое образование издавно считалось основой талантливой и гармоничной личности. Так, на позиции генералов и чиновников отбирались люди согласно результатом творческих соревнований по каллиграфии и написанию эссе и стихотворных поэм. В XX веке, в связи со сложным историческим фоном развития Китая произошли коренные изменения в образовательной системе государства, в результате чего образовательная система и нравственно-эстетическое образование в частности серьезно пострадали, потеряв множество преподавателей и наработанные годами методики обучения. На 18-ом Национальном съезде Коммунистической партии Китая в 2012 году генеральным секретарем КНР была подчеркнута важность развития нравственно-эстетического образования в Китае, коренится в марксистской концепции эстетического воспитания, а также системе и культуре социализма с китайской спецификой. Однако, несмотря на важность нравственно-эстетического воспитания в парадигме развития современного Китая, в российском научном дискурсе почти что не существует работ, посвященных данной теме. В то же время, в связи с развитием российско-китайских отношений в сфере экономики, политики и культуры изучение образовательной системы и нравственно-эстетического образования в частности обладает высокой актуальностью. Данное направление может быть использовано для развития межгосударственных отношений России и Китая.

Теоретическая база исследования. Теоретическую базу данного исследования представляют собой работы российских ученых Ю.А. Ишутиной, Е.В. Гавриловой и Н.Е. Боревской, а также работы китайских ученых Ли Жуйци, Гу Цзе и Хуан Цзин. Российскими учеными подчеркивается значимость конфуцианства в нравственно-эстетическом образовании китайского общества, в то время как китайские ученые рассматривают данный примет более подробно с помощью изучения не только идей конфуцианства, но и идей даосизма, а также рассмотрения эволюции китайского нравственно-эстетического образования через призму эволюции китайского общества в целом.

Проблема. По причине процесса глобализации и взаимопроникновения различных культур, в самосознании обществ разных стран происходят конфликты между традиционным укладом и новыми веяниями. Китайское общество не стало исключением. Следовательно, перед современным обществом КНР стоит выбор между сохранением традиционной основы нравственно-эстетического образования, ограничением внешнего влияния на него и принятием современных изменений, связанных с развитием технологий и глобализацией.

Цель. Цель данного исследования заключается в выявлении основных этапов и особенностей китайского нравственно-эстетического воспитания, а также обозначение его современного положения.

Задачи. Задачи данного исследования заключаются в следующем:

– выделить основные этапы становления и развития нравственно-эстетического образования в Китае;

– выявить ключевые особенности нравственно-эстетического образования в Китае;
– определить современное положение нравственно-эстетического образования в Китае и перспективы его развития.

Исследовательские методы. В рамках данного исследования для достижения его целей и задач были использованы теоретические методы анализа научной литературы и метод классификации, а также эмпирический метод сравнения.

Основная часть

Официальная идеология КНР – социализм с китайской спецификой – вступила в новую эру своего развития. За 70 лет своего становления и развития КНР преодолела множество экономических и политических трудностей, однако в данный момент Китай является одним из наиболее развитых и экономически стабильных государств. По этой причине развитие сферы культуры и образования в наше время нуждается в особом внимании и вложениях со стороны правительства и общества, так как в прошлом образование и искусство нередко приносились в жертву ради совершенствования экономической сферы государства [2, с. 61].

С момента основания Нового Китая в октябре 1949 года и до наших дней, историю развития нравственно-эстетического воспитания можно представить в виде трех этапов.

Первый этап представляет собой временной периода с момента основания КНР в 1949 году и до 1977 года, когда был созван XI съезд КПК, на котором было официально объявлено об окончании Культурной революции – знакового события XX века в Китае в сфере культуры и образования. После 1977 года последовал период реформ и открытости, ознаменовавший новую эпоху развития образования и культуры в Китае.

1 октября 1949 года Мао Цзэдун торжественно провозгласил миру основание Китайской Народной Республики. На начальном этапе реформирования образования КНР партия сделало своей целью устранение влияния старого общественного уклада на образование и воспитания общества, так партия начала создавать совершенно новую систему нравственно-эстетического воспитания. 21 сентября 1949 года на первом пленарном заседании Китайской народной политической консультативной конференции (КПКН) была принята Общая программа, которая имела функцию временной конституции и впервые поставила перед народом всей страны конкретные задачи по формированию идеологии и нравственности, а также выдвинула творческую программу культуры и образования для новой демократии [1, с. 156].

Общая программа впервые выдвинула конкретные идеологические и моральные цели для всей китайской нации, творчески выдвинула культурно-образовательную программу новой демократии, сделав «служение рабочим и крестьянам» главным содержанием образовательной политики на раннем этапе основания нового Китая, сформулировав идею культуры и образования «служения народу», а также выдвинув концепцию образования, развивающую пять видов любви: любовь к родине, любовь к народу, любовь к труду, любовь к науке и любовь к общественной собственности.

1 ноября 1949 года было создано Министерство образования Центрального народного правительства. На одном из первых собраний Министерства говорилось о том, что нравственно-эстетическое образование должно служить национальному строительству и что основной работой образовательных учреждений является эффективное политическое и идеологическое воспитание.

Военные события 1950-х годов стимулировали патриотическое становление граждан КНР, а также создание Лиги китайской новой демократической молодежи. Лига молодежи в Китае отвечает за воспитание моральных качеств членов и учащейся молодежи, а также за идейное и нравственное воспитание коммунистической партии.

В 1951 году в Китае проходили дебаты о развитии Пекинской оперы. Некоторые политические деятели выступали за запрет пекинской оперы как наследия несоциалистического прошлого. В то же время Мао Цзэдун и его ближайшие сторонники стали выдвигать предложения о том, что необходимо ограничить время изучения школьниками и студентами таких предметов, как литература, история и искусства, и направить их внимание на изучение сельского хозяйства, промышленности и военного дела [4, с. 160].

Следовательно, первый этап развития нравственно-эстетического образования в Китае можно определить как построенный на идеологической основе, возведенной КПК. Партия видела нравственно-эстетическое образование в качестве главного инструмента осуществления идеологии социализма с китайской спецификой.

Второй этап развития нравственно-эстетического образования в Китае, как было упомянуто ранее, начался в 1977 году в связи с окончанием Культурной революции и началом эпохи реформ и открытости и продлился до 2011 года, а именно до XVIII Национального съезда партии.

В декабре 1978 года на Третьем пленуме Одиннадцатого Центрального комитета партии было принято историческое решение о переносе центра тяжести в работе партии и страны на экономическое строительство и проведение реформы и открытости. Партия и правительство приняли ряд мер по укреплению и улучшению нравственного воспитания в школах и университетах. Третий пленум Центрального комитета партии одиннадцатого созыва совершил великий поворот, имеющий далеко идущее значение в истории партии с момента основания Нового Китая, и открыл новый период реформ, открытости и социалистической модернизации.

4 мая 1982 года газета «People's Daily» опубликовала статью «Историческая миссия современной молодежи», цитата из которой ознаменовывает второй этап развития нравственно-эстетического образования в Китае: «Необходимо воспитывать молодежь, чтобы она стала новым поколением с идеалами, моралью, культурой, дисциплиной и крепким и здоровым телом. Это не только обязанность образовательных учреждений и Лиги коммунистической молодежи, но и также обязанность семей и общества в целом» [5, с. 10].

В 1980-х китайское общество начинает активно рассуждать о роли человека в мироздании, отношениях людей друг с другом и смысле воспитания в человеке нравственно-эстетического начала. В китайских университетах впервые за историю существования Китая появились курсы по философии жизни, стали издаваться учебные материалы на эту тему. Все это сыграло положительную роль, побудив поколение молодых людей задуматься о смысле жизни, понять, что ценность жизни заключается в самоотдаче, и с энтузиазмом посвятить себя строительству социалистической модернизации.

Также в 1980-х годах в китайских образовательных учреждениях появилась новая дисциплина – «Идеологическое и политическое воспитание», основанная на марксистской теории в соответствии с потребностями социалистической модернизации Китая. Курсы идеоло-

гии и морали проводились в начальной и средней школе, курсы марксистской теории были одними из самых важных в университетах. Содержание и методы обучения были тщательно реформированы в соответсвтии с психологическими особенностями и восприятием учащихся [5, с. 12].

26 декабря 1991 года Центральный институт педагогических наук (ныне Китайская академия педагогических наук) первым в стране создал исследовательский центр по нравственному воспитанию. С тех пор научно-исследовательские институты по нравственному воспитанию были созданы во всех провинциях и городах, нравственное воспитание впервые в Китае стало предметом научных, систематических и стандартизированных исследований.

В период «восьмой пятилетки» (1991–1995) Исследовательский центр нравственного воспитания осуществил ключевой проект – «Исследование текущей ситуации с нравственным воспитанием в образовательных учреждений всех уровней и всех типов в Китае». Был создан проект по реформированию систему образования и построению целостной системы нравственного воспитания в начальных и средних школах и университетах, также была выдвинута горизонтальная и вертикальная система нравственного воспитания.

В докладе 16-го Всекитайского съезда КПК выдвигается идея «настойчиво продвигать и культивировать национальный дух», подчеркивается, что «национальный дух – это духовная опора, на которую опирается нация в своем развитии». Также было отмечено, что социалистическая система базовых ценностей является основой для формирования гармоничной культуры, что необходимо придерживаться руководящих позиций марксизма в идеологической сфере, твердо усвоить направление передовой социалистической культуры, пропагандировать концепцию гармонии. Идея «гармонии» является наследием и развитием традиционной китайской культуры, важным элементом передовой социалистической культуры с китайской спецификой, а также важной идеей в нравственном воспитании [6, с. 33–34].

Вступив в XXI век, партия и государство придают большое значение укреплению и совершенствованию нравственного воспитания в школах. 20 сентября 2001 года Центральный комитет Коммунистической партии Китая издал «Основные положения по осуществлению гражданского нравственного строительства», в которых предлагается активно пропагандировать во всем обществе основные нравственные нормы «патриотизма и законопослушания, вежливости и честности, единства и дружелюбия, трудолюбия и бережливости, самосовершенствования и преданности своему делу» [3, с. 109].

Третий и последний этап развития нравственно-эстетического воспитания в Китае начался в 2012 году и продолжается по настоящее время.

В докладе 18-го Всекитайского съезда КПК, ставшего точкой отсчета нового этапа развития нравственно-эстетического воспитания, отмечается, что в настоящий момент развитие образования и политика партии в области образования являются ключевых стратегическим направлением развития КНР. Как и раньше, образование служит основным инструментом строительства социалистической модернизации.

После завершения 18-го Всекитайского съезда КПК генеральный секретарь Си Цзиньпин и другие ведущие члены ЦК во время выставки в Национальном музее выступили с речью, в которой впервые упомянули концепцию «китайской мечты». Ее основой считается построение умеренно процветающего во всех направлениях общества к моменту исполнения Коммунистической партии Китая ста лет. Следовательно, для реализации нравственно-эстетического воспитания КПК отталкивается от понятия китайской мечты [1, с. 135–137].

Китай представляет собой социалистическую страну под руководством Коммунистической партии Китая (КПК), что определяет, что основная цель китайского нравственно-эстетического образования – воспитание строителей и преемников социализма, которые будут поддерживать руководство КПК и социалистическую систему КНР с китайской спецификой.

В то же время воспитание общества должно осуществляться с опорой на инновации и тенденции современного развития. Также делается упор на совершенствование системы образования, в том числе на преодолении стремления учеников и студентов только получать высокие оценки, дипломы и сертификаты, не воспринимая образование как жизненную философию. Цель КПК сегодня – построить систему образования, способствующую всестороннему развитию нравственности, интеллекта, физической формы и эстетических чувств китайских граждан [3, с. 31].

Иным важным направлением является реформа и инновации курсов граждановедения и политологии, которые должны придерживаться «восьми единств», а именно: единство политики и рациональности, единство ценности и знания, единство конструктивности и критичности, единство теории и практики, единство солидарности и разнообразия, единство доминирования и субъективности, единство индоктринации и просвещения, единство явного образования и неявного образования.

Заключение

В данном исследовании был изучен процесс становления и развития нравственно-эстетического воспитания в Китае.

Нравственно-эстетическое воспитание в Китае является одним из основных инструментов реализации идеологии социализма с китайской спецификой на каждом этапе развития КНР.

Так, на первом этапе, который длился с года основания КНР (1949 год) и до момента окончания Культурной революции и начала политики реформ и открытости (1977 год), нравственно-эстетическое воспитание и культура достаточно сильно пострадали в силу разрушения прежнего института образования, а также гонений КПК на многие традиционные виды искусства и идеи. На официальном уровне КПК была принята новая программа развития китайского общества и новые стандарты морали, нравственности и эстетики в новообразованном государстве. Следовательно, на первом этапе нравственно-эстетическое воспитание в Китае не находилось в центре внимания партии и не являлось точкой притяжения ресурсов общества. Оно воспринималось лишь как инструмент для формирования нового гражданского общества с совершенно отличающейся от предыдущей идеологической основой.

На втором этапе развития, который длился с 1977 по 2012 год, а также стал эпохой реформ и открытости под предводительством Дэн Сяопина, произошло множество коренных изменений в государственной политике по отношению к нравственно-эстетическому воспитанию. Основным инструментом совершенствования нравственно-эстетического воспитания стали государственные школы и университеты, также именно на данном этапе впервые за китайскую историю в образовательных учреждениях появились предметы идеологического и политического воспитания, философии жизни, стали печататься учебные материалы к данным курсам.

В то же время партия в своих выступлениях подчеркивала то, что нравственно-эстетическое воспитание осуществляется не только учебными заведениями, но и семьей и обществом. Нравственно-эстетическое воспитание стало не просто инструментом для укрепления молодого государства, оно стало элементом развития патриотического национального духа, укрепления общества.

На третьем этапе развития нравственно-эстетического воспитания, который продолжается до сих пор, нравственно-эстетическое воспитание рассматривается в качестве одного из элементов процессов модернизации и технологического развития, а также частью концепций «китайская мечта» и «восемь единств». Современное нравственно-эстетическое образование направлено не только на развитие в гражданах патриотизма и национального чувства, но и в то же время на развитие в них эстетического чувства и нравственности.

Следовательно, можно сказать, что история развития нравственно-эстетического воспитания в Китае иллюстрирует историю развития цивилизации с 5000-летней историей и в то же время государства с 70-летней историей. Оно отображает этапы политического, экономического и социального развития Китая, а также является сферой с огромным потенциалом межгосударственного взаимодействия, например, в виде обменов студентами и преподавателями, организацией научных конференций, совместных научных исследований. Нравственно-эстетическое воспитание представляет собой один из наиболее важных элементов общества и государственной системы, следовательно, нуждается в дополнительном исследовании.

Литература

1. Боревская Н.Е. Китайская культура во времени и пространстве / М.: Изд. Дом «Форум». – 2010. – 478 с.
2. Гаврилова Е.В. Традиции воспитания личности в Китае //Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2023. – № . 2. – С. 60–66.
3. Ишутина Ю.А. Китайский опыт нравственного воспитания: восхождение к идеалу: монография / Изд-во Дальневост. федерал. ун-та. – 2018–110 с.
4. 李瑞奇. 新中国成立 70 年来美育在教育政策中的嬗变研究 //湖北社会科学. – 2019. – Т. 5. – 155–161页. [Ли Жуйци. Исследование изменений эстетического воспитания в образовательной политике за 70 лет основания Нового Китая // Общественные науки Хубэя. – 2019. – Т. 5. – С. 155–161.]
5. 顾颉. 论美育与德育的融合 //中国德育. – 2006. – Т. 1. – № . 7. – 9–12页. [Гу Цзе. Об интеграции эстетического и нравственного воспитания // Китайское нравственное воспитание. – 2006. – Т. 1. – № . 7. 7. – С. 9–12.]
6. 黄静. 德育和美育结合的历史考证与现代诠释 //扬州大学学报: 高教研究版. – 2006. – Т. 10. – № . 4. – 33–36页. [Хуан Цзин. Исторические свидетельства и современная интерпретация сочетания нравственного и эстетического воспитания // Журнал Янчжоуского университета: Научно-исследовательское издание по высшему образованию. – 2006. – Т. 10. – № 4. – С. 33–36.]

MAIN HISTORICAL STAGES AND PATTERNS OF MORAL AND AESTHETIC EDUCATION IN CHINA

Chen Zishi, Sergeeva M.G.
RUDN

The concept of moral and aesthetic education in different periods of China's history contains different values and principles. Modern moral and aesthetic education is one of the main tools for the CPC to realize the 'Chinese dream' and build socialism with Chinese characteristics. Moral and aesthetic education at different stages of the development of Chinese civilisation has reflected political, economic and social processes, at the same time becoming an area of fusion between modern trends in the development of society and the traditional foundations of Chinese society.

Keywords: education, China, moral and aesthetic education, 'Chinese dream', Chinese education, socialism with Chinese characteristics.

References

1. Borevskaya N.E. Chinese culture in time and space / M.: Izd. Dom 'Forum'. – 2010. – 478 c.
2. Gavrilova E.V. Traditions of personality education in China // Scientific Works of Moscow Humanitarian University. – 2023. – № . 2. – C. 60–66.
3. Ishutina Y.A. Chinese experience of moral education: ascent to the ideal: a monograph / Izd. of Far Eastern Federal University. – 2018–110 c.
4. 李瑞奇. 新中国成立 70 年来美育在教育政策中的嬗变研究 //湖北社会科学. – 2019. – VOL. 5. – 155–161页. [Li Ruiqi. Research on the changes of aesthetic education in education policy in 70 years of the founding of New China // Hubei Social Science. – 2019. – T. 5. – p. 155–161.]
5. 顾颉. 论美育与德育的融合 //中国德育. – 2006. – Т. 1. – № . 7. – 9–12页. [Gu Jie. On the Integration of Aesthetic and Moral Education // Chinese Moral Education. – 2006. – T. 1. – № . 7. – p. 9–12.]
6. 黄静. 德育和美育结合的历史考证与现代诠释 //扬州大学学报: 高教研究版. – 2006. – Т. 10. – № . 4. – 33–36页. [Huang Jing. Historical Evidence and Modern Interpretation of Combining Moral and Aesthetic Education // Journal of Yangzhou University: Higher Education Research Publication. – 2006. – T. 10. – № 4. – p. 33–36.]